

А. МЮЛЛЕРЪ.

ИСТОРІЯ
И С Л А М А

СЪ ОСНОВАНІЯ ДО НОВѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

ПОДЪ РЕД. ПРИВ.-ДОЦЕНТА Н. А. МѢДНИКОВА.

Томъ III.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Л. Ф. Пантелѣва.

1896.

А. МЮЛЕРЪ.

ИСТОРІЯ
И С Л А М А

СЪ ОСНОВАНІЯ ДО НОВѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

ПОДЪ РЕД. ПРИВ.-ДОЦЕНТА **Н. А. МѢДНИКОВА.**

Томъ III.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Л. Ф. Пантелѣва.

1896.

КНИГА ПЕРВАЯ.

НОВАЯ ЖИЗНЬ НА ВОСТОКЪ.

ГЛАВА I.

Персидская нація.

Много удивительныхъ вещей повѣствуетъ старикъ Геродотъ про чужія страны и чужіе народы, а въ числѣ этихъ удивительныхъ вещей чуть ли не самой удивительной является его утверженіе о персахъ, будто бы они своихъ сыновей съ 5 до 20 лѣтъ обучали лишь слѣдующимъ тремъ наукамъ: ѣздить верхомъ, стрѣлять изъ лука и говорить правду *). Хотя черезчуръ мудрствующіе старинные и, къ сожалѣнію, также и болѣе новые критики упрекаютъ отца исторіи въ легковѣріи, или даже въ неправдивости, но въ большинствѣ случаевъ теченіемъ времени блистательно выяснилось и все еще продолжаетъ выясняться полнѣйшая неосновательность подобнаго обвиненія. Однако, приписывая персамъ правдивость, Геродотъ, дѣйствительно, — если можно такъ выразиться, — попалъ въ просакъ. Такъ и вижу передъ собой хитрую фізіономію того лукаваго иранца, который, обращаясь къ многостранствовавшему іонійскому гостю съ ласковой любезностью, среди другихъ, болѣе или менѣе вѣрныхъ сообщеній, подсунулъ ему этотъ рассказъ о правдивости персовъ. Оправданіемъ подобнаго сообщенія могло бы развѣ служить лишь то соображеніе, что персидскій характеръ уже отъ природы до того склоненъ ко лжи, что его не въ состояніи измѣнить пятнадцатилѣтнее вдалбливаніе любви къ правдѣ. Очевидно, что добрый нашъ Геродотъ не проникъ въ ироническій смыслъ сообщенія, переданнаго ему восточнымъ человѣкомъ; но еще труднѣе объяснить какъ могъ вообще столь разсудительный Страбонъ,

*) Геродотъ книга I, стр. 136.

болѣе чѣмъ 400 лѣтъ спустя, почти дословно списать у Геродота эту его фразу о персахъ *), такъ какъ въ указанный 400-лѣтній промежутокъ времени римляне, не менѣе грековъ, имѣли достаточно случаевъ убѣдиться, насколько персамъ присуща любовь къ правдѣ? Хотя наврядъ ли слѣдуетъ относиться серьезно къ частымъ жалобамъ римлянъ на лживость пароянъ **), а также къ тому добродѣтельному возмущенію, съ которымъ они умѣютъ рассказывать о вѣроломствѣ грековъ и пунійцевъ. Съ ихъ стороны это просто на просто та самая высочайшая степень лицемерія, которая составляетъ наиболѣе непривлекательную основную черту этихъ сыновей волчицы ***).

Впрочемъ въ данномъ случаѣ мнѣніе римлянъ оказывается, дѣйствительно, вѣрнымъ. Персы, или точнѣе различныя вѣтви иранскаго племени, всѣ, безъ исключенія, слишкомъ остроумные люди, чтобы рѣшиться говорить неприкрашенную, голую истину. Точно также и современный намъ персъ лжетъ не потому, что онъ, какъ большинство людей, вынужденъ это дѣлать, или же какъ весьма многіе—потому, что ложъ приноситъ имъ выгоду, а просто на просто потому, что у него неправдивость — коренная природная черта характера и что ему пріятно какъ можно изящнѣе блеснуть такимъ прекраснымъ дарованіемъ. Въ самой отдаленной глубинѣ исторіи этого народа, въ которую мы только въ состояніи проникнуть, — вездѣ находимъ слѣды, указывающіе на коренную принадлежность персамъ упомянутой нами некрасивой черты характера. Книга, которая въ изящной формѣ заключаетъ въ себѣ всю серьезную жизненную мудрость, и теперь еще чуть ли не съ молокомъ матери переходящую въ плоть и кровь всякаго перса, а именно, «Розовый садъ», Саади, — содержитъ пространную главу о правилахъ обхожденія съ людьми, другую главу о выгодѣ молчанія, но ни одной о преимуществахъ правды. Тамъ же, гдѣ поэтъ случайно коснется этого вопроса, онъ умѣетъ только подчеркнуть практическую выгоду правды.

«Кто привыкъ говорить правду, если однажды согрѣшитъ—позволительно; но кто уже извѣстенъ по своимъ лживымъ рѣчамъ, то, если скажетъ и правду, ему не повѣрятъ» ****).

*) Страбонъ, стр. 733.

**) Горацій, эпист. II, стр. 112 и т. д.

***) «Хорошо разсчитанныя и ловко выполненныя убійства и всякія злыя козни по отношенію къ другимъ народамъ, это, по мнѣнію извѣстнаго знатока, составляетъ собственно суть древней римской исторіи (К. Э. А. Шмидтъ, латинская фразеологія, 1864, стр. 6). Однако достойные историки римской націи, и во главѣ ихъ Цезарь и Саллюстій, съумѣли такъ серьезно разнообразить басню о волкѣ и ягненкѣ, что еще и теперь находится много неглупыхъ людей, которые вѣрятъ этой баснѣ.

****) *Гюлистанъ*, съ персид. подл. перев. Ходмогоровъ, Москва, 1882, стр. 327.

Отсюда до изреченія Мирзы Шаффи: «Кто жетъ, того нужно бить», разстояніе, очевидно, значительное. Но какъ извѣстно Мирза этотъ не персъ, а турокъ изъ Генджи, или, еще вѣрнѣе, нѣмецъ изъ Ганновера.

Остальныя сообщенія Геродота по поводу персовъ заслуживаютъ гораздо болѣе довѣрія. Персы были искони превосходные всадники, да и въ настоящее время остались таковыми. Передъ иностранцами, посѣщающими Персію, жители этой страны могутъ блеснуть разными рыцарскими упражненіями, и хвала, расточаемая имъ за ловкость на конныхъ ристалищахъ и при бросаніи копій, какъ нельзя болѣе единодушна. Не имѣя ни малѣйшей склонности къ мореплаванію и морю *), персы съ удвоенной горячностью посвящаютъ себя искусству верховой ѣзды и коннозаводству съ мирными и военными цѣлями. Впрочемъ на войнѣ успѣхъ дѣла рѣдко соотвѣтствуетъ тому усердію, съ которымъ они имъ занимаются. Персидскій народъ вовсе не представляетъ изъ себя трусовъ, нѣтъ,—хотя впрочемъ и въ Персіи, какъ и во многихъ другихъ странахъ, сильно изнѣженное городское населеніе лучше сражается языкомъ, чѣмъ мечомъ,—но даже и современный намъ персидскій солдатъ способенъ на геройскую храбрость и презрѣніе къ смерти лишь только тогда, когда его вдохновитъ примѣръ полководцевъ **). Персидскому солдату недостаетъ одного—выдержки. Если ему, пока еще не потухъ первыи его пылъ, удастся взять верхъ надъ непріятелемъ, онъ держится превосходно. Если же случайное, быть можетъ, даже совсѣмъ ничтожное происшествіе дѣлаетъ для него сомнительнымъ успѣхъ, онъ тотчасъ же считаетъ все дѣло потеряннымъ, и тогда уже ничто не въ силахъ удержать его отъ позорнаго бѣгства. Персъ—человѣкъ крайне впечатлительный; онъ воспринимаетъ быстро и быстро мѣняетъ настроеніе, такъ что эта зависимость отъ всякихъ случайныхъ впечатлѣній хоть отчасти можетъ объяснить, почему во все времена персидскія арміи могли одинаково и храбро сражаться, и давать себя разгонять часто до смѣшнаго незначительнымъ по числу греческимъ или арабскимъ полкамъ. Тѣ же самые обитатели восточныхъ провинцій Персіи, которые со времени битвы при Нихавендѣ подчиня-

*) Въ древности въ составъ персидскаго флота входили, какъ извѣстно, жители Малой Азіи и финикіяне, и когда около 1740 г. могущественный Шахъ Надиръ, прозванный «Наполеономъ Востока» не считавшій чего-либо невозможнымъ, пытался съ безконечными усиліями выстроить корабли на Каспійскомъ и Персидскомъ моряхъ, дѣло кончилось куда болѣе плачевно, чѣмъ предпріятіе Наполеона въ Булонь.

**) Но обыкновенно этого именно и не случается. Въ настоящее время высшіе классы въ Персіи, какъ и почти вездѣ на Востокѣ, сильно опустились нравственно, и персидскій офицеръ, посылая солдата на непріятеля, самъ предпочитаетъ прятаться въ яму, специально вырытую съ этой цѣлью за фронтомъ.

лись обыкновенно почти безо всякаго сопротивленія всякому набѣгу арабовъ (I, 274), послѣ столѣтняго рабства, при Абу Муслимѣ, въ два года неодолимымъ натискомъ отбросили за Тигръ своихъ, правда, находящихся въ распряхъ между собою, властителей. (II, 137). Подобный народъ, всегда обладавшій подвижностью и предприимчивостью, соединенный при благопріятныхъ обстоятельствахъ во едино могучимъ владыкой,—какъ бы онъ ни назывался: Киръ, или Ардеширъ, или Аббасъ Великій—всегда способенъ во всякое время быстро и побѣдоносно завоевать себѣ преобладающее положеніе среди остальныхъ народовъ. Но гораздо менѣе способенъ онъ отвратить отъ себя напоръ враговъ, какъ только этимъ послѣднимъ благопріятствуетъ первая удача. Къ этому приходится добавить еще кой-что. Подчиненіе отдѣльнаго лица общественнымъ интересамъ не составляетъ, какъ мнѣ кажется, нигдѣ въ мірѣ прирожденной склонности какого бы то ни было народа, но обыкновенно склонность эта является какъ слѣдствіе государственнаго развитія. Чѣмъ раньше выяснится необходимость такого подчиненія въ маленькой или большой общинѣ, тѣмъ лучше для нея. Какъ извѣстно, нѣкоторыя изъ такихъ общинъ никогда не были въ состояніи понять эту необходимость; къ такимъ общинамъ принадлежатъ на западѣ Кельты и (надѣмся, теперь уже не надолго)—нѣмцы, а на востокѣ—персы. Всѣ новѣйшіе путешественники, рачая похвалы умственной живости и величайшей даровитости персидскаго народа въ противоположность большинству другихъ восточныхъ народовъ, единогласно заявляютъ о томъ, что персы лишены всякаго влеченія къ общественнымъ дѣламъ. Мы уже видѣли (I, 248—275), какъ великіе сатрапы, вслѣдствіе полнѣйшаго отсутствія патріотическаго духа, сами содѣйствовали покоренію Персіи арабами. Это отсутствіе патріотизма должно было вдвойнѣ тяжело ощущаться послѣ того, какъ иноземцы захватили въ свои руки всю страну. Живо чувствуемое всюду отвращеніе къ чужому племени и его новой религіи, ярая ненависть къ алчности угнетателей, все же не были въ состояніи, даже послѣ пробужденія отъ перваго ошеломляющаго удара,—вызвать въ Персіи дѣйствія сообща, пока наконецъ отдѣльныя части населенія не связала одна могущественная соединительная нить, послѣдствіе тѣхъ государственныхъ мѣръ Омара, по которымъ большинству населенія оказалось весьма выгоднымъ хоть внѣшнимъ образомъ принять исламъ (I, 310). Эта мѣра отдѣлила сначала вновь обращенныхъ персовъ отъ ихъ оставшихся при старой вѣрѣ соотечественниковъ такой преградой, которая должна была значительно усилить послѣдствія прежняго ихъ партикуляризма. Но послѣ того, какъ персы приняли магометанство, они, наконецъ, поняли, что обѣщанная имъ, въ случаѣ ихъ перехода въ исламъ, равноправность съ арабами въ дѣйствительности существо-

вала только на бумагах, и только когда это обстоятельство заставляло их еще ярче и живѣе почувствовать и безъ того достаточно замѣтное для нихъ приниженное ихъ положеніе сравнительно съ положеніемъ чужестранцевъ,—могла снова зайти рѣчь объ общности чувства всѣхъ отдѣльныхъ членовъ націи. Но отсюда до совмѣстнаго дѣйствія было еще достаточно далеко. За исключеніемъ нѣкоторыхъ элементовъ особенно энергичныхъ, или же провинцій, огражденных въ дѣлѣ сопротивленія болѣе благопріятнымъ естественнымъ мѣстоположеніемъ (I, 276), никому рѣшительно не пришло въ голову, послѣ того, какъ удача такъ явно встала на сторону арабовъ-враговъ, прать противъ рожна. Хитрый, склонный къ неправдивости народъ безсознательно избралъ наиболѣе, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, пригодный выходъ для сохраненія въ неприкосновенности въ главныхъ чертахъ хотя бы внутренней своей самостоятельности, измѣнивъ новую вѣру по своимъ потребностямъ. Средства къ этому были имъ даны самими арабами,—во всемирной исторіи встрѣчается подчасъ комизмъ. Съ тѣхъ поръ какъ Омаръ призналъ поклонниковъ Зороастра «владѣтелями писменъ» и этимъ самымъ удѣлилъ старой вѣрѣ ту же терпимость, которой пользовались христіане и евреи (I, 301, прим.) персамъ не представлялось уже необходимости, по крайней мѣрѣ въ формѣ прямого принужденія,—перемѣнить религію. Впрочемъ, позже магометане стали все болѣе и болѣе считать вѣроисповѣданіе огнепоклонниковъ идолопоклонствомъ и все чаще стали имъ вовсе запрещать совершеніе ихъ богослуженій. Однако мы знаемъ, что во многихъ провинціяхъ, особенно въ Азербейджанѣ, въ неприступномъ Табаристанѣ, въ Хорасанѣ и въ медо-персидскихъ горахъ, — еще цѣлыя столѣтія огонь хранился неугасимымъ въ храмахъ Зороастра. Даже и теперь имѣется въ Іездѣ горсточка гебровъ *), которая не устаетъ, несмотря на всякія притѣсненія, твердо держаться старой вѣры. Но при своей склонности къ обману и хитрости, народная толпа въ большинствѣ мѣстностей все же нашла удобнѣе для себя принятіе магометанства, особенно съ того времени, какъ появленіе ереси въ самомъ лонѣ арабской религіи дало возможность, даже послѣ перехода въ новую религію, сохранять извѣстнаго рода независимость. Борьба изъ за халифата и смерть Алія и Хусейна представили персамъ желанный ими случай, даже болѣе, дали имъ возможность пользоваться именемъ властителя, который когда-то избралъ себѣ столицей городъ Куфу, расположенный на половину на персидской землѣ,—какъ знаменемъ или военнымъ кличемъ, соединяющимъ всѣхъ недовольныхъ, знаменемъ,

*) Настоящее значеніе слова «гебрь» не вполне выяснено; обычное производство его отъ арабскаго «кяфиръ» (невѣрующій), отсюда и народное каффры,—неправдоподобно.

одновременно носящемъ на себѣ и магометанскія краски, и вмѣстѣ съ тѣмъ враждебнымъ правительству. Ничего не могло быть удобнѣе для персовъ, даже еслибы это знамя было бы нарочно выдуманно для нихъ. Насколько это совпаденіе должно было оказаться впоследствии роковымъ для арабовъ и для ислама, мы уже не разъ (I, 362, 370; II, 35) имѣли случай подчеркнуть. Здѣсь же, не иначе, конечно, какъ только самымъ бѣглымъ образомъ можемъ напомнить о начавшейся съ момента возстанія Мухтара (II, 51), длинной нити внутреннихъ неурядицъ (II, 123), въ заключеніе приведшей къ тому, что соединенныя усилія арабскихъ и персидскихъ мечей одолѣли сирийскихъ арабовъ, и власть изъ рукъ Омайядовъ перешла въ руки Аббасидовъ (II, 139). Намъ уже тоже не безызвѣстно, какъ во все время, пока длилась примирительная политика Мансура и Бармекидовъ, умѣренные среди персовъ держали сторону той династїи, которая не только выказывала имъ терпимость, но давала имъ даже участіе въ управленіи государствомъ (II, 147). Намъ извѣстно также, что благодаря этому обстоятельству умѣренные персы попали во враждебный лагерь по отношенію къ своимъ соотечественникамъ, принадлежавшимъ къ партїи крайнихъ шїитовъ,—намъ извѣстны постоянно продолжавшіяся (II, 178, 182) возстанія этихъ послѣднихъ (II, 183), разрушеніе политики примиренія вслѣдствіе братоубійственной войны между Аминомъ и Мамуномъ (II, 189), и фактическое отпаденіе восточныхъ провинцій отъ государства, вызванное Мамуномъ, который передалъ генераль-губернаторство этихъ провинцій Тахиру, перешедшее затѣмъ къ его потомкамъ (I, 210). Но раньше, чѣмъ снова поднять брошенную нами нить разсказа и прослѣдить дальше самостоятельное развитіе персидскаго государства, считаемъ теперь какъ разъ умѣстнымъ выяснить, что собственно, въ теченіе этихъ двухъ столѣтїй со времени арабскаго завоеванія, стало въ Персіи съ исламомъ, какъ религіей, и какимъ измѣненіямъ ему предстояло еще подвергнуться здѣсь.

Въ концѣ II и въ началѣ III столѣтія существовали на Востокѣ рядомъ съ тѣми группами крайнихъ шїитовъ, которые едва еще прикрывали нѣкоторыми формальными выраженіями свои коммунистическія и пантеистическія возрѣнія, и еще три другія религіозныя партїи, именно: умѣренные шїиты, му'тазилиты и правовѣрные. Умѣренные шїиты не только отрицали права павшаго халифата Омайядовъ,—это же дѣлали и му'тазилиты и правовѣрные,—но стали уже смотрѣть косо на первыхъ трехъ халифовъ,—Абу Бекра, Омара и Османа—и стали болѣе или менѣе ясно высказывать, что и эти халифы несправедливо отстранили Алія отъ имамата, принадлежащаго ему по праву послѣ смерти пророка. Во всякомъ случаѣ всѣмъ этимъ шїитамъ, даже самымъ миролюбивымъ, казалось, что разъ Аліи пробылъ халифомъ,

хотя бы короткое время, законными наследниками халифата непременно должны были быть одни только его потомки. Тѣмъ не менѣе умѣренная партія не встала сначала въ явную оппозицію къ правленію Аббасидовъ (II, 123) и удовольствовалась тѣмъ, что почитала втайнѣ тѣхъ изъ потомковъ Алія, притязанія которыхъ на имаматъ оказывались въ данное время наиболѣе законными. Но такъ какъ эти потомки Алія удивительно быстро размножались (II, 124) и достовѣрныя письменныя изображенія и родословнаго дерева при разбросанности отдѣльныхъ лицъ по всему государству оказывались немислимыми, то почти само собою разумѣется, что и тогда и позже въ шиитскихъ кружкахъ должны были держаться различныхъ мнѣній относительно вопроса, кто изъ этихъ потомковъ имѣлъ какъ разъ въ данный моментъ наибольшее право быть имамомъ? Слѣдствіемъ такого разногласія было распаденіе умѣренной шиитской партіи на множество маленькихъ подраздѣленій, причѣмъ различіе ихъ взглядовъ нигдѣ не было принципиальнымъ и не исключало возможности прійти при надобности и къ общему соглашенію и къ соединенію подъ знаменемъ побѣдоноснаго вождя. Въ общемъ приверженцы этого направленія могли казаться безвредными охранителями легитимистической фантазіи; тѣмъ болѣе, что они не выказывали особенной охоты вступать въ борьбу съ правовѣрными *). А что касается придворныхъ богослововъ — му'тазилитовъ, то съ ними они имѣли даже различныя точки соприкосновенія. Для того, чтобы оправдать богословскимъ доводомъ возвышеніе Алія надъ другими товарищами пророка, шиитамъ приходилось подыскивать подходящія цитаты въ коранѣ и въ преданіяхъ. Первое оказывалось возможнымъ благодаря нѣскольکو свободному, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе переходившему въ аллегорію толкованію Писанія, толкованію, которое, по крайней мѣрѣ вначалѣ, близко сходилось съ раціоналистическими толкованіями му'тазилитовъ. Опираясь же на преданіе можно было только отрицая правильность многихъ признанныхъ правовѣрными отдѣльныхъ преданій и изобрѣтая взамѣнъ ихъ новыя, въ которыхъ для восхваленія Алія былъ-бы выведенъ самъ

*) Болѣе мягкія натуры сохраняли извѣстное объективное миролюбіе и еще гораздо позже. Такъ персидскій историкъ VIII (XIV) столѣтія, принадлежность котораго къ шиитскимъ воззрѣніямъ вѣдъ всякаго сомнѣнія, говорить съ похвалою о лицахъ, удерживающихся «поносить товарищей пророка» (т. е. первыхъ халифовъ. Смотри Барбье де Мейнардь о Хамдулла Мустауфи въ *Journ. asiat. sér. V, vol. X, p. 283—305*. Только Барбье заходитъ слишкомъ далеко, когда онъ выводитъ изъ этого заключеніе: „combien le fanatisme shiite est de fraîche date“. Намъ придется ниже отмѣтить, что въ серединѣ IV (X) столѣтія торжественныя проклятія Абу Бегра, Омара и Османа входили въ официальное вѣроисповѣданіе шиитовъ. Хамдулла изображаетъ собой, такимъ образомъ, исключеніе, становящееся съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе рѣдкимъ.

Мухаммедъ, какъ лицо, признававшее право Алія на имаматъ. Намъ уже извѣстно, какъ со всѣхъ сторонъ, съ первыхъ же временъ ислама, наивно производилась передѣлка и изобрѣтеніе преданій (II, 79). Систематичная критика и кодификація этихъ преданій въ смыслъ ортодоксальности началась правда уже въ началѣ II (VIII) столѣтія, но, разумѣется, не могла считаться руководствомъ для шитовъ и свободомыслящихъ. Какъ бы то ни было, во время владычества первыхъ Аббасидовъ, всѣ три партіи жили довольно мирно другъ подлѣ друга, правовѣрные имѣли перевѣсъ въ арабскихъ мѣстностяхъ государства, шииты—въ персидскихъ, а му'тазилиты преобладали въ Иракѣ, но всѣ эти три направленія имѣли въ то же время многочисленныхъ приверженцевъ и во владѣніяхъ, гдѣ преобладали другія двѣ партіи. Особенно же въ Иракѣ народная толпа держалась правовѣрія, возрѣвія же му'тазилитовъ раздѣлялись преимущественно образованными классами, въ то время какъ среди нихъ же насчитывалось также достаточно шиитовъ. Всѣ лица арабскаго происхожденія, проживавшія въ персидскихъ мѣстностяхъ государства, т. е. въ особенности бѣльшая часть городского населенія,—склонялась тоже къ правовѣрію. Нигдѣ однако не было замѣтно наружнаго разлада; дѣло шло тутъ повидимому о богословскихъ направленіяхъ, которымъ соотвѣтствовало настроеніе умовъ народныхъ массъ.

Но именно въ этомъ-то настроеніи умовъ и крылась опасность для арабовъ, и съ того времени, какъ старое противоположеніе между персами и арабами въ политикѣ снова проявилось, стало выясняться, что за легитимистическими фантазіями кроются совсѣмъ инныя вещи, а именно: національное отвращеніе персовъ къ чуждому племени завоевателей и такое пониманіе ислама, благодаря которому подъ прикрытіемъ внѣшнимъ образомъ усвоенной арабской религіи самую эту религію начали извращать и обратили въ средство борьбы противъ всего арабства. Это извращеніе ислама продолжалось еще быстрѣе съ того времени, какъ Мутеваккиль, изъ преданности и угожденія къ правовѣрію, объявилъ войну какъ свободомыслящимъ, такъ и шиитамъ (II, 218). Цѣль этого постепеннаго извращенія была, наконецъ, достигнута только черезъ нѣсколько столѣтій: она заключалась въ томъ, чтобы почитаніе Алія и его сыновей, Хасана и Хусейна, и отвращеніе къ первымъ халифамъ, какъ къ представителямъ арабства, обратить въ настоящую персидскую религію и низвести одновременно религіозныя догматы и обряды ислама до пустыхъ формулъ. Какъ быстро все это шло, мы усматриваемъ хотя бы изъ того, что, напримѣръ, уже у Фирдусія (+411=1020) Аліи и Мухаммедъ надѣлены одинаковыми правами *),

*) См. Шахъ: „Геройскія сказанія“ Фирдусія. (Берлинъ 1865 г. стр. 68). Ори-

и что еще раньше (351—962) по приказанію шіитскаго султана изъ семьи Бундовъ, къ величайшему негодованію суннитскихъ жителей Багдада, на дверяхъ мечетей была прописана торжественная формула проклятія Абу-Бекра, Омара и Османа, правда, пока еще не называвая прямо именъ, но ясно указывая лица *).

Около того же времени произошла перемена во взглядахъ умѣренныхъ шіитовъ, которая превратила ихъ изъ полуполитической въ чисто-религіозную партію. Гдѣ слѣдуетъ (II, 288) было упомянуто, что послѣ 260 г. (873—4) сильно разрослась среди шіитовъ секта «Почитателей двѣнадцатаго», т. е. тѣхъ почитателей Алія, которые двѣнадцатаго его потомка,—Мухаммеда Ибнъ Хасана, считали за махдія или ожидаемаго возстановителя законнаго престолонаслѣдія. Что побудило ихъ отказаться отъ этой надежды, такъ и осталось невыясненнымъ; быть можетъ, причиной тому былъ новый блескъ и сила, пролитые около этого же времени на халифатъ Аббасидовъ халифомъ Муваффакомъ (II, 227). Какъ бы то ни было, позже, когда секта «Двѣнадцати» стала все болѣе и болѣе выступать на передній планъ, однимъ изъ догматовъ ея было вѣрованіе, что уже въ ранней юности Махдіи исчезъ въ пещерѣ близъ Самарры**). Впослѣдствіи же онъ будто бы часто являлся своимъ почитателямъ во образѣ тѣхъ или другихъ вѣрующихъ, имена которыхъ и приводятся. Послѣдній разъ онъ явился въ Багдадѣ въ 328 (940 г.), а теперь Махдіи вернется только лишь въ послѣдніе дни передъ концомъ міра. Въ переводѣ съ шіитскаго языка преданіе это означаетъ, повидимому, что до указаннаго года нѣкоторые лица изъ секты Двѣнадцати желали взять на себя роль махдія, но что въ это самое время въ Багдадѣ случились такія обстоятельства, вслѣдствіе которыхъ оказывалось болѣе благоразумнымъ отказаться отъ мечты фактически овладѣть властью для дѣйствительныхъ или же вымышленныхъ потомковъ Алія и ограничиться однимъ религіознымъ почитаніемъ ихъ предковъ, особенно же самого Алія и его сыновей. Обстоятельства эти должны были въ сущности заключаться въ томъ, что Иракомъ овладѣла династія, благосклонно относившаяся къ шіитству, но не имѣвшая ни малѣйшаго расположенія отказаться отъ халифата въ пользу какого-либо потомка Алія. И дѣйствительно (II, 267) мы припоминаемъ теперь, что какъ разъ въ 334 г. (945) Бундъ—

гиваль этого стихотворенія не былъ у меня въ рукахъ. Въ введеніи къ Шахъ-намѣ тотъ же поэтъ тоже превозноситъ Алія предпочтительно передъ всѣми другими товарищами пророка, но удѣляетъ нѣсколько похвальныхъ словъ и Абу Бекру, Омару и Осману, вѣроятно, изъ желанія оказать вниманіе суннитскому султану которому онъ посвятилъ свое стихотвореніе.

*) Ибнъ-аль-Асиръ, изд. Торнберга, VIII, стр. 403,

***) См. объ этой мѣстности II, 214.

Му'ызъ адъ-даула завоевалъ Багдадъ, вырвалъ власть изъ рукъ Аббасидовъ и тотчасъ-же взялъ подъ свое покровительство шиитизмъ. Этимъ не только объясняется, почему учение «Двѣнадцати» приняло указанный нами оборотъ, но также, почему это ученье, теперь весьма сподручное для свѣтской власти, вытѣснило мало-по-малу всѣ остальные формы умѣреннаго шиитизма, пока, наконецъ въ 908 г. (1502), послѣ побѣды перваго изъ Сефевидовъ, Измаила, упомянутое учение было возведено въ господствующую религію названнымъ шахомъ, основателемъ персидскаго государства. Мы знаемъ точно всѣ подробности ученія «Двѣнадцати» во время династіи Сефевидовъ, и оно въ главныхъ чертахъ сохранилось неизмѣннымъ и въ настоящее время. Считаю умѣстнымъ во главѣ этихъ страницъ, посвященныхъ персидскому народу, дать очеркъ классической формы шиитизма, подобно тому, какъ исторіи арабскихъ временъ ислама я предпослалъ изложеніе суннитскихъ догматовъ.

Мы не долго остановимся на изложеніи этого ученія, такъ какъ по важному замѣчанію одного изъ знатоковъ страны *) и какъ вытекаетъ изъ указаннаго нами постепеннаго развитія его, суть этого ученія составляетъ собственно одно только отрицаніе, прямое, точное и молчаливое отрицаніе. Главный догматъ ученія отрицаніе законности первыхъ трехъ халифовъ,—Абу Бекра, Омара и Османа, а также отрицаніе исходящихъ отъ нихъ и окружающихъ ихъ суннитскихъ преданій, и замѣщеніе авторитета этихъ преданій преданіями (хадисами), приписываемыми Алію его приверженцами. Въ той страстности, съ которой еще и до сихъ поръ шииты ненавидятъ особенно Омара, завоевателя Персіи **), слышенъ отзвукъ старой злобы великаго народа противъ чужеземнаго владычества. И одновременно весь тотъ восторгъ, которымъ подобный народъ можетъ воспылать къ своему національному покровителю и герою нашло себѣ выраженіе въ томъ мечтательномъ поклоненіи Алію и его сыновьямъ, Хасану и Хусейну, которымъ проникнуть всякій персъ. Къ мухаммеданскому символу вѣры: «вѣтъ Бога, кромѣ Бога и Мухаммедъ его пророкъ», шииты добавляютъ: «и Алій намѣстникъ Бога». ***) Отношенія вѣрующей католички къ Мадоннѣ, напимѣръ, наврядъ-ли теплѣе и сердечнѣе, чѣмъ отношенія

*) Полакъ, Персія, Лейпцигъ, 1865, I, 321.

***) Странствуя по Персіи въ 1867 г., Вамбери передаетъ рассказъ, подтверждающій какъ и ненависть эту къ Омару, и вмѣстѣ съ тѣмъ характеризующій непреодолимое влеченіе персовъ ко всякому остроумію, — глупому или умному, какъ случится. Вамбери встрѣтилъ жителя изъ Шираза, который написалъ себѣ на подошвахъ имя Омара, чтобы весь день хотъ фигурально топтать ногами смертельнаго врага своей вѣры...

****) „Али вели алла“. Собственно говоря, „вели“ означаетъ ближайшее лицо кого-либо,—его друга или довѣреннаго,

перса къ своему Алію. Правда, что прямо воплощеніемъ Божественнаго существа считаютъ Алія только члены особой секты, именуемой «Али-Илахи», — т. е. боготворители Алія *), — но въ сущности для всѣхъ остальныхъ, не Аллахъ и его пророкъ, а Аліи — настоящій предметъ религіознаго поклоненія **). Какъ видно, къ явному отрицанію первыхъ халифовъ здѣсь присоединяется и молчаливое устраненіе самого арабскаго пророка. Та-же черта, отнимающая у лицъ и предметовъ ихъ истинное арабско-исламское значеніе, ясно замѣтна и въ другихъ частяхъ религіознаго ученія шиитовъ. Правда, за кораномъ признается значеніе Божьяго слова, но его прямой смыслъ извращенъ аллегорическимъ толкованіемъ, которое въ сути своей сводится къ подсовыванію разныхъ преданій и сказаній объ Аліи, о которыхъ ни Аллахъ, ни его пророкъ, которому приписываютъ ихъ, никогда не могли имѣть и помышленія. Наконецъ, еще до конца 4-го (10-го) столѣтія шииты не отступили даже передъ прямымъ своевольнымъ измѣненіемъ буквы Писанія, текстъ корана дополнили одложнымъ текстомъ, чтобы этимъ путемъ получить свидѣтельство въ пользу уравненія Алія съ пророкомъ Аллаха. Не трудно представить себѣ, что такое при подобныхъ данныхъ изображаютъ собой преданія, которыми шииты замѣнили Сунну: «Я — городъ, а Аліи — врата къ этому городу», гласитъ это преданіе устами пророка; и даже Мухаммедъ договорился будто бы до слѣдующей фразы, сильно отдающей ученіемъ о божественномъ воплощеніи: «Аліи составляетъ часть меня, а я — часть его» ***). Рука объ руку съ этимъ вмѣстѣ идетъ и стремленіе вообще съузить всякое значеніе корана. За одно съ мутазилистами и шииты исповѣдуютъ ученіе о божественномъ происхожденіи Писанія. Но если и не

*) См. статью „Секта Людей истины въ Персіи В. Жуковскаго въ Записк. Восточн. Отд. Императорскаго Русск. Археологич. Общ. т. II. 1887, стр. 1—25.

**) Что въ настоящее время въ высшихъ, образованныхъ классахъ, включая сюда и духовенство, подъ маской вѣчной визготни: „Аліи и Хусейнъ“ скрывается понятѣе невѣріе, не измѣняетъ ничуть первоначальнаго положенія дѣла.

***) Изъ этого видно, что по отношенію ихъ къ Суннѣ, шииты довольно таки невѣрно приравнивались къ протестантамъ по отношенію къ католикамъ. Шииты отрицаютъ суннитскую традицію только для того, чтобы замѣнить ее еще гораздо болѣе дикой легендой, ничуть не думаятъ наставить на точномъ, грамматически историческомъ объясненіи Писанія, а устраняютъ, въ интересахъ аллегорическаго объясненія понятій и словъ корана, даже тотъ фактическій матеріалъ, который хотя и сильно помраченный, все-же имѣется на лицо въ ортодоксальной передачѣ. Однако, какъ всѣ превратно понятія вещи, и это неподходящее сравненіе до послѣдняго времени упрямо повторяется извѣстной партіей и находитъ послѣдователей среди мало свѣдущихъ людей. Если же вообще желали-бы провести подобную параллель шиитизма съ христіанскими вѣроисповѣданіями, то какъ уже замѣтилъ старикъ Шарденъ, современникъ и жертва Нантскаго эдикта, слѣдовало-бы дѣлать совершенно обратное сопоставленіе.

ясно выраженными словами, то по сути вещей у них получается такой вывод, что вообще не слѣдуетъ слишкомъ точно придерживаться буквы Писанія. Неуваженію богослововъ къ тексту соотвѣтствуетъ то, что въ настоящее время въ народѣ больше интересуются жизненными правилами Саадія и пѣснями Хафиза, чѣмъ содержаніемъ божественнаго откровенія.

Тѣмъ же самымъ стремленіемъ по возможности дальше отстранить все арабское былъ вызванъ и шиитскій догматъ объ «имаматѣ». Правда, сунниты и въ настоящее время вѣрятъ, что первые преемники Мухаммеда, Абу Бекръ, Омаръ и Османъ, были отмѣчены особенными Божьими дарами и милостью, но имъ и въ мысль не приходитъ отказывать Алію въ тѣхъ же свойствахъ. Кромѣ того одновременно съ названными четырьмя лицами они признаютъ выдающуюся степень святости еще за цѣлымъ рядомъ другихъ товарищей пророка. Историческіе факты настолько уважаются ими, что они уже не оспариваютъ больше ни у Омайядовъ, ни у Аббасидовъ законности ихъ бывшаго владычества. Съ тѣхъ поръ, какъ Сунна замѣстила собой прямой авторитетъ халифа, какъ главы общины (имамъ), все это не имѣетъ уже больше существеннаго религіознаго значенія. Совершенно иначе у шиитовъ. Легитимистическая теорія, благодаря которой французскія партіи насчитываютъ Людовика XVII и Наполеона II, проведена шиитами съ такой послѣдовательностью, что они вмѣсто первыхъ халифовъ, Омайядовъ и Аббасидовъ, считаютъ имамами Алія и одиннадцать его потомковъ, и признаютъ этихъ имамовъ, т. е. опять-таки отрицаніе арабскаго владычества стало у нихъ религіознымъ догматомъ, и именно догматомъ существенной важности. Само собой разумѣется, что первымъ имамомъ считается Алій, которому будто бы самъ Мухаммедъ,—снова явная ложь,—передалъ право наслѣдовать ему. За Алиемъ слѣдуютъ его сыновья 2) Хасанъ и 3) Хусейнъ, и затѣмъ по прямой линіи потомки Хусейна 4) Алій II *), прозванный «Зейнъ аль-Абидинъ» («Украшеніе благочестивыхъ»), 5) Мухаммедъ аль-Бакиръ («Искатель правды»), 6) Джа'фаръ асъ-Садикъ («Правдивый»), 7) Муса аль-Казимъ («Владѣющій собой»), 8) Алій III «аръ-Рида» (по персидскому произношенію «Риза», — «любимецъ Аллаха), 9) Мухаммедъ II «аль-Джевадъ («Великодушный»), 10) Али IV аль-Аскерій (Воинъ), 11) Хасанъ II «аль-Хамтъ» («Горькій плодъ **), 12) Мухаммедъ III

*) Происхожденіе этихъ прозвищъ, повидимому, нужно отнести къ стремленію, чтобы Алій и его потомки ни въ чемъ не отставали въ глазахъ публики отъ первыхъ халифовъ, которые приняли почетные титулы, напр. Абу-Бекръ асъ-Сиддикъ. Тутъ играли, быть можетъ, роль и прозванія Аббасидовъ какъ „Аль-Мансұръ“ и т. д.

**) „Хамтъ“ въ Коранѣ (34,15) означаетъ плодъ, имѣющій горькій вкусъ, ко-

«аль-Махдїй», скрывшійся имамъ, появленіе котораго ожидается для возстановленія царства Божьяго на землѣ въ послѣдніе дни міра, передъ свѣтопредставленіемъ. Изъ всѣхъ этихъ потомковъ Алія, кромѣ послѣдняго и самого Алія съ его сыновьями, мы знакомы также уже и съ восьмымъ имамомъ Алій-Рида: онъ жилъ во времена Ма'муна и благодаря влиянію своихъ персидскихъ приверженцевъ игралъ видную роль въ то время, когда Ма'мунъ желалъ устроить примиреніе между Аббасидами и Алидами. Онъ сдѣлался зятемъ Ма'муна, хотя за эту честь ему вскорѣ пришлось расплатиться съ жизнью (II, 196).

Мечеть въ Мешхедѣ *) близъ Туса, гдѣ схороненъ Алій-Рида, наравнѣ съ святынями Неджефа и Кербела, гдѣ погибли Алій и Хусейнъ, и часовней надъ гробницами седьмого имама, Мусы, и дочери его, Фатимы **) въ мидійскомъ мѣстечкѣ Куммѣ,—свидѣтельствуютъ о высочайшемъ почитаніи, съ которымъ шииты относятся ко всему, имѣвшему какое-либо касательство къ ихъ двѣнадцати имамамъ,—почитаніи, основанномъ только на томъ, что эти имамы считаются ими жертвами суннитской несправедливости и преступности.

Объ остальныхъ догматахъ и религиозныхъ заповѣдяхъ, предписываемыхъ исламомъ, можно сказать въ общемъ, что шиитизмъ менѣе всего извратилъ тѣ изъ нихъ, которыя не интересовали персовъ. Относительно понятія о Богѣ, персидскіе богословы держались различныхъ взглядовъ по вопросу, слѣдуетъ ли или не слѣдуетъ вести рѣчь о божественныхъ свойствахъ (I, 210), но это у нихъ не считается вовсе существеннымъ вопросомъ. Также и на предопредѣленіе они смотрятъ (I, 208) довольно широко и свободной человѣческой волѣ у нихъ все еще оставленъ достаточный просторъ. Значитъ, и въ томъ и въ другомъ вопросѣ, они опять-таки стоятъ близко къ мутазилитамъ. Но по крайней мѣрѣ въ настоящее время у нихъ обращается весьма мало вниманія на эти метафизическія умствованія: образованные классы исповѣдуютъ большею частью довольно таки пантеистическія воззрѣнія, которыя уже изстари нашли въ Персіи плодородную почву и сильно развились, особенно благодаря распро-

торый даютъ фѣсть невѣрующимъ. Нужно предполагать, что въ означенномъ случаѣ прозваніе Хасана II „аль-Хамтъ“ должно означать, что онъ врагамъ своимъ долженъ показаться особенно неудобоваримымъ.

*) „Мешхедъ“ означаетъ, буквально, „мѣсто мученичества“, отсюда и названіе „Мешхедъ Алій“ святыни въ Неджефѣ (недалеко отъ старой Кувфы) возведенной на предполагаемомъ мѣстѣ, гдѣ находится могила Алія, а также Мешхедъ названіе всей той окрестности. Шииты думаютъ, что Алій-Рида былъ отправленъ Ма'муномъ (I, 506).

**) Прозванная „Аль-Ма'сума“ (охраняемая Богомъ отъ каждаго нечистаго прикосновенія, т. е. невинная, незапятнанная).

страненному здѣсь суфизму (II, 82). Ученіе о послѣднихъ событіяхъ» (I, 213) даже въ день воскресенія мертвыхъ удѣляетъ Алію на ряду съ Мухаммедомъ первое выдающееся мѣсто; въ качествѣ заступника, онъ присуждаетъ къ мученіямъ ада въ числѣ другихъ невѣрующихъ и всѣхъ противниковъ двѣнадцати имамовъ. Своеобразно то, что изъ числа религиозныхъ обязанностей, придается несоразмѣрное значеніе очищенію: оно считается собственно среди всѣхъ религиозныхъ обрядовъ самымъ существеннымъ. Молитва разнится лишь въ незначительныхъ чертахъ отъ формулъ, употребляемыхъ суннитами; болѣе всего замѣчательна эта разница въ призывѣ къ молитвѣ (I, 218, примѣч.), — особенно вслѣдствіе добавленія словъ: «собирайтесь для лучшаго изъ дѣлъ», т. е. такихъ словъ, которыя часто изображаютъ собою настоящій шибболетъ *) шітскаго вѣроисповѣданія. Молитва по пятницамъ въ мечетяхъ вообще не обязательна и произносится благочестивыми людьми всегда въ одиночку, такъ какъ, со времени исчезновенія двѣнадцатаго имама, нѣтъ того, который имѣлъ быть заступникомъ и молещикомъ всего прихода. Постъ въ мѣсяцѣ Рамаданъ по виду исполняется еще строже шіитами, чѣмъ суннитами; на дѣлѣ же съ обычной персидской хитростью онъ нарушается втайнѣ гораздо чаще, чѣмъ то дерзнули бы сдѣлать сунниты. Паломничество къ святымъ мѣстамъ излюбленная мечта персовъ, но путь въ Мекку открылся для нихъ лишь недавно, да и теперь персы направляются туда очень рѣдко. Вслѣдствіе наслѣдственной ихъ вражды къ туркамъ, послѣдніе закрывали шіитамъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій проѣздъ въ Аравію. Только съ царствованія султана Абдуль-Меджида (1839—1861) имъ разрѣшено вступать на турецкую территорію въ обликѣ паломниковъ въ Мекку. Но лишь немногіе пользуются этимъ разрѣшеніемъ, большинство же довольствуется возможно частымъ посѣщеніемъ священныхъ гробницъ своихъ имамовъ, въ особенности же гробницъ Алія и Хусейна въ Нелжефѣ и Кербелѣ и Али-Рида въ Мешхедѣ. Посѣщеніе этихъ мѣстностей кажется имъ настолько желаннымъ, что уже съ древнѣйшихъ временъ **) благочестивые персы, владѣвшіе нужными для того средствами, завѣщали перевезти свой прахъ и похоронить его въ подобныхъ священныхъ мѣстностяхъ. Такое предсмертное желаніе исполнялось всегда добросовѣстно. Еще и въ настоящее время изъ величайшей дали, даже изъ Индіи, тянутся длинные караваны,

*) Слово, по произношенію котораго можно узнать принадлежность даннаго лица къ извѣстному племени или партіи. См. Книга Судей, XII, 6.—*Ред.*

**) Первый извѣстный мнѣ подобный случай,—похороны буйда Адудъ-аддаулы, который въ 372 г. (983) по сдѣланному имъ предсмертному распоряженію былъ похороненъ въ Неджефѣ: Ибнъ-аль-Асиръ IX, 13.

везущіе на верблюдахъ гробы умершихъ въ мечети съ гробницами почившихъ имамовъ, чтобы здѣсь опустить мертвецовъ въ послѣднее мѣсто ихъ упокоенія. Горе путешественнику, которому встрѣтится подобный караванъ, везущій мертвецовъ: запахъ разлагающихся труповъ просто невыносимъ,—и если несчастный не одинъ, то онъ въ довершеніе всего будетъ еще вынужденъ выражать удовольствіе, потому что бранные остатки столь благочестивыхъ людей должны, конечно, издавать пріятное благоуханіе.

Виртуозность лицемѣрія, просто поражающая въ подобныхъ караванахъ, основана на той склонности иранцевъ ко лжи и обману, о которой мы уже говорили въ началѣ этой главы, и въ различныхъ случаяхъ проглядываетъ та же самая склонность въ нравахъ народа, за исключеніемъ этой черты столь вообще умнаго и милаго. При самомъ сильномъ желаніи нельзя было изъять изъ корана запрещеніе пить вино. Поэтому благочестивый персъ предоставляетъ евреямъ готовить презрѣнный напитокъ, но пить онъ его самъ, хотя въ большинствѣ случаевъ тайно. Особенно славятся въ этомъ отношеніи жители Шираза, въ окрестностяхъ котораго растетъ лучший виноградъ.

«Такъ и быть, о виночерпій,

«Пусть всѣхъ обойдетъ круговая чаша.

«Подавай ее сюда!»

Такими словами начинается книга пѣсенъ величайшаго поэта Шираза, — Хафиза, въ доказательство того, что и въ XIV ст. дѣло обстояло тамъ точно также, какъ и въ настоящее время. Но въ виду того, что и религія слѣдуетъ отвести надлежащее мѣсто, эти строки официально толкуются такъ: круговая чаша съ виномъ, которой виночерпій Хафиза обноситъ всѣхъ присутствующихъ, означаетъ вино божественнаго милосердія, опьяняющее челоуѣка божественною любовью. И когда персъ,—вдоволь насладившись жизнью и ея удовольствіями, которыми онъ по временамъ пользуется даже до безобразія, достигаетъ 50-лѣтняго возраста, онъ обыкновенно дѣлаетъ «таубэ», т. е. онъ приноситъ покаяніе, имѣя въ виду съ этихъ поръ серьезно подумать о жизни и достойно подготовиться къ загробному существованію. Подобный нравственный переворотъ случается иногда и въ другихъ мѣстахъ кромѣ Персіи, но нигдѣ онъ какъ здѣсь не представляетъ собой, такъ сказать, официального характера. Существуетъ рассказъ о подобномъ «покаяніи», относящійся къ 437 (1045) и записанный со словъ самого «покаявшагося»—и весьма почтеннаго перса, Насири Хосрау, потомка имама Алія-Риза,—которому, кромѣ стиховъ нравоучительнаго характера мы обязаны въ высшей степени интереснымъ описаніемъ семилѣтняго его путешествія по значительному простран-

ству исламскихъ владѣній. Насири Хосрау предпринялъ свое путешествіе сперва въ видѣ паломничества въ Мекку, вслѣдствіе событія, случившагося съ нимъ на 44 году его жизни и о которомъ онъ повѣствуетъ слѣдующее *): «Я прибылъ въ Джуджанъ **) и оставался тамъ почти мѣсяцъ. Постоянно пилъ я тутъ вино. Пророкъ учить: «говорите всегда правду и даже тогда, когда она свидѣтельствуется противъ васъ».—Однажды я видѣлъ во снѣ, какъ кто-то обратился ко мнѣ со словами: «долго ли еще ты намѣренъ пить вино, которое отнимаетъ у людей разумъ? Было бы лучше, еслибъ ты наконецъ пришелъ въ себя».—Я отвѣтилъ: «мудрецы не могли придумать ничего, кромѣ вина, для уменьшенія жизненной тяготы». Онъ отвѣтилъ: «самодуреніе и безчувствіе не есть душевное спокойствіе. Нельзя называть мудрыми тѣхъ, кто указываетъ людямъ дорогу къ безчувствію. Лучше слѣдовало бы искать нѣчто такое, что усиливало бы разумъ и чувство».—Я сказалъ: «откуда мнѣ взять это? Онъ изрекъ: «нужно искать, чтобы найти», указалъ по направленію къ Киблѣ ***) и не произнесъ больше ни слова. Когда я проснулся, видѣнное мною во снѣ явленіе стояло, какъ живое, въ моей памяти. Оно произвело на меня столь сильное впечатлѣніе, что я сказалъ себѣ: «вотъ я проснулся отъ вчерашняго сна, необходимо, чтобы я проснулся и отъ сорокалѣтняго сна моего».—Я понялъ, что пока не измѣню всей своей жизни и дѣятельности, больше уже не найду себѣ покоя. Вымывъ голову и тѣло ****), я отправился въ главную мечеть на молитву»...

Нашъ обзоръ религиозныхъ обычаевъ персовъ былъ бы неполонъ, еслибъ мы не бросили хоть мелькомъ взгляда еще на своеобразный обликъ, данный ими своему праздничному календарю. Прежде, по крайней мѣрѣ, онъ, сравнительно съ суннитской краткостью, былъ весьма пространенъ. «У него столько праздниковъ, какъ у перса»,—говорили обыкновенно остальные магометане о лѣтяхъ. Эта страсть къ праздникамъ основана опять-таки на внутреннихъ свойствахъ народа, любящаго всевозможный виѣшній шумъ и блескъ. «Если вы желаете, чтобы мои соотечественники поняли васъ», говорилъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія персидскій посланникъ англо-индійскому государственному дѣятелю: «то говорите для глазъ ихъ, а не для ушей». Вслѣдствіе увеличивающейся бѣдности народа, уменьшились постепенно и его праздники, и въ настоящее время празднуются, при все-

*) Sefer Nameh, Relation du voyage de Nassiri Khosrau, publié, traduit et annoté par Charles Scheffer, Paris 1881. См. стр. 2, текста, 3 перевода.

**) Округъ въ восточной Персіи, вблизи Балха.

***) Въ сторону Мекки, куда надо обращаться при молитвѣ.

****) Т. е. онъ произвелъ большое омовеніе.

общемъ участіи, только еще два торжества: Наурузъ *), т. е. староперсидскій новый годъ, который всегда начинается въ самый день начала весны **) и продолжается 13 дней ***) , и печальное торжество мученической кончины Хусейна въ Кербелѣ которое каждое 10-го Мухаррема знаменуется большими процессіями, а въ предшествующіе дни—театральными представленіями, изображающими исторію страданій Хусейна; эти представленія для муллъ (духовенства) чистое бѣльмо на глазу, потому что наносятъ ущербъ ихъ ремеслу, для народа же они—самое существенное. Въ этихъ процессіяхъ участвующіе стараются превзойти другъ друга страшнымъ воемъ, крикомъ и бїеніемъ себя въ грудь. Нѣкоторые благочестивые люди доводятъ даже до того свое усердіе, что сами наносятъ себѣ много численныя раны.—Остальныя празднества,—оба Байрама (I, 219, 224),—день рожденія пророка, день убїенія Омара (сравни. I, 316) и т. д. празднуются отчасти только высшими классами, отчасти и во все не празднуются больше. Дѣло обстояло иначе еще въ 17 ст., когда въ особенности общеперсидское торжество жертвоприношенія (Ид-и-Курбанъ I, 224) праздновалось съ величайшимъ блескомъ: рядомъ съ бараномъ, котораго и въ настоящее время имѣютъ обыкновеніе приносить въ жертву, члены высшихъ классовъ каждой болѣе значительной мѣстности присылали своего жертвеннаго верблюда, и послѣдняго торжественно проводили черезъ городъ къ городскимъ воротамъ, гдѣ онъ и закалывался. Я, вообще, желалъ бы подчеркнуть, что многія національныя черты шиїтизма лишь съ теченіемъ времени и въ особенности съ возведенія Сефевидами шиїтизма на степень господствующей религіи персидскаго государства,—развились въ полной своей яркости и силѣ. Замѣтная склонность развивать болѣе и болѣе эти національныя черты была уже на лицо у всѣхъ персидскихъ мусульмовъ въ концѣ II (VIII) ст. и ждала лишь случая выразиться съ полной энергіей; но пока этому препятствовали внѣшнія обстоятельства, на которыя мы теперь и обратимъ вниманіе.

*) Первое *у* выговаривается очень кратко; буквы *нау* образуютъ одинъ слогъ.

**) И поэтому соотвѣтствуетъ не мухаммеданскому, а старо-персидскому солнечному календарю. Это издревле-народное торжество, которое никогда не переставали праздновать, даже и въ тѣхъ кругахъ народонаселенія, которые приняли исламъ. Мы знаемъ (Табарій, III, 1448, Ибнъ-Абу-Усейбія, I, 142—23), что также и халифы изъ династїи Аббасидовъ, какъ и въ настоящее время персидскій шахъ, производили въ день новаго года торжественныя приемы и принимали подарки отъ знатныхъ сановниковъ.

***) Въ 17 ст. только 8 дней. Chardin, Voyages, ed. Langlès, Парижъ 1811 г. II, 231.

ГЛАВА II.

Возникновеніе персидскихъ государствъ.

Когда въ 205 (821 г.) халифъ Ма'мунъ передалъ управление восточными областями персу Тахиру, новый намѣстникъ засталъ почти всюду здѣсь довольно смѣшанное населеніе. Исключеніе, въ большинствѣ случаевъ, составляли лишь сельскіе жители, которые, въ большей или меньшей степени, остались чистокровными иранцами. Объясняется это тѣмъ, что, находясь вдали отъ городовъ и большихъ проѣзжихъ дорогъ, сельчане не должны были принимать у себя арабскихъ постоевъ, сборщиковъ податей и т. п. При всемъ этомъ имъ и вообще грозила меньшая вѣроятность подвергнуться другимъ случайнымъ примѣсямъ чуждаго элемента. Именно эта основная часть населенія и сохранила съ древнихъ временъ и до нашихъ дней свою самобытность, несмотря на всевозможныя случайности. На сельчанахъ зиждется вся будущность Персіи, — если только у Персіи есть будущность, — точно также, какъ именно они не переставали открыто или тайно во время арабскаго владычества хранить во многихъ мѣстностяхъ старинную вѣру и поддерживать неугасимый священный огонь Зороастра. Эти же сельскіе жители передавали изъ устъ въ уста, и отъ отца къ сыну народныя сказанія объ исчезнувшемъ величій древняго Ирана, и легенды о своихъ герояхъ и царяхъ *). За этимъ исключеніемъ всюду, особенно же въ западныхъ областяхъ, національный персидскій элементъ былъ сильно затронутъ арабами, большей частью смѣшаннаго происхожденія. Численность этихъ арабовъ никакъ нельзя уничтожать; пусть вначалѣ ихъ было всего лишь нѣсколько десятковъ тысячъ, разсыпанныхъ по странѣ въ видѣ постоянныхъ гарнизоновъ, — юношеская сила арабской національности и послѣдствія много-

---

*) Носителями національныхъ традицій и обычаевъ являются особенно диканы, т. е. низшее земельное дворянство, значеніе котораго сильно упало во время арабскаго владычества. Во многихъ мѣстностяхъ представители этого дворянства дошли до того, что занимали должности простыхъ сельскихъ старостъ тѣмъ не менѣе, они свято хранили воспоминанія о лучшемъ прошломъ.

женства должны были увеличить это число ихъ неизмѣнно быстро. Эти арабы составляли, вмѣстѣ съ персами, живущими въ городахъ и принявшими исламъ, высшій классъ населенія. Только съ той разницей, что новообращеннымъ въ мусульманство персамъ удѣлялись вначалѣ однѣ лишь гражданскія должности, на примѣръ по торговлѣ, ремесламъ, учености и т. д., въ то время какъ военное дѣло, и рядомъ съ нимъ надзоръ за религіей побѣжденныхъ, побѣдители оставили себѣ. Фактическое неравенство при формальной равноправности, господствовавшее между этими двумя элементами, стало съ теченіемъ времени мало-по-малу исчезать—особенно съ той поры, какъ послѣ воцаренія Аббасидовъ персидское вліяніе стало проявляться болѣе замѣтнымъ образомъ въ правительственныхъ кругахъ. Такъ какъ въ официальныхъ кругахъ считалось болѣе аристократическимъ разгрызать изъ себя арабовъ, богатые или занимавшіе высокое административное положеніе персы поручали какому нибудь ученому генеалогу сочинить для себя арабскую родословную. Если они при этомъ и не мѣняли съ той же легкостью свои мысли и чувства, а также и не забывали старинныя традиціи своей національности, то по наружности не было уже почти никакого различія между настоящими арабами и переодѣтыми персами. Не удивительно поэтому, что при живомъ обмѣнѣ ежедневныхъ сношеній, сначала разговорный языкъ, а затѣмъ, по крайней мѣрѣ во многихъ случаяхъ,—и понятія и воззрѣнія персовъ и арабовъ начали дѣлаться однородными. Арабскія слова перешли тысячами въ персидскій обиходный языкъ *), правда не всегда такъ, чтобы значеніе ихъ соответствовало вполне персидскому понятію. Смотря по природѣ и духовной склонности,—тутъ арабъ воспринималъ нѣчто персидское въ воззрѣніяхъ и нравахъ, а тамъ персъ—нѣчто арабское. Но матери большинства лицъ арабскаго происхожденія были персіянки: такимъ образомъ національность побѣдителей мало-по-малу подчинилась національности побѣжденныхъ, какъ это обыкновенно и бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, и поэтому неудивительно, что требовалось только появленіе благопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, чтобы изъ-за арабскаго покровя, скрывавшаго персидское лицо, внезапно выглянуло это послѣднее. Отступленія отъ подобнаго положенія дѣлъ,—не говоря уже о каспійскихъ областяхъ, на-

*) Мы не говоримъ уже о языкѣ научномъ, термины котораго были все сначала арабскіе, потому что долгое время книги, трактовавшія о догматахъ корана, а также и вообще о другихъ научныхъ предметахъ писались исключительно по-арабски. И въ позднѣйшія времена до Сефевидовъ, персы, за исключеніемъ исторіи, охотнѣ писали о научныхъ предметахъ по-арабски, чѣмъ на своемъ родномъ языкѣ, подобно тому какъ западно-европейскіе ученые въ средніе вѣка предпочитали писать по-латыни.

врядъ ли когда либо покоренныхъ даже внѣшнимъ образомъ (сравни. II, 173), случались и на востокъ Персіи, по ту сторону великой соляной пустыни, отдѣляющей Мидію отъ Хорасана и обезпечивающей всегда восточнымъ провинціямъ извѣстное привилегированное положеніе; здѣсь, за исключеніемъ большихъ городовъ,—да и тутъ въ самой слабой степени, — арабскій элементъ былъ очень незначителенъ. Въмѣсто него замѣчается ближе къ востоку все болѣе и болѣе густая масса т у р о к ъ, а къ юго-востоку,—но менѣе густо,—и н д о г е р м а н цы, не персидскаго происхожденія. Вся широкая полоса, охватывающая земли между Оксусомъ и Яксартомъ, старинную Бактрію и теперешній Афганистанъ, были уже съ древнихъ временъ предметомъ спора для индійскихъ, иранскихъ и разныхъ сѣверныхъ племенъ. Послѣднія имѣли, повидимому, этнографическую связь съ турецкими, татарскими и монгольскими народностями, исторически установленными. Но о родственныхъ ихъ отношеніяхъ, опираясь на дошедшія до насъ извѣстія греко-римскихъ и китайскихъ историковъ, нельзя сказать ничего болѣе точнаго. Довольно, что и они, подобно вышеназваннымъ народностямъ, въ разные періоды существованія старо-персидскаго, македонскаго и средне-персидскаго государства вторгались изъ степей и горъ, средоточіе которыхъ составляли Алтайскія вершины, въ Иранъ и производили въ немъ опустошенія. Во времена арзакидовъ они проникли черезъ Кабульскую долину до Индіи, а съ другой стороны—до границы Кирмана. Возможно, что въ какой-нибудь связи съ ними находятся владѣтели Кабула, надѣлавшіе столько хлопотъ мухаммеданскимъ полководцамъ (II, 24, 88, 173) и которыхъ мусульмане называютъ турками. Во всякомъ случаѣ справедливо именуются «турками» тѣ отряды всадниковъ, которые въ 560 г. послѣ Р. Х. отняли Трансоксанію у бывшего до нихъ господствующимъ на Оксусѣ тоже сѣвернаго племени Гефталитовъ, и основали тамъ могучее государство подъ управленіемъ Х а к а н а («Великаго царя»). Оно охватывало значительное пространство древне-иранской территоріи, такъ какъ царство Ахеменидовъ въ лучшія времена простиралось до Хорезма (теперь Хива) вблизи Аральскаго моря, и можно предполагать, что по крайней мѣрѣ осѣдлые жители Бактріи, Трансоксаніи и оазиса Хорезма были иранцы. Даже въ настоящее время городскіе жители Трансоксаніи большею частью еще персидскаго происхожденія, несмотря на то, что за этотъ долгій періодъ монголы и татары сильно похозяйничали въ центральной Азій, а турки-узбеки уже цѣлыми столѣтіями владѣли страной. Приходится предположить, что турецкій Хаканъ, подобно тому какъ позже поступали мусульмане, представлялъ отдѣльнымъ округамъ до извѣстной степени собственное самоуправле-

ніе *). Тѣмъ не менѣе во времена мусульманскихъ завоеваній многочисленныя турецкія толпы были ввѣдены среди персидскаго кореннаго населенія, потому что именно, главнымъ образомъ, турки были переведены изъ тѣхъ мѣстностей въ Багдадъ, сначала цѣлой массой, а позже въ видѣ гвардейскихъ отрядовъ **). На югъ отъ этихъ сѣверо-восточныхъ турокъ и рядомъ съ такъ называемыми кабульскими турками, поселились и другія не персидскія племена; особенно у индійской границы потомки Пактіеровъ, которые позже называли себя Пушту, и дикіе жители Гура, гористой страны на юго-востокъ отъ Герата. Изъ смѣси этихъ двухъ племенъ (съ добавкой позже переселившихся сюда монголовъ) возникъ воинственный народъ афганцевъ. На юго-востокѣ было кромѣ того не мало индусовъ, которые когда-то владычествовали въ Кабулѣ, вслѣдствіе чего доставили одно время въ восточной Персіи исповѣдуемой ими буддійской религіи сильное, чувствуемое еще при исламѣ, вліяніе. Всѣ эти чуждые элементы, тамъ гдѣ сталкивались съ персидскою націей, задерживали ея развитіе, какъ въ политическомъ, такъ и въ религіозномъ отношеніи. Турки, несложной, часто даже нѣсколько узкой и тупой мысли которыхъ *** съ самаго уже начала, лишь только они вообще стали думать о религіи, казался болѣе симпатичнымъ положительный, запрещающій всякое излишнее мудрствованіе, правовѣрный догматъ, по сравненію съ аллегорическими тонкостями шитовъ, — перешли всѣ какъ есть къ суннитамъ, — какъ затѣмъ поступили и афганцы, которые, правда, въ концѣ II (VIII) ст. были еще язычниками или буддистами.

Такимъ образомъ очевидно, что сколько бы подъ арабскимъ вла-

*) Если можно довѣрять словамъ Бирунія, весьма почтеннаго и надежнаго ученаго болѣе позднихъ временъ (V (XI) ст.) родомъ изъ Хорезма, то старинная династія, владычествовавшая на его родинѣ, была иранскаго происхожденія и даже во времена мусульманскихъ намѣстниковъ она продолжала пользоваться здѣсь чѣмъ-то вродѣ мѣстнаго самоуправленія.

**) Я ошибочно называлъ (II, 199) туркомъ Афшина, родомъ изъ Опрусены. Мнѣ дружески разъяснили, что онъ несомнѣнно происходилъ изъ стариннаго иранскаго рода. Также и самое слово Ихшидъ, которое я (ст. II, 265 примѣч.) совершенно вѣрно объяснилъ титуломъ «турецкихъ предводителей въ Ферганѣ», находитъ объясненіе въ персидскомъ языкѣ. Отсюда слѣдуетъ, что быть можетъ, подобно тому, какъ сообщаетъ Бируній относительно Хорезма, такъ и въ Ферганѣ во главѣ смѣшаннаго населенія находилась маленькая династія иранскаго происхожденія. Впрочемъ наименованіе Тугджъ, потомкамъ котораго былъ затѣмъ дарованъ титулъ Ихшидъ, имѣетъ все-таки турецкій обликъ.

***) Замѣчательное исключеніе изъ этого почти на первый взглядъ невольнаго приходящаго въ голову наблюденія составляетъ тотъ фактъ, что аль-Фарабій, величайшій философъ средневѣковаго Востока, — былъ по происхожденію турокъ (II, 276).

дычествомъ ни сохранилась персидская національность, тѣмъ не менѣе, и на западѣ и на востокѣ страны, представились бы величайшія затрудненія къ тому, чтобы устранить хотя уже постепенно склоняющійся къ упадку, но все еще владѣющій довольно почтенной суммой силъ халифатъ Аббасидовъ. Къ тому же все различіе, весь антагонизмъ между суннитами и шиитами, между національностями арабской и персидской, почти всюду скрывались подъ наружнымъ миромъ; хотя тотъ, кто бросаетъ взоръ на дальнѣйшее развитіе исторіи Персіи, и теперь уже довольно легко можетъ разобраться въ этомъ антагонизмѣ и прослѣдить его подъ кажущимся миромъ и согласіемъ. Намъ не удивить поэтому, если первые проблески стремленій персовъ къ самостоятельности принимаютъ сначала только обликъ личнаго честолюбія. И еще менѣе удивимся мы, если именно главнѣйшая опора всего тогдашняго положенія дѣль, — различіе религіозныхъ взглядовъ, — остается вначалѣ совершенно нетронутой.

Намъ уже извѣстно (II, 209—10) попытка, на которую отважился Тахиръ, задумавъ добиться независимости отъ Ма'муна и сдѣлаться самостоятельнымъ повелителемъ восточныхъ областей. Въ своемъ мѣстѣ (II, 209—10) мы подчеркнули и то, что, несмотря на неудачу, которой кончилась попытка, сдѣланная Тахиромъ, вслѣдствіе его внезапной смерти, тѣмъ не менѣе халифъ не рѣшился отнять у сыновей Тахира управленіе ихъ родной страной. Фактическая самостоятельность, которой тахириды пользовались по отношенію къ халифамъ, долго еще не приводила къ положительному разрыву. Духъ открытаго мятежа вдохновлявшій Тахира и внушившій ему его смѣлую попытку, не перешелъ къ его сыновьямъ Тальхѣ и Абдуллѣ. Въ то время, какъ послѣдній сражался за Ма'муна въ Месопотаміи и Египтѣ, братъ его управлялъ (207—213—822—828) отъ имени халифа восточными областями, блюдя въ нихъ порядокъ и не принимая прямыхъ приказаній изъ Багдада. Столицей Тальхи былъ Нишапуръ, откуда онъ правилъ Хорасаномъ и сосѣдними странами. Одновременно съ этимъ онъ считался верховнымъ повелителемъ Трансоксаніи и Табаристана, пользовавшагося, правда, значительной долей свободы подъ правленіемъ своихъ испехбеденовъ. Отдѣльные округа Трансоксаніи находились въ рукахъ сыновей Асада, сына Самана. Утверждаютъ, что и они тоже были по происхожденію персы изъ стариннаго и благороднаго рода, По имени своего дѣдушки и они, и ихъ потомки носятъ наименованіе Саманидовъ. Они принадлежали къ свитѣ Ма'муна, который, переселяясь съ востока въ Багдадъ, пожелалъ утвержденіе ихъ младшими намѣстниками, что и произошло въ 204 г. (819—20). При Тахиридахъ они сохранили эти свои намѣстничества, въ числѣ которыхъ наиболѣе значительнымъ слѣдуетъ считать намѣстничество Са-

марканда. Сначала это послѣднее попало въ руки Нуху *) Ибнъ-Асаду; затѣмъ, когда онъ умеръ, оно перешло къ брату его Ахмеду I, а еще позже къ сыну Ахмеда. Насру I. Такимъ образомъ оно осталось въ рукахъ одной и той же семьи и стало такимъ же наследственнымъ, какъ и главное намѣстничество надъ восточными областями въ домѣ Тахиридовъ. Обѣ эти династіи оказались крайне благотѣльными для управляемыхъ ими провинцій: наконецъ-то эти послѣднія перестали быть жертвой алчности и грабежа со стороны арабскихъ намѣстниковъ. Но Саманидовъ, также какъ и Тарихидовъ, всегда гораздо менѣе увлекала военная слава, чѣмъ внутреннее преуспѣяніе страны, развитіе въ ней ремеслъ и умственныхъ и духовныхъ интересовъ. Владѣнія этихъ двухъ династій были достаточно обширны, чтобы успѣшно защищаться противъ внѣшнихъ враговъ, а все же не настолько значительны, чтобы изъ центра ихъ властитель не могъ во всякое время удобно окинуть взоромъ положеніе всѣхъ своихъ областей. Такимъ образомъ восточная Персія, а еще болѣе Трансоксанія, наслаждались, хотя и съ перерывами, которые особенно на Востоку совершенно неизбѣжны,—длинными періодами порядка и мира, имѣвшими для матеріальнаго и духовнаго развитія ихъ жителей величайшую важность.

Будучи въ качествѣ доблестнаго полководца и въ качествѣ умнаго, одареннаго поэтическимъ талантомъ челоуѣка (II, 200) достойнымъ сыномъ своего отца, Абдулла Ибнъ-Тахиръ не имѣлъ все-таки отваги вести по примѣру отца борьбу съ халифомъ. Когда поэтому въ 213 (828—9 г.) изъ Хорасана прибыло извѣстіе, что Тальха умеръ, а временно замѣстившій отца въ его должности сынъ Тальхи, Аліи, убитъ возмущившимся народомъ, и вслѣдствіе того Ма'мунъ назначилъ намѣстникомъ Абдуллу, который какъ разъ въ это время былъ занятъ сборомъ войска, противъ Бабека (II, 199). Абдулла быстро возстановилъ въ Хорасанѣ порядокъ и до самой своей смерти, послѣдовавшей 11 Раби I 230 г. (26 ноября 884 г.), добросовѣстно и точно исполнялъ всѣ свои обязательства по отношенію къ Ма'муну, а затѣмъ и къ его преемнику, Мутасиму. Когда въ 219 (834) въ сосѣдней съ Хорасаномъ мѣстности Талеканъ потомокъ Алія, Мухаммедъ Ибнъ Касимъ, отважился на мятежъ и при этомъ попалъ въ плѣнъ, Тахиридъ тотчасъ же отослалъ его въ Багдадъ. Что впоследствии, въ эпоху происковъ Афшина (II, 215), Абдулла всталъ на сторону халифа, было весьма естественно, такъ какъ возмущившійся, подстрекаемый Афшиномъ, испехбедъ Табаристана былъ подвластенъ намѣстнику Хорасана, и поэтому мятежъ его касался настолько же самого Тахирида, насколько центрального правленія. Само по себѣ это стремленіе дѣйствовать заодно съ сюзе-

*) „Нухъ“ арабское произношеніе библейскаго имени Ной (евр. Ноахъ).

реномъ было, конечно, вполнѣ разумно до тѣхъ поръ, пока власть халифа одновременно и внушала уваженіе и обѣщала поддержку въ нужный моментъ. Но когда послѣ смерти Му'тасима стали проявляться явные признаки начинающагося паденія Аббасидовъ и усиливающейся распущенности турецкихъ преторіанцевъ, было бы умнѣ ограничиться охраной спокойствія въ восточныхъ областяхъ, а халифатъ, съ которымъ Тахириды, по крайней мѣрѣ, какъ властители восточной Персіи, не имѣли никакихъ общихъ интересовъ,—представить собственной его судьбѣ. Но такое ограниченіе себя и своей дѣятельности шло въ разрѣзъ съ природою гордаго и честолюбиваго рода Тахиридовъ. Подобно предку своему, Тахиру, этому поставщику царей, который убилъ одного халифа, а другому доставилъ халифскій престолъ, потомки его желали и впредь распоряжаться судьбами міровой имперіи и рассчитывали, что сумѣютъ одновременно и удержать за собою востокъ и ввести порядокъ въ Иракъ. Но для этого имъ недоставало уже ни силы, ни средствъ. Они приучились съ тѣхъ поръ жить расточительно и по княжески. «Полный кошелекъ и посмертная слава не обрѣтаются въ одномъ и томъ же мѣстѣ»,—говорилъ обыкновенно Абдулла и поступалъ согласно съ этими словами. Великолѣпное зданіе, которое онъ велѣлъ выстроить въ Багдадѣ для временнаго пребыванія своего и своихъ сыновей, и которое, со всѣми принадлежащими ему пристройками, походило на маленькій городокъ, далеко перещегооляло всѣ дворцы первыхъ сановниковъ халифата. Щедрость Абдуллы, особенно по отношенію къ поэтамъ и ученымъ, казалась даже въ тѣ времена совершенно необычайной. Но зато, повидимому, его заботы о военныхъ силахъ подвластныхъ ему областей отступали у него на задній планъ. Правда, лично онъ выказалъ себя великимъ, талантливымъ полководцемъ, а позже, тамъ, гдѣ оказалось нужно, онъ проявилъ подходящую энергію,—но тѣмъ не менѣе время выяснило, что все же онъ слишкомъ полагался на силу и значеніе своего дома, при немъ именно и достигнувшія вершины своего могущества. Умирая (230=844 г.) онъ владѣлъ, вслѣдствіе многихъ новыхъ земельных пожалованій,—кромѣ собственно восточныхъ областей, еще и Кирманомъ, Мидіей, именовался также властителемъ Ирака, жестоко обираемаго халифами и турками,—и носилъ титулъ главнокомандующаго войсками государства и губернатора Багдада. Во всѣхъ этихъ званіяхъ наслѣдовалъ ему сынъ его, Тахиръ II (230—248=844—862). Утвержденіе ближайшаго наслѣдника получалось изъ Багдада всегда безъ малѣйшаго затрудненія. При Тахирѣ II политическія ошибки этой династіи стали впервые замѣтны по нѣкоторымъ ихъ послѣдствіямъ. Невозможность одновременно управлять въ Нишапурѣ и находиться въ Багдадѣ для исполненія приказанія халифовъ должна была, наконецъ, стать понятной

объёмъ сторонамъ. Вотъ почему явилось уже шагомъ впередъ, что халифъ Мутеваккиль въ 237 г. (851) передалъ должности намѣстника Ирака и губернатора Багдада, только по имени принадлежавшій Тальхъ, его брату Мухаммеду Ибнъ-Абдуллъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ ему переѣхать на постоянное жительство въ столицу *). Подобное разрѣшеніе задачи, какъ бы оно ни казалось само по себѣ разумнымъ, оставалось все-таки половинной мѣрой, которая не могла привести ни къ какому существенному результату въ наиболѣе важнымъ вопросѣ.

Что Тахиридамъ слѣдовало бы освободиться совершенно отъ всякаго участія въ незавидномъ положеніи дѣль въ Иракѣ, въ этомъ они легко могли бы убѣдиться еще въ томъ же 237 (851—2) г., еслибы не были тѣми самоувѣренными, гордыми людьми, какими они всегда были. Еще до того времени, когда Мухаммедъ переселился въ Багдадъ, въ Седжестанѣ **) сталъ сильно выдвигаться нѣкій уроженецъ Боста, по имени Салихъ-Ибнъ-анъ Надръ!***). Во время волненій, вызванныхъ

*) По вышеупомянутому, болѣе правильному изложенію слѣдуетъ исправить сообщенное мною (II, 221) объ этихъ происшествіяхъ. Особенно же я прошу вмѣсто „Мерва“ (строчка 25) читать Нишапуръ. Тутъ, въ столицѣ Хорасана,—Тахиръ и его потомки фактически имѣли свое мѣстопробываніе.

**) Седжестанъ (позже произносилось Сейстанъ,—лежащій на юго-востогъ отъ Хорасана), представляя собой древній Сакастанъ, получившій названіе отъ народности сакъвъ, одного изъ тѣхъ сѣверныхъ племенъ, о вторженіи которыхъ въ Иракъ упоминалось нами выше. Значитъ населеніе страны не было персидскаго происхожденія, хотя она издавна и весьма прочно вошла въ составъ старо-персидскаго государства. Седжестанъ—родила силача (техемтенъ) Рустема—самаго могучаго героя персидскихъ легендъ.

***) Свѣдѣніе о возникновеніи послѣдующихъ событій невѣрны и отчасти противорѣчатъ другъ другу; возможно, что волненія въ Седжестанѣ начались еще до 237 (851) и продолжались болѣе или менѣе долго. Седжестанъ отдѣленъ отъ собственно Хорасана близъ-лежащей горной страной Кухистанъ. Такимъ образомъ сношенія между двумя этими областями были весьма затруднены и тѣмъ самымъ открытъ путь всякимъ вождедвіямъ къ самостоятельности со стороны Седжестана. Но вмѣстѣ съ тѣмъ насъ сильно удивляетъ то обстоятельство, что при появленіи вновь хариджитовъ и добровольцевъ около 245 (859) г., мы ровно ничего не слышимъ о какихъ-либо рѣшительныхъ мѣрахъ или дѣйствіяхъ, предпринятыхъ Тахиромъ. Онъ предоставляетъ область самой себѣ, пока возстаніе не добралось, наконецъ, до Херата и Балха. Послѣ убійства Мутеваккиля (247—861) бездѣйствіе Тахира, хотя и ошибочное и неразумное, все же можетъ быть, по крайней мѣрѣ, объяснено желаніемъ сохранить въ цѣлости силы Хорасана, чтобы въ нужный моментъ противопоставить ихъ все разрастающейся путаницѣ въ западныхъ областяхъ. Но до указаннаго года бездѣйствіе Тахира кажется просто непонятнымъ. О событіяхъ, сообщаемыхъ нами въ текстѣ, ничего не говоритъ историкъ Якубій (изд. Houtsma, II, 605), который жилъ самъ во второй половинѣ 3 (9) ст., специально занимался исторіей Седжестана и Хорасана и писалъ о династїи Тахиридовъ. Мы были бы въ правѣ предположить, что такой

хариджитами (II, 185, примѣч.), ему удалось собрать значительныя военныя силы. Нужно думать, что силы эти состояли изъ воинственныхъ обитателей сосѣднихъ горъ. Это было первое появленіе дикихъ племень этихъ мѣстностей, вмѣшательство которыхъ должно было позже оказаться рѣшающимъ въ судьбахъ всего восточнаго ислама. Жители Седжестана приняли мусульманство, но во всемъ остальномъ они повидимому остались такими же со времени принятія ихъ въ составъ имперіи халифовъ, какими были и до того. По крайней мѣрѣ теперь, какъ и раньше, во время случайныхъ мятежей, они выказывали такую дикость и такое упорство, съ которыми Тахириды еще менѣе могли справиться, потому что они упустили надлежащій моментъ для принятія нужныхъ мѣръ. Подъ маской добровольцевъ, сражающихся противъ хариджитовъ, Салихъ и его приверженцы скоро подчинили себѣ всю область. Тахиръ двинулся противъ нихъ во главѣ войска и ему удалось на время возстановить спокойствіе. Но едва онъ возвратился въ свою столицу, какъ снова разгорѣлась борьба между хариджитами и «добровольцами». Въ числѣ добровольцевъ находился одинъ изъ сыновей престолюдина Лейса. Намъ извѣстны трое его сыновей: Якубъ, Амръ и Алія. О молодости Алія у насъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній; Амръ зарабатывалъ пропитаніе, отдавая въ наймы ослы, а Якубъ занимался одно время ремесломъ саффара, т. е. мѣдника. Онъ былъ скупой на слова человѣкъ и никто не видѣлъ, чтобы онъ когда-либо улыбнулся. Вѣчно погруженный въ глубокое раздумье, онъ всегда опускалъ глаза внизъ и отличался большой набожностью. Когда начались стычки «добровольцевъ» и хариджитовъ, Саффаръ бросилъ молотокъ и взялся за мечъ. Онъ скоро прославился, сдѣлался первымъ лицомъ среди добровольцевъ, благодаря своей силѣ и храбрости. Всегда онъ сражался тамъ, гдѣ битва была жарче, и съ тѣхъ поръ какъ ударъ меча одного изъ хариджитовъ разсѣкъ ему половину лица, у него образовался рубецъ, идущій черезъ носъ вкось по всей щекѣ и придававшій ему дѣйствительно лютое выраженіе. Въ 247 (861) г. его товарищи по оружію, недовольные своимъ тогдашнимъ полководцемъ, поставили во главѣ своей по общему избранію Якуба-Ибнъ-Лейса, или, какъ его обыкновенно звали, Саффара. Честолюбивый и дикій, но одаренный блестящими качествами полководца, Саф-

---

писатель, который во всемъ остальномъ выказалъ себя заслуживающимъ полнаго довѣрія и очень знающимъ, долженъ былъ бы вѣрно описать и эти событія. Но у него въ указанномъ мѣстѣ нѣтъ ничего ровню, кромѣ сообщенія, что Якубъ Саффаръ, во главѣ добровольцевъ, и съ дозволенія Мухаммеда Ибнъ-Тахира (значитъ послѣ 248—862 г.) сражался противъ хариджитовъ въ Седжестанѣ. Необходимо дальнѣйшее разъясненіе прежде, чѣмъ можно вывести обо всемъ этомъ вполне точное сужденіе.

фәръ сьумѣль въ скоромъ времени ввести среди своихъ подчиненныхъ порядокъ и дисциплину. Ихъ влеченіе къ войнѣ и алчность къ добычѣ стала все болѣе и болѣе разгораться благодаря постоянно увеличивавшейся удачѣ ихъ оружія, вслѣдствіе чего отряды эти становятся вскорѣ бичемъ всѣхъ сосѣднихъ странъ. А за этотъ періодъ времени Тахириды продолжаютъ оставаться въ бездѣйствіи. Съ 248 (862 г.) въ Нишапурѣ послѣ смерти Тахира жилъ сынъ его Мухаммедъ, въ то время какъ одноименный съ нимъ дядя его, Мухаммедъ Ибнъ-Абдулла, тщетно тратилъ свои силы среди арабовъ и турокъ въ Багдадѣ. Изъ числа качествъ, присущихъ его роду, Мухаммедъ Ибнъ-Тахиръ наслѣдовалъ великодушіе, благородство, щедрость, любовь къ блеску и роскоши и склонность къ наукамъ и искусствамъ. Но гордая безпечность предковъ выродилась у него въ невоздержанно-безпутную лѣнь и ничего недѣланіе. Онъ вовсе не унаслѣдовалъ отъ перваго Тахира его искусства править государствомъ, а крайняя молодость еще болѣе содѣйствовала тому, что всѣ его слабости выступали какъ можно ярче. Управление страны онъ предоставилъ своимъ дядьямъ и двоюроднымъ братьямъ, такъ что въ Табаристанѣ вѣдалъ государственными дѣлами Сулейманъ Ибнъ-Абдулла, братъ же Сулеймана, Тальха, правилъ въ самомъ Нишапурѣ, между тѣмъ какъ въ столичномъ дворцѣ Мухаммеда царедворцы и поэты кадили ему оиміамъ, а онъ самъ поклонялся Бахусу. Этотъ безпечный, любящій роскошь сибаритъ былъ, конечно, далеко неравнымъ противникомъ того суроваго полководца со страшнымъ рубцомъ во всю щеку, который едва-ли зналъ другое жилище, кромѣ полевой палатки, большею частью ѣлъ одинъ лишь сухой хлѣбъ, спалъ, не снимая сапогъ, и во всю свою жизнь находилъ удовольствіе только въ шумѣ и грохотѣ битвы, въ довершеніе всего не имѣлъ равнаго себѣ соперника также и въ дипломатическихъ уловкахъ и лукавствѣ, основанныхъ на превосходномъ знаніи челоувческаго сердца. «Если ты съ кѣмъ-нибудь прожилъ сорокъ дней и не узналъ доподлинно его характера, то не вникнешь въ него и черезъ сорокъ лѣтъ», была одна изъ любимыхъ его поговорокъ. Самъ онъ дѣйствительно хорошо зналъ всѣхъ, отъ халифа до послѣдняго солдата и простолюдина, изъ среды которыхъ онъ самъ вышелъ. Всѣ его слова,—позже онъ былъ также скупъ на разговоры, какъ и сначала,—носили печать лаконической краткости, и такъ превосходно попадали въ точку, что всегда производили сильное впечатлѣніе на народъ. Когда передъ самой его смертью посланецъ халифа Му'тамида явился отъ имени своего повелителя для мирныхъ переговоровъ въ главную квартиру къ все еще непобѣжденному и наводящему страхъ полководцу даже послѣ пораженія его при Дейръ-аль-Акулѣ (II, 283), Саффәръ велѣлъ впустить къ себѣ посланца, несмотря

на то, что былъ боленъ. Подлѣ Саффара лежалъ мечъ, ломоть грубаго съ отрубями хлѣба и двѣ или три луковицы. Когда посоль передалъ миролюбивое свое порученіе, больной отвѣтилъ ему: «вотъ какія слова скажи отъ меня халифу: «я боленъ,—и если мнѣ придется умереть, то тогда оба мы найдемъ покой, я отъ тебя, а ты отъ меня. Но если я выздоровлю, между нами можетъ быть разговоръ только съ этимъ мечемъ въ рукахъ, пока я не получу полного удовлетворенія, или же пока ты не побѣдишь и не столкнешь меня снова въ ту темную безвѣстность, гдѣ я, какъ прежде, долженъ буду довольствоваться вотъ этимъ хлѣбомъ и лукомъ». Былъ ли бы Мухаммедъ Ибнъ-Тахиръ вообще въ состояніи ѣсть грубый хлѣбъ и лукъ,—вещь довольно сомнительная, да и мечъ въ его рукахъ, еслибъ онъ выступилъ даже во главѣ всего своего войска, наврядъ ли напугалъ бы новаго Рустема. Въ то время какъ Саффаръ въ столицѣ своей родины—Зеренджѣ, устроился совершенно по домашнему, и въ 248 (862 г.) могъ уже предпринять набѣгъ на Хератъ, злосчастное сплетеніе интересовъ Тахиридовъ съ интересами приходящаго въ упадокъ халифата доставило ему вскорѣ такую удачную диверсію на Каспійскомъ морѣ, которая должна была быть рѣшающей для дальнѣйшихъ его успѣховъ. Лица, находящіяся на службѣ у Мухаммеда Ибнъ-Абдуллы, продолжавшаго жить и дѣйствовать въ Багдадѣ, но имѣвшаго въ Табаристанѣ разныя имущественныя дѣла,—возбудили неудовольствіе въ населеніи своими незаконными поступками. Братъ Мухаммеда, Сулейманъ, бывшій въ то время младшимъ намѣстникомъ области, тоже со своей стороны втянулся во все эти дразги и поддержалъ интересы Мухаммеда. Тогда негодованіе и безъ того всегда трудно обуздываемаго горнаго племени обратилось противъ самихъ Тахиридовъ. Населеніе призвало алида Хасана Ибнъ-Зейда (II, 239) и изгнало Сулеймана и его приверженцевъ изъ страны (250==864) г. Возстаніе распространилось быстро и на сосѣдную область дейлемитовъ и дошло даже до Рей и Казвина, такъ что войска изъ Багдада, соединившись съ войсками изъ Нишапура подъ предводительствомъ Сулеймана, должны были совмѣстно дѣйствовать, чтобы окружить возмущившихся. Борьба продолжалась съ мѣняющимся успѣхомъ въ теченіи года (251,=865—6), пока, наконецъ, хоть временно Хасанъ былъ отгнѣненъ въ неприступныя горы Дейлема. Однако уже въ 255 (869) г. мы вновь видимъ его сражающимся съ однимъ изъ турецкихъ полководцевъ изъ Ирака, а въ 256 (870) г. онъ уже опять овладѣлъ Табаристаномъ. Въ то время какъ эти событія отвлекали большую часть силъ Тахиридовъ, Саффаръ въ 253 (867) г. ворвался въ область Херата, разбилъ на голову тамошняго вице-намѣстника и овладѣлъ какъ самимъ Хератомъ, такъ и сосѣднимъ Бушенджемъ. Въ томъ же году умеръ

въ Багдадѣ Тахиридъ Мухаммедъ Ибнъ-Абдулла: мы въ свое время видѣли, какъ его двухъ сыновей награвилъ другъ на друга халифъ Му'тазъ, и вслѣдствіе того вліяніе ихъ дома потерпѣло крушеніе въ Иракѣ. Сулейманъ пытался снова возстановить это потерянное вліяніе, отправившись съ войскомъ въ Багдадъ въ 255 (869) г. на призывъ интригующаго на всѣ лады Му'таза, какъ разъ въ то время, когда алидъ Хасанъ снова угрожалъ Табаристану, а Саффаръ готовился продолжать еще въ болѣе широкихъ размѣрахъ свои разбойничьи набѣги. Изреченіе, что боги сначала отнимаютъ разумъ у того, кого намѣрены погубить, никогда, кажется, не оправдывалось такъ блистательно, какъ именно тутъ, при гибели рода Тахиридовъ, которые въ послѣдніе годы своего существованія точно были поражены слѣпотой. Правда, этой гибели ихъ содѣйствовало отчасти и неимоверно лукавая политика Му'таза (II, 223). Такъ, напр., когда Алій Ибнъ-Хусейнъ, намѣстникъ Фарса, желая воспользоваться явнымъ паденіемъ дома Тахиридовъ, задумалъ отнять у нихъ Кирманъ, халифъ, по безсилію своему не имѣвшій возможности непосредственно вмѣшаться въ это дѣло, не отказалъ Ибнъ-Хусейну въ дозволеніи заручиться Кирманомъ, но одновременно даровалъ и Саффару намѣстничество въ той же странѣ. Халифъ надѣялся, что оба соперника будутъ держать другъ друга на почтительномъ разстояніи. Но онъ жестоко ошибся въ оцѣнкѣ военной ловкости и силы бывшаго мѣдника. Саффаръ сдѣлалъ сначала видъ будто онъ отступаетъ передъ полководцемъ Алія, Таукомъ Ибнъ-Мугалисомъ. Но когда этотъ послѣдній удачно занялъ Кирманъ и сталъ послѣ побѣды легкомысленно и беззаботно пировать, играть и пить, его хитрый противникъ неожиданно негаданно, какъ молнія, бросился на него, взялъ его въ плѣнъ и, не вынимая почти меча изъ ноженъ, овладѣлъ всей областью (255—869) г. Алій понялъ, что ему приходится напрячь теперь всѣ свои силы: Саффаръ шелъ на него спѣшнымъ маршемъ, всюду громко объявляя о преданности своей халифу, который будто бы—онъ лгалъ, конечно,—даровалъ ему намѣстничество не только въ Кирманѣ, но и въ Фарсѣ, и также усиленно выражая негодованіе на теперешняго безсовѣстнаго намѣстника, который держать на службѣ курдовъ-язычниковъ и позволяетъ имъ оскорблять и производить насиліе надъ подданными—мухаммеданами. Что курды Алія обращались съ народомъ также мило, какъ и турецкая гвардія халифа,—весьма вѣроятно, но нельзя предположить, чтобы сыны горнаго Седжестана, проявлявшіе себя чистыми волками въ битвахъ, держали бы себя ягнятами въ мирныхъ сношеніяхъ съ населеніемъ. Что грабежъ шелъ со всѣхъ сторонъ—вещь доказанная. Однажды великій разбойничій повелитель Саффаръ самъ весьма хладнокровно выразился такъ: «мои солдаты — люди свободные, которыхъ я держу и съ

которыми не могу разстаться прежде, чѣмъ будутъ исполнены всѣ ихъ желанія».—Но это, конечно, не мѣшало Саффáру выдавать свое войско за бойцовъ и защитниковъ вѣры; и они, и въ особенности ихъ предводитель всегда были «набожными добровольцами». Какъ бы то ни было, Саффáръ блестяще провелъ свою кампанію. Когда Алій съ 15000 солдатъ заперъ ему узкій проходъ, ведущій между высокими горами и рѣкой Куръ въ долину Шираза, Саффáръ велѣлъ своимъ всадникамъ снять доспѣхи и вмѣстѣ съ своимъ войскомъ бросился прямо въ рѣку. Переплывъ черезъ нее, враги неожиданно очутились у фланга войска Алія и, разрушивъ весь его боевой строй, разбили на голову оторопѣлыхъ солдатъ, раньше, чѣмъ тѣ смогли продѣлать нужную перемѣну фронта. Самъ Алій попался въ плѣнъ и съ него, также какъ и съ Таука, были взяты въ видѣ выкупа неслыханныя суммы денегъ, все-же остальное страшно разграблено. Тогда желанія «свободныхъ людей» были удовлетворены, и Саффáръ послалъ халифу въ подарокъ, въ качествѣ вѣрнопопданнаго намѣстника Кирмана и Седжестана, какимъ онъ теперь числился, мускуса, нѣсколько верховыхъ коней, охотничьихъ соколовъ и роскошныхъ одеждъ. Затѣмъ онъ удалился со своей добычей, отказавшись на время отъ обладанія Фарсомъ, хотя съ милымъ намѣреніемъ вернуться весьма скоро. Выполнить это намѣреніе онъ рѣшилъ въ 257 (871) г., а такъ какъ въ это время халифъ Му'таидъ, правившій съ 256 (870) г.,—или вѣрнѣе дававшій за себя править своему брату Муваффаку, — находился, какъ разъ въ самой сильной борьбѣ съ зинджамъ (II, 282), то выбранный моментъ былъ дѣйствительно наиболѣе благоприятнымъ для возобновленія старой игры. Муваффакъ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія видѣть на собственной шеѣ «намѣстника Седжестана» съ его неразлучными спутниками-солдатами, и отдѣлался отъ угрожавшаго ему посѣщенія дарованіемъ Саффáру другого намѣстничества, подальше. Въ ущербъ Тахиридамъ, которые уже не могли быть опорой для центральнаго правительства,—Саффáру предоставили Балхъ, Тохаристанъ и всю мѣстность дальше до океана и до индійской границы. Эти области были населены разными интересными народностями, такъ, наиримѣръ, кабульскими турками и ихъ сосѣдями, горными племенами Гуръ и Пушту.

Пусть, думалъ Муваффакъ, неудобный вассаль съѣсть о нихъ себѣ зубы. Но могучій полководецъ удачно справился и съ этой трудной задачей. Отнявъ Балхъ у Тахиридовъ и довольно еще умѣренно опустошивъ его, онъ ворвался черезъ проходы Гинду-Куша въ долину Кабула. Въ теченіе почти цѣлаго столѣтія ни одному намѣстнику не дерзала прійти въ голову мысль коснуться самостоятельности турецкихъ владыкъ Кабула, и жители страны могли спо-

койно совершать свое индійское идолопоклонство. Теперь этому былъ положенъ конецъ. Чего не достигли первые великіе мусульманскіе завоеватели, то было совершено Якубомъ-мѣдникомъ. Онъ увелъ въ плѣнъ кабульскаго владыку со всѣми его сокровищами и всѣми его идолами, — и только съ этихъ поръ Кабуль сталъ дѣйстви-тельно мухаммеданской областью. Мы, вѣроятно, не ошибемся, если предположимъ, что всѣ воинственные жители сосѣднихъ мѣстностей по личной охотѣ усиливали собой войска столь славнаго завоевателя, халифу же достались идолы побѣжденныхъ, которые Саффаръ, вмѣстѣ съ другими подарками, какъ всегда, очень любезно послалъ въ Багдадъ. Быть можетъ, что они послужили назиданіемъ Мухаммеду Ибнъ-Тахиру, но правитель государства Муваффакъ, навѣрно, взглянулъ на нихъ съ нѣсколько смѣшаннымъ чувствомъ.

Пока эмиръ Седжестана былъ занятъ организаціей обширныхъ областей, которыя онъ присоединилъ къ своимъ владѣніямъ и которыя, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, захватывали даже нѣкоторыя части Пенджаба, дѣла Мухаммеда-Ибнъ-Тахира очень быстро портились. Алидъ Хасанъ, бывшій теперь неоспоримымъ властителемъ Табаристана, ворвался въ 258 г. (872 г.) въ Джурджанъ, чтобы овладѣть этой мѣстностью. А такъ какъ Нишапуръ отстоитъ отъ границы этого восточнаго побережья Каспійскаго моря всего лишь на какія-нибудь 40 миль, Мухаммедъ-Ибнъ-Тахиръ наконецъ-то собрался теперь съ духомъ для защиты своей родной страны; но, какъ оказалось, слишкомъ поздно. Побѣды храбрыхъ его враговъ, противодѣйствовать которымъ онъ до тѣхъ поръ почти что и не думалъ, — наполнили души преданныхъ его династїи подданныхъ негодованіемъ и страхомъ, а дурно расположенныхъ къ ней — склонностью къ возмущенію. Въ то время, какъ войско его спасалось бѣгствомъ передъ отрядами Хасана (258 г., = 872 г.), въ разныхъ мѣстностяхъ Хорасана, особенно въ горномъ Кухистанѣ, разгорѣлись мятежи. Эти новыя затрудненія, совмѣстно съ разными другими, должны были, наконецъ, привести къ катастрофѣ. За это время въ Седжестанѣ, въ отсутствіе Саффара, нѣкій Абдулла-асъ-Седжезіи (Седжестанецъ) поднялся противъ Саффара. Хотя, вообще говоря, устрашавшій всѣхъ и побѣдоносный полководецъ могъ безусловно и смѣло довѣряться своему войску, но во врагахъ не могло быть недостатка у такого безпощаднаго забіяки, какъ Саффаръ. Когда онъ вернулся на родину, мятежный Абдулла со своими приверженцами долженъ былъ быстро спастись бѣгствомъ и бросился въ сосѣдній Кухистанъ, гдѣ въ заключеніе нишапурскій властитель и Абдулла пришли къ обшудному соглашенію, по которому бѣглець принялъ на себя охраненіе порядка на югѣ, на границѣ Седжестана. И повелителю, одаренному бѣльшей долей тер-

пимости, чѣмъ Саффаръ, не могло бы понравиться такое непосредственное сосѣдство мятежника. А такъ какъ Мухаммедъ-Ибнъ-Тахиръ, высокомерный и гордый какъ всегда, наотрѣвъ отказался выдать Абдуллу, Саффаръ безъ дальнѣйшихъ переговоровъ нагрянулъ съ войскомъ прямо въ Хорасанъ. Когда гонецъ прибылъ съ этимъ извѣстіемъ во дворецъ Тахирида, Мухаммедъ только что удалился въ свои покои для послѣобѣденнаго отдыха и, какъ всегда, заботясь исключительно о своихъ удобствахъ, строго запретилъ будить себя. «Ну», объявилъ тогда гонецъ, принесшій злополучную вѣсть, «теперь уже скоро прибудетъ сюда тотъ, кто не побоится разбудить его».

Благодарность и вѣрность—такого рода качества, которыя, повидимому, и въ настоящее время еще рѣже встрѣчаются въ Персіи, чѣмъ гдѣ-либо въ другихъ странахъ. Но и тогда самые знатные сановники государства поспѣшно отвернулись отъ слабаго своего повелителя, войско его потеряло еще раньше свою энергію и бодрость благодаря предшествовавшимъ событіямъ, и такимъ образомъ всякое сопротивленіе оказывалось бесполезнымъ. Беззаботный Мухаммедъ съумѣлъ придумать для своей защиты одну только достаточно безобидную выходку: онъ послалъ навстрѣчу Саффару гонца съ вопросомъ, можетъ ли онъ предъявить назначеніе его халифомъ намѣстникомъ Хорасана.

«Вотъ мое назначеніе», отвѣтилъ Саффаръ, ударивъ рукой по мечу. А такъ какъ противникъ его не имѣлъ возможности спорить противъ столь вѣскаго довода, то рѣшилъ подчиниться необходимости. Если судить по обычнымъ приемамъ Саффара, побѣдитель отнесся къ побѣжденному на этотъ разъ еще довольно-таки милостиво: онъ удовольствовался тѣмъ, что держалъ Тахирида у себя въ лагерѣ въ не особенно тяжеломъ плѣну. Правда, избалованный князь долженъ былъ сопровождать отнынѣ полководца во всѣхъ его странствованіяхъ, причѣмъ ему, вѣроятно, не разъ суждено было лишаться послѣобѣденнаго сна, пока наконецъ, въ 262 (876 г.) ему, послѣ пораженія Саффара не посчастливилось вновь приобрести свою свободу. Но онъ воспользовался ею только для того, чтобы опять отдаться прежней роскошной и праздной жизни въ великолѣпномъ своемъ дворцѣ въ Багдадѣ.

Саффаръ достигъ теперь вершины своего могущества. Онъ былъ признанный, неоспоримый властитель всѣхъ странъ между Оксусомъ, Индусомъ и океаномъ вплоть до великой персидской пустыни, включая сюда и Кирманъ, т. е. онъ владѣлъ, въ общемъ, почти половиною всего халифскаго государства. Я намѣренно слѣдилъ шагъ за шагомъ за блестящей дѣятельностью и усилками бывшаго мѣдника, чтобы вполне ясно обрисовать обликъ этого замѣчательнаго человѣка,

хотя и не принадлежавшаго къ числу лицъ, наиболѣе достойныхъ въ исторіи Востока, но зато къ наиболѣе выдающимся. Теперь же намъ пора двинуться впередъ, вспомнивъ еще предстоящій намъ длиннѣйшій путь. Счастье—необходимое условіе даже для самаго могучаго военнаго героя: со взятіемъ Нишапура настала для Саффара тотъ моментъ, когда непостоянная богиня повернулась къ нему спиной, быть можетъ, именно лишь затѣмъ, чтобы дать ему случай выказать еще въ болѣе высокой степени всю его силу воли и всю устойчивость его характера. При осадѣ Хорасана Абдулла-асъ-Седжезіи снова спасся бѣгствомъ, но Саффаръ рѣшилъ во что бы то ни стало овладѣть имъ не только изъ одного упрямства, но также и для того, чтобы напугать всѣхъ тѣхъ, которымъ примѣръ мятежника показался бы достойнымъ подражанія. Преслѣдуемый Абдулла искалъ убѣжища у Алида Хасана, владѣнія котораго, охватившія въ ту пору уже весь Джурджанъ, Табаристанъ, Дейлемъ, Казвинъ и Рей, и безъ того грозили ему опаснымъ столкновеніемъ съ довольно-таки безцеремоннымъ пограничнымъ сосѣдомъ. На требованіе, предъявленное Саффаромъ, и Хасанъ отказался выдать ему Абдулла, что конечно оказалось достаточно вѣской причиною для могучаго полководца, чтобы тотчасъ же нагрянуть на Джурджанъ и Табаристанъ. Но этимъ двумъ мѣстностямъ, которыя и по настоящее время доставляютъ не мало хлопотъ всѣмъ владыкамъ Персіи, суждено было положить предѣлъ удачамъ Саффара, подобно тому, какъ они же были причиною гибели Тахиридовъ. Сначала и тутъ Саффаръ сломилъ всякое сопротивленіе, но зато, по разсказамъ, въ непроходимыхъ ущельяхъ Дейлема, въ которыхъ онъ дерзнулъ идти вслѣдъ за врагами, онъ потерялъ 40.000 человекъ. Наконецъ-таки въ 260 (874 г.) онъ по крайней мѣрѣ добился хоть того, что бѣжавшій между тѣмъ въ Рей Абдулла попался ему въ руки. Саффаръ казнилъ его, но ему не удалось помѣшать изгнанному Хасану въ 261 (875) г. снова укрѣпиться въ Табаристанѣ. Разныя обстоятельства были причиною того, что въ это время Саффаръ сдѣлалъ нападеніе на Фарсъ, гдѣ Мухаммедъ-Ибнъ-Василь (II, 282) сталъ болѣе сильнымъ, чѣмъ то казалось дозволителнымъ бывшему мѣднику. Къ тому же, судя по прежнимъ опытамъ, эмиръ могъ рассчитывать здѣсь на болѣе продолжительный успѣхъ, чѣмъ тотъ, который выпалъ на его долю среди скалъ каспійскихъ горныхъ ущелій. Мы помнимъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ завоевалъ Фарсъ и часть Хузистана, но затѣмъ, послѣ тщетныхъ переговоровъ при Дейръ-эль-Акулѣ, близъ Тигра, впервые оказался побѣжденнымъ войсками правителя государства Муваффаки въ открытой битвѣ (262=876 г.).

Непреклонный, пока возлѣ хлѣба и лука лежалъ еще и его по-

бѣдный мечъ Саффѣръ продолжалъ борьбу; но дальновидная политика правителя не даромъ всюду за его спиной возстанавливалa противъ него враговъ. Еще въ 261 (875) г. въ Хорасанѣ вспыхнуло возстаніе, вызванное сторонниками павшихъ Тахиридовъ, и Хусейнъ, болѣе мужественный братъ Мухаммеда-Ибнъ-Тахира, съумѣлъ успѣшно разжечь это возстаніе. Одновременно Саманидъ Насръ-Ибнъ-Ахмедъ былъ непосредственно изъ Багдада утвержденъ въ званіи намѣстника Самарканда (II, 284), чѣмъ для будущихъ временъ на сѣверо-восточной границѣ владѣній Саффаридовъ была создана могучая, соперничавшая съ ними, область. Правда, понадобилось болѣе десяти лѣтъ на то, чтобы Насръ уладилъ различныя внутреннія затрудненія, въ особенности же достаточно непріязненныя отношенія къ одному изъ своихъ братьевъ, жившихъ въ Бухарѣ. Но дружественный союзъ Саманидовъ съ мятежниками въ Хорасанѣ, вслѣдствіе котораго Саманиды заручились прикрытіями и защитой съ тыла,—былъ заключенъ уже Насромъ давно и имѣлъ величайшее значеніе въ борьбѣ съ Саффаромъ. Также и въ Хорасанѣ борьба эта велась изъ разныхъ мѣстъ. Каждый военачальникъ, имѣвшій подъ командой тысячу—другую солдатъ, могъ воспользоваться удобнымъ случаемъ и, прикрываясь именемъ Тахирида или халифа, провозгласить себя повелителемъ какой-нибудь мѣстности и затѣмъ вести оттуда войну противъ другихъ своихъ конкурентовъ. Къ этимъ подражателямъ стараго Саффѣра, которыхъ постоянно набиралось трое или четверо, воевавшихъ другъ съ другомъ,—приходится еще причислить и повелителя Табаристана—Алида Хасана, а позже, послѣ смерти его (270—884 г.), его брата Мухаммеда, которые, и тотъ и другой, имѣли дѣло то съ однимъ, то съ другимъ въ обликѣ друзей или враговъ. Мы отказываемся передавать во всѣхъ подробностяхъ эту войну всѣхъ противъ всѣхъ. Когда бывший мѣдникъ, честолюбие котораго перевернуло все вверхъ дномъ въ столь счастливой до него странѣ, все еще занятый новыми планами противъ халифата, наконецъ, вслѣдствіе болѣзни, окончилъ непокойную свою жизнь, 9 Шаввала 265 г.) (4-го іюня 875 г.) въ Джундишапурѣ,—общее смятеніе достигло высшей степени, такъ что и тогда уже казалось почти невысказаннымъ вообще положить ему конецъ. Несмотря на это, Амръ-Ибнъ-аль-Лейсъ, братъ и наслѣдникъ Саффѣра, не потерялъ мужества. По дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, этотъ человекъ обладалъ выдающимся дарованіемъ государственнаго дѣятеля и умѣнѣемъ ловко обращаться съ людьми. Когда братъ его возвысился до званія полководца, Амръ отказался отъ своего ремесла,—отдачи въ наемъ ословъ,—чтобы вмѣстѣ съ другимъ своимъ братомъ Аліемъ, третьимъ сыномъ Лайса, принять участіе въ неожиданномъ величіи, выпавшемъ на долю ихъ рода.

Быть можетъ, чувство ревности старшаго брата къ младшему помѣшало Амру еще при жизни Саффаръ играть болѣе выдающуюся роль, подобно тому, какъ позже самъ онъ тоже не поддерживалъ хорошихъ отношеній съ третьимъ братомъ—Аліемъ. Во всякомъ случаѣ нужно отдать ему справедливость, что онъ при самыхъ трудныхъ условіяхъ мужественно продержался двадцать три года и нѣсколько разъ возставлялъ, по крайней мѣрѣ хотъ временно, бывшее государство своего брата. Послѣ того, какъ войско признало его повелителемъ, онъ выкинулъ прежде всего очень умную штуку: торжественно подчинившись правителю государства Муваффаку, онъ этимъ обезпечилъ за собой назначеніе на должность намѣстника въ Хорасанѣ, Сиядѣ, Седжестанѣ, Кирманѣ, Испаханѣ и Фарсѣ. То, что онъ, по крайней мѣрѣ въ первое время, не имѣлъ большого значенія въ Фарсѣ, мы узнали еще раньше (II, 284), но съ восточной стороны, послѣ битвы съ перемѣнной удачей, онъ все же укрѣпился, съумѣвъ ловко возстановить другъ противъ друга разныхъ мятежниковъ. Даже болѣе,—одного изъ нихъ онъ успѣлъ склонить на свою сторону. Такимъ образомъ у него были совѣмъ не дурныя карты въ рукахъ, въ особенности когда онъ въ 268 (881—2 г.) подчинилъ себѣ еще и Фарсъ и часть Хузистана. Но въ 270 (883 г.) у Муваффака послѣ уничтоженія зинджей развязались руки, и теперь медаль повернулась своей обратной стороной.

Амру поставили требованіе очистить Фарсъ, а также отказаться и отъ Хорасана въ пользу Мухаммеда-Ибнъ Тахира. Когда же онъ не согласился выполнить эти требованія, войска халифа двинулись противъ него (271—884 г.) и въ 274 (887 г.) онъ окончательно былъ вытѣсненъ изъ Фарса самимъ Муваффакомъ. За это время, тоже въ 271 (884 г.) одинъ изъ эмировъ, сражавшихся въ Хорасанѣ, Рафи-Ибнъ-Харсама, фактически овладѣлъ страной, и Мухаммедъ-Ибнъ-Тахиръ былъ назначенъ намѣстникомъ Хорасана только по имени, такъ какъ въ дѣйствительности онъ и теперь, какъ съ самаго дня своего освобожденія изъ плѣна у Саффаръ, постоянно жилъ и наслаждался жизнью въ Багдадѣ, предоставивъ Рафи управлять страной вмѣсто него. Такимъ образомъ у Амра оставался одинъ лишь Седжестанъ и Кирманъ, пока въ 279 (892) г. Рафи, отнявшій въ 277 (890) г. у Алида Мухаммеда-Ибнъ-Зейда Табаристанъ, не возмечталъ о себѣ слишкомъ много и не задумалъ присоединить къ своимъ владѣніямъ еще и Мидію. Энергичный Му'тадидъ, только что вошедшій на халифскій престолъ, объявилъ алчнаго своего вассала смѣщеннымъ съ его намѣстничества и снова передалъ Хорасанъ Амру, который не далъ повторить себѣ этого два раза. Послѣ разныхъ перемѣнныхъ событій Алидъ Мухаммедъ, разумѣется, снова вмѣшался

въ дѣло. Рафи былъ убитъ 7 Шаввала 283 г. (17 ноября 896 г.) и кромѣ Хорасана Саффаридъ приобрѣлъ снова Табаристанъ. Но честолюбіе его все еще не было удовлетворено, и ему пришла въ голову несчастная мысль приняться теперь за Трансоксанію. Тамъ умеръ въ 279 г. (892—3) Саманидъ Насръ; братъ его Измаиль, который ему наслѣдовалъ, былъ воинственный властитель; онъ отбросилъ назадъ войско Амра, проникшее уже до Бухары, и въ то время, какъ Амръ приготовлялся лично переправиться черезъ Оксусъ, Измаиль предупредилъ его и, разбивъ при Балхѣ, взялъ въ плѣнъ (Раби 287 г. = мартъ 900 г.). Энергично пользуясь побѣдой, онъ не только занялъ теперь страну между Балхомъ и Нишапуромъ, но пошелъ войной еще въ томъ же году на Алида Мухаммеда, убилъ его и завоевалъ Джурджанъ и Табаристанъ. Такимъ образомъ, бывшія владѣнія Саффариды большею частью отошли въ руки Саманида. Одинъ только Седжестанъ оставилъ Му'тадидъ Тахиру, внуку Амра. Самъ же Амръ былъ въ 288 г. (901 г.) отправленъ въ Багдадъ и вскорѣ послѣ смерти халифа (289—902 г.) умерщвленъ здѣсь въ тюрьмѣ. Ни Тахиръ, ни дядя его — Лейсъ-Ибнъ-Алій, пытавшійся оспаривать у Тахира его намѣстничество, не были вывлѣплены изъ того тѣста, изъ котораго были сдѣланы ихъ отцы. Въ концѣ концовъ, имъ пришлось уступить свою власть узурпатору, и когда вслѣдъ затѣмъ въ Седжестанѣ начались безконечные мятежи, вызванные другими Саффаридами, Саманидъ Ахмедъ-Ибнъ-Измаиль, который 15 Сафара 295 г. (25 ноября 907 г.) наслѣдовалъ своему умершему отцу, занялъ въ 298 (910—911 г.) Седжестанъ.

Два года спустя еще разъ одинъ изъ племянниковъ Тахира, Амръ-Ибнъ-Якубъ сдѣлалъ неудачную попытку возстанія. Въ концѣ 300 г. (въ срединѣ 913 г.) его отправили плѣннымъ въ Бухару. Съ нимъ прекратилась эта столь краткоживленная династія; мнимые потомки ея играли позже нѣкоторую роль среди газневидовъ, однако, безъ выдающагося значенія.

ГЛАВА Ш.

Саманиды и Буиды.

Какъ бы ни было велико несчастье, причиненное разбойничьей войной Якуба Саффара бoльшей половиной персидскихъ владѣній, могучій эмиръ все-таки провелъ одну мѣру, которая способствовала прогрессу націи—полнѣйшее отдѣленіе отъ халифата всѣхъ провинцій, лежащихъ къ востоку отъ большой пустыни, чего Тахириды, благодаря богатой послѣдствіями ошибки, не сумѣли сдѣлать въ-время. Можетъ быть, послѣ паденія Саффарида Амра было-бы возможно возобновить Аббасидское вліяніе въ этихъ областяхъ, но расцвѣтъ халифовъ послѣ Мухтади закончился съ преждевременной смертью Муктефи (295—908), и когда во время несчастнаго царствованія Муктедира эмиръ аль умара Мунисъ время отъ времени пытался удержать Кирманъ, Фарсъ и Мидію въ прямомъ подчиненіи Багдадскому двору, то онъ не могъ выполнить даже этой задачи, не говоря уже о томъ, чтобы простереть свою власть за предѣлы Кирмана *), до такой степени ослабѣло раздраемое Карматами, Саджидами и Хамданидами центральное управленіе. Такимъ образомъ весь востокъ былъ открытъ для владычества Саманидовъ. Они никогда не переставали формально признавать верховенство багдадскихъ халифовъ и ставить имена послѣднихъ на своихъ монетахъ, но фактически ихъ династія, со времени храбраго Измаила ибнъ-Ахмеда, истиннаго основателя ихъ государства (царс. 279—295=892=907), и въ особенности со времени плѣненія Саффарида Амра (287—900), была совершенно независима, и имъ никогда не приходило въ голову посылать дань въ Багдадъ или чѣмъ-нибудь помочь лежащей при послѣднемъ издыханіи свѣтской власти халифата. Когда же ихъ владѣнія, кромѣ Трансоксаніи, захватывали еще и об-

---

*) Послѣдняя слабая попытка къ этому произошла въ 301 (914 г.) въ Седжестанѣ, но, конечно, не имѣла настоящаго успѣха.

ласти Балха и Херата, *) Седжестана, Хорасана, Джурджана, Табаристана и Рей (сѣверной Мидіи), когда съ другой стороны намѣстники Испахана, Кирмана, и Фарса сохраняли стремленіе освободиться отъ падающей власти халифовъ, то можетъ показаться, какъ будто персидскія провинціи имѣли уже тогда полную возможность соединиться въ одно большое національное государство. Но объ этомъ тогда еще и рѣчи не возникало; напротивъ того, исторія послѣдующаго столѣтія сводится къ тому, что персы доказали свою полную неспособность основать, на почвѣ отношеній, созданныхъ исламомъ, самостоятельный и сколько-нибудь прочный государственный строй, который объединилъ бы всѣ составныя части народа отъ Бухары до Шираза. О причинахъ этого, послѣ всего сказаннаго въ началѣ настоящей книги, много распространяться не приходится: то былъ недостатокъ постоянства и единомыслія и отсутствіе связующаго элемента, которымъ со временемъ послужить должно было только что начинавшее развиваться шиитство. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, преимущественно въ прикаспійскихъ провинціяхъ, свободолюбивое населеніе, которое давно уже отложилось отъ Аббасидовъ, присоединилось къ алидскому воинственному клику; въ другихъ мѣстахъ правовѣріе и шиитство еще уравнивались, а мѣстами между ними не существовало еще рѣзкаго распадѣнія, такъ что о шиитствѣ, которое во всѣхъ округахъ Персіи замѣняло-бы отсутствующій патриотизмъ, какъ это было впослѣдствіи при Сефевидлахъ **), тогда не могло быть и рѣчи. При такихъ условіяхъ, объединеніе всего народа могло быть только насильственнымъ, подъ рукою гениальнаго правителя или великаго завоевателя; но такого дѣятеля судьба не дала тогда странѣ; а когда онъ явился, и опять во главѣ чужеземнаго нашествія, Персія была самымъ злополучнымъ образомъ раздроблена; это было бѣдствіемъ, отъ котораго и Саманиды не могли ее предохранить.

Династію, правившую между 287 (900)—389 (999) г.г. Трансоксаніей и подчиненными ей областями, нельзя причислить къ слабымъ и неспособнымъ. Недаромъ подданные Саманидовъ, незадолго до конца ихъ правленія, дали имъ слѣдующее опредѣленіе: «Глина ***) изъ которой возведенъ домъ Самана, пропитана водой изъ источника щедрости и великодушія; прощеніе и забвеніе ошибокъ и проступковъ слугъ своихъ—старый обычай и извѣстное обыкновеніе членовъ этой семьи». Въ самомъ дѣлѣ основною чертою политики Саманидовъ является стремленіе съ широкой терпимостью согласовать интересы населенія

*) С. Мирхонда „Histoire des Samanides, p. de Frémery, Парижъ, 1845 г. стр. 63 текста, 174 перевода.

**) Кабуль только послѣ смерти Саффара вернулъ себѣ независимость.

***) Медкольмъ, History of Persia, Лондонъ 1815, II, 381.

различныхъ мѣстностей и различныхъ классовъ народа въ одной и той-же мѣстности. Едва-ли гдѣ либо на востокъ въ средніе вѣка мы можемъ встрѣтиться съ такой широкой религіозной вѣротерпимостью: при этомъ дворѣ могло случиться, что одинъ поэтъ, Аль-Кисаи изъ Мерва, воспѣвалъ хвалу Алію и 12-ти имамамъ а другой, Дакки изъ Туса, даже открыто заявлялъ себя послѣдователемъ ученія Зороастра. Точно также мало соответствовало обыкновеннымъ нравамъ исламскихъ властелиновъ та легкость, съ какою мятежные намѣстники получали помилованіе, какъ только они приносили покаяніе въ своемъ самоуправствѣ; причемъ прощеніе примѣнялось не затѣмъ, чтобы при первой возможности коварно избавиться отъ помилованнаго, а было вполне искренно. Взаимное отношеніе между членами царствовавшаго дома было гораздо дружественнѣе, чѣмъ среди семействъ Омайядовъ и Аббасидовъ; при неопредѣленности закона о престолонаслѣдіи и вслѣдствіе чрезмѣрнаго вліянія высшихъ сановниковъ государства на занятіе престола тѣмъ или другимъ лицомъ, часто возникала борьба партій; однако можно указать только на одинъ случай гдѣ, при крайне затруднительныхъ условіяхъ, одинъ изъ Саманидовъ рѣшился приказать выколоть глаза двумъ своимъ мятежнымъ братьямъ. Такого рода внутренней политикѣ, которая была возможна только благодаря извѣстной умѣренности со стороны нѣкоторыхъ вліятельныхъ знатныхъ родовъ, вполне соответствовало не менѣе ясно выраженное миролюбіе и во внѣшней политикѣ. Замѣчательное совпаденіе представляетъ то обстоятельство, что воинственный духъ встрѣчается только у перваго дѣйствительно самостоятельнаго эмира Измаила-ибнъ-Ахмеда и у послѣдняго представителя своего рода, Измаила, прозваннаго Мунтасиромъ, сдѣлавшаго тщетную попытку возстановить владычество своихъ предковъ. Другіе же члены этого дома, проживая въ Бухарѣ, которую Измаилъ избралъ своей резиденціей, на ряду съ придворной жизнью внимательно слѣдили за образомъ дѣйствій своихъ намѣстниковъ и ленниковъ. Первые признаки мятежа усмирялись немедленно, причемъ эмиры рѣдко становились лично во главѣ войска, въ большинствѣ же случаевъ предоставляли это своимъ полководцамъ. При томъ ни одинъ изъ нихъ, кромѣ Измаила, не переходилъ за сѣверныя границы для поисковъ славы и добычи въ областяхъ турецкаго хана; враждебность проявлялась только тогда, когда приходилось отражать вторженія, которыя случались весьма рѣдко. Населеніе Кабула и прилегающихъ къ нему округовъ, кромѣ долины Газны, доступной со стороны Седжестана, предоставлено было самому себѣ, подобно Гүру. Только съ одной стороны невозможно было удержать мирную политику: на западѣ узкая полоса, которую образовали Джурджанъ и Табаристанъ, между сама-

нидскимъ Хорасаномъ и мидійскими округами, представляла мость для постоянныхъ вторженій неудобныхъ сосѣдей. Въ продолженіе цѣлаго столѣтія здѣсь почти непрерывно нарушался миръ и, чтобы по возможности защитить Хорасанъ, бухарскіе эмиры принуждены были вмѣшиваться въ дѣла тѣхъ провинцій, которыя они, надо полагать, при другихъ условіяхъ, предоставили бы съ величайшимъ удовольствіемъ самимъ себѣ. Саманидское государство, по всему своему строю, нисколько не было расположено дѣлать серьезныя попытки поглощенія западно-персидскихъ областей; для этого потребовалось бы слишкомъ большое напряженіе всѣхъ ихъ силъ. Вслѣдствіе того, что халифатъ не въ состояніи былъ удержать за собою Кирманъ, Фарсъ и Мидію, а злополучный партикуляризмъ не допускалъ объединенія, ихъ непрерывныя столкновенія и безпорядки здѣсь — явленія весьма понятныя. Все это, при безсильномъ раздробленіи указанныхъ областей, было бы для Саманидовъ безразлично, еслибы не безпокойное населеніе горъ и ущелій Прикаспійскаго побережья, которое, при общемъ упадкѣ, несмотря на свою малочисленность, представляло силу первостепенной важности. И въ лучшія свои времена халифатъ не вполне могъ съ ними справиться, поэтому само собою понятно, что они пользовались первой возможностью для набѣговъ въ богатыя мѣстности Мидіи и Хорасана. Намъ уже извѣстно, что кажущейся побудительной причиной ихъ набѣговъ была преданность дейлемитовъ, табаристанцевъ и др. Алидамъ, которые со своей стороны нашли здѣсь впервые дѣйствительную почву для борьбы съ аббасидскимъ халифатомъ. Они не были уничтожены одновременно съ Саффаридами, хотя ихъ представитель, Мухаммедъ-Ибнъ-Зейдъ, и погибъ во время послѣдней войны. Для обезпеченія мира Хорасану Саманидъ Измаиль принужденъ былъ, кромѣ Джурджани, также занять Табаристанъ: согласно распоряженію халифа Муктефи, онъ одновременно завладѣлъ и Реемъ, куда онъ назначилъ намѣстникомъ своего племянника, Мансура-Ибнъ-Исхака. Въ продолженіе царствованія Измаила, и въ началѣ царствованія сына его, Ахмеда II (295 — 301 = 907 — 913), подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ великихъ событій, все повидимому шло хорошо, но другой представитель Алидовъ, Хасанъ-Ибнъ-Алій, прозванный Аль-Утрүшъ («нѣмой»), сѣялъ смуту между дейлемитами, въ 301 (913—4) г. организовалъ возстаніе среди табаристанцевъ, недовольныхъ своимъ саманидскимъ намѣстникомъ, и низкой хитростью овладѣлъ всей страной. Затѣмъ онъ направился на Джурджанъ и Хорасанъ въ 315 (927) г., завладѣлъ Реемъ, и съ тѣхъ поръ эти провинціи вмѣстѣ съ Прикаспійскимъ побережьемъ ушли изъ-подъ непосредственнаго владычества Саманидовъ. Послѣдніе придерживались самой разумной съ ихъ стороны политики,

заклучавшейся въ возможно меньшей трагѣ своихъ силъ для борьбы въ этихъ отдаленныхъ провинціяхъ и предоставленіи ихъ милому населенію быть вполне самимъ собою до тѣхъ поръ, пока трудно угасимый огонь этотъ не давалъ себя чувствовать и въ Хорасанѣ. Послѣднее случалось довольно часто, и Саманидскіе намѣстники въ Нишапурѣ, принадлежали ли они семьѣ царствующаго дома, или были какъ впоследствии, представителями знатныхъ родовъ, рѣдко могли противостоять искушенію воспользоваться этой непрерывной борьбой для занятія независимаго отъ Бухары положенія. При сынѣ Ахмеда, Насрѣ II (301—331=914—943), который вступилъ на престолъ еще ребенкомъ, такого рода событія не представляли еще прямой опасности для царствующаго дома; едва достигнувъ 20-ти лѣтняго возраста, онъ самъ въ 313 (925 г.) во главѣ войска направился въ Рей; а потомъ ему пришлось подавить мятежъ, вызванный за его спиной двумя его братьями. Но къ сожалѣнію правитель этотъ, который проявлялъ, какъ намъ передаютъ, кромѣ энергіи, много привѣтливости и великодушія, и покровительство котораго дало сильный толчекъ развитію персидской поэзіи, скончался на 38 году жизни. Царствованіе его сына, Нуха II (331—344=943—954), вслѣдствіе возрастающаго неподчиненія ближайшихъ его родственниковъ, другихъ эмировъ, и войска, становилось уже довольно неспокойнымъ. Но за этимъ умнымъ правителемъ надо признать ту заслугу, что онъ не только, подобно своимъ предкамъ, явился счастливымъ покровителемъ науки и искусства, но и съумѣлъ ловкой политикой удачно бороться со своими внутренними и внѣшними врагами. Дѣятельность его была настолько успѣшна, что кратковременное царствованіе сына его Абдальмелика I (343—350=954—961) г., который убитъ при паденіи съ лошади, прошло почти спокойно. Но его преемникъ, братъ его Мансуръ I (350—365=961—976) *) въ числѣ своихъ противниковъ, до вступленія на престолъ, имѣлъ вліятельнаго турецкаго эмира Альштегина, тогдашняго намѣстника Хорасана. Когда же вскорѣ послѣ вступленія на престолъ Мансуръ пригласилъ намѣстника ко двору, турокъ увидѣлъ въ этомъ для себя опасность. Такъ какъ большинство его подчиненныхъ отказались измѣнить Мансуре, то онъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ тысячъ **) приверженцевъ бросился въ Балхъ, откуда онъ черезъ Кабульскіе проходы перешелъ въ Газну, гдѣ укрѣпился и разбилъ войска, высланныя противъ него Мансуромъ. Послѣ его смерти, нѣсколько его товарищей были послѣдовательно предводи-

*) По другимъ извѣстіямъ, особенно столь достовѣрнаго Ибнъ-аль-Асира, Мансуръ умеръ только въ 366 (779) г., я же считалъ нужнымъ придерживаться Утбія, который стоялъ ближе всѣхъ къ этимъ происшествіямъ.

**) По другимъ источникамъ съ 700 человекъ.

телями все усиливающихся новымъ приливомъ отрядовъ и наконецъ власть перешла къ другому представителю турецкаго племени—Себуктегину (366=977). Будучи выдающимся полководцемъ, онъ, для расширенія своихъ владѣнй, предпринималъ походы въ Седжестанъ, въ Афганистанъ (здѣсь мы встрѣчаемся въ первый разъ съ этимъ названіемъ, которое равнозначуще Пушту),—простирая свои набѣги до богатыхъ индійскихъ владѣнй; позднѣе, по приглашенію сына Мансура, Нуха III (366—387=977—997), онъ со своими войсками усмирять опасные мятежи въ провинціяхъ, которыя составляли какъ-бы сердце Саманидскаго царства (384=994). Впослѣдствіи мы съ нимъ еще встрѣтимся, какъ съ мажордомомъ Нуха II и его сыновей, Мансура II (387—389=997—999) и Абдальмелика II (389=999), послѣдняго властелина изъ дома Саманидовъ; теперь же пора обратить наше вниманіе на тѣ перемѣны, которыя произошли на западѣ.

Въ свое время было уже отмѣчено, что у каспійскихъ народовъ, особенно между жителями Дейлема, менѣе чѣмъ гдѣ либо въ Персіи, предпочтеніе, оказываемое ими Алію и его роду, имѣло дѣйствительно побудительной причиной вопросы религіи. Дикій, независимый духъ этихъ племенъ, бывший источникомъ такого предпочтенія, тотчасъ-же направлялся противъ самихъ Алидовъ, коль скоро тѣ послѣ побѣды мечтали серьезно приняться за управление предполагаемыхъ своихъ почитателей. Главари, которымъ выпадала первая роль при такихъ условіяхъ, были люди въ родѣ Саффара, безцеремонные предводители шаекъ, которые, по минованіи надобности, не признавали надъ собою ничьей посторонней власти, хотя бы даже самого Алія, и нисколько не стѣснялись переходить на службы даже къ врагамъ своихъ имамовъ, если только они предвидѣли вознагражденіе или добычу. Многіе изъ нихъ были еще послѣдователями Зороастра или маздакиты (II, 183, 195)—словомъ, изъ такихъ элементовъ не могло образоваться объединенное алидское государство. Поэтому прошло немного времени послѣ побѣды Утруша и вскорѣ затѣмъ послѣдовавшей его смерти (304=917), когда подданные стали выражать свое недовольство его преемниками. Начались безконечныя войны между Алидами, саманидскими намѣстниками и нѣсколькими предводителями мѣстнаго ополченія; между послѣдними выдвинулся своими побѣдами нѣкто по имени Мердавиджъ Ибнъ Зіяръ *), родомъ изъ Гирана, причисляемаго къ Дейлему. Къ 320 (932 г.) онъ измѣнническимъ образомъ составилъ себѣ довольно значительное государство,

*) Или Зіядъ, по болѣе старинному, но менѣе вѣрному произношенію, и вслѣдствіе этого родъ Мердавиджа назывался также Зіядитами.

которое, кромѣ большей части *) Джурджана, Табаристана и Дейлема, заключало въ себѣ всю Мидію до Хамадана, Хульванъ и Испахань, и отсюда полчища его предпринимали свои хищническіе набѣги на Хузистанъ. Но его могущество было не очень-то продолжительно. Въ числѣ его военачальниковъ находились три сына Абу-Шуджа, Буя изъ Дейлема, который раньше сражался подъ знаменами Саманидовъ и ихъ потомковъ. Это были: Алій, Хасанъ и Ахмедъ, Буиды, какъ ихъ обыкновенно называютъ по имени ихъ родоначальника. Это были суровые, жестокіе люди, которые едва ли признавали какую либо религію, кромѣ своего меча, хотя по привычкѣ они выдавали себя за шиитовъ. Старшій изъ нихъ, Алій, повелѣвалъ всѣмъ войскомъ, которое находилось подъ ихъ знаменами; онъ отнялъ Испаханъ у намѣстника халифа Кахира (II, 230). Эта побѣда особенно обезпokoила Мердавиджа, который и безъ того относился съ недовѣріемъ къ Буидамъ; онъ предчувствовалъ въ нихъ неудобныхъ конкурентовъ и предпочелъ лучше вернуть Испаханъ безсильнымъ халифамъ, чѣмъ оставлять его въ рукахъ такихъ опасныхъ друзей. Но этимъ онъ ихъ превратилъ въ открытыхъ враговъ: хотя сначала они отступили на югъ къ Арраджану, лежащему въ Фарсѣ (320—932), но теперь стали воевать совершенно самостоятельно. Счастье покровительствовало имъ и они нѣсколько разъ разбили намѣстника халифа, покорили Ширазъ (322—934) и завладѣли цѣлой провинціей; послѣ смерти Мердавиджа (323—935) они отняли у его брата и преемника, Вашмегира, Мидію отъ Испахана до Рей и Казвина. Борьбу изъ за мидійскихъ городовъ, не прекращавшуюся до смерти Вашмегира, велъ Хасанъ; Алій оставался въ Фарсѣ. Третій Буидъ, Ахмедъ, занялъ Кирманъ и затѣмъ направился къ Хузистану, правителями котораго именовъ халифа были тогда сыновья Баридія (II, 263). Мы знаемъ (II, 264) насколько сложная борьба между ними и различными эмиръ аль-умарá облегчила Ахмеду его наступательное движеніе на западъ; еслибы ему не приходилось такъ часто уклоняться, чтобы поддержать брата своего Хасана противъ Вашмегира, онъ бы могъ еще гораздо раньше добратъся до Багдада (11 Джумада, I, 334—11 декабря 945 г.). Одновременно съ тѣмъ, какъ халифъ вынужденъ былъ дать ему почетный титулъ Му'изъ адъ-даула («укрѣпитель государства»), братья его, Алій и Хасанъ, названы были 'Имадъ-адъ-даула («опора государства») и Рукнъ-адъ-даула («столпъ государства»): и подобныя же прозвища на ряду съ собственнымъ именовъ, а иногда и вмѣсто собственного имени, получали и ихъ преемники.

Такимъ образомъ къ 340 (951—2) г. въ Персіи было три госу-

---

*) Въ нѣкоторыхъ округахъ Алиды держались еще гораздо позднѣе, но виѣшнее вліяніе ихъ было уже очень незначительно.

дарства: на востокъ—Саманидъ съ Трансоксаніей, съ полунезависимымъ, съ собственнымъ шахомъ, Хорезмомъ (Хивой), Балхомъ, Мервомъ Хератомъ и Хорасаномъ; на западъ—Буидъ съ Кирманомъ, Фарсомъ, Хузистаномъ и Иракомъ, а между ними Вашмегиръ съ Джурджаномъ и Табаристаномъ; Мидія же, и особенно Рей, является яблокомъ раздора для всѣхъ трехъ. Маленькое государство Вашмегира, заключенное между сидящими крѣпко на своихъ мѣстахъ Саманидами и быстро возрастающей силой Буидовъ, которые владѣли половиной Персіи, должно было скоро почувствовать себя точно въ тискахъ. И дѣйствительно, въ 331 (943) г. Рукнъ-адъ-даула завладѣлъ Рейемъ, и хотя одинъ изъ полководцевъ Саманида Нуха II отнялъ у него Рей, но Вашмегиръ уже не былъ въ состояніи одновременно бороться съ обоими врагами, тѣмъ болѣе, что отряды мятежниковъ и бухарскія войска въ самомъ Табаристанѣ и Джурджани доставляли ему значительныя затрудненія. Все это заставило его (332=944) броситься въ объятія Саманидовъ, для которыхъ союзъ съ такимъ выдающимся полководцемъ былъ весьма желателенъ; онъ, какъ и наслѣдовавшіе ему сыновья, Бисутунъ (356—366 = 967—976—7) и Кабусъ (366—403 = 976—7—1012—13), не взирая ни на какія переменныя обстоятельства, вѣрно служили бухарскимъ эмирамъ, особенно же съ тѣхъ поръ, какъ Буиды окончательно захватили у нихъ ихъ владѣнія и имъ пришлось раздѣлить со своими союзниками печальную участь быть вытѣсненными сильнѣйшими. Въ подробности непрерывной борьбы между Буидами, которые овладѣли всей Мидіей, включая Рей съ округами, съ постепенно все болѣе выходящими изъ повиновенія саманидскими наместниками въ Хорасанѣ и различными предводителями шаекъ, мы останавливаться не будемъ; и безъ того видно, что вѣчно зіяющая рана на этой окраинѣ саманидскаго государства должна была довести его до окончательнаго истощенія всѣхъ его силъ. Побѣды, доставшіяся на долю Буидовъ, въ сущности принесли имъ мало счастья. Обладая такимъ обширнымъ государствомъ, они могли бы многое сдѣлать, если бы ихъ династія, въ короткій промежутокъ времени, не распалась бы на безконечное множество князьковъ; междоусобныя распри привели ихъ почти настолько же быстро къ гибели, насколько блестяще было ихъ возвеличеніе. Отсутствие твердыхъ законовъ престолонаслѣдія, висѣвшее, какъ проклятіе, надъ всѣми восточными народами,—и избавиться отъ котораго удалось только Османамъ практичной и столь же ужасной мѣрой (I, 236),—скорѣе, чѣмъ кому бы то ни было, дало себя чувствовать Буидамъ. Достоинно удивленія то согласіе, которое до конца царило между тремя братьями, родоначальниками, и умѣніе, съ которымъ одинъ изъ нихъ, пережившій другихъ, сдерживалъ молодыхъ подростяющихъ родственниковъ. Но съ его

смертью (366=977) распались послѣднія узы, связывающія многочисленныхъ членовъ этого дома. Государство халифовъ распалось вслѣдствіе невозможности управлять изъ Багдада, какъ изъ центра, непокорными намѣстниками, и та же причина извела династію государствъ, которыя выросли на мѣстѣ его распаденія; только Буидовъ, соотвѣтственно происхожденію ихъ могущества, постигла другая участь. Они играли въ халифатствѣ ту же роль, какую играли въ Германіи эрнестинскіе Веттины; но по происхожденію своему они не отличались кротостью, и послѣдствія продолжавшагося дѣленія государства ихъ отягчались еще непрерывными семейными войнами. Причина, побуждавшая ихъ къ дѣленію, весьма понятна. Какъ шитамаъ, имъ и въ голову не могла придти мысль считать себя только намѣстниками аббасидскихъ халифовъ, правда, за этими послѣдними, въ виду суннитскихъ словъ народа, было сохранено право сохранять свое имя на монетахъ и поминаться въ молитвахъ (II, 268) и у нихъ же они продолжали брать свою инвеституру, но войско, состоявшее изъ дейлемитовъ и игравшее главенствующую роль, было не воспримчиво къ подобному наименованію: намѣстниковъ. Войско признавало только сыновей Буи, которые предводительствовали имъ къ побѣдамъ, славѣ и добычѣ, поэтому требовалось, чтобы имъ продолжали предводительствовать тѣ же сыновья Буи. Отъ этихъ возрѣній не рѣшались отучить войско; поэтому всѣ важныя военныя посты замѣщались по возможности членами семьи, т. е. всѣ провинціи распредѣлялись между членами этого рода. Но такъ какъ всѣ эти члены были между собой равноправны, какъ первые три брата между собой, то верховный авторитетъ существовалъ лишь до тѣхъ поръ, пока находился въ живыхъ одинъ изъ трехъ братьевъ—основателей государства. Какъ только послѣдній изъ нихъ умеръ, двоюродные братья немедленно сѣпились другъ съ другомъ не только изъ-за вопроса, кому быть теперь эмиръ-эль-умаръ, сколько изъ-за раздѣленія могущества по существу, а оно зависѣло отъ величины владѣній каждаго. Къ этому надо прибавить, что въ династіи такого происхожденія и съ такимъ прошлымъ не могло быть недостатка въ честолюбцахъ, которые бы считали себя въ полномъ правѣ стремиться къ захвату всѣхъ бухарскихъ владѣній въ однѣ руки. Все это должно было между этими дикими и распущенными членами семьи создать такія жестокія семейныя отношенія, какія и у Аббасидовъ были немногимъ мягче. Разница заключалась лишь въ томъ, что Аббасиды примѣняли яды и тайное насиліе, а менѣе образованные и коварные Буиды практиковали открытыя убійства или, если они были родственно настроены, простое ослѣпленіе *) своихъ милыхъ родственниковъ.

*) Оно производилось посредствомъ раскаленнаго заостреннаго металлическаго стержня.

Въ общихъ чертахъ, которыми наше изложеніе должно ограничиться, дальнѣйшій ходъ вещей былъ слѣдующій. Послѣ округленія Буидскихъ владѣній Кирманомъ, Фарсомъ, Мидіей, Хузистаномъ и Иракомъ, самый спокойный и непритязательный изъ всѣхъ братьевъ, Имадъ-адъ-даулъ, удовлетворился завоеваннымъ имъ Фарсомъ и признаніемъ его главой рода. Мидія досталась Рукнъ-адъ-даулъ, а Хузистанъ и Иракъ Му'иззъ-адъ-даулъ. Послѣ смерти Имада *) главенство въ родѣ перешло къ слѣдующему за нимъ брату Рукну, а Фарсъ, за отсутствіемъ прямыхъ мужскихъ наслѣдниковъ, достался старшему сыну Рукна, Адудъ-адъ-Даулъ («рука государства»). Онъ былъ очень честолюбивъ; послѣ смерти дяди его, Му'изза (356—967 г.) Багдадъ и Иракъ перешли къ сыну его, Бахтіяру, по прозвищу Изъ **) адъ-даулъ; при его слабомъ правленіи начались столкновенія и междоусобія дейлемитовъ и наемныхъ турецкихъ войскъ. Адудъ явился по его зову на помощь своему двоюродному брату, но послѣ возстановленія порядка взялъ съ собою въ плѣнъ слабого правителя и захватилъ себѣ его государство. Рукнъ-адъ-даулъ, который очень дорожилъ согласіемъ между членами своего рода, сильно возмущился самоуправнымъ поступкомъ Адуда, и ярость его была такъ велика, что Адуду, боявшемуся, что ему самому придется пострадать вслѣдствіе гнѣва высокочтимого всѣми дейлемитами главы рода Буидовъ, пришлось уступить. Примиреніе состоялось, и Бахтіяру были возвращены его владѣнія. Незадолго передъ своей смертью Рукнъ-адъ-даулъ (366—976) призвалъ своихъ трехъ сыновей къ себѣ въ Испаханъ и напомнилъ имъ о необходимости единенія и согласія, которыми домъ Буидовъ обязанъ своимъ возвышеніемъ; послѣ чего онъ назначилъ Адудъ-адъ-даулу своимъ преемникомъ и владѣтелемъ всего государства, выдѣливъ изъ него лишь Испаханъ съ прилегающими землями для Му'айидъ-адъ-даулы и остальную часть Мидіи для Фахръ-адъ-даулы, однако же все это подъ сюзеренствомъ Адуда. Когда же Рукнъ-адъ-даула умеръ въ томъ же году (366—977) въ Реѣ начался раздоръ между братьями, вслѣдствіе котораго Му'айидъ съ согласія Адуда захватилъ владѣнія Фахра; только послѣ смерти бездѣтнаго Му'айида (373; конецъ 983 или начало 984) знатные люди государства вызвали обратно бѣжавшаго передъ тѣмъ въ Нишапуръ Фахра, который теперь сталъ управлять Мидіей, Табаристаномъ и Джурджаномъ, до тѣхъ поръ, пока они не были отобраны у Кабуса. И позже области эти остались за его потомствомъ, хотя и не безъ междоусобія; эту династію мы будемъ называть Буидской дина-

*) Краткости ради прибавленіе «Ад-даула» опускается.

**) Точнѣе: изъзъ.

стей Фахр-адъ-даулы. Вѣроятно Адудъ постарался бы воспрепятствовать образованію этой династіи, еслибъ онъ не умеръ раньше Му'айида. Тотчасъ же послѣ смерти отца своего Рукнъ-адъ-даулы, жестокой и упрямый Адудъ снова вытѣснилъ своего двоюроднаго брата Бахтіяра изъ Багдада, а затѣмъ, когда Бахтіяръ нашель поддержку у Хамданита Абу-Таглиба, онъ разбилъ его при Текритѣ, взялъ въ плѣнъ и убилъ. Такимъ образомъ было устранено и потомство Му'йзза, такъ какъ попытка, предпринятая сыновьями Бахтіяра еще въ 383 (993) въ Фарсѣ, кончилась для нихъ неудачею. Послѣдній изъ этихъ сыновей, о которомъ до насъ дошли свѣдѣнія, нашель послѣ жизни, полной приключеній, въ 383 г., насильственную смерть въ Кирманѣ. Адудъ-адъ-даула считается на Востокѣ самымъ значительнымъ изъ всѣхъ Буидовъ, и дѣйствительно у него ни въ какомъ случаѣ нельзя отнять большую энергію и предпримчивость. Взявъ во вниманіе совершенно зависимое отъ него положеніе Му'айида, онъ является единственнымъ, который еще разъ соединилъ подъ своимъ скипетромъ всѣ буидскія владѣнія. Къ тому же онъ непосредственно подчинилъ себѣ еще и Мосулъ и обуздалъ курдовъ, которые долгое время среди Мосула и Хамадана вели себя крайне независимо. Наконецъ, даже властитель хамданитскій, халебскій и сѣверо-сирійскій, Са'дъ-адъ-даула, подчинился ему, что впрочемъ не имѣло практическаго значенія. Ему нечего было опасаться византійцевъ, которые во времена Му'йззъ-адъ-даулы не разъ проникали въ Месопотамію (II, 271), теперь же все ихъ вниманіе было отвлечено вторженіемъ Фатимидовъ въ Сирію (II, 273) и также мало долженъ онъ былъ бояться арабскихъ карматовъ, которымъ съ ихъ стороны скорѣе приходилось заискивать дружбу Буидовъ (II, 327). Съ Фатимидами въ Египтѣ и Сиріи онъ могъ держаться вѣжливаго, хотя и недовѣрчиваго нейтралитета; словомъ, западныя границы его государства были вполне обезпечены, точно такъ же, какъ и въ персидскихъ провинціяхъ никто не осмѣлился бы сопротивляться его авторитету. Его царствованіе представляетъ вообще собою высшую точку буидскаго могущества; но, придерживаясь справедливости, нельзя умолчать о томъ, что и самъ онъ послѣ долгаго промежутка времени былъ первымъ государемъ, сдѣлавшимъ со своей стороны нѣчто для исцѣленія ужасныхъ ранъ, нанесенныхъ Ираку во время междоусобныхъ войнъ послѣднихъ столѣтій. Разрушенныя мечети и другія общественныя зданія въ Багдадѣ были имъ вновь возстановлены; онъ построилъ больницы, вырылъ засыпанные каналы и колодцы, раздавалъ изъ государственныхъ средствъ помощь обѣднѣвшему люду и старался назначеніемъ пенсіи поэтамъ, ученымъ, врачамъ и т. д., содѣйствовать народному развитію и общественному преуспѣянію. Само собой разу-

мѣется, что его заботливость простиралась также и на священныя мѣстности шитовъ въ Неджефъ и Кербелъ, гдѣ онъ вновь возвелъ разрушенныя Мутевакилемъ (II, 218) гробницы Алидовъ. Но не долго пользовались его подданные такимъ благопріятнымъ для нихъ положеніемъ дѣлъ. Въ 372 (983) г. эмиръ умеръ въ припадкѣ эпилепсіи; государство онъ раздѣлилъ между тремя своими сыновьями, вслѣдствіе чего эти послѣдніе, Самсамъ-адъ-даула, Беха-адъ-даула и Шерефъ-адъ-даула, повели между собой новую братоубійственную войну, изъ которой лишь въ 380 (996) г., послѣ смерти обоихъ своихъ братьевъ, вышелъ побѣдителемъ Беха-адъ-даула. У него было четыре сына, и во время ихъ правленія (съ 403=1012 г.), а еще болѣе во время правленія ихъ потомства, раздробленіе государства и враждебныя отношенія правителей между собой увеличивались все болѣе и болѣе и одновременно съ этимъ, само собой разумѣется, и неподчиненіе имъ турецкихъ и дейлемитскихъ второстепенныхъ предводителей войскъ. Поэтому буидская династія Беха-адъ-даулы, владычество которой было конечно, ненавистно курдскимъ и арабскимъ бедуинамъ Месопотаміи и южнаго Ирака, не могла уже удержать за собой эти области. Послѣ того, какъ предводители различныхъ племенъ въ этихъ несчастныхъ округахъ передрались досыта, съ 380 (990) г. Діарь-Бекръ (II, 229, прим. I) остался въ рукахъ курдскихъ Мерванидовъ, Мосулъ попалъ подъ владычество арабскихъ Укейлидовъ; къ этому прибавились позже еще дальнѣйшія арабскія племена: Нумейриты около Эдессы, Мазьядиты у Евфрата, на западъ отъ Багдада, и Дубейситы въ южномъ Иракѣ; что Халебъ въ V (XI) столѣтіи тоже принадлежалъ арабскимъ Мирдасидамъ упоминалось уже (II, 335) нами. Было бы не въ порядкѣ вещей, еслибы эти «эмиры» не вели постоянныхъ войнъ другъ съ другомъ или, точнѣе, не опустошали бы своихъ областей хищническими набѣгами; вѣдь на то же они и были арабами и курдами. Во всякомъ случаѣ, такое удивительное раздробленіе на мелкія государства едва ли повторялось въ лучшія времена Италіи и Германіи и результатъ подобнаго положенія дѣлъ для страны и ея населенія можно себѣ легко представить, даже не будучи одареннымъ слишкомъ богатой фантазійей.

Если взглядъ, брошенный на первое столѣтіе персидской исторіи, послѣ фактическаго конца арабскаго владычества, оправдываетъ наше утвержденіе, что этотъ столѣтній періодъ доказываетъ полную неспособность персовъ въ тогдашнее время основать объединенное національное государство, то тѣмъ сильнѣе слѣдуетъ подчеркнуть то обстоятельство, что именно въ этотъ промежутокъ наиболѣе значительные успѣхи сдѣлало самостоятельное развитіе персидскаго ума. Если уже характеристичной чертой является тотъ фактъ, что во

время пребывания Ма'муна въ Мервѣ одинъ изъ жителей этого города, Аббасъ, написалъ въ честь государя первое дошедшее до насъ стихотвореніе на персидскомъ языкѣ, и если точно также и придворные поэты Тахиридовъ и Саффаридовъ воспѣвали ихъ по-персидски, то, само собой разумѣется, что въ правленіе Буидовъ и Саманидовъ еще съ большей силой проявлялась жизненная сила столь долго угнетаемаго народнаго духа. Буиды,—по крайней мѣрѣ болѣе ранніе изъ нихъ,—не обращали правда никакого вниманія на поэтовъ и искусство; но они были шіиты и шіитизмъ также, какъ и согласный въ нѣкоторыхъ догматахъ съ шіитизмомъ, а еще болѣе въ ненависти къ правовѣрью, стремящемуся къ преслѣдованію, — кружокъ му'тазилитовъ находилъ при ихъ дворахъ радушный пріемъ, а въ провинціяхъ явилась наконецъ снова возможность свободнаго выраженія мнѣнія и притомъ благосклонность къ шіитизму всѣхъ лицъ, желавшихъ заручиться расположеніемъ султана. Принципіальная свобода и терпимость по отношенію къ шіитизму и му'тазилитамъ со стороны Саманидовъ уже извѣстна намъ. Однако они слишкомъ широко понимали свою задачу для того, чтобы даровать только своей партіи покровительство и просторъ и потому у этого умнаго и доброжелательнаго княжескаго дома нельзя отнять той прекрасной высшей похвалы, которой можетъ наградить истинная исторія, не служащая успѣху дня или даже дневной политики,—признанія за ними просвѣщеннаго содѣйствія высшимъ духовнымъ интересамъ народа и открытія ими свободной дороги всякому справедливому и хорошему стремленію.

Во время владычества Саманидовъ расцвѣла впервые персидская поэзія; въ числѣ поэтовъ, писавшихъ уже съ своеобразной прелестью, остроумно, тонко, прочувствованно, порой правда только слишкомъ изысканно и высокопарно,—назовемъ *Рудаги*, жившаго при Насрѣ II. Это первый великій мастеръ поэтическаго искусства, лирическаго и дидактическаго стихотворенія котораго рѣдко были превзойдены даже позднѣйшими великими поэтами. Исполняя порученіе султана Насра, онъ перевелъ на народный языкъ сборникъ индійскихъ волшебныхъ сказокъ Калилы и Димны *). Послѣ Рудаги, отчасти въ видѣ его современника, послѣдовалъ при Нухѣ III (II, 155) Дакики. Задачей его было превратить въ обширный эпосъ героическую книгу иранскаго народа, которая уже во времена Саффара была переведена съ древне-персидскаго языка. Но едва успѣлъ онъ написать тысячу стиховъ своего эпоса, какъ погибъ еще молодымъ отъ

*) Во всякомъ случаѣ со средне-персидскаго языка, такъ какъ переводъ на это болѣе древнее нарѣчіе уже существовалъ.

удара кинжаломъ юнаго турка, бывшаго его рабомъ и, по отвратительному персидскому пороку, любовникомъ. Начатый имъ эпосъ было суждено окончить болѣе великому таланту, чѣмъ онъ. Не менѣе, чѣмъ о поэзіи, заботились Саманиды и о преуспѣяніи наукъ. Когда въ 387 (997) г. *) извѣстный Авиценна получилъ позволеніе воспользоваться частной бібліотекой эмира Нуха III, эта послѣдняя состояла изъ цѣлаго ряда залъ, переполненныхъ самыми различными научными книгами, аккуратно внесенными въ каталогъ и среди которыхъ имѣлось особое отдѣленіе для греческой философіи и естественной исторіи. Что бібліотека была давнишняго происхожденія доказывается многими признаками. Уже намѣстникъ Рей, извѣстный намъ Мансуръ-Ибнъ-Исхакъ, дозволилъ самому знаменитому врачу средневѣковаго Востока, Разію (II, 205), посвятить ему написанную Разіемъ на арабскомъ языкѣ медицинскую книгу, а тѣзка эмира, Мансуръ I, поручилъ Муваффаку-Ибнъ-Алію, родомъ изъ Херата, составить медицинскій учебникъ на персидскомъ языкѣ: это—самая древняя научная книга, которая имѣется у насъ на персидскомъ языкѣ. То же самое стремленіе націонализировать данныя ученыхъ изслѣдованій вызвало переводъ или, вѣрнѣе, обработку замѣчательной арабской хроники Табарія (II, 274—3) визиремъ Мансура I, *Белами*, тоже дошедшую до насъ, въ то время, какъ передача великаго комментарія корана того же автора, переведенная соединенными усиліями нѣсколькихъ ученыхъ богослововъ, затерялась. Уже одинъ тотъ фактъ, что оба названныя гигантскія сочиненія, заключающія въ себѣ около 60 томовъ, совершили въ 50-ти лѣтній періодъ далекій путь изъ Багдада въ Бухару, доказываетъ живой научный интересъ, царившій въ то время въ Трансоксани, и объясняетъ какимъ образомъ съ этого времени столь дальній передовой постъ Ислама, находящійся на самой границѣ теперешняго Китая, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ самыхъ твердыхъ его опоръ. Но, какъ обыкновенно случается, сѣмя, разсыпанное щедрыми руками на плодотворную почву, дало жатву, попавшую въ житницы только тогда, когда уже новая тяжкая зима надвинулась для персидскаго народа, ожившаго было на солнцѣ свободы.

---

*) Годъ не совсѣмъ достовѣренъ, потому что въ свѣдѣніяхъ, дошедшихъ до насъ въ автобіографіи Авиценны (Ибнъ-Аби-Усейбѣя II, 2—4) встрѣчаются хронологическія затрудненія, но разслѣдовать точнѣе этотъ вопросъ здѣсь неумѣстно.

ГЛАВА IV.

Султанъ Махмудъ изъ Газны.

Какъ давно уже человѣчество льститъ себѣ надеждой,—до сихъ поръ тщетной,—что наконецъ таки настанетъ время, когда счастье пойдетъ рука объ руку съ благородствомъ и правдой, но еще дольше того ищетъ оно славу,—мыльный пузырь,—не только вплоть до жерла пушекъ, а въ самомъ этомъ жерлѣ. Но тѣло вездѣ идетъ противъ духа, и совсѣмъ напрасно борются съ этимъ фактомъ. Конечно, каждый, кто хотѣлъ бы быть идеалистомъ (а кто можетъ считать себя дѣйствительно таковымъ?), воленъ въ видѣ утѣшенія думать, что духовные подвиги живутъ дольше всего остального въ этомъ мѣрѣ. Мы относимся къ Спартѣ съ почтительнымъ уваженіемъ и не можемъ забыть ея трехсотъ героевъ, но при словѣ Аѳины становится теплѣе на душѣ, и это, полагаю я, такъ и останется всегда, еслибъ даже, какъ на то есть признаки, вскорѣ и перестали учить греческому языку въ нѣмецкихъ гимназіяхъ. Быть можетъ, недалеко и то время, когда значеніе многихъ суетныхъ большихъ городовъ померкнетъ передъ спокойнымъ свѣтомъ, исходящимъ изъ нѣсколькихъ небольшихъ мѣстечекъ Тюрингіи. Но двойственность не уничтожается этимъ, и въ томъ видѣ, въ какомъ до сихъ поръ люди устраивали себѣ мѣръ (ни мало не утверждаю, чтобы устройство это было подходящимъ)—при самомъ добромъ желаніи нельзя отрицать тотъ выводъ опыта, что, какъ общее правило, повышеніе духовной дѣятельности рѣдко совмѣстимо съ энергичнымъ преслѣдованіемъ политическихъ цѣлей. Когда аѳиняне больше всего интересовались Софокломъ и Аристофаномъ, они дѣлали въ политической жизни одинъ за другимъ промахи, и когда новая нѣмецкая имперія была основана и укрѣпилась, ея граждане, откровенно говоря, обрѣтали непосредственное умственное наслажденіе въ однихъ только произведеніяхъ Г-жи Вильгельмины Бухгольцъ *). Мы говоримъ

---

*) Конечно мы не имѣемъ въ виду унижить этимъ относительную цѣнность указываемыхъ забавныхъ очерковъ.

это вовсе не для упрёка (по крайней мѣрѣ не по адресу асианъ); таково было до сихъ поръ положеніе дѣль, быть можетъ, оно и всегда останется таковымъ. Но исторія не можетъ проявить болѣе горькой прони, чѣмъ когда она губить родъ умныхъ и дѣятельныхъ людей, служившихъ идеальнымъ стремленіямъ, и губить для того, чтобы нежданно-негаданно ихъ мѣсто занялъ какой-нибудь баловень слѣпого счастья, выскочка, завоевавшій себѣ силой оружія ихъ владѣнія и въ то же время ненасытно прихватившій себѣ также и ихъ духовныя богатства. Такимъ выскочкой былъ тотъ, который выхватилъ изъ рукъ у Саманидовъ вмѣстѣ съ ихъ государствомъ и лучшій перлъ этого государства, величайшаго поэта Востока, Фирдуси, и въ глазахъ міра,—по крайней мѣрѣ большинства людей,—считался полноправнымъ собственникомъ всего этого: сынъ турка Себуктегина, султанъ Махмудъ изъ Газны.

Но я спѣшу добавить, что замѣчательный этотъ человекъ, почти полстолѣтія правившій судьбами восточнаго Ислама, несомнѣнно отличался выдающимся умомъ. Онъ былъ военный герой, какъ рѣдко кто въ мірѣ, и вполне заслуживалъ счастье, которое никогда почти не покидало его знамени, не только вслѣдствіе отважной храбрости и неутомимой дѣятельности, но также и вслѣдствіе столь же послѣдовательной, направленной къ одной извѣстной цѣли, сколько тонкой и лукавой политики, благодаря которой онъ всегда умѣлъ подойти съ видомъ дружелюбной предупредительности къ намѣченной имъ жертвѣ своего властолюбія, пока не наступалъ моментъ обезпечить себѣ добычу—путемъ ли мирныхъ переговоровъ, или же быстрымъ ударомъ меча, всегда бывшаго у него наготовѣ. Таковъ былъ по крайней мѣрѣ образъ дѣйствія его по отношенію къ государствамъ или государямъ, исповѣдующимъ исламъ; съ не мухаммеданами же онъ вообще не много церемонился, а именно надъ ними одержалъ онъ наиболѣе блистательныя свои побѣды. Въ первую минуту сказанное нами могло-бы показаться страннымъ въ виду состоянія того полнаго разложенія, въ которомъ въ концѣ IV вѣка находился мусульманскій Востокъ, и того раздробленія, какъ персидскихъ, такъ и арабскихъ составныхъ частей государства халифовъ, продолжавшихъ тогда существовать по одному имени. Но Махмудъ одновременно и заканчиваетъ тотъ періодъ, который занимаетъ насъ въ данный моментъ, потому что наноситъ смертельный ударъ національному государственному строю въ персидскихъ земляхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ открываетъ собою также другую эпоху: ту, когда въ западной Азіи появляются новыя народности. Какъ когда-то исторія этихъ мѣстностей была установлена на цѣлые три вѣка вторженіемъ арабовъ съ юго-запада, такъ, благодаря Махмуду и черезъ него, готовится теперь обратное переселеніе

народовъ съ сѣверо-востока, переселеніе, при которомъ сперва туркамъ, и затѣмъ монголамъ предстояло наводнить все области отъ Гиндукуша до Средиземнаго моря.

Этому переселенію подчинено также вмѣшательство въ судьбы восточныхъ провинцій маленькаго, но воинственнаго народа афганцевъ, вслѣдствіе чего впервые были приобрѣтены для Ислама болѣе значительныя индійскія области и здѣсь подготовилось столь же богатое послѣдствіями, какъ и самостоятельное развитіе.

Далеко не въ первый разъ турки играютъ роль въ исторіи мусульманскихъ народовъ: ихъ губительное, въ качествѣ преторіанцевъ, вліяніе на упадокъ халифата намъ даже слишкомъ хорошо извѣстно. Мы припомнимъ, что прежніе эмиры выступали не разъ, въ качествѣ самостоятельныхъ князей отдѣлившись отъ халифата провинцій, особенно, наприм., въ Египтѣ (II, 255): но до сихъ поръ рѣчь шла лишь объ опредѣленномъ, хотя и довольно значительномъ числѣ лицъ, которыя въ видѣ-ли рабовъ, или же по найму, вступали на службу исламскихъ повелителей; въ слѣдующія времена это уже скорѣе цѣлыя племена, даже націи, переброшенные сюда вслѣдствіе давленія начинающихся народныхъ переселеній во внутренней Азій, племена, требующія себѣ земель, отказать имъ въ которыхъ слабѣющее могущество персовъ и арабовъ уже не въ силахъ. Я говорилъ еще раньше, что султанъ Махмудъ стоитъ въ средоточіи этихъ двухъ періодовъ: онъ самъ былъ однимъ изъ тѣхъ турецкихъ эмировъ, которыхъ въ то время было множество почти во всехъ владѣніяхъ Ислама,—эмировъ, находившихся здѣсь на службѣ по найму, или же возвысившихся до положенія военачальниковъ отдѣльныхъ частей войска, и самъ-же онъ подъ конецъ своего царствованія былъ вынужденъ противопоставить, правда, недолго продержавшійся оплотъ противъ первыхъ волнъ начавшагося переселенія народовъ, хотя съ другой стороны, принимая въ свои войска турецкія и афганскія племена, онъ же и указалъ путь завоевательнымъ наклонностямъ этихъ народовъ, какъ на западъ такъ и на востокъ. Вотъ почему, собственно, сомнительно, куда, къ какому періоду слѣдуетъ причислить его лично и недолго продержавшуюся его династію. Участіе, невольное внушаемое намъ несчастной судьбой персидскаго народа, который изображалъ собой наиболѣе значительную интеллектуальную силу Востока, оправдаетъ меня, если я исторію Махмуда прежде всего разсмотрю съ точки зрѣнія упомянутаго заключительнаго періода персидской исторіи. Мы оставили отца Махмуда, Себуктегина, повелителемъ Газны и ея окрестностей. Все это онъ фактически крѣпко держалъ въ рукахъ, съ 366 по 377 г., находясь въ главѣ турецкой конницы, которая, впрочемъ, за этотъ промежутокъ времени очень усилилась пред-

ставителями воинственных племенъ Гура и Пушту, а также со-сѣдняго Селжестана. По имени этой колыбели ихъ могущества—города Газны—новую династію принято называть Газневидами. Се-буктегинъ простеръ отсюда власть свою и на Бостъ, на юго-западѣ, и дѣлалъ побѣдоносные набѣги въ Ламганъ *) на сѣв.-вост., не переставая при этомъ прикрываться именемъ Саманидовъ, имена кото-рыхъ онъ продолжалъ чеканить на денежныхъ знакахъ и поминать въ мечетяхъ. Но кромѣ этой чисто-обрядовой стороны онъ ни мало не заботился о сюзеренѣ въ Бухарѣ. Подобно своимъ предшествен-никамъ и Нухъ II былъ человекъ образованный, доступный для всѣхъ духовныхъ интересовъ, непохожій однако на предковъ тѣмъ, что ча-сто пренебрегалъ государственными дѣлами, и особенно тѣмъ, что потерялъ дѣйствительную власть надъ подчиненными ему эмирами. Подъ конецъ его царствованіе представляетъ въ себѣ явные признаки глубоко проникшаго разложенія. Намѣстники, правившіе его именемъ въ Хорасанѣ и въ сосѣднихъ областяхъ, стремились при всякомъ удоб-номъ случаѣ сдѣлаться самостоятельными; если же имъ это не удава-лось, то причиной тому было только то обстоятельство, что и они за-висѣли отъ своихъ вице-эмировъ, правившихъ отдѣльными округами или городами и, смотря по капризу, державшихъ сторону либо двора въ Бухарѣ, либо какого нибудь мятежника. Всѣ эти лица интриго-вали другъ противъ друга и поддерживали отношенія съ дворомъ въ Бухарѣ, также какъ и съ Буидами въ Рейѣ. Всякій мало-мальски значительный эмиръ былъ окруженъ толпой личныхъ приверженцевъ, съ которыми онъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ нападалъ на конкурента и завоевывалъ такимъ образомъ земли,—при неудачѣ же бѣжалъ къ Буидамъ или же къ властителямъ Ирака, Седжестана или Хорезма, пока, въ концѣ концовъ, все до того уже перепуталось и пе-реплелось, что здѣсь и разобраться не было возможности. Вездѣ было трудно ладить съ войсками, особенно-же когда денегъ оказывалось мало; среди солдатъ было много турокъ и дейлемитовъ; также и хора-санцы были непостоянны и капризны. Рядомъ съ регулярными вой-сками и въ то время, какъ и теперь еще въ Персіи,—особенно въ нынѣшней Туркменіи и Трансоксаніи—встрѣчалось множество кочев-никовъ; нѣкоторые изъ нихъ арабскаго, большинство же турецкаго происхожденія. Изъ числа ихъ наиболѣе опасными въ то время счи-талось турецкое племя гузовъ, которое населяло степи вокругъ Бу-хары и Самарканда, и которое, вслѣдствіе упадка правительственной энергіи, стало уже проявлять угрожающіе признаки безпокойства. Вмѣ-стѣ съ тѣмъ по ту сторону сѣверной границы уже довольно давно

*) Равнина, въ которой находится нынѣшній Джелалабадъ.

образовалось могучее турецкое государство, простиравшееся съ той стороны Кашгара до Аральскаго озера. Ханы *) этого государства, — хотя отношенія ихъ къ Саманидамъ были пока вполне миролюбивы, все таки начали бросать алчные взгляды черезъ Яксартъ. Именно двое изъ этихъ неподчиненныхъ эмировъ и дали собственно толчокъ всѣмъ послѣдующимъ событіямъ.

Абу-Алій, изъ рода Симджуръ, — игравшаго въ исторіи правленія Саманидовъ издревле значительную роль, — жилъ въ 383 г. (993 г.) въ Нишапурѣ, въ качествѣ намѣстника Хорасана, какъ разъ въ то время, когда въ Хератѣ, который собственно считался зависѣвшимъ отъ него, самостоятельно правилъ Фаикъ. Оба эти вассала казались слишкомъ могущественными Нуху; ему удалось посѣять между ними раздоръ, но въ концѣ концовъ онъ достигъ этимъ лишь того, что каждый изъ нихъ сталъ опасаться за себя и одинъ вслѣдъ за другимъ оба начали вести переговоры съ княземъ Туркестана, Богра-ханомъ. Богра-ханъ съ удовольствіемъ воспользовался представившимся случаемъ осуществить давно задуманный имъ планъ нападенія на Бухару. Онъ разбилъ высланное противъ него Нухомъ войско; напрасно обманутый государь обращался то къ одному, то къ другому изъ двухъ измѣнчившихъ ему вассаловъ; оба предали его турку. Нуху пришлось покинуть свою столицу, и Богра-ханъ могъ уже считать себя властителемъ Трансоксаніи, какъ вдругъ онъ заболѣлъ и былъ вынужденъ пуститься въ обратный путь. Здѣсь на него напали гузы; когда же онъ, вырвавшись съ трудомъ изъ ихъ рукъ, вскорѣ затѣмъ умеръ, Нухъ вернулся снова въ Бухару и былъ здѣсь восторженно встрѣченъ народомъ. Теперь Абу-Алій считалъ болѣе удобнымъ для себя разыграть на короткій мигъ роль раскаявшагося вассала, послѣ того какъ нападеніе Фаика на столицу не удалось послѣднему. Но когда вслѣдъ затѣмъ оба они соединили свои военныя силы, Нухъ потерялъ голову, и ему пришла мысль вытребовать себѣ на помощь турецкаго вождя изъ Газны, который вѣдь считалъ его своимъ сюзереномъ. Себуктегинъ не заставилъ повторить себѣ этого зова два раза; лишь только онъ сумѣлъ покончить собственныя свои предпріятія, какъ посѣщилъ перейти Оксусъ съ войскомъ въ 20000 человекъ. Уже на Трансоксанской землѣ, въ Кешѣ, онъ встрѣтился съ эмиромъ (384=994). Себуктегинъ прислалъ ему сказать, что онъ старъ и потому ему было бы пріятнѣе, еслибъ его избавили отъ придворнаго этикета, требовавшаго отъ него, чтобы при встрѣчѣ съ государемъ онъ слѣзъ съ коня и, уже пѣшій, выразилъ ему обычные знаки почта. Нухъ не осмѣлился отказать своему вассалу въ этомъ желаніи,

*) Ханъ — старинный титулъ главы турецкаго племени.

весьма характеризующемъ ихъ обоюдныя отношенія, и хотя турокъ, «побѣжденный видомъ королевскаго величія», какъ выразился лѣтописецъ, добровольно отдалъ всѣ знаки почтенія, которые отъ него уже болѣе не требовались, но все-жъ по отношенію къ эмиру онъ занялъ тотчасъ-же положеніе настоящаго мажордома, или, чтобы выразиться ближе къ восточному, эмира-аль-умара. Правда, поддерживаемый своимъ юнымъ сыномъ, храбрымъ Махмудомъ, онъ разбилъ мятежниковъ близъ Херата, отнялъ у нихъ Нишапуръ, и когда они воспользовались кратковременной разлукой отца съ сыномъ, чтобы побѣдоносно напасть на Махмуда, снова рѣшительно разбилъ ихъ вблизи Туса. Когда же Фаикъ, послѣ того какъ товарищъ его былъ вскорѣ заманенъ въ Бухару и тамъ посаженъ въ тюрьму, — бѣжалъ къ Илекъ-хану, преемнику Богры, и этотъ сдѣлалъ видъ, что намѣревается вторгнуться въ Трансоксанію. Себуктегинъ, считавшій, что за этотъ промежутокъ времени онъ имѣетъ причины быть недовольнымъ Нухомъ, удовлетворился такимъ миромъ, по которому именно Фаику, первому зачинщику всей путаницы и всѣхъ распрей, было передано намѣстничество Самарканда. Уже здѣсь сквозить намѣреніе вассала войти помимо Саманидовъ въ сношенія съ сильнымъ турецкимъ ханомъ. Но осуществленіе этихъ намѣреній пришлось на время отложить: въ 387 г. (997 г.) перемерли быстро одинъ за другимъ Себуктегинъ, Нухъ и Буидъ Фахръ-адъ-даула изъ Рей, который сперва вмѣшивался достаточно часто въ распри Саманидскихъ намѣстниковъ, но тотчасъ-же сократился передъ явной силой воинственнаго повелителя Газны. Мѣсто зрѣлыхъ людей заняли теперь молодые люди: бурный по природѣ Махмудъ и легкомысленный Саманидъ Мансуръ II.

Но пока у Махмуда было достаточно дѣла вдаль отъ Оксуса. Неизвѣстно, почему Себуктегинъ назначилъ своимъ наслѣдникомъ не могущественнаго, геройскаго Махмуда, но болѣе незначительнаго сына Измаила. Махмудъ не оспаривалъ собственно у брата престола, а желалъ лишь одного—во всякомъ случаѣ оставаться во главѣ войска; когда же Измаиль отказалъ ему въ этомъ, Махмудъ поспѣшилъ въ Газну, осадилъ городъ и принудилъ Измаила сдаться. Послѣдній слишкомъ преждевременно раздарилъ сокровища отца окружавшимъ его и теперь получилъ отъ нихъ весьма незначительную помощь. Принимая во вниманіе нравы того времени, нужно сознаться, что Махмуду дѣлаетъ честь его отношеніе къ побѣжденному брату, которому онъ оставилъ княжескія почести, и даже, когда было доказано, что Измаиль подослалъ убійцъ къ Махмуду, онъ не только оставилъ ему жизнь, но и не сдѣлалъ ни малѣйшаго зла. Однако теперь онъ твердо взялъ

правление въ собственныя руки, и въ скоромъ времени весь мусульманскій міръ прогремѣлъ славою султана Газны, Махмуда.

Въ числѣ выдающихся качествъ этого государя наиболѣе поразительнымъ кажется мнѣ его неутомимость. Едва вернувшись изъ похода въ далекія индійскія страны, онъ тотчасъ же спѣшитъ на сѣверъ или востокъ для подавленія какого нибудь возстанія, или для сраженія съ вторгнувшимися турецкими отрядами, или для расширенія своего государства на счетъ Буидовъ, и едва цѣль его достигнута здѣсь, онъ уже снова въ Индіи, обширныя области которой онъ такъ основательно покорилъ Исламу, что мусульманство никогда уже не могло быть вытѣснено съ сѣверо-запада страны. Въ то время какъ прежде князья Пенджаба, находя себѣ поддержку въ расприхъ и несогласіяхъ горныхъ племенъ, разсѣянныхъ въ гористыхъ мѣстностяхъ Кабула, Гора и вблизи нихъ, могли подчасъ распространять свою власть даже на эти области, теперь всѣ владѣнія индусовъ становятся добычей именно этихъ подчиненныхъ могучимъ воиномъ и отчасти включенныхъ имъ въ составъ своего войска горныхъ племенъ, дикой силѣ которыхъ не могли ужъ сопротивляться индусы, ослабленные вліяніемъ старой цивилизаціи. При разносторонности предпріятій Махмуда, онъ нуждался конечно въ поддержкѣ даровитыхъ военачальниковъ: но, въ виду прирожденнаго турецкимъ его соотечественникамъ военнаго таланта, въ этомъ у него никогда не могло быть недостатка, и на такихъ полководцевъ, какъ братъ его Насръ, предводители Алтунташъ, и прежде всего Арсланъ Джазибъ,—онъ могъ положиться почти такъ же, какъ на самого себя. Но львиная доля, какъ въ трудахъ, такъ и въ удачахъ походовъ его, принадлежала всегда ему самому, особенно же въ Индіи, пріобрѣтеніе которой для Ислама онъ принималъ близко къ сердцу. Послѣ истеченія цѣлыхъ вѣковъ, теперь опять впервые въ Махмудѣ и въ туркахъ вообще, вмѣстѣ съ завоевательными стремленіями и желаніемъ добычи, которое характеризуетъ всѣхъ нецивилизованныхъ (и многихъ цивилизованныхъ народовъ), соединяется снова ужасный, непреодолимый религиозный фанатизмъ. Легко объяснимое самой сутью турецкой расы явленіе, что каждое изъ племенъ ея, пришедши въ соприкосновеніе съ мухаммеданствомъ, тотчасъ же примыкало къ нему. Простота понятія о Богѣ, преподаваемаго этой религіей, незначительныя требованія, которыя ея нравственное ученіе ставитъ мысли и развитію воли, какъ нельзя лучше подходятъ для народа съ посредственнымъ умственнымъ дарованіемъ и воинственной натурой. Та же самая притягательная сила, которую имѣло въ свое время религиозное знамя для завоевательныхъ цѣлей арабовъ, должна была оказаться еще болѣе дѣйствительною для турокъ. Послѣдніе имѣли одна-

ко одно преимущество передъ арабами: они приняли исламъ, потому что онъ былъ имъ по душѣ—ясенъ и понятенъ,—а не потому, что они были вынуждены къ тому или же надѣялись получить черезъ него выгоду; честность, составляющая до сихъ поръ высшую добродѣтель истиннаго турка *), лежитъ также въ основѣ фанатизма. Что они вслѣдствіе той же внутренней потребности своего существа съ самаго уже начала всѣ поголовно стали и всегда оставались суннитамъ, указано уже выше.

Рамки, которыхъ я долженъ придерживаться, не позволяютъ мнѣ подробно слѣдить за интереснымъ зрѣлищемъ одновременной дѣятельности султана Махмуда на трехъ сценахъ востока, сѣвера и запада. Для желаемой ясности и общей связи удовольствуюсь тѣмъ, что брошу бѣглый взглядъ на каждую изъ этихъ сценъ отдѣльно, хотя бы впечатлѣніе разносторонности и неутомимости дѣйствій могучаго государя и потеряла отъ этого. Когда онъ, 27-ми лѣтъ отъ роду, вступилъ на престолъ (387=997), прежде всего требовало быстрого вмѣшательства положеніе дѣлъ въ государствѣ Саманидовъ. Мансуръ II, молодой и неопытный человекъ, не имѣлъ представленія о незначительномъ размѣрѣ своихъ силъ: вмѣсто того, чтобы, какъ положеніе дѣлъ этого настоятельно требовало, сдѣлать выборъ между турецкимъ ханомъ и властителемъ Газны, или же, по крайней мѣрѣ, хоть настолько выиграть время, пока бы онъ могъ заручиться новыми и вѣрными опорами, онъ тотчасъ же дерзнулъ—быть можетъ, легкомысленно увлекаясь возникшей между Измаиломъ и Махмудомъ распрей—назначить на мѣсто послѣдняго намѣстникомъ Хорасана и главнымъ военачальникомъ всѣхъ войскъ, т. е. первымъ вассаломъ государства, другого турка, по имени Бегтузуна, и это въ ту минуту, когда, по почину Илекъ-хана, намѣстникъ Самарканда, Фаикъ, уже былъ на пути въ Бухару, подъ предлогомъ присягнуть въ вѣрности новому эмиру; въ дѣйствительности же, чтобы овладѣть его особой. Вскорѣ затѣмъ Махмудъ, возмущенный прямымъ отказомъ Мансура отмѣнить сдѣланное имъ назначеніе, двинулся съ войскомъ въ Хорасанъ. Бегтузунъ спѣшно бросилъ Нишапуръ, чтобы соединиться съ эмиромъ и Фаикомъ, которые вышли изъ Бухары съ незначительными отрядами войска. Встрѣча произошла въ Серахсѣ; здѣсь оба намѣстника, убѣдившись, что въ ихъ сюзеренѣ еще слишкомъ много для ихъ цѣлей королевскаго духа и силы воли, схватили его, велѣли выколоть ему глаза и провозгласили эми-

*) То есть нижнихъ народныхъ слоевъ въ Турціи и Малой Азіи; высшіе же классы нравственно совершенно пали, вслѣдствіе примѣси иностранной крови и прикосновенія съ порчей западной цивилизаціи.

ромъ его брата, Абдъ Аль Мелика II, полу-дитя, оказавшееся въ ихъ рукахъ безпомощной куклой (389—999). Все это время Махмудъ занималъ выжидательное положеніе; ему совсѣмъ не казалось интереснымъ разыгрывать роль мятежника противъ своего сюзерена, если другіе брались устраивать его дѣла. Поэтому онъ сталъ вести мирные переговоры съ Фаикомъ и Бегтузуномъ до тѣхъ поръ, пока ихъ войска не бросились предательски на его аррьергардъ. Тутъ и онъ взялся серьезно за дѣло. Онъ разбилъ измѣнниковъ на-голову при Мервѣ, такъ что они искали спасенія въ бѣгствѣ. Фаикъ съ Абдъ Аль Меликомъ бросились въ Бухару, Бегтузунъ—въ Нишапуръ. Но повелитель Газны не намѣревался вовсе заняться уничтоженіемъ турецкаго осинаго гнѣзда по ту сторону Оксуса; взоръ его былъ направленъ на Индію. Пока онъ готовилъ въ Балхѣ новый походъ на юго-востокъ, онъ предоставилъ полководцу своему Арслану завести порядокъ въ Хорасанѣ. Это было сдѣлано еще въ томъ-же году; послѣ нѣсколькихъ сраженій Бегтузунъ долженъ былъ бѣжать въ Бухару, а остальные эмиры на лѣвомъ берегу рѣки тоже были вынуждены отказаться отъ сопротивленія.

Между тѣмъ Илекъ-ханъ съ своей стороны приготовился пожать плоды побѣды Махмуда. Онъ двинулся съ разными миролюбивыми увѣреніями на Бухару, гдѣ за этотъ промежутокъ времени умеръ Фаикъ. Бегтузунъ далъ себя провести Илекъ-хану, какъ часто случается съ предателями. Во время дружеской встрѣчи онъ, и много его высшихъ военныхъ чиновъ, были измѣннически схвачены, и вскорѣ такая же судьба постигла Абдъ Аль Мелика, который успѣшно бѣжалъ, какъ только узналъ о судьбѣ Бегтузуна. Илекъ-ханъ послалъ его вмѣстѣ съ остальными Саманидами въ Туркестанъ, гдѣ послѣдніе члены этого княжескаго дома такъ и пропали безъ вѣсти всѣ, за исключеніемъ, впрочемъ, одного: было бы ужъ слишкомъ обидно, еслибъ царскій родъ, имѣвшій такое громкое прошлое, погибъ бы такъ позорно. Измаиль, по прозвищу Аль-Мунтасиръ, третій братъ Мансура и Абдъ Аль Мелика, сумѣлъ вырваться изъ турецкаго плѣна; и въ то время какъ Илекъ-ханъ къ концу *) 389 (999 г.) вѣхалъ побѣдителемъ въ Бухару, недолго спустя и ему, и Махмуду въ лицѣ послѣдняго Саманида выросъ неутомимый противникъ, который почти шесть лѣтъ держалъ въ возбужденіи всю Трансоксанію и весь Хорасанъ. Во главѣ преданныхъ его дому лицъ—турокъ, гузовъ, и тутъ и тамъ нахватавшаго войска, онъ не разъ наносилъ чувствительный уронъ самому хану, также какъ и брату его Насру,

*) Въ Зу-ль-Кадъ или Зу-ль-Хиджжѣ=1 октября—декабря 999 г. Болѣе точное число указывается разное.

который теперь находился въ Нишапурѣ въ качествѣ намѣстника. Это настоящая одиссея столь же отважнаго, какъ и храбраго, не терявшаго мужества ни въ какихъ неудачахъ, князя,—одиссея, бросающая его изъ Хорезма въ Бухару, Абивердъ, Нишапуръ, Джурджанъ, Рей, снова въ Нишапуръ и Джурджанъ, оттуда въ Серахсъ, затѣмъ, когда онъ былъ здѣсь разбитъ Насромъ и войско его разсѣяно, къ гузамъ Трансоксаніи, въ Самаркандъ, черезъ Оксусъ назадъ въ Мервъ и Несу, въ Исфарайнъ, снова къ гузамъ, послѣ того опять черезъ Оксусъ въ Балхъ, въ Кухистанъ и наконецъ въ окрестности Бухары, древней столицы его династіи. Но прежде чѣмъ онъ до нея добрался, его застигла смерть: покинутый всѣми своими приверженцами, потерявшими подъ конецъ всякое мужество, онъ попалъ въ гнѣздо арабскихъ бедуиновъ, которые накинулись на него въ ночной тьмѣ и убили его Раби I, 395 (декабрь 1004, январь 1005). Только теперь Махмудъ и Илекъ-ханъ могли быть окончательно спокойными по отношенію къ Саманидамъ. Кабусъ, князь Джурджана, который, помня прежній свой дружескій союзъ съ повелителями Бухары, много разъ поддерживалъ Мунтасира деньгами и людьми, тѣмъ паче не дерзнулъ теперь сопротивляться могучему Газнеvidу. Онъ охотно принялъ торговый договоръ, по которому признавалъ себя вассаломъ Махмуда, утвердившаго его за то во всѣхъ остальныхъ его владѣніяхъ, сверхъ Джурджана и Табаристана и нѣкоторыхъ сосѣднихъ съ нимъ округовъ. Когда же въ 403 г. (1012—3) недовольные имъ подданные убили его, Махмудъ обезпечилъ наслѣдство его престола сыну его, Минучехру (403 — 424 = 1012 — 1033). Позже маленькая эта династія въ войнахъ Газнеvidовъ, а затѣмъ Сельджуковъ, отступаетъ на задній планъ. Примѣра Кабуса держался по отношенію къ могучему султану изъ Газны нѣкоторое время и властитель Хорезма. Въ послѣдніе годы упадка власти Саманидовъ, Хорезмъ пріобрѣлъ полную самостоятельность подъ властью мѣстныхъ князей. Стиснутая между большими государствами хановъ и Махмуда, область эта наконецъ нашла опору у послѣдняго. Впослѣдствіи явились разныя дипломатическія распри, одновременно и внутреннія дѣла пошатнулись, и когда хорезмскій шахъ Ма'мунъ былъ убитъ мятежниками въ 407 (1017) г., Газневидъ двинулся туда со своимъ войскомъ, завоевалъ всю страну и назначилъ Алтунташа намѣстникомъ ея (407=1017). Съ своей стороны и Илекъ-ханъ не желалъ удовольствоваться владѣніемъ Трансоксаніи; нѣсколько разъ Махмудъ долженъ былъ самолично или же, по его распоряженію, полководецъ его Арсланъ сражаться съ все приливавшими черезъ Оксусъ толпами турокъ (396, 397=1006, 1007), и только когда въ 401 (1010—11) между Илекомъ и его братомъ Тоганомъ начались распри и оба они

обратились къ посредничеству Махмуда, послѣдоваль сносный, рѣдко и лишь мимоходомъ (напр. 408=1017) прерываемый, довольно продолжительный миръ. Но, начиная съ 420 (1019) снова нечѣмъ было занять орды гузовъ по ту сторону Оксуса и Махмудъ, такъ же, какъ послѣ него сынъ его Ма'судъ должны были, послѣ упорныхъ битвъ, оставить ихъ у себя внутри государства, что и было началомъ турецкихъ переселеній, которыми мы займемся въ ближайшей книгѣ этого сборника.

Хотя Махмудъ, занятый продолженіемъ своихъ индійскихъ завоеваній, не имѣлъ собственно желанія расширить власть свою дальше на западъ, но принципиально онъ бы не отказался отъ этого, еслибъ оно могло быть достигнуто безъ большого труда или показалось бы необходимымъ для обезпеченія остальныхъ его владѣній. Буидская династія Фахра-ад-даулы послѣ смерти своего основателя, вслѣдствіе войнъ и земельного дѣлежа, ослабѣвала все болѣе и болѣе. Въ Рейѣ управляла страной послѣ смерти Фахра (387=997 вмѣсто совсѣмъ непригоднаго для этого дѣла сына его, Меджь адъ-даулы («Слава государства»), мать послѣдняго, извѣстная подъ именемъ Ась-Сейида, «Госпожа», умная и энергичная женщина, которая съумѣла внушить почтеніе даже не очень-то чувствительному Махмуду поразительно дѣльнымъ отвѣтомъ на нѣсколько неприличное съ его стороны посольство къ ней. Она умерла въ 419 (1028) г. Меджь не пользовался уваженіемъ войска, и разгорѣлось возстаніе, для усмиренія котораго трусливый повелитель былъ настолько наивенъ, что призвалъ Махмуда. Послѣдній сдѣлалъ видъ, будто готовъ оказать просимое у него одолженіе; но когда въ 420 (1029) онъ явился въ Рей, то призвалъ къ себѣ слабоумнаго Буида и грозно спросилъ его: «читалъ ты Шах-намэ и хронику Табарія *)»?—«Да».—«Не очень-то на то похоже! Ты игралъ когда нибудь въ шахматы?»—«Игралъ».—«Случалось тебѣ встрѣчать на шахматномъ полѣ на одной сторонѣ одновременно двухъ королей?» — «Нѣтъ». — «Какъ же могла прійти тебѣ нелѣпная мысль въ голову отдать себя въ руки того, кто сильнѣе тебя»?—Сказалъ, и велѣлъ отправить «Славу государства» въ Хорасанъ, а крохотныя его владѣнія, главными изъ которыхъ были Рей и Казвинъ, присвоилъ себѣ безъ всякой дальнѣйшей церемоніи. Также Хамаданъ и Испаханъ, до тѣхъ поръ собственность Буида А д а - а дъ - д а у л ы И б н ь К а к у и, были тоже теперь заняты Махмудомъ; но больше труда пришлось ему потратить на взятіе Седжестана, который вслѣдствіе мятежнаго и упрямаго населенія его не могъ быть терпимъ въ видѣ самостоятельнаго государства у границы владѣній султана. Самостоятельнымъ сталъ Сед-

*) То есть персидскую и арабскую исторію.

жестанъ со времени начала упадка власти Саманидовъ, при ихъ намѣстникѣ Халафъ-ибнъ-Ахмедѣ *), и съумѣлъ, благодаря разнымъ столкновеніямъ, вызвать къ себѣ уваженіе у сосѣднихъ Буидовъ Кирмана, по отношенію же къ Газневидамъ держался до тѣхъ поръ независимо. Потребовалось нѣсколько походовъ въ 390—392 (1000—1002), пока наконецъ справились сначала съ Халафомъ, затѣмъ съ его недовольными новою властью подданными. Болѣе богатыми послѣдствіями оказались предпринятые затѣмъ походы для подчиненія племенъ Гора и Пушту. Долины Газны, Кабула и Ламгана, также какъ и проходъ черезъ Сулейманову горную цѣпь на юго-востокъ, служившіе съ самаго возникновенія историческихъ временъ воротами въ Индію, осаждались этими дикими и воинственными горными народцами, и послѣдніе становились уже черезчуръ неприятны своими хищническими набѣгами и нападеніями на военные отряды, проходившіе здѣсь. Такимъ образомъ въ 401 (1010—11) г. оказалось необходимымъ покорить область Гура. Недоступная эта страна, вся усѣянная скалами и пропастями, при умѣлой защитѣ и сопротивленіи была почти непреодолима и остановила побѣдоносное движеніе войска, предводительствуемаго Алгунташемъ и Арсланомъ; самому Махмуду пришлось послѣшить къ нимъ на помощь съ подкрѣпленіями. Но и ему удалось одержать рѣшительную побѣду только благодаря одной любимой его военной хитрости—мнимаго обращенія въ бѣгство, которымъ онъ увлекъ алчныхъ до добычи враговъ къ беспорядочному преслѣдованію, и тогда обрушился на нихъ. Столица Гура была взята штурмомъ. Царь этой области, Ибнъ Сүри **), «потерялъ земное и вѣчное блаженство» кончивъ жизнь самоубійствомъ—онъ принялъ ядъ,—а населеніе было вынуждено платить дань султану и принять исламъ. Махмудъ повелъ такую же борьбу противъ властителя Кусдара, сохранившаго до тѣхъ поръ независимое положеніе въ теперешнемъ Белуджистанѣ. А когда въ 409 (1019 г.) на возвратномъ пути Махмуда изъ Индіи хищные афганцы снова напали на войско султана, они были чувствительно наказаны имъ. Всѣ названные народцы доставляли съ той поры въ усиленныхъ размѣрахъ—случалось это временами вѣдь и раньше—отборныхъ солдатъ для дальнѣйшихъ походовъ Газнеvida и такимъ образомъ подготовились къ самостоятельному вмѣшательству въ судьбы Востока. Но всѣ эти предпріятія, какъ я уже замѣтилъ, играли у Махмуда второстепенную роль, а главной его цѣлью

*) Онъ выдавалъ себя за потомка Саффаридовъ. Трудно рѣшить теперь, конечно, было ли основательно его утвержденіе, которое, во всякомъ случаѣ, должно было обезпечить ему болѣе значительное вліяніе въ Седжестанѣ.

***) «Сынъ Сурн» означаетъ тутъ потомка королевскаго рода Сури.

было приобретённое Индіи для Ислама. Вторженія арабско-персидскихъ войскъ при Омайядахъ и Аббасидахъ, главнымъ образомъ успѣшныя лишь на западѣ Индуса, не могли достигнуть продолжительнаго присоединенія этой области къ халифату. Пришлые въ Индіи мухаммедане были, по отношенію къ индусамъ, слишкомъ незначительны числомъ и постепенно должны были быть поглощены ими, особенно съ тѣхъ поръ, какъ области эти, со времени возрастающаго упадка могущества халифовъ, окончательно стряхнули съ себя вліяніе багдадскаго правительства. Въ тѣхъ немногихъ городахъ, гдѣ мухаммедане составляли правящую касту, они либо переходили къ индійскому язычеству, какъ напримѣръ въ Мансурѣ—старинной тверди мухаммеданства въ Индіи—или же они приспособлялись въ высшей степени къ средѣ, окружающей ихъ, какъ напримѣръ въ Мультапѣ, царь котораго, современникъ Махмуда, хотя и носилъ арабское имя Абуль-Футухъ, но считался страшнѣйшимъ еретикомъ *). Такимъ образомъ на отдѣльныя области, на которыя распалась тогда сѣверо-западная Индія отъ Гуджерата до Кашмира,—слѣдуетъ смотрѣть, какъ на области вполнѣ отчужденныя отъ ислама. Пятнадцать, а по болѣе позднимъ историкамъ даже 17 походовъ потребовалось вести Махмуду, чтобы вернуть эти области къ истинной вѣрѣ и завоевать ихъ исламу, а кстати и своему государству. Перечислю кратко наиболѣе важныя изъ упомянутыхъ походовъ. Въ 391—2 (1001) султанъ разбилъ короля Дшейпала Пишаверскаго,—съ которымъ уже отецъ его, Себуктегинъ, велъ борьбу,—и вскорѣ затѣмъ овладѣлъ сѣверо-западнымъ Пенджабомъ. Въ 396 (1006) палъ Мультапъ, т. е. весь южный Пенджабъ, въ 405 (1014) уже былъ завоеванъ Танесеръ **). Значитъ Махмудъ до-

*) Современный высоко-авторитетный писатель, лично бывшій въ Индіи, Аль-Бируни, сообщаетъ, что Абуль-Футухъ и его люди были карматами (II, 295). Что карматскіе и измаилитскіе посланцы далеко проникли на Востокъ въ 4 и 5 стол. (10, 11) весьма извѣстно; и если припомнить, что измаилитское ученіе о равной цѣнѣ и значеніи всѣхъ религій (II, 293) весьма удобно для людей, которые должны жить среди языческаго населенія, то свѣдѣнія Бируни едва-ли могли бы подлежать другому истолкованію кромѣ того, которое дано нами въ текстѣ. Но дальнѣйшія сообщенія того-же писателя сбиваютъ меня съ толку тѣмъ, что, судя по нимъ, карматы, овладѣвъ Мультапомъ, „разбили языческіе истуканы“. Все это довольно запутано и прежде всего мнѣ совсемъ неясно, кто-же въ такомъ случаѣ были эти „карматы“? Мы нигдѣ не слышимъ, чтобы набѣги карматовъ Бахрейна на материкъ распространились бы на востокъ за Хузистанъ, а морская экспедиція, напримѣръ изъ Омана въ Индію, которая должна была-бы подняться вверхъ по всему Индусу вплоть до Мультапа, еще болѣе невѣроятна. Впрочемъ и позднѣе въ Индіи бывало довольно значительное число измаилитовъ; даже и въ настоящее время секта эта, хотя теперь въ формѣ совершенно безвредной, встрѣчается въ различныхъ мѣстностяхъ, особенно вблизи Бомбея.

**) По-индійски Танесвара, около 25 миль на сѣверъ отъ Дели.

брался уже почти до береговъ Джумны. Въ 409 (1018) Газневидъ сдѣлалъ опустошительный хищническій набѣгъ на царство Каноджъ (на Джумнѣ и Гангѣ), разграбилъ и опустошилъ большіе города Матуру на Джумнѣ и Каноджъ на Гангѣ (на западъ отъ Лукнова) *) и еще множество различныхъ городовъ и вернулся съ несмѣтной добычей въ Газну. Судя по большинству сообщений, онъ будто бы послѣ того въ 414 (1023 г.) проникъ еще дальше черезъ Гваліоръ и Калинджаръ (на югъ отъ Джумны, вблизи Аллахабада). Но во всякомъ случаѣ вполне достовѣренъ походъ его 416 17 (зима 1025—6) въ Сомнатъ, на полуостровѣ Гуджератъ **), гдѣ слѣдовало разрушить отвратительный, высокочтимый индусами истуканъ, неприкосновенное существованіе котораго грозило уничтожить впечатлѣніе всѣхъ мусульманскихъ побѣдъ въ Индіи. Отважный походъ удался; многіе, лежащіе на пути до Сомната, города и онъ самъ были взяты приступомъ; истуканъ весь сожженъ, за исключеніемъ одного его куска, изъ котораго позднѣе выбита ступень для входа въ главную мечеть въ Газнѣ; городъ разграбленъ и большая часть населенія убитъ.

Какъ ни были обширны завоеванія Махмуда, но далеко и половины той части Индіи, которую пощипали копыта его коней, не было суждено быть прочно включенной въ государство Газневидовъ. Въ виду раздробленія тогдашней Индіи на большое число маленькихъ государствъ, союзъ которыхъ въ дни общей опасности бывалъ обыкновенно и залоздалымъ и безсильнымъ, какой-нибудь отважный предводитель войска, еслибъ судьба дала ему на то время, могъ безнаказанно во главѣ своихъ отрядовъ посѣтить одну вельдъ за другой всѣ эти индусскія провинціи. Но фактически и прочно приобрѣсти больше, чѣмъ близъ лежащія пограничныя мѣстечки, и вмѣстѣ съ тѣмъ пропитать ихъ религіей и обычаями ислама, не удалось бы даже и подобному энергичному и воинственному предводителю. Вотъ почему при преемникахъ Махмуда власть султановъ простирается на востокъ и югъ не очень далеко за Пенджабъ ***); правда, съ той поры эта обширная и богатая страна оставалась всегда вѣрной мухаммеданству и служила исламу точкой опоры, изъ которой, медленно

*) Въ переводѣ поставлены болѣе знакомыя для русскаго читателя наименованія: Джумна, Лукновъ; авторъ пишетъ Dschamna=Джамна и Lakhnau=Лакно.

**) Сомнатъ (точнѣе Соманата) — мѣсяцъ господинъ) прежде всего одно изъ именъ Махадевы; истуканъ, котораго арабы такъ называютъ, былъ фаллической эмблемой, такъ называемый Лингамъ этого языческаго божества. Поэтому и городъ назывался у мусульманъ просто Сомнатъ (вмѣсто Паттана Соманата „городъ Соманаты“, какъ теперь произносится это индійское имя).

***) Отмѣчаютъ, какъ нѣчто совсѣмъ необычайное, то, что во время правленія султана Али-адъ-даулы (492—508=1094—1115) мусульманское войско снова проникло до Ганга.

двигаясь впередъ, онъ постепенно могъ подчинить себѣ, хотя бы на короткое время, большую часть передней Азіи. Поэтому не удивительно, что султанъ Махмудъ восхваляется всѣми мусульманскими историками, какъ герой Ислама, и считается ими образцомъ во всѣхъ отношеніяхъ мудраго и справедливаго государя. Мнѣніе народа объ этомъ вопросѣ сказалось въ извѣстной легендѣ болѣе позднихъ временъ *), въ которой передается, будто-бы визирь султана пожелалъ какъ-нибудь укротить не имѣющую границъ воинственность своего государя. Для того, чтобы приподнести великимъ господамъ неприятную имъ истину, на Востокѣ обращаются обыкновенно къ притчамъ, сказкамъ. Вотъ однажды вечеромъ визирь въ присутствіи всего двора разсказалъ о томъ, какъ онъ, отдыхая въ дневную жару въ тѣни заброшеннаго дома, въ которомъ свили себѣ гнѣзда филины, подслушалъ ихъ разговоръ,—а по милости Аллаха онъ понимаетъ птичій языкъ. Тутъ разсказчикъ, внезапно смущенный, останавливается. Махмудъ, у котораго уже задѣто любопытство, настаиваетъ на продолженіи разсказа, наконецъ приказываетъ окончить его, согласно съ истиной и сообщить то, что говорили филины. «Это были два старика», приступаетъ наконецъ визирь къ прерванному разсказу: «у одного изъ нихъ былъ сынъ, у другого—дочь, и о ихъ бракѣ шла именно рѣчь. Отецъ невѣсты требовалъ, чтобы дочь получила въ свадебный подарокъ пять опустошенныхъ деревень. «Пять»? посмѣялся въ отвѣтъ второй филинъ, «я могу подарить ей не пять, а цѣлыхъ пятьсотъ деревень. До тѣхъ поръ, пока Аллахъ сохранитъ жизнь султану, никогда не будетъ недостатка въ опустошенныхъ деревняхъ».—Насколько горькое слово это должно заключать въ себѣ правды видно изъ сообщеній тѣхъ-же самыхъ историковъ, которые такъ восхищаются Махмудомъ: цѣнность сокровищъ, похищенныхъ изъ храма въ Сомнатѣ, показывается ими въ два милліона золотыхъ динаріевъ (I, 111 примѣч.), а при взятіи одного этого города были будто-бы умерщвлены 50000 индусовъ; весьма возможно, даже вѣроятно, что цифры эти *ad majorem Allahi gloriam* сильно преувеличены, но даже четвертая доля была-бы просто ужасна. Не подлежитъ однако ни малѣйшему сомнѣнію, что тысячи и тысячи жизней мирныхъ обывателей пали жертвой тупого фанатизма Махмуда и дикой жестокости его турецкихъ и афганскихъ отрядовъ. Даже тамъ, гдѣ мечъ султана положилъ предѣлъ кровавымъ неурядицамъ, продолжавшимся десятки лѣтъ въ Хорасанѣ, въ Персіи—короткій промежутокъ спокойствія и порядка былъ купленъ достаточно дорогой цѣной. Шло ли дѣло объ индійскихъ язычникахъ, или о шитахъ и вольнодумцахъ,—

*) См. Рюкертъ «Восточныя легенды и сказанія», Штутгартъ 1837, II—186. исламъ. т. III.

ревностный суннитъ-султанъ одинаково не зналъ ни для кого пощады. Еще все-таки неустанное преслѣдованіе апостоловъ измаилитской пропаганды (II, 288), которая появилась вездѣ въ Персіи во второй половинѣ III столѣтія,—можетъ быть разсматриваемо, какъ защитительная мѣра противъ этой пропаганды. Султанъ назначилъ своего верховнаго инквизитора, конечно, прославившагося въ качествѣ свѣтила вѣры, богослова—для выслѣживанія этихъ еретиковъ. Мы вѣдь только что видѣли, что уже въ царствованіе Махмуда имѣлись въ Индіи «карматы», точно также достоверно и то, что незадолго до конца правленія Саманидовъ не менѣе далекая Трансоксанія была уже пропитана измаилитскими элементами *). Честолюбію Фатимидскихъ халифовъ въ Египтѣ, которые именно теперь и достигли вершины своей власти, только-что совершенное Буидами раздробленіе Персіи придало до того крылья, что самыя дерзкія надежды стали имъ казаться исполнимыми: въ 403 г. (1012—13) былъ схваченъ въ Хератѣ человекъ изъ Тагерта (самой глубины западной Африки), который выдавалъ себя за посла Фатимида Хакима къ Махмуду, но вѣрнѣе всего былъ просто шпиономъ; его казнили, какъ еретика. Великимъ несчастіемъ для только-что пріобрѣтенной свободы духовной жизни въ Персіи было гоненіе, воздвигнутое какъ на умѣренный шіитизмъ, допускавшійся Саманидами, поощрявшійся Буидами, такъ и на еще болѣе невинныя воззрѣнія му'тазилитовъ. Когда Махмудъ въ 420 (1029) г. осадилъ Рей, онъ велѣлъ распять множество шіитскихъ товарищей **) Медждъ-адъ-даулы и изгнать му'тазилитовъ въ Хорасанъ, сочиненія по философіи, по му'тазилитскому богословію и астрологіи велѣлъ сжечь, а другого рода книги увезъ на ста верблюдахъ съ собой. Вѣчнымъ обвиненіемъ, которое царедворцы Махмуда взводили другъ на друга передъ нимъ, было обвиненіе въ шіитизмѣ. Благодаря тому же приему, и знаменитому поэту, Фирдуси, пришлось претерпѣть массу неприятностей несмотря на то, что славолюбивый султанъ весьма дорожилъ пребываніемъ у него такого выдающагося человекъ. Также и то обстоятельство, что Махмудъ въ болѣе поздніе года своего царствованія снова ввелъ вмѣсто персидскаго языка арабскій въ административныя сферы—не могло

*) Отецъ и братъ Авиценны были измаилиты и приверженцы Фатимидскаго халифата: Ибнъ-Аби-Усейбъ (II 2, 12). Сравни также Nassiri Khosrau, *Sefer nameh* p. Schefer. Paris 1881. *Introduct.* p. II, XLII.

**) У Ибнъ-аль-Аспра IX, 262—сказано „батинитскіе“, что вообще равнозначаще съ „измаилитскими“. Но „товарищами“ при дворѣ даже Буидовъ никоимъ образомъ не могли быть настоящіе измаилиты. Нужно предположить, что слово это стоитъ въ указанномъ мѣстѣ въ первоначальномъ смыслѣ, означая аллегорическій методъ толкованія корана.

не отразиться дурно на вновь начавшееся было развитіе въ Персіи. Конечно, даровитый персидскій народъ въ только что истекшіе полтора вѣка, со времени вступленія въ правленіе Тахиридовъ, слишкомъ узналъ себѣ цѣну, чтобы теперь было бы возможно, какъ прежде, языкъ его, снова поднявшійся на степень литературнаго, вовсе отстранить отъ употребленія въ поэзіи и наукѣ. Но все же столь радостно зазеленѣвшій ростокъ до того заглохъ теперь, что впоследствии, когда при Сефевидлахъ наступила окончательная побѣда шиитизма, довольно много вѣтвей науки оказались заглохшими и послѣ того ужъ никогда больше не оживали въ Персіи. Причиной тому были, конечно, ужасныя времена сельджуковъ и монголовъ. Но собственно поворотъ ко всему этому случился именно при Махмудѣ; характеристично то, что его секретарь Аль-Утбій, которому мы обязаны историческимъ сочиненіемъ о послѣднихъ годахъ правленія Саманидовъ и о началѣ правленія Газневидовъ, считалъ болѣе соответственнымъ писать сочиненіе это, хотя и по истинѣ персидскимъ блестящимъ слогомъ, но на арабскомъ языкѣ, при этомъ однако во всемъ остальномъ тонъ его для придворнаго исторіографа вполне независимъ; такъ, напр., онъ говоритъ съ уваженіемъ и участіемъ о Мунтасирѣ, который, какъ извѣстно, надѣлалъ массу хлопотъ Махмуду. При Саманидахъ переводили арабскаго Табарія на персидскій языкъ, теперь персидскіе историки снова пишутъ по-арабски. Какими путями добивался Махмудъ,—а онъ былъ достаточно уменъ для этого,—присоединенія къ прочимъ своимъ правамъ на удивленіе потомства еще и имени покровителя искусства и науки,—ясно видно изъ его поступковъ при осадѣ Рей. Все, что въ этой области можно было считать за ересь, было уничтожено, остальное же по возможности увезено въ Газну для украшенія блестящаго султанскаго двора. Не отнимая у Махмуда ни заслуги его,—онъ этимъ способомъ открылъ дорогу многимъ выдающимся людямъ,—ни присущей ему способности вѣрно оцѣнивать достоинства поэтическихъ произведеній и судить о нихъ со вкусомъ, мы въ то же время должны сильно подчеркнуть, что побудительной причиной во всемъ этомъ вовсе не было сознательное желаніе поощрить умственную, духовную жизнь страны;—нѣтъ, великому завоевателю просто хотѣлось собрать вокругъ себя какъ можно больше знаменитостей, которыя должны были изображать собой хоръ звѣздъ, окружающій солнце султанской славы. Махмудъ дѣйствовалъ, правда, не совсѣмъ такъ механически, какъ Наполеонъ I, въ принятіи мѣръ для возвеличенія своей столицы; но подобно тому, какъ французскій императоръ запакowyвалъ картины и статуи и отсылалъ ихъ въ Парижъ, и Махмудъ въ завоеванныхъ, разграбленныхъ имъ мѣстностяхъ забиралъ

ученыхъ и поэтовъ и посылалъ въ свою столицу, гдѣ талантъ ихъ развивался на удивленіе міру. Конечно, мы этимъ вовсе не хотимъ сказать, чтобы яркій блескъ его двора и хорошо рассчитанная имъ щедрость не привлекли бы безъ всякаго принужденія многихъ выдающихся людей, но разъ мы имѣемъ достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, что при завоеваніи Хорезма Махмудъ велѣлъ перевезти оттуда въ Газну нѣсколькихъ знаменитыхъ ученыхъ, можно, конечно, подобное же обращеніе предположить въ другихъ случаяхъ, о которыхъ мы не имѣемъ болѣе точныхъ свѣдѣній. А что покровительство Махмуда искусству и наукѣ, при всемъ шумномъ хвастовствѣ его, не было лишено мелкихъ, низкихъ чертъ, видно изъ его поведенія относительно Фирдуси, величайшаго поэта Персіи и одного изъ величайшихъ поэтовъ всего міра *). Абуль-Касимъ-Мансуръ, по прозванію аль-Фирдуси **), родился въ 328 (940) г. въ Шебезѣ, маленькомъ мѣстечкѣ близъ Туса, въ Хорасанѣ. Онъ былъ чисто персидскаго происхожденія; отецъ его, имя котораго не вполне точно извѣстно ***), былъ однимъ изъ тѣхъ дихгановъ, то есть маленькихъ землевладѣльцевъ, съ которыми мы уже познакомились, какъ съ истинными носителями старинныхъ національныхъ преданій. Понятно, что въ такой средѣ мысли и склонности даровитаго юноши влекли его именно къ тѣмъ преданіямъ старины, которыя на ряду съ запретной религіей Зороастра составляли настоящее зерно духовнаго наслѣдія персовъ; тѣмъ болѣе, что стремленіе вновь приобрѣсти это наслѣдіе, чтобы пользоваться имъ, уже въ теченіе цѣлаго столѣтія побуждало къ ревностному выслѣживанію старыхъ преданій о царяхъ и герояхъ, съ цѣлью полного возстановленія Книги Царской (Шахнамѣ) въ видѣ сборника иранской исторіи отъ древнѣйшихъ временъ до вторженія арабовъ. Не точны и полны противорѣчій легендарныя свѣдѣнія о прежней жизни Фирдуси, имѣющія въ виду главнымъ образомъ поясненіе его творчества надъ «Царской Книгой» и его, находящагося въ связи съ этимъ творчествомъ, оконча-

*) Смотр. Шака, «Легенды Фирдуси», Берлинъ 1869 и здѣсь I, 81, примѣч. Пусть позволятъ намъ также напомнить стихотвореніе Гейне „Фирдуси“, производящее при всей своей странности такое сильное впечатлѣніе.

**) Прозваніе это объясняется на разные лады: одни передаютъ, будто-бы султанъ Махмудъ сказалъ ему однажды: «Ты обратилъ дворъ мой въ рай „Фирдусъ“. По другимъ же передачамъ поэта провали такъ потому, что, сочиняя стихи, онъ имѣлъ обыкновеніе прогуливаться въ паркѣ (по гречески *παράδεισος*, „Фирдусъ“, по-персидски) благоволящаго къ нему намѣстника Туса. Оба объясненія производятъ нѣсколько искусственное впечатлѣніе. Фирдауси (буква *y* произносится очень коротко, образуя одинъ слогъ съ буквами *da*) точное и болѣе старинное произношеніе имени, но между тѣмъ *y* насъ вошло въ общее употребленіе произносить Фирдуси.

***) Его называютъ Исхакъ или Ахмедъ.

тельного переселенія въ Газну. Вѣрно лишь то, что Фирдуси былъ женатъ съ 27 лѣтъ, былъ нѣжнымъ отцомъ родившемуся ему отъ этого брака сыну и уже 35 лѣтъ въ Тусѣ,—гдѣ онъ пользовался благосклонностію саманидскаго намѣстника, какъ извѣстный поэтъ,—началъ писать свою великую эпопею, которая съ неподражаемымъ совершенствомъ воплотила въ себѣ мысль эмира Нуха III и его Дакики. Охотно рисуемъ себѣ, придерживаясь болѣе позднихъ преданій, серьезнаго и вдумчиваго, если судить по его манерѣ писать, поэта, какъ онъ, сидя у водяного потока, пересѣкавшаго паркъ намѣстника близъ Туса, сочиняетъ здѣсь стихи, работая надъ своей «Царской Книгой». Если эта идиллія не сказка, то во всякомъ случаѣ ей былъ положенъ грустный конецъ тѣми бурными временами, которыя привели къ гибели домъ Саманидовъ. Какая-бы ни была причина, побудившая Фирдуси около 390 (1000) г. явиться ко двору султана Махмуда, уже совпаденіе этого появленія со временемъ гибели эмира въ Бухарѣ въ 389 (999) указываетъ на то, что переселеніе изъ Туса произошло повидимому подъ вліяніемъ безпокойствъ, нарушившихъ миръ въ его родинѣ до смерти Мунтасира. Онъ не нашель, какъ кажется, въ Газнѣ слишкомъ радушнаго приѣма среди блестящихъ придворныхъ поэтовъ, ревностно занятыхъ воскуреніемъ оиміама султану. Ученые и поэты, пріютившіеся здѣсь послѣ крушенія Саманидовъ, отчасти изъ другихъ персидскихъ мѣстностей,—все почти пользовались почетной извѣстностью: Унсури *), Фаррухи, Минучехри и много другихъ удачно подражали Рудаги и Дакики и добивались благосклонности султана. Но ихъ было и такъ не мало, поэтому понятно, что они не очень-то желали добровольно уступить первое мѣсто болѣе значительному, чѣмъ они, по дарованію пришельцу. Тѣмъ не менѣе у Махмуда была способность понимать превосходство поэтическаго таланта; онъ скоро обратилъ вниманіе на писателя изъ Туса, и, когда Фирдуси удалось, наконецъ, прочесть отрывокъ изъ своего эпоса государю, успѣхъ его былъ обезпеченъ. Старый герой Ирана, Рустемъ, блестящій Исфендіаръ, храбрые воины Самъ и Заль, и сколько бы ихъ тамъ ни было, должны были понравиться могучему завоевателю. Мы слышали, что еще до пріѣзда Фирдуси въ Газну, султанъ выразилъ намѣреніе поручить одному изъ своихъ поэтовъ продолженіе начатаго Дакики произведенія. И вотъ, на лицо оказался больше, чѣмъ Дакики или Унсури; на Фирдуси возложили окончаніе этой работы; за всякій двойной стихъ **) онъ

*) Обыкновенно произносится менѣе точно: Ансари.

**) Форма эпоса, употребляемая персами, состоитъ изъ стиховъ одинаковаго размѣра, изъ которыхъ всегда два слѣдующіе другъ за другомъ рифмуютъ между собой.

долженъ былъ получить въ награду по золотому, а чтобы онъ могъ спокойно писать вблизи государя и по временамъ прочитывать ему уже написанное, ему отвели помѣщеніе въ самомъ дворцѣ. Здѣсь, при дворѣ, жилъ и творилъ онъ теперь въ теченіе 12-ти лѣтъ; но всѣ эти годы были ему достаточно отравлены завистниками изъ числа придворныхъ поэтовъ и прихлебателей, которые разными клеветами пытались возстановить противъ него султана. Къ тому же и ранняя смерть горячо любимаго имъ сына тяжело опечалила его*).

За все это онъ искалъ вознагражденія въ искусствѣ.

Неутомимо нализывалъ онъ строчку за строчкой, пока наконецъ въ 401 г. (1001 г.) не окончилъ великаго своего поэтического произведенія, про которое затѣмъ 70 лѣтній старикъ былъ совершенно въ правѣ изречь слѣдующія гордые строки:

- » Отъ лучей палящихъ солнца и дождя
- » Блѣкнуть своды храмовъ и дворцы царей,
- » Но могучій строй, который я возвелъ,
- » Не боятся бурь и гнѣва урагановъ»**).

Эпопея заключала въ себѣ 60.000 двойныхъ стиховъ, и поэтъ, еслибъ султанъ сдержалъ данное обѣщаніе, долженъ былъ получить 60.000 золотыхъ динаріевъ. Но султанъ унизился до того, что сталъ толковать свое обѣщаніе вкривъ и вкосъ и, послушавшись нашептываній завистливаго своего визиря, послалъ Фирдуси 60 тысячъ серебряныхъ монетъ.

Поэтъ былъ какъ разъ въ купальнѣ въ то время, когда подъ присмотромъ придворнаго служителя притащили ему мѣшки съ деньгами. Развязавъ первый мѣшокъ и увидѣвъ тамъ серебро, Фирдуси, возмущившись нарушеніемъ царскаго слова, гордо приподнялся и раздарилъ въ равныхъ частяхъ всю сумму тремъ лицамъ: придворному служителю, банщику и продавцу пива, у котораго онъ только что бралъ стаканъ этого питья. Когда султанъ Махмудъ узналъ обо всемъ этомъ, гнѣвъ его не зналъ границъ, такъ что онъ сначала хотѣлъ велѣть бросить дерзкаго на растоптаніе подъ ноги слонамъ. Но потомъ помиловалъ съ тѣмъ, чтобы онъ немедленно отправился въ изгнаніе. Фирдуси покорился и оставилъ въ рукахъ знакомаго ему

*) Прекрасное стихотвореніе, вызванное у него этимъ несчастіемъ (оно переведено Шакомъ, стр. 25), заключаетъ въ себѣ извѣстныя строки: „Одинъ лишь этотъ разъ меня онъ огорчилъ. Одинъ лишь этотъ разъ мнѣ зло онъ причинилъ“. Замѣчательное совпаденіе съ надписью надъ могилами римскихъ женщинъ „de qua nil doluit nisi mortem“, которой также и Шамиссо столь трогательно воспользовался въ извѣстномъ своемъ стихотвореніи.

**) Шакъ, стр. 70. Снова замѣчательное совпаденіе съ Eregi monumentum aere perennius Горация.

дворцоваго раба запечатанный пакетъ для передачи султану не раньше, какъ по прошествіи двадцати дней. Поэтическое посланіе, находившееся въ пакетѣ, оставленномъ Фирдуси, существуетъ еще и теперь: это сатира на властителя, нарушившаго свое слово,—высоко художественное произведеніе, полное силы и благороднаго негодованія *). Кто прочтетъ эти стихи—пойметъ безпрѣдѣльное бѣшенство султана, который на вершинѣ могущества вынужденъ былъ выслушать, какъ его обзываютъ скрягой и, хуже того, напоминаютъ ему, что выказанный имъ образъ мыслей какъ разъ подстать сыну раба, а Себуктегинъ вѣдь былъ имъ. За это Махмудъ преслѣдовалъ теперь повсюду въ теченіе многихъ лѣтъ съ непримиримой ненавистью того поэта, къ которому онъ когда-то такъ благоволилъ. Когда-же, наконецъ, Фирдуси нашелъ пристанище въ Багдадѣ, у халифа Кадіра (II, 343), Махмудъ потребовалъ его выдачи. Какъ ни плохо жилось Кадіру подъ властью Буидовъ и какъ сильно ни нуждался онъ въ благорасположеніи могучаго повелителя Востока, все же онъ былъ настолько благороденъ, что отказался отъ выдачи старца-поэта, хотя и былъ вынужденъ посоветовать Фирдуси лучше опять взяться за посохъ странника. Другой добрый человѣкъ, Ахмедъ-Ибнъ-Мухаммедъ, властитель мѣстечка Ханъ-Леджанъ, расположеннаго вблизи Испахана, осмѣлился дать послѣ того убѣжище поэту. Быть можетъ, благодаря его усиліямъ гнѣвъ Махмуда улегся настолько, что Фирдуси было, по крайней мѣрѣ, дозволено вернуться хоть умереть на родину; 80-ти лѣтъ отъ роду онъ въ 411=1020 году испустилъ послѣднее свое дыханіе въ Тусѣ (Мешхедѣ), гдѣ и теперь еще **) показываютъ его могилу, представляющую собой, по описанію одного изъ новѣйшихъ путешественниковъ, «куполь, украшенный лакированными кирпичами, такой маленькій, что въ первую минуту кажется, будто онъ составляетъ часть какого-нибудь частнаго домика». Этотъ Мешхедъ—замѣчательное мѣсто: тамъ мирно покоятся другъвозлѣдруга: Аббасидъ Харунъ, Алидъ Рида, иранскій поэтъ Фирдуси и правовѣрно-мусульманскій философъ Газзалий, великій визирь Назамъ-аль-Мулькъ, которому страна обязана послѣдними своими счастливыми днями, и астрономъ Насиръ-аль-динъ, любимецъ монгола Хулагу, который разорилъ навсегда эту страну. Вытекающую отсюда мораль смотри у Шекспировскаго Гамлета. Передаютъ, будто въ тотъ самый моментъ, когда похоронное шествіе съ смертными останками Фирдуси двигалось

*) Переведено Шакомъ, стр. 18.

**) По крайней мѣрѣ такъ было еще въ началѣ нашего 19-го столѣтія; см. путешествіе Фразера въ Хорасанъ 2-й томъ (Новая бібліотека замѣч. путешествій ЛП), стр. 258; Шахъ стр. 27. О современномъ положеніи могилы Фирдуси (въ 1890 г.) см. статью В. Жукowska въ Запискахъ восточн. отдѣл. Императ. археолог. общества т. VI, 1892 г., стр. 308, съ приложеніемъ снимка съ фотографіи.

по направленію къ вратамъ Туса, явились какъ разъ посланники образумившагося, наконецъ, султана, который и самъ находился уже на краю могилы. Эти посланники имѣли передать поэту почетное платье и 60 тысячъ золотыхъ динаріевъ. Дочь покойнаго унаслѣдовала возвышенный образъ мыслей своего отца: она пожертвовала всѣ деньги въ пользу города для возведенія общественнаго зданія съ благотворительною цѣлью. Судьба распорядилась мудро въ томъ, что самъ поэтъ не дожилъ до этого удовлетворенія его со стороны султана; куда болѣе высокая награда была присуждена ему гораздо раньше—бессмертій вѣнецъ поэтической славы. Въ задачу мою не входитъ характеристика эпоса Фирдуси, и потому я ограничусь лишь сообщеніемъ, что онъ представляетъ собой наиболѣе благородное и возвышенное воплощеніе національнаго духа, лишь тогда достижимое, когда преданія великаго народа облечены въ образы такимъ поэтомъ, гений котораго подкрѣпленъ истинной мудростью и серьезнымъ направленіемъ мысли.

Фирдуси выше всего персидскаго народа на цѣлую голову, вотъ почему соотечественникамъ его гораздо ближе и понятнѣе менѣе возвышенные поэты Саади и Хâфизъ; хотя мягкое міровоззрѣніе Саади и теплая жизнерадостность Хâфиза и намъ доставляютъ величайшее удовольствіе, все-же въ одномъ только Фирдуси усматриваемъ мы плоть нашей плоти, одинъ онъ проникнуть духомъ, вѣющимъ отъ Гомера, Наля и Нибелунговъ. Конечно, этого бѣдный султанъ Махмудъ не могъ предугадать, да еслибъ и могъ, то онъ отъ этого все равно ничего-бы не выигралъ. Предназначенная ему роль ограничивалась тѣмъ, что онъ лишь собралъ вокругъ себя и украсилъ свой дворъ прославившими его умственными силами, вызванными къ жизни вѣкомъ Саманидовъ. И остальные поэты, перечисленные нами раньше, болѣе или менѣе добровольные товарищи Фирдуси при дворѣ Махмуда, въ свою очередь оставили не мало изящныхъ стихотвореній. Также и наука стояла въ ту эпоху на высококомъ уровнѣ. Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ выдающихся ученыхъ—Аль-Бируній, который при завоеваніи Хорезма былъ взятъ Махмудомъ въ Газну, особенно прославился сочиненіемъ на арабскомъ языкѣ о хронологіи древнихъ народовъ, основанной на удачныхъ астрономическихъ и историческихъ изслѣдованіяхъ, сочиненіе, имѣющее и въ настоящее время еще цѣну. Бируній былъ въ душѣ настоящій персъ и повидимому ему доставило мало удовольствія то обстоятельство, что онъ былъ вынужденъ промѣнять свое пребываніе на родинѣ на пребываніе при далекомъ султанскомъ дворѣ, но онъ воспользовался представившимся ему случаемъ, чтобы первый изъ муслимовъ лично познакомиться съ Индіей и ея исторіей. Все это онъ изложилъ въ своей

«Исторіи Индіи», пѣнность которой еще болѣе увеличивается полнымъ отсутствіемъ исторической литературы у самихъ индусовъ. Изъ того-же Хорезма былъ вывезенъ Махмудскъ Аль-Хасанъ-Ибнъ-Зуваръ, знаменитый врачъ, искусствомъ котораго Махмудъ пользовался и лично для себя. Хасанъ былъ очень большой оригиналъ, который, отправляясь лѣчить бѣдняковъ, одѣвался до нельзя просто; ко двору же онъ являлся не иначе, какъ въ пышномъ и великолѣпномъ облаченіи. Слѣдуетъ упомянуть еще объ одной выдающейся личности, которая одновременно съ двумя только что названными учеными жила и дѣйствовала въ Хорасанѣ, объ Абу-Аліи-аль-Хусейнѣ, извѣстномъ подъ именемъ Ибнъ-Сины, превратившемся на Западѣ въ Авиценну. Изъ числа восточныхъ ученыхъ это тотъ, который, рядомъ съ испанцемъ Аверроэсомъ, былъ наиболѣе извѣстенъ христіанскимъ націямъ среднихъ вѣковъ и имѣлъ на нихъ наиболѣе сильное вліяніе, но къ сожалѣнію вмѣстѣ съ тѣмъ причинилъ имъ наибольшее зло. Авиценна изображаетъ собою классическое воплощеніе персидскаго характера въ истинной смѣси его достоинствъ и слабостей. Полный остроумія и ума, даровитый и жизнерадостный, ловкій и любезный, находчивый въ трудныя минуты, никогда не терявшій мужества въ скверныхъ положеніяхъ, ему все же въ умственномъ отношеніи недоставало глубины, свойственной гениямъ, а въ жизни—той великой черты, изъ которой составляется характеръ. Дарованія его были удивительно разнообразны: одновременно врачъ, государственный дѣятель, ученый, царедворецъ, онъ написалъ безчисленное количество книгъ медицинскихъ, математическихъ, трактующихъ объ этикѣ, физикѣ, риторикѣ, алхиміи, музыкѣ и къ тому же сочинялъ стихи, и все это по желанію на арабскомъ или персидскомъ языкѣ, и по большей части безъ всякихъ пособій, прямо изъ головы, въ которой онъ съ самой ранней юности, съ помощью способности быстро усвоенія и невѣроятно сильной памяти, накопилъ съ энциклопедической полнотой все знаніе своего времени. Мнѣ кажется невѣроятнымъ—и оно дѣйствительно и не доказано,—чтобы въ безконечномъ количествѣ его произведеній могла быть отыскана хотя бы одна новая, оригинальная мысль *). Заслуга Авиценны состоитъ исключительно лишь въ томъ, что онъ систематично, ясно и понятно скомпиліровалъ научныя пріобрѣтенія своихъ арабскихъ и персидскихъ предшественниковъ, особенно въ области медицины. Сдѣлать это хорошо и общедоступно тоже не малая заслуга, но, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, слѣдствіемъ

*) Большая часть этихъ сочиненій не напечатана; не могу сказать конечно, чтобы я прочелъ и всѣ напечатанныя, но то, что изъ нихъ мнѣ болѣе или менѣе подробно извѣстно, даетъ право держаться только-что высказаннаго мною мнѣнія.

съ одной стороны явилось то, что въ ущербъ его предшественникамъ труды ловкаго компилятора прославились не по заслугамъ, а затѣмъ, что еще хуже, онъ помѣшалъ новому, истинному успѣху самостоятельнаго изслѣдованія. Грустныя времена, наставшія для Востока послѣ смерти Махмуда, уже сами по себѣ черезчуръ благопріятствовали остановкѣ начавшагося научнаго развитія и приучили врачей къ научной беззаботности.—А разъ подъ руками очутилось такое полное и легко понятное руководство, какимъ явился большой «Канонъ» *) Авиценны, искушеніе было ужъ черезчуръ значительно положить это руководство, разъ навсегда, въ основу преподаванія и потомъ постепенно приучиться смотрѣть на него вообще, какъ на высшій научный авторитетъ. Авторъ «Канона», Авиценна, конечно, такъ же мало въ данномъ случаѣ виноватъ, какъ напр. Галленъ, въ качествѣ изслѣдователя стоящій безконечно выше его, виноватъ въ совершенно аналогичной случайности, благодаря которой его патологическая система въ продолженіе болѣе тысячелѣтій лежала въ основѣ медицинскаго искусства. Даже теперь нельзя еще вполне исчислить всѣ тѣ бѣдствія, которыя вызваны обоими указанными случаями вслѣдствіе того, что они помѣшали всякимъ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ. Мы вовсе не утверждаемъ, чтобы разумные врачи не сдумѣли, въ путяхъ подобной системы, принести больше пользы, чѣмъ вреда, но насколько значительноѣ толпа темныхъ невѣждъ, которые, слѣпы и глухи по отношенію къ указаніямъ и симптомамъ самой природы, туго придерживались буквы своего «Канона» и хуже чумы хозяйничали съ своей адской кухней среди страждущаго человѣчества,—это мы узнаемъ не только изъ одного Гётевскаго Фауста, а изъ жизни.

Значеніе книги Авиценны возросло до того, что она не только въ среднихъ вѣкахъ была распространена въ латинскомъ переводѣ въ безчисленномъ количествѣ экземпляровъ, считаясь высшимъ авторитетомъ, но и по сегодняшній день бѣдные персы обязаны давать себя лечить по ней **); и даже въ Египтѣ оригинальный текстъ лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ вновь изданъ. Впрочемъ невольный виновникъ столькихъ бѣдствій былъ одновременно съ тѣмъ замѣчательно интересная личность. Совершенная противоположность глубоко вдумчивому и серьезному Фирдуси и мужественному Бирунію, подвижной и гибкій, способный также увлекаться работой, какъ и удовольствіями, полный стремленія къ наслажденію, Авиценна былъ какъ-будто нарочно созданъ для того, чтобы играть роль при дворѣ. Однако ему

*) Заглавіе книги аль Канунъ-фп-т-тыббъ=Сводъ законовъ врачебнаго искусства. „Канунъ“, перешедшее на арабскій языкъ *القانون*, означаетъ прежде всего путеводную нить, затѣмъ основное правило, образецъ и т. д.

***) Поллакъ, Персія, Лейпцигъ 1865, II, 193.

никогда и въ голову не пришло явиться въ Газну. Очень сомнительно, чтобы болѣе позднее преданіе, по которому султанъ Махмудъ будто бы пытался уловить въ свой рассадникъ поэтовъ и ученыхъ, украшавшихъ его дворъ, также и Авиценну, имѣло бы какую нибудь, фактическую подкладку. Достоверно лишь то, что Авиценна старательно избѣгала Махмуда въ теченіе всей своей жизни.

Изъ любви-ли къ независимости, или изъ осторожности, но роль собачки въ клеткѣ льва была ему антипатична, ему, который вовсе не желалъ скрывать своей склонности къ вину и вольнодумству. Онъ предпочиталъ пребываніе у менѣе опасныхъ лисицъ и шакаловъ мелкихъ персидскихъ государствъ.

Сынъ незначительнаго чиновника, онъ родился въ 370 г. (980), въ Эфшенѣ, небольшомъ мѣстечкѣ вблизи Бухары *). Выказавъ очень рано величайшія способности, онъ получилъ уже юношей доступъ ко двору Нуха III, у котораго, въ видѣ награды за врачебные совѣты, выпросилъ себѣ позволеніе пользоваться личной его библіотекой. Послѣ смерти эмира онъ занялъ высокій административный постъ, но вскорѣ затѣмъ покинулъ Бухару, быть можетъ, предугадавъ тонкимъ чутьемъ ея близкое паденіе, и отправился въ Хорезмъ, оттуда въ Джурджанъ, гдѣ рассчитывалъ найти благосклонный пріемъ у Зіярита Кабуса, тоже извѣстнаго покровителя наукъ. Но Кабусъ только что лишился и престола, и жизни, и Авиценна направился дальше въ Рей, къ княгинѣ Сейидѣ, а позднѣе поѣхалъ въ Хамаданъ къ Буиду, Шемсъ-адъ-дауль, который сдѣлалъ его своимъ визиремъ. Когда онъ занималъ этотъ постъ, у него произошли несогласія и ссоры, и послѣ смерти Шемса, сынъ послѣдняго, Таджъ-аль-Мулькъ, даже засадилъ Авиценну въ концѣ концовъ въ крѣпость. Впрочемъ и это несчастіе не испортило его веселаго расположенія духа; въ стихотвореніи, написанномъ въ тюрьмѣ, онъ шутитъ въ такомъ тонѣ: «Какъ видишь, милый другъ, сижу я крѣпко тутъ; но, какъ отсюда выберусь, вопросъ сомнительный и даже очень». — Однако по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ его освободили изъ тюрьмы, и онъ отправился въ Испаханъ къ Ала-адъ-дауль который принялъ прославленнаго врача и ученаго съ открытыми объятіями. Неутомимый по природѣ, Авиценна, хотя и необычайно могучій и крѣпкій духомъ и тѣломъ, счумѣлъ все таки преждевременно

*) Автобіографія Авиценны, которую его любимый ученикъ Аль Джухеджани довелъ до его смерти и которая сохранилась въ сочиненіяхъ Ибнъ-Абу-Усейби (II, 2—9), представляетъ такую характерную, въ общемъ смыслѣ, картину того времени, особенно жизни въ маленькихъ персидскихъ владѣніяхъ, что мнѣ весьма досадно, что рамки моего труда не позволяютъ привести эту автобіографію цѣломъ. Быть можетъ, мнѣ это удастся гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ.

извести себя. Днем административныя занятія и придворная служба, потомъ какое нибудь ученое общество, вечеромъ—дружеская бесѣда съ учениками и пріятелями съ цѣлю серьезныхъ занятій и преподаванія, а зачастую—препровождение времени въ обществѣ увлекавшихъ его болѣе, чѣмъ-бы слѣдовало, трехъ вещей: вина, женщинъ и пѣнія, ночью же—писаніе ученыхъ трактатовъ и книгъ, такъ что утренняя заря нерѣдко заставляла его съ тростникомъ въ рукахъ и стаканомъ вина на столѣ,—вотъ тотъ образъ жизни, долго выдержать который даже и Авиценна не былъ въ состояніи. Наконецъ онъ заболѣлъ, но не хотѣлъ быть больнымъ и, благодаря той невѣроятной жизненной силѣ, которой онъ обладалъ, ему удалось, возбуждая себя приемами сильныхъ лекарствъ, продолжать свой прежній образъ жизни. Конечно, въ одинъ прекрасный день всему наступилъ конецъ; когда онъ это замѣтилъ, онъ уже не пытался болѣе чѣмъ либо помочь себѣ, а спокойно объявилъ окружающимъ: «Пружина, двигавшая мою жизненную силу, стерлась»,—и умеръ въ 428 (1037 г.) всего 58 лѣтъ отъ роду въ Хамаданѣ, которымъ Ала-адъ-даула только что снова овладѣлъ. Здѣсь и по настоящее время еще показываютъ его могилу. Не безъ намѣренія хотѣлъ я книгу, въ которой предстояло изобразить самостоятельное развитіе Персіи, закончить такой подробной характеристикой величайшаго поэта и самаго знаменитаго ученаго этой страны. Что для арабовъ означаютъ ихъ древніе герои пустыни,—пророкъ и первые халифы до Валида, а для турокъ султаны—завоеватели и опустошители полміра, то же означаютъ для персовъ ихъ ученые и поэты: они—наиболѣе полное и совершенное выраженіе національнаго духа и жизни. Но въ томъ-то и дѣло, что какъ разъ то время не было благопріятнымъ для ученыхъ и поэтовъ: тростникъ, которымъ Фердуси написалъ свой «Шахнамэ», а Авиценна—«Канонъ», именно теперь долженъ былъ уступить мѣсто могучему противнику,—турецкой саблѣ.

КНИГА ВТОРАЯ.

КОЧЕВАНІЕ ТУРОКЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Сельджуки.

Всѣ великія народныя переселенія идутъ по двумъ главнымъ направленіямъ. Нація, подымаяся постепенно до значительной высоты культуры, можетъ въ моментъ наивысшаго развитія своихъ умственныхъ и политическихъ силъ натолкнуться на нецивилизованную расу. Въ такомъ случаѣ эта нація обыкновенно или ассимилируетъ ее или даже вовсе уничтожаетъ.

Римляне превосходно умѣли дѣлать первое, также повидимому и китайцы; второе же представляетъ собой, со времени открытія Америки, какъ извѣстно, обычный ходъ дѣла въ Новомъ Свѣтѣ, также какъ и въ Австраліи и въ Африкѣ.

Если же столкновение разнородныхъ элементовъ произойдетъ въ то время, когда цивилизація даннаго народа уже существенно ослабила матеріальныя его силы, то, при всемъ перевѣсѣ его искусственныхъ средствъ, онъ не будетъ въ состояніи противодѣйствовать натиску грубой силы. Но въ такомъ случаѣ извѣстенъ законъ, по которому побѣдители подчиняются высшей культурѣ и настолько, насколько они къ тому способны, воспринимаютъ ее отъ побѣжденныхъ ими.

Жаль лишь то, что въ предшествующей этому катастрофѣ погибаютъ, если не лучшія, то во всякомъ случаѣ наибольшее число прибрѣтенной цивилизаціи, и разрушается масса незамѣнимыхъ духовныхъ и вещественныхъ сокровищъ.

Мы сами употребили всѣ средніе вѣка на то, чтобы изъ варварства, въ которое погрузился древній міръ, вслѣдствіе вторженія германцевъ, подняться на теперешнюю высоту развитія, хотя оно въ

нѣкоторыхъ отношеніяхъ все-же еще уступаетъ римско-греческой цивилизаціи.

На несчастіе восточнаго міра, лукавыхъ и натворившихъ не мало зла арабовъ, но за то все же политически даровитыхъ и стремившихся къ знанію,—смѣнили сначала турки, сорвавшіе цвѣтъ, а потомъ монголы, снявшіе и листву съ дерева восточной цивилизаціи.

Сдѣлали они все это до того основательно, что впоследствии едва кой-гдѣ могли пробиваться новые отпрыски и то болѣею частью очень скудные. Какъ извѣстно, всякое развитіе встрѣчаетъ обыкновенно на своемъ пути разныя препятствія; такъ случилось и тутъ. Благожелательныя попытки нѣкоторыхъ турецкихъ султановъ воспрепятствовать упадку развитія въ старыхъ халифскихъ владѣніяхъ, также какъ и основаніе сильнаго, а въ умственномъ отношеніи не бездарнаго монгольскаго государства въ Индіи, напоминаютъ собой одинокіе оазисы среди печальной песчаной пустыни, которымъ тоже грозитъ опасность, быть вскорѣ засыпанными пескомъ. Турецкій полумѣсяцъ *) представляетъ собой такимъ образомъ не для одного только Запада символъ варварства, стремящійся все разрушить кругомъ себя. Еще раньше было мною вскользь упомянуто, что точное этнографическое опредѣленіе турецкихъ народовъ довольно затруднительно. Доказательства, основанныя на языкѣ, устанавливають, что многія изъ безчисленныхъ кочевыхъ племенъ, населяющихъ югъ Сибири и Россіи, находятся въ болѣе или менѣе близкомъ родствѣ съ турками, въ тѣсномъ смыслѣ слова, съ тѣми турками, которыхъ мы въ настоящее время встрѣчаемъ въ европейской Турціи и Малой Азіи, встрѣчаемъ также на югѣ Кавказа, среди персидскихъ кочевниковъ,—затѣмъ подъ названіемъ туркменовъ между Каспійскимъ моремъ и Оксусомъ, узбековъ въ Трансоксаніи и татаръ въ Крыму и въ Казанской губерніи. Къ этимъ-же племенамъ относятся и народности, живущія между Алтаемъ и Аральскимъ моремъ, обыкновенно обозначаемыя именемъ татаръ, такъ, напримѣръ: киргизы, башкиры, каракалпаки и т. д.; далѣе якуты въ Сибири и чуваша въ

*) Какъ и когда возникъ этотъ турецкій символъ, противопоставляемый кресту Запада, не извѣстно достоверно. Болѣею частью появленіе турецкаго полумѣсяца связывается съ появленіемъ Османовъ; но я бы желалъ указать на то мѣсто у Мирхонда „Histoire des Samanides“ (Дефремери, Парижъ, 1843 стр. 67, текстъ 178), гдѣ говорится про Себуктегина (стр. 39): „Полумѣсяцъ на военномъ знамени эмира развѣвался въ Балхъ.“ Конечно Мирхондъ жилъ въ XV в., но наврядъ-ли знали въ Центральной Азіи такія подробности объ Османахъ, чтобы онъ могъ на этомъ основаніи употребить такое выраженіе, еслибъ и въ Центральной Азіи полумѣсяцъ не имѣлъ подобнаго-же значенія. А въ такомъ случаѣ возникновеніе полумѣсяца коренится въ гораздо болѣе древнихъ временахъ.

Оренбургской и Казанской губ. Последнія два племени довольно самостоятельны. Другіе же турки въ широкомъ смыслѣ слова дѣлятся, во-первыхъ, на сѣверныхъ турокъ или такъ называемыхъ татаръ (только что упомянутые сибирскіе кочевники), во-вторыхъ, на восточныхъ турокъ, то есть турокъ, живущихъ въ западномъ Китаѣ (около Кашгара),—часто также называемыхъ татарами, узбеками, бухарцами, хивинцами и т. д.,—и на близко родственныхъ имъ крымскихъ и казанскихъ татаръ *),—остатковъ тѣхъ турецкихъ племенъ, которыя въ XIII и XIV вв. основали на юго-востокѣ Россіи подъ предводительствомъ князей монгольскаго происхожденія, могучее Кипчакское государство (обыкновенно называемое «Золотой Ордой») и въ-третьихъ, на западныхъ турокъ, къ которымъ, кромѣ немногочисленныхъ персидскихъ турокъ, принадлежитъ большинство населенія Азербейджана и преобладающій народный классъ тепершняго османскаго государства, которыхъ собственно нашъ обычный разговорный языкъ и называетъ именно турками, а также туркмены, которыхъ долгое время ошибочно причисляли къ восточнымъ туркамъ. Въ общихъ чертахъ историческое развитіе турецкихъ народностей было слѣдующее: первоначально они находились въ Алтайскихъ горахъ; оттуда еще въ весьма древнюю эпоху они проникли довольно далеко въ Китай и Туркестанъ. Въ многочисленныхъ сраженіяхъ съ китайцами и монголами ихъ перебрасывали туда и сюда, въ общемъ-же постепенно отгѣснили къ западу. Послѣ того они двумя громадными волнами наводнили всю западную Азію и южную Европу. Въ первый разъ самостоятельно, въ то именно время, у порога котораго мы теперь стоимъ, а во второй разъ, 200 лѣтъ спустя, подхваченные и направленные монголами подъ предводительствомъ Чингизъ-Хана. Первая волна, заключавшая въ себѣ значительное число племенъ, называемыхъ теперь западными турками, среди которыхъ особенно выдѣлялись гузы и туркмены, хлынула черезъ Оксусъ въ Хорасанъ, Азербейджанъ, Армению и Малую Азію, откуда, уже позже, образовавшіеся изъ гузовъ и туркменовъ, османы завоевали византійскую имперію, распространили панику передъ турками, далеко на западъ. Часть же этихъ ордъ осталась

---

*) Какъ видно выраженіе татары употребляется здѣсь въ трехъ разныхъ смыслахъ. Первоначально это было названіе монгольскаго (этнографически точнѣе тунгускаго) племени, но восточные писатели употребляютъ его исключительно для обозначенія тѣхъ монголовъ, которые въ XIII в. наводнили среднюю Азію. А такъ какъ войска монгольскихъ предводителей по большей части составляются изъ турецкихъ племенъ, то многія изъ этихъ племенъ тоже называются указаннымъ выше образомъ,—татарами, тѣмъ болѣе, что въ нихъ значительно смѣшались турецкій и монгольскій элементы.

туть, между Оксусомъ и Каспійскимъ моремъ или, вѣрнѣе, была отгѣснена на ту сторону Оксуса шедшими вслѣдъ за ними восточными турками, и составляетъ въ настоящее время такъ называемыхъ туркменовъ этой мѣстности. Вторая волна состояла изъ восточныхъ турокъ, которые, подъ предводительствомъ монголовъ, изгнали въ XIII в. западныхъ единоплеменниковъ своихъ изъ Трансоксаніи и, главнымъ образомъ, проникли въ южную Россію, гдѣ, послѣ того какъ имъ и ихъ монгольскимъ властителямъ, какъ когда-то гуннамъ, сила Западной Европы *) поставила предѣлъ (битва при Лигницѣ 1241), они все же еще долгое время держали въ своемъ подчиненіи всю южную Европу. Обѣ турецкія волны, о которыхъ мы только что говорили, были подняты значительнымъ измѣненіемъ положенія дѣлъ и обстоятельствъ во внутренней Азіи, которое вызвало сначала давленіе монголовъ на турокъ, а потомъ турокъ на западныя страны, и привело такимъ образомъ два раза къ основанію монгольско-турецкихъ міровыхъ государствъ.

Изъ этого переселенія народовъ, величайшаго въ мірѣ, насколько намъ извѣстно, перевернувшаго все вверхъ дномъ въ болѣе чѣмъ двухъ третяхъ Азіи и Европы, мы исключимъ въ нашей передачѣ во-первыхъ, прежде всего, тѣ событія, въ которыхъ не участвовали непосредственно исламскія государства, далѣе тѣ событія, о которыхъ шла или будетъ идти рѣчь въ другихъ отдѣлахъ нашего сборника «Всеобщей исторіи»,—значить, и все, что относится къ Китаю и Монголіи, къ сѣверной Азіи и Россіи **), а также и все, касающееся возникновенія и распространенія османовъ ***) въ Малой Азіи и въ Европѣ.

За исключеніемъ всего этого остается исторія опустошеній и завоеваній турками и монголами всѣхъ мѣстностей Средней Азіи, начиная отъ Трансоксаніи и Индіи до Малой Азіи и Сиріи. Среди этой исторіи выдѣляются лишь, въ видѣ незначительныхъ эпизодовъ, переходъ на востокъ афгано-индійскаго государства изъ рукъ газневидовъ въ руки гуридовъ, а на западъ—крестовые походы.

Изо всей толпы народовъ, которые, подъ конецъ правленія Махмуда Газневида, готовились приняться за кочевку и войну, мы знакомы пока еще только единственно съ одними западными турками Трансоксаніи. Къ нимъ принадлежатъ тѣ гузы, которыхъ въ послѣднее время царствованія Саманидовъ мы застали около Бухары и Самарканды и съ другой стороны, вѣроятно, также и большая часть

*) Въ значительной степени чешскіе, т. е. славянскіе полки.—Ред.

**) См. объ этомъ: „Россія и т. д. Шимана (части 91-93 этого сборника).

***) С. Герцбергъ, „Исторія византійцевъ и османскаго государства“ (отд. 72 79—80).

племень, подчиненныхъ Илеку-хану и его брату Тогану, имѣвшихъ еще свой политическій центръ тяжести въ Кашгарѣ,—но, послѣ смерти обоихъ вышеозначенныхъ хановъ *), раздробленныхъ многочисленными внутренними раздорами. И гузы распались также на нѣсколько вѣтвей, изъ которыхъ наиболѣе значительной являются въ 420 (1026 г.) сельджуки. Они получили свое имя отъ предводителя орды, Сельджука, поселившагося будто-бы въ 345 (955 г.) въ Джендѣ, мѣстности на Яксартѣ къ востоку отъ Хорезма. У него было по преданію пять или шесть сыновей, подъ предводительствомъ которыхъ сельджуки, также какъ и другіе гузы, проникли въ государство Саманидовъ и впоследствии участвовали многократно въ войнахъ, веденныхъ Илекъ-ханомъ, его преемниками и Махмудомъ, при чемъ извѣстная часть сельджуковъ была увлечена въ Хорасанъ **) въ 420 (1029 г.) и стала тамъ опустошать страну. Тѣснимые Махмудомъ и его храбрымъ генераломъ Арсланъ-Джазибомъ, сельджуки разсѣялись то туда, то сюда, причемъ, въ видѣ отдѣльныхъ отрядовъ, они проникли далеко на западъ, вплоть до Хамадана, даже до Азербейджана и Мосула, вездѣ безнаказанно грабя и убивая, такъ какъ ничтожные мелкіе князья Персіи и Ирака не умѣли дать имъ настоящаго отпора. Понятно, что съ теченіемъ времени къ сельджукамъ по эту и по ту сторону Оксуса приливали все новыя и новыя толпы гузовъ и туркменовъ, такъ что около 435 (1043 г.) сѣверная Мидія, Азербейджанъ и части Месопотаміи были переполнены турками. Можно легко представить себѣ, какія они производили опустошенія въ злополучныхъ мѣстностяхъ, уже и такъ болѣею частью сильно пострадавшихъ отъ внутреннихъ войнъ Буидовъ со своими вассалами. Но великій военный герой,—султанъ Махмудъ изъ Газны, который, быть можетъ, одинъ только еще могъ бы воспрепятствовать все возрастающему кругу горю и бѣдствію, не былъ уже въ живыхъ. Вслѣдствіе чрезмѣрнаго непрерывнаго напряженія силъ въ послѣдніе годы, онъ утратилъ здоровье; совѣтами и увѣщаніями врачей побережь себя онъ пренебрегалъ и до послѣдней минуты, несмотря ни на что, точно и добросовѣстно исполнялъ всѣ свои тяжелыя обязанности правителя. Онъ такъ и умеръ, какъ сообщаетъ лѣтописецъ, на ногахъ, окруженный высшими сановниками своего государства, творя судъ (23 Раби 421 г.,—30-го апрѣля 1030 г.). Я говорю намѣренно, что, быть можетъ, онъ еще могъ бы противодействовать бѣдѣ, которая готова была обрушиться на западную часть его государства. Именно это государство, не имѣю-

*) Илекъ умеръ въ 403 (1012—13 г.), а Таганъ въ 403 (1017—18 г.).

**) Подробности этихъ событій не вполне достовѣрны; изъ противорѣчивыхъ свѣдѣній, сообщаемыхъ Ибнъ-аль-Асиромъ (IX, 266, 267, 223), въ Табакатъ и Насиръ и т. д., я не могу вывести ничего яснаго и точнаго.

щее національной основы, со своимъ смѣшаннымъ населеніемъ изъ суннитовъ, шіитовъ и индусовъ, лишенное также и единства вѣры, сколоченное мечемъ афганцевъ изъ персовъ, турокъ и индійцевъ, безъ связи съ отдѣльными его частями, составляло одно цѣлое лишь благодаря постоянному, личному вмѣшательству султана въ дѣла каждой отдѣльной провинціи, и только молніеподобная быстрота, съ которой Махмудъ появлялся то здѣсь, то тамъ, чтобы подавить мятежныя вспышки и обезпечить отъ вторженія непріятелей пограничныя мѣстности, давала ему возможность сохранить въ обширномъ государствѣ своею цѣлостью и нѣкоторую прочность. Но еслибъ когда нибудь появились условія, вслѣдствіе которыхъ султанъ не сумѣлъ бы выказать такую-же неутомимую дѣятельность по всѣмъ направленіямъ, то можно было бы легко предвидѣть невозможность одновременно съ одной стороны удержать за собой недавно лишь завоеванную Индію, а съ другой стороны выставить на крайнемъ западѣ надежный оплотъ противъ все увеличивающагося наводненія турецкихъ ордъ. И вотъ какъ разъ въ самую критическую минуту могучій основатель государства умираетъ. Теперь возникаетъ вопросъ, окажется ли у его преемника настолько энергіи, чтобы по примѣру отца удержать крѣпкой рукойъ одновременно и востокъ и западъ? Въ случаѣ, если это оказалось бы для него свыше силъ, ему предстояло выбрать одно: отказаться либо отъ Индіи, либо отъ Персіи. Зная традиціи дома Газневидовъ, нельзя было и сомнѣваться, на что падеть ихъ выборъ. Въ Индію повелъ Себуктегинъ свое войско прежде всего, раньше, чѣмъ онъ нашелъ поводъ вмѣшаться въ положеніе дѣлъ государства Саманидовъ. Самымъ великимъ, самымъ славнымъ подвигомъ Махмуда считалось завоеваніе имъ Индіи для ислама. Поэтому весьма естественно, что преемники Махмуда предпочли удалиться въ Индію, какъ только имъ не оказалось по силамъ сохранить свое государство въ полномъ его объемѣ. Съ самаго начала сынъ Махмуда, Мас'удъ (422—432=1030—1040), который вступилъ на престолъ послѣ довольно таки безцеремоннаго устраненія своего младшаго брата, назначеннаго Махмудомъ наслѣдникомъ престола,—едва ли могъ предвидѣть всю величину опасности, которая теперь намъ кажется столь ясной. Какъ-бы ни были непріятны сами по себѣ разбойничьи набѣги сельджуковъ, въ то время въ 421 г. (1030 г.) имъ придавалось не столь важное, лишь чисто мѣстное значеніе. Поэтому намъ незначѣмъ удивляться, что Мас'удъ, который по энергіи и дѣятельности далеко уступалъ отцу, удовлетворился временнымъ вытѣсненіемъ находившихся тогда въ Хорасанѣ отрядовъ гузовъ, тѣмъ болѣе, что его войска въ 421—23 г. (1030—32) должны были сражаться и противъ Буида Ала-адъ-даулы въ Испаханѣ, который все

снова и снова упорно возмущался против турецкаго государства въ Бухарѣ, а въ 424 (1033 г.) потребовался приливъ большихъ силъ на востокъ для подавленія опаснаго возстанія намѣстника въ Индіи, Ахмеда Яннальтегина. Пока здѣсь шло все вверхъ дномъ, въ 425 (1034 г.) въ Хорасанѣ началась снова борьба съ гузами, такъ что въ заключеніе всего жители сѣверной части этой области возмутились противъ правительства, бросавшаго ихъ безъ помощи и защиты на произволъ враговъ. Когда, наконецъ, въ концѣ 425 г. (1035 г.) индійское возстаніе было подавлено и Ахмедъ Яннальтегинъ убитъ, Мас'удъ собрался съ силами, чтобы вмѣшаться въ дѣла въ Хорасанѣ; въ 426 (1035 г.) онъ вытѣнилъ гузовъ изъ областей Туса и Нишапура и вскорѣ послѣ того принудилъ князя Джурджана и Табаристана, сына Минучехра Ануширвана, желавшаго воспользоваться случаемъ для пріобрѣтенія самостоятельности, снова подчиниться верховной власти султана. Но за это время по ту сторону Оксуса произошли событія, которыя должны были сразу уничтожить всѣ эти военныя удачи Мас'уда. Алтунташъ, вѣрный намѣстникъ дома Газневидовъ въ Хорезмѣ умеръ въ 423 (1032) г. вслѣдствіе раны, полученной имъ въ битвѣ противъ бухарцевъ. Сынъ его, Харунъ, воспользовался увеличивающимися затрудненіями въ дѣлахъ Мас'уда, чтобы объявить себя независимымъ (425=1034 г.). Правда, это объявленіе повлекло за собою взрывъ лишь безпорядковъ и убійство Харуна (426=1035 г.), но узурпаторъ, правившій послѣ него въ Хорезмѣ, окончательно забылъ думать о существованіи Мас'уда. Послѣдній, быть можетъ, и утѣшился бы и забылъ о потери этой отдаленной области, но это происшествіе изображало собой тотъ порывъ вѣтра, который сдвигаетъ съ мѣста лавину, катящуюся послѣ того безъ удержа дальше. Въ союзъ съ Харуномъ были два внука Сельджука, братья Тогриль-Бекъ и Чакрыль-Бекъ, которые послѣ разныхъ передрагъ и распрей съ остальными турками Трансоксаніи, заручившись согласіемъ властителя Хорезма, поселились въ его владѣніяхъ. Имъ не понравилось теперь новое положеніе дѣлъ, и они рѣшили, по примѣру своихъ одноплеменниковъ, перебраться черезъ Оксусъ въ Хорасанъ. Сначала поселившись совершенно мирно вблизи Несы и Мерва, они предложили султану Мас'уду, который какъ разъ въ то время находился въ Джурджанѣ, свою помощь противъ остальныхъ гузовъ, но султанъ не довѣрялъ имъ, и послѣ продолжительныхъ и безплодныхъ переговоровъ дѣло разошлось. Положеніе вещей въ Индіи принудило Мас'уда снова отправиться въ Газну; его казначей, посланный имъ съ войскомъ въ Хорасанъ, былъ разбитъ Чакрыль-Беккомъ при Мервѣ (въ 427 1036 г.), и теперь могущество Сельджуковъ стало расти неудержимо. Въ 428

(1037 г.) Мервъ перешель въ руки Чакрыра, а въ 429 (1038 г.) Тог-риль взялъ Нишадуръ. И хотя въ слѣдующихъ затѣмъ сраженіяхъ султана противъ появившейся то тутъ то тамъ непріятельской конницы, эта послѣдняя не разъ терпѣла уронъ и могла овладѣть Хератомъ лишь на самое короткое время, а Балха и совсѣмъ не могла взять, все-же походъ въ Мервъ подъ личнымъ предводительствомъ Мас'уда кончился рѣшительнымъ пораженіемъ его въ 431 (1040 г.). Тѣмъ не менѣе онъ не отказался окончательно отъ надежды снова вернуть себѣ Хорасанъ. Сына своего Мауд'уда онъ оставилъ въ Балхѣ, а самъ отправился въ Газну, а оттуда, захвативъ съ собою большія сокровища, въ Индію, чтобы собрать тамъ новое большое войско противъ сельджуковъ. Но частыя пораженія султанскихъ войскъ посѣяли недовольство и недовѣріе среди его турецкихъ эмировъ. Едва перешагнувъ границу Индіи, часть войска султана возмутилась, освободила отъ оковъ брата его Мухаммеда котораго Мас'удъ всюду водилъ за собою, и объявило освобожденного плѣнника султаномъ. Между мятежниками и оставшейся вѣрной султану частью войска произошло сраженіе, въ которомъ первые побѣдили и даже взяли въ плѣнъ самого Мас'уда (432—1041). Его засадили въ крѣпость, гдѣ въ слѣдующемъ году и умертвили его (433—1042). Сыну его Мауд'уду, который, получивъ извѣстіе о несчастіи, постигшемъ его отца, поспѣшилъ въ Газну, удалось утвердиться здѣсь. Въ 434 г. (1042—3) онъ, близъ индійской границы, разбилъ своего дядю и взялъ его въ плѣнъ. Въ теченіе своего семилѣтняго правленія (434—441; 1042²/₃—1049) Мауд'удъ дѣлалъ много разъ попытки положить конецъ дальнѣйшимъ успѣхамъ Сельджуковъ, но между тѣмъ ему не удалось даже хотя-бы отнять у Чакрыръ-Бека Седжестанъ, который тотъ занялъ за это время. Наконецъ, враждебнымъ дѣйствіямъ между Газневидами и Сельджуками былъ положенъ предѣлъ заключеніемъ мира между Чакрыръ-Бекомъ и Ибрахимомъ, братомъ Мауд'уда, который, послѣ долгихъ распрей по вопросу престолонаслѣдія, вступилъ въ 451 (1059 г.) на султанскій престолъ, отказавшись безповоротно и разъ навсегда отъ потерянныхъ для него областей. Съ тѣхъ поръ южный склонъ Гиндукуша и Гура составляли западную границу государства Газневидовъ, центръ тяжести котораго лежитъ съ этого времени уже въ Индіи; Хорасанъ же, со включеніемъ Балха и Херата, а также и Седжестана окончательно остались за Сельджуками.

Если великое государство могучаго Махмуда не имѣло силы справиться съ турецкими разбойниками, то мелкія государства Персіи и Ирака, половина которыхъ уже сдѣлалась легкой добычей Махмуда, вовсе не были въ состояніи сопротивляться набѣгамъ дикой турец-

кой конницы. Настолько велико было разложеніе Ирака и Персіи Буидовъ, что даже въ виду такой неминуемой опасности не было сдѣлано попытки сплотить воедино силы этихъ областей для совмѣстной защиты. Напротивъ того, съ тѣхъ поръ какъ Буиды Персіи, также какъ и въ Багдадѣ и Басрѣ, вслѣдствіе ихъ никогда не кончающихся семейныхъ раздоровъ и войнъ съ домою Газневидовъ все болѣе и болѣе ослабѣвали и теряли значеніе, непрерывный разладъ царилъ не только между султанами и эмирами, но даже можно сказать, что враждовали другъ съ другомъ всѣ военачальники, владѣвшіе какой нибудь крѣпостью, вожди курдовъ или шейхи бедуиновъ. А чтобы дорисовать и безъ того ужасную картину, по всей Мидіи и по ту сторону Тигра толпы гузовъ неслись безъ удержу, разбойничая и убивая, причѣмъ они часто не щадили даже ни дѣтей, ни женщинъ. Кромѣ разрывающихъ сердце повѣствованій историковъ, имѣется еще описаніе областей Ислама того времени, принадлежащее перу извѣстнаго поэта и путешественника Насири Хосрау, который побывалъ въ 437—44 (1045—52 г.) въ болѣе части средней Азіи. Путь его лежалъ изъ Мерва черезъ Серахсъ, Нишапуръ, Рей, Хамаданъ, Казвинъ, Тебризъ, Эрзерумъ; Мейяфарикинъ, Амидъ—(Діярбекиръ), Харранъ, Халебъ, Хаму, Триполисъ (въ Сиріи), Бейрутъ, Тиръ, Акку, Цезарею и Рамлу въ Іерусалимъ, оттуда черезъ Аскалонъ въ Каиръ, потомъ черезъ Суэцъ въ Медину и Мекку для доведенія до конца предпринятаго паломничества. Когда поэтъ исполнилъ эту религіозную обязанность,—побывалъ въ Меккѣ,—онъ снова отправился въ Каиръ. Затѣмъ, послѣ годового пребыванія здѣсь, поднялся вверхъ по Нилу въ Асуанъ, оттуда направился черезъ пустыню въ Айзабъ, на берегъ Краснаго моря, и моремъ въ Джедду и еще разъ въ Мекку, и потомъ, по весьма опасной дорогѣ черезъ Таифъ и ненадежную, вслѣдствіе рыскающихъ по ней бедуиновъ, пустыню къ карматамъ въ Лахсу (II, 306). Послѣ того вторично черезъ пустыню въ Басру, а оттуда черезъ Казерунъ, Испаханъ и всю персидскую соляную степь въ Табесъ, Серахсъ и Балхъ, гдѣ, наконецъ, нашъ путешественникъ, послѣ семилѣтняго странствованія и всякихъ лишеній, впервые опять отдохнулъ. И вотъ на всемъ этомъ пути Насири Хосрау, по собственнымъ его словамъ, видѣлъ только въ четырехъ мѣстахъ порядокъ и исправное правосудіе: въ Дештѣ*), при управленіи Лешкеръ-хана, въ Дейлемѣ, при эмирѣ эль-умарѣ Джестанъ-Ибнъ-Ибрахимѣ, въ Египтѣ при Мустансирѣ и въ Табесѣ при эмирѣ Абуль-Хасанѣ-Килекіи. Что Египеть, несмотря на раздоры, проис-

*) Есть двѣ мѣстности того-же наименованія: одна близъ Испахана, другая около Тебриза, здѣсь же говорится, вѣроятно, о послѣдней.

ходившіе передъ тѣмъ при Хакимѣ, пользовался до 450 (1058) г. спокойствіемъ и благосостояніемъ, имѣются, кромѣ свѣдѣній, сообщаемыхъ Насири, и другія еще сообщенія. Остальныя же названныя три мѣстности представляютъ собой, какъ мы видимъ, крохотныя области въ горныхъ странахъ или же въ пустынѣ и вслѣдствіе этого своего благопріятнаго мѣстоположенія они были избавлены отъ нашествія Буидовъ, Гузовъ и Сельджуковъ. Но тотъ-же Насири Хосрау въ 444 (1052) г., когда Тогриль и Чакрырь-Бекъ болѣе десяти лѣтъ уже владѣли безпрекословно Хорасаномъ, жалуется на ненадежность и небезопасность дорогъ въ этой области*). Городъ Басра, также какъ и другіе города, путешественникъ нашъ нашелъ по болѣе части въ развалинахъ, хотя неподобное мѣстоположеніе этого перваго порта Востока и тогда уже упрочивало ему оживленную торговлю. И Мекка, уже вслѣдствіе войны съ карматами (II, 306) бывшая тоже въ довольно плачевномъ состояніи, къ тому-же какъ разъ еще вынесшая голодь, не имѣла въ 442 (1050) г. болѣе 2500 человекъ мужского населенія, и зданія ея носили также слѣды явнаго разрушенія. Если здѣсь, въ заколдованномъ кругу, карматами и бедуинами почти неприступно отдѣленной отъ остальнаго міра Аравіи,—въ дѣла которой даже и египетскіе халифы едва еще дерзали вмѣшиваться,—не могло быть пока и рѣчи объ улучшеніи вещей, то тѣмъ болѣе въ Иракѣ и въ Персіи предстояла истинно Геркулесова работа тому, кто вздумалъ бы положить конецъ тамошней злосчастной путаницѣ. Нельзя отнять у братьевъ Тогриля и Чакрыра-Бековъ ту ихъ заслугу, что они, эти пять лѣтъ тому назадъ лишь неизвѣстные предводители небольшой горсточки кочующихъ, не имѣющихъ родины турокъ, съумѣли сдѣлать столь разумное употребленіе изъ неслыханнаго счастья и изъ удачъ, выпавшихъ имъ на долю съ 431 (1040) г., чего нельзя было ожидать отъ людей ихъ происхожденія и ихъ прошлаго. Они удивительно скоро поняли, что суть дѣла теперь не въ томъ, чтобы жечь, грабить и убивать, а въ томъ, чтобы изъ всѣхъ этихъ ужасовъ опустошенія создать нѣчто новое. Уже очень рано оба брата, постолько, поскольку это не противорѣчило личнымъ ихъ интересамъ, старались не только строго сдерживать разнузданность собственныхъ солдатъ, но и надѣвать узду и на предшественниковъ своихъ—гузовъ. Правда, вначалѣ въ большинствѣ областей всего этого не дѣлалось, такъ какъ еще не считалось нужнымъ, въ виду того, что въ особенности Тогриль-Бекъ не былъ одержимъ сантиментальными наклонностями; походы Сельджуковъ, охватившіе теперь съ величайшей быстротой всю переднюю часть Азіи,

*) Sefer Nameh p. 96. Перев. 253.

въ теченіе ближайшихъ 20-ти лѣтъ, даже еще увеличили значительныя страданія несчастнаго населенія. Когда же наконецъ былъ введенъ въ нѣкоторомъ родѣ порядокъ, и подъ управленіемъ двухъ могучихъ султановъ исламскія владѣнія отъ Хорезма и до Малой Азіи вздохнули свободнѣе, семейныя распри, проявившія свое гибельное вліяніе въ этой новой династіи, привели къ раздробленію на мелкія государства только что сплоченное воедино могучее исламское царство. Прежнія бѣды и горе возобновились, пока вторая волна великаго переселенія народовъ не довершила окончательно и навсегда разгромъ ислама передней Азіи.

Послѣ того какъ Тогриль и Чақырь-Бекъ взяли верхъ надъ единственнымъ государствомъ, представлявшимъ въ то время между Оксусомъ и Евфратомъ настоящую силу, является вполне естественнымъ, что дальнѣйшія удачі ихъ зависѣли исключительно отъ собственной энергіи. Средствъ расширить свои завоеванія въ ту или другую сторону, почти по желанію, было у нихъ вдоволь; надежда на войну и добычу должна была, чуть-ли не ежедневно, привлекать къ нимъ новыя толпы турецкихъ племенъ, которыя переправлялись черезъ Оксусъ, и безъ того уже направляясь на западъ. Мы не ошибемся, если скажемъ, что нѣсколько тысячъ челоѣкъ, во главѣ которыхъ братья Тогриль и Чақырь-Бекъ вступили въ 426 (1035 г.) въ Хорасанъ, увеличились въ 431 (1040) г. болѣе чѣмъ въ десять разъ. Во всякомъ случаѣ, обширныя ихъ завоеванія въ ближайшіе 20-ть лѣтъ заставляютъ предположить у нихъ весьма значительныя военныя силы, и масса турокъ, которую мы встрѣчаемъ вскорѣ затѣмъ въ Азербейджанѣ, въ Месопотаміи и въ Малой Азіи, оправдываетъ, даже если допустить необычайно быстрое размноженіе, высказанное нами еще раньше мнѣніе, что тутъ мы имѣемъ дѣло уже съ настоящимъ переселеніемъ народовъ. Сдѣлаемъ вкратцѣ перечень всѣмъ удачамъ и побѣдамъ двухъ братьевъ, которымъ столь сильно благоприятствовали обстоятельства. Уже въ 433 (1042) г. у Зіярита Ануширвана, повелителя Джурджана и Табаристана, была отнята ими часть его владѣній, и самъ онъ, для сохранения остатка своихъ земель, вынужденъ признать надъ собою сюзеренство Тогриль-Бека, между тѣмъ какъ одновременно Чақырь-Бекъ овладѣлъ городомъ и округомъ Балха. Въ 437 (1042—3 г.) оба брата вмѣстѣ отняли у незаконнаго владѣтеля Хорезмъ, и Тогриль осадилъ еще въ томъ-же году Рей, откуда онъ и его братъ Ибрахимъ Янналь проникли далѣе въ Хамаданъ и Испаханъ. Послѣдніе Буиды, для Дейлемитовъ, для которыхъ теперь, по отношенію къ туркамъ, рѣчь шла уже чисто о существованіи, — дрались храбро; въ 439 (1047) г. былъ заключенъ мирный договоръ съ властителемъ Кирмана подъ условіемъ признанія имъ сюзеренства Сельджуковъ, и только въ началѣ

443 (1051 г.) послѣ храброй защиты, наконецъ вынужденный къ тому голодомъ, сдался и Испаханъ. Въ названныхъ областяхъ дѣйствовали исключительно Тогриль и Янналъ, а Чакрырь-Бекъ остался въ Хорасанѣ, завоеваніе котораго и укрѣпленіе въ немъ власти своей, вплоть до границъ, указанныхъ выше стр. 84, онъ взялъ на себя; ему помогалъ сынъ его Альпъ-Арсланъ. Оба они выполнили свою задачу болѣе миролюбиво и согласно, чѣмъ два брата Чакрыра на западѣ. Ибрахимъ Янналъ, который предшествовалъ всюду Тогриль-Беку, пробывая ему путь, предпринялъ уже въ 440 (1048 г.) побѣдный набѣгъ въ византійскую Арменію. Опыяненный своею удачею, онъ сталъ прямо сопротивляться брату, когда послѣдній хотѣлъ было взять себѣ нѣкоторыя части занятой его войсками Мидіи. Дѣло дошло до открытаго боя, въ которомъ Ибрахимъ былъ разбитъ (441=1049—50 г.) и долженъ былъ сдаться, послѣ чего между братьями произошло официальное примиреніе. Но эти событія были все же дурнымъ предзнаменованіемъ для дальнѣйшаго развитія отношеній между различными членами этой семьи, миръ и согласіе которыхъ могли-бы одни на долго упрочить сдѣланныя завоеванія. Затѣмъ, въ теченіе ближайшихъ годовъ, сражались болѣею частью въ Фарсѣ и Хузистанѣ, гдѣ Буидъ, багдадскій эмиръ-аль-умаръ Хосрау Фирузъ, прозванный Аль-Меликъ-аръ-Рахимъ («сострадательный король»), защищался съ величайшимъ упорствомъ, и, много разъ изгнанный, возвращался до 447 (1055 г.) все съ новыми силами. Тогриль-Бекъ, которому это, наконецъ, надоѣло, рѣшилъ инымъ образомъ окончить дѣло. Въ 446 (1054 г.) онъ отправился въ Азербейджанъ, подчинилъ себѣ мѣстныхъ мелкихъ князей, проникъ глубоко въ византійскую область *) и, обезопасивъ себѣ такимъ образомъ флангъ, въ 447 (1055 г.) направился прямо на Багдадъ, чтобы отнять у Мелика Рахима главную его опору, послѣ паденія которой Хузистанъ и Персія, конечно, не могли-бы уже продержаться. Благопріятствующимъ обстоятельствомъ для достиженія его цѣли явилось слѣдующее: вражда, существовавшая между министромъ халифа Каима (II, 344) и предводителемъ войскъ Мелика Рахима, Аль Басасиріемъ, постоянныя распри суннитовъ съ шиитами въ Багдадѣ и, наконецъ, нескончаемые набѣги арабскихъ бедуинскихъ князей Ирака, доходившіе чуть ли не до самыхъ воротъ столицы, для отпора которыхъ ежеминутно требовались имѣвшіяся въ распоряженіи Басасирія военныя силы. На халифа падаетъ подозрѣніе, что онъ самъ призвалъ правовѣрнаго турецкаго султана, чтобы по крайней мѣрѣ избавиться

*) Византійцы (по Герцбергу № 59 настоящего сборника, стр. 238) относятъ этотъ набѣгъ къ 1050 г.

отъ еретика Буида; вѣрно это подозрѣніе или нѣтъ, но намъ уже извѣстно, что въ указанномъ году Тогриль-Бекъ дѣйствительно положилъ конецъ царствованію Мелика-Рахима. Самъ Меликъ былъ вскорѣ затѣмъ, вопреки данному ему обѣщанію, лишенъ свободы и такъ и умеръ въ 450 (1058 г.) въ плѣну. Еще десять лѣтъ до того, въ 440 (1048 г.) умеръ государь Кирмана и послѣ смерти его принадлежавшія ему области были, само собою разумѣется, тоже захвачены Сельджуками. Послѣ того нѣсколько младшихъ членовъ изъ дома Буидовъ снова пытаются играть роль, что имъ однако не удается. Послѣдній изъ нихъ, о которомъ сохранились свѣдѣнія, вѣкій Кей-Хосрау жилъ въ 487 (1094 г.) въ небольшомъ персидскомъ мѣстечкѣ, которое султаны отдали ему въ собственность. Такимъ образомъ угасла династія Буидовъ, искупивъ въ нѣкоторомъ родѣ значительныя свои ошибки и недостатки храбрымъ сопротивленіемъ противъ возставшаго на нее съ разныхъ сторонъ враждебнаго превосходства силъ.

Отъ Сельджуковъ, принявшихъ наслѣдство Буидовъ безъ предшествующаго историческаго опыта, нельзя было и ожидать, чтобы судьба дейлемитскихъ ихъ противниковъ послужила имъ урокомъ. Напротивъ того, они сразу устроили семейныя свои отношенія по образцу Буидовъ: въ то время, когда въ концѣ 448 и въ началѣ 449 (1056 г.) Тогриль-Бекъ подчинилъ себѣ Месопотамію, особенно Мосулъ, и частію самъ, частію черезъ своихъ военачальниковъ далъ необходимую для нихъ встрѣнку арабскимъ мелкимъ князьямъ и Басасирію, искавшему у нихъ убѣжища,—Ибрахиму Янналу показалось, что его снова обошли. Передаютъ, будто бы измаильтянское вліяніе и тайные послы Басасирія много способствовали усиленію его недовольства Тогрилемъ Беккомъ и подкрѣпили его въ его мечтѣ о возможности вступить ему самому на султанскій престолъ. Такъ или иначе, но онъ внезапно, со своими приверженцами, въ 450 (1058 г.), въ то время, когда еще шла битва въ Месопотаміи, бросилъ безъ позволенія брата войско его и отправился въ Мидію, гдѣ находились лично ему преданные военные отряды и вмѣстѣ съ этимъ переманилъ одновременно къ себѣ также и большую часть войска Тогриля. Въ опустошенномъ и разграбленномъ уже десятками лѣтъ Иракѣ не оставалось теперь ничего для поживы солдатъ, къ тому-же сраженія съ бедуинами оказывались утомительны и трудны, поэтому, когда прошелъ слухъ, что Янналъ обѣщаль прекратить войну въ Иракской области, тысячи и тысячи солдатъ примкнули къ нему. Положеніе дѣлъ было весьма критическое: Янналъ располагалъ теперь неизмѣримо бѣльшими военными силами, чѣмъ Тогриль, и отрѣзывалъ еще этого послѣдняго въ его и

безъ того довольно затруднительной позиціи среди арабовъ отъ восточныхъ провинцій. Но у Тогриля не было недостатка въ энергіи и рѣшительности: моментально бросивъ Иракъ и предоставивъ его на усмотрѣніе халифу, арабамъ и Басасирію, онъ, съ оставшимся у него небольшимъ количествомъ войска, прошелъ быстрымъ фланговымъ маршемъ мимо Яннала, прямо въ Рей, а оттуда спѣшно послалъ за подкрѣпленіемъ въ Хорасанъ. Хотя тамъ Чакирь-Бекъ и лежалъ какъ разъ на смертномъ одрѣ *) (451=1059 г.), но сынъ его Альпъ Арсланъ («храбрый левъ») имѣлъ такія же правильныя понятія о вещахъ какъ и отецъ и стоялъ за миръ и согласіе въ семьѣ. Онъ тотчасъ-же поспѣшилъ съ братьями своими, Кавурдомъ и Якутіемъ, на помощь къ Тогрилю, и Янналъ, который неизвѣстно почему промедлил и, наконецъ, только теперь двинулся на Рей, былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ. Тогриль присудилъ неисправимаго Яннала къ задушенію тетивой отъ собственнаго его лука. Но близкое будущее должно было показать, какъ мало этотъ примѣръ принесъ пользы въ будущемъ.

Съ гибелью Яннала кончилась и власть Басасирія въ Багдадѣ; этотъ безпокойный человѣкъ, послѣ годового пребыванія въ столицѣ, былъ вынужденъ снова убраться оттуда. Когда его покинула удача, одновременно съ этимъ его бросили также и предводители бедуиновъ, которые до тѣхъ поръ держали его сторону. Теперь же они считали болѣе выгоднымъ для себя войти въ соглашеніе съ сельджуками. Ба-

*) По словамъ Ибнъ-аль-Асира (X, 4) смерть его приходится на Раджабъ 451 г. или Сафаръ 452 г., по свидѣніямъ же другихъ историковъ—(Де фре мери въ Journ. as. IV ser., t. XI, page 429; Раверти къ переводу Табакать-и-Насири, Лондонъ 1873, стр. 103, прим. 9) только къ 453 г. Во всякомъ случаѣ еще въ 451 г. онъ заключилъ упомянутый миръ съ Ибрахимомъ изъ рода Газневидовъ, который только въ концѣ 450 г. или началъ 451 г. (Раверти 102, примѣч. 2) вступилъ на престолъ. Такъ какъ послѣдняя дата основана на указаціяхъ очевидца, то здѣсь не можетъ быть уже ни малѣйшаго сомнѣнія, и слѣдовательно смерть Чакира должна была случиться не раньше второй половины 451 (1039 г.). Разъ Ибнъ-аль-Асиръ относитъ (IX, 444) сраженіе Тогриля съ Янналомъ къ 9 Джумады II 451 (23 іюля 1059 г.) послѣ того, что онъ ясно сказалъ, что, когда явились посланцы отъ Тогриля, Чакирь уже умеръ, то однимъ изъ этихъ указаній онъ, во всякомъ случаѣ, противорѣчитъ и себѣ самому и достовернымъ фактамъ. Но если Тогриль 24 Зуль-Кады 451 г. (1-го января 1060 г.) былъ снова въ Нахраванѣ, около Багдада (Ибнъ-аль Асиръ IX, 446), то дата сраженія, вѣроятно, правильна, и только указаніе, что Чакирь тогда уже умеръ,—ошибка. Можно было-бы правильнѣе всего рѣшить дѣло такъ, что еще самъ Чакирь послалъ Альпа Арслана въ Рей, согласно просьбѣ Тогриля; да и самъ по себѣ фактъ не совѣтъ правдоподобенъ, чтобы Альпъ Арсланъ, почти въ ту самую минуту, когда онъ наследовалъ отцу въ его званіи эмира, тотчасъ-же съ обоими своими братьями покинулъ свою столицу. Впрочемъ, Ибнъ-аль-Асиръ (IX, 444) забылъ также, что по собственнымъ-же его сообщеніямъ (IX, 432) Якутій былъ уже въ 448 (1056 г.) у Тогриля.

сасирій былъ убитъ въ послѣдней отчаянной битвѣ съ преслѣдовавшимъ его отрядомъ войска султана при Куфѣ (конецъ 451, начало 1060 г.). Тогриль удовольствовался этой развязкой и послѣдовавшимъ затѣмъ, болѣе или менѣе добровольнымъ, подчиненіемъ арабскихъ князей южной части Ирака и до конца жизни не дѣлалъ уже дальнѣйшихъ попытокъ увеличить свои владѣнія. Даже Укейлиды Мосула, воспользовавшись возстаніемъ Яннала для того, чтобы снова приобрести независимость, точно также какъ и курдскіе Мерваниды въ Діарѣ Бекрѣ, и платившіе дань съ 422 (1031) г. византійцамъ *) и Бену-Нумейръ около Эдессы, всѣ остались въ сущности нетронутыми и въ покоѣ **). О причинахъ столь необычнаго бездѣйствія энергичнаго воина и героя ничего не извѣстно. Можно предположить, что года стали брать свое, и полководецъ, почти цѣлыхъ тридцать лѣтъ не перестававшій непрерывно сражаться, нѣсколько утомился, а, быть можетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и событія 450 (1058 г.) уяснили ему, что слѣдовало-бы, раньше чѣмъ задумывать новыя предприятия, обезпечить подходящими мѣрами уже сдѣланныя приобрѣтенія. Къ тому-же миръ, заключенный Чакыромъ на востокъ съ представителями рода Газневидовъ, и окончательное овладѣніе Багдадомъ на западѣ давало новому обширнѣйшему государству одновременно съ обѣихъ сторонъ твердую опору. Такой моментъ, совпадавшій къ тому-же со смертью одного изъ двоихъ основателей государства, побудилъ другого къ временному покою и созерцанію, а также и къ заботѣ о дальнѣйшей судьбѣ своего рода. Прежде всего Тогриль отослалъ Альпа Арслана въ Мервъ, управлять вмѣсто отца восточными провинціями: это было очень разумное распоряженіе, такъ какъ Альпъ Арсланъ давно уже былъ близко знакомъ, почти сросся съ положеніемъ дѣлъ въ тѣхъ областяхъ. Затѣмъ понадобился довольно долгій періодъ времени на восстановление въ войскѣ дисциплины, разрушенной въ основаніи мятежемъ Яннала, а также и на умиротвореніе мидійскихъ и персидскихъ областей (452=1060). Наконецъ, съ 453 (1061) г. мы видимъ султана занятымъ щекотливымъ дѣломъ, съ удивительной выдержкой доведеннымъ имъ до благопріятнаго конца. Несмотря на свои пожилые уже года, онъ забралъ себѣ въ голову мысль жениться на дочери халифа Кавма. Его опытный визирь Аль-Кундурій, обыкновенно называемый почетнымъ титуломъ Амидь-аль-

*) Смотри болѣе подробно у Герцберга „Исторія византійцевъ“ (№ 59, этого сборника стр. 224). Самый городъ имѣлъ, конечно, византійскій гарнизонъ.

***) Византійцы упоминаютъ о неудачномъ нападении сельджуковъ на Эдессу въ 1060 г. (452 г.), о которомъ восточные историки не говорятъ нигдѣ ни слова. Нужно полагать, что это былъ лишь незначительный набѣгъ, не имѣвшій ровно никакихъ послѣдствій.

Мулькъ («опораго сударства»), ревностно добивался согласія властителя правовѣрныхъ на этотъ бракъ. Но халифъ упорно сопротивлялся. Конечно, личная его выгода безспорно требовала-бы сохранить доброе расположеніе могучаго турецкаго султана, освободившаго его отъ рабства Буидовъ и окружавшаго его особу въ Багдадѣ почетомъ, уваженіемъ и, впервые послѣ долгого промежутка времени, также и блескомъ внѣшняго представительства. Съ другой стороны этотъ же самый султанъ однимъ мановеніемъ руки могъ-бы свергнуть его съ престола. Тѣмъ не менѣе въ предполагаемомъ бракѣ было многое такое, что заставляло Аббассида считать этотъ союзъ нежелательнымъ и неприятнымъ. Выскочка изъ народа грубаго, еще не отшлифованнаго никакою культурой, Тогриль-Бекъ наврядъ-ли искалъ и нашелъ случай въ непрерывной лагерной своей жизни научиться изящнымъ манерамъ.—и халифъ во время этого сватовства чувствовалъ, вѣроятно, то же, что почувствовалъ-бы гордый аристократъ изъ стариннаго и благороднаго, хотя нѣсколько захудалаго рода, еслибъ у него 69-ти лѣтній промышленникъ, вышедшій изъ простаго рабочаго класса и сдѣлавшійся миллионеромъ, просилъ руку его дочери, предъявляя одновременно нѣсколько срочныхъ векселей. Возможно также, что замедленіе его дать свое согласіе на бракъ дочери съ султаномъ истекло также изъ желанія получить по возможности болѣе дорогую плату за это. Передаютъ, что онъ будто-бы поставилъ условіемъ присоединеніе къ Багдаду и его окрестностямъ еще и Васита подъ непосредственную его власть, вѣроятно, какъ начало имѣющаго быть вновь возстановленнымъ могущества дома Аббассидовъ. Но Амидъ-аль-Мулькъ, хитрый персіянинъ изъ окрестности Туса, оказался сильнѣе властителя правовѣрныхъ. Въ концѣ концовъ, (454—1062 г.) халифъ долженъ былъ дать свое согласіе, и въ 455 (1063 г.) Тогриль совершилъ торжественный въѣздъ въ Багдадъ, въ качествѣ жениха дочери халифа. Но и послѣдняя, повидимому, была не особенно польщена мыслью о будущемъ своемъ супругѣ. Она обошлась съ нимъ такъ холодно и пренебрежительно, что добилась своего: бракъ ихъ былъ пока лишь бракомъ для виду.

Не трудно понять, почему султанъ, несмотря на всѣ поставленныя ему на пути затрудненія, представлявшія для него столько-же униженій,—такъ упорно стремился дойти до задуманной имъ цѣли. Его династія находилась въ томъ же самомъ положеніи, въ какомъ находились Буиды, когда они достигли могущества и почета: для удержанія пріобрѣтеннаго ими престола и власти Сельджуки могли рассчитывать только на свою личную храбрость и энергію, и еще болѣе на привязанность къ нимъ ихъ эмировъ и солдатъ. Чтобы упрочить эту привязанность, тѣсный союзъ съ халифомъ представлялъ

величайшую цѣнность въ виду того, что турки, въ качествѣ добрыхъ суннитовъ, чтили халифа, какъ духовнаго своего главу. Поэтому сынъ султана и дочери халифа имѣль-бы уже вдвойнѣ право на повиновеніе турецкихъ подданныхъ. Однако судьба отказала прежнему своему любимцу въ исполненіи этой завѣтной его мечты. Тогриль-Бекъ умеръ 8-го Рамадана 455 г. *) (4-го сентября 1063 г.) отъ болѣзни въ Реѣ, куда онъ вскорѣ послѣ своего брака отправился изъ Багдада. Суннитскіе писатели, которымъ мы обязаны самыми древними извѣстіями о первыхъ султанахъ изъ рода Сельджуковъ, необыкновенно расхваливаютъ его за благочестіе, умъ и мягкость. Последнее подразумѣваетъ, вѣроятно, «*cum grano salis*», хотя можно допустить, что уже изъ одной мудрости Тогриль-Бекъ старался положить предѣлы ужаснымъ опустошеніямъ, которыя турки его творили въ завоеванныхъ земляхъ. Разказы византійцевъ о томъ, какъ гузы, сельджуки и туркмены хозяйничали въ греческо-армянскихъ областяхъ **), такъ ужасны, что и въ немъ и въ его преемникахъ мы наврядъ ли можемъ предположить большую склонность къ ангельскимъ добродѣтелямъ, чѣмъ въ турецкихъ султанахъ изъ дома Османовъ, именемъ которыхъ въ болѣе позднія времена нѣмецкія матери имѣли обыкновеніе пугать своихъ дѣтей. Все же для Сельджука Тогриль-Бекъ былъ вѣроятно достаточно человѣколюбивъ, что явствуетъ изъ снисходительности, съ которой онъ отнесся къ брату Ибрахиму послѣ первой его попытки мятежа. Во всякомъ случаѣ онъ былъ могучій воинъ по образцу Махмуда изъ дома Газневидовъ, хотя ему не пришлось бороться съ такими значительными затрудненіями и препятствіями, какъ Махмуду. Поэтому вопросъ остается нерѣшеннымъ, который изъ нихъ двоихъ былъ одаренъ болѣе выдающимся военнымъ талантомъ. Во всякомъ случаѣ Махмудъ превосходилъ Тогриль-Бека восприимчивостью къ духовнымъ интересамъ; зато нѣсколько прочіе оказалось политическое единство государства, основаннаго Тогриль-Бекомъ при помощи брата его Чакрыра. Ихъ сыновья показали себя достойными своихъ отцовъ.

Или, вѣрнѣе, отца, такъ какъ у Тогриль-Бека не было другого потомства, кромѣ совершенныхъ имъ славныхъ дѣлъ. Чакрыръ-Бекъ

*) Такъ гласитъ самое древнее сохранившееся свѣдѣніе; болѣе позднія сообщенія указываютъ на 18 или 22 Рамадана

**) См. Герцберга, „Исторія византійцевъ“ (№59 этого сборника стр. 238, 244. Впрочемъ не слѣдуетъ забывать при этомъ и того, что наши братья христіане крестоносцы, при взятіи, напр. Іерусалима, держали себя чуть-ли не хуже турокъ. Съ Куглеромъ, „Исторія крестовыхъ походовъ“ (есть русское изданіе Л. Пантелѣева) слѣдуетъ въ этомъ отношеніи сравнить Вейля, „Исторія халифовъ“, томъ III (Мангеймъ 1851, стр. 172).

имѣлъ нѣсколько сыновей; изъ нихъ мы уже знакомы съ Альпъ Арсланомъ, Якутиемъ и Кавурдомъ (см. выше). Кромѣ этихъ сыновей у Чакрыра былъ еще отъ другой жены сынъ Сулейманъ, который вмѣстѣ съ матерью, послѣ смерти отца, нашелъ себѣ пріютъ у Тогриль-Бека и находился при немъ въ Рей, когда послѣдній тамъ умеръ. Тогриль былъ женатъ на вдовѣ брата и визирь Амидь-аль-Мулькъ, получивъ извѣстіе о смерти своего господина, спѣшно бросился въ Рей и объявилъ тутъ, что Тогриль назначилъ своимъ преемникомъ племянника и пасынка своего Сулеймана. Было ли это дѣйствительно такъ или нѣтъ, теперь, конечно, трудно рѣшить; но во всякомъ случаѣ подобное распоряженіе могло быть лишь вынуждено у больного человѣка, или же Тогриль-Бекъ такъ ослабѣлъ умомъ въ послѣдніе дни передъ смертью, что пожелалъ увѣнчать славную жизнь свою великою глупостью. Къ счастью, дѣло устроилось иначе: когда Амидь-аль-Мулькъ, давъ полную волю своему честолюбію,—повидимому, онъ ждалъ для себя невѣсть какихъ благъ отъ вступленія на престолъ молодого и неопытнаго султана,—тотчасъ же велѣлъ внести имя Сулеймана въ Хутбу (I, 218),—онъ этимъ доказалъ, что иногда самый хитрый дипломатъ оказывается весьма плохимъ государственнымъ дѣятелемъ. Нужно было быть крайне близорукимъ, чтобы вообразить себѣ, что Альпъ Арсланъ, державшій въ крѣпкой рукѣ своей весь востокъ и представлявшій собой мужественнаго, энергичнаго куміра солдатъ, на подобіе Тогриль-Бека, дастъ себя провести человѣку пера. Но до братоубійственной войны, которая непременно бы вспыхнула, дѣло однако не дошло: полководцы Тогриля просто на просто объявили, что о подобномъ, какъ Сулейманъ, султанѣ они и слышать не хотятъ, и всѣ перешли къ Арслану. Тутъ и Амидь спохватился и послѣшно велѣлъ поминать въ общественныхъ молитвахъ сначала старшаго брата. Но уже было поздно. Когда вскорѣ затѣмъ Арсланъ, въ качествѣ всѣми признаннаго султана, совершилъ въѣздъ свой въ Рей, онъ велѣлъ схватить визиря и отвезти его въ Хорасанъ, гдѣ въ концѣ 456 (1064 г.) два раба султана объявили ему его смертный приговоръ; они хотѣли его задушить, но старый повѣренный Тогриль-Бека не былъ лишенъ ни чувства собственнаго достоинства, ни мужества. «Я не грабитель и не разбойникъ», воскликнулъ онъ, оторвалъ кусокъ матеріи отъ широкаго рукава своей хламиды, самъ завязалъ имъ себѣ глаза и спокойно принялъ смертельный ударъ. Для народа было все таки счастьемъ, что старому визирю пришлось сойти со сцены: хотя и уроженецъ Хорасана, онъ былъ фанатикъ-суннитъ, считавшій даже приверженцевъ Аш'арія (II, 219) недостаточно правовѣрными, а шиитовъ—отвратительными еретиками, и постоянно побуждалъ Тогриль-Бека къ притѣснительныхъ мѣръ противъ ненавистнаго его визирю

религіознаго направленія. Этого-то не было больше послѣ вступленія на престолъ новаго султана. Альпъ Арсланъ (455—465=1063—1072) былъ великимъ воиномъ передъ лицомъ Аллаха, какими были до него отецъ и дядя, и также какъ и сынъ и преемникъ его Меликшахъ (465—485=1072—1092.) Онъ предоставилъ почти неограниченное внутреннее управленіе государствомъ своему визирю Хасану-Ибнъ-Алію, прозванному Низамъ-аль-Мулькъ («поддержка государства»). Этотъ послѣдній былъ тоже персь, родомъ изъ Хорасана, но болѣе мудрый государственный дѣятель, чѣмъ несчастный его предшественникъ. Сынъ дихкана, онъ родился въ 408 (1018) г. въ Тусѣ. Въ очень молодыхъ годахъ, еще при Газневидахъ, даровитый юноша выступилъ на административное поприще; затѣмъ получилъ мѣсто секретаря сельджукскаго намѣстника въ Балхѣ, а въ заключеніе, когда, послѣ смерти Чакыръ-Бека, Альпъ Арсланъ вступилъ въ управленіе восточными провинціями, онъ сдѣлался его визиремъ; хотя, какъ само собою разумѣется, для турецкаго администратора, занимающаго къ тому же высокій постъ, Хасанъ-Ибнъ-Алій исповѣдывалъ правовѣріе и выказывалъ величайшее благочестіе, все же не даромъ текла въ его жилахъ кровь персидскихъ дихкановъ: онъ отлично понималъ, насколько разумная вѣротерпимость въ интересахъ страны и ея повелителя. Поэтому онъ тотчасъ же уговорилъ Альпа Арслана отмѣнить мѣры, направленныя противъ шиитовъ и аш'аритовъ, и даже болѣе того, почетомъ, оказаннымъ могиламъ алидскихъ имамовъ*), выразилъ нѣкоторую предупредительность персидскому національному самолюбію. Такое веденіе дѣла, съ которымъ однако шло рядомъ официальное, хотя и не всегда сердечное, единогласіе съ халифами,—главами суннитскаго правовѣрія,—должно было производить наилучшее впечатлѣніе на всѣ мало-мальски цивилизованныя слои населенія государства. Но еще большее значеніе имѣло то обстоятельство, что во время тридцатилѣтняго пребыванія Хасана въ должности визиря, которую онъ занималъ при обоихъ султанахъ, Низамъ-аль-Мулькъ выказывалъ по истинѣ неутомимую дѣятельность, какъ по возстановленію порядка внутри государства, такъ и для развитія всѣхъ его матеріальныхъ и духовныхъ интересовъ,—дѣятельность, создавшую въ послѣдній разъ въ мухамеданской Азіи періодъ новаго расцвѣта, правда, продолжавшагося недолго. На долю султановъ выпадаетъ при этомъ не меньшая заслуга, чѣмъ на долю ихъ умнаго и благомыслящаго визиря. Имъ, которые въ полнѣйшей мѣрѣ унаслѣдовали воинственныя наклонности своихъ предковъ, нельзя зачестъ въ достаточно высокую

*) Сообщаютъ положительно, что Альпъ Арсланъ совершилъ молитву у гробницы Алія Риды (стр. 13); его преемникъ Меликшахъ сдѣлалъ то же въ святыхъ Кумма, Неджефа и Кербеллы (тамъ-же).

заслугу то обстоятельство, что они поставили на одинъ уровень прирожденную имъ мужественную и доблестную военную дѣятельность съ разумной заботой о благѣ и преуспѣяніи своихъ подданныхъ. Правда, лично для нихъ оставались всегда на первомъ планѣ военныя занятія, и чѣмъ болѣе были они увѣрены, что управление обширнымъ ихъ государствомъ преуспѣваетъ въ рукахъ визиря, Низамъ-аль-Мулька, тѣмъ ревностнѣе сражались они на западѣ и на востокѣ со своими единовѣрцами и съ невѣрными, для расширенія границъ своихъ владѣній. Подобно тому, какъ Махмудъ на востокѣ, такъ теперь впервые, по прошествіи нѣсколькихъ столѣтій, сельджукскіе его соплеменники открыли для ислама новыя области на западѣ. Здѣсь можно было отлично пустить въ ходъ дикихъ гузовъ и туркменовъ и,—неоцѣнимая выгода,—пользуясь этимъ случаемъ, избавиться отъ нихъ внутри государства. Подобно тому, какъ до взятія Багдада турецкія орды наводнили Персію и Месопотамію, такъ онѣ наводнили теперь Сирію, Арменію и Малую Азію, отчасти подчиняясь султанамъ, отчасти сохраняя самостоятельность. Сельджукскіе повелители руководствовались весьма умной политикой, предоставляя эти, въ сущности трудно поддающіяся дисциплинѣ, но отлично справляющіяся съ внѣшними врагами иррегулярныя войска, стоявшія въ Византійской области и въ мухаммеданскихъ пограничныхъ странахъ Месопотаміи и Сиріи, власти собственныхъ ихъ вождей и не всегда тотчасъ-же вмѣшиваясь въ дѣло, когда по временамъ эти послѣдніе возставали другъ противъ друга. Правительство избавлялось такимъ образомъ отъ пѣлой массы бѣдствій, въ ущербъ, правда, тѣмъ мѣстностямъ, которымъ было суждено изображать собой арену для личныхъ интересовъ отдѣльныхъ эмировъ. Конечно, тутъ являлась та загвоздка, что, на западъ отъ рѣки Тигра, каждый полководецъ, хотя онъ и увѣрялъ при этомъ, что ревностно занятъ службой султану, подразумевалъ подъ этимъ полнѣйшую свободу дѣйствій неотъемлемымъ своимъ правомъ. Такимъ образомъ, въ этихъ областяхъ значеніе султановъ, выбиравшихъ себѣ столицами попеременно то Рей, то Нишапуръ, то Испаханъ,—всегда было лишь условное; и если Альпъ Арсланъ, а также Меликшахъ не пренебрегли лично явиться сюда 463 (1071) и въ 479 (1086 г.) и установить здѣсь въ нѣкоторой мѣрѣ порядокъ, все-же можно было въ будущемъ опасаться, чтобы при мѣнѣ сильныхъ правителей или при могущихъ наступить во время престолонаслѣдія разногласіяхъ и распряхъ, эти мѣстности тотчасъ-же отпадутъ отъ султанскаго государства. То, что во главѣ войскъ, сражавшихся на западѣ, стояли отчасти также члены сельджукскаго владѣтельнаго дома, не означало еще собой ничего. Семейныя отношенія Сельджуковъ съ той минуты, какъ Тогриль велѣлъ

умертвить своего брата тетивой отъ собственнаго его лука, становились съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе турецкими и вскорѣ оставили за собой худшія проявленія подобныхъ-же отношеній Буйдовъ. Уже Альпъ Арсланъ долженъ былъ въ 455 (1064 г.) сражаться съ возставшимъ противъ него Кутульмишемъ, однимъ изъ двоюродныхъ братьевъ Тогриль-бека, а въ 459 (1067 г.)—противъ роднаго своего брата Кавурда, намѣстника Кирмана. Когда же, послѣ смерти Альпъ Арслана, султанскій престолъ наслѣдовалъ Меликшахъ, Кавурдъ снова поднялъ знамя возстанія, такъ какъ самъ желалъ сдѣлаться султаномъ. Въ 466 (начало 1074 г.), послѣ трехдневнаго сраженія при Хамаданѣ, онъ былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ и въ слѣдующую же ночь задушенъ. Но примѣръ этотъ не удержалъ одного изъ братьевъ Меликшаха, Такаша, сначала въ 473 (1081 г.), затѣмъ вторично въ 477 (1084 г.) произвести возстаніе въ Хорасанѣ. Послѣ погашенія второго изъ нихъ ему, по приказанію брата, выкололи глаза. Хотя съ этихъ поръ нѣжные родственники оставили Меликшаха въ покоѣ, все-же уже не трудно было предсказать, что должно случиться, еслибъ послѣдующіе султаны оказались менѣе твердыми или менѣе счастливыми, чѣмъ онъ. Блескъ тридцатилѣтнаго періода времени, пока длилось царствованіе Альпъ Арслана и его сына Меликшаха, не было уже затемнено подобными дальнѣйшими событіями. Бросимъ теперь краткій взоръ на завоеванія, которыя отчасти подъ личнымъ ихъ предводительствомъ, отчасти ихъ именемъ были совершены на границахъ государства.

Завоеванія эти дѣлались болѣею частью насчетъ византійцевъ и Фатимидовъ. Власть потомковъ Василія II въ Константинополѣ была въ такомъ-же явномъ упадкѣ*), какъ и власть халифата Фатимидовъ въ Каирѣ; оба не были въ состояніи отразить съ достаточной силой обрушившіеся на нихъ жестокіе удары. Какъ только Альпъ Арсланъ, послѣ того какъ онъ взялъ въ руки бразды правленія, утвердилъ свою власть подавленіемъ мятежей, вызванныхъ Кутульмишемъ въ Рефъ, и нѣкоторыми другими въ Хератъ и его окрестностяхъ, онъ уже I Раби I, 456 (22 февраля 1064 г.) отправился въ Арменію для продолженія военныхъ экспедицій Тогриль бе-

*) См. объ этомъ, также какъ и въ послѣдующихъ войнахъ византійцевъ съ сельджуками, Исторію Византійцевъ Герцберга (№ 59 этого сборника, стр. 240,—43,—48,—54,—56,—58,—74). Арабскіе и персидскіе лѣтописцы, вниманіе которыхъ повидимому направлено здѣсь болѣе на востокъ, почти совсѣмъ умалчиваютъ объ успѣхахъ сельджуковъ въ М. Азіи, такъ что по вопросу объ этихъ военныхъ событіяхъ мы во всемъ существенномъ должны довольствоваться свѣдѣніями византійцевъ. Я тѣмъ менѣе считаю нужнымъ распространяться объ этихъ событіяхъ, что они уже ясно и точно изложены у Герцберга.

ка *). Кромѣ многихъ другихъ городовъ, онъ овладѣлъ крѣпостью Ани; вся страна была опустошена, церкви обращены въ мечети, жители убиты или уведены въ рабство, и, что было хуже всего, дорога въ М. Азію открыта для полчищъ дикой конницы, которая теперь, въ 1067—70 г. (459—462), наводнила весь цвѣтущій полуостровъ, до Каппадокіи и Понта, даже до самой Фригіи, и по своему обычаю всюду грабила и разбойничала. Правда, въ дѣло вмѣшался въ 1068 г. (конецъ 460 или начало 461 г.)**) императоръ Романъ IV, который подъ конецъ проникъ въ Сирію и отнялъ у мусульманъ Мембиджъ (Гіерополисъ). Но 1071 (463) г. доставилъ турецкому султану такую славу, которая до него еще никогда не выпадала на долю ни одному исламскому владыкѣ,—онъ взялъ въ плѣнъ Кайсар-и-Рума, самого римскаго императора. Романъ IV явился въ Арменію съ большимъ войскомъ, отнялъ у враговъ взятый ими въ предшествующемъ году Меласгердъ и пошелъ дальше, но тутъ противъ него двинулся самъ Альпъ Арсланъ. Битва велась съ великимъ ожесточеніемъ, пока, наконецъ, ненадежность одного изъ второстепенныхъ предводителей войска римскаго императора не повлекла за собой отступленія византійцевъ. Тщетно храбрый императоръ прилагалъ всѣ усилія, чтобы избѣжать пораженіе; онъ былъ взятъ въ плѣнъ въ рукопашномъ бою, и его армія обратилась въ дикое бѣгство ***). Альпъ-Арсланъ стумѣлъ въ качествѣ побѣдителя проявить мудрую сдержанность: въ общемъ онъ обошелся съ плѣннымъ императоромъ весьма прилично и согласился дать ему свободу взамѣнъ заключенія мирнаго договора, по условіямъ котораго будто-бы, кромѣ отсылки изъ Византіи безо всякаго выкупа всѣхъ плѣнныхъ мусульманъ, входила еще уплата громадной денежной суммы ****). Императору Роману предстояла печальная участь убѣдиться, насколько былъ великодушенъ турокъ побѣдитель по сравненію съ низостью собственныхъ его подданныхъ:

*) Упоминаемый Герцбергъ (стр. 244) хищническій набѣгъ 1063 г., должно быть, былъ еще рѣшенъ и подготовленъ Кутулмишемъ, который до своего возстанія былъ тамъ военачальникомъ.

**) По Герцбергу (стр. 249). Мусульмане же, говоря объ этомъ набѣгѣ, приводятъ 462 г.—1069—70 г.). О взятіи же Меласгерда (Мамцикерта) Альпъ Арсланомъ въ 1070 г. (Герцбергъ, стр. 249) у нихъ совсѣмъ не упоминается, вѣроятно, потому, что императоръ Романъ въ слѣдующемъ году обратно отнялъ у нихъ городъ.

***) Объ этомъ событіи см. статьи бар. В. Р. Розена: «Арабскія сказанія о пораженіи Романа Діогена Альпъ-Арсланомъ» въ запискахъ восточн. отд. Императ. руск. археологич. общества, т. I, 1886, стр. 19, 189 и 243.—*Ред.*

****) Говорятъ милліонъ или подтора милліона золотыхъ. Весь мирный договоръ нѣсколько неясенъ: бросается въ глаза отсутствіе указаній относительно главнаго: будущей пограничной линіи между двумя государствами. Расширеніе территоріи было необходимо Альпъ Арслану уже изъ-за однихъ его турокъ.

милые друзья воспользовались его плѣномъ чтобы въ это время устроить въ Византіи противъ него возстаніе, слѣдствіемъ котораго была возмутительная гибель его по возвращеніи. Мирный договоръ былъ уничтоженъ тѣми же, которые свергли несчастнаго императора, но лишь во вредъ византійскому государству. Хотя Альпъ Арсланъ, занятый теперь по ту сторону Оксуса, уже болѣе и не являлся самолично въ Арменію, и Меликшахъ въ свою очередь тоже забылъ думать объ Арменіи и М. Азіи, но турецкія орды были тотчасъ же снова спущены на измученныя эти области, и предводитель ихъ, Сулейманъ, сынъ Кутульмиша, былъ тѣмъ неутомимѣе въ своихъ предпріятіяхъ, что имъ руководила надежда основать себѣ здѣсь, хоть и не явно, за то фактически, собственное, независимое государство. Сперва это ему отлично удалось. До появленія Алексѣя Комнена (1081=473 г.) положеніе дѣлъ въ Византіи становилось все невозможнѣе и невозможнѣе, такъ что, наконецъ, въ 1074 (466—7 г.) императоръ Михайлъ былъ даже вынужденъ обратиться къ Сулейману съ просьбой о помощи противъ одного побѣдоноснаго мятежника. Турокъ не упустилъ случая воспользоваться безпримѣрной для него выгодой подобныхъ обстоятельствъ, около 1081 (473 г.) М. Азія, включая Никею и далѣе была у него въ рукахъ, и этотъ самый городъ, гдѣ происходилъ когда-то столь важный для христіанства вселенскій соборъ, мусульманскій эмиръ избралъ теперь своимъ мѣстожителемъ. То, что христіане получаютъ за это полное удовлетвореніе завоеваніемъ черезъ какихъ-нибудь 18 лѣтъ Іерусалима, во время перваго крестоваго похода,—никому тогда и во снѣ не снилось, ни мусульманамъ, ни христіанамъ.

Но съ Сулейманомъ случилось то, что бываетъ съ большинствомъ людей, когда имъ улыбается счастье: ему все было мало, и вслѣдствіе этого онъ и скувырнулся. Въ 477 (1085 г.), благодаря измѣнѣ византійскаго намѣстника, ему удалось овладѣть Антіохіей, городомъ, находившимся уже 120 лѣтъ въ рукахъ грековъ. Такимъ образомъ Сулейманъ вступилъ на почву Сиріи, а въ этой мѣстности, равно какъ и въ сосѣдней съ ней Месопотаміи, по указаннымъ нами выше причинамъ, царили довольно таки значительные беспорядки. Рядомъ съ Укейлидами Мосула и Мерванидами Діарь Бекра, которымъ Альпъ Арсланъ, вслѣдствіе официальнаго ихъ подчиненія ему, оставилъ ихъ владѣнія, но которые съ тѣхъ поръ почти непрерывно воевали другъ съ другомъ, здѣсь, послѣ смерти Тогрильбека появилось еще много другихъ враждовавшихъ между собой предводителей и военачальниковъ. На первомъ планѣ укажемъ на полководцевъ и намѣстниковъ Фатимидовъ, которые сражались съ все вновь возвращавшимися Мирдасидами (II, 335) изъ-за Халеба, а съ Укейлидами Мосула изъ-за нѣсколькихъ горо-

довъ на Евфратѣ. Здѣсь Альпъ Арсланъ въ 463 (1071) установилъ хоть на короткое время порядокъ; онъ оставилъ Халебъ Мирдасидамъ, которые подчинились его сюзеренству, хотя и не вполне добровольно, а города вдоль по Евфрату передалъ эмиру Мосула, М у с л и м у - И б н ѣ - К у р е й ш у. Въ томъ же году ворвались на югъ Палестины толпы туркменовъ, которые до того участвовали въ войнахъ въ северной Сиріи, а теперь уже не были больше тамъ нужны. Подъ предводительствомъ своего вождя Атсиза *), они творили массу безчинствъ и набѣговъ отъ Дамаска вплоть до Египта; въ 465 (1071 г.) фатимидскій намѣстникъ Іерусалима рѣшился подчиниться султану, чтобы имѣть хоть нѣкоторый покой отъ этихъ разбойниковъ **). Уже въ предъидущемъ году вліяніе постоянного возрастанія могущества сельджуковъ распространилось до самой Аравіи, гдѣ шерифъ Мекки отказался въ 462 г. (1070) отъ египетскихъ халифовъ и велѣлъ молиться въ Багдадѣ за Аббасида, что при фактической независимости священныхъ городовъ было ничего болѣе, какъ только одинъ обрядъ, имѣвшій однако вслѣдствіе нравственнаго вліянія весьма важное значеніе, въ особенности же для Сиріи, которая теперь была окончательно отнята у Фатимидовъ. Въ 468 г. (1076) Атсизъ овладѣлъ Дамаскомъ, и хотя нападеніе, предпринятое имъ въ 469 (1076—7 г.) противъ Каира, и было отбито Миргушемъ (II, 345) Б е д р о м ѣ, все-же и попытка послѣдняго взять обратно Дамаскъ (471—1078—9) тоже не увѣнчалась успѣхомъ. Правда у Атсиза не хватило силы удержать за собой свои завоеванія. На помощь ему уже долженъ былъ явиться Т у т у ш ѣ, братъ Меликшаха, котораго этотъ послѣдній въ 470 (1077—8) послалъ для окончательнаго завоеванія въ Сирію съ войскомъ черезъ Евфратъ. Но послѣ того, какъ египтяне вынуждены были отступить, Тутушь подъ какимъ-то ничтожнымъ предлогомъ устранилъ бѣднаго Атсиза и самъ утвердился въ Дамаскѣ. Такимъ образомъ въ 477 (1085 г.) расположились почти въ непосредственномъ сосѣдствѣ три жадныя на завоеваніе лица: Тутушь въ Дамаскѣ, Сулейманъ-Ибнъ-Кутульмишъ въ Антиохіи и Укейлидъ Муслимъ на Евфратѣ. Только чудо могло бы заставить ихъ хранить между собой миръ, тѣмъ болѣе, что прямо посреди нихъ лежало одинаково цѣнное для всѣхъ трехъ яблоко раздора: Халебъ, которымъ правилъ Ибнъ-аль-Хутейтій отъ имени послѣднихъ Мирдасидовъ. Муслимъ и Тутушь попеременно дѣлали уже съ 470 (1077—8 г.) походы противъ города, и Муслимъ, наконецъ, овладѣлъ имъ въ 473 (1080 г.). Меликшахъ, по мнѣнію котораго Тутушь становился слишкомъ могучимъ, дозволилъ Укейлиду

*) Это—вѣрное произношеніе этого имени по Ибнъ-аль-Асиру X, 70.

***) Впрочемъ только еще въ 465 г. (1073) совершилось формальное причиненіе Іерусалима къ государству сельджуковъ.

взять себѣ городъ. Но Муслима охватила манія величія, онъ сталъ мечтать о самостоятельномъ государствѣ, вошелъ въ соглашеніе съ Фатимидами и Мерванидами Діарь-Бекра противъ сельджуковъ и въ 476 (1083 г.) начались въ высшей степени запутанныя стычки между турецкими генералами Меликшаха, Мерванидовъ и Муслима, въ подробностяхъ слѣдить за которыми не стоитъ. Достаточно сказать, что не вышло ничего путнаго для нихъ изъ совмѣстной военной дѣятельности, о которой уговорились Муслимъ и Фатимиды. Египетскій Миргушъ Бедръ только въ 478 (середина 1085 г.) могъ вторично, но снова напрасно, совершить нападеніе на Тутуша послѣ того какъ передъ тѣмъ, ровно за мѣсяцъ, Муслимъ былъ убитъ въ сраженіи противъ Сулеймана-Ибнъ-Кутульмиша, который въ 477 (начало 1085 г.) осадилъ Антиохію. Но какъ только Тутушъ со своей стороны освободился отъ египтянъ, онъ тотчасъ же, сопровождаемый эмиромъ Ортокомъ, военачальникомъ, прославившимся своими постоянными военными удачами, направился въ Халебъ. Этого-то и желалъ Сулейманъ. У самыхъ стѣнъ города встрѣтились дядя и племянникъ *), и въ послѣдовавшемъ затѣмъ сраженіи завоеватель М. Азіи и Антиохіи былъ убитъ (479=1086). Меликшахъ, остававшійся спокойнымъ зрителемъ всѣхъ этихъ происшествій до той поры, пока они не вредили семейному единству и согласію, теперь потерялъ всякое терпѣніе. Въ 479 (1086 г.) онъ, сопровождаемый преданной ему лейбъ-гвардіей, спѣшно двинулся изъ Испахана въ Месопотамію и тотчасъ-же, при появленіи льва, волки попрятались въ свои логовища. По дорогѣ онъ овладѣлъ гнѣздами различныхъ мелкихъ князьковъ, Эдессой и Мембиджемъ, гдѣ еще стояли византійскіе гарнизоны; когда же онъ явился въ Халебъ, Тутушъ ушелъ отъ него по направленію въ Дамаскъ, тогда какъ считавшіяся еще подъ властью фатимидовъ мѣстности Сѣверной Сиріи, напр. Шейзаръ, Латакія (Лаодикея) и Фамія (Апамея), немедленно сдались. Послѣ того султанъ устроилъ положеніе дѣлъ въ Сиріи такъ, что Тутушу дозволялось оставить за собой югъ съ гор. Дамаскомъ; сѣверъ Сиріи также какъ и Месопотамія были раздѣлены между различными вѣрными и преданными султану эмирами, причемъ турокъ Ак-Сонкоръ («бѣлый соколъ») получилъ Халебъ. Изъ маленькихъ династій Мирдасиды и Мерваниды были тотчасъ-же отстранены, а владѣнія Укейлидовъ раздроблены: двѣ вѣтви этого дома получили Харранъ въ Месопотаміи и Кал'атъ Джа'баръ въ Сиріи, остальное же было отнято у нихъ постепенно (Мосуль только въ 482=1089—90 г.). Могло бы показаться страннымъ, почему Ме-

*) Во второй степени Сулейманъ былъ двоюроднымъ братомъ Альпа Арслана, отца Тутуша.

ликшахъ, который только что по личному наблюденію ознакомился съ ужасной путаницей сирійско-месопотамской системы мелкихъ государствъ, вводя тамъ новые порядки и новое устройство, не нашель нужнымъ слить всѣ эти мелкія государства въ одну или двѣ большія провинціи, подъ управленіемъ одного лица, а наоборотъ раздробилъ эти области и роздалъ ихъ извѣстному числу равноправныхъ эмировъ и такимъ образомъ положилъ собственными руками основаніе новымъ столкновеніямъ и распрямъ между своими вассалами. Какъ ни былъ могучъ блестящій султанъ, это было не въ его силахъ, и не могъ же онъ измѣнить самую суть вещей. Я не придаю въ данномъ случаѣ цѣны тому обстоятельству, что Сирія и Месопотамія съ самаго начала ихъ исторіи, съ того времени какъ эти страны были предоставлены самимъ себѣ, всегда распадались на многочисленныя маленькія государства вслѣдствіе того, что арамейское основное ихъ населеніе было, какъ и многими другими качествами, скудно надѣлено также и даромъ государственнаго устройства. Вѣдь эти арамейцы, хотя они навѣрное и составляли тогда еще на выдающемся протяженіи своей родины основное населеніе, не были уже въ теченіе цѣлыхъ столѣтій распорядителями собственной судьбы.—Виною тому двѣ причины; в о п е р в ы хъ: самое мѣстоположеніе страны, прорѣзанной не очень высокими, но ущелистыми и трудно доступными горными цѣпами и быстротечными потоками, а съ юга огражденной большой пустыней;— во в т о р ы хъ: характеръ арабскаго бедуинства, а оно отчасти еще до мусульманскаго завоеванія играло здѣсь выдающуюся роль, и роль эта, со времени Омайдовъ, становилась все болѣе значительной. Вотъ тѣ два фактора, которые въ роковомъ взаимномъ дѣйствіи благопріятствуютъ наклонности къ дробленію на мелкія государства и даже и по настоящее время, какъ извѣстно, колеблютъ, здѣсь ежеминутно авторитетъ турецкаго правительства. Поэтому и не удивительно, что со времени упадка халифата, кто-бы ни разыгрывалъ здѣсь роль главы этихъ областей, — Тулуниды-ли, Хамданиды, Фатимиды, Сельджуки или крестоносцы, здѣсь при всякомъ удобномъ случаѣ развивалось неподчиненіе вассаловъ и дробленіе страны на мелкія государства отъ Аксалона вплоть до Мосула и Тарса. Только такое сильное правительство, центръ котораго былъ-бы достаточно близокъ, чтобы допустить возможность немедленнаго вмѣшательства въ случаѣ надобности, — могло бы дѣйствительно водворить порядокъ въ Сиріи и Месопотаміи, но не изъ Каира или Константинополя или же изъ Испахана можно управлять долгое время этими областями. Поэтому и нельзя упрекнуть султана сельджуковъ за образъ дѣйствія его, какія-бы этотъ образъ дѣйствія ни имѣлъ дурныя послѣдствія для ислама. Для того, чтобы добиться прочнаго подчине-

нія себѣ запада, ему пришлось бы пустить здѣсь въ ходъ лучшія свои военныя силы, въ которыхъ онъ, повидимому, гораздо болѣе нуждался на дальнемъ востокѣ. Стремленіе подчинить своему вліянію области по ту сторону Оксуса было не только само по себѣ понятно, но является даже очень мудрой политикой, какъ со стороны Альпъ Арслана, такъ и со стороны Меликшаха. Если непрерывное появленіе все новыхъ и новыхъ западно-турецкихъ кочевниковъ, переправлявшихся черезъ Оксусъ, и было для сельджукскихъ султановъ выгодно до тѣхъ поръ, пока они могли доставлять вступающимъ въ ихъ владѣнія кочевымъ племенамъ военныя занятія въ Арменіи и М. Азіи, то это-же самое обстоятельство могло легко превратиться въ грозную опасность для всей Персіи, какъ только приливъ кочеваго населенія перешелъ бы настоящую мѣру, или же безпредѣльное уваженіе къ власти султана какъ-нибудь бы пошатнулось. Слѣдовательно, было очень важно не только имѣть зоркую пограничную стражу въ Хорезмѣ и Балхѣ, но также по возможности защитить Хорасанъ укрѣпленіемъ при переправѣ по ту сторону Оксуса, не говоря уже о справедливомъ желаніи сохранить Бухару въ нѣкоторой связи съ тѣми странами, въ составъ которыхъ она такъ долго входила, и для которыхъ еще и теперь составляла свѣтъ ислама. Такимъ образомъ мы уже въ 457 (1065) г. застаемъ Альпъ Арслана въ Трансоксаніи; правда, онъ еще не выступаетъ здѣсь въ роли завоевателя, а принимаетъ только въ свое подданство хана той мѣстности, изъ которой племя сельджуковъ выступило 30 лѣтъ тому назадъ—Дшенда, причемъ вводитъ порядокъ въ Хорезмѣ, гдѣ, повидимому, происходили безчинства. Въ 465 (1072 г.) Альпъ Арсланъ имѣлъ болѣе широкіе планы, когда онъ съ войскомъ, численностью болѣе чѣмъ 200.000 человекъ, направился изъ Нишапура по дорогѣ въ Бухару. Султанъ переправился черезъ Оксусъ по нарочно съ этой цѣлью выстроенному мосту; когда онъ расположился уже лагеремъ по ту сторону рѣки, къ нему привели начальника только что взятой пограничной крѣпости, по имени Юсуфъ-аль-Хорезмій. Султанъ велѣлъ его повѣсить на четырехъ столбахъ; когда же несчастный, услышавъ этотъ приговоръ, разразился проклятіями, разгнѣванный Альпъ Арсланъ схватилъ лукъ, чтобы застрѣлить его, но, какъ говорятъ, въ первый разъ въ жизни, — промахнулся. Между тѣмъ плѣнникъ, котораго стража оставила стоять свободнымъ, кинулся къ султану и нанесъ ему кинжаломъ смертельную рану въ бокъ. Альпъ Арсланъ умеръ 4 дня спустя (10 Раби ІІ 465 г. = 24-го декабря 1072 г.) сорока съ небольшимъ лѣтъ. Вѣрою въ милосердіе Аллаха старался онъ побороть въ себѣ горькое чувство, что ему, считавшему себя чуть-ли не всемірнымъ властелиномъ, суждено было принять смерть отъ руки такого ничтожнаго врага. И тутъ, какъ и вообще во всемъ характерѣ Альпа Арслана, проглядываетъ величіе;

рядомъ съ безцеремонностью, даже дикостью истиннаго турка, ему были свойственны также и лучшія добродѣтели война,—прямота и великодушіе. Его обхожденію съ греческимъ императоромъ соотвѣтствуетъ и поступокъ его съ Низамъ-аль-Мулькомъ. Однажды завистники этого послѣдняго ухитрились потихоньку просунуть въ модельню султана письмо, заключавшее въ себѣ обвиненіе визиря въ обычномъ на Востокъ порокъ,—въ неправильномъ пополненіи своего кармана. Полученный имъ документъ Альпъ Арсланъ отдалъ тотчасъ же Низаму со словами: «Вотъ, прочти; если обвинители твои правы, то постарайся исправиться и веди себя, какъ слѣдуетъ. Если же они лгутъ, прости имъ ихъ подлость и доставь работу, чтобы они, вмѣсто клеветы, занялись бы чѣмъ-нибудь болѣе полезнымъ».

Меликшахъ было всего 18 лѣтъ, когда онъ, послѣ смерти отца, вслѣдствіе заранѣе сдѣланнаго тѣмъ распоряженія, вступилъ на престолъ. Нужно полагать, что еще при жизни Альпъ Арслана визирь Низамъ приобрѣлъ вліяніе на Меликшаха, такъ какъ даже въ бытность свою султаномъ, онъ его называлъ не иначе, какъ «ходжа Хасанъ» учитель Хасанъ»^{*)}). Въ первые годы своего правленія Меликшахъ предоставлялъ во всякомъ случаѣ своему «ходжѣ» рѣшать всѣ важные государственные вопросы, такъ что трудно рѣшить, какія заслуги принадлежать самому Меликшаху и какія его министру. Мы все-таки знаемъ, что во всякомъ случаѣ впоследствии султанъ подробно вникалъ во всѣ дѣла; особенно хвалятъ его за то, что онъ заботился о строгомъ порядкѣ и дисциплинѣ въ войскахъ и о справедливости въ администраціи, причѣмъ указывалъ и визирю на то, и другое. Не столь горячо преданный лагерной жизни какъ отецъ его, онъ все же былъ талантливымъ военнымъ предводителемъ, и тотчасъ-же, въ первые годы своего султанства, не только принималъ личное участіе въ рѣшительномъ сраженіи противъ своего дяди Кавурда, но предлбалъ въ 416 (1073—4 г.) и всю, оказавшуюся необходимой, военную экспедицію на Востокъ. Здѣсь послѣ смерти бывшаго для всѣхъ страшнымъ Альпъ Арслана, Самаркандскій турецкій ханъ Алтегинъ отважился овладѣть городомъ Тирмизомъ, который хотя и лежалъ на правомъ берегу Оксуса, но все-же принадлежалъ къ сельджукскому государству. Городъ былъ снова отобранъ у него, и Меликшахъ проникъ такъ далеко по направленію къ Самарканду, что испуганный Алтегинъ просилъ о заключеніи мира. Съ этого времени отношенія Меликшаха съ турецкими своими кузенами въ Трансоксаніи оставались вполнѣ дружжелюбны, хотя въ Самаркандѣ происходила частая смѣна въ личномъ

^{*)} И позже у османскихъ турокъ слово „ходжа“ осталось титуломъ воспитателей принцевъ, часто становившихся при вступленіи на престолъ своихъ учениковъ министрами.

составъ хановъ; даже болѣе, султанъ женился на родственницѣ ихъ дома, Турканъ Хатунъ *), которой предстояло впоследствии имѣть роковое вліяніе на судьбы сельджукской династіи. Когда же племянникъ ея, Ахмедъ-ханъ, возсѣлъ на престолъ Самарканда, многочисленныя жалобы на несправедливость и жестокость его дошли вскорѣ и до двора въ Испаханъ; притѣсняемые подданные Ахмеда настоятельно требовали вмѣшательства Меликшаха, который не заставилъ себя долго просить и перешелъ съ большимъ войскомъ черезъ Оксусъ (482=1089). Безъ труда взялъ онъ Бухару и Самаркандъ; Ахмедъ-ханъ, который заперся въ маленькой крѣпости, былъ принужденъ сдаться, и затѣмъ былъ посланъ военнопленнымъ въ Испаханъ. Султанъ проникъ даже во владѣнія Кашгарскаго хана, который съ испугу согласился признать сюзеренство Сельджуковъ, выбивать имя султана на монетахъ и поминать его въ молитвахъ въ мечетяхъ. Теперь—по крайней мѣрѣ на короткое время—подчинились султану все мѣстности отъ границъ Китая почти до воротъ Константинополя. Правда, возстаніе въ Самаркандѣ, лишь только Меликшахъ повернулъ спину, доказало, что на новую эту провинцію нельзя твердо полагаться, но еще на этотъ разъ возстаніе было скоро потушено, а съ братомъ Кашгарскаго хана, который непрошено вмѣшался въ это дѣло, заключили подъ конецъ мирный договоръ. По крайней мѣрѣ достигли того, что громадная власть султана простерлась даже до этихъ отдаленныхъ областей. Можно было думать, что туркамъ по ту сторону Оксуса надолго останется памятенъ полученный урокъ. Хотя военныя удачи Сельджуковъ, въ правленіе Меликшаха, и были очень блестящи, но ихъ куда затмила мирная дѣятельность его визиря Низамъ-аль-Мулька, имѣвшая въ виду поднятіе благосостоянія и развитія въ персидскихъ провинціяхъ и Иракѣ. Сравнивая личность Меликшаха съ личностью его отца, Альпъ Арслана, получается замѣчательное сходство отношеній ихъ между собою съ отношеніями Траяна къ Адриану. Если Меликшахъ болѣе прославился военными подвигами, чѣмъ императоръ римскій, то оба они, въ противоположность воинственной дѣятельности, отличавшей ихъ предшественниковъ, которымъ нужно было прежде всего поставить свое государство на твердыя основы, имѣютъ другъ съ другомъ удивительное сходство въ томъ способѣ, которымъ они стремились устроить и развитъ пріобрѣтенное. Созиданіе вновь разоренныхъ мѣстностей, основаніе научныхъ заведеній, постройка большихъ зданій съ общественными полезными цѣлями, покровительство искусству,—все это такія задачи, которыя, конечно, при одина-

*) „Хатунъ“ означаетъ по-турецки женщина, и употребляется часто въ смыслѣ почетнаго титула.

ковыхъ условіяхъ легко могутъ повториться, также какъ и любовь къ блеску и виѣшнему представительству государей, располагающихъ богатыми средствами. Но болѣе удивительно слѣдующее совпаденіе: совершенно подобно римскому императору, Меликшахъ выказываетъ такую-же, какъ и онъ, любовь къ большимъ путешествіямъ внутри государства и къ личному ознакомленію со всѣми мѣстными условіями; точно также не менѣе императора и султанъ отличается особеннымъ стремленіемъ заботиться о бѣдныхъ людяхъ. Это такія качества, которыя дѣлаютъ для насъ близкими и симпатичными, какъ турка, такъ и римлянина. Несомнѣнно, что качества эти въ Меликшахѣ насадилъ великій визирь, заслуги котораго не только напоминаютъ, но даже превосходятъ лучшіе подвиги Бармекидовъ. Мысли его были прежде всего устремлены на развитіе наукъ и искусствъ; подобно тому, какъ Меликшахъ въ Нишапурѣ и въ другихъ мѣстахъ, такъ и Низамъ основалъ въ Басрѣ, и прежде всего въ Багдадѣ медресе, т. е. по нашему нѣчто въ родѣ университетовъ, конечно съ преобладающимъ богословско-юридическимъ характеромъ. Даже въ печальныя времена, слишкомъ скоро затѣмъ смѣнившія этотъ короткій періодъ расцвѣта, «Низамія» въ городѣ халифовъ,—такъ было названо медресе въ Багдадѣ въ честь своего основателя,—вплоть до наступленія періода вторженія монголовъ,—оставалась первымъ пріютомъ учености во всемъ сельджукскомъ государствѣ. Оба,—султанъ и министръ,—принимали даже личное участіе въ дѣлахъ науки и искусства: мы слышимъ, что повелитель страны не пренебрегалъ выслушивать разъясненіе своихъ придворныхъ астрономовъ о небесныхъ явленіяхъ; а о талантливыхъ стихахъ онъ судилъ совсѣмъ какъ природный персъ. Такимъ образомъ въ теченіе короткаго промежутка времени казалось будго-бы желаніе Аллаха—превратить землю въ юдоль испытаній для правовѣрныхъ—измѣнилось въ болѣе благоприятномъ для нихъ смыслѣ. Но тутъ вдругъ опять гидра внутреннихъ раздоровъ подняла свою голову, и одновременно и въ Персіи встало снова роковымъ образомъ почти забытое привидѣніе измаилитства.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Турки, ассасины и крестоносцы.

Около 425 (1034) г. въ Нишапурѣ встрѣтились три молодыхъ перса, которые намѣревались посвятить себя изученію богословія и права въ древней резиденціи Тахиридовъ—главномъ городѣ провинціи Хорасанъ, входившей въ то время въ составъ владѣній Газневидовъ. Городъ этотъ, несмотря на всѣ бури послѣднихъ десятилѣтій, не утратилъ своего стариннаго блеска, и въ его школахъ многочисленныя ученики внимали урокамъ знаменитыхъ шейховъ. Всѣ трое юношей въ умственномъ отношеніи стояли значительно выше средняго уровня и почувствовали влеченіе другъ къ другу, именно, благодаря различію своихъ характеровъ. Одинъ изъ нихъ Омаръ, сынъ Хайяма, изъ Нишапура, былъ человѣкъ глубокій, съ склонностью, какъ къ мистицизму, такъ и къ скептицизму; онъ искалъ въ то время разрѣшенія загадки жизни въ религіи, унаслѣдованной отъ предковъ. Второй, Хасанъ Ибнъ Алій изъ Туса, былъ молодой человѣкъ съ выдающимся умомъ и практическимъ смысломъ, образованный и даровитый, и надбѣялся систематическими занятіями пріобрѣсти познанія, которыя пригодились-бы ему въ будущемъ для его служебной карьеры. Третій, Хасанъ Ибнъ-асъ-Саббахъ изъ Рея *) отличался пылкимъ честолюбіемъ, которое допускало въ его характерѣ соединеніе страстности и холодной наблюдательности. Этотъ послѣдній, однажды, во время задушевной бесѣды, заставилъ двухъ другихъ поклясться, что тотъ изъ нихъ, кто первый достигнетъ власти или вліятельнаго положенія, возвыситъ и своихъ товарищей. Вскорѣ жизнь разсѣяла друзей въ разныя стороны. Омаръ Ибнъ Хайямъ не

---

*) Впослѣдствіи Ибнъ Саббахъ утверждалъ, что онъ арабскаго происхожденія; но все-таки онъ былъ повидимому природнымъ персомъ. Во всякомъ случаѣ, отецъ его жилъ въ Реѣ. Я долженъ еще прибавить, что свѣдѣнія о началѣ жизни всѣхъ троицъ страдаютъ хронологическою сбивчивостью, а потому являются сомнѣнія въ точности этихъ свѣдѣній. Тѣмъ не менѣе я считалъ возможнымъ воспользоваться ими для моего повѣствованія.

нашелъ въ богословіи того, чего искалъ. Это было время, когда возрастающая ограниченность правовѣрныхъ систематиковъ все болѣе и болѣе отталкивала людей, чувствовавшихъ потребность большей свободы и болѣе глубокой внутренней жизни; такихъ людей привлекалъ къ себѣ мистицизмъ Суфійевъ (II, 82), въ которомъ, за завѣсой суфійскаго аскетизма, скрывались направленія шіитовъ и му'тазилитовъ, снова подавленные послѣ побѣды Махмуда Газневидскаго. Слабость Буидовъ, а затѣмъ и турокъ, сначала глухо, но изо дня въ день выразительнѣе возвыщала о ничтожествѣ всего земного, и все это вызывало все болѣе обширное и быстрое распространеніе суфизма. Омаръ въ своемъ развитіи не остановился на суфизмѣ, благодаря тому, что онъ обогатилъ свои знанія и изощрилъ умъ занятіями философій, математикой и естественными науками: онъ сдѣлался скептикомъ-вольнодумцемъ съ пантеистическимъ оттѣнкомъ, но прежде всего самымъ рѣшительнымъ противникомъ того политическо-богословскаго лицемѣрія, съ котораго, нѣсколькими десятилѣтіями раньше, его старшій современникъ Абу'ль-ала (II, 276) сорвалъ маску въ отдаленной Сиріи. Какъ послѣдній въ своихъ пылающихъ гнѣвомъ стихотвореніяхъ выражалъ негодованіе на порчу временъ и проявлялъ упорство араба, все еще чувствовавшего себя свободнымъ человѣкомъ,— такъ талантливый персъ въ своихъ четверостишіяхъ, незадолго до того времени вошедшихъ въ употребленіе въ поэзіи суфійско-философскаго характера, изливалъ ядъ безпощадной насмѣшки надъ противорѣчіями и странностями мухаммеданскаго догмата. Разумѣется, стихотворенія Омара распространялись въ тѣсномъ кружкѣ, но въ нихъ такъ классически было выражено отвращеніе персидскаго духа къ правовѣрной формѣ ислама, что инья изъ стихотвореній «Дивана» Омара могутъ относиться и къ настоящему времени. Подобному человѣку должно было казаться презрѣннымъ стремленіе къ земному величію, и пока у Омара было достаточно средствъ, чтобы безпрепятственно предаваться наукамъ и поэзіи, онъ не видѣлъ причины къ тому, чтобы отказываться отъ своей созерцательной праздности въ Нишапурѣ или въ Мервѣ, гдѣ онъ впоследствии поселился. Безпокойную и честолюбивую душу Хасана Ибнъ Саббаха наполняли совершенно противоположныя стремленія. Онъ хотѣлъ властвовать во что бы то ни стало, хотѣлъ, чтобы люди преклонялись передъ нимъ изъ уваженія-ли, изъ страха-ли или отъ ужаса. Но казалось, что при существующемъ положеніи вещей подняться такъ высоко надъ толпою для него нѣтъ и не можетъ быть никакой возможности. Онъ принадлежалъ по семейнымъ традиціямъ къ шіитскому направленію, что было среди газневидовъ препятствіемъ, а среди сельджуковъ, по крайней мѣрѣ, плохой рекомендаціей для поступленія на го-

сударственную службу. Въ войскѣ всѣ высшія мѣста были почти исключительно заняты турками. Оставалось прибѣгнуть къ кривымъ и тайнымъ путямъ заговора. Съ тѣхъ поръ какъ секта измаилитовъ приняла опасный характеръ (около 250=864 г.; см. II, 295), приверженцы ея никогда не переставали раскидывать свою паутину по всему исламскому міру; даже когда центръ тяжести секты находился въ Египтѣ среди Фатимидовъ (съ 358=969 г.; ср. I, 325), посланцы ея бродили по странамъ Востока, заходя за Индъ и Яксартъ *) и въ каждомъ крупномъ пунктѣ не бывало недостатка въ тайныхъ членахъ союза: грустныя политическія обстоятельства вездѣ порождали нужду и недовольство, которыя способствовали успѣху нашептываній, будто истинный имамъ есть будущій спаситель измученнаго народа. Достоинно замѣчанія, что человѣкъ съ такими честными стремленіями и съ такимъ тонкимъ умомъ, какъ Насири Хосрау, убѣдившись въ прѣтущемъ состояніи Египта подъ властью Фатимидовъ, вывелъ отсюда практическое заключеніе, сдѣлался измаилитомъ и, по видимому, въ болѣе поздніе годы своей жизни (съ 444=1052) самъ дѣйствовалъ въ качествѣ миссіонера для распространенія секты: вотъ какую роль могъ играть при такихъ обстоятельствахъ человѣкъ съ выдающимися познаніями и съ сильной волей! Покинувъ Нишапуръ и проживъ нѣсколько лѣтъ на родинѣ въ скромныхъ условіяхъ, Хасанъ, снѣдаемый неудовлетвореннымъ честолюбіемъ, вступилъ въ сношенія съ измаилитами и когда въ 464 (1071—2) г. въ Рей пріѣхалъ главный иракскій даи (II, 290), то Хасанъ добился отъ него должности его намѣтника въ городѣ и его окрестностяхъ. Но въ тотъ моментъ, когда Хасанъ хотѣлъ вступить на скользкую дорожку, которая должна была привести его къ желанной цѣли или къ постыдной гибели, неожиданное счастье, наконецъ, указало ему менѣе трудный и опасный путь къ достиженію власти и вліянія. Турецкій султанъ Альпъ Арсланъ, всѣмъ внушавшій страхъ, погибъ отъ кинжала Юсуфа изъ Хорезма а молодой Меликшахъ, только-что упрочившій за собой власть пораженіемъ и умерщвленіемъ своего дяди Кавурда, воспользовался ею прежде всего для того, чтобы передать почти неограниченныя полномочія визирю своего отца; этотъ-же послѣдній, Низамъ аль-Мулькъ, былъ не кто иной, какъ бывшій товарищъ Ибнъ Саббахъ, Хасанъ Ибнъ Алій изъ Туса. Пока былъ живъ Альпъ Арсланъ, который при всей своей терпимости едва-ли поручилъ-бы важную должность человѣку, извѣстному за приверженца шіитизма, Хасану Ибнъ Саббаху было бесполезно представляться ко

*) Замѣтимъ, что въ 436 (1044—5) г. туркестанскій владѣтель Богра-ханъ, нашелъ нужнымъ подвергнуть жестокому преслѣдованію измаилитовъ, проникнувшихъ въ Трансоксанію (Ибнъ-аль-Асиръ IX, 358).

двору; но теперь настало время для приведения в исполнение обещания, данного друг другу юношами несколько десятилетий тому назад. Омаръ, сынъ Хайяма, также еще раньше посетилъ Низама, когда этотъ «сынъ крестьянина» взобрался на крутую вершину рядомъ съ султаномъ, благодаря своимъ способностямъ, своему уму и рѣдкому счастью; но скептически настроенный ученый, не принимавшій участія въ теченіи свѣтской жизни, отклонилъ отъ себя всѣ блестящія предложенія друга, не забывшаго ихъ общаго прошлого, принявъ лишь умѣренное ежегодное жалованье, которое дѣлало для него возможнымъ «въ уголкѣ, подъ покровомъ визиря» продолжать свои занятія, надѣясь ими пріобрѣсти славу величайшаго математика мухаммеданскаго Востока. Хасанъ Ибнъ Саббахъ, явившись въ янв. 466 (1074) г. къ первому министру, выразилъ гораздо болѣшую готовность испробовать придворную жизнь, но какъ только, благодаря посредничеству Низама, онъ былъ представленъ султану Меликшаху и былъ принятъ этимъ послѣднимъ въ число избранныхъ совѣтниковъ, онъ началъ непрерывно интриговать противъ своего благодѣтеля, стараясь навлечь на него подозрѣнія повелителя. Но умный визирь умѣлъ лучше дѣйствовать на скользкой почвѣ, чѣмъ честолюбивый новичекъ, и, когда этотъ неблагодарный человекъ хотѣлъ воспользоваться однимъ дѣломъ для того, чтобы отстранить Низама, послѣдній ловко направилъ всю интригу противъ замышлявшаго ее, такъ что Меликшахъ разразился гнѣвомъ на Хасана Ибнъ Саббаха и съ позоромъ прогналъ его отъ своего двора. Нетрудно себѣ представить, какъ должно было подѣйствовать на подобный характеръ внезапное уничтоженіе всѣхъ надеждъ въ тотъ самый моментъ, когда Хасанъ рассчитывалъ осуществить ихъ: стремленіе къ мести «крестьянскому сыну и турку», къ уничтоженію ихъ власти, повидимому, такъ прочно обоснованной, совпало теперь съ честолюбивыми цѣлями Хасана, и для того и другого подходящимъ орудіемъ былъ измаилитизмъ. Хасану не стоило большого труда возобновить прежнія отношенія. Конечно, Низамъ аль Мулькъ зналъ хорошо своего стараго друга и старался всячески дѣйствовать противъ него; но Хасанъ сумѣлъ избѣгнуть всѣхъ преслѣдованій и въ 471 (1078—9) г. улизнуть въ Египетъ, гдѣ измаилиты и фатимиды приняли его съ распростертыми объятіями (II, 345—6). Однако и здѣсь недолго длилось согласіе его съ окружающими халифа Мустансира. Миргушъ Бедръ (II, 345) уже въ то время принималъ мѣры съ цѣлью сдѣлать наслѣдникомъ престола младшаго сына Мустансира, Ахмеда (впослѣдствіи Муст'али, II, 345) вмѣсто старшаго Низара, который былъ законнымъ наслѣдникомъ, согласно съ шиитско-измаилитскимъ догматомъ. Изъ за этого возникло раздвоеніе

между самими измаилитами; Хасанъ сталъ на сторону низаритовъ, какъ назывались приверженцы законнаго наслѣдника, и началъ по своему обыкновенію интриговать противъ всемогущаго при дворѣ Миргуша. Но тотъ не любилъ шутить; онъ велѣлъ немедленно схватить персидскаго пришельца и посадить его на корабль, который отплывалъ въ западную Африку. Но счастье на этотъ разъ улыбнулось измаилитскому честолюбцу; буря прибила корабль къ берегу Сиріи, и черезъ Халебъ и Багдадъ бѣглець снова прибылъ въ Испаханъ (473=1081 г.). Повидимому, при раздвоеніи египетскихъ измаилитовъ партія Низара удержала въ своихъ рукахъ нити пропаганды на Востоку; по крайней мѣрѣ мы видимъ, что Хасанъ во время своихъ шестилѣтнихъ странствованій по южнымъ и по части восточныхъ провинціи Персіи повсюду распространялъ ученія секты и заручался общаніемъ содѣйствія со стороны единоплеменниковъ, пока наконецъ не поселился около 480 (1087) г. въ значительномъ городѣ Дамеганѣ, главномъ пунктѣ сосѣдней съ Табаристаномъ мѣстности Кумись; тамъ онъ даже обратилъ въ измаилитизмъ намѣстника Меликшаха. Живя въ Дамеганѣ, Хасанъ находился въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ провинціями Джурджаномъ, Табаристаномъ и Дейлемомъ, старинными убѣжищами крайняго шитизма (II, 173, 185), гдѣ, кромѣ того, населеніе было не болѣе довольно господствомъ сельджуковъ, чѣмъ прежде господствомъ арабовъ или газневидовъ, и гдѣ напентыванья Хасана и его миссіонеровъ нашли столь-же хорошую почву, какъ прежде происки Алидовъ (I, 182, 239). Послѣдніе еще не вымерли въ этой мѣстности со временъ Утруша, а сохранили въ нѣкоторыхъ мѣстахъ неприступныхъ горъ, окаймляющихъ Каспійское море, небольшія владѣнія, гдѣ правительство терпѣло ихъ потому, что они были совершенно спокойны со времени турецкаго нашествія. Высоко въ горахъ къ сѣверу отъ Казвина гнѣздился такимъ образомъ одинъ изъ Алидовъ, который называлъ себя Махдіемъ (II, 124, 290), но который впрочемъ держалъ себя, какъ добрый подданный султана. Его крѣпость называлась Аламуть *),—«Орлиное Гнѣздо»; это-то мѣсто и избралъ Хасанъ Ибнъ Саббахъ средоточіемъ той власти, основу которой онъ положилъ своею неутомимою девятилѣтнею дѣятельностью, и для созданія которой, казалось, время уже настало. Вокругъ Орлинаго гнѣзда и въ немъ самомъ было пріобрѣтено много сторонниковъ тайнаго союза; ночью, на среду 6 Раджаба 483 (4 сентября 1090) г. самъ Хасанъ съ помощью своихъ приверженцевъ пробрался въ крѣпость, и вскорѣ Алиду пришлось убѣдиться, что изъ рукъ его выскользнула всякая власть надъ тѣми, кто до тѣхъ поръ ему подчинялся, и перешла къ подозрительному старику,

*) Отъ персидскихъ словъ *âlûhъ*, орель, и *амуть*, гнѣздо.

который все еще продолжалъ являться подъ маскою святого аскета. Алідъ долженъ былъ волей-неволей удалиться; какъ благочестивый человѣкъ, Хасанъ не могъ отпустить его безъ всякаго удовлетворенія и далъ ему свидѣтельство на полученіе 3000 золотыхъ изъ султанской кассы въ Дамеганѣ, и деньги эти были ему въ точности выплачены собственнымъ намѣстникомъ Меликшаха.

Хасанъ былъ увѣренъ въ безусловной покорности не только окружающихъ его, но всѣхъ тѣхъ, которые обязались слѣдовать знамени измаилитизма. Неизвѣстно, продолжалъ-ли онъ сношенія съ вождями секты въ Египтѣ; достовѣрно лишь то, что въ странѣ между Тигромъ и горами, отдѣляющими Нишапуръ отъ Херата и Мерва, приверженцы союза безъ колебанія повиновались малѣйшему знаку Хасана. Онъ избралъ поистинѣ дьявольское средство, чтобы удержать въ подобной зависимости несчастныхъ слѣпыхъ людей, которымъ этотъ безсовѣстный человѣкъ преподносилъ ядъ въ видѣ лѣкарства, а также для того, чтобы создавать себѣ для выполнения своихъ темныхъ замысловъ орудія столь-же ужасныя, какія употреблялись потомъ лишь въ нашемъ хваленомъ XIX-омъ столѣтіи. Не напрасно усвоилъ онъ себѣ всѣ знанія, доступныя той эпохѣ. За исключеніемъ врачей и естествоиспытателей,—число которыхъ по сравненію было незначительно и которые охотно окружали свое искусство нѣкоторою таинственностью,—весьма немногимъ было извѣстно наркотическое дѣйствіе опиума и особеннаго препарата изъ конопли,—хашиша. Хасанъ выбралъ изъ своихъ приверженцевъ молодыхъ, сильныхъ людей съ энергическимъ темпераментомъ и приблизилъ ихъ къ себѣ. Вдругъ то у одного, то у другого изъ нихъ, когда они находились въ одиночествѣ, начинала кружиться голова, и онъ терялъ сознание. Онъ приходилъ въ себя въ великолѣпной комнатѣ, гдѣ его окружали незнакомыя благоуханія, красивыя дѣвушки и изысканныя кушанья и напитки. Тутъ юноша испытывалъ всѣ чувственныя наслажденія рая, и ему должно было казаться, что онъ переживаетъ всѣ блаженства рая, какія коранъ обѣщаетъ вѣрующимъ послѣ смерти. Среди опьяненія, молодой человѣкъ снова терялъ сознание; онъ просыпался уже въ обычной обстановкѣ и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ заснулъ въ первый разъ, и тутъ ему говорили, что по милости Божіей онъ удостоился предвкушенія райскихъ радостей, и что отъ него зависитъ заслужить навсегда только что испытанное блаженство. Тотъ прямымъ путемъ попадаетъ въ рай, кто погибаетъ служа Всевышнему—вотъ что училъ каждый въ законѣ Божіемъ; и тѣмъ, которые только что ознакомились съ этимъ раемъ въ чувственной и неотразимой для человѣка формѣ, ужасный изобрѣтатель подобнаго

отвратительнаго образа дѣйствія давалъ въ руки кинжалъ *), въ то же время указывая на какого-нибудь врага дѣла Божьяго. Этого было достаточно, чтобы заставить ослѣпленнаго человѣка отправиться въ одеждѣ суфія или подъ личиною купца, или подъ какимъ-либо другимъ видомъ, черезъ горы и доли за сотни миль для того, чтобы нанести смертельный ударъ побѣдоносному полководцу среди его войскъ, могущественному султану въ его охраняемомъ стражами дворцѣ, вліятельному сановнику среди толпы сидящихъ вокругъ него писцевъ. Убийца почти всегда погибалъ подъ ударами солдатъ илитълохранителей, окружавшихъ его жертву, и заранѣе готовился къ этому; но тѣмъ болѣе неудержимо рвались фѣдавіи **) — такъ назывались измаилитскіе убійцы — къ выполненію самыхъ безумныхъ и опасныхъ замысловъ, не сомнѣваясь, что, жертвуя жизнью, они пріобрѣтутъ райскія наслажденія, къ которымъ они такъ страстно стремились.

При этомъ новомъ и страшномъ преобразованіи измаилитизма, на сценѣ міровыхъ явленій возникла первостепенная политическая власть. Представителей этой секты называютъ обыкновенно ассасинами; и мы знаемъ, что имя это со времени крестовыхъ походовъ сдѣлалось на западѣ равнозначущимъ слову «убійца» (assassin). Первоначально, подъ словомъ хашашій (во множ. числѣ хашашинъ) разумѣлся человѣкъ, который приготовляетъ упомянутое наркотическое средство, хашишъ, или опьяняется имъ, или водится съ людьми, которые употребляютъ хашишъ; но Хасанъ и семеро его преемниковъ изъ его же семьи, жившіе въ Аламутѣ, усердно позаботились о томъ, чтобы слово это получило свое мрачное значеніе, которое осталось за нимъ до сей поры главнымъ образомъ во французскомъ языкѣ. Въ теченіе двухсотъ лѣтъ вся передняя Азія дрожала передъ этой ужасной силой, разсылавшей изъ неприступныхъ и сокровенныхъ мѣстъ смертельные удары, отъ которыхъ нигдѣ не было спасенія, и которые поражали лицъ высокостоящихъ чаще, чѣмъ всѣхъ прочихъ.

*) Недавно было высказано предположеніе, что, вѣроятно, эти райскія наслажденія, ради достиженія которыхъ послѣдователи измаилитскаго повелителя обращались въ убійцы, состояли лишь въ чудесныхъ сновидѣніяхъ, вызываемыхъ, какъ извѣстно, употребленіемъ опиума и хашиша. Это предположеніе не лишено вѣроятія; но, по общераспространенному преданію, дѣло происходило такъ, какъ изложено въ текстѣ, и въ этомъ вопросѣ трудно прійти къ какому-нибудь опредѣленному заключенію.

**) Фида означаетъ собственно по-арабски выкупъ плѣнника, затѣмъ всякую крупную жертву, особенно же пожертвованіе собственно жизнью, отдаваемою для спасенія другого или для достиженія какой-нибудь благородной цѣли. Отсюда фѣдавіи — таково точное произношеніе, хотя обыкновенно говорятъ фѣдавіи — это такой человѣкъ, который въ данный моментъ готовъ пожертвовать жизнью для другого или для цѣли, указанной ему другимъ лицомъ.

Въ царствованіе султана Мухаммеда (498—511=1105—1118 г.) въ Испаханѣ каждый вечеръ можно было видѣть одного измаилита, который на углу какой-нибудь улицы искусно прикидывался слѣпымъ нищимъ и при наступленіи сумерекъ жалобнымъ голосомъ просилъ прохожихъ, чтобы какой нибудь мусульманинъ проводилъ несчастнаго слѣпнаго старика домой, въ то или другое предмѣстье. Если кто-нибудь изъ жалости соглашался указать дорогу мнимому нищему, то, когда они достигали того мѣста, куда направлялись, на сострадательнаго спутника нищаго набрасывалось еще нѣсколько спрятанныхъ измаилитовъ, которые тащили его въ отдаленное подземелье и тамъ убивали. Таинственное исчезновеніе цѣлаго ряда жителей возбуждало въ населеніи города все больше подозрѣній и наводило на него все большій ужасъ, пока наконецъ случайно не былъ открытъ и уничтоженъ притонъ убійць. Политика ассасиновъ въ сущности состояла въ томъ, чтобы создавать себѣ въ различныхъ провинціяхъ укрѣпленія среди утесовъ, въ самыхъ неприступныхъ горныхъ мѣстностяхъ, гдѣ, защищенные отъ всякихъ преслѣдованій, они могли распространять свое вліяніе на сосѣдніе округа и откуда во всякое время могли разсылать своихъ федавіевъ. У насъ есть списокъ девяти подобныхъ укрѣпленій (въ ниня времена ихъ бывало гораздо больше), разсѣянныхъ по Хорасану, Мидіи, Фарсу и Хузистану; но настоящимъ центромъ секты оставались горные хребты, окружавшіе Аламуть, постоянную резиденцію главы секты; на вершинахъ этихъ горъ повсюду были воздвигнуты замки и крѣпости, и несмотря на всѣ старанія сельджукскихъ султановъ сокрушить могущество секты, «Орлиное Гнѣздо» оставалось неприступнымъ, чему содѣйствовали еще другія обстоятельства,—пока, наконецъ, волны монгольскаго нашествія не залили даже эти крутыя вершины. Когда же въ 654 (1256) г. полчища Хулагу, наконецъ, разрушили всѣми проклинаемая стѣны Аламута и по всѣмъ провинціямъ избili приверженцевъ секты до «дѣтей въ колыбели», то этимъ далеко не былъ положенъ конецъ страшной силѣ ассасиновъ. Уже въ 495 (1102) г., еще при жизни Хасана Ибнъ Саббаха, правитель Халеба, Ридванъ, сынъ Тутуша и племянникъ Меликшаха, государь столь же безсовѣстный, сколько опрометчивый, выдумалъ призвать ассасиновъ въ Сирію для того, чтобы упрочить за собою свое владѣніе, тѣснимое мухаммеданскими эмирами и крестоносцами; Ридванъ допустилъ даже, чтобы ассасины устроили въ самомъ Халебѣ свое миссіонерское общество. Отсюда имъ удалось въ 520 (1126) г. овладѣть городомъ Панеасомъ (по-арабски Ваніясъ) у южнаго подножія Хермона *); правда они уже въ

*) По Гюяру (Guyard, *Journal asiatique*, VII série, t. 9, стр. 351—28 отдѣльнаго изданія); этотъ Панеасъ находится sur la côte de Syrie, dans cette

523 (1129) г. должны были снова отказаться от него, но въ 527 (1132—3) г. они имѣли возможность купить крѣпость Кадмъ, лежащую въ горной мѣстности, къ западу отъ Хамата, и отсюда въ 535 (1140—1) г. напали на крѣпость Мазъядъ или Мазъяфъ, находившуюся на неприступной скалѣ и до тѣхъ поръ принадлежавшую маленькому княжеству Шейзару, теперь же она сдѣлалась центромъ такой-же системы горныхъ замковъ, какая существовала вокругъ Аламута. Эту мѣстность въ то время, какъ и теперь, населяли нусайриты, секта тоже шитскаго происхожденія, по которой этотъ округъ обыкновенно назывался Джебелъ анъ-Нусарійя (горы нусайритовъ). Хотя ученіе нусайритовъ близко къ ученію друзовъ (II, 341) и измаилитовъ, тѣмъ не менѣе нусайриты питали и къ тѣмъ и другимъ живѣйшую ненависть; но, владѣя неприступными укрѣпленіями, ассасины были неоспоримыми повелителями страны, и извѣстно, что во время нескончаемыхъ смуть крестовыхъ походовъ они могли играть здѣсь роль не менѣе значительную, чѣмъ въ Персіи; даже когда монголы наконецъ проникли и въ Сирію, то, по крайней мѣрѣ, отдѣльныя измаилитскія крѣпости устояли противъ этихъ ужасныхъ завоевателей. Только въ 671 (1273) г., послѣ того, какъ власть ассасиновъ была значительно ослаблена могущественнымъ египетскимъ султаномъ мамелюковъ, Бейбарсомъ, они подчинились этому султану, который, также какъ его преемники, не брезгалъ иногда пользоваться кивжаломъ федавія. Впослѣдствіи ассасины здѣсь, какъ и на далекомъ Востокѣ, въ Индіи, обратились въ безвредную секту, остатки которой встрѣчаются и до сего дня въ мѣстности Химсъ.

Нетрудно понять, что помѣшало ассасинамъ, несмотря на ихъ долговременное существованіе и силу сопротивленія, выйти изъ рамокъ зловредной секты и образовать изъ себя государство, какъ это удалось столь близко съ ними связаннымъ по своему происхожденію

partie du Liban qui a reçu le nom de Montagne des Ansariés. Сообразно съ этимъ на стр. 30 (353) находимъ: les châteaux de Qadamou et de Kahf, tout près de Raneas. Значитъ это нынѣшній Булуньясъ, называемый также Баніасомъ, древнія Балапей, между Лаодикеей (Ладикией) и Арадомъ (Руадомъ). Гюяръ впрочемъ ссылается въ то-же время на описаніе Буркхарда, приводимое Дефремери (Journ. as. V sér, t. 3, стр. 407), а это описаніе относится къ болѣе извѣстному Баніасу (Caesarea Paneas) близъ озера Мерома (Хуле) къ юго-западу отъ Дамаска. По связи событій (Ибнъ аль-Асиръ, X, 461) не можетъ подлежать сомнѣнію, что дѣло идетъ объ этомъ послѣднемъ городѣ. Въ данномъ случаѣ, и вообще раза два въ этомъ сочиненіи, Гюяръ отступилъ отъ своей обычной точности. Вѣроятно, онъ былъ введенъ въ заблужденіе словами Ибнъ аль-Асира (X, 461, строка 2 снизу), гдѣ Баніасъ оказывается по соседству съ Кадмомъ, хотя Дефремери (стр. 411, примѣч. 2) высказалъ объ этомъ мѣстѣ со свойственною ему pronouncedness такое сужденіе: Cet historien me parait ici anticiper sur un fait postérieur.

карматамъ Бахрейна и Фатимидамъ (т. II, книга V, гл. 3). Между тѣмъ, какъ тѣ и другіе сѣумѣли въ надлежащій моментъ приобрѣсти власть надъ извѣстнымъ національнымъ элементомъ, арабскимъ или берберскимъ, съ самаго начала дѣлая орудіемъ борьбы мечъ мятежника, а не кинжалъ убійцы,—ассасины не обладали никакимъ средствомъ вліять на крупныя массы народа, которыхъ довольно легко привлечь къ себѣ открытымъ насиліемъ, но никакъ не коварнымъ убійствомъ. Я не думаю также ни въ какомъ случаѣ, что Хасанъ Ибнъ Саббахъ когда-либо намѣревался идти тою-же дорогой, какъ упомянутые измаилитскіе его собратья. Всякій разъ, когда мы слышимъ о возмущеніяхъ, задуманныхъ батинитами *), какъ большею частью называютъ ихъ историки, то дѣло идетъ или о завоеваніи новаго укрѣпленія, или объ обыкновенномъ бунтѣ съ единственною цѣлью вызвать смуты и несчастія. Такимъ образомъ за дѣйствіемъ ассасиновъ не скрывалось истинно національной подкладки, хотя отдѣльные приверженцы и видѣли въ своей сектѣ выраженіе недовольства персовъ шиитскаго направленія турецкимъ управленіемъ; вслѣдствіе этого ассасины, какъ мнѣ кажется, не пытались возбудить къ открытому возстанію болѣе обширныя округа, какъ напр. такъ близко къ нимъ лежащіе Табаристанъ и Джурджанъ—старинныя центры непокорности всякому правительству. Впрочемъ, хотя темная дѣятельность этой безпримѣрной въ исторіи династіи,—частныя судьбы которой не представляютъ для насъ дальнѣйшаго интереса,—зависѣла единственно отъ сравнительно незначительнаго числа отдѣльныхъ личностей, но она имѣла огромное вліяніе на развитіе исламскаго міра. Гдѣ-бы только, отъ Хорасана до Сиріи, ни возвышалась, во время вѣкорѣ разразившихся войнъ между султанами и эмирами, выдающаяся личность, нарушавшая—по мнѣнію главы секты, который внимательно слѣдилъ за всѣми событіями изъ своего «Орлинаго Гнѣзда»—равновѣсіе борющихся другъ съ другомъ силъ, для нея уже былъ отточень кинжалъ федавія, и не разъ такимъ способомъ внезапно оканчивалось начинавшееся улучшение печальныхъ государственныхъ условій. Если глава ассасиновъ не стремился возбуждать въ массѣ народа иного волненія, кромѣ волненія страха и ужаса, то съ другой стороны онъ естественно желалъ быть вполне увѣреннымъ въ томъ, что съ нимъ вездѣ находятъ въ согласіи подходящіе для его цѣлей люди, которые могли доставлять ему цѣнныя свѣдѣнія и отъ которыхъ онъ могъ ожидать, что они повліяютъ въ желательномъ для батинитовъ направленіи на

*) Батинъ по-арабски означаетъ внутреннюю сторону предмета въ отличіе отъ внѣшней, и измаилиты могутъ называться батинитами потому, что они считаютъ свое аллегорическое толкованіе корана (II, 293) уясненіемъ внутреннего смысла божественнаго слова.

государей и придворныхъ, заведуть интриги при дворахъ султановъ и эмировъ, словомъ, сдѣлають все нужное для достиженія питаемыхъ главою секты намѣреній. Мы имѣемъ доказательства, что высокопоставленные военачальники и сановники сельджукскихъ династій не разъ вступали въ тайныя сношенія съ повелителями Аламута. Слишкомъ многіе были готовы оказывать весьма вѣскія услуги за то, чтобы ударъ кинжала былъ направленъ на соперника или на личнаго врага, и скоро стало ясно, что приливъ новой турецкой крови въ тѣло старѣющаго арабско-персидскаго ислама не вызвало оздоровленія испорченныхъ соковъ; врожденная турецкая честность была вытѣснена уже въ третьемъ поколѣннн господствующихъ семей персидскою склонностью къ обману и хитрости, и если мухаммеданскіе государи до появленія на сценѣ великаго Нуреддина могли почти сравняться въ вѣроломствѣ съ христіанскими рыцарями-крестоносцами, то не могло быть и намека на то, чтобы нашелся человекъ, который смѣлымъ и честнымъ ударомъ поразилъ-бы батинитскаго дракона—того дракона, котораго такъ удобно было въ случаѣ нужды употребить для истребленія опаснаго противника. Не разъ по повелѣнію султана войска его направлялись противъ Аламута, и не разъ жители «Орлинаго Гнѣзда» были почти принуждены къ сдачѣ голодомъ; но всякій разъ случалось какое-нибудь таинственное происшествіе—то внезапная смерть повелителя, то неосторожность нападающихъ, такъ что въ послѣднюю минуту приходилось снять осаду. Намъ такъ же легко представить себѣ ослабляющее вліяніе подобныхъ обстоятельствъ на всю государственную жизнь, какъ вообразить ту провію, какую вызывало въ страшномъ знатокѣ людей Хасанѣ, «старцѣ горь»*), и въ его преемникахъ сознаніе, что въ сущности весь этотъ ничтожный міръ получаетъ своихъ правителей съ Аламутской скалы, даромъ и по формѣ похожей на льва, готовящагося къ прыжку.

Если Хасанъ Ибнъ Саббахъ находилъ удовольствіе въ сатанинскомъ романтизмѣ созданнаго имъ себѣ положенія, то само собою разумѣется, что онъ не забывалъ объ отмщеніи «крестьянскому сыну и турку». Въ 485 (1092 г.), когда онъ, вѣроятно, былъ какъ разъ занятъ обученіемъ своихъ федавіевъ, случилось событіе, которое въ первый моментъ, вѣроятно, разсердило его, такъ какъ оно не дало ему возможности произвести желаемое впечатлѣніе, но которое въ то-же время должно было въ значительной мѣрѣ содѣйствовать поддержанію и усиленію его власти. Онъ только-что съ большимъ трудомъ, посредствомъ ночнаго нападенія, отдѣлался отъ войска, по-

---

*) Шейхъ аль-джибаль, какъ называли его и позднѣйшихъ повелителей Аламута, нерѣдко также лицъ, стоявшихъ во главѣ сирійскихъ ассасиновъ.

сланнаго его прежнимъ другомъ Низамомъ аль-мулькомъ для разрушенія Орлинаго Гнѣзда, и, можетъ-быть, раздумываль, какъ-бы ему отплатить за оказанное ему вниманіе, какъ вдругъ пришло неожиданное извѣстіе: турокъ и крестьянскій сынъ разошлись послѣ двадцатилѣтней совмѣстной дѣятельности, ознаменованной самыми блестящими успѣхами. Меликшахъ, которому было въ то время 38 лѣтъ, находясь въ цвѣтѣ силъ и въ полномъ развитіи своей власти, вѣроятно, чувствовалъ себя подчасъ стѣсненнымъ тою самостоятельностью, которую приобрѣлъ Низамъ аль-мулькъ во время своего тридцатилѣтняго управленія государствомъ и которую онъ удерживаль за собою и въ семьдесятъ семь лѣтъ, благодаря признанію его заслугъ и опытности. Какъ-бы то ни было, но возможно, что оба они могли-бы продолжать работать вмѣстѣ, памятуя о своей долговременной и испытанной вѣрности другъ другу и о томъ, какъ недолго осталось жить визирю, если-бы не разъединилъ ихъ самый опасный изъ всѣхъ опасныхъ въ нашемъ мірѣ элементовъ, именно честолюбивая женщина. Это была Турканъ Хатунъ, самаркандская султанша которая, преслѣдуя свои своекорыстныя цѣли, погубила и себя, и власть своихъ родственниковъ. У Меликшаха былъ отъ нея сынъ Махмудъ, родившійся въ 480 (1087) г. и въ то время имѣвшій нѣсколько больше пяти лѣтъ отъ роду; кромѣ того, отъ другихъ женъ у Меликшаха были еще сыновья: Баркіярокъ (род. 471=1078—9 г.*), Мухаммедъ (род. 474=1082 г.) и Синджаръ (род. 479=1086 г.). Когда поднялся вопросъ о престолонаслѣдіи, то все говорило въ пользу Баркіярока, не только потому, что онъ былъ старшій, но и потому, что мать его происходила изъ рода сельджуковъ, — а это имѣло вліяніе на отношеніе къ нему многихъ изъ высокопоставленныхъ лицъ государства. Въ виду этого, когда Меликшахъ, еще будучи въ цвѣтѣ лѣтъ, началъ, по весьма понятнымъ причинамъ, обсуждать это важное дѣло, то Низамъ аль-мулькъ высказался въ пользу Баркіярока, и Меликшахъ повидимому склонялся къ тому, чтобы и въ данномъ случаѣ послѣдовать совѣту своего визиря. Но на это никакъ не могла согласиться Турканъ Хатунъ. Женщина умная и энергичная, она стремилась играть первенствующую роль въ случаѣ смерти своего супруга; поэтому всѣ ея усилія были направлены къ тому, чтобы наслѣдникомъ былъ провоз-

*) Годъ этотъ сомнителенъ, такъ какъ Ибнъ аль-Асиръ, которому мы обязаны этой датой (см. Journ. as., V sér., II, 430), въ другомъ мѣстѣ (тамъ-же, II, 321), говоря о смерти Баркіярока (498=1104 г.) даетъ ему только 25 лѣтъ. Во всякомъ случаѣ это былъ старшій изъ сыновей Меликшаха, какъ положительно утверждаетъ тотъ же писатель (ed. Tornberg, X. 146). Годъ рожденія Синджара также указывается различно, и рядомъ съ 479 г. встрѣчается 476 (1083) г.

глашень ея маленькій сынъ, и такъ какъ въ этомъ отношеніи она встрѣтила отпоръ со стороны визира, то она рѣшила свергнуть его. Она съумѣла внушить султану, что министръ недостаточно чтить авторитетъ государя, что сыновья и другіе родственники визира, которыхъ онъ посадилъ на самыя лохотныя мѣста, позволяютъ себѣ всевозможныя злоупотребленія относительно служащихъ и подданныхъ, словомъ, что Низамъ пускается на самыя безсовѣстныя проделки, прикрываясь именемъ своего повелителя. «Пословица гласитъ: кто слушаетъ, тотъ вѣритъ», умно замѣчаетъ по этому поводу персидскій историкъ—и дѣйствительно, Меликшахъ поддакъ влиянію напештываній на стариннаго слугу своего дома; черезъ нѣкоторыхъ придворныхъ султанъ послалъ визирю весьма немилостивое распоряженіе, давая ему при этомъ почувствовать его подчиненное положеніе по отношенію къ своему повелителю и приказывая ему положить предѣлъ злоупотребленіямъ, въ которыхъ его обвиняли. Престарѣлый визирь былъ возмущенъ до глубины души подобнымъ неделикатнымъ поведеніемъ государя, который былъ обязанъ Низаму своею властью и своими величайшими успѣхами; онъ громко выразилъ свое неудовольствіе въ присутствіи вручившихъ ему султанскую грамоту и заключилъ свои слова такъ: «Его корона неразрывно связана съ моимъ письменнымъ приборомъ; если я закрою свой приборъ, то и корона его погибнетъ!» Эти пророческія, но не въ придворномъ духѣ сказанныя слова *) были переданы Меликшаху; можно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвели они на безъ того уже разгнѣваннаго повелителя. Хотя было рѣшено не дѣйствовать официально противъ визира, заслуги и значеніе котораго признавались всеми слишкомъ открыто, но въ тайнѣ дѣлались приготовленія съ цѣлью разъ навсегда избавиться отъ непріятнаго старика **). Во время Ра-

*) Слова эти, какъ и прочія обстоятельства паденія Низама, передаются весьма различно; я держусь древнѣйшаго источника, Ибнъ аль-Асира, X, 138.

**) Если судить по тексту Ибнъ аль-Асира (X, 139), трудно снять съ Меликшаха подозрѣніе, что преступленіе было совершено съ его вѣдома. Лѣтописецъ можетъ быть нарочно выражается неопредѣленно, говоря, что „вслѣдствіе этого онъ погибъ жертвою (тайныхъ) приготовленій“, такъ какъ не хочетъ допустить такого постыднаго поступка со стороны восхваляемаго имъ Меликшаха. Вѣроятно никогда не будетъ разъяснена тайна, которою окружена смерть, какъ Низама, такъ и Меликшаха. Известно только, что убійцей первого былъ измаилитъ, и слѣдовательно—посланецъ Хасана Ибнъ Саббаха изъ Аламута; выгодна же была смерть визира султанигъ Турканъ Хатунъ и ея довѣренному лицу, Таджъ аль-мудку, которыхъ можно подозрѣвать въ тайномъ соглашеніи съ смертельнымъ врагомъ ихъ врага. Мы не знаемъ, способны ли они были задумать отравленіе Меликшаха въ союзѣ съ ассасинами и съ халифомъ Муктадіемъ, давно настроеннымъ противъ султана. Замѣчательное совпаденіе смерти султана съ умерщвленіемъ его визира возбуждаетъ подозрѣніе, что Меликшахъ умеръ на-

мадана 485 г. весь дворъ собрался въ Багдадъ, и 10-го числа упомянутого мѣсяца (14 октября, 1092 г.) во время стоянки въ полѣ, близъ Нихавенда, Низамъ аль-мулькъ былъ заколотъ федавиємъ, явившимся къ нему подъ видомъ просителя. Турканъ Хатунъ и секретарь ея Абуль-Ганаимъ, главное орудіе ея плановъ, могли торжествовать: довѣренное лицо султанши было сдѣлано визиремъ, получивъ почетный титулъ Таджъ аль-мулька («вѣнецъ царства»), а на высшія государственныя должности были назначены, вмѣсто приверженцевъ убитаго, креатуры султанши. Но какъ только это свершилось, Меликшахъ, вскорѣ послѣ своего прибытія въ Багдадъ, заболѣлъ, какъ говорятъ, горячкою, и ночью 16-го Шавваля 485 (18—19 ноября 1092 г.) сошелъ въ могилу вслѣдъ за своимъ великимъ министромъ.

Ключъ къ уясненію всѣхъ дальнѣйшихъ событій заключается въ пониманіи положенія, въ какомъ находились провинціи и дворъ въ ту минуту, когда государство сразу лишилось блестящаго и сознававшего свое могущество повелителя и опытнаго, энергичнаго визиря; необходимо ясно изобразить это положеніе. Изъ Испахана, столицы государства, непосредственная власть султана распространялась на Мидію, Хузистанъ и Иракъ, эмиры которыхъ,—за исключеніемъ нѣскольکو болѣе свободныхъ Бану Мазьядовъ на Евфратѣ и багдадскаго халифа,—въ сосѣдствѣ съ резиденціей подчинялись безъ ограниченій вліянію правительства. Кирманъ, а можетъ быть и Фарсъ находились подъ властью сына Кавурда Тураншаха, который приходился Меликшаху двоюроднымъ братомъ и который, хотя и будучи довольно независимъ, дѣйствовалъ заодно съ центральною властью. Востокъ былъ раздѣленъ между извѣстнымъ количествомъ намѣстниковъ, изъ которыхъ интересъ для насъ представляетъ Ануштегинъ*) изъ Хорезма, какъ родоначальникъ одной изъ послѣдующихъ династій; рядомъ съ ними въ это время уже выступилъ на первый планъ мятежный повелитель ассасиновъ въ Аламутѣ. Азербейджанъ, Месопотамія и Арменія распались на различныя большіе или меньшіе округа, пользовавшіеся извѣстною самостоятельностью; то же самое, еще въ большей мѣрѣ, было на западѣ. Тамъ, послѣ смерти Сулеймана, сына Кутульмиша, такъ какъ сыновья его были посланы ко двору Меликшаха, малоазіатскіе эмиры основали нѣсколько отдѣльныхъ государствъ; изъ нихъ первое мѣсто зани-

---

сильственной смертью въ виду тѣхъ угрозъ, которыя извергалъ противъ обоихъ Хасанъ Ибнъ Саббахъ нѣсколькими десятилѣтіями раньше.

*) Намъ неизвѣстно достовѣрно, кто изъ этого семейства былъ первымъ намѣстникомъ Хорезма—Ануштегинъ или сынъ его Мухаммедъ, во всякомъ случаѣ, получившій эту страну въ 490 (1097) г.

мали Никея, которою управлялъ Абу'ль-Касимъ *) и округи между Арменіей и Халисомъ съ главнымъ городомъ Сивасъ (греческая Себаста), которые подчинялись Гумуштегину, называемому Ибнъ Данишмендомъ **). Связь обоихъ съ Испаханомъ была довольно слаба; зато власть султана прочно признавалась въ Сиріи: въ Дамаскѣ жилъ братъ султана Тутушъ, въ Іерусалимѣ намѣстникъ Тутуша Ортокъ, а на ряду съ ними—Акъ-Сонкоръ въ Халебѣ, Ягы Басанъ ***)—въ Антиохіи и другіе въ главныхъ городахъ Месопотаміи. Меликшахъ и Низамъ аль-мулькъ поддерживали въ эмирахъ чувство зависимости съ тѣхъ поръ, какъ султанъ самъ установилъ порядокъ въ этихъ мѣстностяхъ; даже братъ повелителя, во время пребыванія послѣдняго въ Багдадѣ, долженъ былъ не разъ являться ко двору для подтвержденія своей готовности повиноваться. Но на послушаніе этихъ высокостоящихъ лицъ государства можно было рассчитывать — и не только въ болѣе отдаленныхъ провинціяхъ — лишь до тѣхъ поръ, пока лицъ этихъ сдерживало искреннее уваженіе къ могуществу правительства. Всѣ они были турки, и дикость ихъ племени не была существенно смягчена въ теченіе пятидесяти лѣтъ, прошедшихъ со времени покоренія Хорасана Тогрилемъ и Чакрыромъ; настоящая привязанность къ дому повелителя встрѣчалась рѣдко, да она могла-бы способствовать поддержанію государственнаго строя лишь въ томъ случаѣ, если-бы между членами сельджукской династіи господствовало полное единодушіе. Изъ многихъ свидѣтельствъ намъ извѣстно, что дѣла династіи съ самаго начала были болѣе, чѣмъ сомнительны; если же къ прежнимъ возстаніямъ дядей и братьевъ присоединились серьезные споры о престолонаслѣдіи между честолюбивыми матерями несовершеннолѣтнихъ дѣтей, то все царство должно было обратиться въ кучу кружащихся и тѣснящихъ другъ друга атомовъ, между которыми не существовало связующаго звена. Такимъ звеномъ не была даже ре-

*) Мы находимъ извѣстіе объ этомъ эмирѣ только у византийцевъ, которые не приводятъ дальнѣйшаго его имени. О подробностяхъ его отношеній къ грекамъ см. Hertzberg, Geschichte der Byzantiner (Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen, herausgegeben von Wilhelm Oncken, № 59, стр. 275).

**) Т. е. „сыномъ школьнаго учителя“; говорятъ, что должность такового занималъ его отецъ до поступленія въ военную службу. Семья эта принадлежала къ туркменамъ; ее называютъ династіей Данишмендовъ.

***) Имя его неправильно пишется Баги Зіянъ, какъ называютъ его большинство текстовъ и историки крестовыхъ походовъ (между прочимъ Куглеръ въ Исторіи Крестовыхъ походовъ стр. 47); см. Karabacek, „Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft“ „XXXI (1877), стр. 153, который уничтожаетъ сомнѣніе Defremery (Journ. asiat. V sér., t. 1, стр. 457, примѣч.) въ правильности этого ученія.

лигія; несчастный багдадскій халифъ въ качествѣ главы духовнаго принужденъ былъ напимѣрь три раза признавать султаномъ новое лицо между Зу-ль-Хиджжей 402 и Раджабомъ 493 (ноябрь 1099 и мартъ 1100 г.), смотря по тому, тѣснили-ли его больше солдаты Баркіярока или Мухаммеда. То, что считали правильнымъ эмиры, казалось правильнымъ подчиненнымъ имъ начальникамъ и солдатамъ; смотря по настроенію или руководясь собственною выгодой, каждый во всякій данный моментъ готовъ былъ перейти на сторону другой партіи; и тѣ-же самые турки, которые только что покорили полъ-міра и повсюду выказывали по отношенію къ христіанамъ обычную безумную храбрость, просто-на-просто убѣгали, когда имъ вздумается, съ поля битвы. Послѣ того, что было говорено о гузахъ и туркменахъ, намъ нечего описывать, какъ при такомъ положеніи дѣлъ у турокъ утрачивалась дисциплина, какъ они начали свирѣпствовать среди мирныхъ жителей городовъ и сель, едва успѣвшихъ вздохнуть свободно, какъ грабили ихъ и производили среди нихъ всевозможные ужасы, на какіе только способны грубые солдаты; можетъ быть, они и сдѣлались не много мѣнѣе грубыми въ этомъ третьемъ поколѣніи, но, судя по тому, что доходить до нашихъ ушей, грубость ихъ не уменьшилась значительно. Противъ такого всеобщаго разстройтва, когда возставали другъ противъ друга провинціи и даже города, когда на другой день послѣ одержанія султаномъ побѣды десятки тысячъ его солдатъ разбѣгались, а послѣ повидимому рѣшительнаго пораженія тотъ-же султанъ по капризу могущественнаго эмира снова могъ взять перевѣсъ надъ своимъ противникомъ—противъ подобнаго разстройтва существовало одно только средство: власть выдающейся личности, которая заставила-бы уважать себя и собрала-бы въ прочное цѣлое разрозненныя песчинки. Такія личности существовали впоследствии, хотя послѣ смерти Меликшаха уже никогда больше власть сельджука не простиралась одновременно на всю страну между Оксусомъ и Спріей; но пока, въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій, не могло быть и рѣчи о великой личности. Четверо дѣтей, начиная съ пяти до четырнадцати лѣтъ, нѣсколько матерей этихъ дѣтей, — изъ которыхъ одна, хотя и стояла мужчиной, но все таки не была мужчиной, — а вокругъ нихъ толпа офицеровъ и сановниковъ, частью честолюбивыхъ и воинственныхъ, частью развратныхъ и никуда не годныхъ—таково было наслѣдіе Тогриль-бека и Альпъ-Арслана! Къ тому же за всѣмъ наблюдалъ страшный начальникъ ассасиновъ, которому, несмотря на его восемьдесятъ лѣтъ, суждено было еще три десятилѣтія *) слѣдить за

*) Такъ какъ Хасанъ Ибнъ Саббахъ умеръ лишь 518 (1124) г., то онъ жилъ болѣе 100 лѣтъ; если-же нѣтъ, что конечно сомнительно, то сообщенія Мирхонда

событіями изъ своего Орлинаго Гнѣзда, и который съ ужасною разчитанностью перерѣзывалъ кинжаломъ Федавія почти каждую нить надежды, какъ только благодѣтельная судьба начинала сучить ее. Человѣкъ этотъ и его преемники имѣли для судебъ Востока гораздо болѣе сильное и вредное значеніе, чѣмъ вторженіе крестоносцевъ, которое также способствовало общей смутѣ и которое почти одновременно обрушилось на западныя пограничныя земли мусульманъ.

Огромное значеніе крестовыхъ походовъ для развитія западныхъ государствъ и народовъ какъ въ политическомъ отношеніи, такъ и относительно прогресса цивилизаціи, не должно вводить насъ въ заблужденіе относительно значенія этихъ походовъ для мухаммеданскаго Востока. Что для насъ было началомъ новой исторической эпохи, то для ислама имѣло значеніе лишь непріятнаго осложненія внутренняго процесса разложенія пограничною войною—продолжительною, нерѣдко опустошительною, но все-таки весьма мало вліявшею на всю государственную систему и вовсе почти не вліявшею на религіозную и культурную жизнь. Съ самаго начала временъ халифовъ происходили постоянныя войны съ христіанами въ Сиріи и Месопотаміи; въ послѣднее время у христіанъ были отняты большія провинціи—Малая Азія, часть Месопотаміи и вѣчный предметъ раздора—Антіохія; теперь же приходилось опять отдать имъ на долгое время, какъ Антіохію, такъ и Эдессу и прибрежную полосу до Египта. Этимъ бы дѣло и кончилось, и, при обладаніи болѣею частью Малой Азіи, это не было значительнымъ уменьшеніемъ прежнихъ владѣній, если бы франки, заступившіе мѣсто византійцевъ, не стремились непременно обладать Іерусалимомъ, городомъ священнымъ, какъ для христіанъ, такъ и для мусульманъ (ср. I, 95), и который нельзя было оставить въ рукахъ послѣднихъ. Но если на западѣ крестовые походы представляли собою рядъ предпріятій, взволновавшихъ почти всѣ христіанскія страны до самыхъ послѣднихъ слоевъ населенія, — то на востокъ, за исключеніемъ западныхъ провинцій, Малой Азіи, Месопотаміи, Сиріи и Египта, которыхъ походы эти непосредственно касались, дѣйствительно волновался по поводу успѣховъ христіанъ только развѣ персидскій и арабскій Иракъ и особенно всегда фанатически настроенный Багдадъ. Къ тому же въ этихъ непосредственно затронутыхъ владѣніяхъ, эмиры, которые всегда старались уклониться отъ вліянія центральной власти, не руководились, по крайней мѣрѣ для ближайшаго будущаго, политикой, которая имѣла-бы въ виду общеисламскіе интересы. Въ то время, какъ Абуль-Касимъ, повели-

---

(ср. Notices et extraits; IX, Paris, 1813, стр., 143, 192), по крайней мѣрѣ въ главномъ, основаны на истинѣ.

тель Никеи вступилъ въ сношенія съ византійцами, чтобы усилить независимость своего положенія по отношенію къ Меликшаху, — сирійскіе владѣтели, начиная съ 502 (1108) г., не стыдились добиваться союза франковъ для того, чтобы дѣйствовать другъ противъ друга *). Разумѣется, христіанскіе рыцари поступали точно также; но имъ въ концѣ концовъ удавалось соединяться для отраженія нападений мусульманъ, между тѣмъ какъ послѣдніе еще долго не могли соединить всѣхъ силъ, хотя-бы только маленькихъ сирійскихъ и месопотамскихъ государствъ, и такимъ образомъ, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, изгнать христіанъ изъ своей страны, еще въ первыя десятилѣтія послѣ паденія Іерусалима и до основанія рыцарскихъ орденовъ. Если-же, не смотря на отсутствіе единства между мусульманами, крестоносцы все-таки никогда не могли овладѣть Дамаскомъ или Халебомъ и захватили въ свои руки лишь узкую береговую полосу Сиріи и графство Эдессу, то тѣмъ менѣе могли серьезно пострадать земли, составлявшія ядро сельджукскаго царства, отъ этой сравнительно столь незначительной войны въ крайнихъ западныхъ провинціяхъ. Существовала впрочемъ извѣстная связь между сирійскими эмирами, такъ какъ, благодаря войнамъ съ крестоносцами, они все болѣе и болѣе отстранялись отъ споровъ за престолъ и отъ междоусобій, разыгрывавшихся на персидской почвѣ; и наоборотъ, эти внутреннія смуты мѣшали настоящему возстановленію господства сельджуковъ, непосредственнымъ результатомъ котораго должно было-бы быть вытѣсненіе христіанъ изъ Святой Земли. Только въ Малой Азіи дѣла находились въ обратномъ положеніи: здѣсь именно недружелюбныя отношенія между византійцами и франкскими рыцарями **) дали сельджукамъ и данишмендамъ возможность утвердиться въ пунктахъ, выступающихъ на западъ болѣе, чѣмъ было-бы желательно, и этимъ навлекли на христіанъ гораздо большія бѣдствія, чѣмъ когда-либо стоило потерпѣть ради обладанія Іерусалимомъ: ибо изъ этихъ форпостовъ турки впослѣдствіи завоевали Константинополь. Если вспомнить, какъ поражали современниковъ дипломатическое искусство и политическіе успѣхи императора Алексѣя Комнена, и какъ именно благодаря имъ, въ концѣ концовъ, погнбло византійское государство, то снова утверждаешься въ мнѣніи, какъ мало въ сущности судьбы міра обуславливаются умомъ и хитростью одного человѣка.

Вотъ въ общихъ чертахъ историческое развитіе, предстоявшее владѣніямъ мусульманъ въ теченіе слѣдующаго столѣтія. Въ центрѣ и

*) См. Куглеръ, Исторія Крестовыхъ походовъ.

**) Куглеръ, стр. 35, примѣч.; Hertzbergs Geschichte der Byzantiner (Allg. Gesch. v. Oncken, № 59, стр. 276—280).

на востокъ государства держится главная линия сельджуковъ въ лицѣ потомковъ Меликшаха, но власть ея все уменьшается. Постоянные споры о престолонаслѣдїи и междоусобицы мѣшаютъ власти надолго сплотиться въ одно цѣлое, и она распредѣляется между намѣстниками и эмирами. Послѣдніе частью также принадлежатъ къ дому повелителя, но не пользуются, благодаря этому, большею властью; частью они происходятъ изъ другихъ турецкихъ родовъ. Тутъ на первомъ планѣ находятся атабеки, «опекуны», т. е. правители, которые являются покровителями и замѣстителями несовершеннолѣтнихъ государей: эти правители, болѣе чѣмъ въ одной изъ распадающихся провинцій, вскорѣ начинаютъ играть роль западныхъ маюродомовъ или багдадскихъ эмировъ аль-умара, и наконецъ выступаютъ въ качествѣ самостоятельныхъ властителей въ Мосулѣ, Адербейджанѣ, Фарсѣ и Луристанѣ*). Благодаря захватамъ этихъ властителей, а также благодаря отдѣленію багдадскаго халифата, который среди всеобщей смуты снова сложился въ отдѣльное государство, территория, непосредственно подчиненная султану, становится все меньше; наконецъ, власть султана ограничивается однимъ персидскимъ Ираккомъ (Мидїя; см. I, 252, примѣч. 2), да и то только номинально, послѣ того, какъ и восточныя провинціи сдѣлались независимыми при преемникахъ турка Ануштегина, наслѣдственныхъ намѣстникахъ Хорезма. Эти новые государи, обыкновенно называемые Хорезмшахами, устраниютъ, наконецъ, въ 590 (1194) г. послѣднюю отрасль главной линии сельджуковъ и, хотя на самое короткое время, объединяютъ въ большое персидско-турецкое государство большую часть прежняго царства сельджуковъ.—Второю линіею сельджуковъ была линія Кирманская, происшедшая отъ Кавурда, брата Альпъ Арслана, уже при Меликшахѣ пользовавшаяся нѣкоторою независимостью отъ центрального правительства, а послѣ смерти этого султана сдѣлавшаяся вполне самостоятельной. При ней страна пережила эпоху спокойнаго процвѣтанія, которой не было подобной въ тотъ періодъ всеобщихъ смуть, если не говорить о намѣстничествѣ Хорезма въ узкомъ смыслѣ. До 565 (1170) г. государи этой линіи, благодаря своей миролюбивой и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельной политикѣ, доставили государству внѣшнюю безопасность и внутренній порядокъ; впоследствии и здѣсь явились споры за обладаніе престоломъ; сосѣди напали на провинцію,

*) Луристаномъ называлась въ то время, какъ и теперь сѣверная часть Хузистана.—Названіе атабековъ не ограничено впрочемъ этими четырьмя династіями (или пятью, такъ какъ Луристанъ распадался на двѣ части), но могло быть приложено и ко всякому эмиру, который стоялъ во главѣ управленія, замѣняя собою несовершеннолѣтняго или слабого государя.

въ 594 (1198) г. хорезмійцы овладѣли Кирманомъ.—На крайнемъ западѣ, въ Румѣ, какъ говорили восточные народы, т. е. въ тѣхъ частяхъ Малой Азіи, которыя были покорены турками, держались сельджуки третьей линіи, потомки Кутульмиша, на время отбѣсненные крестоносцами, византіяцами и эмирами, но вскорѣ снова усилившіеся; они держатся не только временно, но, лишивъ власти данишмендовъ, а затѣмъ расширяя свои владѣнія на счетъ византійцевъ, образуютъ значительное царство Иконіумъ (Конія), какъ оно обыкновенно называется по своей будущей столицѣ. Это государство играло главную роль въ Малой Азіи до временъ монголовъ; распавшись же, оно образовало рядъ мелкихъ государствъ, и изъ него произошли османскіе турки, завоеватели Константинополя. — Ранѣе всего ускользнули изъ рукъ сельджукской династіи Сирія и Месопотамія; часть эмировъ этихъ провинцій уже вскорѣ послѣ смерти Меликшаха отказывались повиноваться своему намѣстнику Тутушу, затѣмъ все болѣе и болѣе стѣсняли его сыновей, и наконецъ, уже въ 517 (1123) г., отняли послѣдній остатокъ прежняго владѣнія у его единственнаго внука, который, по крайней мѣрѣ номинально, былъ повелителемъ Халеба. Въ этихъ провинціяхъ разъединеніе было уже такъ значительно, какъ нигдѣ до временъ монголовъ; Сирія на время сплотилась только благодаря захвату ея мосульскими атабегами, а затѣмъ подъ властью энергичнаго Саладина, но потомки послѣдняго снова возставали другъ противъ друга, пока власть ихъ не была уничтожена преемниками Чингизъ-хана.

Изъ главныхъ частей, на которыя распалось государство послѣ смерти Меликшаха, очеркъ нашъ совершенно исключаетъ одну и отчасти также двѣ другія. О линіи Кирманской*), кромѣ сдѣланной уже общей характеристики, говорить не стоитъ; а судьбы Сиріи и Месопотаміи, также какъ развитіе царства Иконіума, такъ неразрывно связаны съ исторіей крестовыхъ походовъ и византійской имперіи, что исторія этихъ провинцій разсматривалась въ относящихся къ этимъ вопросамъ выпускахъ «Allgemeine Geschichte» Онкена**). Поэтому, для этихъ провинцій мы ограничимся лишь общимъ обзоромъ, имѣя въ виду отдать должную справедливость чисто-исламскимъ явленіямъ и прежде всего геройскимъ личностямъ Нуреддина и Саладина; но сначала мы прослѣдимъ упадокъ главной линіи сельджуковъ.

*) Подробности, касающіяся Кирмана см. у Houtsma: Zur Geschichte der Seldschuken von Kirman (Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, Band 39 (Leipzig. 1885), S. 362—402).

**) См. Hertzbergs Geschichte der Byzantiner (Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen, herausgegeben von W. Oncken, № 59—72 и 19—21), и Куглера, Исторія Крестовыхъ походовъ.

ГЛАВА III.

Разложеніе сельджукскаго царства.

Когда 16 Шаввала 485 (18—19 ноября 1092 г.) султанъ Меликшахъ испустилъ духъ, то Турканъ Хатунъ скрывала смерть своего супруга до тѣхъ поръ, пока тайно, черезъ посредство своего Таджъ аль-мулька не добилась того, что эмиры—не безъ подкупа ихъ богатыми дарами—принесли присягу ея пятнадцатилѣтнему сыну Махмуду, а халифъ утвердилъ его. Потомъ она отправилась въ Испаханъ съ трупомъ Меликшаха, который и былъ похороненъ въ столицѣ; а эмиръ Кербога прибылъ туда тотчасъ послѣ смерти повелителя, чтобы схватить и заключить въ темницу четырнадцатилѣтняго*) Баркіярока, котораго легко могли провозгласить султаномъ весьма многочисленные приверженцы прежняго визиря, Низамъ аль-мулька. Кербога привелъ свое намѣреніе въ исполненіе; но мать Баркіярока, естественно встревоженная судьбою своего сына, тѣмъ настоятельнѣе призвала на помощь партію Низама; царевичъ былъ силою освобожденъ изъ темницы и провозглашенъ султаномъ (царств. 485—498=1092—1104 г.), и тогда междоусобная война сдѣлалась неизбѣжной. Которой изъ обѣихъ партій суждено было одержать въ ней побѣду, было въ сущности безразлично. При всей своей энергіи, Турканъ, какъ женщина, въ концѣ концовъ была зависима отъ своихъ эмировъ, такъ-же какъ зависѣлъ отъ своихъ эмировъ и Баркіярокъ или, вѣрнѣе, его визирь Исъ аль-мулкъ, сынъ Низама; во всякомъ случаѣ дѣла должны были принять весьма плохой оборотъ. Вначалѣ Баркіяроку повезло: при приближеніи Турканъ, войско его отправилось ей навстрѣчу и дошло до Буруджирда, и такъ какъ нѣкоторые эмиры султанши перешли на его сторону, то побѣда осталась на сторонѣ Баркіярока (въ концѣ 435=января 1093 г.); только съ трудомъ достигли побѣжденные Испахана, гдѣ подверглись долговременной осадѣ. Но окружающіе молодого государя не сумѣли восполь-

---

*) Или только двѣнадцатилѣтняго.

зоваться своимъ успѣхомъ достойнымъ образомъ: визирь, ничтожный сынъ своего великаго отца, и высшіе сановники проводили время главнымъ образомъ въ пьянствѣ, самого же Баркіярока забавляли дѣтскими играми; неудивительно поэтому, что при такомъ упражненіи въ своихъ обязанностяхъ государя, онъ остался на всю жизнь лишь игрушкой обстоятельствъ. Главнымъ дѣломъ его двора было умерщвленіе Таджъ-аль-мулька, взятаго въ плѣнъ при Буруджирдѣ; впрочемъ, онъ заслужилъ этого, если его справедливо обвиняютъ въ убійствѣ Низама; во всемъ остальномъ дѣло окончилось мирнымъ договоромъ, по которому Турканъ должна была сохранить за собой и своимъ сыномъ Махмудомъ Испаханъ и Фарсъ, а Баркіярокъ—сдѣлаться султаномъ и царствовать надъ остальными провинціями. Но когда послѣдній только-что овладѣлъ городами Мидіи, то нападеніе стало грозить ему съ другой стороны: дядѣ его Тутушу, жившему въ Дамаскѣ, вздумалось заявить свои притязанія на султанство, и онъ въ союзѣ съ Ягы Басаномъ антиохійскимъ, Акъ-Сонкоромъ халебскимъ и другими эмирами овладѣлъ Мосуломъ (486=1093). Вскорѣ однако, когда оба войска начали сходиться, Акъ-Сонкоръ, считавшій выгоднымъ быть стрѣлкой на вѣсахъ, вмѣстѣ съ другимъ эмиромъ перешелъ на сторону Баркіярока; а Тутушу пришлось на время снова удалиться въ Дамаскъ. Пока онъ набиралъ войска для новаго похода, Турканъ, вовсе не имѣвшая въ виду честно выполнять договоръ, предложила свою руку намѣстнику Азербейджана, дядѣ Баркіярока по матери, Измаилу Ибнъ Якутію, съ тѣмъ условіемъ, что онъ выступитъ въ походъ противъ ея пасынка. Измаиль сдѣлалъ это, былъ разбитъ и долженъ былъ ворваться къ своей покровительницѣ въ Испаханъ, гдѣ былъ убитъ нѣсколькими эмирами, ни за что не желавшими допускать этого брака (486=1093 г.) Освободившись отъ своихъ ближайшихъ заботъ, Исъ аль мулькъ повезъ своего молодого государя въ Багдадъ, гдѣ послушный халифъ теперь въ виду переменъ обстоятельствъ даровалъ свое благословеніе старшему сыну Меликшаха (въ началѣ 487=1094 г.); это развеселило всѣхъ—развеселило настолько, что всѣ стали чувствовать себя въ полной безопасности, такъ что эмиры не находили болѣе нужнымъ оставаться со своими войсками при султанѣ, а султанъ не находилъ времени для того, чтобы прочитывать письма, приходившія изъ провинцій. Конечно, этого нельзя было и требовать отъ незрѣлаго юноши, но это могъ-бы взять на себя кто-нибудь изъ окружающихъ; тогда онъ нашелъ-бы печальное извѣстіе изъ Халеба, гдѣ Акъ-Сонкоръ подвергся нападенію Тутуша, съ значительнымъ войскомъ вышедшаго изъ Дамаска, и былъ разбитъ, несмотря на содѣйствіе отпавшаго въ это время отъ Турканъ Кербоги, и вмѣстѣ съ послѣднимъ взятъ былъ въ плѣнъ.

Тутушъ приказаль умертвить Акъ-Сонкора, но пощадилъ Керогу; покоривъ Халебъ, Тутушъ описаль большой кругъ, быстро прошелъ черезъ Месопотамію, Арменію и Азербейджанъ по направленію къ Хамадану, мимо Баркіярока, который, не подозрѣвая ничего дурного, между тѣмъ сидѣлъ въ Мосулѣ, а затѣмъ въ Низибинѣ. Турканъ въ это время подала своему деверю Тутушу надежду на то, что вступитъ съ нимъ въ бракъ; трудно рѣшить, что больше прельщало повелителя Дамаска—обладаніе ли молодою и, вѣроятно, красивою вдовою или принадлежащимъ ей Испаханомъ; во всякомъ случаѣ, онъ рассчитываль получить то и другое, но честолюбивая женщина вдругъ заболѣла и умерла еще до пріѣзда своего будущаго супруга. Нѣкоторые думаютъ, что ее отравили: это стало случаться все чаще среди завидныхъ семейныхъ отношеній, существовавшихъ между дядей и племянникомъ. Когда послѣдній, или вѣрнѣе его эмиры—визирь Исъ аль-мулкъ умеръ въ Мосулѣ—поняли опасность, въ какую повергала ихъ смѣлая кампанія Тутуша, то Баркіярокъ сломя голову поспѣшилъ, съ бывшей при немъ тысячей воиновъ, назадъ черезъ Тигръ, чтобы по возможности раньше своего противника достигнуть укрѣпленнаго Хамадана или Испагана. Между тѣмъ Тутушъ, успѣвъ привлечь на свою сторону азербейджанскихъ эмировъ *), увеличилъ свое войско до 50.000; одинъ изъ его отрядовъ случайно встрѣтился съ ничтожной кучкой Баркіярока, разбилъ ее и чуть было не захватилъ въ плѣнъ молодого государя, который едва спасся вмѣстѣ съ тремя эмирами. Такъ какъ непріятель уже стоялъ подъ Хамаданомъ, то эмиры въ своей безпомощности не сдумѣли посовѣтовать Баркіяроку ничего лучшаго, какъ броситься въ Испаханъ, гдѣ со времени смерти Турканъ эмиры столицы все еще держали шестилѣтняго сына ея Махмуда въ качествѣ претендента; во всякомъ случаѣ, и для этой партіи было вопросомъ жизни и смерти, чтобы Тутушъ былъ изгнанъ изъ страны, и такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ на время, совпали интересы братьевъ и ихъ приверженцевъ. Тѣмъ не менѣе было рискованно отдать Баркіярока въ руки лицъ, до тѣхъ поръ бывшихъ его врагами, и это чуть было не окончилось весьма плохо. Хотя и не безъ нѣкоторыхъ колебаній, Баркіярокъ былъ впущенъ въ городъ, и было официально отпраздновано великое примкреніе — оба брата должны были публично обняться; но въ то же время приверженцы Махмуда имѣли тайное намѣреніе отвести глаза Баркіяроку, чтобы уничтожить его притязанія на власть. Однако и на этотъ разъ счастье улыбнулось Баркіяроку: Махмудъ какъ разъ во время захворалъ оспой

*) Эти послѣдніе были недовольны Баркіярокомъ за умерщвленіе своего начальника Исмаила; какъ бы то ни было, весь походъ Тутуша объясняется его расчетомъ на то, что здѣсь онъ встрѣтитъ друзей.

и умерь (въ Шаввалѣ 487==ноябр. 1094 г.) прежде, чѣмъ планъ этотъ успѣлъ созрѣть, и тогда эмирамъ больше ничего не оставалось, какъ безъ заднихъ мыслей перейти на сторону единственнаго находившагося подъ рукой царевича. Правда, опасная болѣзнь не пощадила и Баркіярока, и уже разнеслась вѣсть, что Тутушъ приближается къ столицѣ, покинувъ осажденный имъ Хамаданъ; но тутъ дѣла повернулись еще рѣзче. Хамаданскій эмиръ только притворно сдался Тутушу на капитуляцію, и, какъ только Тутушъ выступилъ изъ города, эмиръ бѣжалъ въ Испаханъ къ Баркіяроку; между тѣмъ Тутушъ рѣшилъ, что въ концѣ концовъ слѣдуетъ попытаться вступить въ переговоры, удалился въ Рей и написалъ эмирамъ своего племянника, стараясь различными обѣщаніями привлечь ихъ на свою сторону. Пока исходъ болѣзни Баркіярока былъ сомнителенъ, эмиры тянули это дѣло; но Баркіярокъ выздоровѣлъ, и такъ какъ ничтожная его личность была, разумѣется, гораздо пріятнѣе для вліятельныхъ сановниковъ, чѣмъ энергичный образъ дѣйствій Тутуша, то они открыто порвали отношенія съ послѣднимъ и съ находившимися въ ихъ распоряженіи войсками двинулись къ Хамадану. Силы ихъ, вначалѣ незначительныя, быстро увеличивались во время пути, вѣроятно, потому, что эмиры въ персидскихъ городахъ мало-по-малу сознали, что съ Тутушемъ ужиться будетъ трудно. Тутушъ унаслѣдовалъ отъ своихъ предковъ способность дѣйствовать быстро и на проломъ, но не наслѣдовалъ умѣнья повелѣвать; онъ зналъ только одно средство обуздывать подданныхъ, а именно жестокость. Онъ казнилъ также, какъ и Акъ-Сонкора, цѣлый рядъ эмировъ, казавшихся ему слишкомъ самоувѣренными или могущественными; но онъ не умѣлъ въ то же время привязать къ себѣ надлежащими средствами другихъ. Поэтому войска, собравшіяся вокругъ него во время его смѣлаго перехода изъ Халеба въ Хамаданъ, большею частью разбѣжались, и когда 17-го Сафара 488 г. (26 февраля 1095 г.) оба войска встрѣтились близъ Рея, подъ началомъ Тутуша было лишь 15.000 человекъ, тогда какъ Баркіярокъ былъ окруженъ 30.000 войскомъ. Тѣмъ не менѣе Тутушъ, котораго не могли испугать никакія цифры, приказалъ начать бой; но тогда и войны, до тѣхъ поръ сохранявшіе ему вѣрность, перешли большею частью на сторону непріятели, и съ немногими преданными ему людьми сынъ Альпъ Арслана погибъ въ отчаянной битвѣ, какъ говорятъ отъ руки эмира, всѣхъ сыновей котораго онъ нѣкогда приказалъ умертвить на глазахъ отца *).

«Когда Аллахъ чего-нибудь желаетъ», замѣчаетъ лѣтописецъ въ

*) Въ этомъ пунктѣ не всѣ источники согласны; убіеніе Тутуша приписываютъ еще нѣкоторымъ другимъ, напримѣръ, одному офицеру Акъ-Сонкора, также казненнаго по приказу Тутуша

этомъ мѣстѣ, «то онъ находитъ и средство это выполнить. Вчера Баркіярокъ спасается бѣгствомъ отъ дяди своего Тугуша, является въ Испаханъ съ небольшою свитой, приче́мъ никто его не преслѣдуетъ; еслибы за нимъ погналось хоть двадцать всадниковъ, то они поймали бы его, такъ какъ ему пришлось прождать нѣсколько дней передъ воротами Испахана. Потомъ, когда онъ вступилъ въ городъ, эмиры хотѣли отвести ему глаза; но случилось такъ, что братъ его на второй день послѣ его прибытія захворалъ оспой и затѣмъ умеръ. Такимъ образомъ Баркіярокъ, вмѣсто Махмуда, сдѣлался царемъ; потомъ онъ самъ схватилъ оспу и еще воспаленіе мозга, но, хотя съ того дня, какъ онъ былъ разбитъ войсками своего дяди до его выздоровленія и выстуленія изъ Испахана прошло четыре мѣсяца, дядя его не двигался съ мѣста и ничего не предпринималъ; между тѣмъ, еслибы онъ напалъ на Баркіярока во время его болѣзни или болѣзни его брата, то захватилъ бы власть въ свои руки. Богъ,—говоритъ поэтъ,—тайнственно возвысилъ тебя, и рѣчи враговъ оказались только болтовнею!» Все это весьма вѣрно и прекрасно, но Богъ, даже совершая чудеса, не измѣняетъ природы вещей и не даетъ свободнаго хода человѣческой глупости. Только дѣйствительно великій человѣкъ умѣетъ обращать такія стеченія обстоятельствъ во благо себѣ и другимъ, и хотя у Баркіярока не было недостатка въ добрыхъ намѣреніяхъ и въ личномъ мужествѣ, однако онъ не сдѣлался истинно великимъ человѣкомъ, даже приблизившись мало-по-малу къ двадцатилѣтнему возрасту. Правда, онъ оцѣнилъ значеніе послѣднихъ событій для возстановленія порядка, когда былъ раненъ кинжаломъ одного ассассина; при этомъ ему опять посчастливилось остаться въ живыхъ; повезло ему еще и въ томъ отношеніи, что послѣдній изъ братьевъ его отца, Арсланъ-Аргунъ, во время возстанія, вначалѣ для него благопріятнаго, былъ убитъ въ Хорасанѣ рабомъ, съ которымъ плохо обращался (490—1097 г.); но бѣдный юноша рѣшительно не умѣлъ справиться со своими окружающими, а такъ какъ между ними происходили постоянныя ссоры, то нетрудно было предвидѣть, чѣмъ все это кончится. Въ данный моментъ, какъ раньше и позже при всѣхъ слабыхъ восточныхъ государяхъ, постоянныя несогласія между гражданскимъ и военнымъ сословіемъ возбуждались денежнымъ вопросомъ. «Визирь»,—такъ гласитъ лѣтопись—«дурно обращался съ войсками и уменьшилъ имъ жалованье; онъ не постыдился даже коснуться доходовъ эмировъ» Въ глазахъ эмировъ послѣднее было непростительнымъ преступленіемъ; поэтому, когда въ 492 (1099 г.) младшій братъ Баркіярока, Мухаммедъ, возсталъ въ своемъ намѣстничествѣ Азербейджанѣ, то эмиры не только покинули своего повелителя, но даже убили визиря, разрѣшили солдатамъ ограбить палатки султана, его матери и дру-

гихъ приближенныхъ къ нему лицъ, и потомъ какъ ни въ чемъ не бывало перешли на сторону Мухаммеда. Пока Мухаммедъ осаждалъ Рей и тамъ приказалъ задушить мать своего брата, разлученную съ сыномъ, Баркіярокъ долженъ былъ бѣжать въ Хузистанъ, гдѣ очутился въ самомъ плачевномъ положеніи, между тѣмъ какъ багдадскій халифъ, получивъ извѣстіе о легкой побѣдѣ Мухаммеда, разумѣется, тотчасъ же приказалъ молиться за послѣдняго.

Печальная исторія Баркіярока даетъ намъ живое представленіе о полномъ разъединеніи сельджукскаго царства, начиная съ того момента, когда оно перестаетъ чувствовать надъ собою руку сильнаго властителя; поэтому я считалъ нужнымъ изложить довольно подробно событія изъ первоначальной жизни этого много пострадавшаго государя. Разумѣется, мы не станемъ вдаваться въ детали этихъ скорѣе грустныхъ, чѣмъ смѣшныхъ, дракъ, слишкомъ часто повторявшихся въ теченіе слѣдующаго столѣтія между султанами и эмирами; битвы эти не имѣютъ сами по себѣ историческаго значенія, и потому мы удовольствуемся обзорнымъ самымъ выдающихся явленій, и главнымъ образомъ укажемъ на попытки отдѣльныхъ сильныхъ личностей задержать разложеніе государства. Къ числу такихъ личностей прежде всего относятся обамладшіе сына Меликшаха, Мухаммедъ и Синджаръ. Послѣдній былъ дѣльнымъ государемъ, и, можетъ быть, ему удалось-бы еще разъ установить въ сельджукскомъ царствѣ сносный порядокъ, если-бы послѣдніе годы его жизни не были полны неудачъ; первый-же уже въ ранней юности заявилъ себя челоѣкомъ настолько-же лукавымъ, насколько безтактнымъ. Когда Мухаммеду было 14 лѣтъ, Баркіярокъ послалъ его намѣстникомъ въ Генджу—столицу провинціи Арранъ *), присоединенной къ государству Меликшахомъ во время войнъ въ Арменіи,—конечно, вмѣстѣ съ атабегомъ, отъ котораго впрочемъ рано созрѣвшій царевичъ вскорѣ отдѣлался. Мы уже знаемъ, что онъ приказалъ умертвить мать своего брата; а начиная съ 18-ти лѣтняго возраста, онъ боролся почти непрерывно съ самимъ Баркіярокомъ и успокоился лишь тогда, когда свелъ этого послѣдняго въ могилу. Въ этомъ дѣлѣ помогали ему Синджаръ, которому было въ то время 13 лѣтъ, или, вѣрнѣе, его атабегъ: Баркіярокъ назначилъ ихъ правителями Хорасана, и въ данномъ случаѣ они также обманули его довѣріе. Какъ разъ въ то время, когда крестоносцы готовились штурмовать Іерусалимъ, Мухаммедъ поднялъ знамя возстанія, а когда въ слѣдующемъ году (493=1100 г.) Баркіярокъ благополучно добрался до Хорасана и здѣсь началъ набирать новыя войска, то на

*) Это страна между Араксомъ и Курой къ сѣверу отъ Азербейджана; Генджа—родина Мирзы Шафія Боденштедта; нынѣ русскій городъ Елизаветполь.

него напал Синдjarь и опять выгналъ его. Такимъ образомъ война то и дѣло разгоралась; эмиры оказались благоразумнѣе своихъ повелителей и заставили братьевъ заключить миръ (495—конецъ 1101 г.); но вскорѣ послѣ этого Мухаммедъ приказалъ умертвить виновниковъ мира и нарушилъ договоръ, который въ концѣ концовъ, послѣ основательнаго пораженія младшаго брата, былъ возобновленъ въ томъ смыслѣ, что произошло формальное раздѣленіе государства (497—начало 1104). Мухаммедъ, какъ верховный султанъ, получилъ кромѣ своего Азербейджана и сѣверной Арменіи еще Месопотамію съ Мосуломъ и западнымъ Иракомъ и Сирію *), а также верховенство надъ Синдjarомъ, которому отданъ былъ весь Хорасанъ; такимъ образомъ Баркіярокъ удержалъ за собою лишь страну отъ Багдада и Басры до границы Джурджана, и притомъ также съ полными правами верховной власти. Если вспомнить, что въ послѣднемъ сраженіи на его долю выпала побѣда, то становится непонятнымъ, какъ могъ онъ согласиться на подобныя условія; но онъ былъ настолько-же добродушенъ и слабъ, насколько Мухаммедъ—жаденъ и энергиченъ. Ему впрочемъ не суждено было долго влачить свою неудачную жизнь: не прошло и девяти мѣсяцевъ, какъ онъ 2-го Раби II 498 (22 декабря 1104 г.) умеръ отъ чахотки, доживъ только до 25-ти, самое большее до 27-ми лѣтъ.

Баркіярокъ назначилъ своимъ наслѣдникомъ своего четырехлѣтняго сына Меликшаха II, и едва атабегъ его, Аязъ, успѣлъ хлопотать для него въ Багдадѣ благословеніе халифа, какъ туда-же явился Мухаммедъ съ цѣлю оспаривать это благословеніе. Войска оказались ненадежными, и Аязу пришлось уступить; въ благодарность за это Мухаммедъ велѣлъ коварно умертвить его. Намъ неизвѣстно, что случилось съ маленькимъ Меликшахомъ; какъ бы то ни было, Мухаммедъ былъ тотчасъ-же единодушно признанъ султаномъ, такъ какъ ни одинъ членъ верховной семьи не былъ въ состояніи оспаривать его притязаній. Такъ какъ Синдjarь, обладавшій Хорасаномъ, несколько не стѣснялъ его и съ своей стороны сохранилъ прежнее отношеніе, то царствованіе новаго султана (498—511 г.—1105—1118 г.) было для Персіи и для Востока, по крайней мѣрѣ сравнительно, спокойнымъ и благодѣтельнымъ—блестящее подтвержденіе того положенія, что очень дурные люди иногда могутъ быть весьма дѣльными государями. Эмиры весьма страшились его извѣстнаго коварства и, въ предѣлахъ его власти, не смѣли пошевеливаться; поэтому Мухаммедъ могъ помышлять о распространеніи своего вліянія на такія владѣнія, гдѣ при слабомъ Баркіярокѣ оно почти исчезло,—на Мосулъ и Иракъ. Послѣ смерти Меликшаха, за обладаніе Мосуломъ спорили преемники

*) Разумѣется, сирійскіе эмиры не придавали важности этому назначенію.

Укейлидовъ потомъ городомъ овладѣлъ (489—1096 г.) Кербога, который послѣ смерти Тутуша снова сдѣлался свободнымъ и сильнымъ; онъ управлялъ Мосуломъ до своей смерти (495—1102 г.). Затѣмъ этотъ важный пунктъ снова сдѣлался яблокомъ раздора между различными эмирами, пока въ 500 (1106) г. султанъ Мухаммедъ не отправилъ туда намѣстника, по имени Джавалія, который нанесъ пораженіе при рѣкѣ Хабурѣ (20-го Зу'ль-Кады 500 г.— 13 іюля 1107 г.) храброму сельджуку изъ Рума, Килиджъ Арслану, вторгшемуся изъ своего Иконіума, и вскорѣ затѣмъ занялъ Мосуль. Когда Килиджъ Арсланъ увидѣлъ, что сраженіе проиграно, не смотря на всѣ его геройскіе подвиги во время боя, то, не желая достаться живымъ въ руки жестокаго Мухаммеда, онъ бросился вмѣстѣ со своимъ конемъ въ рѣку; отъ тяжелаго вооруженія онъ пошелъ ко дну, а послѣ него никто уже не посмѣлъ оспаривать провинцію у султана. Когда же въ 502 (1108 г.) эмиръ Маудудъ Ибнъ Алтунтегинъ по приказанію султана явился замѣнить Джавалія, то послѣдній не могъ удержаться въ Мосуль и отправился въ Харранъ, откуда онъ впослѣдствіи принялъ участіе въ борьбѣ съ крестоносцами. Овладѣвъ вновь Мосуломъ, столь близкомъ къ Эдессѣ, находившейся въ рукахъ христіанъ, султанъ Мухаммедъ самъ приблизился къ христіанамъ. Извѣстно уже *), какъ упорно боролся Маудудъ съ франками; если бы сирійскіе и месопотамскіе эмиры хоть на время могли бы отрѣшиться отъ своихъ своекорыстныхъ стремленій и вѣчныхъ ссоръ, то этому энергичному человѣку теперь уже удалось бы сломить могущество христіанскихъ владѣтелей. Несмотря на всѣ препятствія, на каждомъ шагу затруднявшія ему дѣло, онъ достигъ того, что воля его была закономъ въ Дамаскѣ, который онъ избралъ средоточіемъ своихъ военныхъ дѣйствій; отсюда, благодаря цѣлому ряду успѣховъ, онъ сумѣлъ сдѣлать свое имя страшнымъ для рыцарей крестоносцевъ, но усиленіе такого дѣльнаго человѣка не понравилось ассасинамъ, и въ 507 (1113 г.) онъ погибъ отъ кинжала. Преемникъ его въ намѣстничествѣ въ Мосуль не былъ въ состояніи подавить вновь поднявшіеся возстанія эмировъ въ Месопотаміи, ему пришлось постоянно бороться съ ними, и даже удаленіе намѣстника Хамадана въ Сирію (508—1115 г.) не имѣло результата. Такимъ образомъ о восстановленіи вліянія правительства въ западныхъ провинціяхъ нечего было и думать, хотя Мосуль, при смѣнявшихся въ немъ намѣстникахъ, все еще подчинялся повелѣніямъ султана.

И въ другомъ мѣстѣ султанъ пытался утвердить свой авторитетъ.

---

*) Куглеръ, Исторія Крестовыхъ походовъ.

Въ борьбѣ между нимъ и Баркіярокомъ нерѣдко принимали участіе жившіе въ западномъ Иракѣ арабы Бену Мазьяды, которые удачно другихъ арабскихъ царьковъ сумѣли уцѣлѣть между могучими лапами Альпы Арслана и Меликшаха. Ихъ бедуинское государство занимало страну по обѣ стороны Евфрата, по сосѣдству съ развалинами Вавилона; существующая до сихъ поръ близъ древняго Вавилона Хилла была главнымъ пунктомъ этой своеобразной общины, заставившей въ послѣдній разъ чисто арабскій княжескій родъ вмѣшаться въ судьбы исламскаго міра. Тогдашній глава этого маленькаго царства, Садака, несмотря на болѣе утонченные нравы того времени, былъ еще настоящимъ бедуиномъ, храбрымъ, отважнымъ и хитрымъ; вначалѣ онъ помогаль Баркіяроку, но въ надлежащій моментъ перешелъ на сторону Мухаммеда (494—1101 г.) и сумѣлъ въ послѣдующія времена подъ видомъ неусыпной преданности Мухаммеду распространить свою власть почти на весь Иракъ. Но тогда (501—1107 г.) онъ сталъ казаться Мухаммеду слишкомъ могущественнымъ, а его манера держать себя слишкомъ самостоятельной для вассала; наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ дѣло дошло до открытаго разрыва Садаки съ Мухаммедомъ, и честолюбивый арабъ, встрѣтившись близъ Багдада съ выступившимъ противъ него изъ Персіи войскомъ подъ начальствомъ самого султана, потерпѣлъ пораженіе и былъ убитъ (501—1108 г.). Мухаммедъ былъ во всякомъ случаѣ если не благородною, то сильною личностью: онъ не отступилъ даже передъ самымъ опаснымъ предпріятіемъ, на какое только могъ рѣшиться государь того времени—передъ возобновеніемъ борьбы съ неприятнымъ могуществомъ «старца горы» Хасана, главы ассасиновъ. Мы знаемъ, что шайки убійць дѣйствовали даже въ столицѣ; о распространеніи зла можно судить по тому, что ассасины завладѣли даже крѣпостью Шахъ-дизъ («Царскою крѣпостью»), которую построилъ на горѣ, близъ столицы, самъ Меликшахъ для того, чтобы держать въ своихъ рукахъ Испаханъ; изъ этой-то крѣпости смертельные враги его преемниковъ повсюду разносили страхъ и опасеніе за свою жизнь. Въ 500 (1106/7 г.) по приказанію султана войска его сдѣлали серьезное нападеніе на обладателей замка; хотя при этомъ пускались въ ходъ всевозможныя хитрости, чтобы утомить и обмануть осаждающихъ, но къ концу года (500—1107 г.) удалось уничтожить это горное гнѣздо и еще нѣсколько другихъ, въ которыхъ по сосѣдству, до самаго Хузистана, скрывались батиниты. За это султану было заплачено умерщвленіемъ цѣлаго ряда его эмировъ, между прочимъ Маудуда, но это нисколько не устало Мухаммеда: «онъ созналъ», говоритъ арабскій историкъ, «что благополучіе государства и подданныхъ требуетъ полнаго истребленія ассасиновъ, опустошенія ихъ владѣній и покоренія ихъ крѣпостей и замковъ». Съ 505 (1111—2 г.),

по крайней мѣрѣ въ Персіи, удалось настолько отгнать ассасиновъ, что одно изъ главныхъ лицъ, на которыхъ была возложена эта истребительная война,—Ширгиръ, атабегъ сына Мухаммеда, Тогриля, въ г. Савѣ, въ Мидіи, успѣлъ окружить непроницаемою стѣною войско само неприступное Орлиное гнѣздо Аламуть и чуть было не принудилъ его голодомъ къ сдачѣ. Къ концу 511 (нач. 1118 г.) нужда въ горномъ замкѣ возросла до крайней степени. Давно уже каждому человѣку выдавали въ день по кусочку хлѣба и по три орѣха; капитуляція при условіи свободнаго отступленія, предложить которую принужденъ былъ непреклонный, древній годами Хасанъ, была отвергнута, и можно было ожидать, что черезъ нѣсколько дней осажденные сдадутся на произволъ осаждающихъ или неизбѣжно погибнутъ голодною смертію; но тутъ получено было извѣстіе, что 24 Зуль-Хиджжы 511 (18 апрѣля 1118 г.) султанъ Мухаммедъ послѣ продолжительной болѣзни скончался въ своемъ дворцѣ въ Испаханѣ. Мухаммеду было лишь 37 лѣтъ, старшему сыну его было 14, двумъ другимъ около 9 лѣтъ и слѣдовательно, предстояли неспокойныя времена; поэтому никакія увѣщанія Ширгира не могли принудить войско къ выжиданію; солдаты разбѣжались, и Аламуть былъ спасенъ. Повелители его могли снова безпренятственно воссѣдать на своихъ утесахъ и держать въ рукахъ ужасный бичъ, разрывавшій несчастную Персію. Неудивительно, что скоро начали высказывать подозрѣніе—мы не можемъ судить, насколько оно было вѣрно—что Мухаммедъ былъ отравленъ по проискамъ ассасиновъ. Какъ бы то ни было, подъему власти сельджуковъ наступилъ конецъ; почувствовалось опять не только зло измаилитской секты, но вырвались на свободу и другіе элементы безпорядка и возстанія.

То, чего достигъ султанъ Мухаммедъ, хотя и не безъ коварной жестокости, было обречено на неминуемую гибель, такъ-же, какъ 26-ю годами раньше суждено было погибнуть полновластію умиравшаго Меликшаха. Скончавшись во двѣдцати лѣтъ, Мухаммедъ оставилъ также трехъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей; и еще долѣе, чѣмъ послѣ Меликшаха, суждено было продолжаться раздорамъ и войнамъ, которые поддерживались эмирами отъ имени тѣхъ или другихъ членовъ сельджукской династіи. И когда черезъ тридцать пять тревожныхъ лѣтъ, въ 547 (1152 г.) умеръ послѣдній изъ трехъ сыновей Мухаммеда, то авторитетъ династіи погибъ навсегда, и послѣдующіе представители ея едва-ли могли-бы играть опять первенствующую роль, если бы унаслѣдовали даже кулакъ Альпъ Арслана или лукавство Мухаммеда. Если же, несмотря на это, между Оксусомъ и Евфратомъ не вездѣ возникла та же смута и распушенность, какія были при Баркярокѣ, то причина этого находится внѣ сельджукской династіи. Въ числѣ снова начавшихъ играть свою двусмысленную роль «опеку-

новъ» или атабеговъ султанскихъ дѣтей, находилось нѣсколько выдающихся личностей, которымъ удалось сдѣлать наслѣдственнымъ въ своихъ семьяхъ положеніе майордома; такимъ образомъ на развалинахъ погибающей династіи возникаютъ новые роды, которые обеспечиваютъ сносное существованіе, по крайней мѣрѣ, нѣкоторымъ провинціямъ, пока и эти отдѣльныя маленькія государства не поддаются власти болѣе сильной. Процессъ разложенія государства, принимающій такую форму, могъ повидимому остановиться въ моментъ смерти Мухаммеда одинъ человекъ, именно Синджаръ, единственный, оставшійся въ живыхъ, сынъ Меликшаха, съ 490 (1097 г.) управлявшій Хорасаномъ съ принадлежавшими къ нему провинціями. Выросши, Синджаръ освободился отъ руководства своего атабега и сдѣлался предусмотрительнымъ и энергичнымъ правителемъ; можно было ожидать, что онъ попытается твердою рукою установить единство государства. Въ самомъ дѣлѣ, онъ не разъ вмѣшивался въ дѣла западныхъ провинцій; еще въ 513 (1119 г.), когда старшій изъ сыновей Мухаммеда, Махмудъ, повидимому успѣлъ на мгновеніе достигнуть осуществленія своего притязанія, или вѣрнѣе притязанія своего атабега, на султанство и верховную власть надъ всѣми странами, подвластными Сельджукамъ,—то въ Мидію явился съ большимъ войскомъ Синджаръ, разбилъ Махмуда при Савѣ и согласился заключить съ нимъ миръ лишь на томъ условіи, чтобы имя его на молитвахъ поминалось всегда раньше имени племянника; насколько намъ извѣстно, это постановленіе исполнялось въ существенныхъ чертахъ и впоследствии, какъ въ Багдадѣ, такъ и въ Испаханѣ. Судя по этому, Синджаръ долженъ былъ считаться пожизненно настоящимъ султаномъ, и царствованіе его должно было бы считаться отъ 513—552 (1119—1157 г.). Но то признаніе его авторитета, на какое онъ претендовалъ и которое онъ еще два раза отвоевалъ военною силой у Махмуда, а затѣмъ у его брата Мас'уда (522—1128 г. и 526—1132 г.), по мнѣнію Синджара, ни въ какомъ случаѣ не обязывало его заботиться о спокойствіи и порядкѣ въ подвластныхъ ему странахъ. Въ царствованіе брата своего Мухаммеда, какъ мы это яснѣе увидимъ впоследствии, онъ не только прочно утвердилъ свою власть въ Хорасанѣ и прилегающихъ мѣстностяхъ, но заставилъ заокскихъ и газневидскихъ сосѣдей съ новою силою признать авторитетъ сельджукскаго дома. Это должно было способствовать тому, что на дѣлѣ восточныя провинціи еще болѣе отдѣлились отъ интересовъ государства, во многихъ отношеніяхъ связанныхъ съ западомъ, и такимъ образомъ это вызвало распаденіе государства на двѣ половины, изъ которыхъ восточная черезъ свою столицу Нишапуръ вела сношенія болѣе живыя съ Хорезмомъ, Самаркандомъ и Газною, чѣмъ

съ Испаханомъ или даже Багдадомъ, между тѣмъ какъ западная половина пошла по намѣченному уже пути распаденія на болѣе мелкія государства, интересы которыхъ были связаны частью съ Персіей, частью съ Сиріей. Изъ исторіи главной линіи,—кромѣ уже раньше оставленныхъ въ сторонѣ судебъ Малой Азіи и Сиріи въ тѣсномъ смыслѣ,—мы временно не будемъ касаться восточнаго государства Синджара и одного царства атабеговъ, вскорѣ образовавшагося въ Мосулѣ, и прежде всего послѣдовательно изложимъ событія въ Персіи и Иракѣ.

Это можно сдѣлать довольно кратко, такъ какъ намъ придется говорить здѣсь только о безпрестанныхъ войнахъ изъ за довольно быстро терявшей свое значеніе чести обладать верховною властью въ центральныхъ провинціяхъ, особенно въ обоихъ Иракахъ*). Если же, несмотря на это, возможно найти нѣкоторый интересъ въ этомъ періодѣ (511—590 г.=1118—1194 г.), то этимъ онъ обязанъ не позднѣйшимъ Сельджукамъ, а почти исключительно цѣлому ряду лицъ, которыя, будучи частью невысокаго происхожденія, далеко превосходятъ своими личными качествами членовъ династіи и вызываютъ нашъ интересъ къ своей счастливой или несчастной судьбѣ. Изъ нихъ прежде всего назовемъ, кромѣ послѣдняго изъ иракскихъ Сельджуковъ, Тогриля III, обоихъ турокъ Ильдегиза и Зенги, и также сына Садаки Дубейса, — послѣдняго араба, какъ можно было бы назвать его. Онъ проявилъ тѣ-же качества среди испытаній переменчивыхъ судебъ, какія возвели его отца на вершину счастья передъ его внезапнымъ концомъ. Возстановленіе власти, начало которой положилъ въ Иракѣ его отецъ, и въ то-же время уничтоженіе ненавистнаго могущества Сельджуковъ, которое само разрушило свое дѣло въ моментъ успѣха,—вотъ къ чему въ теченіе семнадцати лѣтъ неустанно стремился Дубейсъ во всѣхъ странахъ исламскаго Востока, и только насильственная смерть остановила его въ преслѣдованіи этой цѣли. Если ему не удалось образовать новаго арабскаго государства, то тѣмъ лучше удавалось ему поддерживать раздоры между сыновьями и родственниками султана Мухаммеда, лишившаго отца его власти и жизни, и постоянно вновь возбуждать въ сущности совершенно безцѣльный споръ о правахъ общаго владѣтеля арабскаго и персидскаго Ирака. Настоящимъ образомъ не пользовался этою властью ни одинъ изъ трехъ братьевъ, претендовавшихъ на нее; ибо, хотя каждый изъ нихъ—Махмудъ отъ 511 до 525 (1118—1131 г.), Тогриль II отъ 525 до 529 (1131—1134 г.), Масудъ отъ 529 до 547 (1134—1152 г.)—номинально управлялъ обоими Ира-

*) О понятіи арабскаго и персидскаго Ирака см. I, 252, прим. 2,

ками подъ верховною властью своего дяди, Синджара, но никто изъ нихъ не былъ въ состояніи долгое время сопротивляться мятежникамъ, то и дѣло оспаривавшимъ авторитетъ тогдашняго султана. Но пока онъ былъ живъ, Дубейсъ не уставалъ раздражать противъ Махмуда то атабега, жившаго въ Мосулѣ Мас'уда (514=1120 г.), то опекуна Тогриля*) въ Савѣ (518=1124—25 г.), то самого великаго султана Синджара въ Хорасанѣ (522=1128 г.), то помогать оружіемъ крестоносцамъ въ Сиріи противъ турецкихъ эмировъ (517=1123 г.). Къ этому присоединялись поштыки основаться твердою стопою въ самой Хиллѣ, или завоевать въ Сиріи маленькое княжество; и когда при этомъ послѣднемъ предпріятіи храбрый искатель приключеній попалъ въ плѣнъ (525=1131 г.), то это послужило для него только началомъ новой дѣятельности въ старомъ направленіи: выкупленный Зенгіемъ, турецкимъ намѣстникомъ въ Мосулѣ, онъ медленно, но упорно, прилагая къ тому весь свой умъ и все свое вліяніе на иракскихъ бедуиновъ, старался ослабить могущество сельджукскихъ государей и подготавливалъ основаніе независимаго государства въ Месопотаміи. Далекое было распространено по всѣмъ исламскимъ землямъ имя человека, который, какъ послѣдній исторически замѣчательный арабскій государь на Востокѣ, жизнью и концомъ своимъ удивительно напоминаетъ жившаго на 600 лѣтъ раньше, перваго изъ своего рода, Имрууль Кайса, «бродячаго царя» (I, 21); онъ, правда, не живетъ до сихъ поръ въ пѣсняхъ народа, говорящаго по-арабски, но имя его съ похвалою упоминается въ произведеніи послѣдняго великаго арабскаго поэта Харирія**).—Но едва-ли нуженъ былъ такой нарушитель спокойствія для того, чтобы возстановлять другъ противъ друга сельджукскихъ государей или, вѣрнѣе, ихъ атабеговъ; въ сущности вѣдь дѣло шло не о томъ, кто будетъ играть роль султана, а о весьма существенныхъ вопросахъ распредѣленія власти между различными эмирами, впоследствии между эмирами и остатками почти преданной забвенію силы, которая возвышалась въ настоящемъ, какъ тѣнь прошлаго величія—именно Багдадскаго халифата. Мы упоминали (II, 348), что послѣ устраненія Буидовъ, первые Сельджуки, если не оставили «владѣтелямъ правовѣрныхъ» никакихъ владѣній, то дали имъ извѣстныя средства къ жизни. Если за это халифы даровали свою духовную инвеституру мірской власти султановъ, то это, какъ мы уже выяснили, не давало халифамъ самостоятельнаго значенія, но тѣмъ не менѣе изъ

*) Мѣсто Ширгира занялъ между тѣмъ другой турокъ.

**) S. Rückert, die Verwandlungen des Abu Seid von Serug, oder die Makamen des Hariri (первое изданіе 1826 г., Gesammtsausgabe von Rückerts Poetischen Werken; Frankfurt a. M. 1869, Bd. XI, S. 465). Мак. 32.

вниманія къ халифу, котораго требовала живущая предрасудками публика, необходима была извѣстная пышность для поддержанія и приличной обстановки духовнаго сана. Поэтому халифъ, который въ теоріи былъ высшимъ повелителемъ всѣхъ исламскихъ земель, пользовался въ Багдадѣ всѣми почестями царствующаго монарха; о томъ, чтобы онъ не дѣлалъ ничего непріятнаго мірской власти, заботился министръ-резидентъ султана, который зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобы уполномоченный халифа, все еще носившій титулъ визиря, не переступалъ положенныхъ границъ при управленіи имѣніями и канцеляріей, приготовлявшей различныя дипломы и грамоты, и не захватывалъ бы области государственнаго управленія. Дѣло не могло обойтись безъ довольно частыхъ столкновеній между визиремъ и резидентомъ, и мы при случаѣ указали, что отношеніе между султаномъ и халифомъ не всегда было такъ дружелюбно, какъ это считалось официально. Если въ лицѣ своихъ различныхъ придворныхъ сановниковъ и членовъ канцеляріи, офицеровъ тѣлохранителей, управлявшихъ его частными владѣніями и т. д., халифъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи главныя составныя части персонала, необходимаго для самостоятельнаго царствованія, то достаточно было бы ослабленія прямого вліянія Сельджуковъ на городъ и область Багдадъ, чтобы сдѣлать возможнымъ для намѣстника пророка возстановленіе новаго мірскаго господства. Это ослабленіе, подготовленное уже смутами при Баркіярокѣ, произошло тогда, когда вступили въ борьбу атабеги сыновей султана Мухаммеда; ослабленіе это на этотъ разъ имѣло важныя послѣдствія, благодаря сравнительно бѣльшей энергіи, выказанной Аббасидомъ Мустаршидомъ (II, 348), который съ 512 (1118 г.) занималъ халифскій престолъ, еще болѣе благодаря неутомимому нарушителю спокойствія Дубейсу, а болѣе всего благодаря выдающемуся челоуѣку, выступающему въ это время на первый планъ, именно атабегу Зенгию, опекуну живущаго въ Мосулѣ Мас'уда. Зенги, сынъ извѣстнаго намъ уважаемаго война Акъ Сонкора, родился около 480 (1087 г.); послѣ паденія и смерти своего отца (487=1094), повидимому, лишенный всѣхъ надеждъ, онъ рано выдвинулся замѣчательнымъ умѣньемъ владѣть оружіемъ уже подъ началомъ Джаваля, прежняго намѣстника Мосула, потомъ продолжалъ отличатся при Маудудѣ и его преемникахъ, пока въ 516 (1122 г.) не получилъ самостоятельнаго начальства въ Васитѣ (въ южн. Иракѣ). Между тѣмъ со времени смерти Мухаммеда (511=1118 г.), Дубейсъ, раздражая другъ противъ друга его сыновей, усердно старался также возстановить бедуинское царство съ столицей Хиллой, и достигъ по крайней мѣрѣ того, что большія толпы арабовъ бродили и грабили по всему Ира-

ку, угрожая самому Мустаршиду. Послѣдній, со времени своего вступленія на престолъ халифа, усердно старался добиться большей свободы дѣйствій, путемъ дипломатическихъ переговоровъ съ спорящими султанами*), Махмудомъ въ Испаханѣ и Мас'удомъ въ Мосулѣ; и когда (516=1123 г.), благодаря успѣхамъ Дубейса и движению его съ новою толпою въ направленіи къ Багдаду, правительство оказалось вынужденнымъ прикрыть городъ войскомъ, то халифъ воспользовался давно ожидаемымъ случаемъ лично принять участіе въ войнѣ вмѣстѣ со своими окружающими, нѣсколькими тѣлохранителями и другими людьми, преимущественно набранными изъ числа жителей Багдада. Правительственныя войска, среди которыхъ находилось отдѣленіе Васита подъ начальствомъ Зенги, были довольно слабы и ничего не имѣли противъ подобнаго подкрѣпленія; благодаря ловкому движению Зенги, соединенное войско одержало побѣду, Дубейсъ долженъ былъ бѣжать, и это не только обезпечило багдадскому халифу необходимую безопасность, но поставило его въ новое болѣе самостоятельное положеніе. И когда два года спустя, другой братъ Махмуда, Тогриль, напалъ вмѣстѣ съ Дубейсомъ на Багдадъ (518=1124—5), халифъ принималъ дѣятельное участіе въ отраженіи этого нападенія (519=1125 г.). По мѣрѣ того, какъ усиливалось значеніе халифа и вліяніе его на населеніе Багдада, занятаго теперь собственными войсками халифа, вліяніе сельджукскаго резидента должно было все уменьшаться; въ 520 (1126 г.) Мустаршидъ даже рѣшился пригрозить ему, и когда самъ Махмудъ выступилъ съ войскомъ, дѣло дошло до открытой борьбы не только въ городѣ, но войска халифа вторглись даже въ южный Иракъ съ цѣлью утвердить въ важномъ пунктѣ—Васитѣ—власть Аббассида. Впрочемъ они были съ кровопролитіемъ изгнаны Зенгіемъ, снова занявшимъ свой постъ, и даже въ Багдадѣ халифъ не могъ долго сопротивляться; въ 521 (1127 г.) онъ принужденъ былъ заключить миръ и принять къ себѣ въ качествѣ резидента Зенги, отъ котораго султанъ могъ ожидать энергичнаго охраненія своихъ правъ и противодѣйствія выказанному Мустаршидомъ стремленію къ независимости. Но Зенги не находилъ выгоды для себя въ такомъ непріятномъ положеніи; посредствомъ ловкой интриги онъ достигъ еще въ томъ-же году положенія атабега Мас'уда въ Мосулѣ, съ почетнымъ титуломъ Имадъ-адъ-дїна, а вмѣстѣ съ властью надъ этимъ важнымъ и укрѣпленнымъ городомъ пріобрѣлъ надолго давно желанную самостоятельность, —хотя и прикрываясь именемъ какого-нибудь ничтожнаго князька, —съ

*) Вѣрнѣе, ихъ атабегами, которые въ этихъ войнахъ, какъ извѣстно, играли главную роль.

намѣреніемъ употребить эту самостоятельность въ свою пользу. Этого онъ счумѣлъ достигнуть настолько, что, двадцать лѣтъ спустя, онъ умеръ повелителемъ значительнаго царства и, что еще важнѣе, первымъ лицомъ мухаммеданскаго Востока послѣ великаго султана Синджара; но успѣховъ, которые вознесли его на такую высоту, онъ достигъ, разумѣется, не на почвѣ Ирака. Хотя въ борьбѣ между сельджукскими соперниками изъ за достоинства султана, Зенги, не разъ переходилъ отъ одной стороны къ другой и благодаря союзу со своимъ прежнимъ противникомъ Дубейсомъ заручился дѣятельнымъ помощникомъ для своихъ предпріятій въ Иракѣ, но не безъ неудачъ и затрудненій добился онъ ослабленія власти султана настолько что самъ могъ быть вполне спокоенъ въ своемъ Мосулѣ и, обладая этимъ безопаснымъ пунктомъ, могъ энергичнѣе дѣйствовать на западѣ. Тамъ мы впослѣдствіи опять встрѣтимся съ нимъ; въ арабскомъ Иракѣ его замѣнилъ снова самъ халифъ, который воспользовался для окончательнаго возстановленія своей свѣтской власти споромъ за престолъ, возникшимъ послѣ смерти султана Махмуда (525=1131 г.) между братомъ его Мас'удомъ, сыномъ покойнаго Дауда, и другимъ дядей послѣдняго; послѣ нѣсколькихъ столкновеній, въ которыхъ Зенги также потерпѣлъ пораженіе, дѣло окончилось мирнымъ договоромъ, по которому побѣжденный и угрожаемый приближеніемъ Синджара Мас'удъ уступилъ Мустаршиду самостоятельную власть въ Багдадѣ и его окрестностяхъ (526=1132). Но тутъ Мустаршида покинуло счастье, до тѣхъ поръ непрерывно ему улыбавшееся. Усилившись во время войнъ Тогриля, поставленнаго Синджаромъ правителемъ Ирака, съ братомъ своимъ Мас'удомъ, Мустаршидъ послѣ смерти Тогриля, — когда Мас'удъ снова вступилъ въ борьбу за власть султана съ Даудомъ, — рѣшилъ выступить съ вооруженною силою противъ Мас'уда; но при Хамаданѣ Мустаршидъ былъ взятъ въ плѣнъ и вскорѣ послѣ этого былъ убитъ ассасинами въ лагерѣ Мас'уда (529=1135 г.). Вскорѣ затѣмъ жертвою подозрительности того же государя погибъ Дубейсъ, котораго его безпокойный нравъ и измѣнчивая судьба на этотъ разъ бросили въ эту сторону: покорность стариннаго врага сельджуковъ была подозрительна султану, и онъ произнесъ Дубейсу смертный приговоръ, какъ говорить, послѣ того какъ онъ былъ изобличенъ въ вѣроломныхъ козняхъ. Какъ Дубейсу и Мустаршиду, такъ и сыну и преемнику послѣдняго Рашиду, (II, 348), пришлось поплатиться за попытку воспользоваться для усиленія своей власти непрерывными войнами между государями и атабегами: въ 530 (1136 г.) Мас'удъ самъ явился въ Багдадъ, заставилъ халифа обратиться въ бѣгство — во время этого бѣгства халифъ погибъ отъ кинжала ассасина — и принудилъ всѣхъ

принести присягу одному изъ братьевъ Мустаршида, Муктафи (II, 349). Между тѣмъ и этотъ послѣдній продолжалъ политику своихъ предшественниковъ, и при томъ съ большимъ успѣхомъ; одинъ округъ Ирака за другимъ подпадалъ подъ его власть, въ 547(1152 г.) были уже осаждены Васитъ и Хилла, и хотя южные бедуины сохраняли извѣстную независимость и ихъ вторженія не разъ повергали въ нужду даже большіе города, но все таки верховная власть въ общемъ съ этого времени находилась въ рукахъ халифовъ.

Какъ-бы ни старался султанъ Мас'удъ (529—547 г.=1134—1152 г.) укрѣпить свою власть среди могущественныхъ эмировъ, но въ годы его несовершеннолѣтія произошло слишкомъ много такого, что навсегда поколебало власть Сельджуковъ. Войска были исключительно въ рукахъ крупныхъ вассаловъ, всѣ попытки визирей на ряду съ этими послѣдними доставить вліяніе правительству оканчивались неудачей, и каждый изъ атабеговъ, во власть котораго поочередно попадалъ верховный повелитель, пользовался лишь вѣнше выказываемымъ ему довѣріемъ для усиленія своей собственной власти. Царевичи, считавшіеся намѣстниками въ Ширазѣ, Генджѣ и другихъ главныхъ провинціальныхъ городахъ, были игрушками въ рукахъ своихъ «опекунновъ», и въ концѣ концовъ Мас'удъ имѣлъ такъ мало возможности сколько-нибудь руководствоваться своими соображеніями при выборѣ этихъ волковъ, поставленныхъ охранять овецъ, что къ концу его царствованія эти палатные мѣры успѣли сдѣлать свою должность наслѣдственной. Такимъ образомъ съ 543 (1148 г.) Фарсъ находился подъ властью особыхъ государей изъ дома Салгаридовъ, потомковъ пришедшаго въ Персію вмѣстѣ съ Сельджуками туркмена Салгара*), изъ которыхъ эмиръ Бузабей, будучи намѣстникомъ Хузистана, съ 532 (1138 г.) дѣлалъ постоянныя попытки завоевать Фарсъ и въ то же время обезпечить себѣ самостоятельность. При этомъ онъ погибъ въ 542 (1147—8) г., въ борьбѣ съ эмирами султана, но уже въ 543 (1148—9 г.) Сонкоръ, сынъ Маудуда, одного изъ братьевъ Бузабея, снова завладѣлъ Фарсомъ, который оставался сперва въ его рукахъ, затѣмъ въ рукахъ его брата Зенги**) и потомковъ послѣдняго до тѣхъ поръ, пока въ 662 (1264 г.) монголы не положили конецъ этой династіи. Достоинства Салгаридовъ, правда, восхваляются часто слишкомъ высокопарными персидскими историками, и продолжительность господства этой династіи заставляетъ насъ вѣрить имъ; во всякомъ случаѣ, на одного изъ послѣднихъ Салгаридовъ падаетъ лучъ того блеска, который и въ настоящее время окру-

*) Или Салгура; произношеніе этого имени твердо не установлено.

**) Котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ мосульскимъ атабегомъ, носившимъ то-же имя

жаетъ самое любимое въ Персіи поэтическое произведеніе. Это атабегъ Абу Бекръ (+658=1260 г.), которому Саади посвятилъ свой «Садъ Розъ» *).—Изъ Фарса Сонкоръ сдѣлалъ было попытку овладѣть Луристаномъ; но курдскій начальникъ конницы, Абу Тахиръ Мухаммедъ, изъ рода Фадлоевъ, который именемъ Сонкора завоевалъ страну, тотчасъ-же стряхнулъ съ себя зависимость, и такъ какъ до него трудно было добраться въ суровой горной странѣ, то онъ основалъ тамъ собственную династію, которая подъ названіемъ атабеговъ Луристана продержалась до восьмого (14-го) столѣтія, переживъ даже монгольскую бурю.—Хотя вообще государи обоихъ этихъ государствъ, можно сказать, разумно воздерживались, за исключеніемъ отдѣльныхъ случаевъ, отъ вмѣшательства во внутренніе раздоры разлагавшейся сельджукской династіи, но самая могущественная изъ персидскихъ семей атабеговъ, именно родъ Пехлевановъ изъ Адербейджана, осмѣлилась, рядомъ съ укрѣпленіемъ своей собственной власти, присвоить себѣ опекунство надъ самими султанами. Съ тѣхъ поръ, какъ Тогриль-бекъ, Альпъ Арсланъ и Кутудмишъ завоевали для ислама большую часть Арменіи и Малой Азіи, Адербейджанъ сдѣлался одною изъ важнѣйшихъ провинцій государства. Не угрожаемые больше византійскими сосѣдями, намѣстники Адербейджана могли удержать границы, раздвинутыя на сѣверъ до Куры, и даже лежавшій по ту сторону рѣки Ширванъ могъ причисляться теперь къ владѣніямъ Сельджуковъ. Какъ вездѣ, отдѣльные округа находились и здѣсь почти исключительно **) въ рукахъ турецкихъ эмировъ; изъ городовъ теперь снова выдвинулся главный пунктъ провинціи Арранъ, Генджа, который и прежде имѣлъ важное значеніе, какъ исходный пунктъ султана Мухаммеда. Отдѣленный отъ собственной Персіи и отъ Ирака высокими горами и быстрыми потоками, онъ представлялъ собою подходящее мѣсто для честолюбивыхъ полководцевъ, которые желали сохранить свою независимость отъ центрального правительства, и которые въ различныхъ войнахъ съ кавказскими народностями, особенно же съ подданными христіанскаго царя Грузіи, могли проявить военныя способности своихъ солдатъ. Здѣсь жилъ Даудъ, сынъ Махмуда, не разъ отравлявшій жизнь Мас'уду; здѣсь-же суждено было возвыситься тому роду, который долженъ былъ замѣнить собою ослабѣвшихъ Сельджуковъ. Невольникъ изъ турокъ, въ молодости куп-

*) Имѣется въ русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ: Гюлистанъ. Съ персидскаго подлинника перевелъ И. Холмогоровъ, Москва 1882.

**) Однако государи Ширвана—Ширванъ-шахи, какъ ихъ обыкновенно называютъ—были персидскаго происхожденія.

ленный дворомъ Мас'уда изъ Кипчака *),—по имени Ильдегизъ, привлечь къ себѣ вниманіе султана и скоро достигъ одного изъ самыхъ высокихъ положеній въ военной службѣ: вѣроятно, имѣя въ виду поручить вполне преданному человѣку надзоръ за не совсѣмъ безопасною личностію, Мас'удъ женилъ его на вдовѣ своего брата Тогриля II и передалъ ему такимъ образомъ опекунство надъ оставшимся послѣ Тогриля сыномъ Арсланомъ, а также управленіе Арраномъ и Генджей (между 535 и 540 г.=1140—1145 г.). Новый атабегъ, которому его царственная супруга родила двухъ сыновей, Мухаммеда и Кизиль Арслана **) оправдалъ оказанное ему довѣріе и помогъ подавить возстаніе Бузабея; но впоследствии онъ сталъ держать себя относительно Мас'уда и его слабыхъ преемниковъ такъ-же, какъ и другіе эмиры, стремясь, разумѣется безкорыстно, охранять права своего питомца. Высокопоставленные лица государства быстро смѣнили одного за другимъ трехъ султановъ: двухъ сыновей Махмуда, Меликшаха III (547—548=1152—1153 г.) и Мухаммеда II (548—554=1153 до дек. 1159 или янв. 1160 г.), а затѣмъ одного изъ братьевъ Мас'уда, Сулейманъ-шаха (554—554 г.=дек. 1159 или янв. 1160 до сент. 1160 г.). Мѣсто послѣдняго, согласно рѣшенію эмировъ, занялъ Арсланъ Ибнъ Тогриль (555—572 г.=1160—1177 г.), находившійся подъ руководствомъ своего атабега Ильдегиза. Тотъ, кто нѣкогда былъ придворнымъ невольникомъ, достигъ цѣли своего честолюбія; теперь ему пришло время показать, стоитъ-ли онъ на высотѣ геркулесовской задачи усмирить своихъ природныхъ соперниковъ, прочихъ вассаловъ султана. Съ большою энергіею взялся онъ сдѣлать все, что возможно, а послѣ его смерти въ 568 (1172/3) г., дѣло продолжалъ сынъ его Мухаммедъ, прозванный Аль Пехлеваномъ, т. е. «богатыремъ», и именемъ котораго называется родъ Пехлеванидовъ. Въ созданномъ имъ войскѣ насчитывалось 50,000 всадниковъ, и господство его простиралось отъ Кавказа до царства Газневидовъ, причѣмъ ни онъ самъ, ни другіе не думали о султанѣ Арсланѣ; но все-таки ему не удалось сдѣлаться господиномъ прочихъ эмировъ. Непокорные вассалы находили поддержку, то въ халифахъ,—въ безспорномъ распоряженіи которыхъ со времени смуты послѣ смерти Мас'уда находился арабскій Иракъ, и которые всегда пользовались благопріятнымъ случаемъ, чтобы распространить свою власть еще дальше,—то въ мосульскихъ Зенгидахъ или фарсскихъ Салгаридлахъ; къ тому-же не разъ приходилось вести кровопролитныя войны съ царями Грузіи. Но, какъ при

*) Т. е. страны къ сѣверу отъ Каспійскаго моря.

**) «Красный левъ».

Ильдегизъ, такъ и при сынѣ его Мухаммедѣ Пехлеванѣ (568 до конца 581 г. или начала 582 г. = 1172—3—1186), кромѣ коренныхъ владѣній палатныхъ мэровъ, Азербейджанъ и персидскій Иракъ съ Испаханомъ и Реемъ всегда были связаны другъ съ другомъ; только когда бразды правленія достались въ руки второго сына Ильдегиза, Кизиль Арслана, который при жизни брата былъ ему вѣрнымъ помощникомъ, то рухнулъ и остатокъ огромнаго сельджукскаго царства. Въ Тогрилѣ III, сынѣ Арслана и послѣднемъ изъ иракскихъ султановъ (573 *)—590 = 1177—1194 г.) жила часть энергіи его предковъ; хотя онъ и терпѣлъ опекунство Мухаммеда, который былъ повидимому весьма выдающеюся личностью, но скоро совершенно порвалъ связь съ Кизиль Арсланомъ, поведеніе котораго было ему крайне не по душѣ. Пока Арсланъ справлялъ свою свадьбу съ вдовою своего брата, султанъ тайно покинулъ Рей, гдѣ пребывали послѣдніе Сельджуки со своими атабегами, и когда Кизиль Арсланъ погнался за бѣглецомъ, то Тогрилъ, несмотря на незначительное число своихъ спутниковъ, нанесъ ему пораженіе при Дамеганѣ (583 = 1187 г.). Это было сигналомъ къ измѣненію всѣхъ обстоятельствъ въ Мидіи и Азербейджанѣ. Среди эмировъ султанъ нашелъ достаточно союзниковъ, и смута достигла своего апогея, когда по просьбѣ атабега въ споръ вмѣшался халифъ. Въ Багдадѣ въ то время царствовалъ могущественный и жадный до расширенія своихъ владѣній Насиръ (II, 349), который съ удовольствіемъ воспользовался случаемъ, чтобы нанести смертельный ударъ ненавистнымъ Сельджукамъ. Въ доказательство своего неизмѣннаго рѣшенія во что бы то ни стало погубить враждебную династію, онъ въ 583 (1187—8 г.) приказалъ разрушить дворецъ, которымъ въ Багдадѣ еще владѣли султаны, и вторгся со своимъ войскомъ въ Мидію. Хотя въ 584 (1188) г. онъ и былъ разбитъ Тогрилемъ при Хамаданѣ, но тутъ подоспѣли со свѣжими силами Кизиль Арсланъ и сынъ Пехлевана, Котлугъ Инанеджъ, и пока послѣдній занималъ Испаханъ, самъ атабегъ взялъ въ плѣнъ султана и приказалъ отвезти его въ азербейджанскую крѣпость. Теперь опять счастье улыбнулось атабегу; но честолюбіе его уже не знало предѣловъ. Нѣсколько лѣтъ спустя (581—1191 г.), согласившись съ Насиромъ, онъ самъ принялъ титулъ султана и сталъ требовать, чтобы ему оказывали царскія почести; но вскорѣ послѣ того, какъ онъ совершилъ роковой шагъ, онъ былъ найденъ однажды утромъ зарѣзаннымъ на своей постели: можетъ-быть вождь

*) Смерть его отца Арслана нѣкоторые относятъ къ 571, другіе къ концу 572 или къ началу 573 г. Послѣдняя дата кажется мнѣ болѣе вѣроятною; но всякомъ случаѣ вступленіе на престолъ Тогриля произошло, вѣроятно, въ началѣ 573 г.

ассасиновъ счелъ нужнымъ такимъ путемъ положить предѣлъ власти Пехлеванидовъ, а можетъ-быть, присвоеніе имъ султанскаго титула не понравилось эмирамъ. Вскорѣ послѣ этого (588—1192) освободился изъ заключенія Тогриль, снова завладѣлъ западною Мидіей, побѣдилъ Котлуга Инанеджа, выступившаго противъ него, и поселился въ Хамаданѣ. Послѣ временнаго и, разумѣется, неискренняго подчиненія Пехлеванидовъ, начались новыя столкновенія, и, наконецъ, Инанеджъ бѣжалъ къ Такашу, могущественному султану расширившагося въ послѣднія десятилѣтія царства Хорезма, возникновеніемъ котораго мы займемся впослѣдствіи. Уже въ 588 (1192) г. шахъ Хорезма воспользовался разложеніемъ сельджукскаго государства для того, чтобы завладѣть Реемъ; въ началѣ 590 (1394) г. Тогриль попытался снова отвоевать его. Но вмѣстѣ съ измѣнникомъ Инанеджемъ сюда подошелъ Такашъ и, храбро сражаясь, погибъ при Реѣ 24 Раби' I *) 590 (19 марта 1194 г.) послѣдній потомокъ Тогриль-бека, который не позорилъ имени своего могучаго предка. Вмѣстѣ съ нимъ угасло и царство Сельджуковъ въ Иракѣ.

Пехлеваниды Узбегъ и Абу Бекръ, братья Инанеджа, еще держались нѣкоторое время въ Адербейджанѣ и Арранѣ, и Узбегъ даже вторгнулся при случаѣ въ Мидію; но оба они были довольно ничтожны, и были такими-же игрушками въ рукахъ своихъ рабовъ, какъ Сельджуки въ рукахъ Ильдегиза. Къ тому-же земли на границѣ Кавказа опустошались грузинами, и смута росла, пока въ 622 (1225) г. не попытался прекратить ее знаменитый шахъ Хорезма, Джелаль адъ-динъ. Прежде однако чѣмъ мы станемъ говорить о томъ, что привело хорезмійскія войска съ далекаго востока къ границѣ Кавказа, намъ нужно еще разъ бросить взглядъ на то, что случилось съ атабегомъ Зенги, котораго мы долгое время упускали изъ виду.

*) Мѣсяцъ и день битвы не вполне достовѣрны.

ГЛАВА IV.

Нуреддинъ и Саладинъ. Западная Азія во время крестовыхъ походовъ.

Если человѣчество когда-либо позорилось въ борьбѣ за то, что принято считать его высочайшимъ и священнѣйшимъ достояніемъ, то безъ сомнѣнія это было въ крестовыхъ походахъ. Есть, правда, люди, придерживающіе рационалистическаго взгляда и считающіе, что эти замѣчательные походы были не чѣмъ инымъ, какъ выраженіемъ того факта, что именно въ это время постепенно возвышающемуся Западу становилось у себя дома слишкомъ тѣсно, что онъ, подобно необузданному юношѣ, въ періодъ просыпающагося стремленія къ дѣятельности, долженъ былъ выйти изъ своихъ предѣловъ и напалъ на войну съ невѣрными только потому, что въ тѣ времена всякое сколько-нибудь значительное движеніе само собою искало и обыкновенно находило религіозную окраску. Противъ этого можно возразить немного, если принять во вниманіе, насколько безразлично должно было-бы быть послѣдователямъ религіи, требующей поклоненія Богу въ духѣ и истинѣ, въ чьихъ рукахъ находится Іерусалимъ или самарянская гора. Если же допустить, что средневѣковой христіанскій міръ, предпринимая освобожденіе Святой земли изъ рукъ враговъ Господнихъ, дѣйствительно преслѣдовалъ идеальную цѣль, то, къ сожалѣнію, должно сказать, что ихъ усердіе въ дѣлѣ Божіемъ не помѣшало имъ подпадать искушенію каждый разъ, когда дьяволъ приходилъ и говорилъ: «Все это дамъ Тебѣ, если, падши, поклонишься мнѣ» *). И притомъ въ данномъ случаѣ дѣло никоимъ образомъ не касалось всѣхъ странъ и сокровищъ міра, а лишь жалкихъ участковъ земли, изъ любви къ которымъ властительные князья Раймундъ, Боэмундъ, Танкредъ, Балдуинъ и многіе другіе, не говоря уже объ императорѣ Алексѣѣ, считали позволительнымъ не только воевать другъ съ другомъ, но при случаѣ и на сторонѣ невѣрныхъ противъ своихъ

---

*) Матѣ. IV, 9.

единоверцевъ. Правда, какъ намъ извѣстно, мухаммедане съ своей стороны поступали не лучше, такъ что у обѣихъ сторонъ, если не искренность, то, по крайней мѣрѣ, степень развитія религіознаго рвенія подлежатъ сомнѣнію. Дѣло приняло дѣйствительно серьезный оборотъ, какъ для крестоносцевъ, такъ и для мусульманъ только два раза: для крестоносцевъ въ 492 г. (1099), для мусульманъ въ 583 г. (1187), и оба раза исходъ былъ одинъ и тотъ-же; въ первый разъ Іерусалимъ былъ отнятъ франками у мухаммеданъ, во второй—тотъ-же городъ былъ взятъ мухаммеданами у франковъ, и приблизительно этимъ окончилась исторія собственно религіозной войны. Еслибы крестовые походы въ то-же время, по другимъ причинамъ, не дали толчка новому прогрессивному развитію Запада, то мы, христіане, не имѣли-бы основанія углубляться съ особою любовью въ ихъ подробности; напротивъ, для ислама одновременныя событія въ Персіи и восточныхъ государствахъ, какъ уже было указано, имѣютъ гораздо болѣе глубокое значеніе; поэтому мы считаемъ себя въ правѣ вкратцѣ обозрѣть ихъ исключительно съ точки зрѣнія сирійско-египетскихъ отношеній, поскольку они связаны съ мало-азіатско-византійскими, и не принимая во вниманіе ни франкскихъ интересовъ, ни религіозно-политическихъ вопросовъ.

Прежде всего, какъ дальнѣйшее доказательство вышеизложеннаго воззрѣнія, надо сказать, что существуетъ собственно лишь весьма малое различіе между этими двумя событіями и описанными раньше въ Персіи и Иракѣ. Если смотрѣть съ точки зрѣнія мухаммеданъ, что не особенно трудно, то христіанскіе князья Антиохіи, Эдессы и Триполи являютъ собою не болѣе, какъ себялюбивыхъ и враждующихъ эмировъ: постоянныя столкновенія ихъ съ дѣйствительно турецкими эмирами съ попеременнымъ счастьемъ, то для одной, то для другой стороны, очень напоминаютъ распри атабеговъ по ту сторону Тигра. Они также имѣютъ своего халифа въ лицѣ іерусалимскаго короля и, вслѣдствіе достойной благодарности заботы Ридвана халебскаго терпѣли также мало недостатковъ въ ассасинахъ, которые съ полнымъ безпристрастіемъ оказывали свои любезныя услуги, какъ Конраду Монферратскому, такъ и эмиру Маудуду, хотя впрочемъ, вначалѣ по крайней мѣрѣ, болѣе тяготѣли къ исламскимъ полководцамъ, казавшимся имъ, вѣроятно, болѣе опасными. Желая быть безпристрастнымъ, надо однако признать, что въ первое время—позднѣе отношенія стали обратными—мусульманскіе князья вели себя гораздо болѣе самовольно и безсовѣстно, чѣмъ рыцари-крестоносцы. Когда люди, подобные Гумуштегину, сыну Данишменда, и Джавалію, управителю города Мосула, добровольно раздавали имѣвшіеся у нихъ въ

рукахъ для исламскихъ интересовъ козыри *) въ лицѣ своихъ плѣнныхъ Боэмунда, Балдуина и Жосселена только для того, чтобы разсердить своихъ противниковъ, Килиджъ-Арслана и Маудуда, то, дѣйствительно, это до извѣстной степени превышало дозволенное, но объясняетъ, если это нужно, тотъ безнадежный беспорядокъ, который господствовалъ въ Сиріи и Месопотаміи при появленіи крестоносцевъ. Въ 490 г. (1097), въ тотъ моментъ, когда франки заняли Никею и готовились къ походу въ Малую Азію, общее положеніе дѣлъ (мы не будемъ слѣдить за отдѣльными второстепенными походами различныхъ турецкихъ полководцевъ и предводителей отрядовъ) было слѣдующее:

Малая Азія, кромѣ прибрежной полосы, сохраненной еще для византійцевъ, была раздѣлена между Гумуштегиномъ Ибнъ Данишмендомъ на востокъ и седьжукомъ Килиджъ-Арсланомъ на западъ. Послѣдній по смерти своего отца былъ посланъ побѣдителемъ его, Тутушемъ, ко двору Меликшаха; когда тотъ умеръ въ 485 г. (1092), онъ могъ возвратиться въ отеческое наслѣдіе, и въ концѣ концовъ былъ признанъ эмирами владѣтелемъ государства Иконіи. Въ первое время своего правленія, продолжавшагося до 500 г. (1107), онъ, кажется, сохранялъ къ сыну Дачишменда дружественныя отношенія: совсѣмъ иначе уже тогда дѣло обстояло въ Сиріи. Съ паденіемъ сильнаго, хотя и слишкомъ самовольнаго и властолюбиваго Тутуша, тамъ господствовала повсемѣстная неурядица. Изъ четырехъ оставшихся послѣ него сыновей мы уже знаемъ одного—Ридвана, это былъ чрезвычайно злостный юноша, который немедленно удалил съ своего пути двухъ своихъ братьевъ, а третьяго, Докъака, по всей вѣроятности, при случаѣ подвергъ бы той же участи. Послѣднему однако удалось укрѣпиться въ Дамаскѣ вмѣстѣ со своимъ атабегомъ Тогтегиномъ, какъ разъ въ то время, когда Ридванъ завладѣлъ Халебомъ; теперь между обоими началась ожесточенная борьба, причѣмъ остальные эмиры: Ягы Басанъ антиохійскій, Сукманъ серуджскій, одинъ изъ сыновей Ортока, Дженахъ адъ-даула химскій и другіе держались то той, то другой стороны. Ильгъази, другой сынъ Ортока, находился въ сторонѣ, въ Іерусалимѣ, который былъ переданъ его роду еще Тутушемъ но на него готовилось нападеніе въ лицѣ Мелика Афдала, египетскаго **), который не могъ не радоваться раздорамъ турокъ въ бывшей фатимидской провинціи.

*) Куглеръ, Исторія крестовыхъ походовъ; главнымъ образомъ сравните Weil, *Geschichte der Chalifen*, т. III (Mannheim), стр. 185, равно какъ ниже здѣсь.

**) По общепринятому мнѣнію (см. Weil, *Gesch. der Chalifen*, т. III, Mann-

Такимъ образомъ, когда въ 491 г. (1098) крестоносцы, отѣсивъ Килиджъ-Арслана и Данишменда, направили свои удары на Сирію, могущество сельджуковъ въ этой странѣ было уже сильно поколеблено; при такихъ обстоятельствахъ можно было ожидать его полногo паденія. Помощь, оказываемая при взятіи Эдессы другими эмирами осажденному въ Антиохіи Ягы Басану, приходила медленно и была недостаточна, попытка вернуть этотъ городъ, предпринятая Кербогой мосульскимъ, не удалась, сколько по его неспособности и злостному настроенію подчиненныхъ ему начальниковъ, съ которыми онъ дурно обращался, столько-же, если не болѣе, вслѣдствіе воодушевленія крестоносцевъ въ борьбѣ за святое дѣло; этими событіями успѣхъ перваго крестоваго похода былъ обезпеченъ.

Египтяне воспользовались отвлеченіемъ турецкихъ боевыхъ силъ, обусловленнымъ вторженіемъ франковъ, и отняли у ортокидовъ Іерусалимъ (491 = 1098); но они не были въ состояніи удержать его за собою отъ христіанъ: 23-го *) Ша'бана 492 (15-го іюля 1099) святой городъ, то мѣсто, гдѣ посланникъ божій молился во время своего вознесенія и получилъ удостовѣреніе небесной защиты для своей паствы (I, 95), пало въ руки невѣрныхъ назареевъ. Между тѣмъ, какими бы ревностными суннитами ни были турки, эмиры ихъ, очевидно, принимали болѣе къ сердцу собственныя, мірскія выгоды, чѣмъ тотъ позоръ, какой былъ нанесенъ истинной вѣрѣ: нужно было много печальнаго опыта, пока они сознали, что на самомъ дѣлѣ въ данномъ случаѣ мірская выгода совпадала съ религіозною обязанностью. Пока же дѣло обстояло такъ: объ отраженіи думалъ лишь тотъ, кто испытывалъ непосредственно нападеніе христіанъ, между тѣмъ какъ другіе мусульманскіе князья продолжали съ не меньшимъ ожесточеніемъ бороться другъ съ другомъ. Подробности этихъ событій касаются исторіи крестовыхъ походовъ; насъ же интересуетъ только болѣе или менѣе прочныя политическія измѣненія, которыя произошли съ теченіемъ времени изъ войны всѣхъ противъ всѣхъ. Не желая останавливаться

---

heim 1851, стр. 165, прим. 2; Вюстенфельдъ. *Gesch. der Fatimiden-Chalifen*, стр. 275) Іерусалимъ былъ уже взятъ египтянами въ 489 (1096) г. Я придерживался (II, 346) 411-го г. (1098), взятаго изъ другого источника, и буду придерживаться его и впредь; здѣсь однако не мѣсто разбирать мнѣніе Вейля; къ тому-же замѣчу, что г. Куглеръ, (Исторія крестовыхъ походовъ) беретъ за основаніе своего разсказа 1098 г.

*) Въ вѣрности этого числа нельзя сомнѣваться, такъ какъ названъ день недѣли (пятница); такъ какъ Ша'банъ имѣетъ круглымъ числомъ 29 дней, то по арабски это число должно было быть выражено: „когда оставалось еще „шесть“ дней мѣсяца“; въ текстѣ однако стоитъ „семь“. Трудность заключается слѣдовательно въ другомъ мѣстѣ, чѣмъ гдѣ ищеть ее Weil (вышеуказ. сочиненіе стр. 172), но она легко устраняется.

на переменах судьбы безчисленного множества мелких турецких династий, продержавшихся на почвах Сирія и Месопотаміи лишь чрезвычайно краткое время, мы выдвинем нѣкоторые роды, которымъ въ вихрь событій удалось завоевать болѣе прочное положеніе. Изъ нихъ первое мѣсто принадлежитъ Ортокидамъ, обоимъ братьямъ, Сукману и Ильгази вмѣстѣ съ потомками. Въ 496 г. (1102—3) первому удалось утвердиться въ крѣпости Хиснь-Кефа*) на верхнемъ Тигрѣ, за которой впоследствии послѣдовали и близъ лежащіе города Маридинъ и Низибинъ. Ильгази между тѣмъ былъ занятъ неблагодарнымъ дѣломъ—междоусобной войной между Баркірокомъ и Мухаммедомъ; когда однако умеръ Сукманъ въ 498 г. (1104), онъ унаслѣдовалъ отъ брата Маридинъ и Низибинъ, причемъ предоставилъ Хиснь-Кефу сыну Сукмана. Впоследствии его владѣнія значительно расширились, между прочимъ ему принадлежалъ и Халебъ; но все же самымъ прочнымъ владѣніемъ его и его рода всегда оставался Маридинъ, именемъ котораго поэтому и наименовалась эта вѣтвь Ортокидовъ. Съ замѣчательною живучестью удержалась она во все время крестовыхъ походовъ и владычества монголовъ вплоть до 811 г. (1408), когда была устранена въ западной Персіи и Месопотаміи могущественными туркменами. Менѣе долго существовала вѣтвь Хиснь-Кефы, хотя все таки до 630 г. (1232); послѣдній князь ея былъ негодяй; власти его положилъ предѣлъ Эйюбидъ Камиль, племянникъ Саладина. Въ Халебѣ и Дамаскѣ управляли еще нѣкоторое время враждовавшіе между собою братья Ридванъ и Докакъ. Первый—до 507 г. (1113/4), послѣ чего ему наслѣдовалъ еще болѣе ужасный сынъ, который находился главнымъ образомъ подъ вліяніемъ раба Дулу и въ концѣ концовъ былъ имъ-же убитъ; но и этотъ послѣдній получилъ возмездіе по заслугамъ: въ 510 или 511 г. (1117) городъ временно перешелъ во владѣніе Ильгази Маридинскаго. Докакъ, безъ сомнѣнія, былъ лучшій человекъ, чѣмъ его братъ, но не былъ рожденъ для власти: указанная личность находилась въ Дамаскѣ и оставалась тамъ до своей смерти въ 522 г. (1128), когда атабегъ Тогтегинъ, старый слуга Тутуша, который искусно удержался въ очень открытомъ для нападеній мѣстѣ, между Іерусалимомъ и Антиохіей, и его потомки только въ 549—(1154) должны были отказаться отъ своего княжества. Если мы упомянемъ еще мимоходомъ, что въ маленькомъ владѣніи Калатъ Джабаръ властвовали Укей-

*) Это значить: крѣпость Кефа; кефа по-арамейски—„камень, скала,“ (Кефасъ=Петръ=Камень въ новомъ заветѣ, Мате. XVI, 18.). Еще теперь существуетъ на скалѣ укрѣпленное мѣсто, высящееся надъ Тигромъ. Обыкновенный переводъ этого названія „Замокъ хорошаго расположенія духа“ основывается лишь на новѣйшей народной этимологіи.

лиды, то мы обратили вниманіе на все то, что въ этихъ странахъ было построено не на голомъ пескѣ, и эти царьки никогда не были очень довольны своею жизнью, ибо они также, какъ христіанскіе графы, жили изо-дня въ день и едва ли когда-либо были увѣрены въ завтрашнемъ днѣ. Въ Малой Азіи дѣло обстоило немного лучше. Правда и здѣсь дружба между Данишмендомъ и Килиджъ-Арсланомъ нарушилась въ вопросѣ чисто-восточнаго характера, который заключался въ слѣдующемъ: долженъ-ли первый отдать что нибудь послѣднему, своему вѣрному союзнику, изъ тѣхъ 260.000 червонцевъ, которые императоръ Алексѣй предложилъ для выкупа Боэмунда *). Понятно, что Данишмендъ, плѣнившій опасныхъ франковъ на свой собственный страхъ и рискъ при осадѣ Малатіи, не особенно-то желалъ раздѣлить эти крупныя деньги съ другими; но Килиджъ-Арсланъ былъ недоволенъ отказомъ: онъ послалъ войско на бережливаго друга, послѣ чего тотъ со злости выдалъ Боэмунда всего за 1000 червонцевъ. Какъ ни наивна эта исторія, она въ концѣ концовъ стоила потомкамъ Данишменда престола. Послѣ взятія Килиджъ-Арсланомъ Малатіи у своего противника въ 499 г. (1106), онъ, правда, погибъ при попыткѣ присоединить Мосуль къ своимъ владѣніямъ, уже въ 500 г. (1107); но и его преемники почти все время были въ натянутыхъ отношеніяхъ съ соперниками въ Сивасѣ. Сынъ Килиджъ-Арслана, Мас'удъ, власть котораго послѣ долгихъ препирательствъ съ его братьями была съ 521 г. (1127; управ. до 551=1156 г.) признана всѣми частями государства, овладѣлъ наконецъ Малатіей съ ея окрестностями (537 = 1142—3); послѣ различныхъ болѣе позднихъ войнъ между обѣими турецкими государствами и византійцами, умѣвшими искусно пользоваться распрями, послѣдній Данишмендъ изъ сельджуковъ, Килиджъ Арсланъ II (551—558=1156—1192), былъ сверженъ съ престола въ 569 (1174), и владѣнія его вошли въ составъ царства Рума. Части Арменіи, граничившія съ Малой Азіей и Месопотаміей, не составляли исключенія въ смыслѣ повсюду господствующей неурядицы: и тутъ происходили частыя войны между различными турецкими эмирами и туземными князьями, которые возвышались при случаѣ, во время всеобщаго разгрома, въ различныхъ частяхъ страны. Сравнительно болѣе прочное существованіе имѣло маленькое царство Х и л а т ь, при озерѣ Ванъ, которое въ 493 г. (1100) попало въ руки эмира С у к м а н а **); хотя

*) Куглеръ, Исторія крестовыхъ походовъ; Герцбергъ (Allgem. Gesch. in Einzeldarstellungen), Gesch. der Byzantiner (№ 59), стр. 279.

***) Не надо смѣшивать его съ Ортокидомъ того-же имени

его владѣнія обнимали едва лишь пятую часть всей провинціи, онъ принялъ гордый титулъ Шахъ-Арменъ «царя Арменіи», который сохранился въ Хилатѣ за его потомствомъ до прекращенія его въ 581 г. (1185).

Мы помнимъ, что попытка энергичнаго султана Мухаммеда—противодѣйствовать самовольному хозяйничанью эмировъ на западѣ—не удалась; опытный полководецъ его Маудудъ Ибнъ Алтуктегинъ палъ жертвою кинжаловъ сирійскихъ ассасиновъ, и это случилось какъ разъ въ тотъ моментъ, когда ему удалось соединить силы, по крайней мѣрѣ, части этихъ округовъ и уже дать крестоносцамъ почувствовать свою сильную руку. Сыновья Мухаммеда: Махмудъ, Тогриль II и Мас'удъ въ теченіе всего своего правленія (511—547=1118—1152) постоянно боролись за свое существованіе; послѣ нихъ, если-бы это только допустили атабеги, Сельджуки были-бы рады утвердиться въ Мидіи и Азербейджанѣ; поэтому нечего было-бы и думать о прекращеніи ужасающихъ беспорядковъ въ Месопотаміи и Сиріи, если-бы самъ Аллахъ не сжался надъ своими правовѣрными; онъ воздвигъ имъ усмирителя, а христіанскимъ нечистымъ собакамъ карателя въ лицѣ Имада адъ-дина Зенги, который, какъ намъ уже извѣстно, командовалъ съ 521 г. (1127) въ качествѣ атабега Мас'уда, а позднѣе какого-то другого князя въ Мосулѣ. По своему характеру онъ былъ какъ-бы рожденъ для основанія государствъ—какъ извѣстно, благородствомъ и розовой водой лишь въ рѣдкихъ случаяхъ можно основывать государства;—онъ былъ столь-же храбръ и самоволенъ, сколько хитеръ и, когда нужно, лукавъ. Ему нельзя поставить въ заслугу, какъ его болѣе великому сыну Нурадъ-дину («свѣту вѣры»), яснаго сознанія задачъ своего времени и сознательнаго посвященія себя ихъ служенію. Его положеніе въ Мосулѣ настолько соприкасалось съ примыкавшимъ къ нему сбоку халифатомъ Аббасидовъ, стремившимся къ возвышенію, и съ страной вѣчно непокойныхъ курдовъ и провинціей Азербейджанъ, управляемой честолюбивыми атабегами и князьями, что онъ не могъ оставаться безпристрастнымъ зрителемъ происшествій, разыгрывавшихся между ними и султанами; но хотя это и вѣрно, тѣмъ не менѣе его постоянныя попытки вмѣшательства, съ которыми мы познакомились выше, составляли слабую сторону его политики. Совершенно ясно, что главной его задачей было, по возможности, распространить свою власть во всѣ стороны отъ Мосула; дѣлалось-ли это на счетъ султановъ, халифовъ, западныхъ эмировъ или крестоносцевъ, было ему безразлично; если-бы счастье, часто сопутствовавшее ему въ Сиріи и почти постоянно въ Месопотаміи, не покидало-бы его почти съ такою-же правильностью при его стараніяхъ узавить иракско-персидское

осиное гнѣздо, то, быть можетъ, его родъ сталь-бы на мѣсто позднѣйшихъ Пехлеванидовъ азербейджанскихъ. Къ благу ислама и къ несчастью крестоносцевъ походы его подчинили ему какъ разъ обширныя области по сосѣдству съ послѣдними, и скоро вмѣсто безсильныхъ маленькихъ династій здѣсь выросло государство, вліянію котораго не могли противостоять и существовавшія еще, но урѣзанныя, древнѣйшія княжества. Конечно, успѣхи Зенги привели уже его самого къ враждебнымъ столкновеніямъ съ христіанами; но всего вѣрнѣе было то, что онъ оставилъ своему преемнику власть, внушающую почтеніе, которую онъ могъ употреблять на послѣдовательную и обдуманную борьбу съ франкскими владѣтелями. Когда дѣло касалось важной дѣли, Зенги былъ неразборчивъ въ средствахъ для ея достиженія: къ сожалѣнію, онъ, говорятъ, однажды будто-бы, подобно другимъ, пользовался кинжаломъ для убійства, а вѣроломная хитрость была для него самымъ обыденнымъ дѣломъ; но все-таки, несмотря на это, онъ хорошо сознавалъ какъ настоящіе источники власти, такъ и обязанности государя, дѣйствительно заслуживающаго это имя. Подвергая свое тѣло, отличавшееся по истинѣ гигантскою силою, всевозможнымъ трудностямъ и отказываясь отъ всякихъ удобствъ для себя лично, онъ въ то же время первый, наконецъ, вспомнилъ, что и подданные — люди, и что забота о нихъ есть единственное средство обезпечить необходимое для государства поднятіе значенія его поземельной собственности и еще болѣе необходимое развитіе ремеслъ и торговли. Онъ такъ прочно водворилъ среди населенія порядокъ и правосудіе, что даже еврей могъ отважиться обратиться къ нему за помощью противъ одного изъ самыхъ важныхъ офицеровъ его войска; и въ то время, какъ при его вступленіи на престолъ главная мечеть Мосула стояла среди обширнаго поля развалинъ, мимо которыхъ никто не рѣшался проходить безъ конвоя, уже при слѣдующемъ поколѣніи, едва-ли можно было найти на этомъ мѣстѣ хоть одно незастроенное мѣстечко. Поэтому, если онъ довольно часто не очень-то стѣснялся съ другими князьями и даже нѣсколько разъ самымъ коварнымъ образомъ обманывалъ ихъ и совершалъ надъ ними насилія, то не нужно забывать, что, при данныхъ обстоятельствахъ, такого рода дѣйствія представляли единственную возможность избавиться отъ этой своры и возстановить первыя основы разумной государственной жизни. Характерно, что не разъ жители одной или другой мѣстности сами призывали его на помощь противъ притѣсненій маленькихъ тирановъ, и нѣкоторые добровольно отдавались подъ его покровительство, а съ другой стороны онъ всегда умно считался съ обстоятельствами и тамъ, гдѣ не могъ устранить эмира хитростью и силой, на время прекращалъ его преслѣдованіе, выжидая другого болѣе удобнаго случая.

Такимъ образомъ, въ теченіе своего двадцатилѣтняго царствованія (521—541=1127—1146) онъ подчинилъ себѣ почти всю Месопотамію, за исключеніемъ сѣверной ея части, оставшейся въ рукахъ Ортокидовъ, и большую часть Сиріи. Тотчасъ по воцареніи, онъ взялъ въ 521 г. (1127) Джезиреть Ибнъ Омаръ (на Тигрѣ, выше Мосула), который управлялся собственнымъ эмиромъ, и Низибинъ, который считался принадлежащимъ Ортокидамъ наридинскимъ; въ обоихъ случаяхъ его успѣхъ зависѣлъ отчасти отъ необыкновеннаго счастья; въ послѣдствіи онъ еще съ болѣею легкостью взялъ Синд-жаръ и Харранъ. Такимъ образомъ онъ могъ въ 522 г. (1128) перейти уже за Евфратъ и, помимо Мембиджа и другихъ маленькихъ мѣстечекъ, занять и Халебъ; послѣдній со времени смерти (516=1122) Ортокида Ильгази былъ добычей и яблокомъ раздора многихъ эмировъ, изъ которыхъ одинъ былъ хуже другого, и теперь, освобожденный отъ ихъ дурного обращенія, сдѣлался центромъ господства Зенги въ Сиріи. Его дальнѣйшія попытки присвоить себѣ владѣнія сирійскихъ князей не удались такъ скоро: правда, онъ въ 523 г. (1129) отнялъ, прибѣгнувъ къ не очень красивому средству, городъ Хамать у сына Тогтегина, Таджъ аль-мулұка Бурія Дамаскаго (522—526=1128—1132); но уже въ 527 г. (1133) Хамать перешелъ къ Шемсъ аль-мулұку Измаилу (526—529 = 1132—1135), сыну Бурія, убитаго между тѣмъ ассасинами и, хотя и не надолго, былъ потерянь. Многократныя нападенія на Химсъ (523, 531=1129, 1137) были не болѣе успѣшны, чѣмъ походы противъ самого Дамаска въ 523 г. (1129) и 534 г. (конецъ 1139 и нач. 1140): позднѣйшіе потомки Тогтегина, продолжавшіе быстро смѣнять другъ друга, могли сдѣлать немногое, но все-же они нашли въ крестоносцахъ, которые, руководясь разумной политикой, старались до нѣкоторой степени поддерживать противниковъ Зенги, достаточную опору, чтобы пока сохранить свою самостоятельность; зато въ началѣ 534 г. (1139) атабегъ взялъ по крайней мѣрѣ Ба'албеккъ; это случилось послѣ того, какъ знаменитые походы его*) противъ франковъ и византійцевъ 531-го и 532-го г. (1137—8) доставили ему, кромѣ капитуляціи Барина, обладаніе городами Шейзаромъ, Кефръ-Табомъ, Иркою и наконецъ также Химсомъ. Непрерывному продолженію ихъ борьбы въ Сиріи мѣшали тѣ нападенія, которыя онъ считалъ нужнымъ производить на востокъ и сѣверъ, на владѣнія курдовъ и Ортокидовъ и которыя приковывали тамъ его силы, въ особенности въ 534—537 (1139—40—1142—3). Но въ 539 г. (1144) его энергичный

*) Куглеръ, Исторія крестовыхъ походовъ.

образъ дѣйствій и смѣлость обусловили его главное приобрѣтеніе: Эдесса, послѣ многонедѣльной осады, должна была пойти на капитуляцію*), и этимъ не только низвергался главный оплотъ крестоносцевъ, но возвращалась исламу земля, которая въ теченіе пятидесяти лѣтъ вдавалась, подобно клину, въ мусульманскія земли по ту сторону Евфрата и въ то же время прикрывала сбоку враждебную Антиохію. Это, говорятъ, было послѣднимъ великимъ дѣломъ атабега. Воспитаннику его, принцу Альпъ-Арслану, властвовавшему въ Мосулѣ, пришло въ голову, во время одного его похода, освободиться отъ не слишкомъ-то удобнаго опекуна: возстаніе, поднятое имъ въ Мосулѣ, было еще до появленія Зенги подавлено гарнизономъ и его жителями, вовсе не желавшими возвращенія стараго сельджукскаго хозяйничанья (539=1145); но Зенги повидимому считалъ нужнымъ сгладить, быть можетъ, существовавшее у ненадежныхъ элементовъ города и его окрестностей невыгодное впечатлѣніе. Онъ пробылъ довольно долго въ Мосулѣ, потомъ отправилъ (541=1146) войско противъ курдскаго владѣтеля Фенекка, одной крѣпости при Джезиретъ Ибнъ Омарѣ, въ то время какъ самъ онъ готовился дополнить свои владѣнія на западъ присоединеніемъ маленькаго участка, который образовала стоявшая на Евфратѣ между Сиріей и Месопотаміей крѣпость Кал'атъ Дж'абаръ**), предоставленная Меликшахомъ Укейлидамъ. Въ то время, какъ онъ осаждал этотъ замокъ, стоявшій на горѣ и трудно доступный, собственные рабы его, неизвѣстно по какой причинѣ***), однажды ночью напали на него и убили его (5-го Раби' II 541=14—15 сентября 1146).

*) Куглеръ, вышеуказан. сочиненіе.

**) Такъ какъ не совсѣмъ бесполезно уяснить себѣ тѣ обстоятельства, при которыхъ кончилась жизнь столь значительнаго человѣка, то я не премину сказать, что Вейль (Geschichte der Chalifen, т. III, Мангеймъ 1851, стр. 289), не обратилъ вниманіе на тождество этого Кал'атъ (или Хиснъ) Дж'абара съ мѣстомъ, обозначеннымъ здѣсь, и невѣрно понялъ относящуюся сюда фразу Ибнъ аль-Асира. Такимъ путемъ онъ приходитъ къ тому, что Зенги умираетъ у него около Джезиретъ Ибнъ Омара, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ умеръ на Евфратѣ. — Вышеуказанное тождество вытекаетъ съ несомнѣнностью изъ словъ Ибнъ аль-Асира (ed. To rberg XI, 71; сравн. также собственное примѣчаніе 3-е Вейля къ стр. 290); крѣпость эта, вслѣдствіе ея важнаго стратегическаго значенія, была впоследствии въ 564 г. (1168—9) отнята, посредствомъ лести, Нурединомъ у послѣдняго государя изъ рода Укейлидовъ, который въ обменъ за нее получилъ городъ Серуджъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми привилегіями и большою суммой денегъ (Ибнъ аль-Асиръ, XI, стр. 220).

***) Принимая во вниманіе характеръ этого человѣка, можно предположить, что его окружающимъ не особенно нравился его простой и строгій образъ жизни, а также его способъ дѣйствій. То, что злодѣи спаслись послѣ убійства на верху осажденной крѣпости, отнюдь не доказываетъ существованія какого-либо заговора; объ участіи-же крестоносцевъ или ассасиновъ нечего и думать.

Ни крестоносцы, ни владѣтели Дамаска не имѣли причинъ радоваться устраненію самаго опаснаго ихъ соперника. Зенги оставилъ нѣсколькихъ сыновей; старшіе изъ нихъ, Сейфъ адъ-динъ («мечъ вѣры») Гази и Нуръ-адъ-динъ *) («свѣтъ вѣры») Махмудъ, несмотря на неожиданность катастрофы, которая ставила на карту всю будущность этой династіи, быстрымъ образомъ дѣйствіемъ уничтожили въ зародышѣ всякое возможное сопротивление и такимъ образомъ могли вступить въ полныя права наслѣдства послѣ отца. Раздѣленіе только-что возникшаго новаго государства въ данномъ случаѣ не было ошибкой. Успѣхи Зенги въ Сиріи не разъ страдали отъ того, что онъ долженъ былъ одновременно обращать свои взоры изъ Мосула на востокъ. Теперь же здѣсь, на родинѣ династіи атабеговъ, вступилъ въ управленіе старшій изъ сыновей, Сейфъ адъ-динъ; границы его владѣній доходили на западѣ до рѣки Хабуръ и соблюдались до смерти Сейфъ адъ-дина (544—1149); когда позднѣе эмиръ Синдшара, лежащаго восточнѣе, перешелъ отъ преемника Сейфа, Кутбъ-адъ-дина Маудуда (544—565 = 1149—1170) къ Нуръ адъ-дину, то этотъ послѣдній, отличаясь большимъ умомъ, созналъ все зло междоусобной войны и отказался отъ нея; онъ выказалъ этимъ отсутствіе эгоизма, которое надо поставить ему въ большую заслугу. Отнынѣ санъ атабега Мосульскаго сталъ въ его семьѣ наслѣдственнымъ до 607 г. (нач. 1211), когда, по смерти Зенгида Арсланшаха, эмиръ Бедръ адъ-динъ Дулу сначала управлялъ за его десятилѣтняго сына, а потомъ окончательно захватилъ власть въ свои руки. Власть атабеговъ въ Сиріи была гораздо менѣе продолжительна; за то единственныйъ государь изъ всѣхъ потомковъ Зенги дѣйствительно обладавшій ею, Нуръ-адъ-динъ Махмудъ (541—569 = 1146—1179) пріобрѣлъ неувядаемую славу и всемірно-историческое значеніе. Еще долго послѣ его смерти сирійцы называли его Аль-Меликъ аль-Адилъ «справедливымъ царемъ», и онъ во всѣхъ отношеніяхъ заслужилъ это названіе. Онъ придавалъ большое значеніе водворенію правильного судопроизводства среди своихъ подданныхъ и желалъ этого не только по политическимъ разсчетамъ, но потому, что ему было присуще чувство справедливости, которое проистекаетъ изъ истиннаго мужественнаго благочестія. Намъ сообщаютъ, что однажды онъ былъ привлеченъ къ суду однимъ человѣкомъ, который предъявлялъ къ нему, повидимому, справедливый искъ. Недолго задумываясь, госу-

*) Полностью это имя произносится: „Нұру-д-динъ“, конечныя гласныя въ транскрипціи, какъ и въ разговорномъ арабскомъ языкѣ, обыкновенно откидываются, причемъ буква *a* члена *аль* (произносимаго передъ *d* какъ *адъ*), опускаемая при чтеніи съ конечными гласными, возстановляется. Далѣе авторъ вводитъ чтеніе „Нуреддинъ“, какъ болѣе знакомое европейскимъ читателямъ

дарь предсталъ передъ судьей. «Я пришелъ искать справедливости», сказалъ онъ, «обращайся со мною такъ-же, какъ ты привыкъ обращаться съ другими». Разслѣдованіе показало, что право было на его сторонѣ; тѣмъ не менѣе онъ удовлетворилъ противника, сказавъ: «я съ самаго начала намѣревался предоставить ему то, что онъ требовалъ, но я боялся, что мною, быть можетъ, руководило при этомъ высокоуміе и нежеланіе предстать передъ судомъ, установленнымъ Богомъ. Поэтому я явился сюда; теперь-же я дарю ему то, что онъ отъ меня требуетъ». По строгости къ самому себѣ и простотѣ своего образа жизни онъ превосходилъ даже отца. Ни за что на свѣтѣ не истратилъ-бы онъ на себя лично ни одной копѣйки изъ государственной казны: когда однажды его жена стала жаловаться, что она терпитъ нужду въ самомъ необходимомъ, онъ предоставилъ ей доходъ отъ трехъ рыночныхъ лавокъ въ Химсѣ, которыя были его частною собственностью и приносили ежегодно около двадцати червонцевъ; когда-же она объявила, что этого слишкомъ мало, онъ отвѣтилъ: «у меня больше ничего нѣтъ; всеѣмъ остальнымъ, что находится въ моихъ рукахъ, я распоряжаюсь на пользу общества; я не хочу при этомъ ни обманывать его, ни повергать себя изъ за-тебя мученіямъ ада». Такимъ образомъ высшимъ, даже единственнымъ закономъ его жизни было слѣдованіе заповѣдямъ Аллаха, которыми онъ старался съ каждымъ днемъ все болѣе проникнуться, усердно изучая коранъ и сунну. «Хотя я изучилъ жизнь многихъ государей прошлаго», говоритъ заслуживающій довѣрія историкъ Ибнъ аль-Асиръ, «но со временъ законныхъ халифовъ (I, 239) и Омара Ибнъ Абдъ аль Азиса (II, 119) я не нахожу ему равнаго по чистотѣ образа жизни и заботамъ о правосудіи». Если Саладинъ и стоитъ выше его по умѣнью управлять и политической мудрости, равно какъ по своему привѣтливому характеру, если блескъ великаго и славнаго дѣянія—взятіе Іерусалима—и оставляетъ въ тѣни образъ его великаго предшественника, то все-же Нуръ адъ-динъ, какъ человѣкъ, безъ сомнѣнія наиболѣе чистый изъ нихъ, ибо онъ исключительно и единственно ратовалъ за дѣло Божіе. Ему одному, а не собственной выгодѣ, онъ посвятилъ всю свою дѣятельность; и, несмотря на это, этотъ рѣдкій человѣкъ сумѣлъ противостоять искушенію, которому обыкновенно поддаются такого рода характеры: въ своемъ одностороннемъ фанатизмѣ онъ не стремился отрѣшиться отъ міра и людей, и стойкость его не перешла въ жесткость и неподвижность. Его обращеніе съ подданными всегда было проникнуто высокою чертою—человѣчностью; онъ сумѣлъ также способствовать ихъ внѣшнему и внутреннему благосостоянію, руководствуясь столько-же благоволеніемъ, сколько своимъ умомъ. Въ то время, какъ этотъ государь не могъ набрать для своей жены болѣе двадцати

червонцевъ въ годъ, онъ ежемѣсячно издерживалъ 9000 ихъ не только для благочестивыхъ цѣлей, но и для другихъ, полезныхъ въ болѣе широкомъ смыслѣ; подлѣ стѣнъ своихъ крѣпостей, около монастырей дервишей и мечетей, онъ всюду строилъ также ханы (каравансарай) для путешественниковъ, больницы для больныхъ и раненыхъ, учебныя заведенія, не только для теологовъ и правовѣдовъ, но и для докторовъ. Онъ заботился о вдовахъ и сиротахъ павшихъ воиновъ, онъ отмѣнилъ гнетущіе налоги и пошлины и защищалъ слабѣйшихъ отъ злоупотребленій знати. Хотя эти черты и происходили только изъ чувства религіознаго долга, все-же они показываютъ ширину его взглядовъ и отсутствіе предразсудковъ, что не всегда бываетъ соединено съ этимъ чувствомъ. Къ тому-же въ немъ не было и тѣни того вѣроломства и коварства, которыя легли темнымъ пятномъ на характеръ отца его, Зенги. Онъ, правда, зналъ, что политика идетъ рука объ руку съ обманами и хитростью, и не разъ прибѣгалъ къ обманамъ тамъ, гдѣ отъ этого зависѣло достиженіе его цѣли; но онъ всегда отвергалъ нарушеніе торжественно даннаго слова, даже по отношенію къ невѣрнымъ (ибо нарушеніе его при случаѣ, въ перемиріи, въ чемъ онъ не безгрѣшенъ, къ сожалѣнію, вовсе не считалось безчестнымъ ни крестноносцами, ни мусульманами). Но политическіе таланты Нуръ адъ-дина не ограничивались исключительно внѣшними дипломатическими ухищреніями: когда представился случай взять королевство Іерусалимское, находившееся между двумя огнями, путемъ устраненія ослабѣвшихъ и еретическихъ Фатимидовъ Египта и возвращенія богатой страны для правой вѣры, онъ безъ всякаго колебанія, какое было-бы вполнѣ понятно въ виду опасности такого предпріятія, сейчасъ-же ясно созналъ необыкновенную его важность и въ надлежащій моментъ успѣшно совершилъ его.

Но рѣшительный оборотъ крестовыхъ войнъ былъ обусловленъ не только его военными подвигами. Ему неотъемлемо принадлежитъ другая заслуга: вліяніемъ собственной, могучей личности, своимъ примѣромъ и поступками, равно какъ рѣшительными мѣрами, онъ сдѣлалъ для мухаммеданъ войну съ христіанами вопросомъ вѣры и возбудилъ усердіе ихъ до фанатизма какъ разъ въ тотъ моментъ, когда у противниковъ это наиболѣе могущественное побужденіе начало ослабѣвать, и легкомысліе, безнравственность, даже безчестность *) стали перевѣшивать у большинства. Правда, уже и до Нуреддина **) неоднократно дѣлались попытки придать борьбѣ съ невѣрными нѣсколько

*) Куглеръ, Исторія крестовыхъ походовъ.

**) Дальше, по примѣру Мюллера, введено общепринятое и общеизвѣстное чтеніе этого имени.—*Ред.*

болѣе оживленный характеръ, путемъ пробужденія религіознаго пыла: когда султанъ Мухаммедъ велѣлъ Маудуду проникнуть въ Сирію, то это было обусловлено, по крайней мѣрѣ отчасти, безпокойнымъ движеніемъ въ всегда строго-правовѣрномъ Багдадѣ, а когда Зенги въ 532 (1138) нуждался одинъ разъ въ подкрѣпленіи съ востока, то этотъ опытный политикъ пробовалъ не безъ успѣха снова воспользоваться народною массою столицы халифата, чтобы оказать желаемое давленіе на правительство востока. Но это были мимолетныя явленія, не имѣвшія дальнѣйшаго значенія; обыкновеніе мухаммеданскихъ хищническихъ государствъ Сиріи, не стѣсняясь въ заключеніи союзовъ съ франками, какъ только это представлялось выгоднымъ для себялюбивыхъ цѣлей, едва ли могло способствовать на самомъ полѣ войны усиленію чувства, что война эта священна, джихадъ (I, 225). При Нуреддинѣ было иначе. Этотъ великій государь, личность котораго вездѣ почиталась мусульманами и воодушевляла ихъ, явно и умышленно показавъ, до какой степени онъ чувствовалъ себя борцомъ за вѣру въ своихъ походахъ. Въ скоромъ времени воодушевленіе «въ борьбѣ за дѣло Божіе» (I, 121) было распространено благочестивыми мусульманами въ народныя массы не только тамъ, гдѣ за эмира молились, какъ за государя; письма его, отчеты о его побѣдахъ и, какъ кажется *), популярныя разсказы, описывавшія покореніе Сиріи и Месопотаміи первыми правовѣрными подъ начальствомъ Абу Бекра и Омара, разсказы съ романтическими прикрасами и съ прозрачною цѣлью ближайшаго полезнаго примѣненія, — возбудили воодушевленіе далеко за предѣлами Халеба и Мосула; вообще народное настроеніе въ ближайшихъ провинціяхъ усилилось настолько, что въ 559 г. (1164) Ортокидъ Хиснъ Кефы не смѣлъ отказать Нуреддину въ просьбѣ о помощи, хотя ему не было никакой выгоды въ дальнѣйшихъ побѣдахъ и безъ того слишкомъ сильнаго сосѣда; жители же Дамаска, которымъ и такъ наскучили слабые Тогтегиниды, еще за десять лѣтъ до этого (549—1154) сами призвали сына Зенги, чтобы онъ присоединилъ ихъ владѣнія къ своему государству.

Тотъ, въ комъ мусульмане видѣли истиннаго героя вѣры, естественно представлялся христіанамъ совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ. Но если даже дешево оцѣнивать его, нельзя его упрекнуть въ жестокости или слѣпой мстительности даже въ отношеніи къ этимъ смертельнымъ врагамъ. Страшная кровавая баня въ Эдессѣ и полное разореніе этого города (541—1146—7) по взятіи его, въ наказаніе за необдуманное возстаніе его послѣ смерти Зенги, соотвѣтствовали военнымъ пра-

*) Сравни de Goeje (де Гуэ), „Mémoires d'histoire et de géographie orientales“, № 2, Лейденъ, 1864, стр. 38.

вамъ и къ тому-же могли казаться ему неизбежными съ политической точки зрѣнія; убіеніе многихъ христіанскихъ плѣнныхъ въ отвѣтъ на безсовѣстное нападеніе Балдуина при Баніасѣ *) на довѣрчивыхъ мусульманъ, расчитывавшихъ на соблюденіе заключеннаго перемирія, было справедливымъ возмездіемъ; въ другихъ же случаяхъ онъ никогда не провинился въ какой-либо крупной жестокости. Но для христіанъ, изгнаніе которыхъ изъ Сиріи и Палестины было цѣлью его жизни, онъ былъ всегда непримиримымъ врагомъ. Если онъ заключилъ союзъ **) съ королемъ Малой Арменіи, то только для того, чтобы вредить крестоносцамъ; если онъ велъ войну противъ мусульманина, сельджука Килидж Арслана II (560 и 568 = 1165.1172—3) ***), то онъ имѣлъ лишь въ виду удержать его отъ постоянныхъ хищническихъ нападеній на Данишменда Сивасскаго и такимъ образомъ достигнуть необходимаго единства для борьбы съ византіяцами и крестоносцами. Если стремленія его и были направлены только на борьбу съ ненавистными франками, то все-же онъ былъ черезчуръ проникательнымъ воиномъ и хорошимъ политикомъ, чтобы надѣяться достигъ дѣйствительныхъ успѣховъ только наступательнымъ образомъ дѣйствій.

У него никогда не было недостатка въ мужествѣ вступать въ бой съ закованными въ латы христіанскими всадниками, которыхъ всѣ боялись: личная храбрость была этому высокому, сухощавому, почти безбородому человѣку въ столь высокой степени свойственна, что окружающіе его постоянно, хотя понапрасну, должны были удерживать его отъ подверганія себя безумнымъ опасностямъ; но онъ во-время понялъ перевѣсъ рыцарей при рукопашной борьбѣ; тогда онъ сталъ стремиться къ тому, чтобы вести войну иначе: съ прежнею живостью, которая

*) Куглеръ, Исторія крестовыхъ походовъ. Балдуинъ не только похитилъ скотъ, но убилъ также безоружныхъ людей; такимъ образомъ это было коварное нападеніе съ цѣлью убійства, а не простое нарушеніе перемирія.

**) Куглеръ, Исторія крестовыхъ походовъ.

***) Упомянутый у Куглера еще другой походъ (на Мар'ашъ и его окрестности) упомянуть только у Вильгельма Тирскаго (Вилькенъ, *Gesch. der Kreuzzüge*, III, 2, Лейпцигъ 1819, стр. 65, прим. 102), который считаетъ завоеваніе этого города и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностей исполненіемъ плана Нуреддина, взлелѣяннаго имъ гораздо раньше. Остается въ сомнѣніи, заключалось-ли здѣсь дѣло также въ томъ, какъ я предполагаю, чтобы положить предѣлъ захватамъ всегда готоваго воевать государя Иконіи или побудительная причина была иная; восточные источники хранятъ насчетъ этого полное молчаніе. Во всякомъ случаѣ, надо принять во вниманіе, что Мар'ашъ, равно какъ Курусъ (Циррусъ; подѣльчѣмъ вѣрно надо подразумѣвать Крессумъ Вильгельма) уже въ 546 г. (1151), послѣ плѣненія Жосселена перешли во владѣніе Нуреддина; если ему пришлось теперь опять отнимать ихъ у Килидж Арслана, то значить этотъ послѣдній тѣмъ временемъ опять захватилъ ихъ, и Нуреддинъ и въ этомъ случаѣ былъ правъ.

не позволяла-бы крестоносцамъ передохнуть и не ослабила-бы воодушевленія въ своихъ, но, по возможности, избѣгая большихъ битвъ, рѣшаясь на нихъ только въ случаѣ какихъ-нибудь необыкновенно благоприятныхъ обстоятельствъ. И въ этомъ онъ поступалъ правильно. Даже тогда, когда онъ рѣшался вступить въ рѣшительный бой, онъ оставался нѣсколько разъ въ проигрышѣ и, несмотря на весь вредъ, причиненный имъ то здѣсь, то тамъ своимъ противникамъ, ему удалось надолго вернуть исламу только нѣкоторые округа сѣверной Сиріи въ 545 (1150—51) *) и крѣпости Хáримъ и Панааду въ 559 году (1164). Онъ скорѣе считалъ своей ближайшей и главной задачей постоянно собирать вокругъ себя новыя силы, чтобы впоследствии, послѣ того какъ окружить со всѣхъ сторонъ, отъ моря до моря **), государство крестоносцевъ, путемъ присвоенія себѣ сосѣднихъ съ ними мусульманскихъ земель, — чтобы тогда быть въ силахъ выступить съ войскомъ, которому нельзя было-бы противостоять. Это удалось ему сверхъ всякаго ожиданія, такъ что благодаря этому, а также пробужденію мухаммеданскаго фанатизма, онъ дѣйствительно сковалъ тѣ орудія, воспользовавшись которыми Саладинъ могъ впоследствии одержать блестящія побѣды. Прежде всего Нуррединъ въ 549 г. (1154) лишилъ трона послѣдняго потомка Тогтегина, предварительно ловко разъединивъ его съ его окружающими, и завладѣлъ Дамаскомъ, съ согласія его населенія. Для крестоносцевъ это былъ ударъ, котораго не могли-бы исправить и десять выигранныхъ сраженій: вмѣсто слабыхъ, всегда клонящихся то въ ту, то въ другую сторону и склонныхъ къ мирнымъ сношеніямъ Тогтегинидовъ, они имѣли теперь въ серединѣ фланга своего узкаго берегового владѣнія неутомимаго и непримиримаго врага; въ скоромъ времени этотъ послѣдній приготовился связать и послѣднюю петлю той сѣти, которая должна была обхватить христіанъ вездѣ, куда не хватало море.

Среди эмировъ, назначенныхъ Зенги себѣ въ помощники, стояли въ первомъ ряду два брата, родомъ изъ армянскаго Двина, но курды по происхожденію, Неджмъ адъ - динъ («звѣзда вѣры») Эйюбъ и Асадъ адъ - динъ («левъ вѣры») Ширкухъ. Подобно многимъ другимъ предводителямъ отрядовъ этого интереснаго племени, которое состояло съ незапамятныхъ временъ изъ разбойниковъ, конокрадовъ и воиновъ, они были на службѣ у сельджуковъ и находились (Эйюбъ въ качествѣ комманданта) въ крѣпости Текритъ на Тигрѣ, принадлежавшей къ Ираку, когда Зенги, потерпѣвъ поражение въ

*) Сравни Кутлера, указан. сочин. Число 545 еще не установлено; по другимъ это было только въ 546 г.

**) Ибо на сѣв. зап. дружественно расположенная къ нему Малая Арменія отдѣляла Антиохію.

борьбѣ противъ эмировъ въ 526 (1132), поспѣшно обратился въ бѣгство и прибылъ сюда. Принимая во вниманіе тревожность времени, когда султаны и эмиры ежедневно смѣнялись и никто не зналъ, къ какой партіи онъ будетъ принадлежать завтра, лукавые курды нашли выгоднымъ снасти атабега, положеніе котораго становилось уже опаснымъ, отъ преслѣдователей: при случаѣ онъ могъ быть имъ полезенъ, и они позволили ему переправить корабли черезъ рѣку. Онъ не забылъ имъ этой услуги; когда, позднѣе, они разошлись съ своимъ начальникомъ и должны были покинуть Текритъ (вѣрно около 527—1133), они встрѣтили въ Мосулѣ самый радушный пріемъ и скоро возвысились до самыхъ высшихъ должностей: ко времени смерти Зенги, Ширкухъ считался первымъ его эмиромъ, а Эйюбъ былъ правителемъ города Ба'албекка. Нуреддинъ цѣнилъ ихъ услуги не меньше своего отца: онъ ввѣрилъ Эйюбу управленіе Дамаскомъ, послѣ того, какъ этотъ городъ попалъ въ его руки не безъ заслуги этого курда; Ширкуха же онъ избралъ для отправленія въ Египетъ, предпріятія очень рискованнаго, какъ только самъ принялъ многозначительное рѣшеніе вмѣшаться въ запутанныя дѣла Египта. Известно *), какъ, благодаря ничтожеству послѣднихъ Фатимидовъ и ихъ окружающихъ, благодаря слѣпой алчности іерусалимскихъ франковъ и короля ихъ Аморі, благодаря, наконецъ, рѣдкому дарованію и выдержкѣ Ширкуха и его подчиненныхъ дѣло дошло послѣ трехъ походовъ 559 (1164), 562 (1167) и 564 (1169) до того, что палестинскимъ христіанамъ вдругъ вмѣсто открытой страны, безсильной и беззащитной, доступной ихъ хищническимъ набѣгамъ, противостала и въ Нильской долинѣ военный лагерь, хорошо защищенный и располагавшій въ очень скоромъ времени значительными боевыми силами. Теперь крестonosцы были окружены врагами со всѣхъ сторонъ, если не считать нѣсколькихъ франкскихъ крѣпостей, въ особенности Каракъ***) и Шаубека, которыя преграждали еще путь войску между Дамаскомъ и Каиромъ, къ востоку и югу отъ Мертваго моря. Но пока доступъ къ Средиземному морю былъ открытъ, сирійскимъ христіанамъ нечего было отчаяваться: подобно великану Антею, но при замѣнѣ земли моремъ, они благодаря близости моря запасались новыми силами; очень характерно (хотя этому содѣйствовала случайно и смерть императора Фридриха I), что ни одинъ изъ крестовыхъ походовъ не былъ удаченъ, кромѣ перваго, который шель сухимъ путемъ.

Мы помнимъ, что Ширкуху не суждено было докончить то дѣло,

*) Куглеръ, Исторія крестовыхъ походовъ.

**) Произносимое также Керакъ; не надо смѣшивать съ замкомъ госпиталитовъ „Каркъ“ въ Ливанскихъ горахъ; восточные источники называютъ оба „Кракъ“ (Куглеръ, Исторія крестовыхъ походовъ).

за которое онъ принялся съ такою смѣлостью, вымучивъ согласіе еще колебавшагося Нуреддина. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ того, какъ онъ устранилъ послѣдняго Фатимида, Адида, и по господствовавшему въ Египтѣ со временъ Афдала (II, 345) обыкновенію принявъ, вмѣстѣ съ должностію генералиссимуса халифа, царскій титулъ съ прибавленіемъ *Аль - Мансуръ* «побѣдоносный»,—онъ умеръ (564 = 1169), какъ говорится въ коранѣ (6,44): «такъ, что когда они радовались тому, что выпало имъ на долю, вдругъ Мы похитили ихъ» *). Его мѣсто занялъ близкій родственникъ его, одинъ изъ эмировъ, которые сопровождали Нуреддина и должны были служить ему защитою, а именно сынъ брата Ширкуха, *Эйюба*, по имени *Юсуфъ*, прозываемый *Аль - Меликъ анъ - Насиръ*, царь-защитникъ, но болѣе извѣстный подъ другимъ почетнымъ титуломъ «чистота вѣры», *Салахъ адъ-динъ*, или, какъ привыкли выговаривать хрістіане, *Саладина*. Мусульмане, всегда склонные въ странномъ предначертаніи судьбы выдающихся людей видѣть таинственное проявленіе повелителя міра, заранѣе все предопредѣлившаго, особенно напираютъ на то, что этому человѣку удалось проложить путь къ власти только благодаря удивительнѣйшему сочетанію обстоятельствъ. Когда дядя его Ширкухъ уже въ 559 г. (1164) желалъ, чтобы онъ сопутствовалъ ему въ Египетъ, онъ не выказалъ ни малѣйшаго желанія идти съ нимъ, а чтобы побудить его къ участію въ рѣшительномъ походѣ 564 г. (1169) потребовалось прямое приказаніе Нуреддина: такимъ образомъ этотъ послѣдній, самъ того не подозрѣвая, заставлялъ сопротивляющагося идти по тому пути, который долженъ былъ привести курдскаго эмира на вершину власти, а династію атабеговъ повергнуть въ глубину несчастья, ибо такъ говорится въ книгѣ *Аллаха*: «Но, быть можетъ, вы чувствуете отвращеніе къ тому, что добро для васъ, и, можетъ быть, любите то, что составляетъ для васъ зло: Богъ знаетъ, а вы не вѣдаете» (сравн. I, 121). Едва было окончено предпріятіе въ Египтѣ, какъ умеръ Ширкухъ, и *Саладинъ* естественно занялъ его мѣсто; точно также четыре года позднѣе смерть Нуреддина, послѣдовавшая именно въ тотъ моментъ, когда безъ этого для новаго властителя Египта все было-бы опять поставлено на карту, прочистила ему дорогу. Какъ въ указанныхъ здѣсь первыхъ начинаніяхъ, такъ и въ теченіе всей своей жизни сынъ *Эйюба* былъ баловнемъ счастья, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что какъ его личность, его успѣхи, такъ и пораженія—все способствовало лишь болѣе яркому освѣщенію великихъ чертъ его натуры, такъ что едва-ли кто-либо изъ государей Востока пользовался такою любовью и уваженіемъ со-

*) *Ибнъ аль-Асиръ*, ed. Tornberg XI, 225.

временниковъ и возбуждалъ такое удивленіе въ потомкахъ. «Его видная осанка», слышимъ мы, «заставляла чувствовать къ нему почтеніе и располагала къ нему сердца; будучи общителенъ и привѣтливъ, онъ находилъ самое большое удовольствіе въ томъ, чтобы одарять. Когда онъ умеръ, печаль народа была такъ велика, какъ будто-бы онъ лишился пророка; никогда еще не испытывали такого горя при смерти царя, ибо онъ былъ любимъ, любимъ какъ благородными, такъ и преступниками, какъ мусульманами такъ и невѣрными» *). Даже мы до сихъ поръ почти любимъ Саладина, мы, для которыхъ, вмѣсто дѣйствительной личности, возстаетъ прекрасный образъ, созданный Лессингомъ; стремленіе наше къ идеалу истинной свободы совѣсти дѣлаетъ насъ склонными почитать султана, который до такой степени воодушевлялся нашими собственными мечтами о будущемъ. Между тѣмъ, какъ это часто бываетъ, исторія должна значительно измѣнить образъ, начертанный поэтомъ. Прежде всего замѣтимъ, что еслибы даже Саладинъ пустился въ болѣе или менѣе долгій разговоръ съ однимъ изъ презираемыхъ евреевъ, то едва-ли одобрилъ-бы аллегорическій рассказъ о трехъ кольцахъ. Хотя Саладинъ всю свою жизнь обращался съ такою изумительною благодѣтельною мягкостью съ иновѣрными, особенно съ попавшими въ его власть христіанами, то это объясняется главнымъ образомъ великодушіемъ его сердца; истинный мухаммеданинъ не могъ-бы сомнѣваться въ неподдѣльности своего кольца, если не примыкалъ прямо къ атеистамъ, а Саладинъ былъ такой рьяный суннитъ, какимъ едва-ли былъ кто-нибудь изъ курдовъ. Его особенно хвалятъ за его заботы о теологическихъ интересахъ въ духѣ правой вѣры; о свободѣ совѣсти онъ думалъ такъ мало, что велѣлъ немедленно казнить суфія С у х р а в е р д і я, философія котораго отличалась нѣсколько пантеистической окраской, когда благочестивые доносчики сообщили ему, что онъ поселился у Меликъ-Зàхира халебскаго, одного изъ сыновей Саладина, и угрожаетъ отравить своими ересями душу молодого князя. Размѣры, въ которыхъ «царь-защитникъ» изъявлялъ притязанія на усердіе мусульманскихъ князей и подданныхъ, ни на волосъ не отличались отъ способа дѣйствій Нуредина, хотя, благодаря привѣтливости внѣшняго обращенія и тонкости натуры, онъ могъ казаться мягче и доступнѣе. Между тѣмъ, совсѣмъ не руководствуясь позволительною для поэта свободой, мы должны еще немного затмить блескъ его красокъ. Не очень-то красивъ способъ, какимъ Саладинъ устранилъ **) несчастныхъ Фатимидовъ: одинъ

*) Ибнъ Абу Усейбія II, 201; де Саси «Relation d'Égypte par Abdallatif». Парижъ 1810, стр. 540 текста, 468 перевода.

**) Вейль, Geschichte der chalifen, т. III, Мангеймъ 1851, стр. 334. Что онъ

изъ наиболѣе заслуживающихъ довѣрія мусульманскихъ историковъ, который всюду превозноситъ его, нисколько не утаиваетъ, что смертоносный кинжалъ, не безъ вѣдома султана *), прервалъ жизненную нить Конрада Монферратскаго. Тяжелъ упрекъ, который, именно съ мусульманской точки зрѣнія, могъ быть сдѣланъ ему относительно его поведенія съ Нурединомъ. А именно: вскорѣ по принятіи правленія въ Египтѣ, онъ сталъ держать себя болѣе независимо, чѣмъ подобало простому управителю народа. Подъ предлогомъ нужды въ нѣкоторыхъ подкрѣпленіяхъ, онъ еще въ 564 г. (1169) сумѣлъ выманить у Нуредина присылки въ Египетъ отца своего, Эйюба, съ его подчиненными и часть войскъ. Тогда ему не нужно было такъ боязливо считаться съ своимъ властелиномъ; и когда этотъ послѣдній, желая возстановить безопасное сообщеніе между Дамаскомъ и Каиромъ, предпринялъ завоеваніе Карака и Шаубека и требовалъ при этомъ помощи египтянъ, Саладинъ не разъ подъ очень незначительными предлогами держался вдали или прямо удалялся въ рѣшительный моментъ. Ему было очень съ руки, что доступъ изъ сирійскихъ владѣній въ Египетъ былъ очень труденъ; но такъ какъ Нурединъ не хотѣлъ, да и не могъ допускать непокорность въ своихъ эмирахъ, то вмѣстѣ съ возможностью полнаго разрыва возникла опасность: какъ разъ въ тотъ моментъ, когда великій сынъ Зенги думалъ достигъ цѣли двадцатипятилѣтней непрестанной работы на пользу вѣры, спасеніе мухаммеданъ опять сдѣлалось вопросомъ, благодаря самолюбивымъ стремленіямъ къ обособленію. Изъ различныхъ указаній можно заключить, что на этотъ разъ и Саладинъ чувствовалъ себя не совсѣмъ по себѣ. Когда только было возможно, онъ кривилъ душой и при случаѣ выказывалъ себя умышленно покорнымъ подданнымъ; но человекъ, подобный Нуредину, не довольствовался долго одними словами. Въ 569 г. (1173—4) въ Каирѣ узнали, что въ Сиріи ведутся обширныя военныя приготовленія; нельзя было сомнѣваться въ цѣли предстоящаго похода, и нечистая совѣсть управителя Египта выдала себя тѣмъ, что онъ, желая на всякій случай обезпечить себѣ убѣжище, велѣлъ одному изъ своихъ братьевъ взять съв. Нубію, а затѣмъ, смѣлымъ скачкомъ черезъ Красное море, Іемень. Но дѣло не зашло такъ далеко, какъ можно было опасаться. Быть можетъ, самъ эмиръ, какъ это бываесть у натуръ, отваживающихся на великое, полагался на свое счастье,—во всякомъ случаѣ въ среду, 11-го Шаввала 569 г. (15-го мая 1174) умеръ Ну-

однако велѣлъ умертвить послѣдняго халифа Фатимида, какъ говорить о немъ христіанинъ Вильгельмъ Тирскій, едва-ли вѣроятно.

*) Во всякомъ случаѣ вѣрность этого предположенія подлежитъ большому сомнѣнію: см. Дефрѣмери въ Journ. As. V. sér. Paris 1855, стр. 26 слѣд.; Куглеръ, указан. сочиненіе.

рединъ отъ быстро развившейся болѣзни, едва достигши пятидесяти восьми лѣтъ; теперъ Эйюбидъ — такъ называютъ Саладина, какъ и впоследствии его потомковъ, по имени отца—могъ дать полный просторъ своему честолюбію, не уничтожая успѣховъ своего великаго предшественника. Что бы мы ни думали о его поведеніи въ отношеніи къ послѣднему, но въ отношеніи къ малымъ людямъ, оставшимся послѣ смерти Нуреддина, Саладинъ могъ дѣйствительно безъ угрызеній совѣсти проявить права прирожденного государственнаго человѣка. Съ этого момента онъ дѣйствительно тотъ несравненный герой, которымъ мы привыкли въ немъ восхищаться. Его отвага, соединенная съ осторожностью и умомъ, даже съ хитростью, его личная храбрость, которыя онъ проявлялъ въ теченіе своей жизни, едва-ли заслуживаютъ такого большого удивленія, какъ его по истинѣ мужественное терпѣніе въ несчастіи. Онъ дѣлается намъ всего дороже, когда послѣ великой побѣды при Хиттинѣ *) и завоеванія Іерусалима, равно какъ послѣ потери Аккона и послѣдовавшаго за ней тяжелаго времени, выказываетъ постоянно равномѣрное самообладаніе и терпѣніе, съ которымъ онъ въ повидимому самомъ отчаянномъ положеніи все таки не покидалъ ни надежды, ни того полудобродушнаго, слегка проническаго снисхожденія къ слабостямъ другихъ людей, которыя Лессингъ съумѣлъ такъ тонко схватить. Въ этомъ человѣкѣ нѣтъ ничего мелкаго; его многохвалимая преувеличенная щедрость была лишь выраженіемъ его высокаго образа мыслей, по которому онъ не могъ отказать взрослымъ дѣтямъ въ игрушкѣ, въ которой они страннымъ образомъ находятъ удовольствіе. Изъ сообщеннаго выше эпизода между Нурединомъ и его женой и разсказа, по которому Саладинъ велѣлъ однажды выплатить одному безсовѣстному лейбъ-медику 30.000 драхмъ, лишь-бы не видѣть болѣе его кривой фізіономіи**), ясно выступаетъ все различіе между этими натурами, въ своемъ родѣ одинаково высоко одаренными.

Государственной дѣятельности египетскаго владыки (569 — 589 = 1174—1193), самостоятельность котораго была теперь признана безъ всякаго сопротивленія, предстояло отчасти еще разъ осуществить двойную цѣль Нуреддина, отчасти пойти дальше достигнутаго имъ. Смерть князя Дамаска и Халеба немедленно сдѣлала опять спорнымъ вопросомъ соединеніе сирійскихъ и месопотамскихъ мелкихъ владѣній, которое было достигнуто съ такимъ трудомъ. Сынъ Нуреддина, Из-

*) Такова орѳографія слова по-арабски; звукъ перваго и однако при выговорѣ нѣсколько измѣняется отъ предшествующаго x, такъ что звучитъ почти какъ Хаттинъ. Поэтому въ западныхъ странахъ находимъ и послѣднее правописаніе, которое усвоилъ и Куглеръ въ своей Исторіи крестовыхъ походовъ.

**) Ибнъ Абу Усейбѣя, II, 176.

ма'иль, съ прозвищемъ Аль - Меликъ асъ - Салихъ *), былъ еще слишкомъ молодъ, чтобы не быть игрушкою въ рукахъ эмировъ; когда онъ, по совѣту одного изъ нихъ, перенесъ свою резиденцію изъ Дамаска въ Халебъ, то тотчасъ порвалась связь между обѣими частями провинціи; а такъ какъ Месопотаміей, немедленно по полученіи извѣстія о смерти государя, котораго всѣ боялись, завладѣлъ Сейфъ адъ-динъ II, сынъ Кутбъ адъ-дина мосульскаго (565 — 576 = 1170 — 1180), то, при знакомой намъ взаимной зависти этого рода владѣтелей, нельзя было надѣяться на общія и цѣлесообразныя дѣйствія относительно крестоносцевъ. Поэтому, когда Саладинъ, отразивъ **) одно нападеніе христіанъ и усмиривъ возстаніе въ Египтѣ, двинулся въ 570 (1174) на Дамаскъ, который только что постыдно купилъ деньгами отступленіе уже вступившаго ***) въ провинцію іерусалимскаго войска, то это было дѣйствительно благодѣяніемъ. Городъ сдался безъ вооруженнаго сопротивленія; точно также послѣ непродолжительныхъ дипломатическихъ переговоровъ сдался Хаматъ, и уже до конца 570 (1175) египетское войско осаждало въ Халебѣ сына Нуреддина съ его атабегами. Правда, вмѣшательство графа Раймунда изъ Триполи и позднѣе Сейфъ адъ-дина мосульскаго заставило Саладина отказаться на время отъ этого предпріятія; но зато съ послѣднимъ изъ названныхъ князей отнынѣ счеты разъ навсегда были кончены. Несмотря на свои большія притязанія, онъ былъ жалкимъ парнемъ, который всего охотнѣе сидѣлъ за рюмкой вина въ своемъ гаремѣ въ то время, какъ другіе за него давали сдирать съ себя шкуру; войско, которое онъ отправилъ въ Сирію подъ начальствомъ своего брата, Изъ адъ - дин а, вмѣстѣ съ отрядомъ изъ Халеба потерпѣло пораженіе у Хамата (570 = 1175), а когда въ слѣдующемъ году онъ сталъ самъ во главѣ войска и двинулъ противъ Саладина новыя отряды при содѣйствіи Ортокидовъ изъ Маридина и Хиснъ Кефы, Саладинъ опять разбилъ его при Хаматѣ и такъ основательно, что онъ сломя голову бѣжалъ обратно въ Мосулъ и уже до самой смерти (576=1180) не отваживался двинуться оттуда. На этотъ разъ побѣдитель, еще до похода окончательно освободившійся изъ подъ верховной власти Зен-

*) Выговаривать *x* твердо, какъ въ словѣ: мохъ.

**) См. подробности у Куглера, подробное и точное изложеніе котораго и въ дальнѣйшемъ ходѣ этой главы можно всегда сравнивать для дополненія. Замѣчу только, что по изслѣдованіямъ Гюяра. (*Un grand maître des Assassins au temps de Sa'adin, extrait du Journal Asiatique, Paris 1877, стр. 46*) Саладинъ чувствовалъ не мѣньшее почтеніе къ ассасинамъ, чѣмъ они къ нему, слѣдовательно, заключеніе мира основывалось на обоюдномъ стремленіи къ нему.

***) Но не при самомъ королѣ Амори (Вейль, *Gesch. der Chalifen, III, 351*), который умеръ раньше Нуреддина.

гидовъ и принявшій титулъ султана, удовольствовался присоединеніемъ нѣкоторыхъ небольшихъ мѣстечекъ въ Сиріи, оставивъ на нѣкоторое время Халебъ въ покоѣ: онъ долженъ былъ идти навстрѣчу бѣдѣ, которая, угрожая все большею опасностью, поднималась съ другой стороны. Между мусульманами и крестоносцами все еще, какъ и прежде, находились для обѣихъ сторонъ одинаково непріятныя гнѣзда ассасиновъ. Съ 564 года (1169) это ужасное братство находилось подъ предводительствомъ новаго главы, по имени Рашидъ-адъ-дина Синана, который властвовалъ, конечно, какъ представитель гросмейстера Аламутскаго, но все-же въ отдѣльныхъ случаяхъ былъ довольно самостоятеленъ. Это былъ человѣкъ въ высшей степени замѣчательный: едва-ли кто другой умѣлъ въ глазахъ народа такъ искусно окружать себя тайнственностью, распространять вокругъ себя страхъ и почтеніе своимъ всевѣдніемъ (ловкіе шпіоны и голубиная почта служили ему), своимъ волшебствомъ. Уже Нуреддинъ много разъ старался, какъ мирными переговорами, такъ и военными нападеніями, подчинить «старца горъ» и если уступалъ, то только на моментъ, какъ вдругъ однажды утромъ онъ нашелъ около своей кровати записку, угрожающую смертью; по обычаю ассасиновъ она была приколота кинжаломъ къ полу *); но она не была исполнена, быть можетъ потому, что естественная смерть Зенгида предупредила его противника. Сиріи теперь угрожало распаденіе на части, и это было, конечно, по вкусу измаилитамъ; зато тѣмъ непріятнѣе были имъ быстрые сборы Саладина положить ему конецъ. Со стороны притѣсненнаго въ Халебѣ оекуна Меликъ Салиха потребовалось поэтому незначительнаго краснорѣчія, чтобы побудить федаіевъ двинуться противъ неудобнаго Эйюбиды: во время неоднократныхъ походовъ въ сѣверную Сирію (570, 571=1175, 1176) два раза были сдѣланы опасныя покушенія на жизнь султана, и, только благодаря чуду, онъ отдѣлался отъ второго изъ нихъ значительнымъ, хотя и не опаснымъ поврежденіемъ лица. Но для человѣка, который не боялся ни людей, ни привидѣній, это было не страшно; Саладинъ немедленно (572=1176) напалъ съ своимъ войскомъ на владѣнія ассасиновъ, разорилъ ихъ, насколько могъ, и осаждалъ Масьяфъ такъ упорно, что даже «старецъ горъ» вступилъ съ нимъ въ переговоры. Съ другой стороны и султану было невыгодно доводить эту отчаянную шайку до послѣдней крайности: такимъ образомъ послѣдовало формальное заключеніе мира; миръ этотъ добросовѣстно соблюдался обѣими сторонами до смерти Рашидъ адъ-дина (588 или 589=1192, 1193) и Саладина. Обѣ стороны, очевидно, научились почитать другъ друга.

*) Этотъ фактъ не окончательно установленъ; онъ встрѣчается въ исторіи ассасиновъ въ различныхъ варіаціяхъ.

Въ слѣдующіе* затѣмъ два года (573—574=1177—1178) султанъ былъ всецѣло занятъ борьбой съ крестоносцами*), и, когда на первыхъ порахъ успѣхи 575 (1179) обезпечили ему здѣсь тылъ, онъ долженъ былъ прежде всего привести въ должныя границы Килиджъ Арслана II въ Иконіи, которому обстоятельства казались удобными для присвоенія себѣ нѣкоторыхъ мѣстностей въ сѣверной Сиріи, считавшихся собственностью Саладина, но отдѣлявшихся отъ его главныхъ владѣній Халебомъ. Въ 576 г. (1180) сельджукъ долженъ былъ немного уступить; въ слѣдующемъ году (577=1171) умеръ Меликъ Салихъ халебскій, и теперь Саладинъ рѣшился покончить съ Зенгидами разъ навсегда. Съ этою цѣлью онъ заключилъ союзъ съ Ортокидами Хиснъ Кефы, которые всегда умѣли пронюхать куда вѣтеръ дуетъ, и въ то время, какъ воцарившійся между тѣмъ въ Мосулѣ Изъ адъ-динъ; (правиль 576—589=1180—1193) велѣлъ осадить Халебъ своему брату Имадъ адъ-дину, Саладинъ отправился мимо этого города черезъ Евфратъ, взявъ Эдессу, Низибинъ и другія мѣста въ Месопотаміи и наконецъ осадилъ самого атабега въ его столицѣ Мосулѣ (578=1182—3). Правда, ему не удалось взять эту сильную крѣпость, но зато ему покорился Амидъ (579=1183), который былъ назначенъ въ награду князю Хиснъ Кефы; но главный успѣхъ этого смѣлаго предпріятія заключался въ томъ, что Имадъ адъ-дина покинуло мужество: онъ отдалъ Халебъ (579=1183) и удовольствовался нѣкоторыми мѣстностями въ Месопотаміи, на правахъ ленной зависимости отъ султана. Для довершенія своихъ успѣховъ Саладинъ въ 581 г. (1185) снова двинулся на Мосулъ. Изъ адъ-динъ снова храбро защищался противъ многократныхъ нападеній своего могущественнаго врага, и, наконецъ, къ концу года (нач. 1186) состоялся миръ, по которому атебегъ уступилъ нѣкоторыя мѣстности, сохранилъ за собою Мосулъ съ его окрестностями, но зато долженъ былъ признать верховенство Саладина; послѣдній теперь на востокъ и сѣверъ имѣлъ покой отъ своихъ противниковъ. Государство, которое онъ себѣ создалъ, обхватывало въ этотъ моментъ весь Египетъ и Сирію съ мелкими месопотамскими государствами, къ ней прилежащими; великій планъ Нуреддина былъ осуществленъ его могущественнымъ преемникомъ, умѣвшимъ дѣйствовать столь-же мудро и умѣренно, сколько чувствительно нападать. Теперь предстояло испытать—хватить-ли соединенныхъ силъ этихъ странъ для освобожденія Іерусалима и прибрежныхъ округовъ отъ господства франковъ.

Ихъ безъ сомнѣнія хватило-бы, не будь двухъ обстоятельствъ:

*) Куглеръ, указ. сочин.

непостоянства турецкихъ эмировъ и еще не остывшаго пыла Запада къ поѣздкамъ въ Святую землю. Вначалѣ все шло хорошо: 24—25 Раби' П 483 (4—5 юля 1187) султанъ разбилъ на голову соединенныя силы Иерусалима и Триполи при Хиттинѣ, вблизи Тиверіады, а благодаря дальнѣйшимъ быстрымъ побѣдамъ большая часть Палестины перешла въ руки мусульманъ: прежде всего пала богатая Акка, сильный Аскалонъ, а 27 Раджаба 583 (2 окт. 1187) самъ Иерусалимъ. Ликование вѣрныхъ, вернувшихъ исламу какъ добычу и славу, такъ и святой городъ, было неизмѣримо: но если этотъ блистательный походъ на самомъ дѣлѣ обозначаетъ поворотный пунктъ во внѣшней исторіи крестовыхъ походовъ, то все-таки еще только черезъ столѣтіе послѣдній франкъ покинулъ почву Палестины. Но съ тою же скоростью, съ какою наступилъ приливъ мухаммеданскихъ приступовъ, долженъ былъ послѣдовать и отливъ: это случилось подъ стѣнами Тира, производѣйствія котораго подъ начальствомъ «маркиза, величайшаго изъ франкскихъ дьяволовъ», Конрада Монферратскаго, Саладинъ не могъ побѣдить. Неудача, которой почти не ожидали, смутила эмировъ; точно также въ 584 (1188) г. не было достигнуто ничего рѣшительнаго въ отношеніи къ Триполису и Антиохіи, несмотря на взятіе нѣсколькихъ крѣпостей и городовъ. Между тѣмъ христіане оправились отъ перваго удручающаго впечатлѣнія; изъ Европы прибыли новыя подкрѣпленія и, пока Саладинъ продолжалъ нападать на сѣверѣ на непокоренныя еще мѣстности, христіанское войско неожиданно появилось передъ Аккой и начало брать приступомъ эту важную крѣпость (585=1189). Султанъ, извѣщенный объ этомъ походѣ, прибылъ туда же черезъ нѣсколько дней послѣ христіанъ въ Раджабъ (августъ) того-же года; теперь началось рѣдкое зрѣлище двухгодичной двойной осады, во время которой крѣпость была окружена крестоносцами, а эти послѣдніе—мусульманами. Какъ повидимому ни неблагоприятно было положеніе первыхъ, однако превосходство флота маркиза надъ египетскими кораблями, которые вначалѣ были посредниками въ сообщеніяхъ осажденныхъ съ ихъ единовѣрцами, а еще болѣе нежеланіе мусульманскихъ войскъ—терпѣливо выносить трудную службу у вала и рва—послужило къ ихъ пользѣ. Правда, туча, которая угрожала съ сѣвера въ видѣ приближенія нѣмецкаго крестоноснаго войска подъ предводительствомъ императора Фридриха Барбаруссы (586=1190), пронеслась и проявила лишь горизонтъ (счастье, которое сами мусульмане почитали однимъ изъ самыхъ большихъ въ теченіе всей это войны), но общее положеніе дѣлъ мало измѣнилось. Геройски выдерживало осаду населеніе города подъ начальствомъ своего храбраго турецкаго эмира Бехъ адъ-дина Кракұша («черной птицы»); похвально держали

себя часто сильно тѣснимые христіане; но тѣ толпы мусульманъ, которые составляли внѣшнее кольцо, слишкомъ часто оставляли желать лучшаго и слишкомъ часто предводители войска, для удержанія которыхъ Саладинъ напрасно пускалъ въ ходъ все вліяніе своей великой личности, удалялись домой на удобныя зимнія квартиры. Такъ же безуспѣшны были старанія султана побудить болѣе отдаленныхъ исламскихъ князей къ оказанію дѣятельной помощи; даже тотъ халифъ, который велѣлъ называть себя повелителемъ вѣрующихъ — то былъ вовсе не безсильный, но заботившійся лишь объ увеличеніи своихъ владѣній, Насиръ (II, 349) — не желалъ предпринять что-либо серьезное. Весною 587 г. (1191) предводители 3-го крестоваго похода, Филиппъ французскій и Ричардъ Львиное Сердце, высадились со своимъ войскомъ около Акки, и теперь участь крѣпости была рѣшена. Она должна была сдаться (17-го Джумады II 587=12-го іюля 1191), и этимъ почти отплатила послѣдствія битвы при Хиттинѣ. Но никогда величіе Саладина не выказалось столь удивительнымъ образомъ, какъ въ слѣдующемъ за этимъ несчастьемъ тяжеломъ году, послѣднемъ въ его жизни. Въ то время, какъ онъ долженъ былъ постоянно приставать къ офицерамъ и солдатамъ, которые по мѣрѣ увеличенія трудностей становились все непокорнѣе и непригоднѣе, съ просьбою, даже мольбою, чтобы хоть скудно прикрыть Іерусалимъ отъ побѣдоносныхъ франковъ, его взоръ съ неумалившеюся проницательностью и ясностью обнималъ всѣ страны ислама отъ западной Африки вплоть до Персіи. Правая рука его во всѣхъ дѣлахъ по управленію и дипломатіи, Мухъи адъ-динъ Абу Алій Абдъ аръ-Рахимъ, съ прозвищемъ аль-Къади аль-Фадль, «прекрасный судья», — высохшій человекъ замѣчательной подвижности, который во время аудіенціи могъ одновременно одно письмо писать, а два — диктовать — не уставалъ посылать одно извѣстіе за другимъ во всѣ страны, гдѣ только можно было найти помощь, но всюду понапрасну. Теперь уже не исламъ воодушевлялъ своихъ послѣдователей, но курдскій султанъ поддерживалъ исламъ. Ничто не освѣщаетъ болѣе рѣзко паденіе мухаммеданства уже въ то время, какъ это соотношеніе, особенно если сравнить его съ юношески-необузданнымъ, но все-же многообѣщающимъ порывомъ христіанскаго Запада.

Но все-таки судьба даровала этому князю, много перенесшему, тяжелоиспытанному и уже состарѣвшемуся въ 57 лѣтъ, послѣднюю радость, на которой онъ могъ отдохнуть душой. Такъ какъ король Ричардъ, обладая сердцемъ льва, имѣлъ птичій мозгъ — онъ никогда не зналъ, чего хотѣлъ — а Саладинъ всегда зналъ это, — то образецъ странствующаго рыцаря въ концѣ концовъ удовлетворился безплод-

ными лаврами каких-нибудь двѣнадцати побѣдъ и по миру или, вѣрнѣе, перемирію 21-го Ша'бана *) 588 (1-го сент. 1192) отказался отъ освобожденія Іерусалима. Когда, ровно черезъ годъ послѣ этого, великій сынъ Эйюба, заболѣвъ изнурительной лихорадкой, почувствовалъ приближеніе смерти, онъ могъ сдѣлать свои послѣднія распоряженія въ полномъ сознаніи, что онъ прожилъ не даромъ: сердитый «король Ангилтара», какъ называли его мусульмане, удалился опять въ Европу, чтобы дать запереть себя своимъ друзьямъ; опасный маркизъ палъ отъ кинжала ассасиновъ; поэтому, даже еслибы потомки тогдашнихъ мусульманъ значительно отставали въ способностяхъ, все же можно было надѣяться, что, по крайней мѣрѣ, главныя приобрѣтенія этихъ двадцати тяжелыхъ и богатыхъ событіями лѣтъ не пропадутъ опять для ислама. И дѣйствительно, въ главномъ все осталось при томъ, что было достигнуто славною дѣятельностью Саладина: правда, онъ былъ первымъ и послѣднимъ истинно-великимъ представителемъ династіи Эйюбидовъ, но и Западъ, послѣ гигантскаго усилія, одновременнаго похода нѣмцевъ подъ предводительствомъ Барбаруссы, французовъ и англичанъ подъ предводительствомъ Филиппа и Ричарда, никогда болѣе не предпринималъ такого обширнаго предпріятія. Чтобы сохранить мѣткое выраженіе, въ настоящее время неупотребительное, мы скажемъ; борьба за Святую землю съ конца 3-го крестоваго похода и послѣ смерти Саладина «завязла въ болотѣ»; должна-ли она была вѣдшимъ образомъ кончиться нѣсколькими годами позднѣе или раньше, зависѣло отъ обстоятельствъ и было несущественно для хода историческаго развитія въ его цѣломъ. Въ главномъ, уже тогда натискъ христіанскаго Запада на мухаммеданскій Востокъ не удался: я не стану противорѣчить, если скажутъ **) — къ несчастью того и другого. Ибо и послѣ отраженія опасности, какъ курдскія такъ и турецкія западно-азіатскія династіи выказали ту-же ужасающую неспособность водворить среди своихъ земель и населенія хотя сносный порядокъ; эта неспособность только что довершила несчастье Персіи: какъ здѣсь, такъ и тамъ упадокъ не удержиимо шелъ своей дорогой.

Саладинъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не предвидѣть, что послѣ его смерти оставшіеся будутъ спорить о наслѣдствѣ. Уже при немъ, къ великому его негодованію, одинъ изъ его племянниковъ, въ то время какъ онъ самъ былъ прикованъ къ Аккѣ, нарушилъ миръ Месопотаміи себялюбивыми предпріятіями, имѣвшими цѣлью увеличеніе своихъ владѣній. Съ другой стороны, невозможность положиться

*) Другіе упоминаютъ 22-го сентября, но, какъ кажется, это менѣе вѣрно.

**) Куглеръ, Исторія крестовыхъ походовъ.

на турецкихъ эмировъ заставила его поручать самыя важныя мѣста по возможности своимъ ближайшимъ приближеннымъ; и едва-ли можно было надѣяться, чтобы послѣ того, какъ онъ закроетъ глаза на вѣки, всѣ прочіе отказались-бы отъ своего господства въ пользу того, кого онъ избралъ себѣ въ преемники, или даже согласились-бы добровольно подчиниться новому верховному властителю. Насколько эти вопросы заботили великаго государя, видно изъ того, что во время болѣзней, наводившихъ его на мысль о смерти, онъ не разъ мѣнялъ свои относящіяся къ нимъ распоряженія, которыя были начертаны раньше. У него было семнадцать сыновей; а между тѣмъ онъ не могъ ни обойти, ни отважиться передать титулъ султана, верховную власть надъ другими брату своему, извѣстному подъ именемъ Аль-Меликъ аль-Адилъ «справедливаго царя», который въ самыя тяжелыя времена былъ ему вѣрнымъ помощникомъ: вѣдь самъ онъ вытѣсненіемъ Зенгидовъ и стращаніемъ при случаѣ потомковъ своего дяди Ширкуха показалъ примѣръ того, какъ дѣйствуютъ въ такихъ случаяхъ честолюбивые люди. Въ концѣ концовъ онъ рѣшился назначить султаномъ старшаго своего сына Алія, прозываемаго Аль-Меликъ аль-Афдаль «превосходный царь» *) и дать ему неограниченную власть надъ Дамаскомъ и южной половиной Сиріи; Египеть получилъ Меликъ Азизъ, сѣверную Сирію съ Халебомъ—Меликъ Захиръ; своему брату Меликъ Адилю онъ оставилъ то, чѣмъ могъ располагать въ Месопотаміи, и кромѣ того на юго-востокѣ отъ Мертваго моря замки Каракъ и Шаубекъ, которые прежде принадлежали ему на правахъ леновъ. Эти распоряженія вступили въ силу задолго до его смерти: когда-же 27 Сафара 589 г. (4-го марта 1193) **) великій властитель испустилъ духъ въ Дамаскѣ, то повидимому все осталось по прежнему, ибо Афдаль, равно какъ остальные, уже властвовали въ предоставленныхъ имъ провинціяхъ. Но уже съ самаго начала такое положеніе не обѣщало быть долговѣчнымъ. У каждаго изъ четырехъ царей были, конечно, въ отдѣльныхъ округахъ, въ качествѣ военачальниковъ и управителей городовъ, подчиненные эмиры, на которыхъ даже при самомъ Саладинѣ нельзя было вполне положиться; къ тому-же множество этихъ довѣренныхъ мѣстъ были заняты остальными сыновьями и другими родственниками умершаго султана; очевидно, что при возникновеніи

*) Для краткости я впредь буду ограничиваться приведеніемъ этихъ прозвищъ, подъ которыми эйюбидскіе князья всего болѣе извѣстны, и считаю себя также въ правѣ не приводить каждый разъ титуловъ, которые въ концѣ концовъ—варьяція одной и той же темы.

**) Подтверженіе этой даты см. у Вейля, *Geschichte der Chalifen*, III, 426, прим. 5-ое.

какихъ-либо несогласій между четырьмя главными владѣтелями, каждый изъ первыхъ могъ примкнуть къ любой партіи; изъ этого слѣдовало, что до тѣхъ поръ, пока какая-нибудь болѣе сильная личность не захватитъ бразды правленія, будетъ происходить по мѣрѣ времени все увеличивающійся беспорядокъ, и, наконецъ, все государство дѣйствительно распадется на массу безсильныхъ маленькихъ государствъ. Такъ оно и случилось. Не прошло и года со смерти Саладина, какъ наследники его стали нападать другъ на друга; несмотря на измѣнчивость безконечныхъ междоусобныхъ войнъ, все-же до 635 г. (1238) можно прослѣдить ихъ, такъ какъ то одному, то другому Эйюбиду удавалось, по крайней мѣрѣ, захватить себѣ большую часть земель, прибрѣтенныхъ основателемъ ихъ династіи; но съ указаннаго времени воистину разражается война всѣхъ противъ всѣхъ, въ которой напримѣръ, уже между 635 и 637 г. (1238—1240), т. е. въ теченіе двухъ лѣтъ, Дамаскъ имѣлъ трехъ различныхъ владѣтелей; нѣтъ почти никакой возможности слѣдить за безконечными драками между крупными и мелкими владѣтелями. Для исторіи ислама въ его цѣломъ подробности во всякомъ случаѣ совсѣмъ не имѣютъ значенія; поэтому я ограничусь указаніемъ главнаго хода событій.

Уже въ 590 г. (1194) Афдалъ дамаскій (589—592=1193—1196) возбудилъ неудовольствіе своихъ эмировъ, которые поэтому просили заступничества Азіза египетскаго. Благодаря посредничеству Захира халебскаго (589—613=1193—1216) и Адиля каракскаго (589—615=1193—1218) миръ былъ опять восстановленъ, но въ 591 (1195) раздоры опять возобновились, а въ 592 г. (1196) Адиль самъ соединился съ Азізомъ, оба они прогнали Афдала, и Адиль овладѣлъ Дамаскомъ. Онъ сначала правилъ здѣсь лично, а потомъ, когда по смерти Азіза не безъ борьбы захватилъ Египетъ (596=1200) и занялъ мѣсто его несовершеннолѣтняго преемника, передалъ управленіе своему сыну, Мелику Му'аззаму (596—624=1200—1227). Такимъ образомъ большая часть государства, исключая Нильской долины, Карска, Месопотаміи, также Дамаска, т. е. южной Сиріи, была опять сосредоточена въ его рукахъ. Племянникъ его Захиръ, который владѣлъ только сѣверной Сиріей, не осмѣливался больше сопротивляться ему и властвовалъ на правахъ ленной зависимости отъ него; этимъ онъ спасъ Халебъ для своихъ потомковъ, которые царствовали тамъ до нашествія монголовъ (конецъ 657 г. или начала 658=1259). Такъ какъ Ортокиды Маридина (599=1202—3) и Зенгидъ Кутбъ ад-динъ, владѣтель Синджара (600=1203—4), подчинились Адилю, такъ какъ кромѣ того одинъ изъ его сыновей, Меликъ Аухадъ, который заступалъ его мѣсто въ Месопотаміи, въ 604 г. (1207—8) завладѣлъ областью уже раньше умершаго Шахъ-

Армена Хилатскаго, то братъ Саладина въ послѣдніе годы господствовалъ надъ землями, своими размѣрами почти превосходившими его собственныя владѣнія; правда, онъ для этого сначала похитилъ у своихъ племянниковъ по праву принадлежащую имъ власть, но, какъ показали послѣдствія, его можно было отчасти извинить за его умѣлое управленіе. Помимо Халеба, государство и впослѣдствіи осталось въ рукахъ его потомковъ, съ устраненіемъ дѣтей и внуковъ Саладина отъ владѣнія, по крайней мѣрѣ, важнѣйшими частями государства. Послѣ того, какъ онъ въ общемъ въ прежніе года оказывалъ крестоносцамъ отпоръ въ Сиріи, въ 615 г. (1218) его постигло несчастье: герцогъ Леопольдъ Австрійскій напалъ съ крестоносцами на Египетъ и съ успѣхомъ осадилъ Даміетту *), считавшуюся до этого времени неприступной. Скоро послѣ этого Адиль заболѣлъ и умеръ (615=1218), оставивъ своему сыну Меликъ Камилю тяжелую задачу очистить Египетъ отъ франковъ. Съ помощью своего брата, Му'аззана Дамасскаго, онъ благополучно разрѣшилъ ее; Даміетта, правда, была потеряна (616=1219), но не прошло и двухъ лѣтъ, какъ ее взяли обратно (618=1221). Но едва избавились сыновья Адилья отъ этой опасности, какъ начали воевать другъ съ другомъ (619—621 и 623—624=1222—4 и 1226—7); въ этихъ войнахъ принималъ дѣятельное участіе третій братъ, Меликъ Ашрафъ, преемникъ умершаго въ 607 г. (1210—11) Аухада, въ Месопотаміи и Хилатѣ (607—635=1210—11—1237). Му'аззамъ былъ государь энергичный и неразборчивый въ средствахъ, который въ концѣ концовъ едва-ли остался бы во всѣхъ этихъ распряхъ въ проигрышѣ; онъ умеръ въ 624 г. (1227), и тогда оба другіе напали на его сына, Меликъ Насира **) Да'уда, отняли у него Дамаскъ (626 = 1229) и вознаградили его за это отдаленнымъ Каракомъ, гдѣ онъ хозяйничалъ до 647 года (1249) и мстил частыми вмѣшательствами въ позднѣйшіе раздоры своихъ милыхъ родственниковъ. Изгнанный подъ конецъ и оттуда, онъ велъ среди бедуиновъ Ирака жизнь, полную приключеній и, послѣ различныхъ превратностей судьбы, умеръ въ 656 г. (1258) отъ чумы, по странной игрѣ судьбы около самаго Дамаска, гдѣ онъ нѣкогда властвовалъ въ качествѣ султана. Отнявшіе у него этотъ городъ подѣлили свою добычу слѣдующимъ образомъ: Камиль получилъ въ придачу къ Египту южную Сирію и Месопотамію, Ашрафъ же властвовалъ надъ Дамаскомъ и Хилатомъ—

*) См. Куглеръ, указ. сочин.

**) Оффиціальныя титулы Эйюбовъ, которыми они обыкновенно обозначаются, часто одни и тѣ-же у различныхъ лицъ; эти излишнія прибавленія только еще болѣе затрудняютъ возможность разобраться въ исторіи этой династіи. Чтобы избѣжать смѣшенія въ такихъ случаяхъ прибавляютъ собственное имя.

въ послѣднемъ онъ, разумѣется, имѣлъ своего замѣстителя. Благодаря этому странному раздѣлу, вся тяжесть 5-го крестоваго похода, который предпринялъ какъ разъ теперь императоръ Фридрихъ II*), грозила пасть главнымъ образомъ опять на Камилля; но такъ какъ борцы за вѣру въ обоихъ лагеряхъ стояли за то, чтобы по возможности не драться, то послѣдовало извѣстное примиреніе—во всякомъ случаѣ прекрасная побѣда государственной мудрости Гогенштауфена—по которому Камилль возвратилъ христіанамъ Іерусалимъ съ узкой полосой земли, доходящей до Яффы (626—1229). Какъ извѣстно, ревностные вѣрующіе той и другой стороны были очень недовольны этимъ исходомъ: мусульмане потому, что потеряли Іерусалимъ, христіане потому, что взяли его обратно безъ папской санкціи. Обѣимъ сторонамъ очень скоро можно было помочь: послѣ того, какъ уже въ 637 г. (1239) Насиръ Даудъ Каракскій напалъ на Іерусалимъ и произвелъ тамъ всяческія безобразія, святой городъ былъ окончательно завоеванъ въ 642 г. (1244) ужасными турецкими шайками съ Востока**), нанятыми сыномъ Камилля, Меликомъ Салихомъ Эйюбомъ, и опустошенъ такъ, что это замѣчательно напоминало благочестивое усердіе христіанъ въ первомъ крестовомъ походѣ.

Въ отношеніи къ своимъ пограничнымъ сосѣдямъ на сѣверѣ Камилль выказалъ себя нѣсколько болѣе энергичнымъ, чѣмъ въ отношеніи къ нѣмецкому императору. Тамъ, во владѣніяхъ Сельджуковъ Рума въ это время дѣла обстояли такъ-же, какъ у Эйюбидовъ. Килидж Арсланъ II, который послѣ смѣщенія сыновей Данишменда властвовалъ надъ всѣми землями, ограниченными моремъ, византійскими границами, королевствомъ Малой Арменіи, сѣверной Сиріей, Месопотаміей, Хиснъ Кефой и владѣніями Эрзерума***) и Эрзингана, уже давно имѣвшими собственныхъ князей; подобно Саладину, онъ еще при жизни раздѣлилъ управленіе провинціями между своими сыновьями****); одинъ изъ нихъ, Кутбъ адъ-динъ

*) Куглеръ; указан. соч.

**) Срав. у Куглера указ. соч.

***) Я сохраняю принятое нынѣ правописаніе извѣстной столицы турецкой Арменіи; первоначальное ея имя—Эрзенъ аръ-Румъ „Эрзенъ Рума“ (см. выше стр. 126), въ противоположность Эрзингану, который назывался также Эрзенъ Діаръ Бекръ „Эрзенъ Діаръ Бекра“ (II, 239).

****) Таковъ несомнѣнно смыслъ арабскихъ словъ Абульфида (Annal. Muslem. ed. Reiske-Adler. IV. Hafn, 1792, стр. 128); у него одного видно пониманіе этихъ событій и потому ему можно довѣрять; къ тому же онъ сходится съ тѣми мѣстами изъ Рейске, въ которыхъ тотъ приводитъ слова Никета, и которыя касаются этихъ событій. Соотвѣтственно вышеуказанному изложенію Абульфида, надо исправить свѣдѣнія, распространенныя на Западѣ Баргебреусомъ (Greg. Abulpharagü Chronicon ed. Bruns—Kirsch, Lips. 1789, стр. 423 текста, 432 пере-

Сивасскій, насиліемъ свергъ своего отца (до 586 = 1190), чтобы подь его именемъ господствовать надъ всею странюю. Это послужило поводомъ къ войнѣ между братьями, во время которой старцу удалось убѣжать отъ опеки этого противоестественнаго сына. Недавно еще столь могущественный князь скитался теперь отъ одного сына къ другому, пока наконецъ нашелъ пріютъ у Гіясъ адъ-дина Кей-Хосрау*), которому онъ раньше передалъ Карію и Памфілію. Этотъ заступился, наконецъ, дѣятельно за отца, изгналъ изъ Иконіи Кутбъ адъ-дина, который не ослабѣлъ послѣ борьбы съ крестоносцами, находившимися подъ начальствомъ Фридриха Барбаруссы**), а въ 588 г. (1292), по смерти Килиджъ-Арслана, самъ сдѣлался султаномъ. Правда, онъ на время былъ изгнанъ***) другимъ братомъ, Рукнъ адъ-динъ Сулейманомъ; но когда тотъ, отнявъ Эрзерумъ у своего бывшего господина и присоединивъ его ко своему Румскому царству, умеръ (600=1204), Кей-Хосрау вернулся, и въ 601 г. (1205) ему удалось завладѣть всей странюю. Этотъ могучій властитель палъ въ 607 г. (1211) въ войнѣ противъ византіяца Θεодора Ласкариса****); за то сынъ его, Кей-Каусъ (607—616=1211—1219) достигъ того, что Ласкарисъ, который изъ-за латиновъ долженъ былъ столкнуться съ турками, сдѣлался его данникомъ*****). Болѣе того: императоръ Алексѣй былъ взятъ въ плѣнъ бродячей шайкой, которая отъ Синопа до Трапезунда выходила на рекогносцировку*****) противъ Комненовъ, и вслѣдствіе этого не только Синопъ долженъ былъ перейти къ туркамъ (611=1214), но даже Трапезундъ сталъ въ вассальныя отношенія къ сельджукскимъ султанамъ, отъ которыхъ освободило его только разрушеніе царства

вода; *Historia Dynastiarum* ed. Roscoe, Oхon. 1663, стр. 420 текста, 276 перевода) касательно „раздѣленія царства“ между сыновьями Килиджа Арслана при его жизни и т. д. (Герцбергъ, *Gesch. d. Byz.*, № 72 *Allg. Gesch. in Einzeldarstellungen*, стр. 334; Куглеръ, *Ист. Крест. поход.*

*) Имена иконійскихъ султановъ, начинающіяся съ слова Кей (персидское слово, обозначающее верховнаго короля), заимствованы изъ древнеперсидскихъ сказаній, относящихся къ Шахнаме Фирдуси.

**) См. Куглера, указ. сочин.

***) Ср. Герцберга, указ. соч. стр. 339 и слѣд.

****) Указ. сочин. 386. 390.

*****) См. Houtsma „*Ueber eine türkische Chronik* (*Actes du 6 Congrès des Orientalistes, Leiden 1885*, II, 1 стр. 376 и слѣд., который изъ новыхъ источниковъ черпаетъ дополненія къ раньше извѣстному (Герцбергъ, указ. сочин., стр. 378 и слѣд.).

*****) За вѣрность этихъ подробностей нельзя ручаться, но взятіе въ плѣнъ и его послѣдствія достовѣрны. Свѣдѣнія объ убіеніи Давида, основывающіяся на гипотезѣ Фаллмерайера (Герцбергъ, указ. сочин. стр. 319 и слѣд.), слѣдуетъ отбросить, какъ неосновательныя; см. Houtsma, указ. соч. стр. 378 и слѣд.

Иконіи монголами. Послѣ смерти Кей-Ка'уса султаномъ сдѣлался братъ его Кей-Кобадъ (616 — 634=1219—1237). Онъ продолжалъ успѣшную военную политику своихъ предшественниковъ: если случайное нападеніе на Крымъ *) и осталось безъ значительныхъ послѣдствій, то все-же ему удалось не мало расширить свое государство на южномъ берегу Малой Азіи, отнявъ у жителей Малой Арменіи землю до Селевкии. Онъ напалъ на Армянское королевство и съ сѣвера, и велъ съ христіанскими князьями нѣсколько счастливыхъ войнъ: неудивительно поэтому, что въ концѣ концовъ онъ столкнулся и съ Эйюбидами, княжества которыхъ непосредственно соприкасались съ этими. Уже Кей-Ка'усъ, за годъ до своей смерти (615=1218—19), собирался идти противъ владѣнія Халеба и старался составить союзъ месопотамскихъ мелкихъ государствъ противъ Меликъ Ашрафа, который оказалъ помощь своему двоюродному брату и отбросилъ непріятельское войско; теперь между воинственнымъ Кей-Кобадомъ, при которомъ царство Иконійское было дѣйствительно великой державой, и Ашрафомъ и Камилемъ, также помѣшанными на дальнѣйшемъ распространеніи своей власти, дѣло дошло до ожесточенной борьбы. Послѣдніе еще въ 627 г. (1230) были союзниками для отраженія общими силами нападеній на обоихъ съ Востока; на присоединеніе Эрзингана (давно находившагося подъ вліяніемъ Эйюбидовъ) къ Месопотаміи Сельджукъ также ничего не отвѣтилъ: но теперь, въ 631 г. (1233—4) онъ вдругъ напалъ на Хилатъ, владѣніе Ашрафа **). Камиль нашелъ этотъ случай удобнымъ для расширенія Эйюбидскаго государства въ глубь Малой Азіи и отправился во главѣ войска, состоявшаго изъ воиновъ почти всѣхъ подчиненныхъ ему царей и сопутствуемаго послѣдними, противъ сельджукскихъ земель, лежащихъ къ западу отъ верхняго Евфрата. Такъ какъ его вассалы или, скорѣе, союзники въ послѣдній моментъ измѣнили, то Кей-Кобадъ могъ завладѣть болѣею частью Месопотаміи (632=1234—5); въ слѣдующемъ году (633=1235—6) Камиль опять прогналъ его и такимъ образомъ дѣло затянулось. Въ 634 г. (1237) Кей-Кобадъ умеръ. Преемникъ его, Кей-Хосрау II (634—642 ***)=1237—1244), сначала какъ-будто собирался возобновить борьбу, но, благодаря внутреннимъ безпорядкамъ и первымъ

*) Houtsma, указ, сочин. стр. 380.

**) Не Камиль, какъ говоритъ Абульфида (Ann. Muslem; ed. Reiske-Adler IV, 401). По ясному показанію Ибнъ аль-Аспра (ed. Tornberg XII, 316), которому самъ Абульфида слѣдуетъ въ другомъ мѣстѣ (IV, 347), Ашрафъ при раздѣленіи Сиріи въ 626 г. уступилъ Камилю только нѣкоторые месопотамскіе города и въ 627 г. (XII, 319) первый еще ясно называется «Государемъ Хилата». При войскѣ, во главѣ котораго отправился Камиль, чтобы отразить нападеніе на цѣлостность своего государства, находился и Ашрафъ: Абулф. IV, 401.

***) Такъ у Бархебрейуса; у Абульфиды 634=1236 по Р. Хр. (а не 645)

натискамъ приближающагося монгольскаго нашествія, имѣлъ достаточно дѣла у себя дома. Однако избавленіе отъ этого врага принесло Эйюбидамъ мало пользы: теперь они снова начали враждовать между собою. Послѣдніе успѣхи Камиля возбудили зависть Ашрафа и другихъ мелкихъ владѣтелей. Чтобы предупредить возстаніе, которое было ими подготовлено, Камиль пошелъ на Сирію (635=1237—8). Ашрафа онъ не засталъ болѣе въ живыхъ; наслѣдовавшій ему въ Дамаскѣ въ началѣ 635 г. (1237) братъ, Меликъ Салихъ Измаиль, не могъ удержать этого города; однако скоро послѣ его взятія умеръ и Камиль (635=1238), и теперь началась безпорядочная борьба между маленькими государями, изъ которыхъ каждый мечталъ сдѣлаться султаномъ.

Но ни люди, ни положеніе вещей не находились болѣе въ тѣхъ условіяхъ, какъ при великихъ основателяхъ Эйюбидской династіи. Давно уже во всѣхъ государствахъ передней Азіи выступали все ярче слѣды начинавшагося разложенія. Уже при Саладинѣ и Адилѣ случалось, что толпы туркменовъ и курдовъ, которые въ качествѣ пререгулярныхъ играли въ войскѣ султановъ слишкомъ большую роль, ссорились другъ съ другомъ, сражаясь и грабя расходились по всей Месопотаміи и сѣверной Сиріи и только съ величайшимъ трудомъ бывали усмирены. Теперь за Тигромъ появились первые провозвѣстники начинавшагося переселенія народовъ—новыя турецкія орды, спасавшіяся отъ тѣснившихъ ихъ къ западу монголовъ; онѣ охотно соглашались поступать на службу къ иконійскимъ султанамъ, равно какъ и къ Эйюбидскимъ владѣтелямъ; но все это былъ грубый и необузданный народъ, на котораго не было управы и который къ тому же каждое мгновеніе былъ готовъ мѣнять своего господина. Эйюбиды между тѣмъ, которые могли все менѣе полагаться на своихъ эмировъ и солдатъ, уже съ нѣкотораго времени старались противодѣйствовать паденію своего могущества основаніемъ новыхъ, лично преданныхъ имъ полковъ. Турецкіе военноплѣнные,—а ихъ во время непрестанныхъ войнъ были тысячи,—скупались, и изъ нихъ составлялись полки тѣлохранителей, которые, въ данный моментъ, естественно служили надежной опорой тому князю, личнымъ расположеніемъ котораго они пользовались. Ихъ называли мамлюками*), т. е. покупными рабами и, чѣмъ болѣе расшатывалось Эйюбидское государство, тѣмъ усерднѣе властители болѣе обширныхъ владѣній, располагавшіе болѣе значительными средствами (въ особенности владѣтели Дамаска и Каира), старались увеличивать ихъ число; они не подозрѣвали, что, по обык-

*) Мамлюкъ — арабское причастіе, первоначально означавшее: „пріобрѣтенъ, купленъ“.

новенію преторіанскихъ войскъ, и эти войны при первомъ случаѣ поступать съ своими царями такъ-же, какъ нѣкогда турецкіе тѣлохранители халифовъ съ Аббасидами (II, стр. 213 и слѣд.). Чась, когда это должно было случиться, пробилъ вскорѣ послѣ смерти Ашрафа и Камиля. Сынъ послѣдняго, Меликъ Адиль II (635—637=1238—1240), занявшій его мѣсто въ качествѣ султана, находясь въ Египтѣ, не могъ удержать Дамаска; послѣ нѣсколькихъ столкновеній сирійская столица была взята (636=1238) его братомъ, Меликъ Салихъ Эйюбомъ (котораго часто обозначаютъ его первымъ именемъ Неджемъ адъ-динъ). Однако уже въ 637 г. (1239) онъ подвергся нападенію Меликъ Салихъ Измаила, сына Ашрафа, изгнаннаго въ 637 г. (1238); послѣдній неожиданно занялъ Дамаскъ въ то время, какъ Эйюбъ былъ занятъ другимъ военнымъ походомъ, и до 643 г. (1245) властвовалъ надъ южной половиной Сиріи. На Салиха Эйюба тѣмъ временемъ напалъ Насиръ Даудъ и повелъ его въ Каракъ, но уже въ концѣ 637 года (1240) выпустилъ его противъ Адилія II египетскаго. Смѣлое предпріятіе противъ послѣдняго удалось: Адиль былъ пойманъ толпою мамлюковъ (637=1240), и Салихъ Эйюбъ сдѣлался Каирскимъ султаномъ. Во время своего управленія (637 — 647 = 1240 — 1249) онъ принесъ всему свѣту и своимъ преемникамъ больше зла, чѣмъ собственно можно было совершить въ девятилѣтній промежутокъ времени. Немедленно въ 638 г. (1240—41) онъ посадилъ въ тюрьму, одного за другимъ, главнѣйшихъ эмировъ своей страны; въ то же время онъ бралъ съ востока со всѣхъ сторонъ нахлынувшихъ турокъ въ большомъ числѣ, равно какъ и мамлюковъ, и организовалъ избранную часть ихъ въ свою особую лейбъ-гвардію. Этой послѣдней онъ велѣлъ стоять лагеремъ недалеко отъ Каира, на нильскомъ островѣ Родѣ; такъ какъ островъ омывался рѣкою, то населявшіе его стали называться бахритскими *) мамлюками. Сначала они выказали себя прекрасными орудіями для борьбы: когда Насиръ Даудъ Каракскій и Салихъ Измаиль Дамасскій соединились съ франками противъ опаснаго для всѣхъ властителя Египта, начальника мамлюковъ, Бейбарсъ, побилъ союзное войско послѣднихъ въ 642 г. (1244) при Газѣ; теперь началось поистинѣ ужасающее опустошеніе Палестины и Сиріи ужасными турецкими шайками, которыя въ томъ-же году завоевали своему господину Іерусалимъ, въ 643 года (1245) — Дамаскъ, въ 644-мъ (1246) — Баалбеккъ, въ 645 (1247) — Аскалонъ и Тиверіаду. Во время 6-го крестоваго похода **) умеръ Салихъ Эйюбъ

*) Бахръ по-арабски—море или большой потокъ.

**) Куглеръ, Ист. Крест. поход.

(647=1249); вдова его, Шеджереть адъ-дуррь*), которая вела себя очень мужественно, терпѣла очень дурное обращеніе отъ Туранъ-Шаха, сына Эйюба отъ другой матери, явившагося лишь позднѣе изъ Месопотаміи, да и помимо этого юный князь возбудилъ неудовольствіе мамлюковъ. Такъ дѣло дошло до возмущенія; Туранъ-Шахъ былъ умерщвленъ (648=1250) по указанію Бейбарса, и султаномъ провозгласили несовершеннолѣтняго внука Камиля. Дѣйствительно же управлялъ одинъ изъ мамлюковъ, туркменскій эмиръ Эйбекъ. Прежде всего ему нужно было защитить Египетъ отъ внѣшнихъ нападеній. Узнавъ о смерти Эйюба, владѣтель Халеба, правнукъ Саладина (онъ носилъ и его гордое имя аль-Меликъ анъ-Насиръ Салахъ адъ-динъ Юсуфъ, но въ остальномъ былъ мало на него похожъ) овладѣлъ территоріей Дамаска (648=1250) и пытался отсюда напасть и на Египетъ; войска его были нѣсколько разъ отражены и онъ долженъ былъ согласиться на миръ въ 651 г. (1253). Успѣхъ сдѣлалъ Эйбека высокоомѣрнымъ: въ 652 г. (1254) онъ устранилъ Эйюбиды, женился на Шеджереть адъ-дуррь и принялъ титулъ султана, но при этомъ такъ мало помнилъ свои обязанности въ отношеніи къ женщинѣ, которой въ концѣ концовъ онъ былъ обязанъ своимъ саномъ, что въ 655 г. (1257) собирался жениться на другой, болѣе молодой и красивой. Онъ плохо зналъ страстную натуру своей супруги: она просто велѣла его умертвить (655=1257), и если за это мамлюки поймали ее и позднѣе засадили въ тюрьму, то все-же несовершеннолѣтній сынъ Эйбека не выросъ, чтобы властвовать самостоятельно. Его опекунъ, мамлюкъ Котузъ, велѣлъ въ 657 г. (1259) принести себѣ присягу въ вѣрности, какъ султану Египта: мы встрѣтимся еще съ нимъ и съ его преемниками, равно какъ и съ послѣдними Эйюбидами, и позднѣе ихъ можно считать дѣйствующими лицами, хотя и въ очень различныхъ роляхъ, одной и той-же трагедіи, прологъ которой разыгрывался на восточной сценѣ уже цѣлыя десятилѣтія.

*) Это имя значить: жемчужное дерево; принятое здѣсь правописаніе, по всей вѣроятности, вѣрнѣе чѣмъ „Шеджеръ адъ-дуррь“, передаваемое другими источниками и означающее жемчужный кустъ. По этому вопросу сравни Куллера, указ. соч.

ГЛАВА V.

Восточныя государства и предвѣстники катастрофы.

Въ то время, какъ собственно въ Персіи и въ западныхъ провинціяхъ велась почти непрерывная ожесточенная борьба между сельджукскими султанами и ихъ атабегами и другими эмирами, Хорасанъ и прилежація къ нему земли управлялись государемъ, въ которомъ, казалось, еще разъ пробудился духъ Тогриль-Бека и Альпъ-Арслана, и въ правленіи котораго эта страна около сорока лѣтъ пользовалась порядкомъ и спокойствіемъ внутри и такимъ блескомъ и значеніемъ извнѣ, какой едва-ли существовалъ и въ управленіи Низамъ аль-мулька. Государь, управлявшій здѣсь съ такимъ умѣньемъ и такою силою и заставившій почувствовать свое вліяніе, какъ въ пракскихъ владѣніяхъ своихъ племянниковъ, такъ и въ государствахъ Газневидовъ и трансоксанскихъ турокъ, прилегавшихъ къ его восточнымъ границамъ, былъ младшимъ и наиболѣе выдающимся сыномъ Меликшаха; его звали Синджаръ. Отъ его престола въ Мервъ*), помимо собственно Хорасана, уже съ 490 (1097) отчасти зависѣли округа Балхъ, Хератъ, равно какъ Джурджанъ, а по миру 497 (1104) зависимость эта была окончательно установлена; позднѣ ей же подпали Хорезмъ и Седжестанъ. Первый изъ послѣднихъ двухъ управлялся съ 490 г. (1097) довольно самостоятельно (до 522=1128), хотя и подъ верховною властью султана; здѣсь правилъ Мухаммедъ, сынъ Ануштегина, который былъ посаженъ сюда полководцемъ Баркіярокомъ, но впослѣдствіи утверждень Синджаромъ; онъ носилъ титулъ Хорезмшаха (царя Хорезма); Седжестанъ же, какъ и всегда со времени добровольнаго подчиненія сельджукамъ, находился подъ властью туземнаго царя**), Тадждьадъ-дина Абуль-

*) Изъ показаній Ибнь аль-Аспра XI, 44, 63, 117, 146, ясно, что, по крайней мѣрѣ во вторую половину царствованія, резиденціей его былъ Мервъ, а не Нпшапуръ.

**) Онъ и его потомки считаются родственниками халифа Ибнь Ахмеда и черезъ него ведутъ свой родъ отъ Саффаридовъ. Первое не лишено вѣроятія; для провѣрки второго сравн. стр. 62, прим.

фатха Ибнъ Тахира (упр. 480 — 559 = 1087=8 — 1163=4), которого превозносятъ за его непоколебимую вѣрность Синджару. Сельджукскому царю была подвластна также Трансоксанія, а именно: когда въ 495 г. (1102) ханъ этой страны вмѣшался въ раздоры между сыновьями Меликшаха, Синджаръ, или вѣрнѣе эмиры этого юнаго государя, разбили хана и взяли въ плѣнъ; вмѣсто него посадили управлять въ Самаркандѣ другого члена ханской семьи, Арсланъ Хана Мухаммеда, родственника сельджукскому дому по матери, сестрѣ Синджара *). Арсланъ, вѣроятно, вслѣдствіе своего родства съ Синджаромъ, былъ не особенно любимъ своими подданными; ему часто приходилось усмирять возстанія, между тѣмъ какъ зависимость его отъ Синджара была довольно незначительна; тѣмъ не менѣе положеніе дѣлъ порядочно долгое время было все-таки сноснымъ, и, по крайней мѣрѣ, обезпечивало хорошую пограничную защиту на сѣверо-востокѣ. Царство Газневидовъ не такъ сильно чувствовало превосходство могущественнаго сосѣда. Правда, Газневиды должны были совѣмъ отказаться отъ Седжестана; но помимо этого, послѣ мира между Чакиръ-Беккомъ и Ибрахимомъ (451=1059) отношенія ихъ къ Сельджукамъ лишь изрѣдка нарушались небольшими столкновениями. Оба Газневида: Ибрахимъ (450 — 492 = 1059 — 1099) и сынъ его отъ одной изъ сестеръ Альпъ-Арслана, Алъадъ-даула Мас'удъ II (492 — 508 = 1099 — 1115), при случаѣ дѣлали небольшіе походы на Индію, въ которыхъ едва достигали Ганга; но въ общемъ они удовлетворялись сохраненіемъ своихъ владѣній и оставили по себѣ память хорошихъ правителей и покровителей мирныхъ искусствъ; но когда умеръ послѣдній изъ нихъ, порядокъ въ странѣ нарушился настолько, что въ концѣ концовъ и сосѣднее государство должно было вмѣшаться въ ихъ дѣла. Сынъ и преемникъ Мас'уда, Ширзадъ (508—509=1115—16), правилъ всего около года; младшій братъ его, Арсланъ-Шахъ (509—512 = 1115=16—1118) свергъ его съ престола и убилъ. Та-же участь грозила и остальнымъ сыновьямъ Мас'уда, которыхъ узурпаторъ заключилъ въ темницы: однако одному изъ нихъ, Бахрамъ-Шаху, удалось бѣжать въ Кирманъ. Онъ былъ любезно принятъ правившимъ тамъ потомкомъ Кавурда (выше стр. 125), но получилъ отказъ въ отвѣтъ на просьбу о помощи, съ указаніемъ обратиться для этого къ болѣе могущественному государю Хорасана. Синджаръ былъ уже сильно ожесточенъ дурнымъ обращеніемъ Арсланъ-Шаха съ его сестрой, жившей при дворѣ Газневидовъ, и потому нетрудно было склонить

*) Мы уже знаемъ (выше, стр. 105), что подобный-же бракъ съ цѣлью возстановленія мирныхъ отношеній между сельджуками и трансоксанскими турками, былъ заключенъ между Меликшахомъ и Турканъ Хатунъ.

его къ вооруженному вмѣшательству. Онъ самъ разбилъ на голову злодѣя и посадилъ на его мѣсто Бахрамъ-Шаха (510=1117); когда же этотъ сѣятель смуть возсталъ еще разъ, онъ былъ снова побитъ, пойманъ во время бѣгства и убитъ (512=1118). Съ этихъ поръ Бахрамъ-Шахъ (552=1157) властвовалъ надъ Газной и Индией въ качествѣ ленника своего благодѣтеля, Синджара; владѣнія послѣдняго такимъ образомъ къ 520 г. (1126) номинально простирались отъ Инда и Яксарта до самаго Евфрата. Но подобно тому, какъ въ западныхъ провинціяхъ только формально признавали его верховную власть, такъ и подчиненность Газневидовъ была слабая. Правда, однажды Бахрамъ-Шахъ (529=1135) отважился открыто отрицать свою ленную зависимость и, когда Синджаръ послѣ этого приблизился съ своимъ войскомъ къ Газнѣ, онъ такъ испугался, что поспѣшилъ смириться; но за то сельджукскій султанъ имѣлъ столь-же мало ощутительныхъ выгодъ отъ оффиціального признанія продолжающейся зависимости, сколь мало ему приходило въ голову вмѣшиваться въ управленіе страной. Напротивъ того, онъ предоставилъ Газневидамъ управлять, какъ они того желаютъ, лишь-бы онъ могъ рассчитывать на спокойствіе и порядокъ на восточныхъ границахъ. Такимъ образомъ все, казалось, обстояло благополучно: Синджаръ и Бахрамъ-Шахъ имѣли блестящій дворъ въ Нишапурѣ или Мервѣ, равно какъ въ Газнѣ; предоставляли воспѣвать себя краснорѣчивымъ поэтамъ, одинаково расположеннымъ къ нимъ обоимъ; отъ времени до времени предпринимали и тотъ и другой походы; такъ сельджуки нѣсколько разъ отправлялся противъ Ирака (513, 522, 526=1119, 1128, 1132; выше стр. 137), или противъ Самарканды, въ которомъ надо было замѣнить ненадежнаго хана другимъ членомъ тамошняго царствующаго дома (524=1130), а Бахрамъ-Шахъ ходилъ противъ языческихъ индусовъ; но все это благополучіе черезъ нѣсколько лѣтъ неожиданно рухнуло. Повидимому причина этого была непокорность двухъ вассаловъ обоихъ государей, но, навѣрно, храбрый Синджаръ справился-бы съ однимъ этимъ препятствіемъ; въ дѣйствительности это случилось отъ первыхъ ударовъ того великаго землетрясенія, отъ котораго половина Азіи и Европы должны были покрыться развалинами.

Хорезмшахъ Мухаммедъ Ибнъ Ануштегинъ умеръ въ 522 г. (1128); сынъ и преемникъ его, Атсизъ (522—551=1128—1156), былъ столь же энергиченъ и честолюбивъ, сколько неразсудителенъ. Онъ сумѣлъ несоразмѣрно увеличить военную силу своей самой по себѣ небольшой страны, вѣроятно, благодаря привлеченію боевыхъ силъ съ востока и сѣвера, такъ что въ 533 г. (1138—9) году онъ чувствовалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы своимъ вызывающимъ обращеніемъ выказать свою независимость отъ султана. Синджаръ от-

нюдь не былъ намѣренъ выносить это; онъ самолично двинулся на Хорезмъ, побилъ Атсиза, выступившаго къ нему на встрѣчу съ своими войсками, заставилъ его покинуть столицу и назначилъ туда новаго управителя города. Но Хорезмшахи, управлявшіе страной уже болѣе сорока лѣтъ и значительно способствовавшіе ея возвышенію, были тамъ популярнѣе чужихъ султановъ: не успѣлъ Синджаръ съ своимъ войскомъ возвратиться въ Хорасанъ, какъ Атсизъ вернулся, прогнавъ съ помощью своего народа сельджукскаго управителя города и снова захватилъ эту провинцію. Но онъ зналъ, что не можетъ противостоять второму нападенію своего верховнаго правителя и потому былъ принужденъ искать помощи извнѣ. Ему въ этомъ отношеніи нельзя было быть разборчивымъ, да онъ и не хотѣлъ этого: въ сраженіи противъ Синджара палъ одинъ изъ его сыновей, и онъ желалъ отомстить за смерть своего сына едва-ли не болѣе, чѣмъ обезпечить свою власть. Ахиллесовой пятой восточной части сельджукскаго государства была, безъ сомнѣнія, сосѣдняя Трансоксанія; здѣшнимъ ханамъ, зависѣвшимъ отъ Синджара, часто приходилось умирять непокорныя племена, а съ 537 г. (1137) они подвергались кромѣ того опаснымъ нападеніямъ съ востока. Этимъ непокорнымъ элементомъ были турецкія племена изъ центральной Азіи; постоянныя передвиженія китайцевъ и монголовъ и постепенное наступательное движеніе ихъ принудили турецкія племена покинуть прежнія мѣста жительства; вступивъ разъ во владѣнія хановъ Кашгара и Самарканда, они отвоевали себѣ пастбища въ восточной ихъ части. Хань обращались съ ними дурно и возстановили ихъ этимъ противъ себя; это было какъ разъ въ то время, когда послѣ разрушенія великаго царства Хитана (Хитай, Хатай) такъ называемыми Кинь-татарами въ 1122 или 1123 году (516, 517), одинъ изъ членовъ династіи Хитана *) искалъ спасенія на западѣ съ 2000 человекъ. Число его приверженцевъ по мѣрѣ движенія быстро росло, и когда онъ приблизился къ границамъ Кашгарскаго ханства, то указанныя выше многочисленныя племена, желавшія избавиться отъ притѣсненій хановъ, съ радостью встали подъ его знамена **). Мусульмане называютъ его и всѣхъ подчинившихся его предводительству Кара-Хатами (или Кара-Хитаями — «Черными Хитаями»); скоро онъ рѣшился напасть на Кашгаръ, который уже въ 522 (1128) г. перелетѣлъ въ его руки, и теперь на границахъ сельджукскаго государства возникло новое царство, съ которымъ ему приходилось серьезно счи-

*) Имя его дошло до насъ въ весьма различной формѣ: Гелю Таши, Туши и Талгунъ, Туши Тайфу. Туши означаетъ „предводитель“.

**) Подробности этихъ событій далеко не установлены: въ главномъ я слѣдую Ибнъ аль-Асиру XI, 53 и слѣд.

таться. Синджаръ разумно ограничивался тѣмъ, что держалъ Самаркандъ и его окрестности подъ своею властью; о Кашгарѣ же, находившемся до этого времени въ близкихъ сношеніяхъ съ этимъ городомъ, онъ заботился мало, тѣмъ болѣе, что самъ Меликшахъ ограничивался въ этой мѣстности всеобщимъ признаніемъ превосходства своихъ силъ. Нельзя было предвидѣть всей важности поступка Атсиза, который, какъ говорятъ, изъ жажды мести призвалъ Кара-Хитаевъ изъ-за Яксарта. Возможно, и даже очень вѣроятно, что и безъ этого прямого приглашенія государь Хитаевъ постарался-бы расширить свои владѣнія на западъ (уже въ 531=1137 году дѣло дошло до борьбы между нимъ и ханомъ Самарканда у Ходженда, на верхнемъ теченіи Яксарта); но тѣмъ не менѣе на Хорезмшахъ лежитъ большая отвѣтственность за то, что онъ самъ подтолкнулъ кочевниковъ къ вступленію во владѣнія Самарканда *). Синджаръ сознавалъ всю опасность своего положенія: получивъ извѣстіе о томъ, что несмѣтныя полчища хатовъ направляются къ границамъ Трансоксаніи, въ предѣлахъ которой ханъ Махмудъ Ибнъ Мухаммедъ уже имѣлъ столкновеніе съ возставшими турецкими племенами, онъ собралъ громадное войско, которое, помимо лично явившихся владѣтелей Седжестана, пополнилось еще отрядами Газневидовъ и ихъ вассаловъ, воинственныхъ жителей Гүра (выше, стр. 62). Говорятъ, болѣе 100.000 человекъ въ концѣ 535 г. (въ серединѣ 1141) переправились черезъ Оксусъ: немногіе изъ нихъ вернулись на родину. По обыкновенію кочевниковъ, турецкіе и татарскіе всадники, какъ кажется, изнуряли это большое войско непрерывными нападеніями и тянули его то въ ту, то въ другую сторону; наконецъ оно погибло въ рѣшительной битвѣ (5-го Сафара 536=9 сентября 1141), произошедшей въ весьма неблагоприятной мѣстности; десятки тысячъ мусульманъ пали или же были взяты въ плѣнъ, между ними жена Синджара, государь Седжестана и другіе знатные люди страны; это было самое жестокое пораженіе, какое когда-либо исламское войско потерпѣло на востокъ въ борьбѣ съ невѣрными. Благодаря ему, вся Трансоксанія съ перваго удара досталась Кара-Хитаемъ, князья которыхъ

*) Этотъ поступокъ его еще не установленъ окончательно, ибо вполне правдоподобный, но болѣе краткій рассказъ Ибнъ аль-Асира (въ указ. мѣстѣ) не совпадаетъ въ главныхъ пунктахъ съ нижеслѣдующимъ подробнымъ сообщеніемъ; слѣдовательно, оба разсказа не гармонируютъ между собою и не могутъ быть удобно слиты въ одинъ. По первому, причина вторженія Хатовъ—приглашеніе Атсиза; по второму—наступательное движеніе Синджара, призваннаго по сию сторону Оксуса на помощь государемъ Самарканда, послѣ его пораженія въ 531 (1137) г., и поведеніе его относительно нѣкоторыхъ турецкихъ племенъ Трансоксаніи, находившихся въ дружескихъ отношеніяхъ съ хатами. Но по многимъ причинамъ мнѣ сдается, что Атсиза не безъ основанія обвиняютъ въ сообществѣ съ врагами ислама

съ этого времени вплоть до 606 (1209—10) г., къ стыду мусульманъ, впервые въ такомъ количествѣ сдѣлавшихся подданными враговъ истинной религіи, властвовали надъ этой страной подъ именемъ Гурь-Хановъ *). Эти послѣдніе въ общемъ обращались съ мусульманами хорошо; по крайней мѣрѣ, они не слишкомъ отягощали населеніе городовъ, хотя и посадили туда чиновниковъ, обязанныхъ заботиться о правильномъ внесеніи дани; они даже позволили одному изъ родственниковъ старой ханской династіи и впредь играть роль государя Самарканда. Но несмотря на это, завоеваніе ими страны было роковымъ событіемъ, какъ для нея, такъ и для всего ислама.

Такимъ образомъ могуществу Синджара, отъ котораго все зависѣло на Востокѣ, уничтоженіемъ его войска былъ нанесенъ чувствительный ударъ. Правда, на этотъ разъ попытка Хорезмшаха Атсиза завоевать Хорасанъ, прерпанная имъ тотчасъ послѣ пораженія войскъ султана, не удалась. Благодаря отсутствію организованной защиты, онъ при первомъ натискѣ, дѣйствительно, завладѣлъ округами Серахса, Мерва и Нишапура (536=1141—2). Но здѣсь его положеніе было сходно съ положеніемъ Синджара въ Хорезмѣ: населеніе не хотѣло знать его, и онъ самъ, кажется, счелъ болѣе разумнымъ удалиться, прежде чѣмъ султанъ, ужъ вѣрно занятый наборомъ новаго ополченія, не приблизился съ войскомъ къ его резиденціи. По крайней мѣрѣ, въ 538 (1143—4) г. мы снова находимъ Синджара на пути изъ Мерва въ Хорезмъ съ цѣлью наказать непокорнаго вассала. Сила Синджара казалась вновь настолько опасной, что Атсизъ искалъ защиты за стѣнами своей столицы; но приступъ на городъ не удался, и послѣ довольно продолжительной осады былъ заключенъ договоръ, по которому вновь возстановлялась ленная зависимость отъ Синджара, но какъ бы молча признавалось, что нельзя придавать этому большаго значенія. Такъ, по смерти Атсиза (551=1156), сынъ и наслѣдникъ его, Иль-Арсланъ (551—567=1152—1172), правда, получилъ еще инвеституру отъ Синджара, но на самомъ дѣлѣ былъ такъ-же вполне независимъ въ своихъ дѣйствіяхъ, какъ и его отецъ. Поэтому съ него начинается новая, самостоятельная династія дома Хорезмшаховъ, которой предстояло играть на Востокѣ значительную, даже рѣшающую роль,—роль, окончившуюся, правда, уже въ 616 (1219) г.

Пораженіемъ султана Гурь-Ханомъ воспользовался не одинъ Атсизъ. Владѣтель Гурра, этой недоступной горной страны, которая была покорена Махмудомъ и присоединена къ исламу только въ

---

*) Это имя обозначаетъ будто-бы въ переводѣ „Великій ханъ“, но объясненіе это не достовѣрно.

401 (1010—11), но которую онъ въ концѣ концовъ предоставилъ туземнымъ князьямъ изъ старой династїи Сури, былъ приблизительно въ такихъ-же отношенїяхъ съ Газневидами, въ какихъ Хорезмшахъ съ Синджаромъ. Владѣтели Гура жили въ хорошо укрѣпленной крѣпости Фиръузъ-Кухъ, расположенной на высокой скалѣ: отсюда они въ качествѣ ленниковъ посылали газневидскимъ царямъ свои войска и платили имъ дань. Но теперь отношенїя между ними и ихъ верховнымъ владѣтелемъ становились натянутыми. Старшій изъ четырехъ братьевъ, представителей династїи Суридовъ въ Гурѣ, Кутбъ-адъ-динъ Мухаммедъ, по какому-то поводу *) отправился ко двору Газневидовъ; здѣсь онъ былъ сначала пойманъ, а затѣмъ казненъ Бахрамъ-Шахомъ; было-ли причиною тому какая-нибудь прежняя злоба послѣдняго или же основательная или неосновательная подозрительность—неизвѣстно. Братъ убитаго, Сейфъ-адъ-динъ Сурі, желая отомстить за него, двинулся съ своимъ войскомъ на Газну (543=1148); толпища Бахрамшаха не могли противостоять храбрымъ и закаленнымъ жителямъ альпійской страны; они были разбиты, самъ шахъ долженъ былъ бѣжать въ Индію, и столица его была занята дерзкимъ Гуридомъ. Но господство Газневидовъ, все еще могущественныхъ, не могло быть уничтожено послѣ перваго натиска. Зимой, когда проходы между Гуромъ и Газной были занесены снѣгомъ, и непрошеные гости были отрѣзаны отъ своей родины, Бахрамъ вернулся изъ Индіи съ свѣжимъ войскомъ; его прежніе подданные, съ которыми грубые воины, вѣрно, не очень-то мягко обращались, съ радостью привѣтствовали его; всѣ отряды, не принадлежавшіе къ племени побѣдителей, перешли на сторону своего прежняго господина, и Сури былъ не только побитъ, но и взятъ въ плѣнъ. Бахрамъ-Шахъ велѣлъ повѣсить его, какъ возмутителя, и это понятно; но, принимая во вниманіе предыдущія отношенїя съ этой семьей, нельзя назвать этотъ поступокъ политичнымъ. Остальные два брата, конечно, не примирились съ случившемся; по смерти третьяго изъ четырехъ, Беха-адъ-дина Сама (онъ умеръ черезъ полгода

*) Этотъ поводъ, равно какъ его дата, также мало достовѣрны, какъ вообще большинство подробностей въ исторїи возвышенїя Гуридовъ. Даже у Ибнъ аль-Асира мы находимъ здѣсь пробѣлы; то, что онъ сообщаетъ XI, 89 и слѣд. и 107 и слѣд.—отчасти различныя описанїя однихъ и тѣхъ-же событїй, чего онъ самъ не замѣтилъ (ср. Defrémery „Histoire des Sultans Ghourides“, Extr. du Journ. As. 1843, стр. 22 и слѣд.). Сопоставленіе и критическую оцѣнку разнорѣчивыхъ данныхъ (правда, безъ принятїя во вниманїе Ибнъ аль-Асира) мы находимъ въ переводѣ Табакать-и-Насири (Bibl. Ind. London 1863—81), сдѣланномъ маіоромъ Раверти, стр. 111 и слѣд., 347 и слѣд., 358 и слѣд. 439; его выводы легли въ основу моего изложенїя, хотя, во всякомъ случаѣ, вѣрность многихъ подробностей подлежитъ сомнѣнію.

послѣ Сүри), послѣдній изъ нихъ, Ала адъ-динъ Хусейнъ *), сдѣлался государемъ Фирүзъ-Куха и поспѣшилъ заплатить должное, т. е. отомстить. Гуридскія полчища напали на долину Газны съ неупорядоченной силой; несмотря на отчаянное сопротивление Бахрама и его приверженцевъ, они побили ихъ три раза, въ послѣдній разъ передъ самыми воротами столицы (544=1150), и завоевали городъ. Въ теченіе семи **) дней и семи ночей завоеватели хозяйничали здѣсь, подобно выпущеннымъ на волю дикимъ звѣрямъ: они опустошали огнемъ и мечомъ цвѣтущую резиденцію утопавшаго въ роскоши двора и мѣстожительства трудолюбиваго населенія, душили мужчинъ, и послѣ различныхъ истязаній уводили въ рабство женщинъ и дѣтей; кости газневидскихъ султановъ вырывались изъ могилъ и предавались огню; только останки когда-то столь могущественнаго Махмуда съумѣли внушить уваженіе даже Ала адъ-дину, и онъ не тронулъ ихъ. Часть, постигшую Газну, раздѣлили и остальные многочисленныя крупныя и мелкія мѣстности горныхъ долинъ, которыя начали процвѣтать во время двадцатипятилѣтняго правленія газневидской династіи; всюду проникавшія разбойничьи шайки нигдѣ не оставили и камня на камнѣ, и недавно еще столь густо заселенныя и хорошо обработанныя мѣстности послѣ нашествія разрушителей обращались въ печальныя пустыни. Хотя восточные народы и не избалованы въ отношеніи поведенія побѣдоносныхъ войскъ, но такое основательное опустошеніе произвело даже на нихъ необыкновенное впечатлѣніе: въ исторіи Востока этотъ страшный Гуридъ получилъ прозвище Джеханъ-сузъ—«сжигателя міра». Несмотря на быстрое отступленіе зажигателей, Бахрамъ-Шахъ на этотъ разъ не безъ основанія воздержался отъ возвращенія ***): на родинѣ Газневидовъ теперь было просто нечѣмъ и нечѣмъ управлять, такъ какъ люди были частью убиты, частью уведены въ плѣнъ, а зданія и плантаціи были сожжены. Бахрамъ остался въ Индіи и поселился въ Лахавурѣ (Лахорѣ), гдѣ и умеръ въ 552 (1157) г.; долины Газны никогда не могли оправиться отъ этого разоренія, хотя, конечно, нѣкоторые изъ бѣжавшихъ жителей возвратились и обстроились; даже въ наши дни только два высокія минарета, стоящіе среди груды развалинъ—одинъ изъ нихъ съ надписью воз-

*) Другіе называютъ его Хасаномъ; эти два имени вообще часто перемѣшиваются, такъ какъ въ арабскихъ рукописяхъ они мало отличаются другъ отъ друга.

**) Т. е. нѣсколькихъ, семь—круглымъ числомъ.

***) По другимъ извѣстіямъ, согласно которымъ Бахрамъ не пережилъ этой катастрофы, сынъ его Хосрау-Шахъ, искавшій спасенія въ бѣгствѣ, хотя и на короткое время вернулся въ Газну.

двигшаго его Мас'уда II—указывают на то мѣсто, гдѣ нѣкогда стояла Газна *).

Нельзя было ожидать, чтобы Синджаръ очень радовался, глядя на «Сожигателя міра». Если-бы онъ вздумалъ двинуться на Газну съ одной стороны, а Бахрамъ-Шахъ—съ другой, то положеніе жителей Гура, запертыхъ въ проходахъ, могло быть весьма затруднительно: этимъ вѣроятно и объясняется немедленное отступленіе Ала адъ-дина изъ завоеванной имъ территоріи послѣ ея на-вѣки непоправимаго разоренія **). Но по той же причинѣ ему въ скоромъ времени слѣдовало опасаться нападенія Сельджука, подъ верховною властью котораго находились не только опустошенные округа, но и Гуръ. Государь Фирузъ-Куха рѣшился предупредить это, пока его войска находились въ дѣйстви: для этого онъ уже въ слѣдующемъ году (545=1150) напалъ на владѣнія Херата, гдѣ нашелъ поддержку противъ Синджара въ нѣсколькихъ эмирахъ, склонныхъ къ мятежу. Но султанъ не заставилъ долго ждать себя: онъ побилъ Ала адъ-дина вмѣстѣ съ его союзниками вблизи Херата и взялъ самого государя въ плѣнъ. Два года оставался онъ въ неволѣ; затѣмъ его освободили и отправили обратно въ Гуръ, который все-же никто не умѣлъ такъ хорошо держать въ повиновеніи, какъ онъ. За порядкомъ же среди самовольныхъ горныхъ племенъ приходилось слѣдить уже потому, что по сосѣдству съ ними уже начинались опасныя движенія въ такомъ-же духѣ. А именно, тѣмъ временемъ обнаружилось второе послѣдствіе занятія Трансоксаніи Гуръ-Ханомъ, которое еще больше заставляло призадуматься. Мы уже знаемъ, что Кара-Хитай не при-тѣсняли таджиковъ ***); но гораздо хуже была судьба тѣхъ турецкихъ племенъ, которыхъ они уже застали въ странѣ. Эти послѣднія были такими-же кочевниками, какъ и ихъ завоеватели; понятно, что завоеватели, желавшіе одни владѣть пастбищами, въ короткое время изгнали первыхъ, и тѣмъ пришлось искать себѣ убожища. Они принадлежали къ тому-же великому народу Гузовъ, отъ которыхъ произошли сельджуки и ихъ предшественники: подобно

*) Современная Газна (называемая также Гизни, Гизиниъ) находится приблизительно на разстояніи одной мили отъ древней и представляетъ изъ себя дольно жалкое поселеніе.

***) R a v e r t y, указ. соч., стр. 350, прим. 2-е.

***) Слово Та д ж и к ъ есть неч то иное, какъ древняя форма слова т а з и, служащее на персидскомъ языкѣ для обозначенія всего арабскаго. Арабскіе граждане въ послѣдствіи употребляли его въ противовѣсъ слову дихканъ, затѣмъ, послѣ завоеваній турокъ, оно постепенно начинаетъ прилагаться къ арабско-персидскимъ горожанамъ и усвоилось какъ турками, такъ и другими номадами, пока, наконецъ, оно не стало прямо обозначать п е р с и д с к и х ъ купцовъ ремесленниковъ и т. п., въ земляхъ османскихъ турокъ. С p. O h s s o n „Histoire des Mongols“.

имъ, они перешли за Оксусъ только изъ нужды, ища убѣжища, но безъ враждебныхъ намѣреній. Все послѣдующее напоминаетъ бывшее раньше, съ тою только разницею, что гузамъ VI-го (XII-го) вѣка суждено было подготовить мѣсто гораздо болѣе жестокимъ людямъ, чѣмъ ихъ соплеменникамъ V-го (XI) вѣка. За небольшую дань Синджаръ позволилъ непрошеннымъ гостямъ пасти свои стада по обѣ стороны Оксуса (у султана остались и на правой сторонѣ нѣсколько укрѣпленій, прежде всего сильно укрѣпленный Тирмизъ): но эмиръ Балха, которому было поручено собирать дань, по обыкновению восточныхъ чиновниковъ далъ мѣсто своей алчности, превзошелъ свои полномочія и съ теченіемъ времени породилъ многочисленныя столкновенія, которыя въ концѣ концовъ привели къ открытому возстанію гузовъ. По дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, ихъ было 40.000 семействъ, слѣдовательно, конечно, больше такого-же числа воиновъ, поэтому султанъ, который едва ли успѣлъ позабыть печальное столкновеніе съ карахитаями, не особенно-то желалъ затѣвать съ ними дѣла. Но несмотря на это, быть можетъ вслѣдствіе того, что неуспѣхи съ карахитаями и Атсизомъ вмѣстѣ съ наступающей старостью помрачили ясность его мыслей и увѣренность въ себѣ, эмирамъ (они прежде всего не терпѣли уступокъ въ вопросѣ о сборѣ дани) удалось уговорить его отклонить довольно еще смиренныя предложенія о мирѣ. Но въ этомъ случаѣ солдаты думали иначе, чѣмъ ихъ начальники; они не имѣли ни малѣйшаго желанія сражаться съ своими соплеменниками *), и когда дѣло дошло все-таки до битвы, Синджаръ не только потерпѣлъ полное пораженіе, но вмѣстѣ съ многими эмирами самъ попалъ въ плѣнъ къ гузамъ (548=1153). Послѣдніе видимо хорошо понимали ходъ событій: они безъ дальнѣйшихъ разговоровъ обезглавили эмировъ, съ плѣннымъ же султаномъ обращались мягко, пока въ 551 (1156) ему не удалось бѣжать изъ своей неволи. Однако событія послѣднихъ лѣтъ сломили послѣднія силы и безъ того стоявшаго на порогѣ старости Синджара: онъ отправился въ Мервъ

*) Это я считаю самой вѣроятной причиною недостатка рвенія въ тѣхъ самыхъ войскахъ, которыя за два года до этого побили „сожигателя міра“ съ его гурскими сорокопугами.

Авторъ сравниваетъ гуридовъ съ сорокопугами. Объ этихъ послѣднихъ Брэмъ (*Жизнь животныхъ*, Спб. 1870, III т., стр. 732) говоритъ: „несмотря на свою незначительную величину, они принадлежатъ къ самымъ храбрымъ, кровожаднымъ и свирѣпыми птицамъ, которыхъ мы только знаемъ... Они имѣютъ странное обыкновеніе насаживать пойманную добычу на острые шипы. Всюду, гдѣ живетъ пара этихъ птицъ, можно часто увидѣть сохраненныхъ такимъ образомъ насѣкомыхъ и даже маленькихъ птицъ и пресмыкающихся; палачъ какъ-будто тѣпится видомъ своей жертвы. Отъ этой привычки и произошло нѣмецкое народное имя „Neuntödter“—девятисмерть, которымъ называютъ этого разбойника (*Прим. ред.*)

для сбора новаго войска, заболѣлъ тамъ и умеръ уже 26-го Раби І 552 (8-го мая 1157), имѣя семьдесятъ два года отъ роду. вмѣстѣ съ нимъ погибли и послѣднія надежды сельджукской династіи, и къ сожалѣнію, послѣдняя опора несчастныхъ восточныхъ провинцій; теперь для населенія этихъ мѣстностей настало время многообразныхъ и сильныхъ страданій.

Если гузы вначалѣ колебались начинать войну, то теперь, послѣ плѣненія султана, они вознаградили себя съ лихвою. Въ Хорасанѣ, а потомъ и сосѣднихъ съ нимъ земляхъ, они хозяйничали почти что хуже своихъ единоплеменниковъ, распоряжавшихся здѣсь за сто лѣтъ до нихъ. Города, прежде всего Мервъ, Нишапуръ и Тусъ, были разграблены и опустошены самымъ ужаснымъ образомъ, населеніе всячески притѣсняли и при малѣйшемъ сопротивленіи избивали тысячами. Основательно разоривъ всю страну, они удалились въ Балхъ и его окрестности (553—1158); между тѣмъ различные эмиры, начальствовавшіе теперь надъ остатками войскъ Синджара, постарались возстановить порядокъ въ странѣ, т. е. начали воевать другъ съ другомъ. Такъ началась борьба (она продолжалась болѣе пятидесяти лѣтъ) различныхъ турецкихъ, татарскихъ *) и афганскихъ **) племенъ, которыя дрались изъ-за клочковъ обоихъ великихъ восточныхъ государствъ: сельджукскаго и газневидскаго; они скорѣе совершали хищническіе набѣги, чѣмъ вели правильную войну, и довели страну до той же степени гибели, до какой средняя часть прежняго сельджукскаго государства была доведена распрями иракскихъ сельджуковъ, атабеговъ и халифовъ, а западная часть—междоусобіями эйюбидовъ. На событіяхъ этого тяжелаго времени не стоило-бы останавливаться, если-бы по неожиданному и странному стеченію обстоятельствъ они не способствовали-бы возникновенію новыхъ и прочныхъ государствъ, какихъ трудно было и ожидать въ это время, и если-бы, съ другой стороны, наше вниманіе не приковывалъ своей энергіей и предприимчивостью одинъ изъ самыхъ могущественныхъ турецкихъ царей-воиновъ. Если опустошенія, произведенныя гузами послѣ паденія могущества Синджара, образуютъ основу историческихъ событій этого десятилѣтія, то возникновеніе увеличившагося и самостоятельнаго мухаммеданскаго царства въ Индіи и столь же невѣроятно быстрое, сколько непрочное

*) Впредь я буду называть татарами всѣхъ тѣхъ турокъ въ широкомъ смыслѣ этого слова, которые подобно карахитаямъ не принадлежать къ отдѣльнымъ племенамъ гузовъ и туркменовъ, перешедшихъ на исламскія земли, и всегда оговариваю, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ они могли заключать въ себѣ и монгольскую примѣсь.

**) Я обозначаю этимъ именемъ какъ Гуридскія племена, такъ и племена Пушту, ср. выше стр. 21.

возвышеніе отдаленной провинці Хорезмъ разрушило эту основу и выдвинуло величественный образъ Хорезмшаха, Мухаммеда Ибнъ Такаша. Но въ то время, какъ послѣдній еще разъ пытается объединить восточную половину исламскихъ земель, трагическая судьба заставляетъ его столкнуться въ этомъ стремленіи съ человѣкомъ, отличающимся не меньшимъ честолюбіемъ, а именно: съ Аббасидомъ Насиромъ. Ихъ распри подготовили монголамъ Чингизь-Хана путь во внутрь передней Азіи, гдѣ уже раньше гузы и гуриды достаточно позаботились о томъ, чтобы по завоеваніи царства Хорезма всѣ препятствія ими были уничтожены.

Послѣ смерти Синджара въ Хорасанѣ не было никого, кто могъ бы положить предѣлъ двоякому несчастью: раздорамъ эмировъ и хищническимъ набѣгамъ гузовъ. У султана не было потомства; онъ назначилъ своимъ преемникомъ Махмуда Ибнъ Мухаммеда, сына своей сестры; онъ былъ сначала ханомъ Самарканда, пользовался въ странѣ малымъ уваженіемъ и былъ повидимому очень незначительною личностью. Спасаясь отъ гузовъ, онъ бѣжалъ въ мало доступный Джурджанъ и попалъ здѣсь подъ власть одного изъ турецкихъ эмировъ, Эйъбеха или Эйбеха, болѣе извѣстнаго подъ Почетнымъ прозвищемъ «Аль-Му'айяда» «пользующагося помощью (Бога)», человѣка, отличавшагося характерными качествами этихъ турокъ, т. е. честолюбіемъ и безсовѣстностью. Эйбехъ въ сущности водилъ съ собою князя на помочахъ, подобно тому, какъ одновременно дѣлали это маіордомы изъ рода Пехлевановъ съ сельджукскими принцами въ Иракѣ. Но еще менѣе чѣмъ атабеги, могъ онъ справиться съ все возраставшею трудностью водворить въ Хорасанѣ хоть какой-нибудь порядокъ. Послѣ ожесточенной борьбы ему дѣйствительно удалось изгнать гузовъ, по крайней мѣрѣ изъ Нишапура и сосѣднихъ округовъ, такъ что, помимо хищническихъ набѣговъ на Хорасанъ, отъ которыхъ они всегда были не прочь, имъ пришлось ограничиться главнымъ образомъ Мервомъ, Балхомъ и лежащими между ними округами; желая вѣроятно обезопасить себя отъ нѣсколькихъ стѣснявшихъ ихъ карахитаевъ Трансоксаніи, гуридовъ къ югу отъ Балха и энергичнаго Му'айяда, они въ 554 (1159) г., послѣ различныхъ переговоровъ, сумѣли довести Махмуда до того, что онъ принялъ отъ нихъ присягу вѣрности и самъ сталъ ихъ повелителемъ; это, казалось, давало надежду на то, что дѣла примутъ болѣе мирный оборотъ. Но радость продолжалась недолго: Му'айяду, продолжавшему властвовать въ Нишапурѣ, или около него, вовсе не нравилось, что его ленникъ нашелъ въ воинственныхъ кочевникахъ поддержку для самостоятельнаго дѣйствія, а эти послѣдніе не переставали грабить: дѣло дошло съ обѣихъ

сторонъ до войны, и когда Махмудъ, утомленный безплодными попытками водворить хотя нѣкоторый порядокъ среди разбойничьихъ отрядовъ, снова съ раскаяньемъ бѣжалъ къ своему эмиру, онъ, правда, въ первый моментъ напелъ тамъ лицомѣрно-радушную встрѣчу, но очень скоро вѣроломный Му'айядъ посадилъ его и сопровождавшаго его сына въ темницу, и оба они были ослѣплены (557=1162). Они и умерли въ заключеніи; съ ними вмѣстѣ исчезъ и послѣдній слѣдъ могущества сельджуковъ въ восточныхъ провинціяхъ, могущества, которое за десять лѣтъ до этого еще казалось несокрушимымъ. Теперь Му'айядъ велѣлъ въ мечетяхъ молиться за себя самого; ему удалось также распространить свои владѣнія, обнимавшія Нишапуръ и Джурджанъ, на сосѣдній Кумисъ (558=1163), и если другіе его походы не увѣнчались такимъ успѣхомъ, то все же онъ имѣлъ право надѣяться на прочность своего могущества въ Хорасанѣ тѣмъ болѣе, что значительное количество гузовъ постепенно удалялось все болѣе къ югу. Но удержаться среди разнородныхъ элементовъ, которые его окружали, можно было-бы только путемъ осторожной политики; она же не была въ модѣ въ тѣ времена, когда каждый полагался на свое счастье и можно было ежеминутно созидать изъ любыхъ клочковъ земли новыя государства, которыя вслѣдъ за этимъ снова распадались. Такъ и Му'айядъ увлекся желаніемъ поставить все на карту, чтобы все выиграть. Въ сосѣднемъ съ нимъ Хорезмѣ въ 567 (1172) г. умеръ шахъ Иль Арсланъ. Его отношенія къ государю Нишапура были не всегда дружескія; въ 560 (1165) г. онъ помѣшалъ ему завладѣть Несой и съ тѣхъ поръ продолжалъ держать этотъ городъ подъ своимъ покровительствомъ. Послѣ его смерти, Му'айяду легко могла прійти въ голову мысль отплатить за это: случай для этого, казалось, представился, когда Султанъ-Шахъ, младшій сынъ Иль Арслана, котораго отецъ, обойдя старшаго сына Такаша, назначилъ себѣ въ преемники, былъ изгнанъ изъ Хорезма этимъ послѣднимъ, съ помощью карахитаевъ (568=1172—3). Султанъ-Шахъ бѣжалъ къ Му'айяду и уговорилъ этого государя водворить его на прежнемъ престолѣ силою. Но Такашъ во время узналъ объ этомъ, возстановилъ противъ него войско, которое по недостатку воцы въ пустынѣ должно было подвигаться къ Хорезму по частямъ; Му'айядъ былъ плѣненъ и убитъ (569=1174). Послѣ этого и участь его государства была рѣшена. Правда, одно время, казалось, горизонтъ Султанъ-Шаха нѣсколько прояснился: Такашъ (568—596=1172—1200) порвалъ съ карахитаями, зависимость отъ которыхъ очень не нравилась ему, и побѣдоносно отразилъ ихъ нападеніе на Хорезмъ. Теперь татары Самарканда приняли сторону Султанъ-Шаха противъ его брата: съ ихъ помощью онъ засѣлъ въ

Мервѣ, чтобы отсюда въ благоприятный моментъ снова захватить престолъ Хорезма. Тѣмъ временемъ онъ конечно старался по возможности увеличить свои силы и сдѣлалъ это на счетъ сына Му'айяда, Тоганъ-Шаха, и оставшихся еще въ этихъ мѣстностяхъ гузовъ, которые, послѣ утраты Мерва, сосредоточивались главнымъ образомъ въ крѣпости Серахсѣ. Предводитель ихъ, Меликъ-Динаръ, соединился съ Тоганомъ, но Султанъ-Шахъ побилъ обоихъ (576=1181), взялъ Серахсъ и Тусъ (577=1181) и продолжалъ своими постоянными нападеніями тѣснить область Нишапура. Когда же въ 581 (1185) г. умеръ совершенно неспособный Тоганъ и подданные въ скоромъ времени возненавидѣли опекуна Синджаръ-Хана, сына Тогана, за его деспотическій образъ дѣйствій, то все рушилось. Гузы подъ предводительствомъ Меликъ-Динара, уже послѣ изгнанія ихъ изъ Серахса, отправились на югъ, и съ 581 (1185) г. безчинствовали въ Кирманѣ, гдѣ, вмѣстѣ съ ранѣе (575=1179—80) вторгшимися туда единоплеменниками, положили предѣлъ (583=1187) династіи Сельджуковъ, уже съ нѣкоторыхъ поръ близившейся къ паденію; большинство же туземныхъ эмировъ Хорасана и Джурджана перешли на сторону Султанъ-Шаха. Послѣдній навѣрное завладѣлъ бы Нишапуромъ, если-бы Такашъ не предупредилъ его: онъ взялъ городъ въ началѣ 583 (1187) года и повезъ плѣннаго Синджаръ-Шаха въ Хорезмъ, гдѣ онъ жилъ еще до 595 (1199) г. Между тѣмъ въ 585 (1189) г. братья примирились, и Султанъ-Шахъ получилъ Мервъ и Серахсъ; несмотря на это, онъ въ 588 (1192) г. снова началъ враждебныя дѣйствія, воспользовавшись отсутствіемъ Такаша, который отправился походомъ на Рей, для нападенія на Хорезмъ. Осажденные отразили его нападеніе; Такашъ успѣлъ тѣмъ временемъ подоспѣть, и война между братьями казалась неизбежною; но смерть положила предѣлъ двадцатидвухлѣтнему спору за господство въ Хорезмѣ: Султанъ-Шахъ умеръ въ 589 (1193) г., и для Такаша путь былъ расчищенъ. Мервъ, Серахсъ и Нишапуръ подчинились ему безъ сопротивленія, и мы помнимъ, какъ уже въ слѣдующемъ году (590=1194) онъ лишилъ престола и жизни послѣдняго сельджука Ирака. Побѣда Хорезмшаха была столь полная, что первое время вся Мидія покорно лежала у ногъ его. Но пока невозможно было удержать ее на долгое время: халифъ Насиръ, сильно содѣйствовавшій паденію иракскаго султана, потребовалъ болѣе крупную часть добычи, чѣмъ желалъ ее дать Такашъ; измѣнникъ Котлугъ Инанеджъ также мечталъ о наградѣ; эмиры Пехлевановъ ни въ какомъ случаѣ не желали окончательно распрощаться со своими мидійскими владѣніями, и поэтому Хорезмшахъ, котораго къ тому же тянули на востокъ новыя осложненія, отнюдь не могъ долго удержаться въ Рейѣ и даже

Хамаданъ. Правда, въ 592 (1196) г. онъ снова появился въ Иракѣ, чтобы изгнать халифа, уже дошедшаго до Рей, а въ 595 г. (1199) онъ еще разъ появился въ этомъ же мѣстѣ для укрощенія непокорнаго эмира; тѣмъ не менѣе онъ не могъ воспрепятствовать образованію въ западной Мидіи маленькаго государства съ главнымъ городомъ Хамаданъ; оно возникло при одномъ изъ эмировъ Пехлевановъ, существовало съ 591 (1195) до 614 (1217) г., — причемъ за это время владѣтели его часто мѣнялись, и окончило свое существованіе благодаря одному изъ халифовъ, а не Хорезмшаху: послѣднему въ тѣ времена было выгодно имѣть человѣка, который могъ быть «буферомъ» между его владѣніями и владѣніями безпокойнаго Аббасида, отличавшагося, выражаясь современнымъ языкомъ, «зудомъ властолюбія».

Насколько на западѣ Насиръ былъ недоволенъ неожиданнымъ возникновеніемъ новой силы, первоначальное мѣстопробываніе которой было такъ далеко, что едва-ли упоминалось въ его географіи, силы, поселившейся теперь по близости и начинавшей стѣснять его, настолько же карахити и гуриды на востокѣ не могли особенно восхищаться изумительными успѣхами владѣтеля Хорезма. Что касается до первыхъ, то прочность ихъ государственнаго строя уже давно колебалась; государства кочевниковъ, которыя большею частью живутъ на случайномъ соединеніи различнаго рода племенъ, могутъ сдерживаться лишь ежевыми рукавицами; между тѣмъ, хотя по смерти Гуръ-Хана ему и наслѣдовала энергичная регентша, а за нею другіе князья, но всѣ они мало заботились о Трансоксаніи. Поэтому если Такашъ и не былъ особенно счастливъ въ своихъ походахъ противъ ихъ намѣстниковъ въ Самаркандѣ (591, 593—1195, 1197), то нападеній на свои владѣнія съ этой стороны ему нечего было опасаться. Гораздо болѣе непріятны были столкновенія съ гуридами, съ которыми онъ имѣлъ довольно длинную пограничную линію. Еще Аладъ-динъ, Джаханъ-созъ сумѣлъ, въ продолженіе своего краткаго царствованія (544 — 551 = 1149 — 1156), воспользоваться внезапнымъ паденіемъ султана Синджара: онъ завоевалъ округъ Тохаристанъ съ главнымъ городомъ Баміаномъ, Бостъ въ области Седжестана, и полосу земли, пограничную съ Хорасаномъ; по всей вѣроятности онъ заставилъ-бы говорить о себѣ еще больше, если-бы жилъ дольше. Онъ, безъ сомнѣнія, былъ однимъ изъ самыхъ опасныхъ людей, какіе существовали тогда по близости отъ исламскихъ земель. Своихъ двухъ племянниковъ, сыновей Бехъ адъ-дина Сама, онъ изъ предосторожности держалъ въ заключеніи; ничто такъ не выясняетъ духъ этого человѣка, какъ дружба его съ ассасинами, которые въ это время имѣли свои пристанища въ не очень-то отдаленномъ Кухистанѣ.

Вѣстники перебѣгали отъ одного къ другому, батиниты сотнями свободно расхаживали по странѣ и находились при дворѣ,— и можно было ожидать еще болѣе идеальнаго порядка вещей, какъ только Старецъ Горь и Гуридскій убійца-поджигатель соединятся для единодушнаго дѣйствія на благо исламскаго міра. Къ счастью онъ избѣгъ хотя этого; султанъ Алá адъ-динъ умеръ въ 551 (1156 г.), а наслѣдовавшій ему сынъ, Сейфъ адъ-динъ Мухаммедъ (551—558 *) = 1156—1163), какъ человекъ, стоялъ гораздо выше: онъ тотчасъ же освободилъ своихъ двоюродныхъ братьевъ, Гіясъ адъ-дина Мухаммеда и Му'ызъзъ **) адъ-дина Мухаммеда, велѣлъ схватить и обезглавить всѣхъ измаилитовъ, бывшихъ въ странѣ, и во всемъ поступалъ, какъ истый правовѣрный суннитъ. По нѣкоторымъ извѣстіямъ онъ былъ убитъ во время похода на гузовъ, которые направились на Тохаристанъ, находившійся подъ властью одного изъ отдаленныхъ родственниковъ гуридовъ; по добровольному назначенію народныхъ начальниковъ, на престолъ вступилъ двоюродный братъ его, Гіясъ адъ-динъ; съ помощью своего брата, Му'ызъзъ адъ-дина, онъ въ теченіе своего сорокалѣтняго царствованія (558—599 = 1163—1203) создалъ изъ своего незначительнаго царства первоклассное государство. Братья вполне стояли другъ друга; трудно рѣшить, который изъ нихъ былъ болѣе коваренъ и низокъ. Но ни тотъ, ни другой не выказали себя безразсудными или слабыми; оба они напоминаютъ до нѣкоторой степени Аббасида Мансұра. Первые годы царствованія Гіаса прошли въ стараніяхъ закруглить владѣнія Гұра присоединеніемъ нѣсколькихъ сосѣднихъ горныхъ областей и, по возможности, завоевать Херать, который съ трудомъ могъ держаться подъ властью собственнаго эмира среди такихъ сосѣдей, какъ гузы, Му'айядъ Нисапұрскій и владѣтель Гұра. Но послѣднее не удалось такъ скоро; только въ 588 (1192 г.) этотъ важный городъ былъ окончательно взятъ. Болѣе успѣшны за то были дѣйствія противъ гузовъ, которыхъ прогнали изъ Балха, такъ что все проходы Гинду-Кұша были въ рукахъ гуридовъ и всякое на-

*) Второй годъ не достовѣренъ, какъ и многіе нижеслѣдующіе. Противорѣчія въ источникахъ вплоть до 590 (1194) г.; иногда данныя разнятся на цѣлыя десятки лѣтъ. Несмотря на содержательность комментарія къ Табакъ-и-Насири, составленнаго маіоромъ Равертти, чувствуется недостатокъ въ систематической критикѣ этой хронологіи, въ критикѣ, не перечисляющей различныя мнѣнія о годахъ, а взвѣшивающей эти мнѣнія.

**) Это имя Му'ызъзъ адъ-динъ онъ получилъ позднѣе при восшествіи на престолъ, до этого же его называли Шихабъ адъ-диномъ, имя, подъ которымъ онъ часто встрѣчается въ историческихъ сочиненіяхъ. У гуридовъ было въ обычаѣ (обычай очень неудобный) мѣнять свое имя дѣлаясь самостоятельнымъ государемъ; чтобы не перепутать ихъ, я буду каждому государю давать исключительно то имя, какое онъ носилъ, будучи султаномъ.

паденіе съ сѣвера было крайне трудно. Теперь (569=1173—4) можно было спокойно очистить долины Кабула и Газны. Онѣ также находились подѣ властью гузовъ, которые изгнали возвратившагося на короткое время въ прежнюю резиденцію рода газневидовъ Хосрау Шаха (552—555*)=1157—1160) или сына его Хосрау Мелика (555)—583=1160—1187); теперь гузы должны были уступить мѣсто гуридамъ **). Новымъ государемъ Газны они сдѣлали Му'ызъзъ адъ-дина и подѣ его руководствомъ направили въ слѣдующіе годы всѣ свои силы къ покоренію остальной части газневидскаго царства, находившейся въ Индіи и, по возможности, къ распространенію своей власти еще дальше этого. Подобно Махмуду Газнеvidу, Му'ызъзъ составилъ свое войско изъ всевозможнаго бродячаго люда: афгановъ, гузовъ и турокъ. Послѣднихъ онѣ покупалъ тысячами, гдѣ только могъ; изъ нихъ двое турецкихъ рабовъ, Таджъ адъ-динъ Ильдизъ и Кутбъ адъ-динъ Эйбекъ вмѣстѣ съ его гуридскимъ полководцемъ, Хусейнъ Ибнъ Хармилемъ, или вѣрнѣе еще до него, одержали самыя большія побѣды: первыми же и нѣкоторыми изъ послѣдующихъ походовъ Му'ызъзъ при случаѣ руководилъ самолично. Нѣсколько лѣтъ (570—571=1174—6) прошло въ борьбѣ съ народами, окружавшими проходы Кабула и Курама; но въ 571 г. (1175-6) Му'ызъзъ обратилъ свое оружіе противъ самаго Пенджаба. Въ то время власть Газневидовъ въ Лахорѣ была уже поколеблена. Хосрау Меликъ, послѣдній представитель своего рода, былъ прямою противоположностью своего предка, перваго Махмуда: онѣ былъ любезный и безвредный человекъ, но отнюдь не властелинъ. Онѣ походилъ на плохого покровителя Фирдусія развѣ только тѣмъ, что и онѣ покровительствовалъ поэтамъ; но турки и гуриды были одинаково невоспримчивы къ поэзіи и умному разглагольствованію. Въ то время, какъ Хосрау жилъ при своемъ дворѣ въ Лахорѣ, въ провинціяхъ и зависящихъ отъ него индусскихъ земляхъ каждый намѣстникъ или раджа дѣлалъ, что ему вздумается; такимъ образомъ нападающимъ не пришлось даже имѣть дѣла съ соединенными силами. Въ 571 г. (1175-6) пали Мултáнъ, который снова находился во власти «карматовъ» ***), и близко лежащій отъ него Утша; въ 574 г. (1178—9) Му'ызъзъ потерялъ пораженіе въ борьбѣ съ раджей Нахравалы (сѣвернѣе полуострова Гуджерáта), но въ слѣдующіе годы были сдѣланы значительные успѣхи; въ 577 г.

*) Это самый недостовѣрный годъ, который я упомянулъ только по необходимости. Поэтому невозможно рѣшить, кто долженъ былъ отступить изъ Газны передъ газами: Хосрау Шахъ или Хосрау Меликъ.

***) По всей вѣроятности эти же гузы впоследствии (575=1179—80) вторглись въ Кирманъ.

***) Ср. выше, III, стр. 63, прим.

(1181—2) уже самъ Лахоръ находился въ опасности, въ 578 г. (1182—3) была захвачена полоса земли къ западу отъ Инда до его устья, въ 581 г. (1185—6) возобновлено нападеніе на столицу. Наконецъ въ 582 (1186 г.) Хосрау собрался отразить эти удары: онъ набралъ войско изъ различныхъ индусскихъ племенъ и осадилъ Хусейна Ибнъ Хармила въ Сіалкотъ, крѣпости, которая находилась въ сѣверной части Пенджаба и, предназначенная быть оплотомъ сдѣланныхъ завоеваній, всегда была готова къ оборонѣ. Все было напрасно: Му'ызъзъ пришелъ своимъ на помощь; Хосрау былъ запертъ въ Лахорѣ и въ концѣ этого года или въ началѣ слѣдующаго (582 или 583=1187) долженъ былъ сдаться *), такъ какъ его подданные боялись рѣшительной битвы. Онъ добился очень выгодныхъ условій для себя и для своихъ, но ихъ, конечно, не соблюдали. Послѣднихъ потомковъ могущественнаго Махмуда повлекли въ горную крѣпость въ Гурѣ и здѣсь въ 588 (1192 г.) умертвили самымъ жалкимъ образомъ по приказанію Гіаса. Это не мѣшаетъ позднѣйшимъ мусульманскимъ историкамъ видѣть въ этихъ благородныхъ братьяхъ гордость ислама: вѣдь они были такъ-же правовѣрны, и такъ-же стремились распространить истинную вѣру въ Индостанѣ, какъ какой-нибудь испанскій конквистадоръ стремился къ тому въ Америкѣ. Правда, въ 587 (1191)—на старинномъ полѣ битвы Махмуда у Ганесвары (выше, стр. 63, прим. 2) Му'ызъзъ потерпѣлъ основательное пораженіе отъ могущественнаго раджи При т в и изъ Аджмира и брата его, раджи гор. Дихли *). Но на слѣдующій же годъ (588=1192) онъ разбилъ на голову обоихъ и вмѣстѣ съ ними нѣсколькихъ союзныхъ индусскихъ князей почти на томъ же мѣстѣ; раджа г. Дихли палъ въ сраженіи, правитель же Аджмира послѣ плѣненія былъ «отравленъ въ адъ». Теперь вся обширная равнина Ганга была почти беззащитна, и турецкія и афганскія толпища могли свободно завладѣть ею. Противодѣйствіе туземныхъ королей, хотя часто и приводило къ схваткамъ, все же не могло остановить напора исламскихъ войскъ. Уже въ концѣ 588 или въ началѣ 589 (1192-3 г.) Кутбъ адъ-динъ (шахъ вернулся тѣмъ временемъ въ Газну) взялъ Дихли и поселился въ этомъ городѣ, который съ этихъ поръ оставался въ теченіе цѣлаго столѣтія главнымъ средоточіемъ мухаммеданскаго могущества на индійской почвѣ; уже въ 592 (1196 г.) турецкій полководецъ заложилъ въ ней основаніе большой мечети, которую живо начали строить и окончили уже черезъ два года. Въ началѣ 590 (1194 г.) Кутбъ адъ-динъ перешелъ черезъ Джумну, въ томъ же году Му'ызъзъ снова вернулся въ Индію и ру-

*) И здѣсь числа, обозначающія годъ, колеблются между 579 (1183—4) и 583 г.

**) Это — вѣрное правописаніе, хотя обыкновенно принято называть этотъ городъ Дели.

ководилъ лично завоеваніемъ Каноджи и Бенареса; богатый браминскій городъ былъ, конечно, основательно разграбленъ. Въ скоромъ времени, послѣ усмиренія возстанія въ Аджмирѣ, гдѣ, до поры до времени въ качествѣ подчиненнаго правилъ водворенный сынъ Притви рѣджи, и въ этотъ округъ былъ водворенъ мусульманскій гарнизонъ. Вѣсть о необыкновенномъ успѣхѣ этихъ походовъ, по всей вѣроятности, побудила всѣхъ, кто только могъ носить оружіе въ Гурѣ, Афганистанѣ и другихъ, находящихся подъ гуридскимъ владычествомъ странахъ, участвовать въ «священной войнѣ», которая доставляла столь неизмѣримую добычу: но, очевидно, нельзя было удержать царство, которое въ скоромъ времени должно было охватить почти половину всей передней Индіи, какимъ-нибудь десяткомъ тысячъ человѣкъ; къ тому же источники прямо говорятъ о толпищахъ жаждущихъ приключенія добровольцевъ, которые наводняли страну наравнѣ съ регулярными войсками. Многіе изъ нихъ были изъ турецкаго *) племени Халджа, которое гнѣздилося въ горахъ между Газной и Гуромъ; одинъ изъ предводителей его, Мухаммедъ Ибнъ Бахтіяръ, напалъ со своими приверженцами въ 590 (1194 г.) на страну Бихаръ, расположенную къ востоку отъ Бенареса. Онъ подчинилъ ее такъ быстро и окончательно, что уже въ 591 (1195 г.) могъ двинуться дальше въ Гауръ, т. е. верхній Бенгалъ; здѣсь онъ устроился совсѣмъ по домашнему въ главномъ городѣ Лахнавати**), въ которомъ и его преемники царствовали довольно самостоятельно до 624 (1227 г.). Кутбъ адъ-динъ, котораго шахъ провозгласилъ вице-королемъ Дихли, распространилъ между тѣмъ свои владѣнія на востокъ присоединеніемъ Гваліора (592=1196), а въ 593 (1197 г.) напалъ уже на Нахравалу; послѣдняя не была однако окончательно завоевана. Послѣ небольшого перерыва, въ нѣсколько лѣтъ, обусловленнаго вѣроятно предпріятіями султана Гіаса адъ-дина въ Хорасанѣ, Кутбъ адъ-динъ завладѣлъ въ 599 (1202-3 г.) еще Калинджаромъ (къ югу отъ Ганга); затѣмъ успѣхи мусульманскаго оружія на нѣкоторое время приостановились: наступило время, когда новому государству предстояло завязать борьбу не на жизнь, а на смерть съ царствомъ Хорезма, въ столь же кратковременный срокъ достигшаго почтенныхъ размѣровъ.

Пока продолжались междуособныя войны между Хорезмшахомъ Такашемъ и его братомъ, Султаномъ-Шахомъ, а Хорасанъ

*) Турецкаго въ томъ смыслѣ, какъ мы объяснили это на стр. 20. Это племя уже во времена Махмуда гнѣздилося на афганскихъ высотахъ; небольшое мѣстечко Халджа (см. это слово у Якута) несомнѣнно ведетъ это прозвище отъ этого племени.

**) Вѣроятно это тотъ-же Гауръ, столица одноименной провинціи; см. Raverty стр. 559, прим. 2-е.

былъ раздираемъ на части князьями Нишапѹра, гузами и первыми двумя князьями, гуриды чувствовали себя прекрасно по близости такихъ враждующихъ между собою сосѣдей. Седжестанъ, владѣтель котораго давно уже призналъ свою зависимость отъ нихъ, защищалъ ихъ отъ нападеній гузовъ на юго-западѣ; обладаніе же Балхомъ и Баміаномъ ставило гуридовъ во флангъ обѣихъ непріятельскихъ сторонъ; они примыкали то къ той, то къ другой изъ нихъ, стараясь поживиться побольше, въ особенности укрѣпиться въ Хератѣ; послѣ многихъ непрочныхъ захватовъ, послѣднее и удалось имъ окончательно въ 588 (1192 г.). По смерти Султана-Шаха дѣятельность Такаша 590—593 (1194—1197) была сосредоточена въ Мидіи и Трансоксаніи; но затѣмъ частыя столкновенія между нимъ и Гіясъ адъ-диномъ и враждебныя нападенія то тутъ, то тамъ начали предвѣщать серьезную войну между Хорезмомъ и Гѹромъ. Въ это время умеръ Такашъ (596=1200), и Гіясъ счелъ этотъ моментъ благоприятнымъ для того, чтобы неожиданно завладѣть всѣмъ Хорасаномъ. Ставъ во главѣ войска, онъ перешелъ съ нимъ границу, завоевалъ въ 597 (1201) Мервъ, Серахсъ, Тѹсъ и Нишапѹръ, прежде чѣмъ новый Хорезмшахъ успѣлъ принять надлежащія предосторожности для отвращенія неожиданнаго удара. Но сынъ Такаша, Мухаммедъ II (596—617=1200—1220), въ отношеніи энергіи могъ поспорить съ любымъ гуридомъ. Уже въ слѣдующемъ году (598=1202) онъ опять отнялъ у враговъ, слишкомъ понадѣявшихся на гарнизоны отдѣльныхъ крѣпостей, всю провинцію; правда, Хератъ, какъ теперь такъ и позднѣе въ 600 (1204), не удалось взять приступомъ. Тѣмъ временемъ умеръ Гуридъ Гіясъ (599=1203), надѣлавшій столько бѣдъ; братъ его, Му'ызъзъ, который, какъ старшій въ родѣ, сдѣлался теперь султаномъ, не имѣлъ собственныхъ дѣтей и, считая сына Гіаса для себя опаснымъ, довѣрилъ управленіе Гѹромъ своему дальнему племяннику, Алъ адъ-дину Мухаммеду (599—602 = 1203—1206); самъ же послѣ этого въ 600 (1204 г.) двинулся съ лучшими своими силами противъ Хорезмшаха. Этотъ послѣдній осторожно отступилъ съ своими войсками и хорасанскими отрядами къ своей столицѣ и въ то же время обратился къ карахитаемъ съ просьбою о присылкѣ вспомогательнаго войска. Войско Гурида было очень утомлено переходомъ черезъ пустыню и потому около Хорезма потерпѣло сильный уронъ, а пришедшее вскорѣ затѣмъ извѣстіе о приближеніи карахитаевъ заставило Гурида отступить. Но во время отступленія, онъ вблизи Андхѹза *) наткнулся на спѣшившее на помощь татарское войско, которое уничтожило большую часть его отрядовъ, разбѣдившихся во время похода, и самъ

*) Теперешняго Андхой, между Балхомъ и Мервомъ.

едва спасся бѣгствомъ (601=1204). Для него это было вторымъ ударомъ, превосходившимъ первый, ибо его уже нельзя было поправить. Извѣстіе о случившемся вызвало недовольство эмировъ, которые познали свою силу во время индійскихъ войнъ; сынъ Гіаса, лишенный отцомъ престола, сталъ собирать вокругъ себя приверженцевъ, чтобы завладѣть главнымъ городомъ Фирузкухомъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ начальники войскъ оказывали сопротивленіе, а въ Пенджабѣ поднялось даже цѣлое возстаніе. Му'изъ прежде всего направился туда и счумѣлъ возстановить порядокъ; когда же онъ хотѣлъ вернуться въ Газну, то на пути туда погибъ отъ кинжала убійцы-измаилита (602=1206). Это было позднимъ возмездіемъ за истребленіе ассасиновъ въ Гурѣ, но «Старецъ Горь», какъ всегда счумѣлъ выбрать самый роковой моментъ для своей мести. Смерть второго изъ братьевъ, сдѣлавшихъ родъ Сүри властелинами большого царства, означала вмѣстѣ съ тѣмъ и паденіе этого послѣдняго, которое послѣдовало такъ-же быстро, какъ скоропалительно было его возвышеніе. Сынъ Гіасъ адъ-дина, прозывавшійся, какъ и онъ, Махмудомъ, Гіасъ адъ-динъ II Махмудъ (602 — 607 или 609=1206—1210 или 13), правда, тотчасъ же вытѣснилъ двоюроднаго брата изъ Фирузкуха; но за узкими предѣлами столицы никто о сынѣ Гіаса не думалъ, самъ же онъ совсѣмъ не былъ способенъ заставить уважать себя. Эмиры, въ особенности Хусейнъ Ибнъ Хармилъ изъ Херата, Ильдизъ изъ Газны и Кутбъ адъ-динъ изъ Дихли послали ему краснорѣчивые документы о присягѣ въ вѣрности, но этимъ все и ограничилось. Хусейнъ сталъ играть между Гуридами и Хорезмшахомъ, который уже въ 602 (1206) г. занялъ Балхъ, весьма двусмысленную роль; это однако не спасло его отъ насильственной смерти: при взятіи Херата онъ палъ отъ руки одного изъ жителей Хорезма (604=1207); Ильдизъ же старался, сидя въ Газнѣ, захватить себѣ часть Индіи, но былъ при этомъ побитъ Кутбъ адъ-диномъ, который съ своей стороны велѣлъ молиться за себя въ своей новой мечети, т. е. объявилъ себя независимымъ султаномъ Дихли. Онъ даже изгналъ на нѣкоторое время Ильдиза изъ самой Газны, но самъ не могъ въ ней удержаться, такъ что борьба между этими двумя турецкими рабами, достигшими власти, продолжалась съ поперебѣннымъ счастьемъ до самой его смерти. Кончина Кутбъ адъ-дина, этого энергичнаго возобновителя мухаммеданскаго величія въ Индіи, вызвала тамъ на нѣкоторое время значительные беспорядки: помощники намѣстниковъ Аджміра, Лахоры и другихъ округовъ спорили за первенство, пока наконецъ Алтымышу*), одному изъ бывшихъ турец-

*) Какъ ни знаменитъ этотъ властитель, его имя не точно установлено. Наше правописаніе согласуется съ наиболѣе заслуживающими довѣрія источниками, но

кихъ рабовъ (607—633=1210—1236), не удалось подчинить всѣхъ своихъ соперниковъ одного за другимъ, такъ что наконецъ въ 624 (1227) г. все индійское царство, включая и Бенгалію, снова соединилось подъ его властью. Съ тѣхъ поръ и до 689 (1290) г. здѣсь управляли сначала потомки Алтымыша, потомъ же другіе князья подобнаго же происхожденія: ихъ обыкновенно называютъ царями рабами или первой династіей Патанскихъ (Афганскихъ) царей Индостана; послѣднее названіе невѣрно, такъ какъ они были чистокровными турками и завоевали страну, предводительствуя войсками, только отчасти состоявшими изъ афганцевъ.

Въ то время какъ мухаммеданская Индія безъ дальнѣйшихъ объясненій освобождалась такимъ образомъ отъ верховной власти династіи Гуридовъ, эта послѣдняя быстро падала. Правда, напиравшія войска Хорезмшаха не могли подступить близко къ Гіясъ адъ-дину въ Фирүзкүхъ, но зато тѣмъ временемъ измѣна раскидывала свои сѣти. Уже въ 609 г. (1212-13), по другимъ источникамъ въ 607=1210-11) Гіясъ адъ-динъ II былъ убитъ; четырнадцатилѣтній сынъ его, Беха адъ-динъ Самъ, возведенный на престолъ нѣкоторыми эмирами, былъ въ скоромъ времени смѣщенъ однимъ изъ сыновей стараго Ала адъ-дина I, «Сожигателя міра», Атсизомъ, который, будучи отстраненъ отъ престола своими двоюродными братьями, бѣжалъ ко двору Хорезма и принялъ здѣсь имя перваго Хорезмшаха. Въ качествѣ родственника царствовавшей династіи онъ былъ признанъ въ Фирүзкүхъ, но палъ въ борьбѣ съ Ильдизомъ изъ Газны въ 611 (1214-15). Послѣ него Ала адъ-динъ II, еще раньше лишенный престола, попытался сдѣлаться властителемъ Гура; но время могущества Суридовъ прошло. Ильдизъ, который поддерживалъ его, долженъ былъ въ 612 (1215) г. отступить передъ приближающимися хорезмійцами въ Индію, гдѣ онъ и палъ еще въ томъ же году (612=1216) въ борьбѣ съ Алтымышемъ при Танэсварѣ; послѣднему Гуриду не оставалось ничего другого (вѣдь горныя крѣпости этой страны давно уже отослали большую часть своихъ гарнизоновъ въ Индію или Хорезмъ), какъ покориться своей печальной участи. Съ трудомъ повѣрилъ-бы этому дядя его, который еще только тринадцать лѣтъ тому назадъ велѣлъ присягать ему, какъ повелителю Гура.

не даетъ возможности объяснить его. Онъ болѣе извѣстенъ подъ именемъ Алтамшъ (по англійскому правописанію Altumsh) или Алтымышъ, но оба невѣрны: Ср. Thomas, «The Chronicles of the Pathan Kings of Dehli.», London 1871, стр. 44; къ находящейся здѣсь попыткѣ объяснить это имя я замѣчу, что замѣчаніе Бада'ониса передаетъ, какъ мнѣ кажется, единственно народную этимологию. Никогда не слѣдуетъ забывать, что въ достовѣрныхъ источникахъ, какъ арабскихъ такъ и санскритскихъ, *Л* всегда предшествуетъ *Т*.

Хорезмшахъ Мухаммедъ Ибнъ Такашъ, казалось; достигъ всего того, къ чему стремился. И, дѣйствительно, въ данный моментъ онъ блистательно выигралъ свою партію. Послѣ непродолжительной борьбы (604—606=1207-8—1209—10) онъ отнялъ у карахитаевъ, которыхъ съ сѣвера уже начали тѣснить другія татарскія племена, Трансоксанію (своеобразная благодарность за дѣятельную помощь противъ гуридовъ въ 601=1204 г., помощь, въ которой онъ черезъ пятнадцать лѣтъ не мало раскаявался). Владѣніе Хорасаномъ было теперь совсѣмъ обезпечено; Кирманъ номинально принадлежалъ ему уже съ 594 (1198) г., а на самомъ дѣлѣ со времени покоренія гузовъ и отраженія вмѣшательства Салгаридовъ Фарса, т. е. приблизительно съ 602 (1206) г.; свирѣпые Гуриды были побѣждены, ихъ владѣнія вплоть до индійской границы также завоеваны; восточная Мидія также повиновалась ему. Такимъ образомъ въ рукахъ одного человѣка находилось государство, превосходившее своими размѣрами государство Синджара. Человѣкъ этотъ былъ поистинѣ могущественъ: и все же существовалъ еще кто-то, кто отважился разгнѣвать его. То былъ халифъ Насиръ, человѣкъ мелочный, несмотря на всѣ свои высокія стремленія, который пускалъ въ ходъ всю свою злостную изобрѣтательность, чтобы всевозможными путями уязвить Хорезмшаха, возвышеніе котораго было ему неприятно, такъ какъ мѣшало дальнѣйшему распространенію въ Мидіи государства Аббасидовъ. Онъ постоянно подбивалъ гуридовъ идти противъ Хорасана, и въ началѣ такая политика была совершенна вѣрна; но когда тѣ были побиты, то объявленіе войны владѣтелю великаго восточнаго царства доказывало полное непониманіе положенія дѣлъ. А Насиръ объявилъ ее самымъ нелѣпымъ образомъ. Отказывая Хорезмшаху въ грошовой любезности прочитывать его имя въ багдадскихъ мечетяхъ послѣ своего (между тѣмъ во всей Трансоксаніи и въ Хорасанѣ за него повсюду молились, какъ за «Повелителя правовѣрныхъ»), халифъ поступалъ какъ ребенокъ, который поднимается на цыпочки, чтобы показать, какой онъ большой. Но совсѣмъ въ другомъ духѣ были его постоянныя старанія производить возмущенія среди пехлеванскихъ эмировъ маленькой страны Хамаданъ. Когда Такашъ покончилъ съ иракскимъ сельджукскимъ государствомъ, то въ концѣ концовъ онъ все же позволилъ халифу присвоить себѣ Хузистанъ; это было вполне достаточною наградою за его заслуги. Но халифу было этого мало, и онъ не успокоился, пока Хамаданъ въ 612 (1215-16) не достался Огулмишу, рабу Пехлеванида Узбека, въ вѣрности котораго онъ не сомнѣвался. Но Огулмишъ цѣнилъ выше защиту могущественнаго Хорезмшаха, чѣмъ дружбу государя Багдада и Хузистана: онъ добровольно присягнулъ первому и велѣлъ читать его имя въ хутбѣ (I, 218). Насиръ смотрѣлъ на это съ

пѣной у рта: съ свойственной ему необдуманностью, онъ соединился съ «Старцемъ Горь», и въ 614 (1217) г. Огулмишъ палъ отъ меча ассасина. Было бы несправедливо возмущаться этимъ и считать это поступкомъ, несомѣстимымъ съ нравственнымъ достоинствомъ халифа; самъ Мухаммедъ нѣсколько разъ поступалъ подобнымъ же образомъ, а что онъ себѣ позволялъ, то должно было казаться его намѣстникамъ хорошимъ; на самомъ дѣлѣ же это было сдѣлано въ порывѣ страсти, способъ дѣйствій, какъ извѣстно, вовсе не пригодный въ политикѣ. Но Хорезмшахъ не могъ потерпѣть покушенія на челоуѣка, который только что призналъ свою ленную зависимость отъ него; еще менѣе могъ онъ потерпѣть уничтоженія маленькаго государства, которое около Рейя защищало его владѣнія отъ честолюбиваго халифа: онъ рѣшилъ покончить съ Аббасидомъ разъ навсегда. Это было тѣмъ необходимымъ, что убійство Огулмиша угрожало Мидиі полнымъ беспорядкомъ. Атабегъ Узбекъ изъ Азербейджана, равно какъ царствовавшій въ то время въ Фарсѣ Салгаридъ Сада, одинаково мало желали, чтобы сосѣдняя имъ обоимъ провинція досталась въ руки халифа; поэтому войска ихъ уже приготовились переступить границы. Хорезмшахъ во время остановилъ ихъ; войско Сада было побито, а такъ какъ его начальникъ скоро удовлетворился позволеніемъ спокойно управлять въ Ширазѣ, то слабосильный Узбекъ спрятался при приближеніи Мухаммеда, объявилъ себя его подданнымъ и велѣлъ за него молиться. Теперь Насиръ могъ надѣяться только на свои собственные силы, а онѣ въ концѣ концовъ не превышали силъ сравнительно маленькаго государства; къ тому же Хорезмшахъ разыгралъ теперь противъ него такой козырь, который долженъ былъ имѣть весьма ощутительныя послѣдствія, и доказалъ твердое намѣреніе могущественнаго турецкаго султана продолжать борьбу во что бы то ни стало вплоть до полнаго уничтоженія ненавистнаго врага. Мухаммедъ завершилъ свое блестящее поприще осуществленіемъ великой идеи, чего не добились не только Буиды и Сельджуки, но о чемъ даже ассасины не дерзали помыслить: онъ лишилъ священнаго сана не одного какого-нибудь отдѣльнаго владѣтеля, а весь родъ Аббаса и перенесъ халифатъ на Алидовъ. Собраніе почетныхъ ученыхъ богослововъ, призванное по приказу Хорезмшаха, должно было объявить Насира и весь его родъ лишеннымъ имамства и назначить ему въ преемники одного изъ потомковъ Алія, по имени Ала-аль-Мулъка, родомъ изъ Тирмиза. Легко понять, что шіитскія области Персіи съ радостью привѣтствовали передачу высшей священной должности одному изъ потомковъ боготворимаго святого, и что надежды Насира найти поддержку въ Персіи уменьшились; можно было даже ожидать, что и большинство суннитскаго населенія Трансоксаніи и Хорезма

будетъ на сторонѣ коренного переворота, какъ только его силою оружія окончательно проведутъ въ Багдадъ. А это, казалось, предстояло сейчасъ-же: хорезмійцы уже двинулись изъ Хамадана на Багдадъ, когда настала ранняя и суровая зима; проходы черезъ мидійско-курдскія возвышенности были занесены снѣгомъ, и масса людей и животныхъ, желавшихъ тѣмъ не менѣе переправиться, погибли (614 = конецъ 1217). Хорезмшахъ долженъ былъ вернуться; но тѣмъ болѣе усилилось его желаніе выступить въ слѣдующемъ году. На востокѣ снова начались обширныя военныя приготовленія; съ другой стороны и халифъ собиралъ всѣ свои силы не только для защиты своего званія главы всего ислама, но и для того, чтобы сообщить надлежащій вѣсъ своимъ притязаніямъ на обладаніе Мидіей. Такимъ образомъ и здѣсь халифъ и султанъ, прикрываясь плащомъ рвенія къ дѣлу Божію, боролись за земныя блага: но уже недалеко были тѣ, кому предстояло похоронить обоихъ.

Тотъ, кто слѣдилъ шагъ за шагомъ за исторіей прежнихъ исламскихъ государствъ, начиная со времени Буидовъ вплоть до этого момента, навѣрное испытываетъ одно преобладающее чувство: чувство утомленія, даже отвращенія при видѣ неистощимыхъ и безконечныхъ войнъ и распрей, въ которыхъ, за исключеніемъ краткаго появленія Саманидовъ и нѣкоторыхъ эпизодовъ крестовыхъ походовъ, нигдѣ не было и мимолетной искры какой-нибудь религіозной или національной идеи, и которыя нигдѣ не создали хотя-бы сколько нибудь удовлетворительнаго государственнаго строя. Когда арабы рассыпались за предѣлы своего полуострова, то они тоже не поступали какъ ангелы; въ громадномъ большинствѣ это были просто алчныя кочевыя племена; но они сумѣли основать большое государство, найти или присвоить себѣ извѣстныя политическія и религіозныя идеи, за которыя стоило потрудиться и воевать. У турокъ мы не видимъ ничего подобнаго. Даже и донинѣ нельзя не признать воинскихъ способностей этой расы, но до появленія османовъ въ ней замѣчается полное отсутствіе умѣнья если не созидать государства, то по крайней мѣрѣ противодействовать распаденію ихъ. Если спросить: что сдѣлали турки для человѣчества (будемъ скромнѣе и скажемъ для странъ передней Азіи) въ тѣ два столѣтія, которыя имѣютъ своими крайними точками начало возвышенія Газневидовъ и смерть Хорезмшаха? то нужно отвѣтить: ничего. И, дѣйствительно, здѣсь ни за что ни про что пропали даромъ безконечныя силы и бѣднымъ людямъ причинены безконечныя бѣдствія. Этимъ туркамъ исламскій міръ не обязанъ ни однимъ сколько-нибудь цѣннымъ государственнымъ или законодательнымъ учрежденіемъ, ни однимъ новымъ религіознымъ направленіемъ или пониманіемъ религіозныхъ преданій, ни одной науч-

ной работой (Алфарабій жилъ гораздо позднѣе), ни однимъ подъемомъ въ области искусства. Повидимому турки могутъ быть чѣмъ-нибудь выше, чѣмъ единственно наѣздниками и головорѣзами, только при совѣмъ исключительныхъ условіяхъ, какія позднѣе сложились на индійской и малоазіатско-европейской территоріи. Но эти люди имѣли настолько ума, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ позволяли дѣйствовать и другимъ; это было высшее, до чего они дошли: краткій расцвѣтъ Персіи при Альпъ Арсланѣ и Меликшахѣ было дѣломъ ихъ персидскихъ чиновниковъ, прежде всего Низамъ аль-мулька; услугами персовъ вообще не пренебрегали, когда имѣли достаточно силы, чтобы обуздать ихъ и удержать отъ измѣны. Въ нѣкоторыхъ маленькихъ владѣніяхъ, въ особенности въ Фарсѣ, гдѣ турки-побѣдители вели себя нѣсколько болѣе разумно, дѣло шло туда сюда; но въ общемъ исторія этихъ двухъ столѣтій закончилась такъ-же, какъ окончилась при Махмудѣ (стр. 65)—убійствомъ людей, сожженіемъ сель и городовъ; съ тою только разницею, что въ концѣ этихъ двухъ столѣтій количество сожженныхъ сель конечно постепенно увеличилось, а количество живыхъ людей уменьшилось. Если одно лишь созерцаніе такого зрѣлища возбуждаетъ въ насъ ощущеніе утомленія и отвращенія, то какое отчаянье должно было вызывать это положеніе дѣлъ въ тѣхъ несчастныхъ, которые были жертвами непрестанныхъ пригѣсненій? Мы, нѣмцы, до сихъ поръ еще негодуемъ, когда наши дѣды рассказываютъ намъ о бѣдствіяхъ наполеоновскаго времени: но что значить это двѣнадцатилѣтнее недовольство сравнительно съ цѣлыми двумя столѣтіями? Признано, что свойственное туркамъ добродушіе всегда мѣшало имъ поступать такъ звѣрски, какъ поступала, напримѣръ, европейская солдатчина во вторую половину Тридцатилѣтней войны, но все-же, какъ мы видѣли, положеніе персидской Азіи было въ VII (XIII) столѣтіи достаточно безотрадно. И тѣмъ не менѣе и здѣсь люди должны были вынести это и выносили. Три настроенія духа помогаютъ переносить несчастье: 1) надежда на Бога (въ исламѣ она выразилась въ формѣ покорнаго фатализма, который отказывается отъ разрѣшенія какихъ-либо вопросовъ и покоряется необходимости всего сущаго); 2) мечтательная мистика, которая отрицаетъ все земное и, наслаждаясь своими утопіями, думаетъ слиться съ недосягаемымъ, и 3) легкомысліе подвижной и неизмѣнно жизнерадостной натуры, которая учить и на краю пропасти рвать послѣднюю розу, осушать послѣдній кубокъ въ преддверіи смерти. Только принявъ это въ соображеніе, можно, по моему мнѣнію, понять, что въ только что изложенномъ періодѣ исторіи Востока д у х о в н а я ж и з н ь его народовъ вращается среди своеобразнаго, часто удивительнаго сочетанія этихъ трехъ настроеній. То одно, то другое изъ нихъ становится преобладающимъ, смотря по наклонностямъ отдѣльныхъ націй и личностей,

но всё три повсюду ясно проявляются. Прежде всего въ религи́и и наукѣ. Новыхъ мыслей и стремленій здѣсь почти уже нѣтъ: насколько позволяютъ эти неблагоприятныя времена, стараются распространить то, до чего дошли раньше; для этого составляются доступныя руководства, въ которыхъ съ возможною точностью и замѣчательнымъ умѣньемъ излагается теологически-юридическое міровоззрѣніе, какъ нѣчто неизмѣняемое и данное на вѣчныя времена, дабы люди имѣли нѣчто такое, за что они во всѣхъ обстоятельствахъ могли бы ухватиться. Оба классическихъ комментарія Корана, Зама́хшарія и Бейда́вія, которые остроумно вносятъ въ священное писаніе, первый—болѣе свободное му́тазилитское міровоззрѣніе, второй—правовѣрное, относятся ко времени сельджуковъ и къ началу господства монголовъ; послѣдній великій философъ Востока, Газза́лій*), жилъ уже при Меликшахѣ и его сыновьяхъ; долгое время онъ былъ шейхомъ при Низамѣ въ Багдадѣ (выше, стр. 106); его научныя занятія были прерваны, ибо онъ сдѣлался правовѣрнымъ, отказался отъ всей своей философіи, чтобы доказать, что философія—праздная болтовня; послѣднему вполнѣдствіи вѣрили почти слѣпо. Изъ опытныхъ наукъ (послѣднимъ представителемъ ихъ былъ Авиценна (выше, стр. 73) одна только астрономія продолжаетъ развиваться, такъ какъ она въ виду своихъ астрологическихъ интересовъ и практическихъ цѣлей теперь и позднѣе пользовалась покровительствомъ свыше; во всемъ остальномъ ограничиваются тѣмъ, что было найдено раньше, но начинаютъ все менѣе понимать это старое. Историческія сочиненія персовъ и арабовъ заслуживаютъ вниманія; первыя написаны частью въ стилѣ записокъ, частью съ стремленіемъ украсить суровую дѣйствительность изящной риторикой; вторыя, которыхъ находятъ всего больше въ Сиріи и Египтѣ, представляютъ изъ себя компиляціи старыхъ историковъ съ добавленіемъ краткаго, простаго и болѣею частью заслуживающаго довѣрія отчета о пережитомъ лично, удовлетворяющаго спросу современниковъ. Время историковъ-классиковъ наступило лишь въ слѣдующій затѣмъ періодъ. Изъ составителей мемуаровъ мы можемъ упомянуть здѣсь Бейхакія, произведеніе котораго — очень интересный дневникъ чиновника, находящагося на службѣ у Газневидовъ. На арабскомъ языкѣ мы имѣемъ двѣ хроники; хронику Ибнъ аль-Асира и Абильфиды, одного изъ потомковъ Эйюбиды; обѣ доведены своими авторами до современныхъ имъ событій, т. е. VII (XIII) и VIII (XIV)

*) Или Газалий; мнѣ кажется, что вѣрное правописаніе его имени до сихъ поръ еще не установлено (см. G o s c h e, Ghazzalis Leben und Werke, Berlin 1859 стр. 294).

столѣтій и составляютъ главные источники, изъ которыхъ мы почерпаемъ свѣдѣнiя для исторiи ислама того времени.

Во всѣхъ слояхъ населенiя (причина этого была уже указана) какъ разъ въ это время все болѣе и болѣе развивалась мистика; она не всегда стояла отдѣльно отъ правовѣрiя съ его фаталистической закованностью, напротивъ, часто прикрывалась его формами, но въ общемъ, по своему внутреннему содержанию, она были прямо противоположна ему. Прежде всего это произошло въ Персiи: одно только отрицанiе отдѣльныхъ положенiй суннитскаго толка, выдвигаемое на первый планъ шиитизмомъ (выше, стр. 10—11), едва-ли можетъ удовлетворить умъ и душу и представляетъ изъ себя лишь границу, за предѣлами которой умъ и сердце могутъ безпрепятственно слѣдовать своему собственному развитiю. А оно состоитъ въ выработкѣ политеоретическаго, полупрактическаго мистическаго мировоззрѣнiя, съ сильной пантеистической окраской, которое, послѣ ряда разсужденiй аскетическаго характера, доводитъ человѣка до полнаго уничтоженiя собственной личности въ Богѣ. Просвѣтленiе и уничтоженiе собственной личности въ пламени божественной любви—вотъ цѣль, къ которой стремится или думаетъ стремиться это дальнѣйшее развитiе Суфизма (II, 82; выше стр. 107 и слѣд.). Каждый изъ насъ знаетъ, какъ легко мечтатели, бессознательно обманывая самихъ себя, доходятъ до сознательнаго обманыванiя другихъ; всяческая таинственность, которой окружилъ себя этотъ орденъ, именно теперь быстро увеличивавшiйся (начало его относится къ гораздо болѣе раннему времени—ср.: II, 82), также способствовала распространенiю этихъ мечтанiй; этимъ объясняется то, что среди Суфiевъ (деришей, какъ называли сначала принадлежавшихъ къ нищенствующимъ орденамъ, а потомъ всѣхъ вообще живущихъ по извѣстнымъ уставамъ), мы находимъ самые разнородные элементы—самые благородные, какъ-то: возвышенную пантеистическую мудрость какого-нибудь Джелаль адъ-дина Руми, и самые низменные, а именно—различные пороки, только скрывающiеся подъ личиною благочестиваго воздержанiя; къ тому же въ суфизмѣ совмѣщаются такiя многообразныя явленiя, какъ экстазъ, самобичеванiе, праздношатанiе, поистинѣ благочестивый образъ жизни и спокойное созерцанiе. Сюда могли спастись тѣ, кто, отъ внутренней-ли борьбы или внѣшнихъ огорченiй, чувствовалъ себя усталымъ и удрученнымъ, а также тѣ, кто обанкрутился на жизненномъ поприщѣ и рассчитывалъ на милосердiе своихъ ближнихъ. Большинство орденовъ дервишей, процвѣтающихъ и въ наше время, были основаны какъ разъ въ VI-мъ и VII-мъ (XII-мъ и XIII-мъ) столѣтiи; изъ нихъ особенно громкой извѣстностью пользуются Мевлеви (отъ слова Мевлана *) Джелаль адъ-динъ Руми) и Рифаи

*) Мевлана (по арабск. произношенiю Маулана) значить по-арабски „гашь

—теперь они известны подъ именемъ «танцующихъ» и «вѣющихъ» дerviшeй, такъ какъ приводятъ себя въ состоянiе экстаза, граничащаго съ потерей сознанiя, путемъ вращенiя своего тѣла или-же постояннаго выкрикиванiя слова Аллахъ или Ху (послѣднее—мѣстоимѣнiе «Онъ», т. е. Богъ).

Оба направленiя, какъ правовѣрное, такъ и мистическое, отражаются и въ литературѣ того времени; она же даетъ намъ и представителей третьяго настроенiя, смотрящаго на все съ точки зрѣнiя минутнаго наслажденiя жизнью. Естественно, что правовѣрность отразилась скорѣе въ произведенiяхъ научныхъ, а мистика и свѣтское направленiе—въ поэтической литературѣ. Конечно, существуютъ поэты, которые воспѣваютъ, напримѣръ, борьбу Саладина съ невѣрными, но число ихъ невелико; какъ только благочестiе начинаетъ говорить поэтическимъ языкомъ, оно обыкновенно облачается въ суфическiя формы; точно также существуетъ много суфiевъ и дerviшeй, которые поступаютъ, какъ правовѣрные. Произведенiя персидской литературы, въ которыхъ въ образѣ соловья и розы, бабочки и пламени и въ тысячѣ другихъ аллегорiй, непостижимое становится какъ-бы осязательнымъ, можно причислить къ однимъ изъ жемчужинъ персидской поэзи. Объ этомъ искусствѣ, столь же своеобразномъ, сколько возвышенномъ, мы можемъ составить себѣ ясное понятiе по подражанiямъ Рюккерта двустипхiямъ (месневи) глубокомысленнаго Мевланы Джелалъ адъ-дина Румiя, который, какъ показываетъ его имя, провелъ большую часть своей жизни въ Румѣ, а именно въ Иконiи, но самъ былъ родомъ изъ Балха и сочинялъ на персидскомъ языкѣ. Подобнымъ же направленiемъ, хотя и не такъ ясно выраженнымъ, отличаются суфическiя стихотворенiя нравственно-поучительнаго характера, принадлежащiя перу Насира Хосрау (ср. стр. 15—16), и Феридъ адъ-дина Аттара *); у Омара Хайяма ***) (выше, стр. 107) къ нему присоединяется свободомыслящiй, полемическiй элементъ; но самой чистой и кроткой, въ высшей степени разумной жизненной философи суфизмъ достигъ у персидскаго писателя Саади изъ Шираза (см. выше, стр. 144), который вмѣстѣ съ Хафизомъ и донныѣ—любимѣйшiй у персiянъ писатель; его «Садъ розъ» (Гулистанъ)—самая цѣнная сокровищница, полная жемчужинъ, свидѣтельствующихъ о зрѣлости ума, умной поучительности и спокой-

---

господинъ“; поклонники великихъ суфiйскихъ мудрецовъ обыкновенно называютъ такъ своего Учителя.

*) *Pendnâme*—перевелъ Nesselmann, Königsberg 1871.

**) *Vodenstedt* „Die Lieder und Sprüche des Omar Chajjam Verdeutsch. 3 Auflage. Breslau 1882.

номъ отреченіи *); проза въ немъ пріятно чередуется съ стихотворной формой, рассказы—съ изреченіями, свидѣтельствующими о богатой опытности жизни: съ тѣхъ поръ какъ въ XVII столѣтіи старый почтенный житель Ашера, Адамъ Олеарій, привезъ его изъ Персіи, гдѣ путешествовалъ, и ввелъ его въ нѣмецкую литературу подъ именемъ «Персидской долины розъ», онъ и у насъ былъ оцѣненъ по заслугамъ **). «Садъ увеселеній» (Бустанъ), написанный стихами, считается ниже предыдущаго ***), но это едва-ли справедливо. Зато послѣдній изъ знаменитыхъ арабскихъ поэтовъ Омаръ Ибнъ аль-Фаридъ былъ совершеннѣйшій мистикъ; у него мы уже находимъ «вино божественной любви», которымъ суфій напивается до забвенія,—возврѣніе, которое впоследствии получало свое реальное примѣненіе въ видѣ дѣйствительнаго вина и хашиша или опиума, заимствованнаго отъ ассасиновъ. Истинному и напускному благочестію правовѣрія и мистицизму можно противопоставить поэтовъ, которые проповѣдаютъ наслажденіе жизнью путемъ лирическихъ стихотвореній, воспѣвающихъ любовь и вино, или магическимъ дѣйствіемъ романтическихъ рассказовъ. Они близко подходят къ четвертаго рода людямъ-воспѣвателямъ князей-покровителей искусства, которыхъ съ Махмұда существовало не мало даже во время турецкаго владычества: ибо самый тяжеловѣсный мозгъ воспримчивъ къ воспуренію еиміама, если только какъ слѣдуетъ затмить ему голову. Между князьями было однако нѣсколько понимавшихъ поэзію; такъ напримѣръ самъ Меликшахъ, а послѣ него въ особенности Синджаръ, который окружилъ себя цѣлымъ штатомъ поэтовъ. Изъ нихъ Энверъ и знаменитъ, какъ своими одами, такъ и сатирами ****); съ нимъ могъ посоперничать Хакъани, человекъ, обладавшій большими свѣдѣніями въ искусствѣ, и придворный поэтъ персидскаго владѣтеля небольшого округа Ширвана; въ качествѣ такового онъ могъ наблюдать придворную жизнь. Удаленный уголокъ Кавказа былъ вообще богатъ крупными поэтами: такъ, Низами, величайшій эпическій писатель послѣ Фирдусія, происходилъ изъ Генджи (стр. 132, прим.). Въ своемъ «Хамсѣ» («Пятерня») онъ, кромѣ одного дидактическаго стихотворенія и собранія поэтическихъ новеллъ, помѣстилъ три обширныя поэмы: Искендеръ-Намэ («книга Александра», т. е. исторія Александра Великаго) и рассказы о двухъ знаме-

*) Есть русскій переводъ Холмогорова.

**) Новѣйшіе его переводы: Graf, Leipzig 1846, Nesselmann, Berlin 1864.

***) Перевелъ. Graf, Jena 1850, Schlechta - Wssehrd (отрывками), Wien 1852.

****) Переводъ нѣкоторыхъ изъ его стихотвореній можно найти въ сочиненіи В. А. Жуковскаго: Али Аухадѣдинъ Энверъ, СПб., 1883.

нитыхъ возлюбленныхъ парахъ, Лейлъ и Меджнунъ, Хосрау и Ширинъ, которыя заимствованы изъ арабскихъ и персидскихъ сказаній. Эти послѣдніе вмѣстѣ съ совершенно сказочной исторіей Александра—главные представители романтическаго эпоса, который давно развивался наравнѣ съ поэзіей національныхъ сказаній Шахъ-намэ и многочисленными подражаніями ему. Наконецъ сюда же слѣдуетъ отнести еще одного: Харірія, самаго лучшаго стилиста и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдняго великаго писателя арабской литературы. Его Абу Зейдъ, «Странствующій подмастерье», который все въ новыхъ образахъ появляется въ самыхъ различныхъ мѣстностяхъ, чтобы произносить свои умныя и хитрыя рѣчи и совершать свои продѣлки,—настоящій герой того времени, въ которое нельзя болѣе отличить царя отъ героя и искателя приключеній, и въ которое, въ силу полнѣйшаго безпорядка, празднопатающіеся вездѣ имѣютъ перевѣсъ. Макамы («засѣданія», а именно образованныхъ и краснорѣчивыхъ людей) Харірія болѣе, чѣмъ какое либо другое произведеніе, характерны для VI (XII) столѣтія: все оно проникнуто самой горькой проніей, хотя и прикрытой самыми изящными и привлекательными формами. Но скоро наступили времена, когда людей не хватало и на это.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

НАШЕСТВІЕ МОНГОЛОВЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Чингизъ-Ханъ и Хулагу.

Почтенный лѣтописецъ Ибнъ-аль Асіръ, приступая къ разсказу о событіяхъ 617 (1220 г.), начинается слѣдующимъ образомъ: «Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ я въ нерѣшительности, описывать ли мнѣ потрясающее вторженіе татаръ въ исламскія земли. Оно слишкомъ ужасно, и у меня не хватало духа описать его. И теперь я приступаю къ этому нерѣшительными шагами: ибо кто можетъ съ легкимъ сердцемъ излагать письменно вѣсть о погибели ислама и мусульманъ, кому покажется пустякомъ разсказать объ этомъ? О, пусть-бы мать моя никогда не производила меня на свѣтъ! Пусть-бы я умеръ до этого и былъ-бы преданъ забвенію! Многочисленные друзья уговаривали меня изложить объ этомъ письменно, но я все колебался; теперь же я вижу, что молчаніе съ моей стороны не принесло-бы пользы, потому скажу слѣдующее: мое предпріятіе обнимаетъ собою описаніе самой ужасной катастрофы и величайшаго бѣдствія, подобнаго которому не видывали ни день, ни ночь на землѣ, и которое разразилось надъ всѣми народами, но въ особенности надъ мусульманами; и если кто-нибудь скажетъ—слава Ему и да превознесется Онъ!—что съ того момента, когда Богъ создалъ Адама и до настоящаго времени, чело-вѣчество никогда еще не подвергалось такому испытанію, онъ скажетъ только правду.

Въ лѣтописи не занесено ничего подобнаго, либо похожаго на это нашествіе. Къ числу самыхъ ужасныхъ бѣдъ, о которыхъ онъ повѣствуютъ, относится расправа Навуходносора съ израильянами: избиеніе ихъ и опустошеніе священнаго Иерусалима. Но чтò такое Иерусалимъ сравнительно съ опустошенными этими проклятыми людьми

областями, главные города которыхъ были вдвое больше Иерусалима; что такое израильяне, съ вырѣзанными теперь, когда населеніе какого-нибудь одного города, жителей котораго избивали татары, превосходило свою численностью весь израильскій народъ? Я полагаю, что народы не испытаютъ болѣе подобнаго разгрома до самаго того времени, когда человѣчество предстанетъ на судъ Божій и пока міръ не обратится въ ничто... Ибо даже антихристъ *) пощадитъ тѣхъ, кто послѣдуетъ за нимъ, хотя погубитъ тѣхъ, кто окажетъ ему сопротивленіе; тѣ же не пощадилъ никого, но убивали и женщинъ и мужчинъ, вспарывали животы беременныхъ и рѣзали еще не родившихся. Во истину, мы принадлежимъ Богу и должны вернуться къ Нему **)! нѣтъ ни власти, ни силы, кромѣ какъ у Бога, который великъ и совершененъ!»

Съ тѣхъ поръ какъ Лессингъ впервые защитилъ, «спасъ», Горація отъ нѣкоторыхъ обвиненій, затрагивавшихъ его честь и распространенныхъ общепринятыми источниками, мы естественно стали относиться съ извѣстнымъ недоувѣріемъ къ дошедшимъ до насъ сужденіямъ древнихъ о выдающихся историческихъ лицахъ и предпочитаемъ сами составлять себѣ образъ того или другого человѣка на основаніи достовѣрныхъ фактовъ. При этомъ многимъ знаменитостямъ пришлось плохо, напр. Цицерону: теперь уже ученику высшихъ классовъ гимназій, знакомому съ толкованіями его Тускуланъ, едва ли прощительно считать его болѣе, чѣмъ пустой головой; напротивъ того, приходится слышать похвалы Тиверію, какъ отличному государю, и Агриппинѣ, какъ дамѣ очень любезной, хотя и не лишенной слабостей. Я далекъ отъ того, чтобы произносить свое сужденіе касательно вѣрности или невѣрности изложенія, когда оно касается предметовъ, которыхъ я не изучалъ; но вообще говоря, мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ, что «спасаютъ» слишкомъ многое. Къ числу тѣхъ, которыхъ въ новѣйшее время стараются облечь и видоизмѣняютъ для этого характеристику, данную прежними поколѣніями, принадлежитъ и монголъ Чингизъ-Ханъ, который подобно своему предшественнику—гунну Аттилѣ,—называлъ себя «бичомъ Божиимъ». Одинъ изъ серьезныхъ и справедливо уважаемыхъ историковъ держится того мнѣнія, что его героя слѣдуетъ, собственно говоря, поставить выше ***) Александра Великаго; другой****) историкъ полагаетъ, что нельзя оспаривать въ немъ

*) Вѣру въ появленіе антихриста передъ страшнымъ судомъ мусульмане заимствовали у христіанъ.

**) А именно: черезъ смерть; это предложеніе и слѣдующее—излюбленныя восклицанія для выраженія испуга и смиренія.

***) Н. Howorth, History of the Mongols. Part I, London 1876, стр. 49.

****) Franz v. Erdmann, Temutschin der Unerschütterliche, Leipzig 1862, стр. 444.

право быть «столь же великимъ, какъ мѣръ». Конечно нѣтъ, но только исходя изъ монгольской точки зрѣнія. Для вандаловъ и Гейзерихъ, конечно, былъ великимъ человѣкомъ, что не мѣшаетъ намъ считать его чудовищемъ. Поэтому, если я не отрицаю того, что Чингизъ-Ханъ обладалъ всѣми качествами великаго монгола, то это нисколько не измѣняетъ того факта, что монголы были однимъ изъ самыхъ ужасныхъ народовъ и, соответственно этому, ихъ величайшій властелинъ былъ однимъ изъ самыхъ ужасныхъ людей въ свѣтѣ, какіе когда-либо путемъ обдуманной государственной политики, несокрушимой энергіи, мудрой предусмотрительности, высокой справедливости и истинной терпимости *), съумѣли полмира обратить въ кладбище. Никто не станетъ порицать волка, когда онъ слѣдуетъ своимъ природнымъ наклонностямъ; но зато ему далеко до льва **). И если трогательныя жалобы нашего арабскаго лѣтописца и не чужды нѣкотораго невольнаго преувеличенія, на которое легко наталкиваетъ насъ перенесенное несчастье, то стоитъ только бросить взглядъ на любую страницу восточной или европейской лѣтописи того времени, чтобы увидѣть, что онъ дѣйствительно не преувеличиваетъ, когда считаетъ монгольское нашествіе величайшимъ бѣдствіемъ, какое когда-либо обрушивалось на народы (онъ разумѣетъ болѣе знакомые ему народы западной Азіи и восточной Европы). Изъ моего предыдущаго изложенія вѣдь ясно, что время подъема и высшаго блеска ислама давно уже миновало, и если почти всѣ исламскія владѣнія разрушаются отъ перваго натиска варваровъ, то въ этомъ можно винить неспособность персовъ и турокъ создать

*) Ср. v. Erdmann, указанныя сочиненіе, стр. 457.

***) О характерѣ Чингиза можно судить по слѣдующему извлеченію изъ сочиненія его историка, Рашидъ-адъ-дина: однажды Чингизъ-Ханъ спросилъ у Бурджиньона, который былъ главой бековъ: „наслажденіе и ликованіе человѣка въ чемъ состоитъ?“ Бурджи сказалъ: „состоитъ въ томъ, чтобы человѣку, взявъ на руку сокола синецвѣтнаго своего, который питался керкесомъ и зимой перемѣнилъ перья и правильныя перья, и съѣвъ на хорошаго мерина, охотиться раннею весной за синеголовыми птицами и одѣваться въ хорошія платья и одежды“. Чингизъ-Ханъ сказалъ Бургулу: „ты скажи также!“ Бургулу сказалъ: „ликованіе состоитъ въ томъ, чтобы животные, подобные кречету, летали надъ журавлями, пока не низвергнуть ихъ съ воздуха ранами когтей и не возьмутъ ихъ“. Послѣ того спросилъ также у дѣтей Хубила; сказали: „блаженство человѣка состоитъ въ охотѣ и заставленіи животныхъ летать“. Тогда Чингизъ-Ханъ повелѣлъ: „вы не хорошо сказали. Наслажденіе и блаженство человѣка состоитъ въ томъ, чтобы подавить возмущившагося и побѣдить врага, вырвать его изъ корня, взять то, что онъ имѣетъ, заставить вопить слугителей его, заставить течь слезы по лицу и носу ихъ, сидѣть на пріятно идущихъ жирныхъ меринахъ ихъ, сдѣлать животъ и пушъ женъ ихъ постелью и подстилкою, любоваться розовыми щечками ихъ и цаловать, и сладкія алыя губки ихъ сосать. (Исторія Монголовъ, сочин. Рашидъ Эдина, перев. П. Н. Березина, Труды восточн. отдѣл. Императорскаго Русскаго Археологич. общества, часть XV, Спб., 1888, стр. 131).

на имѣвшемся основаніи государственное устройство, способное къ противодѣйствію; мы также уже обращали вниманіе на то, что первые предвѣстники великаго переселенія народовъ, гузы и туркмены, во многихъ мѣстахъ уже порядочно подготовили почву для монголовъ. Но окончательными разорителями были монголы; они завершили разрушеніе настолько, что отняли у всей восточной Персіи и аравійскаго Ирака всякую возможность воскреснуть, а среднюю Персію и сирійско-малоазіатскія провинціи допустили только до ограниченнаго, не полнаго обновленія. Вѣрность нашего замѣчанія всего болѣе подтверждается тѣмъ фактомъ, что единственная провинція теперешняго ислама, которая можетъ быть еще даетъ надежду на новое самостоятельное развитіе, есть Египетъ, котораго никогда не касалась нога монгола, между тѣмъ какъ аравійскій Иракъ и вся восточная Персія, нѣкогда однѣ изъ самыхъ богатыхъ и цвѣтущихъ странъ міра, и понынѣ представляютъ изъ себя однѣ лишь развалины. Тутъ дѣйствительно лишній разъ высшая цивилизація была поглощена варварствомъ—предостерегающій примѣръ для нашего девятнадцатаго столѣтія, въ которое мы, слишкомъ полагааясь на наше культурное развитіе, отказываемся вѣрить въ возможность такого-же рода серьезной опасности для насъ самихъ. И тѣ начала государственнаго порядка и духовнаго развитія у монголовъ, которымъ восхвалители Чингизъ-Хана придаютъ такое значеніе, очень быстро исчезли у племенъ, оставшихся вѣрными кочевой жизни своихъ предковъ; для исламскихъ же провинцій они были съ самаго начала шагомъ назадъ въ давно пройденныя ими стадіи болѣе низкой цивилизаціи. Наступающее теперь время, поскольку оно касается исламскихъ народовъ, было мрачной трагедіей съ немногими свѣтлыми эпизодами и совершенно безнадежнымъ для нихъ исходомъ.

Впредь мы будемъ называть монголами или татарами не отдѣльныя племена, а совокупность тѣхъ тунгусскихъ, монгольскихъ и въ широкомъ смыслѣ слова турецкихъ народцевъ, которые въ началѣ седьмого (тринадцатаго) столѣтія были какъ-бы слиты въ одну общую массу Чингизъ-Ханомъ, или, называя его настоящимъ именемъ Темучиномъ *). Мы знаемъ (выше, стр. 72), какъ трудно разбить ихъ на составляющія ихъ этнографическія части; во всякомъ случаѣ это разграниченіе мало интересно для историка ислама. Ибо какого-

*) Чингизъ-Ханъ—почетный титулъ, который онъ принялъ послѣ того, какъ сталъ государемъ великаго царства. Это слово переводится различно: нѣкоторые считаютъ, что Чингизъ значить „несокрушимый“, другіе—„очень могущественный“. Самъ я объ этихъ вещахъ судить не могу.

бы происхожденія ни были тѣ или другіе—теперь считается доказаннымъ, что не только второй монгольскій завоеватель Тимуръ (Тамерланъ), но и Темучинъ сами были турецкаго происхожденія—въ войнахъ съ исламскими государствами они составляютъ одно цѣлое, отдѣльныя части котораго не отличались другъ отъ друга ни по способу веденія войны, ни по степени цивилизаціи или, вѣрнѣе, грубости. Исторія монголовъ до Темучина выходитъ также изъ рамокъ нашего изслѣдованія, тѣмъ болѣе, что для этого я могу указать *) другую часть этого ряда сочиненій **), которая одновременно изображаетъ возникновеніе и судьбы татарско-исламскихъ государствъ юго-восточной Европы и поэтому даетъ мнѣ возможность не останавливаться на нихъ; для развитія ислама въ его цѣломъ, изображеніе котораго составляетъ мое исключительное намѣреніе, все это въ дѣйствительности не имѣетъ никакого значенія. Поэтому я ограничусь лишь сообщеніемъ о столкновеніи вновь основаннаго монгольскаго царства съ состарившимися магометанскими государствами, опишу, какъ послѣднія были разрушены и какова была судьба этихъ странъ подъ монгольскимъ владычествомъ ***).

Мы помнимъ (стр. 189), что Хорезмшахъ Мухаммедъ воспользовался распаденіемъ царства карахитаевъ, чтобы въ 606 г. (1209—10) завладѣть Трансоксаніей. Ему удалось это, благодаря союзу съ Гугъ-Ханомъ, владѣтельнымъ княземъ, происходившимъ изъ великаго восточно-турецкаго племени Найманъ, который, спасаясь бѣгствомъ отъ Чингизъ-Хана, прибылъ въ Кашгаръ къ Гуръ-Хану,

*) См. Шиманнъ „Россія, Польша и Лифляндія до XVII в. (Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen, № 90 до 92) стр. 152 ff.

**) Авторъ разумѣетъ рядъ сочиненій по всемірной исторіи, изданный Онкеномъ, и къ которому принадлежитъ и трудъ Мюллера.— *Ред.*

***) Темучинъ или Чингизъ Ханъ родился въ Монголіи въ Январѣ 1155 г. по Р. Х. Послѣ смерти его отца, Іесукея Бехадура, которому платили дань отъ 30 до 40 тысячъ семействъ, болѣе трехъ четвертей его подданныхъ отложились отъ Темучина, которому тогда было всего 13 лѣтъ. Начиная съ этого возраста онъ воевалъ въ теченіе всей своей жизни. Ему было болѣе сорока лѣтъ, когда онъ одержалъ полную побѣду надъ враждебнымъ ему племенемъ Тайджутовъ и ихъ союзниками; взятыхъ въ плѣнъ предводителей онъ велѣлъ сварить въ 70 котлахъ. Съ этого времени его имя прогремѣло по всей Монголіи. Его власть значительно возросла, когда ему удалось нанести пораженія Онгъ-Хану, царю Керайтовъ. Въ 1202 г. Темучинъ былъ провозглашенъ ханомъ и принялъ названіе Чингизъ-Хана. Вскорѣ послѣ этого вся Монголія была покорена имъ. Тогда Чингизъ ринулся на Китай, богатая область котораго всегда были великими соблазнами для кочевниковъ. Въ три пріема сѣверныя области Китая были ограблены и подчинены. Въ 1218 году Чингизъ созвалъ своихъ родственниковъ и вождей на курилтай (сеймъ), на которомъ и было рѣшено предпринять нашествіе на Туркестанъ.—

счумблъ втереться къ нему въ милость, а потомъ, когда ему удалось собрать вокругъ себя изрядное количество турецкихъ толпищъ, вѣроломно напалъ на своего благодѣтеля; это случилось какъ разъ въ то время, когда Хорезмшахъ подвигался съ запада къ владѣніямъ Бухары и Самарканда. Союзники, какъ раньше было условлено, подѣлились добычей: Гушлугъ-Ханъ получилъ всѣ земли вплоть до Яксарта, исключая округа Отрара, цвѣтущаго торговаго города на среднемъ теченіи рѣки, который вмѣстѣ съ Трансоксаніей достался Мухаммеду. Этотъ послѣдній отдалъ Отраръ, на правахъ леннаго владѣнія, предводителю одного турецкаго племени канкаліевъ, жившаго къ сѣверу отъ Аральскаго моря; его звали И н а л ь ч и к ы (также Г а й р ы - Х а н ы), и онъ съ многочисленными толпами своихъ соотечественниковъ вступилъ на службу къ Хорезмшаху, непрестанно увеличивавшему свое войско. Выборъ Мухаммеда былъ для него роковымъ; не менѣе роковою ошибкою было то, что онъ самъ помогъ уничтоженію царства Кашгара и благодаря этому удалили послѣднюю препону, отдѣлявшую его отъ довольно-таки разросшагося царства Чингизъ-Хана.

Послѣ разгрома наймановъ въ 604 (1207) г. ужасный повелитель монголовъ какъ разъ въ это время—и это извиняетъ Мухаммеда—былъ занятъ почти цѣлое десятилѣтіе покореніемъ сѣвернаго Китая на дальнемъ востокѣ, и если имя этого могущественнаго полководца и тогда уже прогремѣло по всей Азіи, то никто не ожидалъ, что онъ, находившійся далеко, на сотни миль, около совершенно противоположной границы своего громаднаго царства, въ самое непродолжительное время внезапно окажется подъ бокомъ. Да и послѣ присоединенія Трансоксаніи Хорезмшахъ, владѣвшій всѣми провинціями отъ Аральскаго моря вплоть до Индѣйскаго океана и отъ Хиндукуша до Хамадана и далѣе и самъ повелѣвавшій сотнями тысячъ воиновъ, дѣйствительно повидимому имѣлъ право надѣяться на возможность справиться со всякимъ врагомъ. Поэтому, когда Чингизъ-Ханъ въ 614 (1217)* г. дѣйствительно сдѣлалъ нападеніе и на западъ и по-

*) По свидѣтельству d'Ohsson (Histoire des Mongols, I, 172), который ссылается на „Тарих-и-Джехан-нуса“ Джувейни (послѣдній писалъ лѣтъ черезъ 40 послѣ этихъ происшествій), этотъ походъ противъ Гушлугъ-Хана состоялся лишь въ 615 (1218) г., когда дипломатическія столкновенія между Хорезмшахомъ и Чингизъ-Ханомъ приняли уже роковой оборотъ. Окончательнаго сужденія объ этомъ еще нельзя себѣ составить, пока всѣ источники не просмотрѣны въ оригиналѣ; пока я буду придерживаться изложенія, даннаго въ текстѣ, потому что до паденія Гушлугъ-Хана, Хорезмшахъ, который и позднѣе роковымъ образомъ ошибался насчетъ военныхъ силъ Чингизъ-Хана, не имѣлъ собственно причинъ беспокоиться (d'Ohsson стр. 194) насчетъ возростанія монгольскаго царства.—Замѣчу къ моимъ цитатамъ изъ d'Ohsson, что его трудъ появился впервые въ Гаагѣ въ 1834—35 г.; изданіе, лежащее передо мною „Амстердамъ 1852“ отличается только своей обложкой.

сталъ одно изъ своихъ войскъ противъ Гушлугъ-Хана, то Мухаммеду дѣло показалось совсѣмъ несерьезнымъ. Грубый и лукавый Наиманъ съумѣлъ заслужить ненависть своихъ подданныхъ, такъ что монголы, очень умно разыгравшіе роль освободителей, со всѣхъ сторонъ находили поддержку; Гушлугъ долженъ былъ спастись бѣгствомъ вмѣстѣ съ преданными ему войсками, но по дорогѣ былъ схваченъ и убитъ, а царство его было завоевано съ перваго удара. Толпы его приверженцевъ спасались отъ монголовъ на западъ; было очевидно, что они будутъ пытаться спастись и за пограничной линіей съ Хорезмомъ; тутъ ежеминутно могли явиться опасныя осложненія. Есть данныя *), указывающія на то, что Мухаммедъ нисколько не скрывалъ отъ себя невыгоду имѣть на востокѣ дѣло съ монголами въ то самое время, когда онъ на западѣ замышлялъ новые походы противъ халифа. Намѣреваясь въ слѣдующемъ году снова вернуться въ Иракъ, онъ, отказавшись отъ своего зимняго похода на Багдадъ, предпринялъ обратный путь на родину, но уже по дорогѣ въ Нишапуръ формально передалъ своимъ сыновьямъ управленіе западными и южными провинціями, а именно: Мидію—Рукнъ адъ-дину, Кирманъ и сосѣднія—Гіясъ адъ-дину, Газну съ Тохаристаномъ, Гуромъ и т. д. Джелаль адъ-дину Мингбурнію **). Главными же провин-

*) Объ этихъ происшествіяхъ сохранились различныя сообщенія, которыя трудно согласовать даже въ главныхъ пунктахъ. Изъ нихъ главныхъ три: двухъ современниковъ, Ибнъ-аль-Аспира, Мухаммеда изъ Несы, и Джувейнія. Ибнъ-аль-Аспиръ написалъ относящуюся сюда часть своей книги въ Мосуль, если уже не во времена Насира (Weil, *Geschichte der Chalifen*, III, 380, прим.), то при его преемникѣ, и очевидно старается умолчать о всякой виновности Аббасида въ этой катастрофѣ и искать повода къ ней (насколько позволяетъ это его честность) у Хорезмшаха; Джувейній былъ чиновникомъ у одного изъ внуковъ Чингизъ-Хана и, постоянно перевозимо монголовъ, естественно также старался взвалить всю вину на противниковъ. Но и на Мухаммеда изъ Несы нельзя полагаться, такъ какъ онъ былъ секретаремъ послѣдняго Хорезмшаха, Джелаль адъ-дина. Изъ всѣхъ этихъ изложеній новѣйшихъ историковъ, которые черпали изъ этихъ источниковъ, самымъ достовѣрнымъ кажется мнѣ d'Ohsson въ своей *Histoire des Mongols I*, почему я и придерживаюсь его. Необходимо издать тексты въ оригиналь, а между тѣмъ пока напечатаны лишь Ибнъ аль Аспиръ, дающій въ этомъ вопросѣ лишь скудныя свѣдѣнія; пока же я не смѣю высказать своего сужденія.

**) Какъ кажется, такъ звучало это имя, которое въ этой формѣ значитъ: „Съ отмытой на носу“; см. Edw. Thomas, *The Chronicles of the Pathan Kings of Dehli*. London 1871, стр. 90, прим. 1, и Dorn, *Caspia (Mém. de l'Ac. imp. d. sciences de St. Pétersbourg, VII-ая серия, т. XXIII, Pétersbourg 1887 стр. 185 а.)* Монеты, приведенныя Томасомъ, мало говорятъ въ пользу чтенія этого имени: Мангубртіи или Менгбртіи, котораго придерживаются d'Ohsson (а а. О. стр. 195, пр. 1) и Vambéry (у Дорна, стр. 268); оно означало бы въ переводѣ „дарованный небомъ“ (Ср. Феодоръ или Наанайлъ).

ціями: Хорасаномъ, Хорезмомъ и Трансоксаніей номинально управлялъ младшій сынъ Мухаммеда, Ослэгъ-Шахъ, котораго онъ, по настоянію матери-султанши, Турканъ Хатунъ, дочери одного изъ предводителей канкаліевъ, уже раньше назначилъ наслѣдникомъ престола, т. е. другими словами онъ сохранилъ за собою неограниченное право властвовать на востокъ — вѣрное доказательство того, что онъ уже тогда отказался отъ возвращенія въ Иракъ и рѣшилъ прилагать свои силы къ Трансоксаніи. Поэтому онъ отправился отнюдь не въ столицу, а въ Бухару, поближе къ театру послѣднихъ событій (приблизительно въ началѣ 615=1218 г.); и дѣйствительно здѣсь ему скоро пришлось понять всю опасность своего положенія: одновременно съ нимъ сюда явилось и посольство отъ монгольскаго хана, которое приподнесло ему множество цѣнныхъ подарковъ и посланіе, какъ-будто очень лестное. Въ немъ говорилось, что Чингизъ-Ханъ считаетъ его своимъ любимымъ сыномъ: на языкѣ кочевниковъ центральной Азіи это значило не что иное, какъ то, что онъ считаетъ его своимъ вассаломъ. Можно представить себѣ, какое впечатлѣніе это должно было произвести на Мухаммеда, который всегда, даже черезчуръ, былъ увѣренъ въ своемъ могуществѣ. Онъ имѣлъ однако осторожность тайно спросить одного изъ пословъ, который самъ былъ родомъ изъ Хорезма и проникъ въ глубь восточной Азіи, по всей вѣроятности, путешествуя съ торговыми цѣльями; предварительно онъ, для бѣльшей безопасности, вручилъ ему большіе подарки. Этотъ подтвердилъ ему, что Чингизъ-Ханъ дѣйствительно завоевалъ весь сѣверный Китай, но постарался представить его могущество менѣе сильнымъ сравнительно съ силами великаго Хорезмшаха *). Мухаммедъ дался въ обманъ и съ этого момента война съ дерзкимъ, посмѣвшимся поступить съ нимъ такимъ образомъ, была для него рѣшеннымъ вопросомъ, хотя онъ пока отпустилъ пословъ съ дружественнымъ отвѣтомъ.

Всѣ сохранившіеся источники говорятъ, что намѣреніе Чингизъ-Хана потребовать отъ Хорезмшаха покорности и тѣмъ заставить его

*) По общепринятому разсказу Мухаммедъ разсвирѣпѣлъ, услышавъ первую часть разсказа посла, и этотъ послѣдній уже изъ боязни ханскаго гнѣва хотѣлъ успокоить его отвѣтомъ, соответствовавшимъ его желаніямъ. Хотя это сообщеніе о Мухаммедѣ, судя по выпискѣ д'Оссона (I, 204), исходитъ отъ Мухаммеда Неса'ія, я все-же не могу признать его авторитетнымъ. Если восточные государи, слишкомъ много вообразившіе о своей власти, въ такихъ случаяхъ трудно выносили правду, то все-же едва-ли правдоподобно, чтобы Мухаммедъ, въ теченіе всей своей жизни выказывавшій себя столь-же умнымъ и хитрымъ, сколько энергичнымъ государемъ, дѣйствовалъ-бы подъ влияніемъ слѣпой страсти въ этомъ случаѣ, гдѣ все для него зависѣло отъ полнаго раскрытія правды. Съ другой стороны вполне понятно, что обманывать шаха было въ интересахъ посла, которому надлежало вернуться къ монгольскому двору, и котораго судьба зависѣла отъ него.

порвать съ нимъ миръ *) было ускорено внѣшними обстоятельствами. Болѣе чѣмъ подозрительно, что халифъ Насиръ въ моментъ (614=1217) опасности, въ виду приближенія Хорезмшаха, послалъ къ Чингизь-Хану гонца, которому удалось пробраться черезъ Персію и Трансоксанію въ лагерь монголовъ и выполнить тамъ свое роковое порученіе. Правда, едва-ли можно сомнѣваться, чтобы при какихъ-бы то ни было обстоятельствахъ было возможно мирное сосѣдство между монгольскимъ и хорезмскимъ царствами; но никто не можетъ знать, что случилось бы, если-бы столкновеніе произошло лишь послѣ смерти одного изъ этихъ двухъ государей, такъ какъ быструю смѣну рѣшающихъ событій непременно слѣдуетъ приписать ихъ личному способу дѣйствій. Въ извиненіе халифа безпристрастный историкъ долженъ замѣтить, что онъ также мало подозрѣвалъ размѣры и бѣдствія приближавшейся катастрофы, какъ и всѣ жители исламскихъ земель. Вѣдь еще недавно пережили они нападеніе карахитаевъ—такого-же нападенія ожидали и теперь, — а послѣдніе между тѣмъ едва перешли за Оксусъ и въ концѣ концовъ далеко не причинили столько зла, какъ гузы; если-бы потомку Хорезмшаха, который нѣкогда соединился съ этими язычниками противъ своего государя—одноплеменника, удалось включить въ свои владѣнія подобныя же толпы кочующихъ татаръ, то, право, онъ не имѣлъ-бы основанія жаловаться. Но каковы бы ни были конечные результаты, то, что не подобало турецкому султану, еще менѣе подобало намѣстнику Пророка—пророка, вѣнявшаго своимъ послѣдователямъ почти въ главную обязанность совмѣстныя дѣйствія вѣрныхъ противъ язычниковъ. Этотъ халифъ всегда отказывался дѣйствовать серьезно противъ христіанскихъ крестоносцевъ, теперь же онъ призвалъ монгольскихъ язычниковъ чуть-ли не въ свою страну: ничто не указываетъ столь ярко на паденіе ислама того времени. Оба безумные противника (повелители Багдада и Бухары), въ смѣломъ невѣдѣніи, одинаково усердно старались умышленно вовлечь свою собственную страну въ несчастье. Едва-ли міръ былъ когда-либо свидѣтелемъ подобнаго добровольнаго нанесенія себѣ смертельныхъ ударовъ.

Даже послѣ отъѣзда пословъ, Хорезмшахъ сдѣлалъ все возможное, чтобы сдѣлать войну неизбежной и при этомъ устроить такъ, чтобы онъ оказался неправымъ. Коммендантъ Отрара, Гайръ-Ханъ,

*) Противъ этого взгляда на политику Чингизь-Хана можно возразить, что ему было несвойственно боязливо искать поводовъ къ войнѣ. Но, принимая во вниманіе настроеніе мусульманъ на западѣ, ему было выгодно свалить вину на шаха; ср. продолженіе текста. Слѣдуетъ также обратить вниманіе на то, что въ 620 г. (1223), когда уже выяснилась глубина постигшаго исламъ несчастья, Насиръ еще старался разрушить послѣдніе остатки Хорезмійскаго царства.

велѣлъ въ это время арестовать нѣсколькихъ купцовъ, которые пришли съ цѣнными товарами изъ монгольскихъ земель и поселились въ этомъ пограничномъ городѣ, отличавшимся въ то же время оживленною торговлею; онъ поступилъ такъ изъ корыстныхъ цѣлей, но шаху послалъ въ Бухару *) донесеніе о поимкѣ нѣсколькихъ монгольскихъ шпионовъ. Мухаммедъ велѣлъ казнить ихъ. Извѣстіе объ этомъ дошло до Чингиза вскорѣ по возвращеніи его пословъ, и ханъ не пропустилъ случая доказать всѣмъ, чего стоить красивыя разглагольствованія хорезмійцевъ. Онъ снова отправилъ въ Трансоксанію посольство (оно состояло изъ одного турка, по имени Богра, отецъ котораго находился на службѣ у Такаша, и двухъ монголовъ) съ требованіемъ выдать ему Гайръ-Хана, какъ убійцу миролюбивыхъ монгольскихъ подданныхъ; въ случаѣ отказа онъ грозилъ переступить границу во главѣ своего войска. Такія притязанія должны были показаться шаху смертельной обидой: онъ велѣлъ казнить Богру, какъ перебѣжчика, а монголовъ отослалъ обратно съ бритыми подбородками—въ глазахъ мусульманъ и другихъ азіатскихъ народовъ это—величайшее поруганіе **). Быть можетъ еще до этого Чингизъ-Ханъ созвалъ «курултай», т. е. собраніе всѣхъ родоначальниковъ, которое подобно земскому собору выражало мнѣніе народа и поддерживало важнѣйшія мѣропріятія государя, и война съ Хорезмшахомъ была рѣшена; поступокъ съ послами далъ ей послѣдній толчокъ, въ которомъ едва-ли кто-либо нуждался. Борьба съ главною военною державою Востока казалась монгольскому владѣтелю нещуточнымъ дѣломъ, и потому онъ старательно готовился къ ней; почти три четверти года (615—16=1218—19) онъ стоялъ лагеремъ на Иртышѣ, обучая свою конницу и привлекая къ себѣ все новыя силы; только осенью 616 (1219) все войско, въ нѣсколькихъ колоннахъ, двинулось на Трансоксанію. Первое столкновеніе между монголами и хорезмійцами произошло еще до этого: къ востоку отъ нижняго Яксарта значительный отрядъ первыхъ преслѣдовалъ одну изъ турецкихъ шаекъ, не имѣвшую предводителя и со времени Гушлуга все

*) А не въ Иракъ, какъ утверждаетъ Мирхондъ (*Histoire des Sultans du Kharez m*, éd. Defrémery, Paris 1842, стр. 73). Мирхондъ, дѣлающій выписки изъ Джувейни, перепуталъ порядокъ событій и поэтому прибавленіе его «въ Иракъ» совершенно безпочвенно; я заключаю это изъ сочиненія д'Оссона, стр. 206, гдѣ это событіе происходитъ лишь послѣ возвращенія шаха въ Бухару. И, дѣйствительно, только такимъ образомъ можно хоть сколько-нибудь согласовать его съ ходомъ событій; я обратилъ на это вниманіе, чтобы показать, насколько мало можно тутъ довѣрять показаніямъ Мирхонда.

**) Извѣстное и у насъ выраженіе клянусь „бородою Пророка“ свидѣтельствуетъ о томъ, какое значеніе восточные люди придавали этому украшенію мужского лица.

еще дѣлавшую обладаніе нѣкоторыми округами бывшего Карахитая спорнымъ вопросомъ; при этомъ отрядъ монголовъ наткнулся на самого шаха Мухаммеда, который поторопился (615=1218) сюда для защиты владѣній своихъ друзей — канкаліевъ. Джучи, старшій сынъ Чингизъ-Хана, получилъ строгое приказаніе не вступать въ отдѣльныя битвы до прибытія главнаго войска; поэтому онъ объявилъ, что смотритъ на войска Хорезмшаха, какъ на своихъ друзей, и не ищетъ съ ними ссоры. Съ поспѣшностью, обыкновенно свойственной возрастающей внутренней неувѣренности, Мухаммедъ все-таки принудилъ монголовъ къ битвѣ съ своимъ гораздо болѣе многочисленнымъ войскомъ; но исходъ ея не согласовался съ его ожиданіями. Джучи не только выдержалъ нападеніе, но опрокинулъ лѣвое крыло хорезмійцевъ и этимъ подвергъ опасности и центръ, въ которомъ находился самъ шахъ: только благодаря храбрости сына шаха, Джелаль адъ-дина, который побѣдоносно отразилъ нападеніе на правое крыло и затѣмъ поторопился на помощь къ отцу, равновѣсіе нѣсколько установилось. Въ концѣ концовъ было неизвѣстно, на чьей сторонѣ осталась побѣда: оба войска стояли лагеремъ на полѣ битвы, но ночью, согласно своимъ инструкціямъ, Джучи поспѣшно отступилъ: утромъ исчезъ всякій слѣдъ быстрыхъ монгольскихъ всадниковъ.

Это происшествіе произвело необыкновенное впечатлѣніе на шаха Мухаммеда. При всей неутомимости своего честолюбія, которое въ теченіе его двадцатилѣтняго царствованія не давало ему успокоиться прежде, чѣмъ онъ не устроитъ размѣры своего царства, онъ не обладалъ тою высшею энергіей, которая способна выжидать, возрастаетъ по мѣрѣ увеличенія трудностей и опасностей и вполне развертывается въ несчастіе. До этихъ поръ онъ былъ баловнемъ счастья; предпріятія его, за исключеніемъ похода на Багдадъ, почти всегда удавались; къ тому же быть можетъ и приближающаяся старость вступала въ свои права. Въ то время, какъ на Иртышѣ Чингизъ-Ханъ создалъ изъ своихъ толпищъ четыре, столь же подвижныхъ, сколько строго дисциплинированныхъ, войска, Хорезмшахъ предавался лишь болѣзненнымъ размысленіямъ. Онъ повелѣвалъ сотнями тысячъ людей; но его могущество походило на тотъ колоссъ, который держится на глиняныхъ ногахъ. Подобно своимъ предшественникамъ, онъ набиралъ болѣшую часть своего войска изъ турецкихъ племенъ, жившихъ кругомъ Аральскаго моря и вплоть до Каспійскаго; но въ рядахъ войска отдѣльные начальники сохранили несоразмѣрно болѣшую самостоятельность. Кочевники, по своему обыкновенію, по первому предлогу быстро сплываются въ лавину, но когда они встрѣчаютъ энергичное и упорное сопротивленіе въ скалѣ, то такъ же быстро разсѣиваются; Мухаммедъ можетъ быть думалъ, что болѣшая часть

его эмировъ предоставить его его собственной судьбѣ при первомъ несчастіи, такъ что онъ очутится между Оксусомъ и Яксартомъ какъ бы въ мышеловкѣ. Само собой разумѣется, что онъ не могъ сдѣлать главнымъ оплотомъ противъ надвигающихся съ востока монголовъ свою столицу, лежавшую на крайнемъ сѣверѣ его царства, да еще стѣсненную между пустынями и Аральскимъ моремъ; къ тому же мать его, Турканъ Хатунъ—это имя всегда приносило несчастье (выше, стр. 118)—дѣйствовала здѣсь, среди своихъ соплеменниковъ изъ канкаліевъ, которыхъ всегда было всего больше на сѣверѣ, свободнѣе, чѣмъ онъ того желалъ; въ послѣднее время между ними замѣчалось даже серьезное разногласіе. Словомъ, думая лишь объ увеличеніи своего царства, онъ упустилъ дать ему во-время надлежащую организацію; сознание этого не давало ему теперь дѣйствовать. Онъ не могъ рѣшиться на то, чтобы совѣмъ очистить Хорезмъ и Трансоксанію и ограничиться защитой пограничнаго Оксуса (ему, вѣроятно, и не удалось бы побудить къ этому канкаліевъ); къ тому же, привыкли всю жизнь полагаться на счастье, онъ теперь не находилъ въ себѣ силы поставить все на карту, собрать вокругъ себя все войско, находившееся въ его распоряженіи, и ставъ во главѣ своихъ съ обнаженнымъ мечемъ, побѣдить или погибнуть. Въ концѣ концовъ, онъ избралъ знакомый всѣмъ средній путь, который всего вѣрнѣе ведетъ къ гибели: какъ кажется, онъ разсуждалъ подобно своему старому другу, халифу Насиру; онъ полагалъ, что монголы только и думаютъ о добычѣ, и по достиженіи своей цѣли удалятся снова за Яксартъ. Это во всякомъ случаѣ было глупо; турецкій султанъ, даже мало свѣдущій въ исторіи, долженъ былъ знать, что уже въ теченіе двухъ-сотъ лѣтъ каждое завоеваніе въ этихъ странахъ начиналось съ походовъ какъ будто съ цѣлью грабежа. Во всякомъ случаѣ шахъ ограничился тѣмъ, что сильно укрѣпилъ и привелъ въ оборонительное положеніе крѣпости Трансоксаніи, въ особенности Отраръ, Джендъ, Ходжендъ, Бухару и Самаркандъ; самъ же онъ оставался пока въ Самаркандѣ.

Между тѣмъ (позднею осенью 1219=616) монгольскія войска подошли къ границѣ: первое подъ начальствомъ сыновей Чингизъ-Хана, Джагатая и Огатая *), къ Отрару; второе подъ предводительствомъ Джучи и третье, болѣе слабое, спускаясь по теченію верхняго Яксарта **), шло черезъ Узкендъ и Шашъ къ Дженду, съ одной сто-

*) Русскіе историки пишутъ это имя О к т а й или У г е д е й.

**) Только такимъ образомъ можно объяснить себѣ путь второго—изъ Узкенда черезъ Шашъ (вѣроятно это тотъ же Эшнассъ, встрѣчающійся у д'Оссона и фонъ-Эрдмана) въ Джендъ. Такимъ образомъ путь этихъ отдѣльныхъ войскъ лежалъ изъ Кашгара по проходамъ Тянь-Шана, что однако не исключаетъ возмож-

роны, и къ Ходженду—съ другой. Въ то время какъ эти войска, не теряя времени, приготовились осадить вышеназванныя крѣпости, Чингизъ-Ханъ направился съ своимъ главнымъ войскомъ черезъ рѣку прямо на Бухару; такой планъ дѣйствій сдѣлалъ бы честь и стратегу девятнадцатаго вѣка; если Хорезмшахъ не зналъ, что ему дѣлать, то тѣмъ лучше зналъ это повелитель монголовъ. Почти всѣ гарнизоны городовъ на Яксартѣ храбро защищались. Гайръ-Ханъ въ Отрарѣ зналъ, что его жизнь поставлена на карту, и рѣшился дорого продать ее; пять мѣсяцевъ онъ отчаянно защищался, затѣмъ часть его войска покинула его, городъ былъ взятъ приступомъ, а самъ онъ, защищаясь какъ левъ, былъ схваченъ. Его привезли къ Чингизъ-Хану, который въ отместку за убійство своихъ подданныхъ велѣлъ залить ему глаза и уши расплавленнымъ серебромъ. Приблизительно за 1750 лѣтъ до этого, въ этой же мѣстности царица массагетовъ, Томириса, залила золотомъ глотку побѣжденнаго Кира; теперь же для этого второстепеннаго полководца сочли достаточнымъ прибѣгнуть къ менѣе цѣнному металлу, и несчастный остался живъ. Этотъ успѣхъ былъ хорошимъ предзнаменованіемъ. Остальныя крѣпости послѣ болѣе или менѣе упорнаго сопротивленія были также завоеваны; по истинѣ геройскою защитою прославился замокъ Ходженда, лежавшій на самой рѣкѣ, на островѣ, и защищаемый Тимуръ-Меликомъ, однимъ изъ храбрѣйшихъ людей, какіе когда-либо существовали. Когда его войско перемерло съ голоду, онъ ночью на лодкахъ отправился внизъ по рѣкѣ, боролся со своими преслѣдователями, пока всѣ его спутники не пали, и наконецъ одинъ удачно пробрался въ Хорезмъ, откуда потомъ отправился къ Джелаль-адъ-дину, чтобы до конца неутомимо сражаться съ монголами, какъ достойный товарищъ этого героя. Между тѣмъ (нач. 617=1220) Чингизъ-Ханъ давно уже занялъ Бухару, гарнизонъ которой, послѣ нѣсколькихъ дней осады, ночью прорвался черезъ ряды осаждавшихъ, но погибъ отъ меча преслѣдовавшихъ его враговъ. Оставшіеся защищать замокъ продержались еще двѣнадцать дней; затѣмъ осаждавшіе влѣзли на стѣны и разрушили все, заключенное въ нихъ. Мирные жители города должны были отдать все свое имущество; затѣмъ, независимо отъ возраста и пола, они были подвергнуты побѣдителями звѣрскому истязанію; наконецъ, весь городъ, въ которомъ всѣ зданія, за исключеніемъ нѣсколькихъ общественныхъ построекъ, были деревянныя, былъ сожженъ. Это еще было милостиво: вообще говоря, Чингизъ-Ханъ слѣдовалъ тому пра-

ности, чтобы главное войско шло черезъ сѣверную степь между Балхашемъ и Аральскимъ моремъ. Но это только предварительное предположеніе, которое я выражаю съ тѣмъ болѣею осторожностью, что по нѣкоторымъ источникамъ раздѣленіе войска произошло лишь на границѣ.

вилу, что падить жизнь невооруженных жителей можно только въ случаѣ немедленной и безусловной покорности, и то не всегда; малѣйшее сопротивленіе наказывалось избиеніемъ всего населенія, не исключая женщинъ и дѣтей; войска, въ особенности турецкія, избивались во всякомъ случаѣ, даже не обращая вниманія на заключенныя капитуляціи. Болѣе чѣмъ сомнительно, что участь тѣхъ, кому удалось спасти хоть свою жизнь, была менѣе тяжела. Обыкновенно ихъ на многие дни и ночи изгоняли въ поле, гдѣ они оставались безъ всякой защиты и помощи, чтобы тѣмъ временемъ монголы могли безпрепятственно опустошать и грабить городъ; затѣмъ, тысячи и десятки тысячъ плѣнныхъ заставляли, смотря по надобности, слѣдовать за войскомъ, обращались съ ними самымъ ужаснымъ образомъ и въ качествѣ копателей рововъ и работниковъ при осадахъ принуждали ихъ дѣйствовать противъ своихъ же соотечественниковъ, подъ стрѣлами и ударами которыхъ они погибали въ еще большемъ количествѣ, чѣмъ отъ нужды и всякаго рода лишеній. Если, имѣя въ своемъ распоряженіи новыхъ людей, въ нихъ болѣе не нуждались, то прежнихъ убивали. Женщины и дѣти дѣлались рабами и должны были исполнять прихоти побѣдителей, или же разлучались безъ всякаго милосердія и увозились въ глубь Азіи; та же участь постигала и мужчинъ, которые въ качествѣ ремесленниковъ и купцовъ могли быть полезны монголамъ въ ихъ отечествѣ.

Войска Хорезмшаха во многихъ мѣстахъ держали себя такъ, что способствовали сохраненію славы хорезмійскаго имени, но, благодаря своей раздробленности, они нигдѣ не могли достигнуть дѣйствительнаго успѣха; его мирные подданные, никѣмъ не защищаемые, были обречены на гибель; еще недавно столь цвѣтущая Трансоксанія обращалась въ пустыню; а Хорезмшахъ Мухаммедъ между тѣмъ, какъ будто парализованный, сидѣлъ въ Балхѣ, куда онъ спасся съ своими ближайшими довѣренными лицами и нѣсколькими отрядами послѣ перехода Чингизъ-Хана черезъ Яксартъ. Силы его были надломлены; не могло быть и рѣчи о принятіи имъ какого-либо рѣшенія. Окружающіе же его не сходились въ мнѣніяхъ: одни—во главѣ ихъ стоялъ энергичный сынъ его Джелаль адъ-динъ—требовали защиты пограничнаго Оксуса; другіе совѣтовали попытаться собрать большое войско въ Газнѣ; третьи совѣтовали идти на Иракъ. Самое малодушное и превратное рѣшеніе было послѣднее: именно поэтому, по крайней мѣрѣ оно почти такъ кажется, шахъ рѣшился слѣдовать ему. По дорогѣ онъ получилъ извѣстіе отъ коннаго пикета, который онъ въ минуту отъѣзда на западъ поставилъ для сбора новостей у «Пятирѣчья» (Пенджаба) *), одного брода черезъ Оксусъ, недалеко отъ Тир-

*) Не надо смѣшивать этого съ индійскимъ Пенджабомъ, какъ повидимому дѣлаетъ это Schieman n (Russland, Polen und Livland etc., Allgemeine Gesch.

миза, извѣстіе о томъ, что Бухара *) взята и сожжена. Мухаммедъ потерялъ и послѣднее самообладаніе: съ удвоенною скоростью продолжалъ онъ свой походъ, пока не прибылъ въ Нишапуръ. Здѣсь онъ надѣялся имѣть время отдохнуть и прійти въ себя; но Чингизъ-Ханъ вовсе не думалъ дать ему вздохнуть. Сейчасъ же въ началѣ осады Самарканда **), которую онъ предпринялъ тотчасъ послѣ завоеванія Бухары, Чингизъ послалъ велѣдъ за Хорезмшахомъ три отряда наѣздниковъ съ строгимъ приказаніемъ не успокаиваться, пока они его не схватятъ. Задача ихъ была облегчена имъ тѣмъ, что государь этой страны,

in Einzeldarstellungen, № 90, стр. 157). У послѣдняго на указанной страницѣ вообще масса неточностей, которыя я болышею частью исправилъ въ своемъ предшествующемъ изложеніи; быть можетъ онъ произошли оттого, что онъ руководился русскимъ переводомъ Ибнъ-аль-Асира, который впрочемъ былъ сдѣланъ Ильминскимъ, вообще заслуживающимъ довѣрія, а можетъ быть его ввели въ заблужденіе и другіе источники. Замѣчу только еще одну мелочь: насколько мнѣ извѣстно, Хорезмшахъ никогда не носилъ (Howorth. History of the Mongols, I, 76, руководствуясь Вольфомъ, называетъ этимъ именемъ даже Инальчика—онъ смѣшиваетъ его съ Гайръ-Ханомъ, стр. 203) титула Гуръ-Хана и „великая битва“ Мухаммеда съ монголами была не что иное, какъ упоминаемая выше борьба 615 (1218 г.), извѣстія о которой, какъ вообще все ближайшія подробности этихъ событій, дошли до насъ въ самыхъ различныхъ редакціяхъ. Далѣе вообще я позволю себѣ замѣтить, что числа людей, погибшихъ при взятіи городовъ, во всякомъ случаѣ преувеличены. Даже если допустить, что населеніе деревень искало спасенія въ городахъ въ большихъ количествахъ, то все же не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы въ Мервѣ погибло 700.000 человѣкъ, а въ Хератѣ даже 1.600.000: дѣйствительному количеству населенія въ данныхъ мѣстностяхъ въ то время соответствовала десятая, самое болышее пятая часть названныхъ чиселъ. Извѣстно, что въ такихъ случаяхъ, въ особенности у восточныхъ народовъ, цифры, болыше чѣмъ что-нибудь другое, растутъ до невѣроятныхъ размѣровъ.

*) Извѣстія о паденіи Самарканда онъ не могъ получить (какъ, на основаніи своихъ источниковъ, утверждаютъ d'Ohsson I, 243, и v. Erdmann, указавъ сочин. стр. 389) до прибытія въ Нишапуръ. А оно послѣдовало 12 Сафара 617=18 апрѣля 1220; Самаркандъ же былъ взятъ только 1 Раби=въ маѣ того-же года.

**) Такъ говоритъ d'Ohsson I, 240; но по Erdmann'у, стр. 387, это случилось послѣ взятія этого города (судя по хронологіи, это менѣе вѣроятно). У послѣдняго мы находимъ указаніе на то, что Самаркандъ былъ завоеванъ въ годъ Змѣи (1221); это противорѣчитъ другимъ извѣстіямъ, да и не согласуется съ его собственнымъ рассказомъ о преслѣдованіи Хорезмшаха. Отнынѣ я не буду болѣе указывать на разногласія въ показаніяхъ различныхъ авторовъ, источники которыхъ не напечатаны и слѣдовательно дѣлають провѣрку невозможной. Я долженъ ограничиться тѣмъ, чтобы всегда слѣдовать тому, чья хронологія заслуживаетъ наиболышаго довѣрія, но вмѣстѣ съ тѣмъ слагаю съ себя всякую дальнѣйшую ответственность за эту часть своей книги. Приведенныхъ до сихъ поръ примѣровъ во всякомъ случаѣ достаточно, чтобы оправдать высказанное мною выше желаніе объ изданіи персидскихъ подлинныхъ источниковъ. (Ср. также замѣчанія Franz Teufel, Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, XXXVIII, стр. 237).

благодаря своей неспособности къ мужественному сопротивленію, повергъ ее въ состояніе полнѣйшаго распаденія. Храбрость гарнизоновъ, мужественно защищавшихъ пограничныя крѣпости, мало задержала успѣхи монголовъ, а напротивъ того погубила ихъ самихъ и навлекла безконечныя бѣдствія на все остальное населеніе. Шахъ, который еще два года тому назадъ ослѣплялъ всѣхъ блескомъ своей личности и славой своихъ дѣяній, теперь, походя болѣе на дряхлую старуху, чѣмъ на великаго государя, говорилъ по дорогѣ всѣмъ и каждому, что всякое сопротивленіе этимъ душегубцамъ напрасно; онъ совѣтовалъ, даже самъ просилъ всѣхъ спокойно подчиниться неотвратимому, не раздражая пришельцевъ безплодными попытками къ защитѣ. На самомъ дѣлѣ онъ не сломилъ этимъ энергіи турецкихъ гарнизоновъ, державшихся въ нѣкоторыхъ крѣпостяхъ, которые скоро поняли, что имъ нѣтъ спасенія и поэтому боролись изъ всѣхъ силъ; но онъ произвелъ разнь между этими единственными защитниками своего шаткаго трона и персидскими горожанами, и безъ того не храбрыми, среди которыхъ во многихъ мѣстахъ нашлись несчастные, желавшіе спасти свою жалкую жизнь—а можетъ быть и не спасти ее, смотря по усмотрѣнію монголовъ—и которые не побоялись подкапываться подъ защитниковъ своего-же отечества и завязывать измѣнническія сношенія съ ужасными врагами; путемъ добровольнаго подчиненія они избавляли свои почетныя глотки отъ неприятнаго прикосновенія монгольскихъ сабель, и хотя помилованіе не касалось турецкихъ солдатъ, которыхъ никогда не миловали, но по крайней мѣрѣ простиралось на кумовьевъ портныхъ и перчаточниковъ. Правда, только въ одномъ мѣстѣ народъ велъ себя столь недостойно; въ другихъ городахъ граждане при защитѣ помогали по мѣрѣ силъ, и слѣдуетъ особенно похвалить правовѣрныхъ улемовъ*), которые, за немногими исключеніями, съ честью исполняли свой долгъ—побуждали мусульманъ къ борьбѣ съ невѣрными и сами являли примѣръ вѣрности. Монголы надвигались съ быстротою молніи, и этому способствовала не столько паника всего населенія восточныхъ провинцій, которая лишь позднѣе охватила всѣ мусульманскія земли, сколько разъединеніе боевыхъ силъ и недостатокъ въ единствѣ организаціи и руководства. Ибо напрасно храбрый сынъ Мухаммеда, Джелаль адъ-динъ, а иногда и тотъ или другой энергичный эмиръ старались про-

---

*) Аль-Улемъ (множ. число отъ Аль-Алимъ „знающій“) назывались имамы и другіе богословы, равно какъ исламскіе законовѣды-теологи въ противоположность неученымъ свѣтскимъ людямъ. Это вліятельное общество въ суннитскихъ земляхъ и до сихъ поръ носитъ то-же названіе; оно обозначаетъ даже у самаго источника турецкаго могущества, въ Константинополь, коллегію высшихъ духовныхъ лицъ, учителей и членовъ суда, во главѣ которыхъ, въ качествѣ высшаго начальника, стоитъ Шейхъ-аль-исламъ („старшина ислама“).

будить въ шахѣ мужество; съ 30000 человекъ, которые находились подъ начальствомъ Рукъ адъ-дина въ западной Персіи, во всякомъ случаѣ можно было противостоятъ приближающимся монгольскимъ толпицамъ, вполне вѣдь отрѣзаннымъ отъ главнаго войска, по ту сторону Оксуса. Но это было напрасно; бѣжать, только бы спастись отъ ужасныхъ преслѣдователей—вотъ единственная мысль государя, превратившагося въ невмѣняемаго труса. Дѣло было кончено; когда, по близости отъ Казвина, куда уже успѣли дойти во время послѣдшаго отступленія, войска узнали о завоеваніи Рейя и почти полномъ уничтоженіи его жителей, то давно уже деморализованные эмиры и солдаты разсѣялись въ разныя стороны; большинство отправилось по ту сторону границы, чтобы искать службы у Сельджуковъ Эрзерума или у Эйюбидовъ, другіе же искали спасенія въ каспійскихъ и мидійскихъ возвышенностяхъ. Самъ Мухаммедъ былъ счастливъ, когда ему удалось ввести въ заблужденіе неутомимо стремившихся къ западу монгольскихъ всадниковъ насчетъ пути, по которому онъ теперь шелъ; подобно зайцу, описывающему крюкъ, онъ снова отступилъ къ горамъ, окаймляющимъ съ юга Каспійское море; въ Мазандеранѣ, пограничной морской полосѣ, ему удалось скрыть свой слѣдъ и достигнуть, наконецъ, небольшого острова въ морѣ, который ему описали, какъ наиболѣе безопасное убѣжище; здѣсь онъ вмѣстѣ съ своими сыновьями и приверженцами провелъ послѣдніе дни своей жизни. Ибо теперь пришелъ конецъ «Тѣни Аллаха на землѣ», «Второму Александру», какъ называли его въ дни его славы его льстецы: онъ сталъ набоженъ, прилежно молился, постился, слушалъ чтеніе корана, словомъ, дѣлалъ все то, что дѣлаетъ человекъ, требующій отъ Бога средствъ къ исцѣленію своихъ собственныхъ промаховъ. Но до своей смерти онъ все-таки сдѣлалъ нѣчто разумное: передъ самой смертью онъ измѣнилъ свое завѣщаніе, въ которомъ назначалъ своимъ преемникомъ своего младшаго сына, Ослуга, и передалъ всю оставшуюся у него власть старшему, Джелалъ адъ-динъ Мингбурнию. Это случилось подъ потрясающимъ впечатлѣніемъ вѣсти о томъ, что Турканъ Хатунъ, мать Мухаммеда, послѣ бѣгства съ его женами и младшими дѣтьми изъ Хорезма, была окружена монголами въ небольшой горной крѣпости Мазандерана и должна была сдать: ея жизнь и жизнь нѣкоторыхъ другихъ женщинъ пощадили, но нѣсколько маленькихъ сыновей шаха пали подъ ударами меча. Несчастный государь, печальный конецъ котораго почти что примиряетъ насъ съ невѣроятными ошибками конца его царствованія, недолго пережилъ этотъ ударъ: 15-го Зу-ль-Ка'ды 617 (11 янв. 1221) онъ умеръ на своемъ островѣ отъ сжалившейся надъ нимъ болѣзни. Говорятъ,—хотя это едва-ли вѣроятно,—что второпяхъ даже не достали

погребальныхъ пеленъ, которыя у мусульманъ составляютъ необходимую принадлежность порядочныхъ похоронъ, и его пришлось похоронить въ той-же рубашкѣ, въ которой онъ умеръ. вмѣстѣ съ нимъ блескъ его дома сокрылся въ туманѣ: зато по крайней мѣрѣ честь его была спасена, и этимъ онъ обязанъ послѣднему Хорезмшаху—Джелалъ адъ-дину (617—628=1221—1231):

Остановить завершенье бѣдствія, разразившагося надъ исламскими землями, конечно, значительно превышало и силы новаго султана. Онъ обладалъ въ беззачетъ большой степени тѣмъ качествомъ, котораго слишкомъ не хватало его отцу въ послѣдніе годы, а именно личной храбростью, которая всего лучше чувствуетъ себя въ рукопашномъ бою и не хочетъ и слышать о договорахъ или сдѣлкахъ, но, къ сожалѣнію, чужда и сдержанности, государственной проницательности, необходимой для пріобрѣтенія средствъ къ неустанной борьбѣ, умѣнья воспользоваться побѣдой для организаціи силы, способной къ противодѣйствію. Такимъ образомъ, борьба его, продолжавшаяся болѣе десяти лѣтъ и веденная необыкновенно безстрашно и стойко, не велась по опредѣленному плану; онъ безумно метался изъ стороны въ сторону, какъ предводитель беспорядочныхъ полчищъ, который дерется съ множествомъ враговъ, хотя не знаетъ собственно зачѣмъ. Такимъ образомъ, упущенъ былъ послѣдній случай соединить силы хотя-бы нѣсколькихъ провинцій для общаго отраженія варваровъ, и судьбы западной Азіи должны были свершиться. Былъ, правда, такой моментъ, когда, казалось, энергичное вмѣшательство шаха измѣнить ходъ событій. Отъ могилы отца онъ вмѣстѣ съ своими братьями, Ослагомъ и Акъ-Шахомъ, направился прямо Каспійскимъ моремъ къ Хорезму, котораго монголы еще не тронули: принятый здѣсь не особенно-то сочувственно войсками, которыя болѣею частью состояли изъ канкаліевъ, недовольныхъ переменною правителя, онъ рѣшился отправиться въ свою старую провинцію Газну; съ 300 всадниковъ подъ начальствомъ Тимуръ-Мелика, онъ счастливо пробился черезъ Хорасанъ (кон. 617 = февр. 1221), Ослагъ же и Акъ, слѣдовавшіе по его стопамъ, черезъ нѣсколько дней послѣ этого попались въ руки врагамъ и были убиты. Такъ какъ черезъ нѣкоторое время та-же участь постигла Рукъ адъ-дина, спасавшагося то въ Кирманъ, то въ центральныхъ провинціяхъ, то Джелалъ адъ-динъ и Гіясъ адъ-динъ остались единственными членами великой династіи. Послѣдній изъ нихъ прятался пока въ одной изъ крѣпостей Мазандерана; Джелалъ адъ-динъ благополучно достигъ своей цѣли, Газны, и энергично принялся за составленіе новаго войска изъ толпищъ канкаліевъ, халджей и туркменовъ, находившихся по близости или стекавшихся съ различныхъ сторонъ. Пока онъ былъ занятъ этимъ, монголы успѣли, гдѣ только могли, пожирать плоды

своих побѣдъ или, вѣрнѣе, плоды бѣгства покойнаго шаха. Отряды, посланные для преслѣдованія послѣдняго, удалились далѣе на западъ, когда исполнять порученіе было уже поздно. Въ 617 и 618 г. (1220—1221) они находились въ Миди, Азербейджанѣ, Арранѣ, Грузіи и Ширванѣ, вели себя также мерзко, какъ и всегда, перебили въ Хамаданѣ и Мератѣ всѣхъ жителей и болѣе или менѣе основательно разорили другіе города. На этотъ разъ они еще воздержались отъ похода на Багдадъ, такъ какъ Насиръ—теперь навлеченное имъ самимъ несчастье обрушивалось и на него самого—съ свойственною ему энергіей поставилъ на ноги не только свои войска, но и войска сосѣднихъ съ нимъ мелкихъ государствъ, такъ что враги сочли за лучшее оставить его въ покоѣ. Наконецъ въ 619 г. (1222) эти ужасныя полчища отправились на сѣверъ, чтобы теперь пройти по Россіи, оставивъ по себѣ полосу разрушенныхъ, сожженныхъ и опустошенныхъ убійствомъ мѣстностей *) и, описавъ кругъ, вернуться на родину черезъ Волгу. Черезъ два года послѣ этого (621=1224) Рей и его окрестности еще разъ подверглись нападенію со стороны Хорасана. Затѣмъ западныя провинціи могли отдохнуть на нѣсколько лѣтъ отъ этихъ изверговъ. Разореніе страны на востокѣ было еще болѣе полное. Послѣ взятія Самарканда (617=1220) Чингизъ-Ханъ, теперь вполне увѣренный въ своемъ успѣхѣ, отправилъ сильныя отряды въ Хорезмъ и Хорасанъ, города которыхъ, и прежде всего сама столица**), были завоеваны одинъ за другимъ въ 617 и 618 г. (1220, 1221). Въ Хорезмѣ не осталось и камня на камнѣ, Мервъ былъ окончательно разрушенъ, Нишапуръ большею своею частью сравненъ съ землей; во всѣхъ этихъ трехъ мѣстахъ жители были почти всѣ избиты. Немного лучше была участь Херата, который сдался безъ сопротивленія; правда, несмотря на капитуляцію, монголы не отказали себѣ въ удовольствіи изрубить 12000 его жителей, но это можно считать самое большее за милую шутку добродушно настроенныхъ варваровъ. Въ то время, какъ полководцы Чингизъ-Хана предавались этой дѣятельности, самъ онъ держался въ срединѣ страны, нѣсколько въ сторонѣ отъ нихъ, но на ряду съ предводительствомъ надъ различными отрядами находилъ время захватить нѣсколько трансоксанскихъ городовъ (617=1220), особенно важное мостовое укрѣпленіе Тирмизъ на Оксусѣ; затѣмъ онъ отправился на югъ, чтобы напасть на Балхъ и Тохаристанъ и предупредить всѣ мѣропріятія Джелаль адъ-дина. Хорезмшахъ хорошо воспользовался

*) См. Шиманъ „Россія, Польша и Лифляндія“ (Allgem. Geschichte in Einzeldarstellungen, № 90), стр. 158 ff.

**) Это не былъ теперешній городъ Хива, какъ часто принято думать; онъ имѣлъ свое особое имя Гургенджъ или Ургенджъ и находился на одномъ изъ рукавовъ Оксуса, нѣсколько восточнѣе Хивы.

свободнымъ временемъ. Прибывъ въ Газну, онъ нашелъ, что какъ городъ, такъ и провинція раздираемы расприами различныхъ турецкихъ отрядовъ и ихъ эмировъ; всѣ эти различные элементы подчинились однако обаянію его сильной личности, и весною 618 (1221) онъ могъ начать походъ противъ Чингизъ-Хана. Это предпріятіе было отнюдь не безнадежно. Хорезмъ до сихъ поръ еще держался, завоеваніе Хорасана было далеко еще не окончено, западный отрядъ монголовъ былъ совершенно разлученъ съ главнымъ войскомъ: сильный ударъ, удачно нанесенный послѣднему, могъ сразу измѣнить дѣло. Монголь только что принялся за покореніе страны между Хиндукушемъ и Окусомъ: предвидя нападеніе Джелаль адъ-дина и не желая предстать предъ нимъ, имѣя за своей спиной многочисленное мусульманское населеніе, онъ по взятіи Балха, несмотря на заключенную капитуляцію, съ большимъ хладнокровіемъ велѣлъ избить все его населеніе; въ то время, какъ послѣ этого онъ былъ занятъ Баміаномъ, завоеваніе котораго открыло-бы ему проходы въ Кабуль и Газну, онъ получилъ извѣстіе о грозившей ему опасности—приближеніи Хорезмшаха. Для прикрытія своего фланга Чингизъ выдвинулъ впередъ часть своего войска въ 30.000 человекъ, которые заняли горную страну между Баміаномъ и долинами Кабула и Газны: но въ долину Первана, съвернѣе Кабула *), они были побиты Джелаль адъ-диномъ, который напалъ на нихъ съ 60—80000 человекъ, и должны были вернуться къ главному войску. Чингизъ-Ханъ между тѣмъ взялъ, правда, приступомъ Баміанъ и не оставилъ ничего живого среди его развалинъ; но монгольское войско впервые бѣжало отъ мусульманъ, и подъемъ духа у побѣдителей могъ легко повести къ новымъ побѣдамъ. Тогда въ войскѣ шаха снова началась злосчастная распря между канкаліями и халджами. Одинъ изъ ихъ эмировъ обидѣлъ другого, и канкалій отказалъ главному военачальнику въ должномъ удовлетвореніи: тогда халджи и союзные съ ними туркмены покинули войско, удалились въ афганскія и индійскія горы, и надежда, еще разъ на время возсіявшая, потухла на всегда. Спротивляться Чингизъ-Хану съ оставшимся десяткомъ или нѣсколькими десятками тысячъ было-бы безуміемъ; Джелаль адъ-динъ долженъ былъ уклониться отъ битвы. Теперь началась настоящая

*) Тожественность этого мѣста съ обозначеннымъ здѣсь не вполне установлена, такъ какъ отдѣльныя показанія источниковъ, опираясь на которые можно было-бы высказаться опредѣленно, слишкомъ расходятся другъ съ другомъ. Чтобы понять господствующую путаницу, стоитъ только сравнить показаніе Ravey (The Tabakát-i-Nasiri, London 1881, стр. 288) съ индійскими источниками и показанія d'Ohsso'n'a (I, 294, 300) съ персидскими. Изъ безпорядочныхъ указаній Erdman (стр. 423) нельзя вообще создать какой-бы то ни было хронологической послѣдовательности фактовъ.

травля. Повелитель монголовъ слишкомъ вѣрно опѣнилъ своего смѣлаго противника, чтобы дать ему хоть минуту передышки: стремительно—однажды его войскамъ пришлось двое сутокъ не сходить съ сѣделъ и не ѣсть ничего варенаго—двинулся онъ на Газну, которую Хорезмшахъ недавно покинулъ, спасаясь въ Пенджабъ; осадивъ городъ, онъ продолжалъ слѣдовать за бѣжавшими; 22 Шаввала 618 (9 дек. 1221) татары нагнали у береговъ Инда войско, по пути все больше рѣдѣвшее. Нигдѣ не было возможности перейти эту рѣку, берега которой высятся здѣсь *) на 20—30 футовъ; Джелалъ адъ-динъ долженъ былъ дать рѣшительную битву. Воины его, видя себя отрѣзанными отъ всякой помощи, боролись какъ львы, самъ онъ оказалъ чудеса храбрости, но нельзя было долго противостоять подавляющей массѣ враговъ. Одна толпа защищавшихся за другою падали отъ стрѣлъ и мечей монголовъ; когда все было проиграно, то смѣлый витязь бросился съ высокой береговой скалы въ быструю рѣку; послѣдніе его приверженцы, оставшіеся еще въ живыхъ, послѣдовали за нимъ. Большинство ихъ погибло въ волнахъ или отъ непріятельскихъ стрѣлъ; но сильный конь шаха вынесъ его невредимымъ на другой берегъ. Мало по малу вокругъ него собралось человѣкъ двѣнадцать, которымъ удалось спастись; съ ними онъ направился въ глубь страны. Скоро, благодаря наплыву праздничующихся турокъ и отчасти бывшихъ солдатъ, число его приверженцевъ возросло приблизительно до 10000 человѣкъ. Чингизъ-Ханъ вовсе не намѣревался дать ему окрѣпнуть. Когда, по окончаніи битвы, гаремъ Джелалъ адъ-дина попалъ въ руки монголовъ, то онъ приказалъ убить всѣхъ маленькихъ сыновей, найденныхъ у его женъ; за нимъ же самимъ теперь были посланы въ погоню различные отряды, которые долго травили его въ Пенджабѣ. Но отваживаться въ Индію со всѣмъ своимъ войскомъ монголъ не выказывалъ никакого желанія; онъ опасался лѣтняго времени года, котораго едва ли можно было избѣгнуть при болѣе или менѣе продолжительномъ походѣ; онъ боялся вліянія жаркаго климата на сыновей степей. Такъ прошли три четверти 619 (1222) года; когда попытки поймать спасавшагося шаха все не удавались, Чингизъ рѣшился предоставить его его собственной участи, такъ какъ многія уважительныя причины требовали хана обратно въ среднюю Азію. Въ то время, какъ онъ медленно готовился къ отступленію въ Монголію, Хорасанъ подвергся вторичному опустошенію. Уже къ концу 618 (1221) года необходимо было снова осадить Хератъ, который воз-

*) Маіоръ Raverty (The Tabakât-i-Nasiri, London 1881, стр. 261), не называя источниковъ, которыми руководился, переноситъ эти событія въ мѣстность, близкую къ нынѣшнему Ниль-Абу, ниже Пишавера; во всякомъ случаѣ дѣло происходило на верхнемъ Индѣ.

сталъ послѣ первой побѣды, одержанной Джелалъ адъ-диномъ. Гарнизонъ и граждане упорно защищались болѣе шести мѣсяцевъ; наконецъ 2 Джумады I 619 (14 июня 1222) непріятель ворвался въ городъ, въ которомъ теперь было истреблено все живое. Чтобы составить себѣ понятіе объ одномъ изъ эпизодовъ всѣхъ тѣхъ ужасовъ, которые тамъ производились, быть можетъ, всего лучше привести слова одного изъ писателей *). «Послѣ того, какъ Чингизъ-Ханъ, царь татарскій», такъ гласитъ біографія Фахръ адъ-дина Рейскаго, знаменитаго богослова шестого (двѣнадцатаго) вѣка, «побѣдилъ и уничтожилъ Хорезмшаха, истребилъ большую часть его войска, и Хорезмшахъ исчезъ, Алъ аль-мулькъ **) предложилъ Чингизъ-Хану свои услуги. Когда онъ прибылъ къ монголу, тотъ принялъ его съ честью и включилъ его въ число лицъ, пользующихся его довѣріемъ. Въ то время, какъ теперь татары подчиняли себѣ персидскія провинціи и разрушали ихъ крѣпости и города въ каждомъ городѣ они имѣли обыкновеніе убивать всѣхъ рѣшительно, не щадя никого. Алъ аль-мулькъ обратился къ Чингизъ-Хану, часть войска котораго направилась на городъ Хератъ, чтобы разрушить его и избить его жителей, и попросилъ его, чтобы онъ пощадилъ дѣтей Фахръ адъ-дина и позволилъ бы привести ихъ къ себѣ, не подвергая ихъ дурному обращенію. Тотъ исполнилъ это его желаніе и простилъ имъ. Когда же теперь монголы его пришли въ Хератъ, то въ самый моментъ взятія этого города они велѣли провозгласить, что дѣти Фахръ адъ-дина получаютъ пощаду; пусть ихъ поставятъ отдѣльно въ сторону, тогда пощада будетъ съ ними ***). Но жилищемъ Фахръ адъ-дина въ Хератѣ былъ хератскій дворецъ; онъ былъ подаренъ ему Хорезмшахомъ, и это было одно изъ самыхъ видныхъ, большихъ и роскошныхъ зданій, какія въ то время существовали; оно отличалось какъ по своей отдѣлкѣ, такъ и по обширности. Когда дѣти Фахръ адъ-дина узнали это, она остались во дворцѣ, въ предоставленной имъ безопасности, и къ нимъ присоединилось много людей, а именно: ихъ жены и родственники, высшіе чиновники и уважаемые граждане, большое число богослововъ и другихъ. Всѣ они льстили себя надеждой, что пощада распространится и на нихъ, вслѣдствіе ихъ причастности къ помилованнымъ, ихъ близости къ нимъ и пребыванія въ ихъ домѣ; ихъ было порядочное количество. Когда же татары ворвались въ городъ и стали

*) Ibn Abi Usseibia II, 26.

**) Бывшій персидскій визирь Мухаммеда и прежде другъ упомянутаго Фахръ адъ-дина, который, подобно нѣкоторымъ изъ своихъ соотечественниковъ—къ чести мусульманъ число такихъ негодяевъ не велико—поступилъ на службу къ монголамъ.

***) Тутъ преднамѣренная двусмысленность: ихъ пощадятъ или же окажутъ пощаду тѣмъ, кто будетъ при нихъ.

убивать всѣхъ, кто имъ попался, и приблизились къ дворцу, они вызвали дѣтей Фахрѣ адъ-дина, чтобы увидѣть ихъ; и удостовѣрившись въ личностяхъ, они взяли ихъ къ себѣ—то были два брата и сестра. Затѣмъ они принялись за всѣхъ остальныхъ, находившихся въ домѣ, и изрубили ихъ всѣхъ до послѣдняго своими мечами. Послѣ этого они доставили дѣтей Фахрѣ адъ-дина изъ Херата въ Самаркандъ, такъ какъ въ то время самъ ханъ татарскій, Чингизъ-Ханъ, находился тамъ вмѣстѣ съ Алá аль-мулькомъ; что было съ ними послѣ, не знаю».—

И все-таки монгольскій предводитель, завоевавшій Хератъ, опасался, какъ бы не спряталось и не спаслось слишкомъ много изъ огромнаго населенія, находившагося въ стѣнахъ города; вотъ почему во время отступленія ему пришла въ голову блестящая мысль снова послать въ Хератъ, съ одной изъ ближайшихъ остановокъ, двѣ тысячи человѣкъ, чтобы посмотрѣть, не выѣзли ли изъ своихъ норъ нѣсколько бѣдняковъ, понадевавшихся на удаленіе палачей. Эта прекрасная хитрость удалась вполнѣ; среди развалинъ нашлось 2—3000 человѣкъ, которыхъ можно было еще убить. Когда, по окончаніи этого великаго дѣла, монгольскіе герои окончательно покинули эту мѣстность, то изъ 100000 человѣкъ, которые населяли эту цвѣтущую страну, осталось всего 16, нашедшихъ себѣ убожище на окрестныхъ неприступныхъ скалахъ; еще 24 человѣка собралось съ ближайшихъ мѣстъ, и домъ Божій, главная мечеть, которую монголы оставили неразрушенной, опять была для этихъ несчастныхъ первымъ убожищемъ. То, что умный генералъ Чингизъ-Хана сдѣлалъ въ малыхъ размѣрахъ, самъ онъ, прежде чѣмъ снова облагодѣтельствовать востокъ Азіи своимъ присутствіемъ, сдѣлалъ въ большихъ. Этотъ мудрый правитель держался того вѣрнаго взгляда, что мертвые обыкновенно не поднимаютъ возстаній; такимъ образомъ, когда различныя обстоятельства въ началѣ 621 (1224) г. задержали его въ сѣверной Индіи, потомъ въ Самаркандѣ, онъ велѣлъ своимъ наѣзdnикамъ еще разъ напасть на Мидію, а главнымъ образомъ разрушить бывшія столицы Хорасана и Афганстана, особенно Балхъ, Мервъ и Газну, и добить все ихъ населеніе, которое постепенно снова набралось туда. Въ Мервѣ осталась еще особая стража подъ начальствомъ одного турецкаго перебѣжчика Акъ-Мелика — имя этого благороднаго человѣка стоитъ спасти отъ забвенія—съ цѣлью выслѣдить тѣхъ, кто какъ-нибудь избѣгъ избиенія. Однако многіе удачно прятались и не отваживались показаться; тогда этотъ извергъ набрелъ на мысль велѣть прокричать призывъ къ молитвѣ съ высоты мечети. Правовѣрные, увѣренные въ безопасности, вышли изъ своихъ засадъ

и поспѣшили въ мечеть, конечно, къ вящему удовольствію монголовъ, которые съ полнымъ удобствомъ могли поймать ихъ и дать имъ возможность немедля вкусить радости рая.

Когда, наконецъ, въ 621 (1224) Чингизъ-Ханъ, пробывъ на западѣ болѣе четырехъ съ половиною лѣтъ, удалился съ своими войсками въ Монголію, то тѣ мѣстности, которыя несмотря на хищническіе набѣги гузовъ, гуридовъ и хорезмійцевъ остались отлично воздѣланной страной и воздѣлывались милліономъ прилежныхъ людей, были обращены въ пустыню. Обитатели, которымъ удалось спастись отъ монгольскихъ толпищъ, принуждены были въ теченіе всего слѣдующаго года питаться большею частью нечистыми животными: собаками, кошками и т. под., потому что монголы уничтожили всѣ хлѣбныя поля. Почти всѣ города представляли изъ себя груду развалинъ, на которыхъ блуждали одинокіе и жалкіе представители спасшихся. Царскому Мерву (II, 23) и Ургенджу, главному городу большого царства Хорезма, предстояло теперь десятки лѣтъ оставаться незаселенными, и даже когда они позднѣе немного пообстроились, это были лишь жалкія деревни; въ такомъ состояніи они находятся и въ наше время. Несмотря на то, что Тусъ былъ скоро возстановленъ самими монголами, онъ никогда уже болѣе не процвѣталъ; теперь—это груда развалинъ, и только находящаяся по близости отъ него гробница Алї Рида постепенно сдѣлалась средоточіемъ новаго города, Мешхеда, куда стекаются на поклоненіе ши'иты. Старая резиденція Нишапуръ навсегда осталась только провинціальнымъ городомъ. Серахсъ съ этихъ поръ сдѣлался жалкимъ селеніемъ, и даже тѣ мѣста, которыя вслѣдствіе своего выгоднаго положенія, у входа въ горныя проходы, имѣли извѣстное значеніе, какъ-то Хератъ и Балхъ, никогда не достигали своего прежняго значенія. Газна снова погрузилась въ ту тьму, изъ которой извлекъ ее султанъ Махмудъ, а Рей, существовавшій полторы тысячи лѣтъ, былъ какъ-бы вычеркнутъ изъ ряда персидскихъ городовъ. Сравнительно лучшая участь постигла Трансоксанію. Правда и здѣсь число жителей уменьшилось вдвое, и плодородная часть страны была страшно опустошена; но Самаркандъ все еще существовалъ, и Бухара скоро снова поднялась изъ своихъ развалинъ, ибо Чингизъ-Ханъ непосредственно присоединилъ эту провинцію къ своему царству, тогда какъ о Хорасанѣ онъ пока какъ-будто совсѣмъ и не думалъ. Нетронутыми остались пока государство халифа и южныя провинціи, Фарсъ и Кирманъ, для которыхъ гроза на этотъ разъ пронеслась мимо; но вторая изъ нихъ, вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ, уже испытывала послѣдствія послѣднихъ событій. Одинъ хорезмійскій предводитель,

карахитайскаго происхожденія, по имени Баракъ Хаджибъ *), спасаясь отъ монголовъ вмѣстѣ съ другими эмирами и порядочнымъ войскомъ, въ 619 г. (1222) **), послѣ перехода Джелалъ адъ-дина на индійскую почву, былъ отгнѣнъ въ Кирманъ и одержалъ здѣсь верхъ въ борьбѣ съ намѣстникомъ шаха. Какъ мы сейчасъ увидимъ, позднѣе ему удалось овладѣть всей провинціей, въ которой послѣ него потомки его и правили до 705 (1305—6) г.; эта династія извѣстна подъ именемъ династіи Карахитаевъ Кирмана ***). Въ то время, какъ Баракъ былъ занятъ тутъ войною, онъ самъ чуть не подвергся опасности со стороны болѣе сильнаго. Послѣ удаленія монголовъ ****) эмиры и солдаты повибрались изъ возвышенной Мидіи и каспійскихъ провинцій; это были тѣ самые, которые здѣсь-же искали спасенія послѣ уничтоженія хорезмійскаго войска. Конечно, они сейчасъ-же поторопились доказать другъ передъ другомъ ту храбрость, которую имъ не удалось выказать въ отношеніи къ ужаснымъ непрошеннымъ гостямъ; а султанъ Гіясъ адъ-динъ, братъ Джелалъ адъ-дина, у котораго теперь также хватило на столько воинскаго мужества, чтобы покинуть свой замокъ въ Мазандеранъ, не былъ способенъ водворить здѣсь порядокъ. Даже турки пришли скоро къ сознанію, что имъ нужна болѣе сильная рука, и уже по прошествіи двухъ-трехъ мѣсяцевъ нѣсколько эмировъ отправились въ Индію, чтобы побудить Джелалъ адъ-дина вернуться въ Персію. Тотъ между тѣмъ продолжалъ играть роль странствующаго рыцаря. Онъ скитался между горами сѣверной Индіи и устьемъ Ганга. Однажды онъ перешелъ даже черезъ всѣ пять рѣкъ на Дихли (Дели). Повсюду онъ сражался съ полусамостоятельными турецкими правителями этихъ провинцій, но находилъ лишь пищу и добычу для своихъ всадниковъ; добыть для себя царства онъ не могъ, хотя неутомимо то тутъ то тамъ завязывалъ сношенія съ недовольными и врагами князей-правителей. А л-

*) Хаджибъ—титулъ „камергеръ“; имя Баракъ встрѣчается и въ редакціи Балакъ.

**) Годъ завоеванія Кирмана Бараккомъ не достовѣренъ; см. Houtsma «Zeitschr. der Deutsch. Morgenländ. Gesellsch. XXXIX, 400. Мнѣ кажется, что первое его появленіе справедливо отнести къ 619 г. (1222); полной самостоятельности онъ достигъ тамъ въ 623 (1226) г. послѣ возвращенія Джелалъ адъ-дина въ персидскій Иракъ (см. за ходомъ текста).

***) Я не имѣю подъ руками сочиненія Strandmann'a объ этой династіи, на которую ссылается Houtsma въ указ. сочиненіи.

****) Можетъ быть даже раньше удаленія Чингизъ-Хана на родину. Въ промежутокъ времени между уходомъ западной части монголовъ въ Россію 619 (1222) и послѣднимъ вападеніемъ изъ Хорасана 621 (1224) Мидія была предоставлена самой себѣ, и не лишено вѣроятія, что уже въ это время эмиры и Гіясъ адъ-динъ снова завладѣли странною.

тытмышъ, эмиръ Дихли и позднѣе султанъ всей Индіи, хитро сдумѣлъ не подпускать къ себѣ слишкомъ близко непрошеннаго гостя и въ то же время не порывать съ нимъ окончательно. И онъ, и другіе индійскіе мусульмане почувствовали себя освобожденными отъ злого домового, когда въ концѣ 621 (1224) г. Джелалъ адъ-динъ дѣйствительно рѣшился принять приглашеніе съ запада. Чтобы не возбудить вниманія Чингизъ-Хана, только что покидавшаго Трансоксанію, Джелалъ адъ-динъ направился съ Инда черезъ Мекранъ, древнюю Гедрозію, гдѣ, какъ это нѣкогда случилось и у Александра Великаго, большая половина его войска пала жертвою перехода черезъ пустыню, такъ что къ концу года онъ прибылъ въ Кирманъ съ 4—5000 человекъ. Какъ мы только что упомянули, карахитайецъ Баракъ былъ занятъ здѣсь борьбою съ старымъ правителемъ страны, который номинально держалъ сторону Гіясъ адъ-дина. Тѣмъ необходимымъ было его противнику соединиться съ Джелалъ адъ-диномъ. Этотъ охотно принялъ его присягу, и теперь оба они вмѣстѣ быстро подчинили всю провинцію. Хотя шахъ и мало довѣрялъ своему новому вассалу, ему все же ничего другого не оставалось, какъ формально передать ему управленіе Кирманомъ, которымъ тотъ и управлялъ до 623 (1226) г. за своего верховнаго господина. Въ указанномъ же году онъ объявилъ себя независимымъ, и Джелалъ адъ-динъ, занятый неустанной борьбою съ другими врагами, не могъ воспрепятствовать этому. На самомъ дѣлѣ, этому неутомимому воину предстояло такъ же мало прочныхъ успѣховъ на этомъ новомъ мѣстѣ, которое онъ теперь занялъ, какъ и въ Индіи. И это главнымъ образомъ по его собственной винѣ. Въ началѣ онъ, правда, дѣйствовалъ довольно разумно. Когда онъ самъ занялъ часть Фарса, которую между тѣмъ Гіясъ адъ-динъ отнялъ у Атабега Садъа, то безъ дальнѣйшихъ разговоровъ отдалъ эту землю ея прежнему господину. Потомъ, не встрѣтивъ сколько нибудь значительнаго сопротивленія со стороны своего бездарнаго брата, онъ завладѣлъ всѣмъ Иракомъ. Теперь послѣ пяти ужасныхъ лѣтъ въ первый разъ снова явилась надежда на восстановленіе какого-нибудь порядка и на созданіе силы, способной энергично отразить новыя нападенія монголовъ. Надежда эта была напрасна; но не слѣдуетъ винить въ этомъ исключительно храбреца Хорезмшаха—такъ продолжали называть Джелалъ адъ-дина и послѣ исчезновенія его столицы съ лица земли. Правда, округа Хорасана, поскольку они были населены, безъ всякаго сопротивленія снова перешли въ его власть, но едва ли было возможно создать изъ этихъ опустошенныхъ странъ (напримѣръ такими мѣрами, къ какимъ прибѣгъ раньше на западѣ Гейнрихъ Птицеловъ, желая оградиться отъ вторженія венгерцевъ) такой валъ, который былъ бы способенъ за-

щищать отъ татаръ. Поэтому для того, чтобы въ случаѣ возвращенія монголовъ, эти послѣдніе могли быть побѣждены, необходимо было присоединить къ новому государству другія провинціи, большая способность которыхъ къ отпору увеличила бы средства къ оборонѣ. Но сдѣлать это мирнымъ путемъ, заключивъ союзъ съ халифомъ, Пехлеванидомъ Узбекомъ, государемъ Мосула и Эйюбидомъ Хилата, войти съ ними въ союзъ, который стоялъ-бы на высотѣ своей задачи—это выходило за предѣлы турецкаго кругозора, уже не говоря о томъ, что и эта попытка, вѣроятно, оказалась-бы безуспѣшной. Даже Нуреддину и Саладину никогда ничего подобнаго не приходило въ голову. И можно ли представить себѣ, чтобы Джелаль адъ-динъ вступилъ вдругъ въ мирные переговоры съ халифомъ Насиромъ, смертельнымъ врагомъ его династіи! Такимъ образомъ разумному государю, собственно говоря, не оставалось ничего другого, какъ наброситься во главѣ своихъ войскъ на сосѣднія владѣнія, завоевать по возможности болѣе обширное пространство и затѣмъ строго организовать расширенное государство. Во всякомъ, даже въ лучшемъ случаѣ, сомнительно, оставили бы монголы достаточно времени для такого предпріятія. Но нѣтъ указаній на то, чтобы такая проницательная мысль, хотя-бы мимоходомъ, мелькнула въ умѣ храбраго Джелаль адъ-дина. Напротивъ: онъ потерялъ даромъ тѣ цѣнные шесть лѣтъ, которые еще оставались до слѣдующаго нашествія монголовъ, и провелъ ихъ въ безцѣльныхъ рысканьяхъ между Кавказомъ и Персидскимъ заливомъ, думая лишь о походѣ данной минуты, будь онъ направленъ противъ халифа, противъ владѣтеля Азербейджана и Аррана, противъ грузинцевъ христіанъ или соединенныхъ силъ сельджуковъ и эйюбидовъ. Мы не будемъ слѣдовать за нимъ во всѣхъ этихъ беспорядочныхъ походахъ; достаточно упомянуть, что въ 622 (1225) г. онъ съ помощью атабега Фарса отнялъ у Насира часть Хузистана и завладѣлъ всѣмъ Азербейджаномъ и Арраномъ, гдѣ старый Узбекъ, который собственно говоря всего лучше умѣлъ пить, долженъ былъ, послѣ нѣсколькихъ безсильныхъ попытокъ къ сопротивленію, въ концѣ концовъ сдаться. Отсюда Джелаль адъ-динъ въ 623 г. (1226) велъ удачную войну съ грузинами, которые со времени удаленія монголовъ опять постоянно враждовали съ мусульманами. Затѣмъ, еще въ томъ же году, онъ напалъ на сельджукскія владѣнія Эрзерума, разграбилъ ихъ, и въ союзѣ съ Эйюбидомъ Му'аззамомъ Дамасскимъ, который какъ разъ враждовалъ съ своимъ братомъ Ашрафомъ, пытался нѣсколько разъ овладѣть Хилатомъ, пока безъ успѣха. Въ 624 г. (1227) Джелаль адъ-динъ воевалъ съ ассасинами, которые убили его генджекаго коменданта; потомъ—съ толпищемъ монголовъ, которое проникло изъ Трапесоксаніи вплоть до Дамегана, ему удалось отогнать ихъ. Но въ

то время, какъ намѣстникъ Ашрафа въ Хилатѣ воспользовался его отсутствіемъ для хищническаго набѣга на Азербейджанъ, новая опасность угрожала съ востока: монгольскіе всадники въ большомъ количествѣ появились въ 625 (1228) г. въ Мидіи, и въ тотъ самый моментъ, когда дѣло должно было дойти до битвы, братъ Хорезмшаха, Гіясъ адъ-динъ, который, несмотря на данный ему высокій постъ военачальника все еще былъ преисполненъ злобы за свое сверженіе, покинулъ его съ частью войска, на содѣйствіе котораго шахъ вполнѣ расчитывалъ. Вскорѣ послѣ этого, этотъ столь-же слабоумный, сколько измѣнническій возмутитель нашелъ заслуженную имъ смерть въ Кирманѣ, гдѣ карахитайецъ Баракъ принялъ его, повидимому, любезно, но позднѣе отстранилъ его, какъ возможнаго соперника. Джелаль адъ-динъ, благодаря военной хитрости монголовъ, потерялъ сраженіе, которое было выигралъ. Уронъ варваровъ былъ однако настолько великъ, что они должны были отступить, и во время отступленія потеряли убитыми еще много людей, такъ какъ въ слѣдъ за ними отправили отрядъ хорезмійцевъ. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, шахъ побѣдилъ; и одно время казалось, какъ будто уваженіе, къ нему возросшее подъ вліяніемъ благоприятныхъ обстоятельствъ, да и не безъ его личной заслуги, послужить на пользу общему мусульманскому дѣлу. Послѣ того, какъ борьба съ войскомъ грузинъ, напавшихъ на Арранъ, и съ другими кавказскими племенами была, благодаря хитрости и храбрости, счастливо окончена, Джелаль адъ-динъ, послѣ шестимѣсячной осады, взялъ наконецъ въ 626 (1229) Хилатъ. Къ сожалѣнію, его войска страшно опустошили несчастный городъ (хорезмійскіе турки въ дикости и алчности не уступали гузамъ прежняго времени); несмотря на это, именно этотъ годъ могъ-бы сдѣлаться началомъ болѣе счастливаго будущаго. Въ то время, какъ Джелаль адъ-динъ стоялъ лагеремъ передъ Хилатомъ, изъ Иконіи и Багдада прибыли посольства, желавшія завязать мирныя сношенія между сельджуками и халифомъ. Н а с и р ь, непримиримый врагъ хорезмшаховъ, умеръ въ 622 (1225 г.); второй преемникъ его, М у с т а н с и р ь, царствовавшій съ 623 (1226 г.), пришелъ къ заключенію, что въ случаѣ возвращенія монголовъ его положеніе было-бы крайне затруднительно, и у него хватило ума, чтобы искать примиренія: состоялся договоръ, по которому халифъ признавалъ владѣнія Джелаль адъ-дина, но послѣдній обѣщалъ уважать багдадскія земли. К е й-К о б а д ь, султанъ Иконіи, дружбы съ которымъ для совмѣстнаго сопротивленія монголамъ искалъ тогда самъ шахъ, велѣлъ сказать, что онъ согласенъ на этотъ союзъ; онъ потребовалъ однако выдачи подчиненнаго ему владѣтеля Эрзерума, который, въ слѣдствіе несогласій съ своимъ верховнымъ властителемъ, бѣжалъ въ хилатскій лагерь. Въмѣсто того, чтобы отнестись къ этому требованію

какъ подобаетъ дипломату, Хорезмшахъ въ порывѣ страсти наотрѣзъ отказалъ; кромѣ того, его придворные обращались съ послами невѣжливо и пренебрежительно, словомъ, переговоры не привели ни къ какому результату. Теперь Кей-Кобадъ, боявшійся при такихъ обстоятельствахъ за Эрзерумъ, заключилъ союзъ съ Ашрафомъ противъ Джелалъ адъ-дина. Узнавъ объ этомъ, Хорезмшахъ хотѣлъ предупредить противниковъ, но болѣзнь замедлила его дѣйствія. Когда онъ переходилъ Евфратъ у Эрзингана, союзники уже соединились, и побѣда осталась на сторонѣ болѣе многочисленныхъ (627—1230). Теперь дѣло шаха было проиграно, ибо въ то-же время приближалось монгольское войско въ 30000 человекъ, чтобы отомстить за свое поражение 625 (1228 г.). Правда, Чингизъ-Ханъ уже въ 624 (1227 г.), имѣя 66 лѣтъ отъ роду, покончилъ свое проклятое существованіе; но сынъ и преемникъ его, Оготай *), (624 — 639 = 1227 — 1241) вовсе не намѣревался смотрѣть сложа руки на пробужденіе хорезмшахскихъ государствъ къ новой жизни. Татарскія войска, находившіяся въ Трансоксаніи, выказали себя слишкомъ слабыми для того, чтобы сохранить спокойствіе на западѣ. Поэтому изъ самой середины царства были отправлены новыя силы подъ предводительствомъ опытнаго полководца. Онъ хорошо зналъ, что прежде всего надо было устранить энергичную личность Джелалъ адъ-дина и прямо направился на Азербейджанъ, ни мало не заботясь о мусульманскихъ отрядахъ, стоявшихъ въ Хорасанѣ и Мидіи. Хорезмшахъ не оставался въ невѣдѣніи о приближающейся опасности. Онъ поторопился заключить миръ съ Ашрафомъ и Кей-Кобадомъ, которые въ виду приближенія монголовъ также поубавили свои требованія: но собственныя войска его большею частью разсѣялись и вернулись въ свои стоянки; прежде чѣмъ удалось собрать ихъ, татары уже появились въ странѣ. И теперь случилось нѣчто неслыханное. Въ то время, какъ непріятельскіе наѣзники гоняли захваченныхъ врасплохъ князей изъ одного мѣста въ другое, въ средѣ ближайшихъ приближенныхъ шаха все возстало противъ него. Визирь его завязалъ измѣнническія сношенія съ Эйюбидомъ Ашрафомъ, чтобы заполучить клочекъ земли своего господина послѣ его ожидаемой гибели и выкроить себѣ свое собственное княжество. Населеніе страны, давно уже свыше всякой мѣры было угнетаемо и обираемо необузданными хорезмійцами; зная, что монголы имѣютъ обыкновеніе вымещать на мирныхъ жителяхъ всякое сопротивление войскъ, оно возстало въ болѣе значительныхъ городахъ противъ гарнизоновъ для того, чтобы, вытѣснивъ или уничтоживъ ихъ, хоть немного смягчить главный предметъ своего ужаса — татаръ.

*) У русскихъ историковъ Октай или Угедей.

Удержать поле битвы съ тѣми немногими отрядами, которые шахъ то тутъ, то тамъ могъ собрать вокругъ себя, было невозможно. Когда однажды неутомимые преслѣдователи напали на него ночью, его войны едва могли прикрыть тылъ его и обезпечить безопасность его бѣгства. Джелалъ адъ-динъ былъ однимъ изъ тѣхъ людей, которыхъ неизсякаемая жизненная энергія не падаетъ ни при какихъ обстоятельствахъ; проводя цѣлые дни на сѣдлѣ, а ночи въ пьянствѣ и въ обществѣ женщинъ, онъ еще нѣкоторое время велъ въ курдско-армянскихъ горахъ существованіе, полное приключеній. Между тѣмъ число его приверженцевъ все рѣдѣло, а призывы о помощи, обращенные къ халифу, къ месопотамскимъ мелкимъ князьямъ, даже къ Эйюбидамъ, были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ — никто не вѣрилъ больше въ его успѣхъ. Чтобы отвести враговъ отъ своего слѣда, шахъ разстался, наконецъ, съ своимъ маленькимъ войскомъ; но, несмотря на это, однажды рано утромъ монголы-наѣзники напали на него. Большинство его спутниковъ были убиты, самъ же онъ отбилъ, благодаря своей неуемлившейся лвиной силѣ. Когда онъ теперь, совершенно одинокій, странствовалъ въ горахъ, онъ былъ схваченъ толпою курдовъ. Различными обѣщаніями ему удалось склонить предводителя въ свою пользу; но пока онъ находился въ его хижинѣ, злой рокъ въ отсутствіе хозяина привелъ сюда простого курда, братъ котораго когда-то и гдѣ-то былъ убитъ по приказанію шаха. Жажда мести восточнаго челоуѣка непримирима; Хорезмшахъ, смѣло смотрѣвшій въ глаза смерти въ сотнѣ битвъ отъ Оксуса и Инда до Евфрата и далѣе, погибъ отъ коня низкорожденнаго врага (15 Шавваля 628=16 авг. 1231 г.).

Какъ ни многочисленны и грубы были ошибки, сдѣланныя Джелалъ адъ-диномъ, столь же выдающимся полководцемъ, сколько негоднымъ политикомъ, все-таки его значеніе было таково, что самъ Эйюбидъ Апрафъ, одинъ изъ самыхъ рьяныхъ противниковъ его, однажды замѣтилъ, что шахъ — единственная ограда мусульманъ отъ татаръ. И дѣйствительно, прошло болѣе тридцати лѣтъ, пока опять нашелся военачальникъ, который съ одинаковой энергіей, но съ бѣльшимъ счастьемъ сдѣлалъ серьезную попытку задержать нахлынувшій потокъ варваровъ. До этого набѣга на ту или другую мѣстность были лишь слабы и жалки, совершались съ нерѣшительностью и безъ всякаго смысла. Этимъ объясняется то, что 30000 монголовъ, которымъ соединенныя мусульманскія государства къ западу отъ Евфрата легко могли бы противопоставить въ пять разъ большее число воиновъ, могли свободно развѣзжаты черезъ весь Азербейджанъ, всю Грузію, Армению, Малую Азію, Месопотамію и сѣверную Сирію, могли всюду совершенно спокойно производить свои обычные разоренія и подчинять себѣ города и цѣлыя провинціи однѣми угрозами. Всѣми овладѣлъ такой же упа-

докъ духа, какъ въ Испаніи послѣ битвы у Фронтеры или въ Пруссіи послѣ Іены. Нѣсколько разсказовъ, переданныхъ намъ жившимъ въ то время въ Мосулѣ арабскимъ лѣтописцемъ Ибнъ аль-Асіромъ, красно-рѣчиво описываютъ отчаянье народа. Ибнъ аль-Асиръ пишетъ: «Мнѣ передавали о томъ страхѣ передъ ними, въ какой Аллахъ повергъ сердца человѣческія, такіе разказы, что они кажутся слушателю почти невѣроятными. Такъ, разсказываютъ, что нерѣдко кто-нибудь изъ нихъ одинъ врывался въ деревню или улицу, гдѣ находилось много народу, и убивалъ одного за другимъ, причемъ никто не осмѣливался поднять руку на такого всадника. Мнѣ разсказывали также, что одинъ изъ нихъ схватилъ одного человѣка, не имѣя при себѣ оружія для нанесенія ему смертельнаго удара: «положи голову на землю и не двигайся!» сказалъ онъ ему. И тотъ дѣйствительно положилъ свою голову на землю; татаринъ пошелъ за мечемъ и потомъ убилъ его имъ. Кто-то разсказалъ мнѣ слѣдующее: «Я находился на проселочной дорогѣ съ семнадцатью спутниками; тутъ наѣхалъ на насъ татарскій всадникъ и приказалъ намъ вязать другъ другу руки за спины. Мои товарищи стали дѣйствительно исполнять то, что имъ приказывали; тогда я сказалъ имъ: «этотъ человѣкъ одинъ, отчего намъ не убить его и не спастись бѣгствомъ?»—«Мы боимся», отвѣчали они. «Онъ намѣренъ сейчасъ послѣ этого убить васъ», сказалъ я, «такъ лучше мы убьемъ его, быть можетъ, Аллахъ и спасетъ насъ!» Но, ей Богу, никто не рѣшился поступить такъ; наконецъ я самъ схватилъ ножъ и убилъ его: послѣ того мы обратились въ бѣгство, и намъ удалось спастись. И такія вещи случались часто». Войска держали себя также: когда въ 641 (1243 г. *) 22-хъ тысячное войско сельджуковъ Рума, еще недавно такъ успѣшно сражавшееся съ византіяцами, эйюбидами и хорезміицами, увидѣло вблизи Сиваса 10-ти тысячный отрядъ монголовъ, оно просто пустилось бѣжать, такъ что татары, опасаясь военной хитрости съ ихъ стороны, начали преслѣдованіе только черезъ 24 часа, убѣдившись, что ни одинъ турокъ не показывался. А государи! Правда, давно уже въ Эйюбидахъ, казалось, исчезла кровь Саладина, но едва ли можно было ожидать даже отъ столь павшей династіи такого безразсудства и такой трусости, какую они здѣсь выказали. Что Ашрафъ и Кáмилъ покинули Джелáль адъ-дина въ послѣднюю рѣшительную ми-

*) Rachi'd ad-din (Histoire des Mongols, éd. Quatremère, Paris 1836, стр. 225) относитъ эту битву, равно какъ все подчиненіе Рума къ 655 (1257 г.). Собственно говоря изъ отношеній сельджуковъ съ монголами вполнѣ точно извѣстно лишь то, что въ 644 (1246 г.) при выборѣ Гуюкъ-Хана среди другихъ пословъ и государей исламскихъ земель въ Каракорумъ явился и сынъ Кей-Хосрау, Рукнь адъ-динъ; но нельзя достовѣрно рѣшить, въ качествѣ ли посла отъ отца или претендента на престоль. Находящіеся передо мной источники недостаточны для точнаго сужденія.

нугу—это еще понять можно. Но то, что они и преемники ихъ не сдѣлали рѣшительно ничего *), чтобы соединиться другъ съ другомъ и съ другими исламскими владѣтелями для общей защиты, это свидѣтельствуесть о необыкновенной степени слѣпоты, рѣзкой даже въ исторіи человѣческаго неразумія. Государи Египта и мелкіе владѣтели сиромесопотамскихъ земель беззаботно продолжали драться изъ-за каждаго клочка земли, какъ будто монголовъ и не было на свѣтѣ. При этомъ они, конечно, не считали ниже своего достоинства немедленно прятаться въ первый попавшійся уголь при первомъ появленіи татарскаго призрака. Бедръ адъ-динъ Лулу, владѣтель Мусула, обезпечилъ себѣ 643 (1245) **) владѣніе своимъ округомъ посредствомъ договора и скоро послѣ этого сообщилъ Эйюбиду Салиху Измаилу изъ Дамаска ***) , что онъ заключилъ договоръ вмѣстѣ съ тѣмъ и за него, послѣ чего въ высшей степени обрадованный Салихъ сталъ немедленно готовиться къ уплатѣ требуемой монголами дани. И когда позднѣе (648=1250) Насиръ Халебскій завладѣлъ столицею Сиріи, онъ позаботился о томъ, чтобы выпросить у великаго хана ярлыкъ на владѣніе ****), который потомъ всегда висѣлъ у него на поясѣ. Правда, такое выраженіе покорности помогало мало. Даже Кей-Кобадъ Румскій въ 633 (1235-6) не счелъ возможнымъ отклонить требуемое отъ него подчиненіе; но, несмотря на это, татарскіе наѣзники уже въ слѣдующемъ году (634=1336-7) ворвались въ его армянскія владѣнія, и даже мужественному Насиру его прекрасный документъ нисколько не помогъ противъ ужаснаго Хулагу. Мы не будемъ останавливаться на отдѣльныхъ эпизодахъ, въ которыхъ съ 628 (1231) до 658 (1260) выказался этотъ всеобщій упадокъ духа. Замѣчу только, что послѣ смерти Джелалъ адъ-дина скоро весь Азербейджанъ подчинился монголамъ, которые въ то же время опустошали округа Мосула, Хилата, значительную часть Месопотаміи и врывались уже въ Иракъ. Потомъ настала очередь (632—636=1235—1238) Кавказскихъ странъ и Арменіи, включая и части, находившіяся въ рукахъ сельджуковъ. Въ 639 г. (1241) былъ окончательно завоеванъ Эрзерумъ, и отсюда въ

*) Правда Абу-ль-Фида, IV, 473, сообщаетъ, будто государь Халеба послалъ сельджукамъ нѣсколько вспомогательныхъ войскъ для борьбы съ татарами; но во всякомъ случаѣ они не могли быть многочисленны.

**) Можетъ быть и раньше; къ этому году относятъ заключеніе договора Бедръ адъ-диномъ за государя Дамаска (d'Ohsson, III, 88), но не упоминается о томъ, подчинился ли онъ самъ монголамъ раньше этого времени или одновременно.

**) Или же намѣстнику Салиха Эйюба Египетскаго, посаженному туда послѣднимъ въ 643 г. послѣ завоеванія Дамаска; мы не знаемъ, которое изъ этихъ событій предшествовало другому.

****) Такъ вѣроятно слѣдуетъ понимать lettres de sûreté, упомянутыя у Ohsson, III, 91; къ сожалѣнію онъ не называетъ источника, которымъ руководится.

640—641 (1242-3) совершались нападенія на половину Малой Азіи, а султана Иконіи, Кей-Хосрау II Гіясъ адъ-дина принудили къ уплатѣ дани. Слабость его сопротивленія можно отчасти извинить тѣмъ, что незадолго до этого внутренніе беспорядки окончательно потрясли основы сельджукскаго государства. Въ 638 г. (1240) одинъ туркмень возсталъ въ Амазіи; онъ называлъ себя Папа, объявилъ себя пророкомъ и нашелъ столько приверженцевъ въ средѣ своихъ соотечественниковъ, что возстаніе его было подавлено съ величайшимъ трудомъ; конечно, это не могло не оказать вліянія на составъ и дисциплину румскаго войска. Когда же, послѣ признанія монгольскаго владычества, умеръ Кей-Хосрау II (можетъ быть 642=1244), то раздоры между его тремя сыновьями уничтожили послѣднюю способность къ противодѣйствию. Судьба этой страны зависѣла теперь отъ интригъ при дворѣ великихъ хановъ въ Каракорумѣ, находившемся въ шестистахъ миляхъ отъ Иконіи, и правителями ея назначали то того, то другого полководца. На самомъ же дѣлѣ управленіе находилось въ рукахъ чиновниковъ, которые должны были служить новымъ господамъ; но это, разумѣется, ничуть не мѣшало варварскимъ отрядамъ при малѣйшемъ поводѣ снова облагать населеніе контрибуціей. Отсюда они произвели свои нападенія дальше, и такимъ образомъ христіанскія государства сирійско-малоазіатскаго побережья въ первый разъ имѣли удовольствіе познакомиться съ монголами. Хетумъ, царь Малой Арменіи, призналъ надъ собою верховную власть Гуюкъ-Хана (639*—646=1242—1248) въ 1244 г. (641-2), а въ 642 (1244) и франки Антиохіи, избѣгая болѣе неприятныхъ послѣдствій, изъявили свое согласіе на уплату дани. Всего лучше была все же судьба халифовъ: правда войска Муста'нсира лишь съ перемѣннымъ счастьемъ сражался въ 635 (1237-8) съ наѣздниками, много разъ нападавшими на его владѣнія вплоть до Самарры. Въ 647 г. (1249-50) въ одномъ изъ такихъ столкновеній слѣдующій халифъ, Муста'симъ, потерпѣлъ болѣе рѣшительную неудачу. Но зато самому Багдаду больше даже не угрожали. Можно было-бы удивляться тому, что завоеватели при такомъ плачевномъ состояніи всѣхъ этихъ государствъ, которымъ къ тому же приходилось болѣе или менѣе плохо отъ остатковъ разсѣяшагося хорезмійскаго войска, шнырявшаго то тутъ, то тамъ, не дѣлали болѣе быстрыхъ успѣховъ. Но надо знать, что со времени смерти Огатая (Угедея) (639=1241) въ семьѣ Чингизъ-Хана начались раздоры, которые, благодаря примѣрной дисциплинѣ монгольскихъ предводителей, правда не угрожали существованію царства, но все же отчасти до извѣстной степени ослабили силу дальнѣйшаго движе-

*) Торжественное избраніе его состоялось правда только въ 644 (1246) году.

нія ихъ на западъ. Если-бы исламскія западныя государства стумѣли воспользоваться этимъ временемъ, то, по всей вѣроятности, многое случилось-бы иначе. Такимъ образомъ десятки тысячъ воиновъ, посланныхъ сюда Огатаемъ, могли безпрепятственно подготовить почву для позднѣйшихъ, болѣе рѣшительныхъ предпріятій. Въ то время, какъ они были заняты этимъ, въ Персіи и Хорасанѣ господствовала ужасная десятилѣтняя неурядица. Татарскія толпица и бродячія шайки, когда-то составлявшія турецкое войско, постоянно воевали другъ съ другомъ, а всего болѣе съ несчастными жителями. Только въ 637 г. (1239-40) одинъ изъ вновь присланныхъ намѣстниковъ, поселившійся въ Тусѣ, въ интересъ монгольскаго же правительства водворилъ хоть какой-нибудь порядокъ; но уже черезъ два года, вслѣдствіе перемѣны династіи въ Каракорумѣ, онъ былъ свергнутъ, и прежнія бѣдствія снова возобновились. Наконецъ, въ 649 г. (1251) ссоры за званіе Великаго Хана окончились, причемъ верховнымъ владѣтелемъ всѣхъ монголовъ выбрали Мангу *) Хана, внука Чингизъ-Хана отъ другаго его сына (царств. съ 649—657=1251—1259), обошедши потомковъ Огатая, до сихъ поръ столь мало выказавшихъ себя съ хорошей стороны. Новому хану удалось быстро обезопасить свою власть отъ всякаго сопротивленія, и очень скоро онъ могъ уже дать новый толчекъ своимъ походамъ на западъ.

«Мангу-Ханъ», наивно рассказываетъ одинъ изъ позднѣйшихъ персидскихъ восхвалителей монгольскаго владычества, «пришелъ къ слѣдующему заключенію: такъ какъ нѣкоторыя изъ царствъ были подчинены и включены въ число татарскихъ владѣній во времена Чингизъ-Хана, другія же до сихъ поръ не были окончательно завоеваны, между тѣмъ какъ размѣры земного шара безграничны, то онъ долженъ послать опять въ каждую сосѣдную страну одного изъ своихъ братьевъ, дабы они подчинили ихъ и держали ихъ въ повиновеніи, а онъ самъ могъ-бы беззаботно и побѣдоносно возсѣдать въ старыхъ юртахъ **), проводить время въ удовольствіяхъ и производить расправу». Одинъ изъ этихъ братьевъ былъ Хулагу-Ханъ, достойный внукъ Чингизъ-Хана, беспощадный монголь, для котораго человѣчность и пощада были совершенно чуждыми понятіями, но который, подобно своему ужасному предку, умѣлъ властвовать и распоряжаться. Послѣ обширныхъ приготовленій, онъ двинулся осенью 651 (1253 г.) во главѣ большаго войска ***). Только въ 653 (1255 г.) онъ достигъ Самарканда, а 1 Зуль-Хиджжы (1 янв. 1256) перешелъ Оксусъ. Привѣтствовать

*) Таково общепринятое произношеніе; было-бы правильнѣе говорить Менгке.

**) Юртъ—древнее турецкое слово, обозначающее палатку, жилище, родину; весьма извѣстно, что оно сохранилось и до нашихъ дней.

***) Число его воиновъ не обозначено; но по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ

его на персидской землѣ стеклись коронованные слуги съ отдаленнѣйшихъ частей запада: два одновременно прозавабшіе въ Румѣ сельджукскіе султана, сынъ Атабега Фарскаго, который, какъ осторожный человекъ, ужь съ самаго начала предпочелъ выказать себя вассаломъ монголовъ, намѣстники Хорасана, Миди, Азербейджана, Аррана и Ширвана, христіанскій король Грузіи. Кромѣ того масса знатныхъ людей этихъ странъ — все послушно легло къ ногамъ этого и безъ того слишкомъ могущественнаго варвара, новаго бича Божія. Недаромъ-же братъ великаго хана утверждалъ, что посланъ для предпріятія благоугоднаго для мусульманъ. Жалобы благочестивыхъ людей на измаилитовъ, говорилъ онъ, достигли слуха властелина, и онъ снарядилъ этотъ походъ, чтобы сломить крѣпости этихъ убійць. И дѣйствительно, для монгольскихъ интересовъ было настоятельно необходимо уничтожить ассасиновъ, возвышенныя гвѣзда которыхъ были едва ли затронуты общею волною разоренія. Напротивъ того, какъ и слѣдовало ожидать, дѣла Горнаго Старца, въ печальныя десятилѣтія послѣ вторженія Чингизъ Хана, процвѣтали; приверженцы его, помимо своихъ главныхъ твердынь въ Аламутѣ и его окрестностяхъ, распространились дальше въ различныхъ мѣстностяхъ Персіи, особенно въ Кухистанѣ. Но несравненная дисциплина ихъ, внутреннее единство, составлявшія болѣе ста лѣтъ всю ихъ несравненную силу, съ теченіемъ времени уменьшились. Не каждый умѣлъ съ одинаковою ловкостью пользоваться тѣми тайными уловками, посредствомъ которыхъ главы ордена умѣли обезпечивать себѣ слѣпое повиновеніе своихъ подчиненныхъ; вмѣстѣ съ суевѣрнымъ страхомъ постепенно исчезло и безусловное повиновеніе, какъ подчиненныхъ, такъ и чужихъ. Такимъ образомъ прежній тайный союзъ въ концѣ концовъ сталъ немногимъ сильнѣе, чѣмъ одно изъ княжествъ, на которыя распалось сельджукское царство. Сравнительно съ другими власть этого союза была всегда своеобразна, а благодаря большому числу недоступныхъ притоновъ, составлявшихъ оплотъ секты, она и до сихъ поръ была опасна и страшна. Но какъ разъ за день до перехода Хулагу черезъ Оксусъ, случилось рѣшающее событіе. Ала адъ-динъ, предпоследній глава ордена, возбудилъ неудовольствіе своихъ окружающихъ многократными попытками водворить среди приверженцевъ измаилитизма прежнюю строгую дисциплину; 30 Зуль-Кады 653 (31 дек. 1255 г.) его нашли убитымъ, и собственный сынъ его, Рукнъ адъ-динъ, не свободенъ отъ подозрѣнія, что онъ заранѣе зналъ о смерти отца. Во всякомъ случаѣ, онъ съ самаго начала велъ себя настолько неувѣренно, на-

---

передовой отрядъ состоялъ изъ 16000 человекъ, поэтому можно думать, что общее число солдатъ простиралось до 50—60000 человекъ.

сколько это соответствовало, какъ нечистой совѣсти, такъ и жалкому положенію остальныхъ исламскихъ владѣтелей. Передовой отрядъ, который долженъ былъ прокладывать путь главному монгольскому войску, уже нѣкоторое время осаждалъ одну изъ главныхъ крѣпостей ассасиновъ въ Кухистанѣ, но не могъ взять ее; сила Аламута и другихъ сосѣднихъ крѣпостей, изъ которыхъ Меймунъ-Дизъ («Счастливая гора») сдѣлалась теперь резиденціей предводителя, была уже испытана прежними оборонами; тѣмъ не менѣе Рукнъ адъ-динъ раздѣлялъ всеобщій страхъ передъ татарами. Черезъ посредство монгольскаго коменданта Хамадана онъ началъ переговоры съ Хулагу, который расположился главной квартирой въ Тусѣ; онъ надѣялся путемъ официальной присяги въ вѣрности обезпечить за собою обладаніе прежними землями. Но хану это было не выгодно; вассаль, продолжающій сидѣть на неприступныхъ скалахъ, былъ совсѣмъ не въ его вкусѣ. На половину уступая, на половину угрожая (начинавшаяся осада Меймунъ-Диза придавала извѣстный вѣсъ этимъ угрозамъ), онъ сумѣлъ вытребовать у жалкихъ преемниковъ ужаснаго Хассана Ибнъ Саббахъ одну уступку за другой. Въ концѣ концовъ, послѣ многихъ увертокъ и изворотовъ, Рукнъ адъ-динъ сдался вмѣстѣ со своими приближенными (1 Зуль-Кады 654=19 *) ноября 1256). Умный Хулагу принялъ его очень любезно, заставилъ его написать приказаніе всѣмъ комендантамъ ассасинскихъ крѣпостей о томъ, чтобы они открыли свои ворота монголамъ, и затѣмъ, по просьбѣ его, отправилъ его съ почетною свитою ко двору великаго хана. Къ сожалѣнію, свита эта имѣла по пути дерзость убить послѣдняго государя Аламута. Исторія умалчиваетъ о томъ, очень ли сердился Хулагу на этотъ самовольный поступокъ. Во всякомъ случаѣ онъ, на основаніи предписаній, подписанныхъ Рукнъ адъ-диномъ, велѣлъ сдать 40 измаилитскимъ крѣпостямъ; только немногіе отважились на сопротивленіе, между прочимъ самъ Аламутъ, который однако долженъ былъ сдать уже 6 Зуль-Кады (24 ноября). Черезъ четыре дня послѣ этого крѣпость была разграблена, а позднѣе была окончательно разрушена нарочно для того оставленнымъ отрядомъ; это стоило много времени и труда. Орлиное гнѣздо, въ теченіе 170 лѣтъ наводившее ужасъ на исламскій міръ, было уничтожено.

Въ то время, какъ, съ извѣстною намъ безопасностью, исполняли приказаніе Хулагу объ уничтоженіи измаилитовъ въ Персіи, уничтоженіе всѣхъ до послѣдняго человѣка и гдѣ-бы его ни нашли (и на этотъ разъ, дѣйствительно, хочется похвалить обычаи монголовъ), ханъ

*) Такъ какъ это произошло въ воскресенье (см. Histoire des Mongols, éd. Quatremère, Paris 1836, стр. 213), то 19—вѣрное число, хотя, согласно обыкновенному счету времени, 1-ое Зуль-Кады соответствуетъ 20-му числу.

думаль о томъ, какое-бы онъ могъ доставить новое удовольствіе своимъ персидскимъ подданнымъ послѣ этого перваго. Всѣ они большею частью были склонны къ ши'итизму, однако даже при довольно вѣротерпимыхъ Сельджукахъ официальное суннитское вѣроисповѣданіе отодвигало его на задній планъ. Не то было у монголовъ. Язычники, въ лучшемъ случаѣ буддисты, они относились совершенно безразлично къ различнымъ вѣроисповѣданіямъ покоренныхъ жителей. Были ли то сунниты, ши'иты, христіане—для нихъ это было все едино. Извѣстно, съ какой повидимому вѣротерпимостью они обращались съ христіанскими миссіонерами и какъ они отнеслись—ничуть не враждебно—къ много разъ произведеннымъ европейскими государями попыткамъ завязать съ ними дипломатическія сношенія. Конечно, эта политика имѣла свою цѣлью не что иное, какъ по возможности удерживать въ повиновеніи исповѣдующихъ одну вѣру, противопоставляя имъ другія вѣроисповѣданія, самимъ же не быть ничѣмъ связанными. Поэтому каждое изъ нихъ удостоивалось ласковыхъ словъ и, при случаѣ, одобренія. И вотъ Хулагу благосклонно принялъ обращенныя будто-бы къ нему ши'итскими персами представленія о томъ, что теперь, послѣ уничтоженія измаилитовъ, пора устранить еретическаго Аббасида, который въ Багдадѣ игралъ роль повелителя правовѣрныхъ. Чего только не сдѣлаетъ благорасположенный государь для своихъ подданныхъ *)! Чингизъ-Ханъ и его приближенные предварительно хотѣли дѣлать дальнѣйшія завоеванія лишь для увеличенія одного цѣлаго монгольскаго царства; Хулагу съ перваго момента намѣревался основать на западѣ собственное государство, хотя и вассальное по отношенію къ Мангу. Поэтому, какъ только онъ вступилъ на персидскую землю, онъ тотчасъ привлекъ къ себѣ немалое число знатныхъ мусульманъ. Правда, наиболѣе уважаемыя части населенія не сочли бы совмѣстимымъ съ своею честью служить работниками у палачей своего собственного народа. Одинъ писатель, который какъ разъ въ это время (650=1252), находясь при дворѣ самого великаго хана Мангу, писалъ исторію Чингизъ-Хана и съ прямо безсовѣстнымъ низкопоклонствомъ восхвалялъ самыя ужасныя дѣла своего господина, какъ мудрыя пред-

*) Собственно говоря вполне понятно, что все сообщаемое историками о ши'итскихъ интригахъ, благодаря которымъ Хулагу будто-бы склонился къ походу на Багдадъ, заслуживаетъ только проницательнаго отношенія. Во всякомъ случаѣ совершенно безразлично, правъ ли суннитъ Абу-ль-Фида, обвиняя ши'итскаго визиря халифа въ тайныхъ сношеніяхъ съ Хулагу; смотрящій на все съ монгольской точки зрѣнія Рашидъ адъ-динъ, также суннитъ, считаетъ это, какъ кажется, клеветою. Хулагу никоимъ образомъ не нуждался въ постороннемъ побужденіи къ завоеваніямъ, для которыхъ онъ вѣдь только что выступилъ; но что онъ воспользовался ши'итскимъ настроеніемъ персовъ, чтобы обезпечить за собою помощь свѣдущихъ и опытныхъ людей—это естественно.

начертанія божественной воли, въ одномъ мѣстѣ *) все-таки не можетъ удержаться отъ грустнаго порыва. «Во время переворота, который только что разрушилъ весь міръ, школы были уничтожены, ученые задушены и прежде всего въ Хорасанѣ, въ этомъ средоточіи знанія, въ этомъ отечествѣ ученыхъ. Всѣ научно-образованные люди этихъ странъ, сколько ихъ ни было, погибли отъ меча: замѣнвившія ихъ созданія, выросшія изъ «ничего», занимаются лишь языкомъ и писаніями Уйгуровъ **). Всѣ должности, а также высшія мѣста, занимаются людьми изъ народной среды; множество негодныхъ людей разбогатѣло; каждый проныра сталъ эмиромъ или визиремъ, каждый нахаль достигаетъ власти, каждый рабъ играетъ роль господина, каждый, надѣвшій чалму ученаго ***), считаетъ себя ученымъ, и низкорожденный дѣйствуетъ, какъ знатный. Можно себѣ представить, какое поощреніе находятъ наука и искусство въ такое время, которое есть голодный годъ для знанія и добродѣтели, въ тотъ день, когда находятъ сбытъ невѣжество и испорченность, когда все благородное уничтожается, а всему подлому отдается предпочтеніе». Быть можетъ, долю этого можно приписать скрытой злобѣ услужливаго писателя, недовольнаго плохимъ содержаніемъ. Но въ общемъ изложеніе этого человѣка развѣ только слишкомъ правдоподобно. Тѣмъ не менѣе Хулагу былъ деспотомъ неглупымъ и во всякомъ случаѣ не окружалъ себя глупцами. Среди его приближенныхъ первое мѣсто заняла дѣйствительно значительная личность, Ходжа Насиръ адъ-динъ изъ Туса, одинаково прекрасный математикъ, астрономъ, ораторъ и историкъ, который, въ родѣ Иоганна Мюллера XIII вѣка, помирился съ неизбѣжнымъ во благо науки и дѣйствительно отчасти способствовалъ пробужденію человѣчности въ монгольскомъ медвѣдѣ. Хулагу сумѣлъ выдѣлить его изъ массы при сдачѣ Аламута, куда Ходжа попалъ, благодаря страннымъ

*) Я долженъ слѣдовать французскому переводу d'Ohsson (*Histoire des Mongols*, I, стр. XXV).

**) Уйгуры—одно изъ турецкихъ племенъ, жившее на югу отъ Тянь-Шана. Языкъ ихъ—древнее нарѣчіе восточно-турецкаго языка, на которомъ и теперь еще говорятъ въ Кашгарѣ и его окрестностяхъ: писали на этомъ языкѣ письменами, заимствованными у христіанскихъ миссіонеровъ, подражавшихъ сирійско-восточноримскому шрифту. Когда монголы покорили уйгуровъ, то, не имѣя въ то время своей азбуки и не будучи въ состояніи сдѣлать свой языкъ удобопонятнымъ для остальныхъ турецкихъ племенъ, они во всѣхъ письменныхъ документахъ официального характера, необходимыхъ въ дѣлѣ управления государствомъ и сношеній съ другими державами, пользовались уйгурскимъ нарѣчіемъ. Да и весьма возможно, что названіе „Уйгуры“ выжидается лишь на недоразумѣніи.

***) Чалма—отличительный признакъ, свѣдущихъ въ божественныхъ законахъ (богослововъ, судей и т. д.), ибо они одни носятъ ее и въ ежедневной жизни, между тѣмъ какъ свѣтскія лица носятъ остроконечныя персидскія шапки изъ овчины.

случайностямъ, и съ этого времени постоянно водилъ за собою этого не только ученаго, но и умнаго перса. Не лишено вѣроятія, что этотъ ревностный ші'итъ приподнесъ ему необходимыя дипломатическія основанія, для того, чтобы выставить его хищническій походъ на Багдадъ въ лучшемъ свѣтѣ; хотя впрочемъ монголу нечего было учиться у перса, какъ сначала погладить несчастнаго халифа Мустá'сима бархатной лапкой, чтобы потомъ во время начатыхъ переговоровъ о мирномъ окончаніи дѣла официально признать его неправымъ. Мы помнимъ какъ передъ наступающей грозой Мустá'симъ, подобно гибкому тростнику, сейчасъ же неудержимо сталъ колебаться изъ одной стороны въ другую, не будучи въ состояніи собраться къ мужественной оборонѣ или принудить свою аббасидскую гордость, не имѣвшую никакой внутренней опоры, къ безусловной покорности. Большія приготовленія, сдѣланныя Ху́лагу, были бы вовсе не нужны для того, чтобы этотъ главный ударъ достигъ своей цѣли. Монгольскія войска, стоявшія въ Румѣ, были созваны, между тѣмъ какъ самъ ханъ направился изъ Хамадана на Багдадъ. 10 Мухаррема 656 (17 янв. 1258), въ 1½ мили къ западу отъ столицы, войско халифа было разбито и разсѣяно отрядомъ монголовъ, двигавшимся на правой сторонѣ Тигра, вверхъ по его теченію, а на слѣдующій день самъ Ху́лагу съ своими главными силами расположился лагеремъ на востокѣ прежней резиденціи Аббасидовъ. Еще три недѣли прошли попеременно, то въ переговорахъ, то въ отдѣльныхъ битвахъ; несчастному потомку могущественнаго Мансу́ра пришлось играть самую жалкую роль, какую только можно себя представить: онъ находился между возбужденнымъ населеніемъ, своими войсками, во всякомъ случаѣ обреченными на гибель, и ужаснымъ притѣснителемъ у воротъ, воины котораго уже захватывали одинъ кварталъ города за другимъ. Когда, наконецъ, послѣдніе защитники сдѣлали послѣднюю напрасную попытку пробиться черезъ татарскую стражу, Мустá'симъ предалъ себя и своихъ окружающихъ въ руки Ху́лагу (4 Сафара—10 февр.). Подобно послѣднему предводителю ассасиновъ, въ которыхъ нѣкогда страшно выразилась алидская оппозиція противъ аббасидскаго халифата, теперь и послѣдній халифъ встрѣтилъ какъ-будто даже ласковый пріемъ въ монгольскомъ станѣ, пока не выдалъ завоевателю своихъ оберегаемыхъ сокровищъ, какъ тотъ своихъ крѣпостей. Монголы несомнѣнно больше, чѣмъ какіе-либо другіе народы, находили удовольствіе въ избіеніи людей; но тамъ, гдѣ это было полезно, они съ мудрымъ самообладаніемъ откладывали это наслажденіе до того времени, когда имъ удавалось страхомъ извлечь изъ своихъ жертвъ все, что могло послужить къ ихъ пользѣ. Всѣ знали, что прадѣдъ Мустá'сима, Насиръ, накопилъ громадное количество золота въ теченіе своего 46 ти лѣтняго правленія, и что

по крайней мѣрѣ большая часть его должна еще существовать. Когда, черезъ нѣсколько дней послѣ сдачи, Хулагу въѣхалъ въ городъ и устроилъ для своихъ приближенныхъ пиръ во дворцѣ халифа, то велѣлъ привести къ себѣ Муста'сима и любезно шутя сказалъ: «Ты здѣсь—хозяинъ, мы—гости; ну, что есть у тебя насъ достойнаго (въ смыслѣ подарка гостямъ)?» Халифъ такъ дрожалъ отъ страху, что не могъ отличить ключей, которые ему показали; наконецъ, онъ былъ въ состояніи отпереть нѣкоторыя изъ своихъ казнохранилищъ, содержимое которыхъ «гость» немедленно велѣлъ подѣлить между своими окружающими. Затѣмъ онъ продолжалъ, вѣрно уже болѣе строгимъ голосомъ: «Вся твоя собственность, находящаяся на поверхности земли, всѣмъ извѣстна и принадлежитъ моимъ слугамъ; ту же, что спрятана, укажи, какова она и гдѣ находится?» Муста'симъ сознался въ существованіи потайнаго золотого дна въ самомъ дворцѣ, и тотчасъ наведенныя справки показали, что въ указанномъ мѣстѣ дѣйствительно зарыто аббасидское фамильное сокровище, кучи большихъ слитковъ золота, о полезномъ примѣненіи которыхъ, напр. для найма войска противъ монголовъ, несчастный халифъ никогда, кажется, не помышлялъ. Во всякомъ случаѣ, теперь все это было забрано, все, находившееся во дворцѣ, было переписано, и 700 женъ и 1000 евнуховъ гарема были уведены. На другой день всѣ сокровища принесли въ лагерь и соорудили изъ нихъ гору около палатки хана; въ то же время главныя зданія столицы халифовъ, величественной несмотря на свое паденіе (оно началось уже нѣсколько столѣтій тому назадъ), особенно мечеть, въ которой нѣкогда обладатели полуміра давали направленіе и силу всему исламскому богопочитанію, были преданы пламени, равно какъ и могилы Аббасидовъ. Зато теперь, по крайней мѣрѣ, пріостановились убійства и грабежъ, ибо, какъ вѣрно и добродушно замѣтилъ Хулагу, «владычество надъ Багдадомъ принадлежитъ теперь намъ, жители могутъ спокойно оставаться на своихъ мѣстахъ и каждый приниматься за свое дѣло». Кто избѣгъ меча, теперь получалъ безопасность, между тѣмъ какъ халифъ и всѣ его приверженцы какихъ только могли поймать, были казнены 14 Сафара (20 февр.). Но вмѣстѣ съ паденіемъ старой династіи пали и послѣдніе остатки прежняго величія, которое все же оставалось за Багдадомъ. «Городъ спасенія» сдѣлался средоточіемъ запустѣнія; лишенный большинства своихъ жителей, низведенный со старинной степени столицы ислама, лишенный источниковъ своего богатства, онъ и теперь еще остается краснорѣчивымъ памятникомъ ужаснѣйшаго бѣдствія, какое когда-либо постигало цвѣтущую четырехсотлѣтнюю цивилизацію.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Ильханы и мамлюки.

Паденіе Багдада было началом паденія ислама, того ислама, по крайней мѣрѣ, который на почвѣ первыхъ своихъ завоеваній поднялъ духъ всѣхъ народовъ и во многихъ отношеніяхъ оказалъ все-таки благодѣтельное вліяніе на ихъ матеріальное и духовное развитіе. Матеріальная и духовная жизнь, въ настоящемъ значеніи этого слова, были вообще еще возможны только тамъ, гдѣ никогда не раздавался топотъ татарскихъ коней — мы уже раньше говорили объ этомъ — или гдѣ своевременное и добровольное подчиненіе избавляло страну по крайней мѣрѣ отъ самыхъ ужасныхъ бѣдствій. Но даже эти страны, которыя отнынѣ являются настоящими носителями исламскаго духа, (Египетъ и отчасти Сирія—арабскаго элемента, западная часть Малой Азіи—турецкаго, Фарсъ и нѣкоторые сосѣдніе округа—персидскаго), касаясь въ своей исторіи эпохи татарскаго завоеванія, рѣзко разграничиваютъ прошедшее отъ будущаго. Недаромъ персидская беллетристика, столь сильно процвѣтавшая въ VI-мъ (XII-мъ) вѣкѣ, рѣзко прерывается между концомъ VII-го (XIII-го) и VIII-мъ (XIV-мъ)*; и когда позднѣе въ Ширазѣ, хотя сколько-нибудь уцѣлѣвшемъ отъ опустошенія, благодаря не очень мужественной, но умной политикѣ своихъ атабеговъ, явился величайшій изъ позднѣйшихъ писателей, Хâфизъ, а впоследствии при Тимуридахъ и Сефевидахъ и въ другихъ мѣстахъ снова показались молодые побѣги поэзіи, то все это были благопріобрѣтенія стараго времени, которыя принимали различные образы, но не представляли чего-либо новаго, въ смыслѣ выраженія новыхъ идей. Правда, мы уже отдали себѣ отчетъ въ томъ, что собственно говоря сила ислама стала изсякать уже во времена сельджуковъ. Но время монгольскаго владычества совершенно уничтожило для мухаммеданства

*) Джелаль адъ-динъ Румій и другіе суфійскіе поэты этого времени не доказываютъ противнаго; напротивъ того, они какъ разъ свидѣтельствуютъ о бѣдствіяхъ своей эпохи подобно какому-нибудь Павлу Герхардту въ Тридцатилетней войнѣ.

возможность того, что такъ часто встрѣчается въ другихъ культурныхъ обществахъ, а именно: даже уменьшающаяся культура можетъ снова возвыситься или по крайней мѣрѣ допускать, чтобы доцвѣтающая цивилизація приносила прекрасные плоды. Съ этого времени міросозерцаніе исламскихъ народовъ остановилось на томъ пунктѣ, какого оно достигло въ началѣ VII-го (XIII-го) столѣтія и въ теченіе вѣковъ совершенно застыло; а если турки и отличились еще въ многочисленныхъ войнахъ и призывахъ къ войнѣ, а отчасти достигли и блестящихъ внѣшнихъ успѣховъ, то все же нигдѣ не было дѣйствительнаго движенія, а тѣмъ болѣе усовершенствованія внутренней жизни. Единственное исключеніе представляла Индія, гдѣ различныя обстоятельства, и прежде всего неизбѣжное вліяніе очень своеобразной національности, породили своеобразную и новую образованность, которая однако до сихъ поръ не выказала себя долговѣчной.

И дѣйствительно, почти въ тотъ самый моментъ, когда монгольство вмѣстѣ съ завоеваніемъ Багдада, казалось, сдѣлало рѣшительный шагъ къ окончательному разгрому исламскихъ династій, былъ положенъ предѣлъ дальнѣйшимъ успѣхамъ кочевниковъ. Войску Хулагу удалось сдѣлать набѣгъ еще и на Сирію, но на весьма непродолжительное время: уже въ Палестинѣ они потерпѣли первое серьезное пораженіе въ борьбѣ съ бахритскими мамелюками Египта и всѣ многочисленныя попытки хана и его потомковъ напасть на эту провинцію и присоединить её къ своему царству были неудачны. Ибо послѣ того, какъ братья Мангу-Хана были отосланы на западъ и юго-востокъ за предѣлы монгольскаго царства, на нѣкоторое время остановилось и то могущественное движеніе народовъ, которое за пятьдесятъ лѣтъ до этого находилось подъ руководствомъ одного Чингизь-Хана и поэтому было непобѣдимо. Мы, правда, слышимъ, что братъ и преемникъ Мангу, великій ханъ Хубилай (657—693=1259—1294) въ 661 (1263 г.) еще разъ послалъ Хулагу подкрѣпленіе въ числѣ 30000 человекъ; но одновременно съ этимъ онъ далъ ему титулъ Илъ-Хана «повелителя народа», чѣмъ и призналъ его во всемъ существующемъ самостоятельнымъ государемъ Персіи и всѣхъ остальныхъ странъ къ западу отъ Оксуса. Хулагу и, по крайней мѣрѣ, ближайшіе изъ слѣдующихъ за нимъ Илъхановъ (мы также обыкновенно называемъ такъ государей изъ дома Хулагуидовъ) официально были подчинены верховной власти великаго хана, но тѣмъ не менѣе уже самый способъ дарованія этого лена свидѣтельствовалъ о ихъ фактической независимости; къ тому же независимость эта сдѣлалась еще болѣе неприкосновенна, когда потомки Джагатая, одного изъ сыновей Чингизь-Хана, жившіе между западомъ и резиденціей великаго хана, всевозможнымъ неподчиненіемъ отравляли существованіе цент-

ральной власти и такимъ образомъ уже въ этомъ мѣстѣ прерывали единство всего царства. Но если, согласно этому, Ильханы и пользовались почти что неограниченной властью, зато отнынѣ они были предоставлены только своимъ собственнымъ силамъ, и какъ только первое ихъ пораженіе постепенно уничтожило паническій страхъ передъ монгольскимъ именемъ, они стали на одну ступень съ другими государствами, которыя отчасти еще сохранились у ихъ границъ, отчасти образовались около этого времени. Основные черты этой системы государствъ восходятъ ко времени назначенія сыновей Чингиз-Хана начальниками извѣстныхъ частей войска и вмѣстѣ съ тѣмъ и обладателями занимаемыхъ ими мѣстностей. Изъ преемниковъ ихъ наследники Джагатай заняли округа къ югу отъ Алтая, страну уйгуровъ, Кашгаръ съ Яркендомъ и Хотаномъ, Трансоксанію и округа Балха, Газны и Седжестана; сыновья Джучи поселились въ Россіи и къ сѣверу отъ Каспійскаго моря (Кипчакское царство *), или «Золотая Орда»). Если, по мѣрѣ все большаго отпаденія отъ государства великаго хана отдѣльныхъ его частей, отношенія этихъ двухъ къ Ильханамъ не всегда были миролюбивы, то тѣмъ труднѣе было направить всѣ свои силы на западъ; а если, кромѣ того, принять во вниманіе, до какой степени царство, несмотря на свои большіе размѣры, не могло, вслѣдствіе предшествующаго разоренія почти всѣхъ провинцій, по крайней мѣрѣ въ финансовомъ отношеніи, оказаться производительнымъ, то понятно, что для остановки дальнѣйшаго движенія Ильхановъ достаточно было сравнительно небольшихъ силъ египетскихъ мамелюковъ. Благодаря такому положенію, монгольскимъ государямъ, несмотря на всю покорность послѣднихъ сельджукскихъ султановъ Иконіи, не удалось удержать за собою всей Малой Азіи: напротивъ того, предводители отрядовъ, стоявшіе всего ближе къ византійской границѣ, и начальники различныхъ туркменскихъ и другихъ турецкихъ племенъ очень скоро выродились въ болѣе чѣмъ полусамостоятельныхъ князей, которые сумѣли совершенно отклонить всякое вліяніе Ильхановъ на западную половину полуострова. Если мы видимъ, что среди этихъ малоазійско-турецкихъ мелкихъ владѣтелей уже до конца VII-го (XIII-го) вѣка выдвигается племя османовъ, то мы уже знаемъ, что какъ въ Египтѣ и Сиріи, такъ и въ Малой Азіи турки долго будутъ противиться монголамъ.

Но и это отраженіе варварскихъ непрошенныхъ гостей послужило, правда, довольно мало ко благу ислама. Управители Египта, Сиріи и Малой Азіи отнынѣ и навсегда были турки, т. е. они, собственно

*) Ср. выше стр. 145 прим. 1. Для исторіи Золотой Орды см. Шиманна „Россія, Польша и Лифляндія“ (Allg. Gesch. in Einzeldarstellungen № 90—92) стр. 163 ff.

говоря, пряли ту-же нить, какую и монголы, только другого номера. Не столь падкіе къ поголовнымъ избіеніямъ какъ тѣ, турки, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ державшіе себя даже довольно доброжелательно по отношенію къ смиреннымъ подданнымъ, были вполне на своемъ мѣстѣ, гдѣ дѣло шло о возстановленіи или поддержаніи внѣшняго порядка; но все же въ другомъ отношеніи они оказали на внутренней характеръ ислама столь же пагубное вліяніе, какъ и ихъ противники-варвары. Мы хорошо знаемъ одно свойство турокъ—ихъ ограниченность въ общихъ вопросахъ, которая въ отдѣльныхъ случаяхъ вполне допускаетъ довольно большую дипломатическую ловкость, но мѣшаетъ имъ понимать нужды обширнаго государства и, въ силу слѣпой привязанности ихъ къ преданіямъ суннитскаго толка, заставляетъ относиться враждебно ко всякому проявленію самостоятельнаго мышленія. Монголы разрушаютъ города и избиваютъ жителей; подъ владычествомъ же турокъ первые падаютъ, а у вторыхъ постепенно изсякаютъ источники благосостоянія, равно какъ живые источники духовнаго прогресса. Соотвѣтственно этому въ то время, какъ быстрое возвышеніе турецкаго племени (тогда оно уже подготавливалось), при своихъ неожиданныхъ большихъ захватахъ въ Европѣ, вводило въ систему европейскихъ государствъ почти исключительно разрушительные элементы, враждебные всякой культурѣ, это племя и въ Азій и въ сѣверной Африкѣ ведетъ исламъ единственно къ ряду внѣшнихъ успѣховъ, которые ничего не могутъ измѣнить въ печальныхъ послѣдствіяхъ монгольской эпохи. Отсюда проистекаютъ та полная пустота и то безплодіе, которыя являются отличительною чертою въ исторіи мухаммеданства слѣдующихъ столѣтій. Внѣшнія войны и внутреннія возстанія въ царствѣ Ильхановъ и мамелюковъ, равно какъ позднѣе у османовъ, смѣняютъ другъ друга подобно тому, какъ это раньше было между халифами и султанами; но какъ-бы ни видоизмѣнялись при этомъ частности, въ общемъ не измѣнялись ни общія формы проявленія ислама, ни судьба подданныхъ, которые то тутъ то тамъ, благодаря особымъ обстоятельствамъ, правда, иногда создавали себѣ до нѣкоторой степени пріятное существованіе, но подъ гнетомъ деспотичныхъ и беспощадныхъ государей медленно погружались все въ болѣшую бездѣятельность, даже неподвижность. Постоянный упадокъ на время задерживался только благодаря одному благодѣтельному вліянію, которое крестовые походы оказали не только на Европу, но и на Востокъ, хотя и не въ такой большой степени. Я разумѣю начало торговыхъ сношеній между большими итальянскими республиками и странами Востока, которыхъ главными средоточіями, даже и послѣ изгнанія франковъ изъ Палестины и Сиріи, были и остаются до начала новой исторіи, съ одной стороны—Кипръ и мусульманская Але-

ксандрія, съ другой стороны — Константинополь *). Только въ виду этого становится понятнымъ относительно благоприятное вѣдшее положеніе Египта при столь дикомъ и ежеминутно подверженномъ опаснымъ содроганіямъ государственномъ управленіи, какое являетъ собою господство мамелюковъ, и невѣроятная продолжительность этого послѣдняго въ теченіе болѣе двухъ съ половиною столѣтій; точно также несомнѣнно, что Персія находила выгоду въ торговлѣ, которая между Каспійскимъ моремъ и Азовомъ и другими мѣстностями на Черномъ морѣ сосредоточивалась главнымъ образомъ въ рукахъ генуэзцевъ. Только два великихъ событія, почти совпавшія другъ съ другомъ съ времени, а именно — открытіе воднаго пути въ Индію (1498) и завоеваніе Константинополя османами (1453) прекратили эти сношенія и ускорили экономическое паденіе Востока, равно какъ паденіе Генуи и Венеціи.—Менѣе важны, хотя сами по себѣ довольно характерны были политическія сношенія между Западомъ и Востокомъ, которыя идутъ на ряду съ вышеуказанными торговыми сношеніями, хотя и не имѣютъ къ нимъ прямого отношенія. Мы уже указали на то положеніе, какое монголы заняли по отношенію къ религіямъ подчиненныхъ имъ народовъ. Первые Ильханы, которые были язычниками и съ высоты своего величія одинаково равнодушно взирали на исламъ и христіанство, были очень заняты мыслью послать противъ мухаммеданскихъ турокъ Египта не только давно подчинившагося имъ короля Малой Арменіи, но и находившіеся въ сношеніяхъ съ нимъ послѣдніе передовые посты христіанства въ Сиріи. Правда, со времени неудачи крестовыхъ походовъ Людовика Святого, могущество франкскихъ рыцарей не могло больше внушать опасенія; однако оно могло-бы оказать значительную пользу военной политикѣ Хулагу и его преемниковъ противъ мусульманъ, если-бы рыцарямъ тотчасъ не было ясно, что борются противъ турокъ съ такими союзниками-варварами на самомъ дѣлѣ то-же, что изгонять бѣса силою Вельзевула. Къ чести ихъ будь сказано, они скоро отказались отъ сообщества съ монголами **), хотя впрочемъ и оно не избавило-бы ихъ отъ безусловнаго подчиненія послѣднимъ. Несмотря на это, изъ совмѣстной

*) Эти отношенія, поскольку они касаются Запада, очень подробно изложены въ прекрасномъ сочиненіи W. Heyd, *Geschichte des Levantehandles*, 2 Bände, Stuttgart 1879. Авторъ, столь-же ученый, сколько предусмотрительный, почерпалъ и изъ восточныхъ источниковъ все, что только было ему хоть сколько-нибудь доступно, но все же слѣдуетъ еще точнѣе изслѣдовать вліяніе этихъ сношеній на экономическія условія Востока. Но опять-таки и для этого необходимо будетъ изданіе дальнѣйшихъ арабскихъ и персидскихъ текстовъ въ оригиналѣ.

**) Ср. Куглеръ, *Исторія крестовыхъ походовъ*, изд. Л. Ф. Пантелѣва.

противоположности язычниковъ и христіанъ къ исламу возникли постоянныя дипломатическія сношенія между папами и королями Англіи и Франціи, съ одной стороны, и Ильханами—съ другой. Правда, изъ этого вышло также мало (рвеніе къ крестовымъ походамъ теперь на западѣ улетучилось), какъ въ свое время изъ сношеній Аббасидовъ съ франками или позднѣе венеціанцевъ съ Акъ-Коюнлу, но начала этой обширной міровой политики очень интересны; она продолжается и до сихъ поръ и проявляется въ стремленіи русскихъ оказывать вліяніе на персовъ, чтобы въ случаѣ надобности имѣть ихъ союзниками въ борьбѣ съ Турціей.

Послѣ завоеванія Багдада Хулагу (царств. 656—663=1258—1265) предварительно вернулся въ Хамаданъ, а отсюда отправился черезъ Мерату въ Тебризъ, главный городъ Азербейджана, который отнынѣ въ теченіе бѣльшей части года сдѣлался резиденціей Ильхановъ. Монголы не привыкли къ жаркому климату Персіи и Ирака и потому во время своихъ военныхъ походовъ держались по возможности сѣверныхъ частей разоряемыхъ странъ; въ этомъ, едва ли менѣе, чѣмъ въ соотвѣтствующемъ требованіямъ того времени подчиненіи находящихся здѣсь государей, кроется причина того, что южная Персія была менѣе наводнена варварами, чѣмъ Хорасанъ, Мидія и Кавказскія владѣнія. Подобно тому, какъ и въ настоящее время шахъ въ жаркое время года покидаетъ душный Техеранъ и избираетъ для лѣтняго мѣстопробыванія тѣнистыя горы, такъ и Ильханы мѣняли мѣстожительствва, смотря по времени года: проводя все лѣто въ Тебризѣ или Мерата, позднѣе и въ Султаніи (это была любимая резиденція позднѣйшихъ монгольскихъ государей, заложенная въ 689 (1290) г. внукомъ Хулагу, Аргунемъ, въ мѣстности между Казвіномъ и Зенджаномъ), а зиму въ болѣе тепломъ Багдадѣ, они въ этомъ остались вѣрны кочевымъ привычкамъ своего племени. Въ то время, какъ полководцы Хулагу довершали подчиненіе ближайшихъ къ Багдаду округовъ и укрѣпляли власть новаго завоевателя по направленію къ Грузіи, Хулагу располагался въ своей столицѣ и принималъ, отчасти уже по дорогѣ, присягу нѣкоторыхъ мусульманскихъ князей, которые отказались отъ всякаго сопротивленія. Сынъ атабега, Абу-Бекръ Фарскій, явился тутъ вторично, а потомъ оба сельджука, Исъ адъ-динъ и Рукнъ адъ-динъ, которые, смотря по усмотрѣнію монголовъ, попеременно или одновременно фигурировали въ Румѣ въ качествѣ султановъ, и девяностолѣтній государь Мосула, Бедръ адъ-динъ Лулу. Исъ адъ-динъ выказалъ величайшую способность къ низкой лести: зная, что Хулагу не хорошо отзывался о немъ, онъ подарилъ ему пару цѣнныхъ туфель, на подошвѣ которыхъ было выткано его изображеніе, такъ что получившій подарокъ невольно увидѣлъ портретъ

Исъ адъ-дина. «Это—надежда раба», прибавилъ подноситель, «на то, что падишахъ *) своею милостивою ногою захочетъ возвысить раба **).»

Большаго не могъ требовать даже монголь, и недаромъ Хулагу съ нѣкоторыхъ поръ находился въ обществѣ образованныхъ персовъ, которые сумѣли научить его тонкости такихъ остротъ. Впрочемъ, все же должно сказать о немъ, что и въ другихъ отношеніяхъ сношенія съ ними не пропали даромъ. Хотя и онъ, и первые его преемники, и большинство его соплеменниковъ оставались еще язычниками, но они все же восприняли кое-что изъ персидской культуры. Прежде всего ихъ привлекала астрологія, которая давно уже была въ почетѣ у персовъ и которую кромѣ того цѣнили уже Чингизъ-Ханъ. Еще въ настоящее время ни одно важное или государственное дѣло въ Персіи не происходитъ иначе, какъ въ день и часть, назначенный придворными астрологами, какъ предвѣщающій счастье; такъ было уже и при Ильханахъ. Ученый Насиръ адъ-динъ былъ астрологъ, и это было, вѣроятно, его лучшей рекомендаціей; первое же большое общественное зданіе, воздвигнутое Хулагу одновременно съ своими собственными дворцами, была обсерваторія, руководство которой было предоставлено Насиру, причемъ въ ней занимались съ пользою и болѣе серьезной, родственной ей наукой, астрономіей. Вообще изъ всѣхъ мирныхъ занятій монголы имѣли всего болѣе способностей къ зодчеству; объ этомъ свидѣтельствуетъ, какъ надгробная мечеть одного изъ правнуковъ Хулагу, Газана, въ Султаніи, такъ и подобныя же памятники мамелюковъ, великія постройки Тимура и его потомковъ и прекрасныя созданія турецкихъ султановъ и монгольскихъ государей Индіи. Во всемъ остальномъ Хулагу былъ такой же дикій варваръ, какъ и дѣдъ его, Чингизъ-Ханъ; читая рассказы мусульманскихъ историковъ объ опустошеніяхъ, произведенныхъ его толпищами въ Багдадѣ, и о тѣхъ изъ нихъ, которыя они только что готовились повторить въ Месопотаміи и Сиріи и слушая про тѣ жестокости, которыя приписываютъ ему самому, не находишь никакой разницы съ предшествующимъ временемъ; только слѣдующее поколѣніе монголовъ умѣряется до тона простой грубости, обычнаго и у турокъ. Хулагу не долго колебался послать свои побѣдоносныя войска для дальнѣйшихъ завоеваній. Устроивъ въ сѣверныхъ провинціяхъ все по своему желанію, онъ въ 658 (1260) г. пошелъ на Сирію че-

*) П а д и ш а х ъ—персидское слово; первоначально оно значило „защитающая ий (или могущественный) царь; турки въ числѣ безчисленнаго множества другихъ арабскихъ и персидскихъ словъ заимствовали и это и до сихъ поръ употребляютъ его въ связи съ именемъ султана.

**) Т. е. облагородить его тѣмъ, что, нося эти туфли, онъ при хожденіи топчетъ его изображеніе.

резь Месопотамію. Въ послѣдней онъ оставилъ особое войско, которое въ теченіе этого и двухъ слѣдующихъ лѣтъ покорило всѣ маленькія княжества этой страны. Надо отдать справедливость Эйюбидамъ, въ рукахъ которыхъ находилось большинство изъ нихъ: они защищались, насколько могли; но, согласно монгольскому обыкновенію, крѣпости, взятая силою, тѣмъ болѣе жестоко разрушались, а жители избивались. Та-же участь постигла Мосуль, который послѣ смерти Бедръ адъ-дина (657=1259), послѣ нѣсколькихъ столкновеній возсталъ при сынѣ его, Меликѣ Салихѣ: въ 660 г. (1262) его взяли приступомъ и поступили съ нимъ самымъ жестокимъ образомъ. Теперь онъ подчинился непосредственной власти завоевателей; между тѣмъ Ортокиды Маридина добровольнымъ подчиненіемъ спасли свое маленькое владѣніе, управленіе которымъ не было у нихъ отнято. Тѣмъ временемъ Хулагу перешелъ съ своимъ главнымъ войскомъ черезъ Евфратъ и дошелъ до Халеба. Городъ этотъ, въ крѣпости котораго начальствовалъ Эйюбидъ Меликъ Муаззамъ, мужественно защищался, но скоро былъ взятъ и разоренъ; затѣмъ войско пошло далѣе къ югу, гдѣ испуганные турецкіе полукнязья едва смѣли помышлять о сопротивленіи. Однако уже вскорѣ послѣ паденія Халеба неожиданное извѣстіе остановило побѣдоносное шествіе завсевателя: великій ханъ Мангу скончался (657=1259), и Хулагу, который, какъ братъ его, могъ претендовать на высочайшій санъ въ монгольскомъ царствѣ, счелъ необходимымъ самолично отправиться на востокъ. Такимъ образомъ онъ удалился съ частью войска, предоставивъ своему полководцу, Кетбогъ, увеличивать уже достигнутые успѣхи. Правда, уже въ Тебризѣ дошло до Хулагу извѣстіе о томъ, что великимъ ханомъ избранъ братъ его Хубилай (согласно государственному устройству, утвержденному Чингизъ-Ханомъ, выборъ принадлежалъ начальникамъ племенъ, но долженъ былъ падать на кого-нибудь изъ царствующей династии), и ему нечего было думать о томъ, чтобы оспаривать у него престолъ. Такимъ образомъ онъ началъ приготовленія къ обратному походу въ Сирію, куда его настоятельно требовали обстоятельства, о которыхъ мы сейчасъ упомянемъ, какъ вдругъ возгорѣвшаяся ожесточенная борьба между нимъ и двоюроднымъ братомъ его, Берекамъ, сыномъ Джучи и ханомъ Кипчака, заставила его направить свое оружіе на сѣверъ. Хотя междоусобныя войны строго запрещались домашними законами Чингизъ-Хана, но и здѣсь сила обстоятельствъ оказалась сильнѣе воли одного давно умершаго человѣка. Война между двумя двоюродными братьями возгорѣлась изъ-за узкой пограничной полосы, которую Кавказъ, подступая къ Каспійскому морю, оставляетъ около Дербента, и по обѣ стороны которой простирается территорія Ширвана. Противники и безъ того не

были расположены другъ къ другу: Берекáй, уже тогда принявшій исламъ, не одобрилъ жестокаго обращенія Хулагу съ мусульманскимъ населеніемъ запада, различнаго рода личности ухудшили эти отношенія, и, наконецъ, изъ-за обладанія Ширваномъ и Арраномъ дѣло дошло до открытой борьбы. Въ 660 и 661 г. (1262-3) она велась съ попере-мѣннымъ счастьемъ; затѣмъ переходъ Хубилая на сторону Хулагу заставилъ кипчакскаго хана отступить; но тѣмъ временемъ возможность распространенія монгольскаго владычества на Сирію и Египетъ была давно потеряна.

Правда, сначала и послѣ удаленія Хулагу дѣла сирійскаго войска подъ начальствомъ Кѣт боги шли совсѣмъ хорошо. Хотя, за исключеніемъ нѣсколькихъ единичныхъ случаевъ, ассасины отказались передать свои крѣпости монголамъ, но зато въ остальной Сиріи едва ли кто-либо осмѣливался помышлять о сопротивленіи. Большинство мелкихъ эйюбидскихъ князей бѣжало или сдавалось безъ дальнѣйшихъ разсужденій; тѣ, кто предпочли послѣднее, въ награду за это утверждались въ своихъ владѣніяхъ на правахъ ленныхъ владѣтелей Хулагу. Меликъ Насиръ Дамасскій попытался собрать войско, но попытка эта не удалась, благодаря ненадежности его эмировъ; самъ онъ беспомощно скитался по странѣ, скоро былъ пойманъ и вмѣстѣ со многими родственниками отправленъ къ Хулагу въ Тебризъ. Кре-стоносцы Антиохіи и другихъ прибрежныхъ городовъ вплоть до Акки, въ концѣ концовъ, держали себя, по крайней мѣрѣ, нейтрально; но теперь, вскорѣ по взятіи Дамаска безъ кровопролитія, изъ Египта пришло извѣстіе, что бахритъ Котузъ съ значительнымъ войскомъ изъ своихъ товарищей-мамелюковъ, въ числѣ ихъ и внушающій страхъ Бейбарсъ, находится на пути въ Палестину, чтобы остановить наступательное движеніе татаръ. Монгольскіе послы, посланные впередъ, приглашали и его подчиниться, но вмѣсто отвѣта онъ велѣлъ казнить ихъ въ Каирѣ: теперь должна была завязаться борьба не на жизнь, а на смерть. Въ пятницу 25 Рамадана 658 (3 сентября 1260) при Айнѣ Джалутъ *) позднѣйшая участь ислама рѣшилась въ пользу турокъ. Въ началѣ битвы счастье было, казалось, на сторонѣ монголовъ, но въ концѣ оно измѣнило имъ; Кѣт-бога потерпѣлъ полное пораженіе, самъ былъ пойманъ и, по приказанію Котуза, казненъ. Монгольское войско было распущено, остатки его спаслись бѣгствомъ на ту сторону Евфрата, вся Сирія стала добычей побѣдоносныхъ мамелюковъ. Узнавъ о случившемся, Хулагу выместилъ весь свой гнѣвъ на пойманномъ Эйюбидѣ: онъ собственно

*) „Источникъ Голиаа“, къ западу отъ Иордана, по близости отъ Набуласа (Неапльсь, Сихемъ).

ручно убили стрѣлами несчастнаго Насира; остальные потомки Саладина, находившіеся въ плѣну въ Тебризѣ, были также убиты. Напротивъ того, въ Сиріи пришлось поплатиться именно тѣмъ, кто былъ заодно съ монголами, особенно христіанамъ Дамаска, которые во время осады города монголами позволяли себѣ грубыя выходки въ отношеніи къ мусульманамъ. Эйюбидскіе государи Химса и Хамата остались на своихъ мѣстахъ, но въ качествѣ вассаловъ Котуза; въ другіе египетскіе округа Котузъ назначилъ новыхъ намѣстниковъ изъ среды мамелюковъ и другихъ уважаемыхъ людей; къ сожалѣнію онъ при этомъ сдѣлалъ ошибку, обойдя своего строгаго товарища Бейбарса, храбрость котораго въ битвѣ, наравнѣ съ поведеніемъ Котуза, были главною причиною успѣха. Бейбарсъ отнюдь не былъ склоненъ терпѣть дурное обращеніе. Въ то время какъ султанъ, увѣнчанный побѣдой, возвращался въ Каиръ, добрые граждане котораго изливали свою радость по поводу избавленія отъ монгольскаго злого духа въ обширныхъ приготовленіяхъ къ торжественному приему Котуза, на послѣдняго по дорогѣ, около самаго Каира, напали заговорщики съ обиженнымъ предводителемъ во главѣ, который сумѣлъ подбить еще двухъ, также недовольныхъ эмировъ, и теперь принялъ участіе въ убіеніи уже втораго египетскаго султана. Безъ всякаго сомнѣнія Бейбарсъ былъ самымъ храбрымъ и грубымъ изъ всѣхъ грубыхъ и храбрыхъ мамелюкскихъ эмировъ: такимъ образомъ офицеры и войска сейчасъ-же признали его надлежащимъ человѣкомъ для пополненія пробѣла, имъ же созданнаго, и черезъ нѣсколько дней онъ могъ уже торжественно въѣхать въ столицу Египта, причемъ добрые жители Каира не преминули посвятить ему всѣ тѣ торжества, которыя были предназначены для Котуза.

Съ Бейбарса (658—676=1260—1277) начинается рядъ такъ называемыхъ бахритскихъ (стр. 182), мамелюкскихъ султановъ Египта, которые почти въ теченіе 150 лѣтъ управляли этою страной и всею Сиріей *). Эти рабы, ставшіе государами, не представляютъ отраднаго зрѣлища. Однако, имѣвъ только что дѣло преимущественно съ монголами, перестаешь быть притязательнымъ; поэтому я охотно признаю, что эта династія, въ началѣ столь же коварная и своевольная, насколько впоследствии жалкая и опустившаяся, все-таки въ лицѣ многихъ своихъ представителей не выказала себя столь

*) Съ моей стороны было непростительнымъ lapsus calami (быть можетъ, его можно извинить только его чудовищностью) сказать (II, 336), что Дамаскъ со временъ Фатимидовъ и до нашихъ дней не видѣлъ больше ни одного египетскаго намѣстника. Напротивъ того, онъ, какъ и вся Сирія, съ 658 (1260 г.) до османскаго завоеванія (922=1516) находился почти исключительно подъ египетскимъ владычествомъ.

непригодной, какими сейчас же выкажут себя почти все Ильханы Персии. Самъ Бейбарсъ, безъ сомнѣнiя, былъ мошенникъ, и, во всякомъ случаѣ, не малой руки. Изъ всѣхъ тѣхъ низостей, которыя можно ожидать отъ такого человѣка какъ онъ, т. е. грубаго и насильственного, притомъ измѣнническаго и коварнаго солдата, едва ли найдется такая, которую бы онъ не совершилъ (хотя, разумѣется, для вѣчнаго спасенiя души, и въ глазахъ близорукой милой публики онъ былъ благочестивый суннитъ, правовѣрие котораго не подлежало сомнѣнiю); но онъ обладалъ государственными талантами, и не въ малой степени, а такъ какъ упреки совѣсти, часто препятствующiе дѣлу, были ему совершенно незнакомы, то успѣхи его вполне оправдывали гордый титулъ Аль-Меликъ азъ Захиръ «побѣждающiй король», который онъ носилъ, сдѣлавшись султаномъ. Первой его заботой было прочно присоединить къ своимъ владѣнiямъ все сдѣланныя въ Сирии завоеванiя. Всякаго намѣстника или эйюбидскаго князя, которому султанъ не совсѣмъ довѣрялъ—а возбудить его недовѣрие было, во всякомъ случаѣ, не трудно—онъ насильственно устранилъ или завлекалъ въ какую-нибудь ловушку. Послѣднее мѣсто, сохранившее еще до нѣкоторой степени неограниченную независимость, былъ хорошо укрѣпленный Каракъ, гдѣ распорядился Эйюбидъ, Меликъ Мугисъ; Бейбарсъ завладѣлъ имъ послѣ того, какъ самыми торжественными клятвами уговаривалъ несчастнаго князя отдаться въ его руки (661=1263); согласно любимому турецкому обычаю, онъ уморилъ его голодомъ, а изъ его крѣпости сдѣлалъ государственную тюрьму для нелюбимыхъ или опасныхъ личностей, которая во все время управления мамелюковъ рѣдко оставалась пустою. Перваго аббасидскаго халифа, котораго онъ для узаконенiя его и его преемниковъ посадилъ въ Каиръ подъ именемъ Мустансира, онъ послалъ (ибо онъ принялъ свою роль слишкомъ серьезно) съ небольшимъ войскомъ въ когги Хулагу, и это подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ хочетъ помочь ему въ обратномъ завоеванiи Багдада: разумѣется, онъ, въ концѣ концовъ, оставилъ его безъ помощи, и монголы дѣйствительно доставили Бейбарсу удовольствiе — избавили его отъ этого неудобнаго человѣка (659=1261), котораго тотчасъ замѣстилъ болѣе покладистый преемникъ. Путемъ подложныхъ писемъ и другихъ подобныхъ хитростей онъ сумѣлъ такъ очернить въ глазахъ Ильхановъ одного за другимъ прежнихъ сирийскихъ и месопотамскихъ князей и эмировъ, жившихъ еще на монгольской почвѣ, что тѣ пали жертвою ихъ гнѣва, и скоро не осталось никого, чьи личныя отношенiя къ Сирии могли-бы, при случаѣ, оказаться опасными для мамелюковъ. Словомъ, какъ только кто-либо своимъ ли положенiемъ, личнымъ влiянiемъ или богатствомъ былъ на пути къ приобрѣтенiю самостоятельнаго значенiя, его устра-

няли всевозможными средствами; никто не долженъ былъ имѣть даже возможности быть опаснымъ султану. Зато хитрецъ сѣумѣлъ снискать любовь народа, а его мамелюки готовы были идти за него черезъ огонь: первую онъ поддерживалъ различными общепольными публичными садами и общественными постройками, а послѣднихъ онъ приковывалъ къ личности «побѣждающаго короля» войною и добычей. Въ общемъ это былъ злой человѣкъ и прекрасный правитель, что на Востокѣ, при несовершенствѣ государственнаго устройства, часто совмѣстимо. Всего важнѣе было то, что при немъ въ первый разъ послѣ столѣтій въ Сиріи и Египтѣ снова прекратились непрерывныя мелкія войны и быстрыя перемѣны на тронѣ, и въ странѣ водворился наконецъ порядокъ; онъ же подготовилъ и столь выгодное для процвѣтанія страны положеніе посредницы въ торговлѣ между Индіей, Аравіей и европейскими государствами. Но въ устахъ народа и эпической народной литературы могущественный султанъ остается и до нашихъ дней однимъ изъ героевъ ислама, благодаря все-таки своимъ войнамъ, и не только съ монголами, отъ которыхъ онъ позднѣе еще защищалъ Сирію и съ которыми долженъ былъ бороться въ Малой Азіи, но еще больше съ крестоносцами и христіанами Малой Арменіи. И тѣ и другіе горько заплатили за свои симпатіи и симпатіи своихъ единовѣрцевъ въ Дамаскѣ (стр. 264) къ монголамъ: извѣстно *), какъ Бейбарсъ, помимо Антиохіи (666=1268), завоевалъ одинъ за другимъ остальные города и крѣпости, принадлежавшіе еще крестоносцамъ, пока, наконецъ, въ рукахъ франковъ, помимо нѣсколькихъ замковъ, остались, собственно говоря, лишь Триполи и Акка. Напрасно велась изыскано-вѣжливая переписка между Ильханами, папами и другими европейскими владѣтелями съ цѣлью возстановленія христіанско-монгольскаго союза противъ опаснаго султана; дѣло все-таки не дошло до единодушныхъ дѣйствій; къ тому же Бейбарсъ сѣумѣлъ съ самаго начала уничтожить отпоръ съ этой стороны, вступивъ въ дружескія сношенія съ Берекаемъ Кипчакскимъ, который, какъ мусульманинъ и врагъ хулагуидовъ, охотно сталъ на сторону египетскаго государя. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, персидскіе монголы должны были радоваться, что ихъ владѣнія оставались незатронутыми, а участь послѣднихъ остатковъ королевства Іерусалимскаго, равно какъ графства Триполи, была теперь уже рѣшена, хотя окончательно завершилась еще черезъ нѣсколько десятилѣтій. Между тѣмъ и ассасины, наконецъ, должны были подчиниться мамелюку. Уже въ 664 (1265) Бейбарсъ по какому-то поводу написалъ имъ дерзкое письмо, на которое они, напуганные уничтоженіемъ ихъ товарищей въ Персіи и позднѣйшими нападеніями

*) См. подробности у Куглера, «Исторія крестовыхъ походовъ».

монголовъ на Сирію, отвѣтили изъявленіемъ покорности. Теперь у нихъ не было прежняго непоколебимаго довѣрія къ себѣ и своимъ начальникамъ, которое прежде давало имъ самоувѣренность, необходимую для приведенія въ ужасъ всѣхъ мусульманскихъ и христіанскимъ государствъ. Сначала они снизошли до того, что послали Бейбарсу дань, потомъ же участь ихъ напоминала участь Гетевского рыбака: онъ на половину тянулъ ихъ, на половину они падали, а въ 671 (1273) г. послѣднія крѣпости ихъ сдались этому слишкомъ могущественному султану. Къ сожалѣнію, продолженіе не было въ духѣ стихотворенія: и впослѣдствіи ихъ продолжали видѣть. Какъ только ихъ новый господинъ или одинъ изъ его позднѣйшихъ преемниковъ хотѣлъ избавиться отъ какого-нибудь неудобнаго врага, онъ отдавалъ соотвѣтствующее приказаніе измаилитамъ, которые въ качествѣ его вѣрныхъ подданныхъ продолжали жить въ своихъ притонахъ, и могъ быть увѣреннымъ, что въ скоромъ времени федавій (стр. 113) отправится исполнить его. Такимъ образомъ ассасины, въ послѣднее время своего существованія, были чѣмъ-то среднимъ между палачами, убійцами, тайною полиціей и находились на службѣ правовѣрныхъ турокъ-суннитовъ, владычество которыхъ они, по плану своего основателя Хассанъ Ибнъ Саббаха, должны были-бы уничтожить. Это почти такая-же милая пропія какъ то, что въ настоящее время послѣдніе представители этой секты въ Индіи и Сиріи зарабатываютъ свой хлѣбъ, занимая гражданскія должности въ качествѣ довольно честныхъ дѣловыхъ людей и почтенныхъ ремесленниковъ.

Если такимъ образомъ великому государю, уживавшемуся въ Бейбарсѣ на ряду съ великимъ воиномъ, дѣйствительно удалось слить въ одно государственное цѣлое Сирію и Египетъ, которые оставались неразрывными въ теченіе 240 лѣтъ и не единственно вслѣдствіе общаго антагонизма обѣихъ провинцій къ монголамъ и христіанамъ Месопотаміи и Малой Азіи, то все же одного онъ не могъ достигнуть,—а именно сохранить для своей семьи наследственные права на созданное имъ могущество. Ибо по своей сущности это могущество вполнѣ зависѣло отъ личности, подобно могуществу первыхъ сельджукскихъ султановъ, преемникамъ которыхъ признаніе со стороны очереднаго халифа-Аббасида никогда ни къ чему не служило, если они сами не обладали силой сохранять войско и государство въ своей власти. Поэтому совсѣмъ не удивительно, что только 4 изъ 22-хъ бахритскихъ султановъ умерли на тронѣ естественною смертію, и то одинъ изъ этихъ былъ сначала два раза свергаемъ съ престола; семеро, т. е. почти треть общаго числа, были убиты, остальныхъ 11 просто свергли, болѣею частью послѣ краткаго управленія, какъ только они начинали уклоняться отъ опеки своихъ эмировъ. Уже сейчасъ послѣ Бей-

барса эта участь постигла сына его, Меликъ Са'ида (676—678—1277—1279): онъ былъ столь же отвратительный человекъ, какъ его великій отецъ, но къ тому же совершенно неспособный справиться съ своими подданными. Тогда Килау́нъ *), самый выдающійся изъ мамелюковъ Бейбарса, заставилъ его уступить власть въ пользу одного несовершеннолѣтняго брата, а скоро устранилъ и этого послѣдняго. Позднѣйшіе султаны, за исключеніемъ небольшихъ междуцарствій съ 694—698 и 708—709 (1294—1299, 1309—1310), были изъ рода Килауна, но большею частью служили лишь игрушкою въ рукахъ дѣйствительно управлявшихъ эмировъ. Можно скорѣе считать за чудо, что при такихъ условіяхъ мамелюкское царство не распалось такъ же скоро, какъ государство Сельджуковъ. Но есть большая разница между обоими: Сельджуки были люди, мамелюкство же—учрежденіе. Войска первыхъ, подобно прежнимъ арабскимъ, въ концѣ козцовъ представляли собою совокупность племенъ различнаго происхожденія, между которыми не было сколько-нибудь крѣпкой связи и которыя распадалась тотчасъ же, какъ только не было сильнаго правителя, который держалъ бы все въ рукахъ. Не то было у мамелюковъ. Эти люди, прибывшіе издалека, большею частью увезенные въ качествѣ плѣнныхъ и проданные въ Египетъ въ ранней юности, даже въ дѣтствѣ, подобно позднѣйшимъ османскимъ янычарамъ **), не знали другой родины, кромѣ лагеря и казармъ. Тотчасъ по вступленіи въ ряды войска они подчинялись строгой дисциплинѣ и подвергались правильному обученію, причемъ каждый, какъ въ войскѣ Наполеона, имѣлъ «маршальскій жезлъ въ ранцѣ»; такимъ образомъ они скоро совершенно проникались корпоративнымъ духомъ, господствовавшимъ въ этомъ своеобразномъ обществѣ, и сливались въ одно крѣпкое цѣлое, котораго не могли разъединить ни дворцовыя революціи ни взаимныя интриги высшихъ офицеровъ и чиновниковъ. По мѣрѣ увеличенія безсилія султановъ, мамелюки сами въ концѣ концовъ начинаютъ исполнять роль правительства: подобно тому какъ янычары Константинополя имѣли обыкновеніе производить свои революціи въ Атмейданѣ, египетскіе преторіанцы Каира также имѣли для этого опредѣленное мѣсто, а именно вблизи Куббетъ анъ - Насра («побѣдной часовни»). Конечно, замѣна государственной организаціи милитаризмомъ, уже по самому существу своему склоннаго къ насиліямъ и притѣсненіямъ надъ своими гражданами и неспособнаго къ хотя сколько-нибудь дальновидной внутренней и вѣншей политикѣ, даже на Востокѣ внушаетъ серьезныя опасенія. Народъ долженъ былъ выносить этотъ неизбѣж-

*) Теперь это имя выговариваютъ Калау́нъ.

**) См. Hertzberg, Geschichte der Byzantiner und des Osmanischen Reiches (Allg. Gesch. in Einzeldarstellungen, № 79), стр. 472.

ный гнетъ, да и могъ выносить, пока торговыя сношенія съ Западомъ и Востокомъ возвышали естественное богатство страны, но подъ этимъ владычествомъ ни Египеть, ни Сирія не пошли значительно дальше простого матеріальнаго прозбанія, хотя многихъ изъ султановъ восхваляютъ и какъ покровителей искусствъ и наукъ, и ученые богословы, юристы и историки обѣихъ странъ и въ это время писали очень объемистыя книги. Слѣдить въ подробностяхъ за постоянно повторяющимися событіями между эмирами, то борющимися между собою, то соединяющимися для заговора, слѣдить за сверженіемъ и возведеніемъ на престолъ султановъ, обыкновенно въ возрастѣ отъ 4-хъ до 14-ти лѣтъ, за возвышеніемъ одного и паденіемъ другого мамелюка—не представляетъ интереса; указавъ въ примѣчаніи имена отдѣльныхъ султановъ со времени Килавуна и время ихъ управленія *), я выдвину только нѣсколько болѣе выдающихся личностей, которые самостоятельно пресѣкали развитіе мамелюкства и могутъ претендовать на собственное значеніе. Прежде всего назову самого К и л а в ѹ н а (678—689=1279—1290). Если Бейбарсъ—энергичный и геніальный основатель государства, то Килавуну, свергнутому его сыновей, принадлежит та честь, что онъ продолжалъ политику своего предшественника, а отчасти повелъ ее по еще болѣе опредѣленному пути. Мамелюкское государство обязано ему тою прочностью всего своего устройства, которая съ самаго начала возбуждала наше удивленіе. Онъ продолжалъ организаторскую дѣятельность Эйюбиды Неджмъ-адъ-діна Салиха (стр. 182), создавъ новый

*) Послѣ 1) Котуза, 2) Бейбарса, 3) Са'ида то были (при перечисленіи я обозначаю знакомъ * узурпаторовъ, происходящихъ не изъ рода Килавуна; различные періоды царствованія одного и того же, попеременно то изгоняемаго, то возвращаемаго султана, я обозначаю буквами а, в и т. д.); 4. Килавунъ 678—689 (1279—1290); сыновья его: 5. Ашрафъ I Халиль 689—693 (1290—1293) и 6а Мухаммедъ I Насиръ I 693—694 (1293—1294); *7. Адиль Кетбога 694—696 (1294—1296); *8. Мансуръ I. Ладжинъ 696—698 (1296—1299) 6б Мухаммедъ I. Насиръ I 698—708 (1299—1309); *9. Музаффаръ I. Бейбарсъ II 708—709 (1309—1310); 9с. Мухаммедъ I Насиръ I 709—741 (1310—1341); его семь сыновей (почти все будучи несовершеннолѣтними); 10. Мансуръ II. Абу Бекръ 741—742 (1341); 11. Ашрафъ II (Ключокъ) 742 (1341—1342); 12. Насиръ II. Ахмедъ 742—743 (1342); 13. Салихъ I. Изма'илъ 743—746 (1342—1345); 14. Камилъ Ша'б'анъ I 746—747 (1345—1346); 15. Музаффаръ II. Хаджи I („паломникъ въ Мекку“, 747—748=1346—1347); 16а Насиръ III. Хасанъ 748—759 (1347—1351); 17. Салихъ II. Салихъ 752—755 (1351—1354); 16б Насиръ III Хасанъ 755—762 (1354—1361); 18. Сынъ Хаджи, Мансуръ III. Мухаммедъ II 762—764 (1361—1363); 19. Внукъ Мухаммеда Насира I по имени Ашрафъ III Ша'б'анъ II Ибнъ Хусейнъ 764—778 (1363—1377); и его два сына: 20. Мансуръ IV. Алія 778—783 (1377—1381) и 21а Салихъ III. Хаджи II 783—784 (1381—1382); *22а Баркукъ Бурджитъ 784—791 (1382—1389); 21б Салихъ III. Хаджи II 791—792 (1389—1390); *22б Баркукъ съ 792 (1390), съ котораго начинается династія бурджитскихъ мамелюковъ.

отрядъ мамелюковъ, главная квартира котораго находилась въ башенныхъ казармахъ кáирской цитадели, и который поэтому обыкновенно называется бурджитами («находящимися на башнѣ»). Этотъ отрядъ состоялъ бóльшею частью изъ черкесовъ, которыхъ со времени войнъ кавказскихъ народовъ съ хорезмійцами и монголами во множествѣ перевозили на мусульманскія земли въ качествѣ рабовъ; отъ нихъ онъ получилъ также названіе черкесскихъ мамелюковъ; изъ ихъ рядовъ вышли эмиры, которые черезъ сто лѣтъ послѣ Килавуна отняли власть у его потомковъ. Въ отношеніи къ крестоносцамъ и монголамъ султанъ, возстановивъ не безъ упорной борьбы свой авторитетъ во всей Сиріи, въ общемъ продолжалъ политику своего предшественника: своими сношеніями съ Кипчакомъ онъ держалъ въ страхѣ Ильхановъ, причемъ ему помогали внутренніе раздоры въ Персіи, и воспользовался открывшейся ему, благодаря этому, свободой дѣйствій, чтобы силой и хитростью все дальше оттѣснять крестоносцевъ, такъ что къ концу его царствованія они должны были ограничиться однимъ Аккономъ(=Акка)*); завоевать и этотъ городъ помѣнала ему только смерть. Но для Египта въ высшей степени важно было то, что онъ, заключивъ договоры съ Генуей, Сициліей и Кастиліей, равно какъ и завязавъ прямыя сношенія съ передней Индіей, перенесъ на Александрію и Кáиръ значеніе торговыхъ посредниковъ между этою частью Востока и Западомъ, тогда какъ до того времени это посредничество принадлежало франкскимъ городамъ Сиріи; этимъ онъ открылъ своей странѣ источникъ благосостоянія, не изсякавшій почти въ теченіе 200 лѣтъ.

Многочисленные походы на югъ способствовали распространенію египетскаго вліянія на Нубію, къ увеличенію котораго стремился еще Бейбарсъ; въ то-же время Іеменъ, который со времени паденія господства Эйюбидовъ (приблизительно въ 625=1228) управлялся самостоятельно Расулитами, изъ династїи турецкихъ эмировъ, сталъ путемъ мирныхъ переговоровъ въ дружелюбныя отношенія къ бóлье могущественному мамелюкскому государству; все это послужило къ обезпеченію морского пути въ Индію. Шерифы Мекки также, хотя и на время, подчинились египетскимъ султанамъ, хотя часто могли-бы воспользоваться выгодой своего положенія между монголами въ Багдадѣ, князьями Іемена и владѣтелями Египта для сохраненія извѣстной самостоятельности. Килавунъ, во всемъ не только энергичный и рѣшительный, но разумный и понятливый государь, въ своемъ обхожденіи съ другими былъ нѣсколько мягче Бейбарса, внушавшаго всѣмъ страхъ, хотя, какъ и всѣ другіе

*) См. подробности: Куглеръ, Исторія крест. походовъ, изд. Л. Ф. Пантелѣва.

султаны, никогда не принималъ во вниманіе другихъ (это свойственно болѣе вѣжнымъ душамъ), а руководствовался исключительно своими интересами. Представителемъ третьяго типа восточнаго государя, притомъ типа въ высшей степени несимпатичнаго, является сынъ и второй преемникъ Килауна, Мухаммедъ Насиръ, который съ постоянными перерывами царствовалъ отъ 693 до 741 г. (1293—1341). Сначала онъ правилъ только по имени: вступивъ на престолъ девятилѣтнимъ ребенкомъ, онъ уже въ 694 г. (1294) былъ свергнутъ эмиромъ Кетбогой, который вздумалъ разыграть роль Килауна; въ 698 (1299 г.), послѣ паденія Кетбоги и его преемника Ладжина, Мухаммеда снова водворили на престолъ, и до конца 708 (1309) онъ оставался игрушкой въ рукахъ эмировъ. Но тутъ (ему между тѣмъ минуло двадцать четыре года) ему это надоѣло; онъ покинулъ Каиръ подъ предлогомъ паломничества въ Мекку, набросился во главѣ многочисленныхъ личныхъ сторонниковъ на крѣпость Каракъ, на югѣ Палестины, и теперь отсюда травилъ другъ на друга эмировъ съ такимъ успѣхомъ, что уже въ 709 (1310) онъ съ помощью сирійцевъ и отчасти также египтянъ могъ заставить сдаться Рукъ адъ-динъ Бейбарса II, который выступилъ въ качествѣ султана послѣ его бѣгства изъ Каира, и въѣхалъ въ столицу, какъ самодержецъ. Слѣдуя предписаніямъ перваго Бейбарса, Мухаммедъ быстро упрочилъ свое положеніе путемъ коварнаго или насильственнаго устраненія какъ тѣхъ, кто ему сопротивлялся, такъ и тѣхъ, кому онъ обязанъ былъ своимъ успѣхомъ; но есть черта, которая дѣлаетъ его намъ и его современникамъ несравненно противнѣе, чѣмъ Бейбарсъ: онъ выказалъ себя при этомъ, равно какъ и впослѣдствіи, не честолюбивымъ воиномъ, въ глазахъ котораго каждое средство хорошо, а трусливымъ тираномъ, который не осмѣливается расплачиваться собственной шкурой, и поэтому предпочитаетъ идти кривыми потаенными путями вѣроломнаго коварства и утонченной хитрости. Справедливо напираютъ на то *), что во внѣшнихъ дѣлахъ, несмотря на неутомимую дипломатическую дѣятельность, которая опутывала своими нитями почти все государство извѣстнаго тогда міра, султану, подобно пауку-крестовику стоявшему на стѣлѣ въ серединѣ своей паутины, все-таки не удавалось выиграть значительную добычу, такъ какъ въ рѣшительную минуту у него никогда не хватало мужества смѣлымъ захватомъ обезпечить за собою давно подготовленный успѣхъ. Единственное оружіе, которымъ онъ за то очень охотно пользовался, былъ мечъ ассасиновъ; при помощи исключительно его можно было поддерживать обширную внѣшнюю политику, но не вести ее. Такимъ образомъ, во

*) Weil. Gesch. des Abbasidenchalfats in Egypten, Bd. I, Stuttgart 1860, стр. 341, е го-же Geschichte der islamischen Völker, Stuttgart 1866, стр. 397.

всѣхъ мѣстахъ дѣло не пошло дальше половиннаго и преходящаго кажущагося подчиненія; такъ было въ Багдадѣ и Малой Азіи, въ отношеніи къ монголамъ, и въ сѣверной Африкѣ, гдѣ Мухаммедъ Насиръ пытался захватить власть надъ Триполи и даже Тунисомъ (709—720=1309—1320). На счетъ Мекки и Йемена онъ также не могъ быть совершенно спокоенъ, хотя египетское вліяніе въ обоихъ мѣстахъ не было еще окончательно уничтожено; зато остатки крестовосцевъ не могли болѣе беспокоить его съ тѣхъ поръ, какъ Акконъ былъ взятъ уже при его предшественникѣ Ашрафѣ Халилѣ (690=1291), а водвореніе темплиеровъ въ Арадѣ было также безъ труда уничтожено (702=1302). Единственное, чего онъ, благодаря всѣмъ своимъ стараніямъ и труду, достигъ въ теченіе своего долгаго царствованія, было сохраненіе мамелюккаго государства на высотѣ первокласснаго государства; но и это уже было цѣнно, и такимъ образомъ онъ все-таки заслуживаетъ названіе крупнаго государя, тѣмъ болѣе, что онъ умѣлъ мастерски поддержать и увеличить свою власть внутри страны. Онъ придерживался также принципа Бейбарса: сживать со свѣту каждаго изъ значительныхъ эмировъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ становился опаснымъ, что всегда точно совпадало съ тѣмъ временемъ, когда данный субъектъ достаточно насосался денегъ и имущества. «Насиръ откармливалъ эмировъ до тѣхъ поръ, пока они не становились очень жирными, потомъ онъ рѣзалъ ихъ», передаетъ арабскій лѣтописецъ *), «и все, поглощенное ими, возвращалось къ нему». Зато тѣмъ болѣе онъ старался создать лично преданныхъ себѣ мамелюковъ и сумѣлъ привязать къ своему трону рабовъ путемъ подкупа, на что расходовалъ большія суммы денегъ. Хорошее настроеніе низшихъ слоевъ населенія поддерживалось строгимъ соблюденіемъ порядка и различнаго рода полицейскими мѣрами, которыя, напримѣръ, доставили хлѣбъ во время искусственно созданнаго эмирами вздорожанія, а большія постройки и различнаго рода общественныя работы приводили народъ въ изумленіе. Но такъ какъ для всего этого, а еще болѣе для своихъ собственныхъ нуждъ и различнаго рода дѣловаго стоющихъ склонностей, султанъ нуждался въ очень большомъ количествѣ денегъ, то въ то же время съ овецъ сдирали послѣднюю шкуру; однако благорасположенный государь былъ настолько уменъ, что дѣлалъ это не самъ, а предоставилъ это христіанскимъ финансовымъ чиновникамъ. При этомъ онъ убивалъ однимъ ударомъ двухъ зайцевъ: христіане должны были постараться оправдать оказанное имъ довѣріе основательнымъ выколачиваніемъ налоговъ, но при этомъ они были только невѣрныя, которыхъ въ случаѣ надоб-

*) У Weill'a, Geschichte der islamischen Völker, стр. 406.

ности, можно было не задумываясь принести въ жертву народной ярости и этимъ приобрести большую популярность. Такимъ образомъ умный султанъ достигъ того, что хотя его, правда, собственно говоря нигдѣ не любили, но большинство подданныхъ и не ненавидѣло его; вмѣстѣ съ тѣмъ вездѣ его чрезвычайно боялись, и онъ до конца своей жизни, несмотря на свою невзрачную наружность (онъ былъ маленькаго роста, некрасивъ и страдалъ хроническою болѣзнью ноги, вслѣдствіе которой постоянно хромалъ), могъ чувствовать себя самымъ могущественнымъ исламскимъ государемъ. Однако и его власть была чисто личная, и когда онъ въ 741 г. (1341) умеръ отъ болѣзни, имѣя пятьдесятъ семь лѣтъ отъ роду, то могущество его государства пало лѣтъ черезъ пятьдесятъ. Его сыновья и другіе преемники или нигде не годились, или же за малолѣтствомъ находились подъ опекою эмировъ; а раздоры и междоусобія этихъ послѣднихъ не знали конца, такъ что, несмотря на прочную организацію мамлюкскaго войска, государство едва-ли бы выдержало нападеніе извнѣ, если-бы кто-нибудь не него отважился. Но христіанскіе владѣтели Малой Арменіи и располагали слишкомъ малыми силами, которыя къ тому же истощались постоянными войнами съ прежними султанами: такимъ образомъ, и во время паденія мамлюкской династіи, они не могли поднять своего оружія противъ мусульманъ, а напротивъ того должны были отказаться отъ послѣднихъ остатковъ своихъ владѣній въ пользу эмира халебскаго (776—1375); короли изъ дома Лузиньяновъ, царствовавшіе въ Кипрѣ со временъ Ричарда Львиное Сердце *), и въ качествѣ передоваго поста франкскаго могущества еще не отказавшіеся отъ сирійскаго трона, могли еще многократно (767—770—1365—1369) грабить Александрію и Триполи, но у нихъ не хватало силы для дѣйствительныхъ завоеваній; а Ильханамъ, или вѣрнѣе ихъ преемникамъ, въ различныхъ мелкихъ государствахъ, на которыя тѣмъ временемъ распалось монгольское государство въ Персіи, было достаточно дѣла у себя дома. Теперь настало время сообщить, какъ могло произойти столь быстрое паденіе могущества, основаннаго Хулагу.

Участь первой монгольской династіи на персидской территоріи въ главныхъ чертахъ есть повтореніе бѣдствій сельджуковъ, только въ мѣньшей промежутокъ времени. Какъ и турецкіе ихъ предшественники, татары не избѣгли подводныхъ скалъ избирательной королевской власти. Начальники племень, бѣги или эмиры **), должны

*) См. Куглеръ, Исторія крестов. походовъ.

**) Бегъ (произносимое, смотря по нарѣчію: бегъ, бекъ, бей), обще турецкое слово для обозначенія начальника, князя, собственно говоря всего лучше подходитъ къ монгольско-татарской знати новаго государства; между тѣмъ историки часто продолжаютъ и въ этомъ періодѣ употреблять перешедшее изъ арабскаго

были, правда, держаться династїи Хулагу, когда дѣло шло о назначенїи новаго Ильхана, но нечего и говорить о томъ, что лучшіе домашніе законы Чингизъ-Хана не уничтожали весьма существенныхъ разногласїй насчетъ личности; такимъ образомъ уже второй преемникъ Хулагу палъ жертвою возстанїя своего племянника, похитителя его трона, а черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого, сейчасъ одинъ послѣ другого, послѣдовали два такихъ же переворота. При такихъ обстоятельствахъ западныя и восточныя пограничныя провинціи, Хорасанъ и Малая Азія, должны были прежде всѣхъ прїобрѣсти большую самостоятельность, чѣмъ какая была желательна для единства государства; и уже черезъ сорокъ лѣтъ послѣ смерти Хулагу стремленіе и другихъ округовъ, управляемыхъ намѣстниками къ освобожденію отъ центрального управленїя было въ полномъ ходу. Къ тому же враждебныя отношенїя къ Кипчаку, царству Джагатая и къ мамлюкамъ требовали отъ государства большаго напряженїя силъ, чѣмъ могли это вынести опустошенныя провинціи; уже въ 693 (1294) бумажныя деньги (чау), это прекрасное изобрѣтенїе китайцевъ, которое монголы давно уже переняли въ своемъ отечествѣ, должно было быть перенесено и на мусульманскую почву. Правда, что ассигнаціи не удалось пустить въ ходъ, несмотря на назначенїе смертной казни не принимавшимъ ихъ; но легко себѣ представить, какъ отъ одной этой попытки должны были уже пострадать торговля и обмѣнъ, и безъ того уже подорванные вслѣдствїе вынесенныхъ разоренїй. И въ другихъ отношенїяхъ монгольскїе государи никоимъ образомъ не выказали себя на высотѣ своего положенїя. Подъ словомъ управлять они разумѣли главнымъ образомъ указанїе опредѣленныхъ леновъ начальникамъ племенъ, которые вмѣстѣ съ своими всадниками водворялись въ порученныхъ имъ владѣнїяхъ и могли тамъ распоряжаться по своему усмотрѣнїю (лишь бы аккуратно вносить дань) до тѣхъ поръ, пока какая-нибудь война не требовала пополненїя войска Ильхана. Какъ ни несовершенно было мусульманское законодательство съ самаго начала, оно, путемъ искусственной системы примѣненїя аналогїи и тонкаго анализа, было приноровлено къ сложнымъ потребностямъ довольно развитой цивилизаціи и съ нимъ можно было хозяйничать. Монголы же принесли очень простое и неопредѣленное обычное право, которое не удовлетворяло во всѣхъ отношенїяхъ и ставило вверхъ дномъ всѣ частныя правовыя отношенїя, такъ что въ концѣ концовъ еврейскїй визирь языческаго Ильхана Аргуна около 688 (1289) самъ счелъ болѣе полезнымъ прїбѣгнуть опять къ мусульманской

языка въ персидскїй и отчасти въ турецкїй слово эмиръ на ряду съ специально монгольскимъ ноянъ, которое обозначаетъ эмира высшаго ранга.

юриспруденціи; съ какимъ успѣхомъ, правда, неизвѣстно *). Я не могу взяться за то, чтобы прослѣдить въ подробностяхъ тѣ злоупотребленія страной и народомъ, которыя были вызваны управленіемъ Ильхановъ: всего ужаснѣе была личная неспособность государей, которая исключала всякое прочное положеніе вещей. Все, что намъ извѣстно о первыхъ пяти преемникахъ Хулагу, указываетъ ихъ настоящими варварами, которые въ лучшемъ случаѣ знали военное дѣло, но кромѣ этого уже ничего не понимали и ничему не учились, и попытки которыхъ хоть сколько-нибудь сблизиться съ персидской культурой сводились лишь къ отреченію отъ немногихъ качествъ своего племени и приученію себя къ порокамъ своихъ новыхъ подданныхъ. Правда, любовь къ пьянству они принесли изъ сѣвернаго климата. Сынъ Хулагу, Абака (663—680=1265—1282), который унаслѣдовалъ отъ отца по крайней мѣрѣ энергію, очевидно умеръ отъ *Delirium tremens* **). Услѣдующаго за нимъ государя, брата его Токудара (680—683=1282—1284), хватило настолько ума, чтобы самому принять исламъ и этимъ начать сглаживать различіе между монголами и персами; но у него не хватало того лезвья, которое было необходимо для того, чтобы побѣдить естественное отвращеніе его родственниковъ и предводителей противъ такого предпріятія; а такъ какъ онъ болѣе думалъ о своей женѣ, на которой только что женился и въ которую былъ безумно влюбленъ, чѣмъ о возраставшемъ неудовольствіи вокругъ себя, то онъ палъ жертвою возстанія, поднятаго его племянникомъ Аргунемъ, сыномъ Абаки, жаждавшимъ власти. Теперь Аргунъ вступилъ на престолъ, перешагнувъ черезъ трупъ своего дяди; но правленіе его (683—690=1291—1295) представляетъ изъ себя лишь неувѣренное хожденіе ошущью кровожаднаго тирана, притязательное тщеславіе котораго превышало развѣ только его неспособность. Противъ брата его Кейхату (690—694=1291—1295), изнѣженнаго и развратнаго юноши, начальники племенъ подняли всеобщее возстаніе, благодаря которому достигъ престола сначала Бейду, внукъ Хулагу, но лишь для того, чтобы черезъ нѣсколько мѣсяцевъ снова быть сверженнымъ сыномъ Аргуна, Газаномъ. Газанъ (694—703=1295—1304)—единственный государь изъ потомковъ Хулагу, дѣйствительно заслуживающій этого имени; и въ самомъ дѣлѣ онъ былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся мусульманскихъ государей вообще, если только его панегиристы не слишкомъ восхваляли его. Во всякомъ случаѣ поступки

*) d'Ohs son, Histoire des Mongols, IV, 37.

**) „Однажды вечеромъ ему спящу показалось, что онъ видитъ черную птицу: „прочь, черная птица“, воскликнулъ онъ; но какъ тѣлохранители ни искали черную птицу, они не могли найти её. Вдругъ онъ закрылъ глаза и, сидя на золотомъ тронѣ, испустилъ духъ“. Hammer Purgstall, Geschichte der Ilchane, I, 313.

его свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ былъ столь же искусный воинъ, сколько толковый политикъ. Онъ самъ не разъ отправлялся противъ вѣншихъ враговъ, напримѣръ противъ мамлюковъ и джагатайцевъ, и хотя завоеванія его въ Сиріи были непрочны, все же онъ всюду съумѣлъ возбудить къ себѣ уваженіе. Онъ первый воздержался отъ до тѣхъ поръ соблюдаемаго обычая полученія инвеституры отъ великаго хана и этимъ явно провозгласилъ независимость своего государства, которая на самомъ дѣлѣ существовала уже давно. Но главная заслуга его заключалась въ томъ, что онъ, наконецъ, принялъ и провелъ цѣлесообразныя мѣры для того, чтобы дать своей странѣ извѣстную внутреннюю силу и хотя до нѣкоторой степени сносное управленіе. Принятіе имъ ислама *) вмѣстѣ со всѣмъ войскомъ и подготовленіе такимъ образомъ примиренія между взглядами управляющихъ и управляемыхъ было самымъ малымъ дѣломъ. Прежде всего онъ велѣлъ привести въ общій порядокъ законныя юридическія отношенія поземельныхъ собственниковъ, которыя вездѣ были крайне запутаны, и въ то же время, согласно болѣе справедливой оцѣнкѣ, измѣнить подати, назначеніе которыхъ до этого времени зависѣло отъ прямого произвола монгольскихъ начальниковъ и ихъ не заслуживавшихъ довѣрія персидскихъ помощниковъ; онъ же велѣлъ предпринять болѣе точное опредѣленіе военныхъ обязанностей ленныхъ владѣтелей; далѣе были, наконецъ, разграничены области дѣйствія монгольскаго и мусульманскаго права и, благодаря учрежденію общаго верховнаго суда, сдѣлалось возможнымъ упорядоченное судопроизводство. Для того, чтобы постепенно исправить разоренія послѣднихъ лѣтъ, онъ старался побудить жителей къ заселенію и воздѣлыванію округовъ, обратившихся въ пустыню, и при этомъ поддерживалъ населеніе освобожденіемъ отъ податей; для поднятія торговли и обмѣна злощастныя бумажныя деньги были отобраны и принялись за чеканку полновѣсныхъ монетъ. При этомъ въ управленіи господствовала мудрая бережливость, чтобы положить, наконецъ, предѣлъ ужасающему хищничеству: словомъ, въ лицѣ его мы имѣемъ наконецъ правителя, достаточно умнаго и доброжелательнаго, чтобы изъ развалинъ разрушеннаго государства создать новое зданіе, пригодное для жилья. Къ сожалѣнію, жизнь этого государя, обладавшаго столь прекрасными качествами, была сокращена наслѣдственною склонностью монголовъ къ пьянству, которая въ персидскомъ климатѣ имѣла всегда самыя неблагопріятныя послѣдствія; а царствованіе его, продолжавшееся едва девять лѣтъ, было недостаточно продолжительно для обезпеченія осно-

---

*) Онъ принялъ при этомъ имя Ма х м у дъ, которое однако не сдѣлалось общепринятымъ.

вательнаго проведенія его реформъ. Тѣмъ не менѣ Газанъ снова настолько возвысилъ уваженіе къ своей династїи, что брату его, Олджайту или Худабенде *) (703—716=1304—1316), обезпечено было довольно спокойное царствованіе. Онъ, кажется, былъ человѣкъ доброжелательный, притомъ не очень выдающійся и прежде всего крайне жадный къ наслажденіямъ; ему однако принадлежитъ выдающееся мѣсто въ ряду восточныхъ государей, такъ какъ онъ, первый изъ царей всей Персіи, принялъ шиитизмъ. Если большинство персовъ и задолго до этого времени несомнѣнно придерживалось вѣры въ имаматъ Алія и его потомковъ, то все же официальные слои общества, въ особенности духовенство и законовѣды, во время владычества турокъ почти всѣ оставались суннитами, поэтому Газану было особенно важно привести въ исполненіе свой переходъ къ этой формѣ исламской религіи: чтò побудило Олджайту переимѣнить вѣру—нельзя сказать съ достовѣрностью. По всей вѣроятности дѣло рѣшило болѣе свободное пониманіе шиитами законовъ о бракѣ, которые дозволяли хану устраивать дѣла гарема болѣе по своему вкусу **); но этотъ шагъ не имѣлъ важныхъ послѣдствій, такъ какъ онъ измѣнилъ очень немного въ уже существующихъ условіяхъ; вѣдь принципиальное равнодушіе монголовъ къ религіознымъ подраздѣленіямъ ихъ подданныхъ и безъ того никогда не налагало препятствій къ распространенію шиитизма. Если Олджайту во время его царствованія и приходилось бороться съ непокорностью правителя Херата (705-6=1306), то это было не ново; но уже во время правленія сына Олджайту, Абу Са'ида ***)(716—736=1316—1335), ясно обнаружилось, что снова начинающаяся строптивость эмировъ теперь въ короткое время приведетъ страну, въ которой Газанъ не надолго водворилъ временный порядокъ, къ быстрому паденію. Абу-Са'иду

*) У этого государя была масса различныхъ именъ. Говорятъ, христіанская мать его велѣла назвать его при крещеніи Николаемъ; позднѣе мы встрѣчаемъ прозвище его Харбенде „Слуга осла“, которое онъ будто-бы измѣнилъ при обращеніи въ исламъ на Худабенде „Слуга Бога“; какъ уже давно замѣчено, вѣроятнѣе, что первая форма есть прозвище, данное въ насмѣшку и введенное въ употребленіе персами. Кромѣ того онъ носилъ исламское имя Мухаммедъ и т. д.; Олджайту—монгольскій почетный титулъ „Благословенный“.

***) См. Malcolm, History of Persia, London 1815, II, 350, прим.—Анекдоты у Hammer-Purgstall (Geschichte der Pchane, II, 216) имѣютъ своимъ основаніемъ прикрасы придворныхъ исторіографовъ.

***) У персовъ его также часто сокращенно называютъ Бу Са'идъ. Арабскій лѣтописецъ говоритъ, что его имя не было простой кличкой, а дѣйствительнымъ именемъ собственнымъ (d'Ohsson, Histoire des Mongols, IV, 717), но у монголовъ это само собой разумѣется; Абу Са'идъ, „Отецъ счастливаца“, (per metonymiam—„отецъ счастья“) есть не что иное, какъ переводъ имени его отца Олджайту (выше, прим. 1) въ арабскій языкъ.

было всего двѣнадцать лѣтъ, когда онъ былъ возведенъ на тронъ, благодаря вліянію могущественнаго монгольскаго начальника, Чобана, намѣстника Хорасана; этотъ-то Чобанъ, прикрываясь его именемъ, управлялъ одиннадцать лѣтъ. Управленію его часто мѣшали возстанія эмировъ и намѣстниковъ, которые завидовали слишкомъ могущественному и выступающему съ монгольской грубостью товарищу; даже собственный сынъ его, Тимурташъ, управитель Малой Азіи, въ 722 (1322) г. пытался стать независимымъ и началъ на мысль разыгрывать роль махдія, т. е. воспользоваться уже раньше распространенною среди населенія Малой Азіи склонностью къ сектантству, воспользоваться ею противъ отца, который сталъ ревностнымъ суннитомъ, и даже побудилъ самогó Абу Са'ида отступить отъ правѣрнаго вѣроисповѣданія. Сынъ, правда, снова подчинился Чобану, приблизившемуся съ войскомъ; но онъ подалъ дурной примѣръ, и когда Абу Са'идъ въ 727 (1327) г., тяготясь опекой самовластнаго мажордома, велѣлъ убить его съ двумя сыновьями, его собственное могущество почти тотчасъ послѣ этого было сломлено. Правда, Тимурташъ, получивъ извѣстіе о сверженіи отца, бѣжалъ въ Египетъ, гдѣ Меликъ Насиръ, желая добиться казни одного сирійскаго эмира, убѣждавшаго къ монголамъ, велѣлъ по просьбѣ Абу Са'ида, убить Тимурташа; но самъ Абу-Са'идъ потерялъ всякое значеніе въ глазахъ своихъ крупныхъ ленныхъ владѣтелей. Въ то время, какъ онъ прожигалъ время въ сочиненіи стиховъ и любовныхъ похощенійхъ, никто изъ начальниковъ племенъ не думалъ больше о немъ; его собственный дядя, Алій Падішахъ, отказался повиноваться ему и его съ трудомъ умиловивили; словомъ, уваженіе къ правительству уменьшалось съ опасной скоростью, когда 13 Раби II. 736 (30 ноября 1335) этотъ непригодный государь умеръ; какъ говорятъ, онъ былъ отравленъ Багдадъ Хатуной, красивой дочерью Чобана, которая согласилась отдать свою руку безумно влюбленному въ нее Абу Са'иду съ тѣмъ, чтобы отомстить ему за смерть отца и братьевъ. Теперь наступилъ хаосъ, продолжавшійся пятьдесятъ лѣтъ, въ теченіе котораго царство Ильхановъ было разбито на множество второстепенныхъ владѣній; такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока при Тимурѣ не нахлынула вторая и послѣдняя большая волна татарско-монгольскаго переселенія народовъ и сызнова не наводила и не опустошила всю переднюю Азію. Не стоить слѣдить въ подробностяхъ за исторіей всеобщей сумятицы, произведенной мелкими государствами между Оксусомъ и Средиземнымъ моремъ, до появленія Тимура, но необходимо бросить хотя-бы бѣглый взглядъ на взаимное отношеніе главныхъ монгольскихъ и турецкихъ государствъ и на распаденіе государства самихъ Хулагуидовъ.

Вѣдшіе размѣры царства Ильхановъ, съ самой смерти Хулагу и до кончины Абу Са'ида, почти не измѣнились. На востокѣ собственно Хорасанъ управлялся намѣстниками, обыкновенно принадлежавшими къ царствующей династии, въ то время какъ управленіе Хератомъ, который мало по малу хотя до нѣкоторой степени отдохнулъ послѣ своего разрушенія, сдѣлалось наслѣдственнымъ въ семьѣ Шемса адъ-дина Курта, одного изъ эмировъ гурида Му'изза который сумѣлъ зарекомендовать себя у Чингизь-Хана и, при удаленіи его, получилъ отъ него этотъ округъ въ управленіе. Отношенія этой династии къ правительству въ Тебризѣ были довольно неясныя, даже Газанъ не смогъ принудить ее къ полной покорности, и если при Олджайту въ 715 г. (1315) дѣло и дошло до формальнаго подчиненія Куртида Гіясъ адъ-дина, то въ сущности фактическая независимость расширившейся между тѣмъ во всѣ стороны провинціи нисколько отъ этого не измѣнилась. Въ Кирманѣ каракитаи добровольно подчинились еще Хулагу, и, многократно породнившись съ Ильханами, продолжали до 705 г. (1305-6) управлять страной на правахъ ихъ ленниковъ; въ указанномъ году послѣдній потомокъ этого дома, возбудившій громкія жалобы населенія за свою жестокость, былъ смѣщенъ, и отнынѣ Кирманъ управлялся монгольскими чиновниками. То же случилось съ Фарсомъ уже въ 662 (1264) г., такъ какъ Салгаридъ Сельджукъ Шахъ, который послѣ многихъ попытокъ захватилъ тамъ власть, рѣшился на совершенно безумное возстаніе противъ монголовъ, которое, конечно, стоило ему трона и жизни. Объ атабегахъ Луристана мы уже знаемъ, что династія ихъ продолжала существовать и во время монгольскаго владычества. Нѣкоторыя изъ провинцій на берегу Каспійскаго моря на половину сохранили свою самостоятельность подъ властью мелкихъ государей Гилана и Ширвана; подъ непосредственною же властью хана находились арабскій и персидскій Иракъ, Адербейджанъ съ принадлежащими сюда землями. Далѣе на западѣ мелкія ленныя государства въ Арменіи и Месопотаміи, между ними и долговѣчные Ортокиды Маридина, и наконецъ страна сельджуковъ Иконійскихъ опять подпали власти братьевъ Исъ адъ-дина и Рукнъ адъ-дина, сыновей Кей Хосрау II, которые управляли сообща, хотя вполнѣ были подчинены монгольскимъ гарнизоннымъ войскамъ; трудно опредѣлить, какъ далеко простирался здѣсь авторитетъ Ильхановъ, такъ какъ мы въ точности ничего не знаемъ о развитіи постепенно возрастающей самостоятельности эмировъ, управлявшихъ западными, ближайшими къ византійской границѣ, т. е. находящимися по близости Эгейскаго моря, провинціями. Между восточными частями владѣній сельджуковъ, мон-

гольской частью Месопотаміи и Малой Армeніей, которую можно всецѣло считать леннымъ владѣніемъ Ильхановъ (въ то время она едва достигала размѣровъ восточной половины Сициліи), помѣщались какъ-бы вбитые колья, мамлюкскіе округа сѣверной Сиріи, Халебъ и Айнъ-Табъ: даже если бы и тѣ и другіе, мамлюки и монголы были самыми миролюбивыми людьми на свѣтѣ, то едва ли дѣло могло обойтись здѣсь безъ столкновеній. Но при существовавшихъ здѣсь условіяхъ, въ этомъ мѣстѣ должны были происходить непрестанные раздоры; и дѣйствительно съ 660 до 723 г. (1262—1323) мамлюки при каждомъ удобномъ случаѣ нападали на Малую Армeнію, а монголы—на сѣверную Сирію. На ряду съ этимъ, хотя каждая изъ сторонъ была въ достаточной мѣрѣ поглощена дѣлами внутренняго управленія, при данномъ внутреннемъ строѣ обоихъ странъ нельзя сказать, чтобы это случалось рѣдко; онѣ непрерывно находились на полувоенномъ положеніи: каждую минуту мамлюкскіе эмиры, которымъ угрожала зависть султана, спасались на монгольскую почву, или же монгольскіе начальники, недовольные мѣропріятіями Ильхана, переходили въ Сирію, и какъ тѣ, такъ и другіе старались изъ достигнутыхъ ими убѣжищъ причинить какъ можно болѣе вреда правительствамъ своей родины. Въ общемъ силы обѣихъ государствъ находились въ равновѣсіи и, какъ мы уже видѣли, каждый старался привлечь на свою сторону рѣшающее вліяніе какой-нибудь третьей силы. Но только одинъ разъ хоть что-нибудь вышло изъ дипломатическихъ переговоровъ Ильхановъ и христіанъ, равно какъ мамлюковъ и кипчаковъ: это было совсѣмъ вначалѣ, когда грозное нападеніе Берекая на Хулагу помѣшало этому послѣднему предпринять походъ противъ Бейбарса, чтобы отомстить ему за пораженіе Айнъ-Дшалута. Для мамлюкскаго султана было въ высшей степени важно, что, какъ разъ въ тѣ годы, когда онъ долженъ былъ наносить главные удары крестоносцамъ (663—666=1265 до 1268), преемникъ Хулагу, Абака, былъ занятъ отраженіемъ нападеній Берекая на Адербейджанъ (663—1265) и необходимымъ укрѣпленіемъ кавказской границы, для предотвращенія ихъ повторенія; когда же и это было окончено, то между Ильханомъ и Бараккомъ начались сначала дипломатическія препирательства, а потомъ и серьезныя разногласія. Баракъ, правнукъ Джагатая, былъ въ ссорѣ съ другими потомками Чингизъ-Хана изъ-за переданнаго ему Хубилаемъ владычества надъ царствомъ его предка, и теперь только что подумывалъ о соединеніи съ своими главными приверженцами въ ущербъ Абакѣ. Рѣшено было распространиться во всѣ стороны къ западу, и такъ какъ, повидимому, приготовленія къ этому предпріятію стали извѣстны въ Персіи уже очень рано *), то Абака не могъ вмѣшаться въ сирій-

*) Только при этомъ предположеніи и при допущеніи, что быть можетъ еще

скія дѣла, пока опасность съ этой стороны не была отстранена. Ожидаемое нападеніе Баракъ произошло въ 667 (1269 г.); племена Джагатая перешли черезъ Оксусъ и опустошили Хорасанъ, но были побиты и отогнаны назадъ Абакой (668=1270). Вскорѣ послѣ этого Баракъ умеръ, и смерть его была сигналомъ къ возникновенію новыхъ неурядицъ въ царствѣ Джагатая, гдѣ съ самаго начала дѣла были еще болѣе запутаны, чѣмъ у персидскихъ монголовъ: такимъ образомъ послѣдніе могли въ 671 (1273 г.) отомстить Трансоксаниі походомъ, во время котораго страна была страшно опустошена, Бухара еще разъ на многіе годы совершенно разрушена. Впрочемъ и позднѣе дѣла между Евфратомъ и Тавромъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не пошли далѣе обоюдныхъ хищническихъ походовъ, не имѣвшихъ другого значенія кромѣ того, что въ нихъ страшно втягивали особенно Малую Арменію, постоянную жертву этихъ отношеній; но въ 675 (1277) одну минуту казалось, какъ будто малоазіатскимъ владѣніямъ Ильхановъ грозитъ серьезная опасность. Уже въ 660 (1262 г.) мамлюкскій султанъ попытался вмѣшаться въ дѣло: царственные братья, Исъ адъ-динъ и Рукнъ адъ-динъ, бывшіе тѣмъ однимъ другого, поссорились другъ съ другомъ, и первый изъ нихъ предложилъ египтянамъ половину своего государства, если они помогутъ ему избавиться отъ иноземнаго владычества. Вейбарсъ, тогда еще очень занятый эмирами Сиріи и устройствомъ только что основаннаго имъ царства, не былъ въ силахъ исполнить этого; немногіе всадники, которыхъ онъ могъ послать на помощь Исъ адъ-дину, не помѣшали его пораженію; Сельджукъ долженъ былъ бѣжать сначала къ византійцамъ, потомъ къ кипчакамъ, которые содержали его до самой смерти. Съ тѣхъ поръ имя султана Рума носилъ одинъ Рукнъ адъ-динъ; управленіе, т. е. свѣтская власть принадлежала его персидскому министру Му'инъ адъ-дину, согласно показаніямъ монгольскихъ начальниковъ обыкновенно называемаго: «Перванэ» *). Въ виду личныхъ выгодъ, Перванэ возбудилъ подозрѣніе Ильхана противъ своего государя, получилъ позволеніе задушить его (663 или 666=1265, 1267-8) и посадить на его мѣсто Гіясъ адъ-дина Кеѣ-Хосрау III, четырехлѣтняго сына убитаго, который впоследствии, при Аргунѣ (683=1284), также умеръ насильственною смертью. Ему наследовалъ (назовемъ его только для того, чтобы, по крайней мѣрѣ,

до появленія Баракъ начальники трансоксанскихъ племенъ приняли угрожающее положеніе, можно объяснить бездѣтельность Абаки въ 665 и 666 (1267 и 1268 гг.). Впрочемъ въ хронологическихъ данныхъ д'Оссона, Гаммеръ-Пургстала и Вейля тутъ много разногласій. Аллахъ знаетъ это лучше.

*) Персидское слово перванэ (первоначально «прапорщикъ») обозначаетъ то предводителя, то камергера, то министра; послѣднее значеніе оно имѣло у сельджуковъ Иконіи.

оказать послѣднему сельджукскому султану честь назвать его) сынъ Исъ адъ-дина, Ма с' у дъ II, который снова нашелъ дорогу изъ Кипчака къ Ильханамъ: судя по нѣкоторымъ источникамъ—начиная съ этого времени, извѣстія совершенно перепутаны и не согласуются другъ съ другомъ—онъ погибъ въ нищетѣ около 708 (1308-9 г.), по другимъ, Газанъ смѣстилъ его въ 694 (1295 г.), и въ 697 (1297 г.) его наслѣдіе было передано Ал а адъ-дину II Кей-Кобад у III, судьба котораго однако совершенно покрыта мракомъ неизвѣстности *). Во всякомъ случаѣ послѣдніе потомки прежнихъ завоевателей міра безпомощно бросались изъ стороны въ сторону между стремящимися къ возвышенію эмирами и византійцами на западѣ и монгольскими гарнизонами своихъ городовъ на востокѣ: въ дѣйствительности дѣло было не въ нихъ, а скорѣе исключительно въ тѣхъ, которые правили отъ ихъ имени. Въ особенности Перв а н э, со смерти Рукнъ адъ-дина, могъ распустить возжи своего своеволя, насколько это только позволяли монголы; скоро ему удалось возбудить сильную ненависть своихъ подданныхъ, и въ восточной Малой Азіи съ каждымъ днемъ все громче стали призывать бойца за исламъ, Бейбарса. Султанъ рѣшился послѣдовать приглашеніямъ, которыя все чаще приходили оттуда въ Сирію и Египетъ: въ 675 (1277 г.) онъ во главѣ многочисленнаго войска перешелъ черезъ Тавръ, побилъ монголовъ, которымъ мусульманскія дружины Перв а н э только для виду оказали самую незначительную помощь, въ долинѣ Абулустейна**), и вскорѣ послѣ этого, при громкомъ ликваніи мухаммеданскаго населенія, занялъ Ке-

*) Если сравнить извѣстія, приведенныя у Rehm (Geschichte des Mittelalters seit den Kreuzzügen I, 2, стр. 95; II, 3, стр. 45), съ Abulfeda (Annales musulmici ed. Reiske-Adler V, 69, и относящееся сюда примѣчаніе 51, 52, стр. 399), de Guignes (Allgemeine Geschichte der Hunnen und Türken, перев. v. Dähnert, т. II, Greifswald 1768, стр. 377 f) и Hammer-Purgstall (Geschichte der Schane II, 72), то убѣждаешься, что съ имѣющимся до сихъ поръ на лицо матеріаломъ здѣсь ничего не подѣлаешь. Я даже не отважился-бы высказываться такъ положительно, какъ Hertzberg (Geschichte der Byzantiner und Osmanen,—Allg. Geschichte in Einzeldarstellungen. № 72, стр. 436). Hammer-Purgstall, судя по которому Газанъ въ 694 г. (Schane II, 72) водворяетъ „Алаедина III, Кейкобада“ (надо читать Алаедина II, III-мъ онъ былъ только какъ Кейкобадъ), позднѣе ссылается (тамъ-же 323, прим. 1) на свою исторію османскаго царства (I, 55, 574), гдѣ Алаединъ II (подъ нимъ нельзя разумѣть никого другого, кромѣ только что упомянутаго) въ 687 г. побиваетъ монголовъ вмѣстѣ съ османами. Руководствуясь такимъ матеріаломъ—о предшествующей жизни Алаедина, напримѣръ, его прежнемъ пребываніи на западѣ или т. под. совсѣмъ не упоминается—исторію писать невозможно.

**) Таково (по Якуту) вѣрное правописаніе этого имени, обыкновенно выговариваемаго Аблестинъ и часто, изъ приверженности къ неправильной этимологіи, коверкаемое такъ: Аблестанъ, Албостанъ, Элбистанъ (Herzberg Gesch. d. Byz., № 80 Allg. Gesch. in Einzeldarstellungen, стр. 668).

с а р і ю. Это ликованіе обошлось несчастному населенію дорого. Бейбарсъ разсчитываль на то, что Перванэ теперь самъ бросится къ нему въ объятія, такъ какъ монголы едва-ли простятъ ему ненадежность его войска: но двуличныйъ министръ надѣялся пробиться между обоими лагерями: онъ удалился въ отдаленный понтійскій Токатъ. Въ это время султанъ пытался завязать сношенія съ эмирами по ту сторону Кизиль-Ирмака, причемъ подвергся опасности быть отрѣзаннымъ вмѣстѣ съ своимъ войскомъ, которое совершенно висѣло на воздухѣ, къ сѣверу отъ горныхъ проходоу Тавра. Дѣло въ томъ, что самъ Абака уже надвигался съ болѣе значительными силами, а ему, какъ всегда, предшествоваль ужасъ передъ монголами; поэтому теперь не было надежды на и помощь со стороны мусульманскаго населенія; дѣлать было нечего, въ первый разъ со времени вступленія своего на престолъ, Бейбарсъ долженъ былъ признать свой походъ неудачнымъ. Ибо, несмотря на побѣду при Абудустейнѣ, онъ все таки былъ неудаченъ; быстро отступая отъ приближающагося Абаки, мамлюки хотя и достигли сирійскихъ владѣній безъ затрудненій, но за ихъ спиной безпрепятственно дѣйствоваль мечъ монгольскихъ чертей, которые платили кровавою местию единовѣрцамъ своихъ враговъ. До 200.000 мирныхъ людей (это наимѣншая изъ приводимыхъ цифръ, другіе увеличиваютъ ее до 5000.00)—изъ нихъ мы всего менѣ жалѣемъ Перванэ—были убиты по мановенію Абаки: это была, быть можетъ, слишкомъ дорогая цѣна для безплодной и, во всякомъ случаѣ, не очень-то славной вѣтви въ лавровомъ вѣнкѣ султана Бейбарса. Самъ онъ умеръ уже на обратномъ пути въ Сирію (676=1277); но памятные событія въ Малой Азій не пропали даромъ и для его преемниковъ. Никто болѣе не помышлялъ о такомъ безразсудномъ предпріятіи; мусульмане ограничивались притѣсненіемъ Арменіи, когда обстоятельства, казалось, тому благопріятствовали, и медленно отнимали у нея одну мѣстность за другою *), защищали вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпость Аль-Біра (на пограничной линіи съ Евфратомъ, выдвинутую на лѣвый берегъ этой рѣки) противъ нападений монголовъ и постепенно вытѣсняли ихъ собственные аванпосты на лѣвомъ берегу рѣки. Въ 691 (1292 г.), когда нападеніе кипчаковъ на Азербейджанъ (689=1290), а вскорѣ послѣ этого смерть Аргуна (690=1291) разъединили силы враговъ; здѣсь была взята пограничная крѣпость Кал'атъ аръ-Румъ, а въ 715 (1315 г.), когда Олджайту долженъ былъ отразить хищническое нападеніе джагатаевъ и отомстить Трансоксаніи разореніемъ, даже такой значительный городъ, какъ Малатія, достался въ руки мамлюковъ, въ чемъ и состояла окончательная выгода 70-ти лѣтней войны. Правда,

*) Ср. Куглеръ, Исторія крестовыхъ походовъ.

тѣмъ временемъ Ильханы, когда только собственные родственники и эмиры давали имъ покой, многократно испытывали С и р і ю тяжелыми военными походами. Еще при Абакѣ братъ его, М а н г у-Т и м у р ь, въ 680 (1281) сильно подвинулся на югъ и стоило много труда, чтобы побѣдить его при Х и м с ѣ; да и всему египетскому могуществу вообще угрожала не малая опасность, когда съ 699—702 (1299—1303) сильный Г а з а н ь напалъ на страну до той стороны Дамаска и совершилъ на нее три энергично веденныхъ похода. Положеніе было тѣмъ болѣе серьезно, что во время второго правленія еще несовершеннолѣтняго Насира силы мамлюкескаго государства не стояли на большой высотѣ, и съ другой стороны Газанъ сговорился дѣйствовать сообща съ кипріянами и темплиерами Арада, что могло имѣть для Сиріи самыя плохія послѣдствія. Однако, какъ обыкновенно бываетъ, у христіанъ поступки не согласовались съ прекрасными словами. Напрасно ханъ, въ 699 (1299 г.) побившій въ Химсѣ эмировъ Насира, разграбившій Дамаскъ и въ 700 (1301 г.) снова появившійся въ Халебѣ, ожидалъ обѣщаннаго подкрѣпленія; когда онъ теперь въ 702 (1303 г.) послалъ впередъ своего полководца К о т л у ш а х а съ большимъ войскомъ, этотъ на время еще разъ захватилъ Дамаскъ, но сейчасъ-же послѣ этого потерпѣлъ поражение при Мерджъ а съ-С у ф ф а р ѣ отъ надвигающихся египтянъ (702=1303). Это было сильное поражение, имѣвшее рѣшительное значеніе почти для цѣлаго столѣтія. Газанъ, конечно, не хотѣлъ успокоиться на этой неудачѣ; но смерть постигла его уже въ слѣдующемъ году, а О л д ж а й т у и А б у С а ' і д ѣ были слишкомъ слабы, чтобы предпринять повтореніе столь тернистаго предпріятія. Къ тому же у нихъ были и другія заботы: къ только что упомянутой войнѣ съ джагатаями присоединились несогласія между Абу Са'идомъ и Узбекомъ, ханомъ Кипчака, который не только многократно обмѣнивался посольствами (715—719=1315—1319) съ успѣвшимъ между тѣмъ достигнуть совершеннолѣтія Насиромъ (что, впрочемъ, не имѣло большого успѣха), но въ 718 (1318 г.) еще разъ подвинулся за Дербендъ. Правда, мажордомъ Абу Са'ида, Ч о б а н ь, отбилъ это нападеніе, но все-таки возраставшее неповиновеніе вассаловъ нѣсколько лѣтъ спустя принудило Ильхана искать примиренія съ наиболѣе опаснымъ изъ своихъ внѣшнихъ враговъ. Такъ состоялся формальный мирный договоръ (723=1323) съ мамлюками, за который позднѣе еще долженъ былъ повлатиться непокорный правитель Малой Азіи, Тимурташъ: дружеское одолженіе, оказанное при этомъ Насиромъ своему союзнику, вполне уживалось съ тѣмъ, что скрытый султанъ, какъ и прежде, былъ на сторожѣ для того, чтобы извлечь выгоды изъ возрастающаго затруднительнаго положенія Хулагуидовъ.

При жизни Абу Са'ида у тѣхъ, правда, не было недостатка во всевозможныхъ возстаніяхъ и въ самовластіи крупныхъ вассаловъ, которые, не обращая вниманія на Ильхана, начинали ссориться другъ съ другомъ и даже вести междоусобныя войны; но все же единство государства, по крайней мѣрѣ внѣшнее, было отчасти сохранено. Но съ самаго момента его смерти каждый военачальникъ или намѣстникъ старался или собственными силами достигнуть самостоятельности, или же добыть какого-нибудь потомка Чингизъ-Хана, имя котораго могло служить вывѣскою для удовлетворенія собственнаго честолюбія; примѣръ этого мы видѣли въ Чобанѣ. Изъ всѣхъ мелкихъ и крупныхъ хищническихъ государствъ—ибо всѣ они были добыты хищническимъ образомъ и жили взаимнымъ хищничествомъ—самое замѣчательное безъ сомнѣнія была республика (такъ ужъ приходится называть ее) Сербедаровъ изъ Себзева́ра, одного изъ городовъ Хорасана. Какъ намъ передаютъ, вблизи этой республики одинъ государственный чиновникъ въ 736 (1335-6) хотѣлъ оскорбить женъ двухъ благочестивыхъ поселянъ; но тѣ стали защищаться, крича: «мы лучше рискуемъ потерять нашу голову (серъ) на (бе) висѣлицѣ (даръ), чѣмъ потерпимъ такой позоръ». Дерзкій палъ подъ ударами ихъ мечей, сыщикамъ же, посланнымъ для поимки убійцъ, сопротивлялись большія толпы народа. Во главѣ ихъ сталъ двуличный человекъ, по имени Абдъ арь-Раззакъ, который происходилъ отъ Алія, но, несмотря на этого сіятельнаго предка, растратилъ до послѣдней копѣйки все свое имущество вмѣстѣ со всѣми довѣренными ему государственными суммами и, выражаясь образнымъ языкомъ персидскаго историка, «былъ погруженъ въ море размысленій» какъ-бы ему снова стать на ноги. Съ своимъ быстро увеличивающимся войскомъ, къ которому онъ обратился съ крикомъ: «въ тысячу разъ лучше увидѣть свою голову на висѣлицѣ изъ-за одного человека, чѣмъ быть убитымъ недостойнымъ мужицкѣмъ образомъ» *), онъ изгналъ сначала сыщиковъ, потомъ войска этой области. Первый эмиръ Сербедаровъ (738=1338) былъ еще государемъ города Себзева́ра, который и позднѣе оставался средоточіемъ этого своеобразнаго общества, но онъ погибъ въ этомъ же году, будучи убитъ своимъ собственнымъ братомъ, Веджихъ адъ-диномъ Мас'удомъ, во время борьбы съ нимъ. Эгогъ, принявъ теперь на себя власть, напалъ на крайне выгодную для дѣла Сербедаровъ мысль, соединиться съ дервишами, которые уже тогда имѣли очень значительное вліяніе на низшіе классы населенія, вслѣдствіе этого число его сторонниковъ

*) Не лишено вѣроятія, что тутъ находятся передъ нами двѣ различныя попытки объяснить происхожденіе этого имени, изъ которыхъ одна исключаетъ другую.

возрастало съ изумительною быстротою, такъ что скоро онъ могъ воевать съ такими государями, какъ Му'ызъ адъ-динъ Куртъ изъ Херата и Тог'ай Тимуръ. Въ 745 г. (1344) онъ палъ во время дозорнаго обхода, и вскорѣ послѣ этого дервиши сами взяли это дѣло въ свои руки. Мы должны противостоятъ искушенію слѣдить за всѣми подробностями судьбы этого страннаго церковнаго государства; что касается до общаго его характера, то надо, къ сожалѣнію, сознаться, что эти благочестивые люди почти всегда вели себя самымъ безобразнымъ образомъ. Между 745 и 783 г. (1344, 1381), т. е. въ теченіе лѣтъ 37 у нихъ перемѣнилось одиннадцать начальниковъ, изъ которыхъ большею частью каждый «подсѣкалъ растеніе жизни своего предшественника», и на ряду съ различнаго рода хищническими походами и убійствами, которыми они основательно оправдали оба толкованія своего имени, они оставили по себѣ славу прямо образцовой безнравственности. Если Сербедары и имѣло чисто симптоматическое значеніе, то все же оно было въ этомъ смыслѣ не маловажно: мы видимъ, только, что тогда было все возможно: союзъ, по образцу «Бѣдныхъ дураковъ» (Арманьяковъ), могъ бы продержаться сорокъ пять лѣтъ. Изъ другихъ владѣтелей персидскихъ провинцій, пользующихся менѣе сомнительной славой, я вмѣстѣ съ Куртидами изъ Херата, царство которыхъ было довольно обширно, назову династію монгола Инджу, который былъ сначала намѣстникомъ Фарса и сыновья котораго теперь снова завладѣли этою странною; затѣмъ Музаффаридовъ, потомковъ одного перса Музаффара, который былъ полковымъ командиромъ при Газанъ-Ханѣ и сыну котораго Мубаризъ адъ-динъ Мухаммеду, въ царствованіе Абу Са'ида 719 (1319), удалось сдѣлаться правителемъ округа Іезда (между Мидіей, Фарсомъ и Кирманомъ). Въ 741 (1340) г. онъ отнялъ эту провинцію у монгольскаго намѣстника, все еще жившаго въ Кирманѣ, и не только счумѣлъ отстоять ее отъ нападеній сына Инджу, Абу Исхака изъ Фарса, но завоевалъ себѣ въ 754 (1353) г. Ширазъ, а въ 758 (1357) г. Испаханъ. Въ то же время и самъ Абу Исхакъ попалъ въ его руки; онъ велѣлъ убить его, не подозрѣвая, что скоро и его собственная участь будетъ рѣшена. Незаконный сынъ его, Шахъ-Шуджа, который считалъ себя отгѣсненнымъ и думалъ, что съ нимъ дурно обращаются, напалъ на него вмѣстѣ съ другими одинаково недовольными родственниками и заключилъ его въ тюрьму. По приказанію своего племянника и съ согласія своего сына онъ былъ ослѣпленъ (759=1358) и, послѣ неудачной попытки бѣжать, долженъ былъ провести цѣлые годы въ заточеніи, пока не умеръ въ 765 (1363-4) Шахъ-Шуджа, который въ концѣ концовъ, послѣ различныхъ столкновеній, побѣдилъ своихъ соумышленниковъ по преступленію и

другихъ соперниковъ. Въ качествѣ государя Фарса и Кирмана, онъ въ теченіе своего царствованія, продолжавшагося до 786 (1384) г., игралъ во всякомъ случаѣ немаловажную роль въ расприхъ между монголами Багдада и Адербейджана; послѣднія дѣйствія его правленія выражали собою знаки покорности въ отношеніи къ приближающемуся Тимуру.

Въ концѣ среднихъ вѣковъ въ исторіи Востока мы встрѣчаемся съ тремя извѣстными личностями, носящими имя Хассанъ; для отличія ихъ называютъ: Хассанъ-и-Бузургъ, Хассанъ-и-Кучюкъ и Узунъ-Хассанъ, т. е. Хассанъ Большой *), Хассанъ Малый и Хассанъ Длинный. Послѣдній былъ однимъ изъ начальниковъ туркменовъ, съ которымъ мы встрѣтимся еще позднѣе, а первые двое были монголы, съ которыми мы, къ сожалѣнію, должны познакомиться ближе сейчасъ-же. Большой былъ тогда начальникомъ могущественнаго племени Джелаиръ и управлялъ Малой Азіей отъ имени Ильхановъ; въ той же странѣ тайно слонялся **) Малый, внукъ Чобана, сынъ Тимурташа, прежняго правителя этой провинціи, въ то же время зять Большого; онъ выжидалъ случая, который далъ бы ему надежду поставить свой родъ на прежнюю высоту. Племя, къ которому принадлежали Чобанъ и его потомки, сельдузы, жило еще въ Адербейджанѣ; какъ разъ въ то время, когда умеръ Абу Са'идъ, угрожало новое нападеніе кипчаковъ Узбека, которое надо было предотвратить первымъ дѣломъ, поэтому ни дворъ, ни сельдузійскія войска не дождались обычнаго созванія всѣхъ родоначальниковъ, а самовольно избрали въ Ильханы Арпа-Хана, одного изъ отпрысковъ изъ дома не Хулагу, а Тули, брата Хулагу. Это былъ человекъ смѣлый, который съ находившимися въ его распоряженіи, по близости отъ резиденціи, войсками принудилъ войско Узбека къ отступленію; тѣмъ не менѣе его выборъ рѣшилъ гибель государства. Такъ какъ онъ не былъ избранъ всѣми племенами персидскихъ монголовъ, а только сельдузами и ихъ союзниками, то остальные отказались признать его, и скоро во всѣхъ концахъ и углахъ можно было найти своихъ Ильхановъ. Сначала Ойраты, имѣвшіе родоначальникомъ Алія Падішаха, дядю Абу Са'ида, тогдашняго правителя Багдада, провозгласили правнука Бейдуса, Мусу, побѣдили Арпа-Хана въ Карабагѣ, съверномъ Адербейджанѣ, и убили пойманнаго во время сраженія (736=1336); потомъ Хассанъ Большой вмѣстѣ съ своими дже-

*) Это могло означать также старшаго и младшаго Хассана. Имена этихъ двухъ—персидскія, а Узунъ Хассанъ—турецкое имя.

**) По другимъ источникамъ Абу Са'идъ будто бы поручилъ ему управление одною частью Малой Азіи.

лаирами провозгласилъ другого потомка Хулагу, Мухаммедъ-Шаха, и одновременно съ этимъ на дальнемъ востокѣ появился третій претендентъ на престолъ въ лицѣ Тогай-Тимура, котораго считали своимъ главою эмиры Хорасана. Послѣ различныхъ столкновений между этими тремя (736—737 = 1336—1337), во время которыхъ погибли Муса и его покровитель Аліи Падишахъ, въ концѣ концовъ побѣда осталась за Хассаномъ Большимъ, хотя онъ велъ дѣло и не безъ оскорбительнаго коварства; этотъ послѣдній получилъ во владѣніе оба Ирака и сѣверныя провинціи, между тѣмъ какъ Тогай-Тимуръ сохранилъ за собою Хорасанъ съ сосѣдними землями, въ особенности Мазендераномъ; тогда неожиданно (738=1338) Хассанъ Малый, ловко сдумавшій стать во главѣ Ойратовъ, лишившихся своего предводителя, напалъ изъ Малой Азіи на Адербейджанъ, побилъ Большого, защитникъ котораго, Мухаммедъ-Шахъ, хотя и сражался храбро, но палъ, и завладѣлъ столицей Тебризомъ. Въ концѣ концовъ оба Хассана—я не буду болѣе приводить именъ тѣхъ кукольныхъ Ильхановъ, которые одинъ за другимъ быстро возводились и свергались—подѣлили между собою сѣверныя и западныя провинціи, такъ что Малый царствовалъ въ Тебризѣ, а Большой—въ Багдадѣ. Южныя и восточныя округа не очень-то можно было отнять у ихъ государей: Тогай-Тимура, Курта изъ Херата, Инджу, Музаффаридовъ и т. д.;—Месопотамія и Курдистанъ также остались въ рукахъ своихъ прежнихъ ленныхъ владѣтелей, Малая Азія же подраздѣлилась: одну половину ея отдали въ управленіе Ашрафу, одному изъ братьевъ Хассана Малаго, а другую утвердили за эмиромъ Артеной, который послѣ отступленія Большого, какъ кажется, утвердился здѣсь цѣною изгнанія оставленнаго имъ помощника полководца. Правда, согласіе продолжалось недолго; уже въ 740. (1340) Хассанъ Большой опять напалъ на Малаго, но на первый разъ потерпѣлъ поражение, и въ 741 г. (1341) былъ заключенъ новый договоръ, который въ главныхъ чертахъ походилъ на предыдущій. Помимо другихъ, часто упоминавшихся нами мелкихъ государствъ, въ Багдадѣ существовала новая династія Хассана Большого и его потомковъ, династія Джелайридовъ, или, какъ ее также называютъ, Ильхановъ*), въ Тебризѣ—династія Хассана Малаго, или Чобанидовъ, а въ одной части Хорасана управлялъ послѣдній потомокъ Чингизъ-Хана, Тогай-Тимуръ.

Было бы страннымъ, если-бы безпорядки 736—741 (1335—1341) годовъ, всѣ запутанности которыхъ едва-ли выступали достаточно

*) Этотъ титулъ ниже титула Ильхановъ и его не слѣдуетъ смѣшивать съ нимъ, какъ это часто дѣлають.

ясно при краткости наше гообзора, не возбудили-бы въ мамлюкѣ Насирѣ желанія ловить рыбу въ мутной водѣ. И дѣйствительно, онъ добросовѣстно постарался выгадать въ этомъ случаѣ что нибудь для себя, да и монгольскіе полугосудари также старались заручиться помощью могущественнаго султана. Сначала Алії Падишахъ, отъ имени Мусы, а позднѣе Хассанъ Большой и на ряду съ ними съ другой стороны Артена, владѣнія котораго граничили съ сѣверной Сиріей, посылали въ Каиръ одно посольство за другимъ, предлагая помощь словомъ и деньгами и прося помощи противъ Хасана Малаго. Насиръ принялъ ихъ всѣхъ очень любезно, и сталъ, по крайней мѣрѣ къ Джелаириду, въ отношенія болѣе близкія, ибо врагъ его, Чобанидъ, былъ сынъ Тимурташа, убійство котораго было на совѣсти у султана; но и на этотъ разъ, несмотря на всѣ дипломатическія тонкости, ничего не вышло. Ибо никто не вѣрилъ другому, и каждый имѣлъ и достаточно оснований для недовѣрія: султанъ хотѣлъ прежде, чѣмъ послать войска, увидѣть монеты съ своимъ отчеканеннымъ на немъ титуломъ, а монгольскіе государи хотѣли чеканить монету только послѣ присылки войскъ. Въ концѣ концовъ Насиръ дѣйствительно могъ наслаждаться давно желанною радостью: въ 741 (1341) изъ Багдада прибыло нѣсколько монетъ съ его именемъ, но къ сожалѣнію тотчасъ послѣ этого пришло и извѣстіе, что Большой и Малый заключили тѣмъ временемъ окончательный миръ, а слѣдовательно потерявъ былъ случай достигнуть фактическаго успѣха. Здѣсь проявилась та же нерѣшительность Насира—во время бросить собственный мечъ на всѣхъ, что обыкновенно заставляло хромать всѣ его предпріятія; на этотъ разъ въ его рукахъ было столько козырей, какъ никогда, и опять выпустить ихъ изъ рукъ заслуживало-бы усиленнаго порицанія, если бы старость и болѣзнь не извиняли до нѣкоторой степени странную бездѣятельность этого властителя, приближавшагося къ смерти (741—1341). Паденіе бахритской династіи, начиная съ его смерти, помѣшало и его преемникамъ дѣлать захваты по ту сторону Тавра или Евфрата; постоянные раздоры сирійскихъ и египетскихъ мамлюкскихъ эмировъ какъ нельзя болѣе соответствовали непрерывнымъ распрямъ между новыми государствами, на которыя распалось царство Ильхановъ. Такимъ образомъ, въ послѣдніе сто лѣтъ отношенія между главными государствами ислама, обусловленные раздѣленіемъ монархіи Чингизъ-Хана и завоеваніями Хулагу, почти не измѣнились. Персидскіе монголы, заключенные на востокъ и сѣверъ между соплеменниками ихъ джагатаями и кипчаками, и на западѣ турками, мамлюками въ Сиріи и сельджукскими эмирами въ Малой Азіи, не потерпѣли значительныхъ урѣзовъ въ своихъ владѣніяхъ, несмотря на свое внутрен-

нее разъединеніе. Не только они, но всѣ сосѣди страдаютъ отъ послѣдствій той-же болѣзни—распаденія на болѣе или менѣе безпорядочныя группы племенъ, претендентовъ и эмировъ, воюющихъ другъ съ другомъ: слабость однихъ служить защитой другимъ до тѣхъ поръ, пока не явится новый Чингизъ-Ханъ, имя котораго, подобно библейскому имени: «Магер-шелал-хаш-базъ» «Спѣшить грабежъ, ускорятъ добыча» *).

---

*) См. Книга пророка Исаія, VIII, 1—4. (Священ. книга Ветхаго Завѣта въ русск. переводѣ, Спб. 1876). Во франц. переводѣ (La sainte Bible, trad. nouvelle par L. Segond, Oxford, 1880) слова: „Магер-шелал-хаш-базъ“ переведены: „qu'on se hâte de piller, qu'on se précipite sur le butin“ т. е. „пусть поспѣшатъ грабить, пусть бросаются на добычу“.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Тамерланъ.

Извѣстенъ тотъ фактъ, что почти всѣ великіе завоеватели, не останавливавшіеся передъ мелочами, но неутомимо гнавшіеся за безграничнымъ расширеніемъ своего могущества, были фаталистами; они чувствовали себя орудіями или карающаго божества, или таинственной судьбы, увлеченными непреоборимымъ теченіемъ черезъ потоки крови, черезъ груды труповъ, все впередъ и впередъ. Таковы были: Аттила, Чингизъ-Ханъ, въ нашу историческую эпоху Наполеонъ; таковъ былъ и Тамерланъ, грозный воинъ, имя котораго въ теченіе столѣтій съ ужасомъ и изумленіемъ повторялъ весь Западъ, хотя самъ онъ на этотъ разъ избѣжалъ опасности. Такая общая черта не случайна. Покореніе половины міра при отсутствіи такихъ совсѣмъ особенныхъ обстоятельствъ, какъ во время Александра Великаго, можетъ удасться только тогда, когда силы народовъ уже наполовину парализованы ужасомъ передъ приближающимся врагомъ; да и отдѣльный человекъ, если онъ не стоитъ еще просто на ступени развитія животнаго, врядъ ли способенъ принять на свою только личную совѣсть всѣ бѣдствія, которыя причиняетъ въ мірѣ беспощадная война, въ продолженіе десятковъ лѣтъ стремящаяся съ одного поля битвы на другое. Значитъ тамъ, гдѣ дѣло не идетъ о войнѣ за вѣру, въ которой уже заранѣе многое допускается, такъ какъ она прежде всего стремится къ достиженію высокой религіозной цѣли *ad majorem Dei gloriam*, только тотъ окажется на высотѣ необходимой безчувственности и безчеловѣчности, чей умъ поглощенъ неотступной идеей о божественной миссіи или о своей «звѣздѣ» и закрыть для всего, не служащаго его исключительной цѣли. Человекъ, не утратившій всякаго понятія о нравственной отвѣтственности и общечеловѣческихъ обязанностяхъ, будетъ поэтому дивиться на эти ужаснѣйшія явленія всей міровой исторіи точно такъ же, какъ можно дивиться на величественную грозу, пока громъ не ударитъ въ слишкомъ опасной близости. Приведенное соображеніе можетъ, пожалуй, служить для объясненія особенныхъ

противорѣчій, встрѣчающихся въ подобныхъ характерахъ, ни въ комъ изъ нихъ, можетъ быть, больше, чѣмъ въ Тамерланѣ или, чтобы употребить болѣе точную форму его имени, Тимуръ-ленкѣ. Нельзя сказать, чтобы кто либо изъ вождей второго монголо-татарскаго переселенія народовъ отличался отъ вождей перваго меньшей степенью дикости и свирѣлости. Извѣстно, что Тимуръ особенно любилъ, послѣ выигранной битвы или завоеванія города, соорудить возможно высокія пирамиды, то изъ однѣхъ головъ, то изъ цѣлыхъ тѣлъ убитыхъ враговъ; а тамъ, гдѣ онъ находилъ полезнымъ или нужнымъ, чтобы произвести прочное впечатлѣніе или подать примѣръ, онъ заставлялъ свои орды расправляться не лучше, чѣмъ самъ Чингизъ-Ханъ. И на ряду съ этимъ все же встрѣчаются черты, которыя въ сравненіи съ такою свирѣлостью кажутся не менѣе странными, чѣмъ пристрастіе Наполеона къ Гётевскому Вертеру рядомъ съ его грубой безпощадностью. Я вывожу это не изъ того, что подъ именемъ Тимура до насъ дошли довольно объемистыя записки, частью военные рассказы, частью разсужденія военно-политическаго характера, по содержанію которыхъ часто едва ли возможно заключить, что въ лицѣ ихъ автора мы имѣемъ передъ собой одного изъ величайшихъ изверговъ всѣхъ временъ: еслибъ даже достовѣрность ихъ была вполне доказана *), все же надо помнить, что бумага все терпитъ, и въ примѣръ можно привести мудрое законодательство Чингизъ-Хана **). Также нѣтъ надобности придавать слишкомъ большое значеніе изреченію, вырѣзанному на кольцѣ Тимура: расти-русти (по-персидски «право—сила»); что оно не было простымъ лицемѣріемъ, обнаружилось, на примѣръ, при одномъ замѣчательномъ случаѣ, во время армянскаго похода 796 (1394) года. Мѣстный лѣтописецъ ***)) описываетъ его слѣдующимъ образомъ: «Онъ сталъ лагеремъ передъ крѣпостью Пакранъ и овладѣлъ ею. Онъ велѣлъ поставить въ двѣ отдѣльныя толпы, съ одной стороны триста мусульманъ, съ другой—триста христіанъ. Послѣ того имъ было сказано: мы убьемъ христіанъ, а мусульманъ выпустимъ на свободу. Тамъ же были двое братьевъ епископа этого города, которые вмѣшались въ толпу невѣрныхъ. Но тутъ монголы подняли свои мечи, убили мусульманъ и освободили христіанъ. Тѣ два христіанина начали сейчасъ

*) Ихъ не считаютъ прямо поддѣльными, но остается сомнительнымъ, насколько единственный сохранившійся персидскій переводъ ихъ соответствуетъ оригиналу, написанному на восточно-турецкомъ языкѣ, и даже насколько этотъ оригиналъ лично написанъ или продиктованъ самимъ Тимуромъ.

**) У Schie mann, *Russland, Polen und Livland*, стр. 161.

***)) Томасъ фонъ Медцоль по переводу съ Nève, *Exposé des guerres de Tamerlan et de Schah—Rokh* (Extr. du t. XI des Mémoires publ. p. l'Académie de Belgique) Брюссель 1860, стр. 60.

же кричать: мы слуги Христовы, мы православные. Монголы воскликнули: вы солгали, поэтому мы вас не выпустимъ. И они убили обоихъ братьевъ. Это причинило епископу глубокую скорбь, хотя оба они умерли исповѣдуя истинную вѣру». Случай этотъ тѣмъ болѣе достоинъ замѣчанія, что, вообще говоря, христіане далеко не могли рассчитывать на мягкость со стороны Тимура; онъ былъ самъ мусульманинъ и хотя склонялся къ ши'итизму, однако прежде всего горячо преслѣдовалъ строгое проведеніе законовъ Корана и истребленіе иновѣрцевъ, если только они не заслуживали себѣ пощады, отказавшись отъ всякой попытки къ сопротивленію. Правда, и его единовѣрцамъ обыкновенно приходилось немногимъ лучше: «какъ хищные волки на изобильныя стада» нападали татарскія орды, теперь какъ и за 50 лѣтъ до того, на жителей городовъ и странъ, возбудившихъ неудовольствіе этого страшнаго человѣка; даже мирная сдача не всегда спасала отъ убійствъ и грабежа, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда бѣдняки подозрѣвались въ неуваженіи къ аллахову закону. Всего легче отдѣлались на этотъ разъ восточно-персидскія провинціи, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ онѣ не возбуждали гнѣва Тимура послѣдующими возстаніями, потому просто, что онѣ должны были быть присоединены къ непосредственнымъ владѣніямъ новаго побѣдителя міра; тѣмъ хуже велѣлъ онъ опустошить Арменію, Сирію и Малую Азію. Въ общемъ, его нашествіе было довершеніемъ разоренія мусульманскихъ странъ. Когда онъ умеръ, въ чисто политическомъ отношеніи все снова стало такимъ же, какъ было до него; нигдѣ обстоятельства не развернулись иначе, чѣмъ, по всей вѣроятности, было бы, еслибъ не произошло минутнаго созданія его великаго царства: но его пирамиды изъ череповъ не могли способствовать возстановленію разоренныхъ городовъ и селъ, и его «Право» не обладало во всякомъ случаѣ силой пробуждать жизнь изъ смерти; иначе, оно было, какъ говоритъ пословица, тѣмъ *summius jus*, которое есть *summa injuria*. Дѣйствительно, Тимуръ былъ только, такъ сказать, «великимъ организаторомъ побѣдъ»; искусство, съ какимъ онъ умѣлъ составлять свои войска, обучать военачальниковъ, поражать противниковъ, какъ ни мало достовѣрнаго *)

*) Одинъ знатокъ военнаго дѣла, Jähns (Geschichte des Kriegswesens, Leipzig, 1880, стр. 708 и слѣд.) находитъ особенно замѣчательнымъ методическій характеръ наставленій къ военачальникамъ, содержащихся въ запискахъ Тимура, но замѣчаетъ весьма справедливо, что «стратегическая и тактическая связь его военныхъ подвиговъ все же недостаточно ясна исторически, чтобы быть поучительною». Хорошій примѣръ того, что можетъ произойти при меньшей осторожности, можно заимствовать у Hammer-Purgstall, который беретъ сообщить много свѣдѣній о войскѣ Тимура (Gesch. d. osman. Reichs I, 309, сравн. 316); послѣ сообщенія о мундирахъ, введенныхъ въ немъ, онъ продолжаетъ: „было также два полка, совершенно покрытыхъ кирасами, древнѣйшіе кирасирскіе полки, о какихъ

мы о немъ узнаемъ, есть во всякомъ случаѣ проявленіе столько же смѣлаго и сильнаго, сколько тщательно обдумывающаго ума и изъ ряду выходящаго знанія людей. Такимъ образомъ своими тридцатью пятью походами распространилъ онъ еще разъ ужасъ монгольскаго имени отъ границъ Китая до Волги, отъ Ганга до воротъ Константинополя и Каира.

Тимуръ*)—имя это значитъ желѣзо—родился 25 Ша'бана 736 (8—9**) апрѣля 1336) года, въ предмѣстьѣ траксоксанскаго Кеша (теперь Шехрисебъзъ, къ югу отъ Самарканда) или въ одномъ изъ сосѣднихъ сель. Отецъ его, Тарагай, былъ предводителемъ татарскаго племени Барласъ (или Баруласъ) и, какъ таковой, главнымъ начальникомъ занятаго ими округа Кеша, то есть онъ владѣлъ одной изъ безчисленныхъ маленькихъ областей, на которыя давно уже распалось государство Джагатая; со смерти Барака, то одинъ, то другой изъ преемниковъ Чингизъ-Хана или изъ другихъ честолюбивыхъ предводителей старались соединить ихъ въ большія общины, но до тѣхъ поръ безъ дѣйствительныхъ результатовъ. Племя Барласъ официально причисляется къ чисто монгольскимъ, происхожденіе Тимура ведется отъ одного изъ ближайшихъ довѣренныхъ Чингизъ-Хана, а съ другой стороны отъ дочери самого сына его, Джагатая. Но онъ ни въ какомъ случаѣ не былъ монголомъ; такъ какъ Чингизъ-Ханъ считался монголомъ, то льстецы его могущественнаго преемника сочли своимъ долгомъ установить возможно близкую связь между нимъ и первымъ основателемъ міроваго владычества татаръ, и нужныя для этой цѣли родословныя были составлены только впоследствии. Уже внѣшній видъ Тимура не соответствовалъ монгольскому типу. «Онъ былъ», такъ раз-

упоминается въ военной исторіи. "Почему монгольская джиба (которая впрочемъ можетъ обозначать всякій родъ вооруженія) должна соответствовать нашей кирасѣ больше, чѣмъ панцырь, употреблявшійся и на Востокъ уже за много вѣковъ не только для пѣхоты, но и для всадниковъ, на это нѣтъ никакого указанія; съ такимъ же или съ большимъ правомъ можно бы употребить эту самую фразу, напримѣръ, для украшенія описанія персидскихъ войскъ при Кадесіи (I, 264). Изъ фразы же Хаммера и другого ученаго, впрочемъ очень заслуженнаго (Nève, указан. соч., 16) вышло уже: „l'on a pu signaler dans les principaux combats d'alors de nouveaux modes d'armement, ainsi que les premiers essais de la tactique moderne".— Vivat sequens!

*) Рядомъ съ этой, самой употребительной формой, передаются другія произношенія, какъ Тамуръ, Темиръ и т. д., различіе между которыми происходитъ отчасти отъ особенностей различныхъ турецкихъ нарѣчій.

***) По обычному расчету мухаммеданскаго времени, въ ночь съ 7 на 8, но такъ какъ днемъ недѣли указывается вторникъ, то это вѣроятно была ночь съ 8 на 9. Примѣчаніе Weil'я (Geschichte des Abbasidenkhalifats in Egypten, Bd. II. Stuttgart, 1862, S. 20 Anm. 4) мнѣ непонятно: вѣдь къ 25 Ша'бану принадлежитъ ночь, слѣдующая за 8 апрѣля, а не предшествующая ему.

сказываетъ его арабскій биографъ, строенъ и великъ, высокаго роста, какъ потомокъ древнихъ гигантовъ, съ могучей головою и лбомъ, плотный тѣломъ и сильный... цвѣтомъ кожи бѣлъ и румянь, безъ темнаго оттѣнка; широкоплечій, съ крѣпкими членами, сильными пальцами и длинными бедрами, пропорціональнаго тѣлосложенія, длиннородый, но съ недостаткомъ въ правой ногѣ и рукѣ, съ глазами полными мрачнаго огня и громкимъ голосомъ. Страха смерти онъ не зналъ: уже будучи близокъ къ 80 годамъ*), онъ сохранилъ духовно полную увѣренность въ себѣ, тѣлесно—крѣпость и упругость. По твердости и способности сопротивленія онъ подобенъ былъ каменной скалѣ. Онъ не любилъ насмѣшекъ и лжи, былъ недоступенъ шуткѣ и забавѣ, зато хотѣлъ всегда слышать одну правду, если даже она была ему непріятна; неудача никогда его не печалила, а успѣхъ никогда не веселилъ». Это изображеніе, внутренняя сторона котораго кажется совершенно соответствующей дѣйствительности, только во внѣшнихъ чертахъ не совсѣмъ согласно съ портретомъ, который намъ даютъ позднѣйшія изображенія**); тѣмъ не менѣе въ главномъ оно можетъ имѣть притязаніе на нѣкоторую достовѣрность, какъ передача основаннаго на глубокихъ впечатлѣніяхъ преданія, тамъ, гдѣ стилистическія соображенія не слишкомъ вліяли на автора, очевидно превосходно обдумывавшаго изящество и симметрію своего изложенія. Несомнѣнно существованіе тѣлеснаго недостатка***), которому онъ обязанъ своимъ персидскимъ прозвищемъ *Тимуръ-ленка*****) «хромой Тимуръ» (по турецки *Аксакъ-Тимуръ*); недостатокъ этотъ однако не могъ быть значительнымъ препятствіемъ въ его движеніяхъ, такъ какъ особенно прославлялось его умѣнье объѣзжать коней и владѣть оружіемъ. Въ тѣ времена оно могло быть особенно полезно ему. Въ обширныхъ областяхъ бывшаго царства Джагатая все обстояло снова такъ, какъ за 150 лѣтъ раньше, въ дни распаденаго государства карахитаевъ. Тамъ, гдѣ выискивался смѣлый предводитель, который умѣлъ собрать вокругъ себя нѣсколько племенъ для наѣздничества и сраженій, быстро

*) Это—историческое преувеличеніе, такъ какъ Тимуръ прожилъ всего 71 мусульманскій годъ (69 христіанскихъ).

***) Шіиты отнюдь не раздѣляютъ отвращенія суннитовъ къ картиннымъ изображеніямъ людей и звѣрей; такъ въ персидскихъ рукописяхъ, рядомъ съ обыкновенными письменными украшениями и арабесками, часто встрѣчаются всевозможные рисунки, въ томъ числѣ тончайшія миниатюры; между ними также портреты историческихъ лицъ, изъ которыхъ намъ придется сообщить еще нѣсколько въ продолженіе этого сочиненія.

****) По крайней мѣрѣ хромоты на одну ногу, употребленіе которой было ему еще затруднено раной, полученной имъ въ одной изъ прежнихъ его битвъ, о поводѣ которой показанія расходятся.

*****) Совершенно правильное произношеніе: *Тимуръ-и-ленгъ*.

возникало новое княжество, а если за нимъ появлялся другой, сильнѣйшій, оно находило не менѣе быстрый конецъ.—Подобной участи подвергались и влaстители Кеша, когда по смерти Тарагая на его мѣсто вступилъ братъ его, Хаджи-Сейфъ-адъ-динъ. Какъ разъ въ это время (760=1359), въ Кашгарѣ одному изъ членовъ дома Джагатая, преемнику Барака, по имени Туглукъ-Тимуръ, удалось провозгласить себя ханомъ и склонить многія племена Туркестана къ признанію своего достоинства. Съ ними выступилъ онъ, чтобы вновь завоевать остальные провинціи царства, изъ которыхъ самой значительной и все еще самой цвѣтущей была область Оксуса. Маленькій князь Кеша со своими слабыми силами не въ состояніи былъ противостоятъ нападению; но въ то время, какъ онъ свернулъ по направленію къ Хорасану, его племянникъ Тимуръ отправился въ непріятельскій станъ и объявилъ свое подчиненіе владычеству Туглука (761=1360). Понятно, онъ былъ принятъ съ радостью и пожалованъ областью Кеша; но едва ханъ успѣлъ увѣрится въ обладаніи Трансоксаніей, какъ между вождями племенъ въ его войскѣ загорѣлись новыя несогласія, которыя привели къ разнымъ маленькимъ войнамъ и вынудили Туглука временно возвратиться въ Кашгаръ. Пока онъ тамъ старался привлечь къ себѣ новыя и, по возможности, болѣе надежныя силы, его эмиры передрались между собою, причемъ Тимуръ постоянно вмѣшивался въ ихъ распри, заботясь прежде всего о томъ, чтобы держать въ отдаленіи своего дядю Хаджи Сейфъ-адъ-дина Кешскаго, который снова появился на горизонтѣ. Наконецъ, они помирились; но когда вновь приблизился ханъ (763=1362), которому между тѣмъ удалось набрать новыя войска, Сейфъ-адъ-динъ не довѣрился миру и отправился черезъ Оксусъ въ Хорасанъ, гдѣ онъ вскорѣ послѣ того погибъ. При новомъ распредѣленіи владѣній, которое Туглукъ произвелъ послѣ вскорѣ затѣмъ оконченнаго завоеванія Трансоксаніи и области между Хератомъ и Хиндукушемъ, онъ назначилъ своего сына Ильяса (Эліаса) вице-королемъ въ Самаркандѣ; при его дворѣ получилъ важное значеніе и Тимуръ, со смерти дяди ставшій неоспоримымъ влaстителемъ Кеша; затѣмъ ханъ отправился назадъ въ Кашгаръ. Между тѣмъ вскорѣ произошли раздоры между Тимуромъ и визиремъ Ильяса; первый долженъ былъ, какъ говорятъ, покинуть столицу послѣ того, какъ былъ открытъ задуманный имъ заговоръ, и бѣжалъ къ Хусейну, одному изъ эмировъ, враждебныхъ Туглуку и его дому, удалившемуся въ степь съ немногими приверженцами послѣ пораженія своей партіи. Тѣмъ временемъ его небольшая рать была разбѣяна правительственными войсками, и въ жизни Тимура наступилъ періодъ, полный приключеній. Онъ то скитался между Оксусомъ и Яксартомъ, то прятался въ Кешѣ или Самаркандѣ, однажды былъ про-

держанъ нѣсколько мѣсяцевъ въ плѣну однимъ изъ мелкихъ владѣтелей, потомъ выпущенъ на свободу почти безъ всякихъ средствъ, пока наконецъ ему не удалось еще разъ собрать вокругъ себя нѣсколько наѣздниковъ изъ Кеша и окрестностей для новыхъ предпріятій и съ ними пробиться на югъ. Тамъ, со времени распадѣнія царства Джагатая, Седжестанъ сталъ снова самостоятельнымъ подъ управленіемъ собственнаго князя, которому не мало хлопотъ причиняли сосѣдніе горные народы Гур а и собственно Афганистана, конечно, давно уже освободившіеся отъ всякаго иноземнаго вліянія, а иногда также владѣтели сосѣдняго Кирмана. У князя Седжестана, согласно заранѣе сдѣланному условію, снова встрѣтились Тимуръ съ Хусейномъ и въ продолженіе нѣкотораго времени помогали ему въ военныхъ дѣлахъ; затѣмъ они оставили Седжестанъ и, видимо подкрѣпленные новыми ордами бродячихъ татаръ, которыхъ было много повсюду, отправились въ мѣстность близъ Балха и Тохаристана, гдѣ они, отчасти мирнымъ путемъ, отчасти сильными нападеніями подчиняли себѣ область за областью, причемъ войска ихъ быстро возрастали по мѣрѣ успѣха. Приближавшееся противъ нихъ изъ Самарканда войско, несмотря на свое численное превосходство, было разбито ими на берегу Оксуса, благодаря удачной хитрости; Оксусъ былъ перейденъ, и тутъ населеніе Трансоксаніи, безъ того уже не очень довольное владычествомъ кашгарцевъ, толпами повалило къ обомъ эмирамъ. До какой степени изобрѣтательный умъ Тимура не упускалъ также никакого средства повредить противникамъ и распространить всюду страхъ и ужасъ передъ своими, все еще умѣренными силами, видно изъ одного разсказа объ этомъ времени. Когда онъ, разсылая свои отряды во всѣ стороны, захотѣлъ также занять снова Кешъ, то, чтобы достигнуть выступленія стоявшаго тамъ значительнаго отряда враговъ, онъ велѣлъ пустить на городъ 200 всадниковъ, изъ которыхъ каждый долженъ былъ привязать къ хвосту своей лошади большую, развѣсистую вѣтку. Поднятыя такимъ образомъ необыкновенныя облака пыли произвели на гарнизонъ впечатлѣніе, будто подступаетъ безчисленная армія; онъ успѣшно очистилъ Кешъ, и Тимуръ снова могъ раскинуть свой лагерь въ родномъ мѣстѣ. Но онъ недолго оставался празднымъ. Была получена вѣсть, что Туглукъ-Ханъ умеръ; еще до приближенія смѣлыхъ мятежниковъ, Ильясъ рѣшилъ возвратиться въ Кашгаръ, чтобы вступить тамъ на престолъ своего отца, и уже собрался въ пугъ съ своимъ войскомъ. Предполагалось, что если даже онъ не немедленно успѣетъ вернуться, то все-же появится снова черезъ короткій срокъ, чтобы отнять провинцію у мятежныхъ эмировъ. Поэтому Тимуръ и Хусейнъ сочли лучшимъ нанести еще ударъ отступавшему, пользуясь тѣмъ, что какъ разъ въ это время къ нимъ, какъ къ освободителямъ страны, со всѣхъ сторонъ

стекались новыя войска; въ самомъ дѣлѣ, имъ удалось настичь кашгарское войско въ пути, разбить его несмотря на упорную оборону и преслѣдовать за Яксартъ (765=1363). Трансоксанія оказалась снова предоставленной однимъ своимъ эмирамъ. Въ ханы избрали одного изъ потомковъ Джагатая, Кабуль-Шаха, разумѣется съ подразумѣвающимся условіемъ, чтобы онъ оставался безгласенъ; но, прежде чѣмъ положеніе вещей могло установиться, уже приблизились новыя войска изъ Кашгара подъ личнымъ предводительствомъ Ильяса. Трансоксанцы подъ начальствомъ Тимура и Хусейна выступили противъ нихъ къ востоку отъ Яксарта вблизи Шаша (Ташкента); но на этотъ разъ побѣда послѣ двухдневной битвы осталась на сторонѣ противниковъ (766=1365), самъ Тимуръ долженъ былъ отступить въ Кешъ, а послѣ и назадъ черезъ Окусъ, такъ какъ у Хусейна не хватило мужества удержать черту рѣки; все достигнутое въ прошедшемъ году казалось потеряннымъ. Но духъ мужества и самоувѣренности, который Тимуръ видимо и тогда уже умѣлъ внушать своимъ подчиненнымъ, придавъ жителямъ Самарканда силы для успѣшной обороны города, къ осадѣ котораго вскорѣ послѣ того приступилъ Ильясъ. Въ рѣшительную минуту, когда дальнѣйшая защита казалась невозможной, кони враговъ вдругъ стали падать цѣлыми массами отъ чумы; враги должны были снять осаду, и ея неудачный исходъ оказался повидимому роковымъ для самого владычества Ильяса. Молва говоритъ, по крайней мѣрѣ, что черезъ короткое время одинъ изъ эмировъ, Камаръ ад-динъ Дуглатъ, предательски лишилъ его престола и жизни и можно предположить, что наступившее вслѣдствіе этого смятеніе въ Кашгарѣ сдѣлало невозможными дальнѣйшія попытки противъ Трансоксаніи. Во всякомъ случаѣ, дальнѣйшія преданія рассказываютъ лишь о совершенно случайныхъ нападеніяхъ мелкихъ отрядовъ изъ пограничныхъ племенъ, во время новыхъ междоусобій, которыя попрежнему сочли нужнымъ завести между собой трансоксанскіе вожди по устраненіи вѣншей опасности. Въ особенности невыносимы сдѣлались вскорѣ отношенія между честолюбивымъ Тимуромъ и его прежнимъ сообщникомъ Хусейномъ, врядъ-ли такъ исключительно по винѣ послѣдняго, какъ хотятъ утверждать панегиристы Тимура. Въ быстро вспыхнувшей между ними войнѣ (767=1366), туземные эмиры по обыкновенію колебались то туда, то сюда, и однажды Тимуръ снова пришлось такъ плохо, что у него оставалось всего сотни двѣ людей. Онъ спасъ себя поступкомъ неслыханной смѣлости. Со своими 243 всадниками онъ подошелъ ночью къ крѣпости Нахшебъ (теперь Карши въ Трансоксаніи); 43 изъ нихъ должны были остаться при лошадяхъ, съ одной сотней онъ выстроился передъ одними изъ воротъ, а послѣдніе 100 должны были перелѣзть черезъ городскую стѣну,

убить заснувших у воротъ часовыхъ и тогда внустить его. Предпріятіе удалось; прежде еще чѣмъ жители узнали о близости врага, крѣпость была въ его власти—большая часть гарнизона, въ количествѣ 12000 человекъ, были расположены въ окрестностяхъ и слишкомъ поздно замѣтили, что у нихъ отнять самый центръ ихъ позиціи. Многократными короткими вылазками Тимуръ безпокоилъ то здѣсь, то тамъ вернувшихся, чтобы вновь занять городъ враговъ, такъ что они, снова преувеличивая численность его войска, наконецъ удалились (768=1366). Успѣхъ, конечно, снова привлекъ къ нему большое войско; но подобныя перемѣны произошли еще нѣсколько разъ, прежде чѣмъ ему улыбулась окончательная побѣда. Это случилось въ 771 (1369) г., когда ему удалось устроить общій союзъ эмировъ противъ Хусейна, съ которымъ онъ до того еще разъ соединился въ 769 (1367) г. по поводу дѣлежа страны. Повидимому, онъ уже выступилъ здѣсь, какъ воинъ Аллаха; по крайней мѣрѣ, онъ заставилъ одного дервиша изречь себѣ прорицаніе, уполномочивавшее его на это прозваніе, вліяніе котораго не мало способствовало увеличенію его партіи. Хусейнъ, резиденція котораго была въ Балхѣ, послѣ потерянной битвы не надѣялся удержать за собою городъ; онъ сдался, но все-же былъ убитъ двумя своими личными врагами, если не по приказанію Тимура, то все-же съ его согласія. Тимуръ сдѣлался единодержавнымъ властителемъ всей Трансоксаніи и страны къ югу до Хиндукуша.

Положеніе, которое онъ занялъ, было, безъ сомнѣнія, довольно неясно. Турокъ всегда готовъ, какъ мы это видѣли на многихъ примѣрахъ, отрубить голову своему законному государю, если ему не нравится его правленіе; но онъ крайне консервативенъ во всѣхъ религіозныхъ и политическихъ отношеніяхъ и съ трудомъ рѣшается признать за новаго владыку кого-нибудь, кто не принадлежитъ къ роду прежняго. Тимуръ слишкомъ хорошо зналъ людей, чтобы не принять въ расчетъ этого настроенія своего народа; онъ рѣшилъ представить себя просто атабегомъ (чтобы употребить уже извѣстное намъ западно-турецкое выраженіе) одного изъ Чингизъ-Ханидовъ: вѣрный признакъ того, скажемъ мимоходомъ, что онъ самъ не былъ въ родствѣ съ законной царствующей династіей. Итакъ, созданный для подтвержденія происшедшихъ перемѣнъ курилтай, совѣтъ трансоксанскихъ родоначальниковъ, долженъ былъ избрать одного изъ потомковъ Джагатая въ Хаканы или Кааны, какъ гласилъ титулъ высшаго Великаго Хана, самъ же Тимуръ присвоилъ себѣ низшій титулъ Гуръ-Хана*), который носили прежніе государи Кашгара

*) Приводимыя кромѣ этихъ почетныя названія Сахибъ-Киранъ и Джаханъ-гиръ („Владыка счастья“ и „Завоеватель міра“) я бы отвергъ, какъ введенныя позже; это—персидскія имена, Гуръ-Ханъ—турецкое. О значеніи послѣдняго

и Самарканда и приказалъ официально называть себя не Тимуръ-Ханомъ, но только Тимуръ-бегомъ или эмиромъ Тимуромъ. Это какъ бы Наполеонъ, который остановился на титулѣ перваго консула; его преемники только прекратили избранія Великаго Хана, сами же тоже никогда не принимали этого титула *), а довольствовались званіемъ бега или шаха. Правда, что они не имѣли никакого повода особенно величаться, такъ какъ тотчасъ послѣ смерти Тимура насильно собранное имъ царство распалось на части, какъ и до него оно было составлено изъ кусковъ и обрывковъ. Уже не разъ мы ясно могли видѣть, что у этихъ, все еще на половину кочевыхъ, народовъ власть правителя основывалась единственно на томъ вліяніи, которое онъ умѣлъ пріобрѣсти своей личностью. Безконечный трудъ, какого стоило Тимуру возвыситься изъ мелкаго начальника до высшаго бега цѣлой Трансоксаніи во время десятилѣтнихъ войнъ, въ теченіе которыхъ, почти до момента своего окончательнаго успѣха, ему часто приходилось видѣть себя въ положеніи полководца безъ войска; съ другой стороны, полная невозможность сохранить послѣ своей смерти единство своего сборнаго государства представляютъ такую рѣзкую противоположность съ безпрекословнымъ повиновеніемъ, которое оказывали ему въ продолженіе цѣлыхъ двадцати-шести лѣтъ, съ самаго признанія его всеобщимъ повелителемъ, всѣ его необузданные соплеменники безъ исключенія, что мы думали бы имѣть передъ собою загадку, еслибъ упомянутая основная черта турецкаго характера не давала простого и удовлетворительнаго объясненія; а именно: турки, а не собственно монголы играли съ Тимуромъ главную роль при второмъ нашествіи на переднюю Азію; такъ какъ, если даже отдѣльныя монгольскія племена остались со временъ Чингизъ-Хана въ земляхъ Джагатая, подавляющее большинство населенія, исключая персидскихъ таджиковъ, состояло все же изъ турокъ въ широкомъ смыслѣ слова, и монгольское меньшинство давно уже исчезло въ немъ. Въ сущности, это, конечно, не сдѣлало большой разницы; не совсѣмъ такими кровожадными и варварскими, какъ орды Чингизъ-Хана, но тоже достаточно кровожадными и варварскими являлись войска Тимура во всѣхъ странахъ, на которыя насылалъ ихъ великій завоеватель съ той минуты, какъ онъ получилъ власть въ свои руки въ Трансоксаніи, и печальнымъ ре-

слова см. выше, стр. 189, прим.; неудачная мысль Хаммеръ-Пургсталля перевести его какъ „большой волкъ“, къ несчастью ввела въ заблужденіе многихъ историковъ. Относительно этого слѣдуетъ поправить и Hertzberg'a (Gesch. der Byzantiner und des Osmanischen Reiches, стр. 525).

*) Хотя персидскіе историки изъ лести часто называютъ напр. Шáхъ-Роха Хаканомъ.

зультатомъ его великой военной дѣятельности было и остается окончательное паденіе восточной цивилизаціи среднихъ вѣковъ.

Не безъ дальнѣйшихъ хлопотъ удалось новому государю Трансоксаніи удержать въ своей власти совершенно отвыкшихъ отъ подчиненія и повиновенія беговъ. Не разъ въ теченіе слѣдующихъ годовъ разсказывается о самонадѣянныхъ эмирахъ и ноянахъ, которые отказывались терпѣть надъ собою начальника, какимъ бы сильнымъ онъ ни являлся; но это были всегда отдѣльные и лишеныя связи возстанія, подавить которыя удавалось безъ большого труда. Въ такихъ случаяхъ достойна замѣчанія мягкость, на самомъ дѣлѣ несвойственная Тимуру, которую онъ выказалъ людямъ, не хотѣвшимъ признавать возвышенія надъ собою своего, нѣкогда едва равноправнаго съ ними, товарища: видно, что онъ заботился о восстановленіи единства, которое не нарушалось бы чувствами мести отдѣльныхъ родовъ, и уже потомъ надѣялся силою своей личности и своихъ внѣшнихъ успѣховъ, побѣдами и добычей, которыя онъ доставлялъ своимъ, постепенно превратить всякое прекословіе въ одушевленную преданность. Ему было теперь тридцать четыре года; его знаніе людей, военные способности и таланты правителя успѣли развиться до полной зрѣлости въ теченіе долгаго времени испытаній, и по простествіи двухъ десятилѣтій ему удалось достигнуть своей цѣли. А именно, до 781 (1379) г. почти ежегодными походами было покорено все пространство стараго царства Джагатая, въ то-же время усмирены бунты, часто перемѣшавшіеся съ этими войнами, наконецъ, вліяніе новаго могущества распространено и на сѣверозападъ. Кромѣ Камаръ адъ-дина Кашгарскаго, особенно много хлопотъ причиняло усмиреніе эмира города Хорезма, съ давняго времени пользовавшагося довольно большой самостоятельностью въ своемъ въ сторонѣ лежавшемъ оазисѣ; едва бывалъ заключенъ мирный договоръ, и Тимуръ прибывалъ опять въ свою столицу, какъ обыкновенно приходило вскорѣ извѣстіе, что Юсуфъ-Бекъ — такъ звали владѣтеля Хорезма—подъ какимъ-нибудь предлогомъ снова возсталъ. Наконецъ, въ 781 (1379) г. этотъ упрямый челоуѣкъ умеръ, въ то время какъ столица его снова находилась въ осадѣ; жители продолжали еще нѣкоторое время оборону, пока городъ не былъ взятъ силою, и тутъ его постигло основательное наказаніе. Страна поступила въ непосредственное владѣніе Тимура, между тѣмъ какъ въ отдаленной и далеко къ востоку простиравшейся Кашгарской области завоеватель удовольствовался тѣмъ, что послѣ нѣсколькихъ побѣдъ въ 776—777 (1375—1376) годахъ принудилъ Камаръ адъ-дина къ бѣгству въ среднеазиатскія степи и принялъ присягу въ вѣрности себѣ отъ племенъ, до тѣхъ поръ ему подвластныхъ. Значительная часть ихъ, вѣроятно, увеличила

собой армию Тимура: уже по возвращеніи съ востока мы находимъ его достаточно сильнымъ, чтобы вмѣшаться въ дѣла значительно большаго, хотя, безъ сомнѣнія, разслабленнаго внутренними смутами государства, именно Кипчака, которое со времени смерти Узбека, сына Джанни-Бека (758=1357), было потрясено продолжительными дворцовыми революціями и распалось на нѣсколько отдѣльных государствъ*), совершенно какъ царство Джагатая, съ той разницей, что оно до тѣхъ поръ не нашло себѣ такого сильного возстановителя, какъ Тимуръ. Около 776 (1375) г. западная часть Кипчака, область собственно «Золотой Орды», находилась во власти одного данника тамошняго хана, Мамая, между тѣмъ какъ на востокѣ Яика (рѣки Урала), послѣ многочисленныхъ ссоръ между различными потомками Джучи, въ то время одержавъ верхъ Урусъ-Ханъ. Онъ велъ войну съ однимъ соперникомъ, Тулумемъ**), который оказывалъ сопротивленіе его планамъ, направленнымъ къ объединенію всѣхъ племенъ восточнаго Кипчака; когда Тулуй погибъ въ одной битвѣ, его сынъ Тохтамышъ бѣжалъ къ Тимуру, только что вернувшемуся изъ Кашгара въ Трансоксию (777=1376). Кипчакская область между Хорезмомъ и Яксартомъ непосредственно касалась трансоксанской границы, и Тимуръ, не долго думая, воспользовался случаемъ распространить свое вліяніе и въ эту сторону, оказавъ поддержку претенденту. Тохтамышъ, который, разумѣется, съ самаго начала долженъ былъ объявить себя вассаломъ своего покровителя, получилъ небольшое войско, съ которымъ онъ пошелъ внизъ по Яксаргу и завладѣлъ областями Отрара и окрестными; но такъ какъ въ то же время до середины 778 (конца 1376) г. онъ многократно далъ себя побить сыновьямъ Уруса, то Тимуръ наконецъ самъ выступилъ противъ нихъ. Зима помѣшала рѣшительному успѣху, но тѣмъ временемъ умеръ Урусъ, а противъ его сына, неспособнаго, предавнаго однимъ чувственнымъ наслажденіямъ, Тимура-Мелика, скоро воцарилось предубѣжденіе среди его собственныхъ подданныхъ; поэтому Тохтамышъ со вторично вѣрннымъ ему трансоксанскимъ войскомъ оказался, наконецъ, въ силахъ разбить непріятельскія войска (конецъ 778=1377) ***) и при второмъ столкновеніи взять въ плѣнъ

*) S. Schieman n, Russland, Polen und Livland, стр. 266 и слѣд.

**) Обыкновенно предполагается, что онъ былъ двоюроднымъ братомъ Уруса; но см. Howorth History of the Mongols, II, 1, London 1880, стр. 225.

***) Не 1376 (Schieman n, указ. сочин. стр. 277, вѣроятно по Hammer-Purgstall, Geschichte der Goldenen Horde, Pest. 1840, стр. 333). 778 годъ хиджры, въ которомъ произошла битва, продолжается отъ 21 мая 1376 до 10 мая 1377, и въ концѣ 1376 былъ собственный походъ Тимура; новое предпріятіе Тохтамыша приходится на весну 1377=конецъ 778.

самого Тимура Мелика. Онъ велѣлъ его умертвить и теперь уже скоро добился своего признанія во всей восточной половинѣ Кипчакскаго царства; съ этого времени до 1381 (783) г. онъ совершилъ еще завоеваніе царства Золотой Орды въ Россіи, уже сильно поколебленнаго пораженьемъ Мамай великимъ княземъ Дмитріемъ *) въ 1380 (782) г. и этимъ закончилъ возстановленіе государственнаго единства всѣхъ прежнихъ Кипчакскихъ владѣній. Этимъ они номинально поступали подъ верховное владычество Тимура; но мы скоро увидимъ, что Тохтамышъ только ожидалъ случая отказаться отъ службы своему прежнему покровителю.

Какъ только успѣхъ Тохтамыша въ Кипчакѣ сталъ дѣломъ рѣшеннымъ, Тимуръ могъ на время спокойно предоставить ему дальнѣйшее веденіе своего предпріятія, когда же въ 781 (1379) г. было сломано послѣднее сопротивленіе жителей Хорезма и этимъ весь сѣверъ и востокъ сдѣлались ему подвластными, Тимуръ могъ подумать о томъ, чтобы выступить завоевателемъ также на западъ и югъ. Персидскія, арабскія и турецкія земли, несмотря на всѣ опустошенія, которымъ онѣ подвергались уже въ теченіе столѣтій, все еще были для кочующей толпы скудной средней Азіи обѣтованной землей, полной необыкновенныхъ сокровищъ и наслажденій, и еще разъ основательно ограбить ее представлялось имъ далеко не неблагодарнымъ трудомъ. Тѣмъ болѣе понятно, что съ той минуты, какъ Тимуръ перешелъ Оксусъ, прекращаются почти всякія попытки эмировъ Трансоксаніи и непосредственно принадлежащихъ къ ней областей—подвергнуть сомнѣнію его владычество; его господство надъ войскомъ, которое онъ себѣ досталъ, дѣлается неограниченнымъ. Въ областяхъ Хорезма и Кашгара, имѣвшихъ за собой долгую самостоятельность, мы, правда, еще встрѣчаемъ позже отдѣльныя попытки свергнуть иго, когда великій завоеватель находится въ сотняхъ миль разстоянія отъ какого нибудь честолюбиваго предводителя или изгнаннаго князя; но въ общемъ, съ начала своего перваго персидскаго похода, Тимуръ безъ малѣйшаго затрудненія пользовался безусловнымъ послушаніемъ тѣхъ сотенъ тысячъ**), до которыхъ скоро возросли его войска. Тяжесть обязанностей, которыя онъ возлагалъ на нихъ и на себя, безпримѣрна и далеко превосходитъ все бывшее при Чингизъ-Ханѣ: тотъ распоряжался цѣлымъ множествомъ

*) Schiemanп, указ. сочин. стр. 271—276.

**) Цифры здѣсь снова сильно преувеличиваются историками. Это особенно очевидно выстунаетъ въ слѣдующихъ примѣрахъ: въ показаніи, что при Ангорѣ сражались 800.000 солдатъ Тимура противъ 400.000 Баязида, и въ еще болѣе смѣломъ заявленіи армянскаго лѣтописца, будто при взятіи Дамаска участвовало 700.000 человекъ (Nève, Exposé des guerres de Tamerlan et de Schah-Rokh; Брюссель 1860, стр. 72).

большихъ полковъ, которые онъ разсылалъ лучеобразно подъ предводительствомъ разныхъ начальниковъ; Тимуръ обыкновенно лично велъ все свои походы, если дѣло не шло о совсѣмъ незначительныхъ набѣгахъ, и не разъ дѣлалъ переходы изъ Трансоксаніи прямо въ Малую Азію и Сирію, или обратно. Для вѣрной оцѣнки его военной дѣятельности не слѣдуетъ также оставлять безъ вниманія, что въ Передней Азіи ему приходилось имѣть дѣло съ менѣе жалкими противниками, чѣмъ въ большинствѣ случаевъ полководцамъ Чингизъ-Хана: монголы и татары мало-по-малу перестали быть чѣмъ-то новымъ; паническій страхъ, предшествовавшій имъ при ихъ первомъ появленіи, не могъ уже повториться; теперь приходилось выдерживать битвы иного рода, преодолевать гораздо болѣе мужественное сопротивление, и довольно часто за уходомъ свирѣпшаго побѣдителя слѣдовало возстаніе побѣжденныхъ, требовавшее новой войны для своего усмирения. Такимъ образомъ Самаркандъ, который Тимуръ сдѣлалъ столицей своего царства, и Кешъ, оставленный какъ лѣтняя резиденція, рѣдко удостоивались чести принимать въ своихъ стѣнахъ грознаго бега; большіе дворцы и парки, которые онъ по татарскому обычаю велѣлъ выстроить и развести въ обонихъ этихъ мѣстахъ, какъ позже и во многихъ другихъ большихъ городахъ становившагося все обширнѣе государства, стояли большей частью пустыми: его отечествомъ былъ военный лагерь.

Тимуръ былъ не такой человѣкъ, чтобы остановиться за неимѣніемъ предлога къ войнѣ, когда въ 782 (1380) году онъ приготовился напасть на эмира хератскаго, своего ближайшаго сосѣда на западѣ. Какъ нѣкогда Чингизъ-Ханъ потребовалъ отъ шаха Хорезма Мухаммеда признанія своего владычества въ той лестной формѣ, что просилъ его считать себя его сыномъ, такъ и Тимуръ не менѣе вѣжливо просилъ Куртида Гіясъ адъ-дина, царствовавшего тогда въ Хератѣ, посѣтить его, чтобы принять участіе въ курилтаѣ, на который собирался въ Самаркандѣ избранный кружокъ эмировъ, т. е. вассаловъ приглашавшаго. Гіясъ адъ-динъ понялъ цѣль приглашенія, и хотя онъ повидимому не выказалъ своего смущенія, а напротивъ, очень любезно обѣщалъ пріѣхать позже при удобномъ случаѣ, все же онъ счелъ нужнымъ привести въ порядокъ крѣпостныя укрѣпленія Херата, въ то время какъ самъ онъ долженъ былъ посвятить себя еще другой задачѣ. Его безпокойные сосѣди, опасные Сербедары изъ Себевара снова вынудили его наказать ихъ за какія-то нарушенія порядка. Безстыдство этихъ интересныхъ головорѣзовъ съ теченіемъ годовъ становилось все хуже, такъ что они дѣлались тягостными всей окрестности, несмотря на почти безпрестанныя ссоры ихъ между собой. Самая дерзкая ихъ выходка уже въ концѣ 753 (нач. 1353) г.

привела въ изумленіе весь міръ: ихъ тогдашній правитель, Ходжа Яхья Керравій, отрубилъ голову послѣдному Ильхану Тогай-Тимуру, потребовавшему отъ него клятвы въ вѣрности, въ его собственной резиденціи въ Джурджанѣ, куда Ходжа явился какъ бы для исполненія этого требованія со свитой въ 300 человекъ;—«всякій» замѣчаетъ при этомъ персидскій историкъ, «кто когда нибудь узнаетъ объ этой ихъ безразсудной храбрости, будетъ грызть палець изумленія зубомъ удивленія». Во всякомъ случаѣ, ихъ дальнѣйшія попытки присвоить себѣ область, которою еще владѣлъ Тогай-Тимуръ—она обнимала собой главнымъ образомъ Джурджанъ и Мазандеранъ—не удалась; одинъ изъ офицеровъ убитаго князя, эмиръ Вали, провозгласилъ себя тамъ государемъ и удержался противъ сербедаровъ; но, несмотря на это, они остались большимъ мѣстомъ восточно-персидскихъ князей, и особенно много хлопотъ съ ними приходилось безпрестанно имѣть властителямъ Херата. Такъ и теперь: въ то время какъ Гіясъ адъ-динъ отнялъ у сербедаровъ Нишапуръ, который они уже давно себѣ присвоили, съ другой стороны во владѣнія Херата ворвался сынъ Тимура, Миранъ-Шахъ, съ войскомъ изъ Балха (конецъ 782—нач. 1381). Вскорѣ за нимъ послѣдовалъ и отецъ съ главной арміей: Серахсъ, гдѣ командовалъ братъ Гіясъ адъ-дина, долженъ былъ сдаться, Бушенджъ былъ взятъ приступомъ, самъ Хератъ сильно осажденъ. Городъ хорошо защищался; тогда Тимуръ сталъ грозить Гіясъ адъ-дину, что если городъ не сдаться добровольно, онъ сравняетъ его съ землей и велитъ перебить все, живущее въ немъ. Маленькій князекъ, который одинъ не могъ долго противиться такой превосходной силѣ и не смѣлъ рассчитывать на помощь съ запада, упалъ духомъ: вмѣсто того, чтобы вести войско на выручку, онъ рѣшился на сдачу. Также и удалцы себеварскіе на этотъ разъ не поддержали чести своего имени: они сейчасъ-же выказали готовность привѣтствовать опаснаго завоевателя какъ покорные слуги; только позже, когда гнетъ иностраннаго владычества сдѣлался имъ тягостнымъ, выказали они еще въ нѣсколькихъ возмущеніяхъ свою старую отвагу. Въ одномъ отношеніи впрочемъ самъ великій полководецъ слѣдовалъ примѣру шаекъ коммунистовъ: онъ дружилъ, гдѣ только могъ, съ дервишами, чтобы извлекать пользу изъ большого вліянія этихъ бродячихъ святыхъ или святыхъ бродягъ на низшіе народныя классы, какъ онъ уже пытался это дѣлать въ началѣ своего поприща. Этому соотвѣтствовало и то обстоятельство, что онъ придерживался шиитизма *), хотя въ его войскахъ господствовалъ

*) Такъ рассказываютъ мусульманскіе историки. Не слѣдуетъ однако умалчать о томъ, что по свидѣтельству одного западнаго путешественника, который проникъ до двора Тимура, его поведеніе далеко не было поведеніемъ ревностнаго мусульманина: ср. J. Talboys Wheeler, The History of India. Vol. IV, p. I, London

турецкій элементъ: его правилу, что какъ на небѣ одинъ Богъ, такъ и на землѣ долженъ существовать только одинъ властитель, болѣе подходили догматы Дюжинниковъ, чѣмъ ученіе суннитовъ, все еще признававшихъ истинной главой Ислама египетскихъ халифовъ Аббасидовъ.— Конечно, недолго все продолжало идти такъ ровно, какъ сначала. Крѣпость эмира Вали, Исфараинъ, пришлось взять штурмомъ, и только тогда онъ рѣшился подчиниться; но едва трансоксанцы удалились изъ его земли, какъ онъ уже снова выказалъ желаніе самому перейти въ наступленіе. Сербедары также возстали, а въ Хератѣ и окрестностяхъ нѣсколько храбрыхъ предводителей отказывались отъ повиновенія, несмотря на заключенный миръ. Отвѣтственность за послѣднее была возложена на Гіясъ адъ-дина, и онъ былъ посланъ со своимъ сыномъ въ крѣпость, гдѣ ихъ позже умертвили; тогда-же трансоксанцы огнемъ и мечемъ въ продолженіе 783—785 (конецъ 1381—1383) устранили всякое сопротивленіе въ этихъ мѣстностяхъ. Какимъ образомъ это происходило, можно себѣ представить, если знать, что при вторичномъ взятіи Себзеvara, уже раньше отчасти разореннаго, 2000 плѣнныхъ послужили матеріаломъ для постройки башенъ, причѣмъ ихъ клали рядами между пластами камня и известки и такъ замуровывали живыми. Почти также ужасно свирѣпствовали орды Тимура въ Седжестанѣ, властитель котораго Кутбъ адъ-динъ хотя сдался, но не могъ принудить свои войска, болѣе жаждавшія битвы, сложить оружіе. Потребовалось еще горячее сраженіе, пока эти 20.000 или 30.000 человекъ были отброшены въ главный городъ Зеренджъ; за это раздраженный побѣдитель по входѣ своемъ въ городъ приказалъ перебить всѣхъ жителей «до ребенка въ колыбели» (785—1383). Потомъ завоеваніе пошло дальше въ горы Афганистана: были взяты Кабуль и Кандахаръ, покорена вся земля до Пенджаба, и такимъ образомъ на юго-востокѣ опять достигнута граница владѣчества Чингизъ-Хана. Тѣмъ временемъ сдѣлалось необходимымъ во второй разъ вторгнуться въ область бывшего ханства Кашгарскаго. Между владѣвшими имъ племенами уже со времени Туглукъ-Тимура выдвинулись на первый планъ джеты, которые кочевали на востокъ, къ сѣверу отъ верхняго Яксарта, до той стороны озера Иссыкъ-

---

1876, стр. 127 прим. 7. Выводы Wheeler'a нельзя признать несомнѣнными, такъ какъ онъ почерпнулъ свои свѣдѣнія главнымъ образомъ изъ монгольской исторіи патера Катру, достовѣрность источниковъ которой не доказана; рѣшительное мнѣніе, высказанное въ указанномъ примѣчаніи, кажется мнѣ сомнительнымъ по своей достовѣрности. Поэтому я придерживался общепринятаго разсказа.

Кула *). Они появляются подъ предводительствомъ то Камаръ адъ-дина, то Хизръ Ходжи **), сына Ильяса, которые, сколько разъ ихъ ни изгоняли изъ ихъ земель, всегда возвращались черезъ нѣкоторое время, чтобы возстановлять противъ Тимура племена Кашгарскаго царства. Такъ и теперь, мятежныя волненія между джетами вызвали походъ; въ 785 (1383) г. трансоксанское войско пробралось черезъ всю страну за озеро Иссыкъ-Куль, не поймавъ однако нигдѣ самого Камаръ адъ-дина. Извѣстiе объ этомъ застало Тимура въ Самаркандѣ, гдѣ онъ промедлил въ 786 (1384) г. нѣсколько мѣсяцевъ, по счастливомъ окончанiи афганскаго похода, украсая свою резиденцію награбленными сокровищами и рѣдкостями и водворяя различныхъ искусныхъ ремесленниковъ, которыхъ онъ, по татарскому обычаю, насильно привезъ изъ Херата и другихъ городовъ, чтобы привить ремесла на своей родинѣ. Такъ какъ на востокъ было пока водворено спокойствiе, онъ могъ теперь самъ снова направиться въ Персiю, гдѣ храбрый и неутомимый эмиръ Вали опять выступилъ во главѣ войска, несмотря на пораженiя предыдущаго года. Этотъ способный и провицательный человекъ съ самаго перваго появленiя Тимура въ Хорасанѣ тщетно хлопоталъ о томъ, чтобы соединить князей южной и западной Персiи въ общiй союзъ противъ угрожающаго завоевателя: тотъ изъ нихъ, который обладалъ наибольшимъ политическимъ смысломъ, Музаффаридъ Шахъ-Шуджа, счель, согласно старымъ преданiямъ своего княжества, всего благоразумнѣе съ самаго начала отказаться отъ всякаго сопротивленiя, и еще незадолго до своей смерти послалъ драгоценныя подарки Тимуру и просилъ его покровительства для своихъ сыновей и родственниковъ, между которыми онъ хотѣлъ раздѣ-

*) Точнѣ Иссыкъ-Гѣль, „Теплое озеро“, между горами, къ югу отъ озера Балхашъ.

**) Хизръ есть персидско-турецкое произношенiе арабскаго имени Хидръ. Отношенiя этого князя къ Камаръ адъ-дину, убийцѣ его отца, неясны; послѣ похода полководцевъ Тимура въ 792 (1390 г.), Камаръ адъ-динъ больше не упоминается, и по Хейдеръ-Рази (Notices et extraits XIV, Парижъ 1843, стр. 479) Хидръ по смерти этого узурпатора достигъ господства надъ племенами бывшаго Кашгарскаго ханства. Но у Шерефъ адъ-дина (Deguignes, Allgemeine Geschichte der Hunnen und Türken, übers. v. Dähnert, Bd. IV, Greifswald 1771, стр. 32,35) предводителемъ джетовъ и принадлежащихъ къ нимъ племенъ является въ 791 г. (1389) уже Хидръ, а въ 792 (1390) снова Камаръ адъ-динъ; значить между этими племенами должно было произойти на нѣкоторое время раздѣленiе, причемъ одни повиновались молодому Хидру, а другiе Камаръ адъ-дину. Подробнѣйшiя свѣдѣнiя до сихъ поръ неизвѣстны; позже Хидръ Ходжа является единоподержавнымъ властителемъ въ мирныхъ сношенiяхъ съ Тимуромъ (по Хондемиру, перев. Degémeru, Journ. as. IV série, t. 19, Парижъ 1852, стр. 282)

лить свои провинціи; остальные же слѣдовали политикѣ страуса, еще болѣе излюбленной на Востока, чѣмъ даже въ Англіи, и не думали о томъ, чтобы придти на помощь владѣтелю Джорджана и Мазендерана. Этотъ послѣдній, когда къ нему подступилъ Тимуръ въ 786 (1384) г., сражался, какъ отчаянный; онъ оспаривалъ у врага каждую пядь земли, но долго противоборствовать такому сильному противнику было невозможно. Наконецъ, онъ долженъ былъ оставить и свою столицу Астерабадъ; въ то время, какъ всѣ ужасы татарской свирѣпости разразились надъ несчастнымъ населеніемъ, Вали бросился черезъ Дамеганъ въ Рей, оттуда, какъ рассказываютъ, въ Табаристанскія горы. Показанія о его концѣ расходятся; вѣрно только то, что вскорѣ затѣмъ его постигла смерть среди сумятицы, которую вызвало и въ остальной Персіи дальнѣйшее наступленіе Тимура на западъ.

Прежде всего онъ двинулся на страну между самимъ Реемъ и Тебризомъ, столицей прежнихъ Ильхановъ. Мы помнимъ, что по мирному договору между Малымъ и Большимъ Хасанами, Мидія и Адербейджанъ достались первому, а послѣдній удовольствовался арабскимъ Иракомъ. Но Малому Хасану недолго пришлось пользоваться своимъ, наконецъ, упроченнымъ владычествомъ; уже въ 744 (1343) г. онъ былъ убитъ своею собственной женой, думавшей, что до свѣдѣнія ея мужа дошли любовныя отношенія ея къ одному изъ эмировъ. Хулагуидъ, именемъ котораго правилъ Хасанъ, сдѣлалъ слабую попытку управлять теперь самостоятельно, но былъ устраненъ братомъ убитаго, Ашрафомъ, успѣвшимъ прибыть изъ Малой Азіи. Побѣдитель расположилъ свою резиденцію въ Тебризѣ; но если Малый Хасанъ не могъ считаться человѣкомъ съ очень щекотливой совѣстью, то Ашрафъ былъ прямо отвратительнѣйшимъ тираномъ. Въ концѣ концовъ, онъ такъ основательно надоѣлъ многимъ изъ своихъ собственныхъ эмировъ, что они призвали въ страну Джани-Бека, хана Золотой Орды, который въ 757 (1356) г. въ самомъ дѣлѣ вторгнулся въ Адербейджанъ и умертвилъ Ашрафа. Съ нимъ пришло къ концу кратковременное владычество Чобанидовъ. Кипчакскіе князья, конечно, должны были немедленно отступить отъ только что приобретенной собственности: уже въ 758 (1357) г. Джани Бекъ былъ убитъ своимъ собственнымъ сыномъ Берди-Беккомъ, и естественно слѣдовавшій за такимъ насиліемъ упадокъ династіи сдѣлалъ надолго невозможными дальнѣйшія предпріятія противъ южнаго Кавказа. Это дало возможность Джелаириду Увейсу, сыну тоже умершаго въ 757 (1356) Большого Хасана, овладѣть послѣ нѣсколькихъ промежуточныхъ перемѣнъ, Адербейджаномъ и Мидіей до Рея, такъ

что теперь Ильканы соединили уже подь своимъ скипетромъ и Иракъ и Азербейджанъ.

Но жизнь, которую они вели въ своей резиденціи Тебризѣ, далеко не была спокойна. Увейсъ (757—776=1356—1375) былъ, безъ сомнѣнія, сильный князь; онъ немедленно усмирилъ (767=1366) случайное возстаніе своего намѣстника въ Багдадѣ, и давалъ также чувствовать свою силу князьямъ Ширвана и мазендеранскому эмиру Вали, съ владѣніями котораго его собственныя граничили при Рей. Но съ его смертью уже кончилось процвѣтаніе Джелаиридовъ. Слѣдующему за нимъ сыну его, Хусейну (776—783*) = 1375—1381), уже больше не удавалось обуздывать смѣнявшіеся одно другимъ возстанія своихъ родственниковъ и другихъ эмировъ, которыя перемѣшались самымъ затруднительнымъ образомъ съ нападеніями музаффаридскаго Шаха-Шуджи на Багдадъ и на сѣверную Мидію; въ концѣ концовъ, его братъ Ахмедъ напалъ на него въ Тебризѣ, убилъ его и захватилъ въ свои руки власть, которою и пользовался со многими перемѣнами и перерывами до 813 (1410) г. Это былъ своевольный и жестокій, даже свирѣпый князь, но хитрый и упрямый человѣкъ, который никогда не давалъ несчастью сломить себя, и выдержалъ всѣ бури, разразившіеся кругомъ него со времени нашествія Тимура до самой смерти страшнаго завоевателя міра, чтобы, въ концѣ концовъ, сдѣлаться жертвой своего собственного честолюбія. При этомъ онъ былъ образованный человѣкъ, любилъ поэзію и музыку; самъ былъ хорошимъ поэтомъ, равно какъ превосходнымъ художникомъ и каллиграфомъ; короче, во многихъ отношеніяхъ замѣчательнымъ человѣкомъ: жаль только, что онъ предавался употребленію опиума, въ то время все болѣе и болѣе распространявшемуся между дервишами, какъ и между мірянами, вслѣдствіе чего часто дѣлался совершенно невмѣняемымъ — въ этомъ состояніи онъ, повидимому, и совершилъ самую худшія изъ своихъ кровавыхъ дѣлъ. Это былъ тотъ самый Ахмедъ, который среди различныхъ ссоръ со своими братьями, тоже заявлявшими притязанія на престолъ, пропустилъ мимо своихъ ушей крикъ о помощи эмира Вали, и которому теперь пришлось самому почувствовать когти тигра, въ ту минуту, какъ храбрець-эмиръ былъ побѣжденъ. Въ концѣ 786 и до осени 787 (1385), Тимуръ былъ, правда, занятъ только одной заботой—уничтожить Вали: хотя онъ преслѣдовалъ его черезъ границу, когда тотъ удалился въ Рей, т. е. во владѣнія Ахмеда, и хотя безъ труда взялъ еще Султанію у Джелаириды, положеніе котораго въ этой странѣ не было прочно, какъ только Вали между тѣмъ скрылся, татары еще разъ по-

*) По другимъ даннымъ 784=1382.

вернули, чтобы прежде всего обезпечить за собой Табаристанъ, лежавшій у ихъ фланга. Послѣ того, какъ города этой страны покорились безъ боя, Тимуръ, довольный пока успѣхомъ этого похода, вернулся въ Самаркандъ, чтобы приготовить еще большія силы къ слѣдующему. О томъ, чтобы онъ не нуждался въ предлогѣ для новаго вторженія въ провинціи Ахмеда, позаботился Тохтамышъ, назначенный имъ ханъ Золотой Орды. Онъ началъ чувствовать свою силу съ тѣхъ поръ, какъ вновь покоришь русскихъ подъ татарское иго, коварно завоевавъ и страшно опустошивъ Москву (784=1382), и на нѣкоторое время былъ обезпеченъ отъ всякой опасности съ этой стороны *); тѣмъ живѣе испытывалъ онъ желаніе уклониться отъ верховнаго владычества Тимура и уже послалъ въ Тебризъ къ Ахмеду пословъ, чтобы предложить ему союзъ противъ общаго врага. Мы не можемъ угадать, почему Джелаиридъ, который едва ли могъ скрывать отъ себя вѣроятіе скорого повторенія нападенія съ востока, отказалъ посламъ Тохтамыша, притомъ еще въ довольно оскорбительной формѣ; вѣроятно онъ былъ того взгляда, и, конечно, справедливо, что разъ только кипчаки утвердились бы въ его земляхъ, они стали бы во всемъ обходить его не меньше, чѣмъ самъ Тимуръ; но Тохтамышъ косо посмотрѣлъ на это дѣло, и въ теченіе зимы 787 (1385-6) произвелъ на Азербейджавъ опустошительный набѣгъ, отъ котораго сильно пострадала сама столица. Можно представить себѣ благородное негодованіе, которое потрясло сердце Тимура, когда онъ получилъ извѣстіе, что населенная мусульманами страна подверглась набѣгу и разграбленію со стороны ордъ **) его данника, къ сожалѣнію, все еще по большей части необращенныхъ. Немедленно объявилъ онъ, что долженъ придти на помощь единовѣрцу, который не въ силахъ самъ защитить своихъ владѣній, и тотчасъ въ 788 (1386) г. привелъ въ исполненіе это доброжелательное намѣреніе съ знакомымъ уже намъ безкорыстіемъ. Вступивъ во главѣ своего войска въ Азербейджанъ, онъ овладѣлъ Тебризомъ безъ всякихъ препятствій: Ахмедъ, какъ показываетъ его послѣдующее поведеніе, считалъ всего благоразумнѣе, по возможности, уклоняться всегда, когда на встрѣчу ему выступали превосходившія его силы, и сохранять свои на случай будущихъ благопріятныхъ обстоятельствъ. Въ мужествѣ онъ отнюдь не имѣлъ недостатка, что онъ впрочемъ довольно часто доказывалъ въ своей жизни, хотя поведеніе его отно-

*) Ср. Schieman, Russland, Polen und Livland.

**) Конечно уже Берекай принялъ официально исламъ, который и въ племенахъ собственно Золотой Орды въ то время также одержалъ верхъ уже вездѣ. Но особенно къ востоку отъ Волги, большинство такъ назыв. татаръ были, вѣроятно, язычниками, какъ и теперь еще чуваша въ губерніяхъ Оренбургской и Казанской.

сительно Тимура, безъ сомнѣнія, напоминаетъ извѣстную фразу, что «для отечества даже жить сладко». Между тѣмъ завоеватель скоро увидѣлъ, что не всѣ эмиры провинцій, въ которыя онъ только что вступилъ, думаютъ облегчить ему его роль покровителя, какъ это сдѣлалъ осторожный Джелаиридъ. За самымъ Адербейджаномъ со времени Ильхановъ уже исчезло персидско-татарское населеніе; здѣсь приходилось столкнуться съ новымъ и сильнымъ элементомъ, который долженъ былъ доставить Тимуру не меньше хлопотъ, чѣмъ раньше Хулагу — съ настоящими турками гузскаго и туркменскаго происхожденія, которые, при всемъ родствѣ со своими болѣе восточными братьями, не имѣли никакого намѣренія позволить имъ нарушать свое спокойствіе.

Въ то время Малая Азія была давно совершенно отуречена, исключая отдѣльныхъ прибрежныхъ полосъ, находившихся еще во владѣніи византійцевъ. Болѣе трехсотъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ сельджуки впервые овладѣли восточной половиной полуострова, и съ начала великихъ народныхъ передвиженій до начала 7 (13) столѣтія, потокъ турецкихъ переселенцевъ продолжалъ притекать въ страну. Въ то время цѣлыя племена, потревоженные со своихъ мѣстъ монголами Чингизъ-Хана, бѣжали черезъ Хорасанъ и Персію въ Арменію и Малую Азію; за ними послѣдовали полчища послѣднихъ шаховъ Хорезма, которыя послѣ своихъ пораженій перешли въ чужія земли, какъ въ Сирію, такъ и дальше къ сѣверу, а также не мало туркменовъ находилось въ самыхъ ордахъ монгольскихъ завоевателей, полководцевъ Чингизъ-Хана, равно какъ Хулагу и его преемниковъ. Пока въ сельджукскомъ государствѣ, Румѣ, не былъ окончательно низвергнутъ порядокъ, конечно, старались размѣщать новые элементы, по возможности безъ ущерба для постоянного населенія, и потому ихъ посылали на византійскую границу, гдѣ они могли добывать себѣ новыя жилища на счетъ грековъ. Свѣжесть этихъ народныхъ силъ, вступающихъ еще нетронутыми въ исторію Запада, объясняетъ намъ, какимъ образомъ посреди упадка сельджукской династіи въ Иконіумѣ, распространеніе турецкаго господства къ берегу Эгейскаго моря здѣсь едва пріостанавливается; какимъ образомъ эмиры отдѣльныхъ племенъ, все умножающихся и распространяющихся, подъ чисто номинальнымъ верховенствомъ послѣднихъ жалкихъ султановъ Рума, могутъ оставаться фактически самостоятельными, даже въ монгольское время, и какимъ образомъ нѣсколько десятковъ тысячъ татарскихъ войскъ, находящихся къ услугамъ намѣстника Ильхана на правомъ берегу Евфрата, рѣдко могутъ предпринять что-нибудь противъ западныхъ княжествъ и вовсе не въ состояніи одержать надъ ними рѣшительной побѣды. Напротивъ, съ распаденіемъ монголо-персид-

скаго царства немедленно исчезло также давно подорванное вліяніе его бывшихъ заступниковъ въ Малой Азіи. Чобанидъ Ашрафъ, получившій при заключеніи мира 741 (1341) г. нѣсколько округовъ страны, уже покинулъ ихъ въ 744 (1344); то же самое узнаемъ мы въ томъ-же году объ Артенѣ, которому принадлежало тогда остальное. На его мѣсто властителемъ Цезареи, Сиваса и Токата является около времени Тимура Казп *) Бурханъ адъ-динъ, глава одной чисто турецкой общины, которая выступила здѣсь на одинаковыхъ правахъ на ряду съ эмирствами запада. Между этими послѣдними—ихъ было десять **)—уже съ давнихъ поръ выступало на первый планъ стремившееся къ возвышенію государство Османовъ. Моей задачей здѣсь не можетъ быть вторичное разсмотрѣніе того замѣчательнаго развитія, которое привело потомковъ Эртогрула и Османа ***) отъ незначительнаго начальнаго состоянія на высоту мірового могущества; для этого я могу сослаться на описаніе Герцберга (Hertzberg) въ одной изъ предыдущихъ частей «Всеобщей Исторіи» ****). Здѣсь я долженъ только напомнить, что въ томъ-же 788 (1386) году, когда Тимуръ послѣ взятія Тебриза приготовлялся захватить Арменію и Малую Азію, Османъ Мурадъ I разбилъ *****) при Коніи (Иконіумъ) самаго могущественнаго своего соперника изъ числа остальныхъ эмировъ, Али-Бека изъ Караманіи, и этимъ сдѣлалъ возможнымъ себѣ или своему преемнику Баязиду I *****) (отъ 791=1389) увеличеніе новаго царства путемъ дальнѣйшаго движенія въ сторону Арменіи, какъ только дали-бы для этого время войны съ болгарами, сербами и прочими христіанскими государствами Балканскаго полуострова. Столкновеніе между Тимуромъ и Баязидомъ,

*) Казп есть персо-турецкое произношеніе арабскаго кádi „судья“. Его отецъ былъ судьей при Артенѣ и пользовался большимъ вліяніемъ при дворѣ этого послѣдняго; по смерти его онъ вмѣстѣ съ нѣсколькими другими сановниками возвелъ на престолъ его малолѣтняго сына Мухаммеда и затѣмъ самъ умеръ, оставляя свою должность Бурханъ адъ-дину. Когда затѣмъ Мухаммедъ умеръ, не оставивъ потомковъ, хитрый кади съумѣлъ мало по малу подчинить себѣ остальныхъ вельможъ страны, и въ концѣ концовъ принялъ даже титулъ султана.

**) Подробности см. у Hertzberg'a, *Gesch. der Byzantiner und des Osman. Reiches*, стр. 436, причемъ можно сравнить съ дополненнымъ при помощи монетъ сборникомъ Stanley Lane Poole, *The Successors of the Seljuks in Asia Minor* (*Journal of the Royal Asiatic Society, New Series, Vol. XIV. London 1882, стр. 773*).

***) Османъ есть персо-турецкое произношеніе арабскаго имени Усманъ, въ которомъ буква *s* соответствуетъ по произношенію англійскому *th*.

****) См. объ этомъ Hertzberg, указ. сочин. стр. 436, 452, 461, 464;

*****) *Ibid.* стр. 503.

*****) Баязидъ есть нѣсколько измѣненное турецкое произношеніе арабскаго имени Аб-у-Язидъ.

двигавшимися по той-же линіи, одинъ съ востока, другой съ запада, было неизбѣжно.

Пока оно во всякомъ случаѣ было еще замедлено цѣлымъ рядомъ другихъ дѣлъ, которыя различнымъ образомъ задерживали успѣхи Тимура. Не всѣ турки, постепенно поселившіеся со времени сельджуковъ въ Арменіи, Месопотаміи и Малой Азіи, повиновались которому нибудь изъ одиннадцати эмировъ. Вся широкая полоса земли къ востоку отъ области Кази Бурханъ адъ-дина и сѣверныхъ владѣній египетскихъ мамлюковъ, съ одной стороны, до Азербейджана и Курдистана—съ другой, давно уже была заселена многочисленными турецкими племенами, большей частью туркменами, которые понемногу начали брать перевѣсъ надъ армянскими христіанами и курдскими бедуинами. Важный шагъ въ этомъ направленіи былъ отмѣченъ прибытіемъ двухъ новыхъ туркменскихъ племенъ, которыя пришли при Илханѣ Аргунѣ (683—690=1284—1291) изъ Туркестана черезъ Оксусъ и поселились по верхнему Евфрату и Тигру, гдѣ страшныя опустошенія времени Чингизъ-Хана и его первыхъ преемниковъ освободили достаточно мѣста для новыхъ жителей. Ихъ называли Кара-Коюндлу и Акъ-Коюндлу, что значить люди чернаго или бѣлаго ягненка *), потому что они имѣли въ видѣ герба **) на знаменахъ изображеніе этого животнаго. Но мы впали бы въ опасную ошибку, еслибъ на основаніи родового герба захотѣли бы вывести заключеніе о соответственныхъ мирныхъ наклонностяхъ обоихъ племенъ. Напротивъ, они были ягнятами такого-же рода, какъ тѣ одичалыя англійскія войска, которыя на триста лѣтъ позже по замѣчательному совпаденію приобрѣли ***) то же самое имя «Ягнать» по такому же поводу. По силѣ, храбрости и грубости это были истые турки своего времени, не упускавшіе случая причинять своимъ сосѣдямъ сколько возможно безпокойства. Сначала, какъ сообщается ****), на сѣверѣ близъ Эрзингана и Сиваса жили Черные Ягнята, южнѣе, между Амидомъ и Мосуломъ—Бѣлые; но въ то время, когда они начинаютъ сильнѣе вмѣшиваться въ полити-

*) Коююнъ значить по-турецки овца въ общемъ смыслѣ французск. mouton; вслѣдствіе этого можно встрѣтить это имя переведеннымъ на нѣмецкій различно, какъ Schaf, Widder, Lamm или Hammel; такъ какъ дѣло идетъ о геральдическомъ животномъ, слѣдуетъ предпочесть Lamm. Кара значить черный, акъ—бѣлый.

**) Имена животныхъ, какъ и прозвища людей, у турокъ не есть для насъ новость; ср. данныя раньше объясненія именъ Акъ-Сонкоръ. „Бѣлый соколъ“, Каракушъ „Черная птица“ и т. д.

***) „Kirke's Lambs“, см. Macaulay, The history of England, ed. Tauchn. (Leipzig 1849), II, 201.

***) S. Rasmussen, Annales Islamismi. Haaviae 1825, стр. 119, и ср. Deguignes. Съ данными о первомъ жилищѣ Черныхъ Ягнать согласуется замѣтка о ихъ битвахъ съ трапезундскими византійцами. (Hertzberg, указ. сочин., стр. 468).

ческія обстоятельства, около 765 (1364) г., Мосуль находится во власти предводителя Черныхъ, Бейрама Ходжи, позже его сына, Кара *) Мухаммеда, который хотя и платитъ съ 776 (1375) г. дань Джелаиридамъ въ Багдадъ, но въ остальномъ ведетъ себя довольно независимо; Бѣлые въ то время жили на обоихъ берегахъ Евфрата, отъ Амида до Сиваса, и находились въ нѣсколько зависимомъ положеніи отъ повелителя этого послѣдняго, Кази Бурханъ адъ-дина, но до пришествія Тимура они стоятъ нѣсколько на заднемъ планѣ сравнительно съ Черными. Во всякомъ случаѣ, оба племени владѣли въ то время большей частью Месопотаміи—ортокидскіе князья Маридина играли очень незначительную роль сравнительно съ ними—и западной Арменіи, въ особенности округами Вана, Баязида (или Айдина, какъ онъ тогда назывался) и Эрзерума. Это не исключало того, что другіе мусульманскіе или армяно-христіанскіе князья имѣли мелкія владѣнія въ тѣхъ же мѣстностяхъ: туркменскія орды были именно разбѣяны между старыми осѣдлыми жителями, вынужденными подчиняться наложеннымъ ими податямъ и слишкомъ часто жестокому обращенію, теперь же попавшими въ самое бѣдственное положеніе между этими суровыми господами и надвигавшимися варварами Тимура. Еслибы они стали защищаться, татары перерѣзали бы ихъ, если бы они имъ сдались, то туркмены стали бы смотрѣть на нихъ, какъ на враговъ: даже это, привыкшее ко всякимъ бѣдствіямъ и лишеніямъ, населеніе рѣдко находилось въ такомъ ужасномъ положеніи. Въ продолженіе всего лѣта и осени 788 (1386) и весны 789 (1387) г. войска Тимура опустошали огнемъ и мечемъ во всѣхъ направленіяхъ долины большихъ провинцій Арменіи и Грузіи, сражаясь то противъ воинственныхъ кавказцевъ, то противъ Кара Мухаммеда и его сына Кара Юсуфа, причемъ, конечно, и имъ пришлось потерпѣть не одно пораженіе въ затруднительной горной мѣстности. Потомъ за это разумѣется должны были платиться бѣдные христіане, преслѣдованіе которыхъ такой благочестивый мусульманинъ, какъ Тимуръ, ставилъ себѣ въ особенную заслугу. «Татары», говоритъ туземный лѣтописецъ **) «мучили массу вѣрующихъ всякими муками, голодомъ, мечемъ, заточеніемъ, невыносимыми пытками и самымъ безчеловѣчнымъ обращеніемъ. Такимъ образомъ превратили они одну, нѣкогда весьма цвѣтущую, провинцію Арменіи въ пустыню, гдѣ царило одно молчаніе. Много людей потерпѣли мученическую смерть и выказали себя достойными принять этотъ вѣнецъ. Знать ихъ можетъ только воздатель Христось, нашъ Богъ, который будетъ вѣнчать

*) Т. е. „Черный Мухаммедъ“, какъ послѣ „Черный Юсуфъ“.

**) Thomas von Medzoph по Nève, Exposé des guerres de Tamerlan, Брюссель 1860, стр 35 и слѣд.

ихъ въ день возмездія, уготовленнаго сонму праведниковъ. Тимуръ увезъ громадную добычу, взялъ многочисленныхъ плѣнныхъ, такъ что никто не былъ въ силахъ ни разказать, ни описать все несчастье и скорбь нашего народа. Потомъ, пробравшись съ значительнымъ войскомъ до Тифлиса, онъ овладѣлъ этимъ послѣднимъ и взялъ множество плѣнныхъ: высчитываютъ, что число убитыхъ превышало число тѣхъ, которые вышли оттуда живыми». Одно мгновеніе могло казаться, что въ самомъ татарскомъ мучителѣ порывалось подняться сознание того ужаса, которымъ онъ позорилъ человеческое имя. Нашъ лѣтописецъ *) разказываетъ дальше: «Тимуръ осадилъ крѣпость Ванъ **); ея защитники провели сорокъ дней полныхъ страха и убили большое число воиновъ безбожнаго потомка Джагатая, но, наконецъ, терпя недостатокъ въ хлѣбѣ и водѣ, они не могли выдержать осады и предали крѣпость въ руки враговъ.. Вслѣдъ затѣмъ вышелъ приказъ дикаго тирана увести женщинъ и дѣтей въ рабство, а мужчинъ безъ разбора, правовѣрныхъ и невѣрныхъ, сбросить съ зубцовъ укрѣплений ***)) во рвы. Солдаты немедленно привели въ исполненіе этотъ свирѣпый приказъ; они принялись безпощадно бросать всѣхъ жителей въ окружающій городъ пропасти. Кучи тѣлъ поднялись такъ высоко, что послѣдніе изъ тѣхъ, которые были сброшены, не были убиты мгновенно. Это видѣли мы своими глазами и слышали своими ушами изъ устъ святаго и достопочтеннаго архіепископа, господина Захѣя, а также отца и варталеба (т. е. діакона) Павла, которые оба спаслись изъ крѣпости, гдѣ они были заключены, потому что одинъ джагатайскій начальникъ, оставляя порученное ему отдѣленіе, выпустилъ своихъ узниковъ на свободу, и это было случаемъ для спасенія нѣсколькихъ. Между тѣмъ вся мѣстность вокругъ крѣпости была затоплена невинной кровью христіанъ, равно какъ и чужеземцевъ. Тогда-то случилось, что одинъ чтець ****)) взомель на минареть въ городѣ Пегри *****) и громкимъ голосомъ началъ молитву послѣдняго

*) Nève, указ. сочин. стр. 44.

**) Это мѣсто армянскаго лѣтописца показываетъ, что Weil (Geschichte des Abbasidenchalifats in Egypten. Bd. II, Stuttgart 1862, стр. 30) несправедливо измѣняетъ названіе Ванъ, также переданное у Шерефъ адъ-дина, въ Вастанъ. Напротивъ, у него слѣдуетъ позже (стр. 46) вмѣсто Вана ставить скорѣе Авнигъ, если только можно положиться на показанія Nève стр. 59, въ чемъ я не сомнѣваюсь.

***)) Нужно думать, что оно стояло на высокой скалѣ.

****)) Т. е. чтець Корана, благочестивый мусульманскій богословъ, вѣроятно имамъ тамошняго прихода.

*****)) Недалеко отъ сѣвернаго конца озера Ванъ; Тимуръ, можетъ быть, расположилъ здѣсь свою главную квартиру.

дня: *) «Онъ пришелъ, день страшнаго суда!» Безбожный тиранъ, душа котораго не знала жалости, немедленно спросилъ: «Что это за крикъ?» Окружавшіе его отвѣчали: «Пришелъ день страшнаго суда; провозгласить его долженъ былъ Иисусъ **); но благодаря тебѣ онъ наступилъ уже сегодня. Потому что ужасенъ голосъ зывающаго, подобенъ трубному (I, 213) голосу!» — «Пусть раздробятъ эти уста!» воскликнулъ Тимуръ: «еслибы они заговорили раньше, ни одинъ человѣкъ не былъ-бы убитъ!» И онъ тотчасъ-же отдалъ приказъ не свергать больше никого въ пропасть, и всѣхъ еще остававшихся людей отпустить на свободу». Но слишкомъ скоро должно было оказаться, что непривычный приказъ Тимура о пощадѣ былъ вызванъ не побужденіемъ милосердія, а только суевѣріемъ, которое заставляетъ всѣхъ жителей Востока пугаться каждаго слова съ дурнымъ предзнаменованіемъ. Едва успѣлъ Тимуръ, Войска котораго вышли не безъ урова изъ трудной горной войны, повернуть назадъ къ Каспійскому морю, откладывая на будущее время довершеніе своей опустошительной дѣятельности, какъ онъ уже нашелъ поводъ еще превзойти армянскія сцены ужаса на другой почвѣ. Мѣстомъ дѣйствія этихъ новыхъ кровавыхъ дѣлъ должны были явиться южно-персидскія владѣнія Музаффаридовъ.

Сыновья и остальные родственники Шаха Шуджи, которые послѣ смерти этого князя, послѣдовавшей въ 786 (1384) г., раздѣлили между собой его значительныя владѣнія, — они обнимали собой Кирманъ, Фарсъ и часть Хузистана, — по обыкновенію восточныхъ государей жили далеко не въ мирѣ между собой; достаточное основаніе — если нельзя было организовать дружное и сильное сопротивление, да еще противъ превосходящаго ихъ своими силами завоевателя — для того, чтобы продолжать политику мира, начатую эгоистичнымъ, но умнымъ Шахомъ Шуджей. Несмотря на это, Зейнъ аль-Абидинъ, сынъ Шуджи и властитель Фарса, былъ настолько неостороженъ, что лѣтомъ 789 (1387) г., вопреки полученному имъ приглашенію Тимура, отказался появиться въ лагерь этого послѣдняго. Бóльшаго, конечно, и не требовалось, чтобы вызвать нападеніе татарской арміи; осенью упомянутаго года Тимуръ появился передъ Испаномъ. Городъ, находившійся подъ управленіемъ одного дяди Зейна аль-Абидина, былъ сданъ безъ кровопролитія; но одинъ несчастный

*) Мусульмане имѣютъ сборникъ молитвъ, въ которыхъ всевозможныя религиозныя темы сдѣланы предметомъ воззваній, составленныхъ по большей части изъ изреченій Корана. Молитва, къ участію въ которой имамъ призывалъ правовѣрныхъ, и была одной изъ молитвъ такого рода, касавшаяся ужасовъ дня страшнаго суда.

**) Второе пришествіе Иисуса какъ начало страшнаго суда заимствовано мусульманской эсхатологіей у христіанства.

случай *), какъ говорятъ, повель за собой бѣдствіе, которое остается безпримѣрнымъ даже въ это ужасное время. Хотя жителямъ за уплату значительной контрибуціи соизволили даровать пощаду, войска все-таки вели себя съ обычной необузданностью, такъ что всеобщее отчаянье овладѣло народомъ; когда же ночью въ одномъ изъ предмѣстьевъ города по какому-то поводу поднялся шумъ, всѣ сбѣжались и въ внезапно вспыхнувшемъ возмущеніи напали на слабый **) гарнизонъ, поставленный здѣсь Тимуромъ, и перебили его. Само собою разумѣлось, что за такое опасное возмущеніе должно было воспослѣдовать примѣрное наказаніе. Превышавшему силой войску не доставило большихъ затрудненій немедленно вновь завоевать городъ; но чтобы никто изъ его людей, побуждаемый несвоевременнымъ милосердіемъ, не далъ убѣжать кому-нибудь изъ плѣнныхъ горожанъ, какъ это случилось въ Арменіи по приведенному выше разсказу, отряды получили приказъ представить по извѣстному числу головъ на каждое отдѣленіе, всего на всего 70.000. Тутъ сами татары пресытились убійствами. Разсказываютъ, что многіе старались выполнить приказъ, покупая головы, которыя были уже отрублены менѣе чувствительными товарищами. Сначала голова стоила одинъ золотой; когда же отъ этого предложеніе возросло, цѣна упала на половину. Во всякомъ случаѣ, Тимуръ получилъ свои 70.000; по своему обыкновенію, онъ велѣлъ выстроить изъ нихъ башни въ различныхъ частяхъ города.

Я не хочу требовать ни отъ читателя, ни отъ самого себя, чтобы мы углублялись въ такія отвратительныя подробности больше, чѣмъ то необходимо для полученія вѣрнаго впечатлѣнія объ ужасѣ этой страшной катастрофы; достаточно будетъ съ этихъ поръ просто слѣдить за походами и завоеваніями самаркандскаго бега, да отдавать справедливость тому или другому изъ его враговъ. Между ними по смѣлости и геройству стоитъ впереди всѣхъ одинъ изъ Музаффаридовъ, Шахъ-Мансуръ. Въ то время какъ Тимуръ велѣдъ за наказаніемъ Исахана въ томъ же году (789=1387) взялъ Шпразъ и другія мѣста области Фарса, и остальные члены дома Музаффара дрожа сбѣгались со всѣхъ концовъ, чтобы засвидѣтельствовать свое почтеніе и доказать свою покорность страшному полководцу, Шахъ Мансуръ, какъ истый двоюродный внукъ Шаха Шуджи, держался въ сторонѣ въ своихъ владѣніяхъ около Густера, въ Хузистанѣ, рѣшившись дорого продать владычество и жизнь. Онъ былъ также мало чувствителенъ къ болѣе тонкимъ побужденіямъ совѣсти, какъ и всякій князь въ это время насилія: когда его дядя (во второмъ колѣнѣ),

*) Здѣсь разсказы не согласуются; по другимъ убіеніе татаръ произошло по заранѣе сдѣланному уговору.

**) Онъ состоялъ изъ 3000 или 6000 человекъ.

Зейнъ аль-Абидинъ, бѣжалъ къ нему послѣ потери Испахана, онъ съумѣлъ переманить къ себѣ его войска, посадилъ его самого подъ стражу, и когда тотъ черезъ нѣкоторое время спасся бѣгствомъ, а потомъ снова былъ пойманъ, не задумываясь, приказалъ ослѣпить его. Но тотъ, кто хотѣлъ бороться съ Тимуромъ, не могъ быть разборчивымъ въ своихъ средствахъ; надо было прежде всего собрать такую силу, съ которой можно было-бы противиться такому сопернику на полѣ битвы; и при какихъ-бы то ни было обстоятельствахъ, то, чего достигъ энергичный Мансуръ, является удивительнымъ, если «война, покорившая подъ власть Тимура персидскій Иракъ и Фарсъ, оказалась не безъ опасности для побѣдителя и не безъ славы для храбраго князя, который достигъ того, что заставилъ поколебаться вѣсны побѣды» *).

Въ началѣ Мансуръ, правда, не имѣлъ недостатка и въ благопріятныхъ обстоятельствахъ, безъ которыхъ едва-ли была бы въ дѣйствительности возможность покуситься на что-нибудь подобное. Въ то время, какъ Тимуръ былъ еще занятъ тѣмъ, что принималъ выраженіе вѣрности остальныхъ Музаффаридовъ, къ нему пришла неожиданная вѣсть, что центръ его царства, сама Трансоксанія, поставлена въ серьезную опасность внезапными нападеніями съ двухъ различныхъ сторонъ. Тохтамышъ, который еще въ зиму 787—8 (1385—6) г. потерпѣлъ пораженіе при одномъ вторженіи въ Азербейджанъ, и все еще мятежно настроенные джеты воспользовались долгимъ отсутствіемъ Тимура съ востока для того, чтобы напасть въ 789 (1387) г. на провинціи Яксарта. Эти послѣднія, конечно, не были беззащитны; въ Самаркандѣ оставался одинъ изъ сыновей Тимура, Омаръ Шейхъ **), съ достаточнымъ войскомъ, и хотя онъ потерпѣлъ пораженіе отъ Тохтамыша при Отрарѣ, а при встрѣчѣ съ джетами при Андиджанѣ ***) только съ большимъ усиліемъ удержалъ за собою поле сраженія, противники все-же не оказались въ состояніи въ своихъ вылазкахъ проникнуть близко къ столицѣ. Между тѣмъ опасность, что на слѣдующее лѣто нападенія возобновятся съ болѣе многочисленными силами, была слишкомъ близка, чтобы самъ князь войны не счелъ себя вынужденнымъ основательно восстано-

*) De Frémery, Mémoire sur la destruction de la dynastie des Mozaffériens (Extrait du Journal asiatique), Парижъ 1845, стр. 1.

**) Арабское Шейхъ, персидское Пиръ или Ходжа, первоначально всѣ три значившіе „Старикъ“, со времени монгольской эпохи часто употребляются также какъ титулы князей и другихъ вельможъ.

***) Въ Ферганѣ, между Узгендомъ и Ховандомъ въ долину верхняго Яксарта (также надо читать и у Weill, Geschichte des Abbasidenchalifats in Egypten, II, 32, 33, вмѣсто Оксуса).

вить порядокъ здѣсь, прежде чѣмъ продолжать завоеваніе Персіи. Итакъ, зимою 789—90 (1387—8) г. Тимуръ повернулъ назадъ въ Трансоксанію, въ продолженіе лѣта 790 (1388) г. опустошилъ провинцію Хорезмъ, начальники которой вступили въ измѣннической союзъ съ иноземцами, и подготовлялъ на слѣдующій годъ дальнѣйшіе мстительные походы, когда въ серединѣ зимы (конецъ 790—1388 г.) Тохтамышъ снова вторгся черезъ верхній Яксартъ у Хоканда. Тимуръ поспѣшилъ ему на встрѣчу, разбилъ его, слѣдующей весной (791—1389) вновь овладѣлъ сѣверными областями вокругъ Отрара и прогналъ кипчаковъ назадъ въ ихъ степи. Между тѣмъ онъ убѣдился, что если желаетъ имѣть сколько-нибудь продолжительное спокойствіе на сѣверо-востокѣ, то, какъ его бывший данникъ, такъ и непокорные джеты должны быть наказаны болѣе чувствительно. Поэтому, въ то время, какъ Миранъ-Шахъ въ отвѣтъ на новое возстаніе сербедаровъ въ Хорасанѣ окружилъ и совершенно уничтожилъ этихъ удалцовъ, самъ Тимуръ съ Омаръ-Шейхомъ и другими изъ своихъ способнѣйшихъ полководцевъ отправился на востокъ.

Область джетовъ и остальные провинціи Кашгарскаго ханства между тибетскою границей и Алтаемъ, Яксартомъ и Иртышомъ были совершенно опустошены войсками, разосланными лучеобразно по всѣмъ направленіямъ, всѣ племена, встрѣчавшіяся по дорогѣ, были разсѣяны и истреблены или загнаны въ Монголію и Сибирь. Камаръ адъ-дину правда удалось теперь, какъ и въ слѣдующемъ году (792—1390), когда полководцы Тимура должны были для болѣе прочной повторить предпріятіе, ускользнуть со своей ближайшей свитой черезъ Иртышъ; но вскорѣ послѣ того онъ, повидимому, погибъ, и Хизръ-Ходжа, котораго мы встрѣчаемъ позже ханомъ Кашгара и принадлежащихъ сюда провинцій, послѣ сдѣланныхъ опытовъ счелъ благоразумнымъ, наконецъ, покориться побѣдителю. Дѣло кончилось—мы не знаемъ когда—заключеніемъ мира, который обезпечилъ на долгое время послѣ смерти Тимура сносныя отношенія между обоими племенами подъ фактической верховной властью самаркандскаго государя.—Оставалось покончить съ Тохтамышемъ. Слухъ о послѣднихъ успѣхахъ Тимура и о немедленно предпринятыхъ новыхъ вооруженіяхъ скоро проникъ во внутренность обширнаго Кипчакскаго царства, и когда въ началѣ 793 (1391) г. трансоксанскія войска выступили въ походъ, уже въ Кара Саманѣ, еще по эту сторону границы—къ сѣверу отъ Ташкента, бывшаго сборнымъ пунктомъ арміи—прибыли послы отъ хана Золотой Орды, чтобы начать переговоры. Но время для этого уже прошло; безчисленные конные полки Тимура неудержимо помчались въ степь. Тохтамышъ не остался на

мѣстѣ: онъ хотѣлъ по способу сѣверныхъ народовъ воспользоваться пространствомъ какъ оружіемъ. Бѣглецы и преслѣдователи мчались другъ за другомъ сначала къ сѣверовостоку, далеко вглубь киргизской земли, потомъ снова на западъ черезъ Уралъ (Яикъ), черезъ нынѣшнюю Оренбургскую губернію до самой Волги, въ общемъ на протяженіи около трехсотъ нѣмецкихъ миль пути; наконецъ у Кандурчи *) Тохтамышъ остановился. Здѣсь онъ находился въ центрѣ своего царства, перейти Волгу онъ не могъ, не оставивъ незащищенной свою столицу Сарай **). Длинный переѣздъ черезъ пустыни, скудные жизненные припасы которыхъ были по большей части исчерпаны предшествующими кипчаками, не обошелся безъ чувствительныхъ потерь для трансоксанцевъ, несмотря на взятый съ собою въ изобиліи провіантъ; армія Тохтамыша далеко превосходила ихъ численностью, такъ что рѣшительное сраженіе началось для него при благопріятныхъ предзнаменованіяхъ. Оно произошло 15 Раджаба 793=19 ***) іюня 1391 г.; несмотря на всю храбрость, съ которой сражались полки Тимура, Тохтамышу все-таки удалось сильнымъ натискомъ пробить лѣвый флангъ противника, которымъ командовалъ Омаръ Шейхъ, и занять позицію въ тылу у центра. Но въ привычки хитраго завоевателя совсѣмъ не входило имѣть только одну тетиву у своего лука. У монголовъ и союзныхъ съ ними народовъ еще больше, чѣмъ въ другихъ арміяхъ, имѣло значеніе высокоразвѣвавшееся знамя предводителя, какъ знакъ, которымъ руководились всѣ движенія остальныхъ полковъ; его паденіе обозначало обыкновенно смерть вождя. Тимуру же, въ лагерѣ котораго не было недостатка въ недовольныхъ кипчакахъ, удалось подкупить знаменосца своего врага; этотъ послѣдній въ рѣшительную минуту опустил знамя, и Тохтамышъ, отрѣзанный въ тылу у врага отъ своихъ главныхъ силъ, на твердость которыхъ онъ теперь не могъ уже рассчитывать, самъ лично подалъ немедленно

*) И теперь еще Кандурчинская, небольшое мѣстечко на лѣвомъ берегу Кандурчи близъ ея истоковъ. Эта рѣка течетъ съ сѣвера въ Сокъ, маленький лѣвый притокъ Волги, который впадаетъ въ нее южнѣ Камы близъ Самары, на томъ мѣстѣ, гдѣ Волга образуетъ длинную узкую петлю. Объ этомъ, какъ о другихъ подробностяхъ, ср. сочиненіе С h a r m o u въ Mémoires de l'Académie de St.-Petersbourg, 6 série, t. 3, Pétersbourg. 1836.

**) Теперь Царевъ, въ устьяхъ Волги на верхней Ахтубѣ, неподалеку внизъ отъ того мѣста, гдѣ эта послѣдняя отдѣляется отъ Волги.

***) 15 Раджаба по обыкновенному календарю соотвѣтствуетъ 18 іюня; но такъ какъ днемъ недѣли приводится понедѣльникъ, то значить арабскій счетъ, какъ это очень часто случается, невѣренъ, и настоящее число есть 19. Впрочемъ по одному разсказу битва продолжалась три дня, значить и отсюда можно, быть можетъ, объяснить неточность даты. Какъ уже замѣчаетъ С h a r m o u, 18 было днемъ битвы при Belle-Alliance, происшедшей на 424 года позже.

примѣръ къ бѣгству. Орды его разсыпались, самъ онъ спасся черезъ Волгу, но весь его лагерь, его сокровища, его гаремъ, жены и дѣти его солдатъ попали въ руки побѣдителей, которые, преслѣдуя бѣглецовъ, опрокинули еще цѣлые отряды въ рѣку. Вслѣдъ за тѣмъ они разсѣялись по восточному и среднему Кипчаку, всюду убивая и грабя, также опустошая и разоряя Сарай и всѣ остальные города юга вплоть до Азова. Число плѣнныхъ было такъ велико, что для одного только властителя оказалось возможнымъ отобрать 5000 молодыхъ людей и красивыхъ дѣвушекъ и, хотя офицеры и солдаты тоже получили сколько хотѣли, безчисленное множество другихъ пришлось отпустить, такъ какъ невозможно было тащить всѣхъ ихъ съ собою. Черезъ одиннадцать мѣсяцевъ послѣ того, какъ войско выступило изъ Ташкента, около конца 793 (1391) года, побѣдоносный владыка «возвратилъ радость и счастье своей столицѣ Самарканду, удостоивъ его снова своимъ присутствіемъ».

Въ общемъ, походъ противъ Тохтамыша былъ едва-ли не самымъ блестящимъ военнымъ дѣйствіемъ Тимура. Во всякомъ случаѣ, продолженіе похода въ Переднюю Азію, такъ внезапно прерванное за четыре года до того, пошло далеко не такъ скоро, хотя войска мелкихъ передне-азиатскихъ князей не выдерживали никакого сравненія съ войсками кипчаковъ, по крайней мѣрѣ по числу. Но имъ во многихъ областяхъ приходила на помощь природа горной мѣстности, по которой татарскіе наѣзники плохо могли двигаться, а по мужеству и упорству ни туркмены, ни Музаффаридъ Мансуръ не уступали своему страшному противнику. Мансуръ съ пользою употребилъ отерочку, поневолю данную ему Тимуромъ, чтобы быстрыми походами отнять у большинства своихъ родственниковъ ихъ владѣнія, и теперь онъ господствовалъ изъ Шираза надъ Хузистаномъ, Фарсомъ и южной Мидіей съ Испаханомъ, когда татары, которымъ въ теченіе 794 (1392) года пришлось еще усмирять возстанія въ Табаристанѣ, приблизились къ его государству въ началѣ 795 (1392—3). Для того, чтобы Шахъ Мансуръ не могъ найти убѣжища въ трудно доступныхъ горахъ верхняго Хузистана, какъ при первой войнѣ съ Музаффаридомъ, сторона къ Курдистану и южному Ираку была заранѣе занята летучими отрядами, тогда какъ самъ Тимуръ выступилъ изъ Султаніи прямо черезъ горы на Тустеръ, главный городъ Хузистана. Далѣе войско шло сначала черезъ удобную холмистую страну, которая отлого спускается къ Персидскому заливу, до входа въ поперечныя долины, ведущія въ горы, окружающія Ширазъ; послѣ взятія штурмомъ одной горной крѣпости, считавшейся неприступной, дорога въ столицу Ман-

сура была свободна. Какъ говорятъ *), Мансуръ съ умысломъ далъ Тимуру зайти такъ далеко, чтобы между горами Персидской горной страны вести съ нимъ неутомимую партизанскую войну; наконецъ, осажденный просьбами жителей Шираза, онъ счелъ своимъ долгомъ сдѣлать хотя-бы попытку къ прикрытію города. Такъ дѣло дошло однажды послѣ полудня до битвы въ долинѣ передъ Ширазомъ. Но Тимуръ снова послалъ подкупъ впереди своихъ наѣздниковъ: главный изъ эмировъ Мансура покинулъ своего господина въ срединѣ битвы съ большей частью войска, сраженія нельзя было больше остановить, все казалось потеряннымъ. Мансуру удалось все-же продержаться до самой ночи, и пока усталые отъ битвы татары плохо караулили, онъ съ небольшимъ отрядомъ своихъ послѣднихъ вѣрныхъ—ихъ оставалось, говорятъ, всего только 500—напалъ въ утреннихъ сумеркахъ на непріятельскій лагерь. Въ первой суматохѣ ему удалось, рубя направо и налево вокругъ себя, произвести большое кровопролитіе и пробраться до самого Тимура. Но крѣпкій шлемъ неуязвимаго на несчастіе міра татарина выдержалъ ударъ меча отважнаго Музаффариды; между тѣмъ примчались новыя толпы враговъ, и неустрашимый герой палъ въ рукопашной схваткѣ, а съ нимъ и послѣдняя надежда династіи **). Остальнымъ ея членамъ нисколько не помогло, что они смиренно покорились завоевателю; чтобы никому изъ нихъ не пришлось опять въ голову разыграть изъ себя Мансура, они были посажены въ тюрьму и позже убиты.

Изъ Шираза Тимуръ повернулъ затѣмъ къ Багдаду, гдѣ жилъ Ахмедъ Ибнъ Увейсъ, со времени потери Тебриза, и теперь съ тревогой ожидалъ исхода войны въ Ширазѣ. Его попытка придти къ мирному договору съ противникомъ, равняться съ которымъ онъ не чувствовалъ себя въ силахъ, встрѣтила мало поощренія со стороны послѣдняго; тогда Джелаиридъ рѣшилъ бѣжать со своими сокровищами въ Египетъ, который теперь снова, какъ въ дни Хулагу, казалось долженъ былъ сдѣлаться спасательнымъ якоремъ углаго кораблика, какому уподоблялась мусульманская западная Азія посреди бури татарскаго нашествія. Въ Каирѣ къ этому времени уже давно перестали распоряжаться потомки Клавуна. Во время непрерывныхъ волненій и дворцовыхъ революцій при послѣднихъ Бахритахъ, возвысился эмиръ Баркукъ, одинъ изъ черкесскихъ

---

*) Подробности объ этомъ передаются различно и до дальнѣйшихъ свѣдѣній должны считаться весьма сомнительными.

***) О ближайшихъ обстоятельствахъ его смерти мы не знаемъ ничего определеннаго. Что ему собственноручно отрубилъ голову сынъ Тимура, тогда семнадцатилѣтній Шахъ-Рохъ, есть наглая выдумка его придворнаго, Шерефъ адъ-дина; также и разсказъ Ибнъ Арабшаха не очень правдоподобенъ.

мамлюковъ, которые теперь играли главную роль на Нилѣ, его первая попытка лишить власти малолѣтняго султана Хаджи II послѣ семилѣтнихъ войнъ между вельможами страны привела все таки къ вторичному воцаренію устраненнаго, но уже шесть мѣсяцевъ спустя Баркукъ окончательно завладѣлъ властью и царствовалъ съ 792 (1390) года въ Египтѣ, а съ 794 (1392) также и въ Сиріи, самаго энергичнаго эмира которой, Тимурбога Минташа, удалось побѣдить и умертвить только помощью измѣны и послѣ упорнаго сопротивленія. Баркукъ былъ вовсе не дюжиннымъ человѣкомъ: храбрый и коварный, какъ все мамлюки, онъ однако, какъ политикъ, далеко не могъ тягаться со своимъ великимъ предшественникомъ Бейбарсомъ. Хотя онъ понималъ, что успѣхи самого Тимура на западѣ требуютъ соединенія всѣхъ силъ Египта и Сиріи съ воинственными туркменами племенъ Чернаго и Бѣлаго Ягненка, какъ и со всемогущими тогда въ Малой Азіи Османами и, наконецъ, съ Тохтамышемъ, мало по малу собиравшимся съ силами послѣ своего пораженія, онъ тѣмъ не менѣе считалъ, что сдѣлалъ достаточно, выставляя противъ татаръ поочередно этихъ полезныхъ союзниковъ и не вмѣшиваясь дѣятельно въ войну самъ. Пока онъ жилъ, его намѣреніе, казалось, удавалось ему; но когда онъ умеръ въ 801 (1399) г., его наслѣднику и сыну Фараджу (801—815=1399—1412) пришлось искупить близорукій эгоизмъ своего отца потерей Сиріи, и только благодаря смерти Тимура онъ, въ концѣ концовъ, остался неприкосновеннымъ по крайней мѣрѣ въ Египтѣ.

У Баркука хватило однако проницательности для того, чтобы оказать доброжелательный пріемъ бѣжавшему отъ татаръ Ахмеду Ибнъ Увейсу, когда онъ въ 795 (1393) г. прибылъ въ Каиръ черезъ Халебъ и Дамаскъ, и продержать его гостемъ при своемъ дворѣ, пока не представился благоприятный случай для обратнаго завоеванія его царства. Ему не пришлось долго ждать этого. Правда, Багдадъ сдался безъ сопротивленія приближавшемуся Тимуру, и въ теченіе годовъ 795, 796 (1393, 1394) были завоеваны весь Иракъ и Месопотамія, а вновь проявившаяся непокорность Черныхъ Ягнать была наказана вторичными ужасными опустошеніями въ Арменіи и Грузіи при Карра Юсуфѣ, преемникѣ умершаго въ 791 (1389) г. Кара Мухаммеда. Но прежде чѣмъ Тимуръ, который послѣ взятія Багдада уже обмѣнялся грубыми письмами съ Баркукомъ, успѣлъ выступить противъ Сиріи, онъ былъ опять вызванъ на сѣверъ нападеніемъ Тохтамыша, снова собравшаго все свои силы, на Ширванъ, владѣтель котораго еще раньше сталъ подъ покровительство міроваго завоевателя. Вблизи отъ нынѣшняго Екатеринограда, къ югу отъ рѣки Терека, Тохтамышъ потерпѣлъ въ 797 (1395) г.

пораженіе, еще худшее, чѣмъ при Кандурчѣ: отъ него онъ уже никогда не могъ оправиться. Шайки Тимура свирѣпствовали по обыкновенію, на этотъ разъ въ собственной области Золотой Орды между Волгой, Дономъ и Днѣпромъ, и оттуда далеко вглубь русскаго государства *); потомъ онъ назначилъ тамъ ханомъ Койриджака Оглана, сына Урусъ-Хана, который опирался на сильную партію въ ордѣ. Имѣвшаяся въ виду цѣль, совсѣмъ устранить такимъ образомъ неблагодарнаго Тохтамыша, была достигнута: спасаясь сначала бѣглымъ скипальцемъ у литовскаго князя Витовта, потомъ блуждая въ глубинѣ внутренней Азіи, онъ, говорятъ, былъ убитъ семь лѣтъ спустя.

Зимой 798 (1395—6) г. Тимуръ, чтобы доказать свое рвеніе къ исламу, занялся разореніями въ христіанской Грузіи и произвелъ еще разъ походъ въ устья Волги; затѣмъ лѣтомъ того-же года (1396) онъ вернулся назадъ въ Самаркандъ, чтобы набрать тамъ новыя войска для своихъ дальнѣйшихъ предпріятій; на западѣ онъ оставилъ Мираншаха съ частью войска, для охраненія сдѣланныхъ завоеваній. Исполнить это тому удалось, правда, далеко не блестяще. Едва успѣлъ удалиться Тимуръ, какъ Черные Ягнята подъ предводительствомъ Кара Юсуфа стали напоминать о себѣ очень непріятнымъ образомъ въ Месопотаміи **); арабскіе бедуины также вторглись изъ сирійской пустыни, и съ помощію ихъ обоихъ Ахмеду Ибнъ-Увейсу, уже поджидавшему въ Сиріи, удалось снова овладѣть Багдадомъ, въ которомъ онъ и процарствовалъ нѣсколько лѣтъ въ качествѣ вассала египетскаго султана. Мираншахъ долженъ былъ сразиться съ Кара Юсуфомъ при Мосулѣ и не былъ въ состояніи придти къ рѣшительному результату, такъ что даже маридинскіе Ортокиды, которые передъ тѣмъ, по своему обыкновенію, покорились Тимуру безъ большихъ затрудненій, сочли благоразумнымъ войти въ дружбу съ туркменами и египтянами. Такъ прошло около четырехъ лѣтъ, въ продолженіе которыхъ Мираншахъ весьма мало проявлялъ свои прежнія способности (какъ увѣряютъ панегиристы его фамиліи, вслѣдствіе паденія на голову); однако возстаніе покоренныхъ не захватило собой Персіи, и Тимуръ, прежде чѣмъ вернуться въ Иракъ, могъ безъ большой заботы обратить свое вниманіе на другую страну, до сихъ поръ еще не бывшую предметомъ его благотворныхъ усилій. Чтобы вѣрно понимать образъ

*) Ср. Schieman n, Russland, Polen und Livland.

**) По нѣкоторымъ показаніямъ также въ Арменіи (Weil, Geschichte des Abbasidenchalifats in Egypten, II, 57; но ср. съ армянск. писателемъ у Nève, Exposé des guerres de Tamerlan et de Schah-Rokh, Брюссель 1860, стр. 63, 68). Эти свѣдѣнія опять таки очень недостоверны и должны быть изслѣдованы въ отдѣльности при помощи сирійскихъ преданій (Beh nsch, Rerum seculo quinto decimo in Mesopotamia gestarum liber, Бреславль 1838).

дѣйствій завоевателя міра, не надо забывать, что его главнымъ образомъ, а его татарь исключительно занимала забота о захватѣ добычи. Персія и земли Кавказа были изрядно разграблены во время неоднократныхъ войнъ, предстоявшая въ будущемъ борьба противъ мамлюковъ и османовъ обѣщала быть болѣе затруднительной, чѣмъ выгодной; неудивительно поэтому, что онъ не задумываясь послѣдовалъ за приманкой, увлекшей его внезапно совсѣмъ въ другую сторону. Индія, которую мы уже давно потеряли изъ виду, и судьбу которой въ продолженіе послѣднихъ двухсотъ лѣтъ мы можемъ обозрѣть въ общей связи только позже, также не вполнѣ избѣгла дальнѣйшихъ нашествій монголовъ со времени отступленія Чингизъ-Хана. Проходы Кабула и Газны, эти ворота для вылазокъ изъ Афганистана, послужили для прохода джагатайскихъ ордъ въ Пенджабъ одиннадцать разъ въ теченіе этого продолжительнаго времени, и три или четыре турецкихъ династій, царствовавшія тѣмъ временемъ одна за другой въ Дели, были часто въ затрудненіи, какъ избѣжать этого бѣдствія. Но продолжительныхъ успѣховъ эти нападенія никогда не имѣли; вслѣдствіе раздробленія, такъ быстро постигшаго царство джагатайское, здѣсь всегда выступали только сравнительно незначительныя силы провинцій Балха и Газны, которымъ никакъ не могло удасться совершенное завоеваніе большой страны, хотя они и могли пользоваться значительной свободой дѣйствій между Хулагуидами и ханами востока; но индійскіе владѣтели до половины четырнадцатаго вѣка располагали внушительными военными силами. Въ упомянутое время было иначе; дельійскіе султаны болѣе и болѣе лишались своего вліянія на отдаленныя провинціи; изъ прежнихъ намѣстничествъ Бенгаліи и Декана образовались новыя самостоятельныя государства; и когда послѣ смерти Фирузъ Шаха (790 = 1388) его дѣти и внуки, или скорѣе вельможи, которые подымали на щитъ то одного, то другого, растратили свои силы въ ссорахъ и частыхъ перемѣнахъ престола, коренныя провинціи верхняго Ганга и Пенджаба тоже начали приходить въ чрезвычайное разстройство. Извѣстія объ этомъ, дошедшія до Тимура, звучали очень заманчиво; и такъ онъ рѣшилъ, прежде чѣмъ отправиться на западъ, предпринять хищническій набѣгъ въ большихъ размѣрахъ черезъ Индъ. Рѣшеніе было приведено въ исполненіе въ 800 (1398) г. Что здѣсь въ самомъ дѣлѣ вопросъ шель не о приобрѣтеніи страны на продолжительное время, видно изъ самаго способа его выполненія. Большая часть похода совпала съ жаркимъ временемъ года, что естественно заставляло татарскую армію держаться какъ можно дальше къ сѣверу. Мультавъ, который уже въ предыдущемъ году осаждался Пиромъ Мухаммедомъ, внукомъ Тимура, и самый Дели были южнѣйшими пунктами, до которыхъ они достигли; но округи между

обоими этими городами и Гималаемъ тѣмъ болѣе подверглись всѣмъ ужасамъ войны. Самъ Тимуръ, или тотъ, кто отъ его имени составилъ разсказъ объ этомъ походѣ, разсказываетъ съ большимъ хладнокровіемъ, что мало по малу сдѣлалось тягостнымъ тащить вслѣдъ за войскомъ многочисленныхъ плѣнныхъ, взятыхъ въ битвахъ съ воинственнымъ населеніемъ Пенджаба; поэтому, при приближеніи къ столицѣ, ихъ всѣхъ вмѣстѣ, числомъ 100.000 человекъ, убили въ одинъ день. Не менѣе ужасна была судьба самаго Дели. Уже при послѣднихъ турецкихъ султанахъ эта столица, нѣкогда соперничавшая со старымъ Багдадомъ по блеску и богатству, чувствительно пострадала вслѣдствіе превратныхъ распоряженій своихъ властителей; несмотря на то она все еще была первымъ городомъ Индіи по числу жителей и по сокровищамъ. Послѣ того какъ ея султанъ Махмудъ со своимъ майордомомъ Меллу Икбаль-Ханомъ проиграли сраженіе у воротъ Дели и съ трудомъ спаслись въ Гуджератъ, жители немедленно сдались; но нѣсколько дракъ между вторгавшимися полками Тимура и нѣсколькими оставшимися турко-индійскими солдатами или индусами послужили достаточнымъ предлогомъ, чтобы дать повсюду свирѣпствовать съ обычнымъ варварствомъ грабежу, убійству и пожарамъ. Характеристично, какъ высказывается объ этомъ повѣствованіе Тимура: «По волѣ Божіей», говорится тамъ, «не вслѣдствіе моего желанія или приказа, были разграблены всѣ три квартала Дели, называемые Сири, Джеханъ-Пенахъ и Старый Дели. Хутба *) моего владычества, которая обезпечиваетъ безопасность и защиту, была прочитана въ городѣ. Слѣдовательно моимъ горячимъ желаніемъ было, чтобы никакое несчастіе не постигло мѣстное населеніе. Но Богомъ было опредѣлено, что городъ долженъ былъ быть опустошенъ. Поэтому онъ внушилъ невѣрнымъ жителямъ духъ упорства, такъ что они сами навлекли на себя судьбу, которая была неизбѣжна». Чтобы это отвратительное лицемеріе не казалось слишкомъ чудовищнымъ, надо помнить, что еще въ наши дни очень часто возлагаютъ на Бога отвѣтственность за тѣ гнусныя дѣла, которыя совершаетъ человекъ. Во всякомъ случаѣ, день 18 декабря 1398 (8 Раби II, 801) обозначаетъ конецъ Дели, какъ блестящей и далеко славившейся столицы мусульманской Индіи; при послѣдующихъ султанахъ, даже еще прежде, чѣмъ послѣдніе афганистанскіе цари на продолжительное время свели ее фактически на степень провинціального города, она является лишь тѣнью самой себя. Послѣ того, какъ Тимуръ достигъ своей цѣли, т. е. снабдилъ себя и своихъ людей сокровищами и плѣнными, онъ немедленно отправился въ обратный

*) Т. е. молитва въ мечетяхъ за побѣдителя, которая заключала въ себѣ признаніе его новымъ повелителемъ со стороны населенія.

путь. То обстоятельство, что послѣ его ухода одинъ измѣнникъ эмиръ изъ Мультана, по имени Хизръ-Ханъ, который помогаль иноземнымъ грабителямъ противъ своихъ соплеменниковъ, мало по малу расширилъ свои владѣнія и, наконецъ, овладѣлъ господствомъ надъ Дели, дало поводъ ошибочно думать, будто династія Тимура въ продолженіе нѣкотораго времени управляла Индіей черезъ Хизра и нѣсколькихъ послѣдующихъ намѣстниковъ. Это совсѣмъ невѣрно *): какъ тучи саранчи появились татары и такъ же точно они покинули страну, послѣ того какъ опустошили ее до-чиста и здѣсь принося лишь смерть и разрушеніе, безъ малѣйшей попытки создать что-либо новое.

Едва возвратившись въ Самаркандъ, завоеватель съ рвеніемъ принялся за то, чтобы снова ближе заняться дѣлами запада. Обстоятельства тамъ выглядѣли нѣсколько угрожающе. Правда, въ Египтѣ только что скончался (801=1399) султанъ Баркукъ, Ахмедъ Ибнъ Увейсъ лишь съ трудомъ держался въ Багдадѣ, гдѣ его ненавидѣли за его жестокость, при помощи Черныхъ Ягнятъ Кара-Юсуфа, а съ этимъ послѣднимъ можно было надѣяться справиться, какъ бывало уже часто. Около этого же времени туркмены Бѣлаго Ягненка подъ предводительствомъ Кара-Еелека **) (или Османа, если называть его мухаммеданскимъ его именемъ) лишили власти и жизни Бурханъ адъ-дина Сивасскаго, котораго они преслѣдовали; раньше это могло-бы казаться благоприятнымъ для Тимура: но теперь на то же самое мѣсто дѣйствія выступилъ другой противникъ, который казался болѣе равнымъ грозному князю войны, чѣмъ всѣ предыдущіе. Въ 792—795 (1390—1393 г.) состоялось присоединеніе султаномъ Бая-

*) S. Thomas, (The Chronicles of the Pathan Kings of Dehli, Лондонъ 1871), стр. 328. Намъ действительно передаютъ, что Хизръ-Ханъ послалъ въ 814 (1411 г.) депутація къ сыну Тимура, Шаху-Роху, для принесенія присяги вѣрности (см. Notices et Extraits, XIV, 1, Парижъ 1843, стр. 196); между тѣмъ это также мало содержитъ противорѣчія сказанному въ текстѣ, какъ тотъ фактъ, что многие изъ остальныхъ индійскихъ князей старались отклонить отъ себя нападенія Тимура тѣмъ, что они объявили себя его вассалами; это значило, что цари покорились-бы если-бъ только онъ по другимъ причинамъ не жаждалъ войны во что бы то ни стало. Панегирсты Тимуридовъ, конечно, всегда стараются придать чисто формальнымъ выраженіямъ вѣжливости болѣе глубокой смыслъ, чѣмъ они действительно имѣютъ. Подобное стремленіе имѣеть и разсказъ Абдъ-ар-Раззака въ Notices et Extraits, указ. т. стр. 437 и слѣд.

**) Такъ пишетъ это имя Weil, во всякомъ случаѣ слѣдую свѣдѣтельству своихъ арабскихъ источниковъ. Въ единственномъ подлинникѣ, имѣющемся въ моемъ распоряженіи, „Vita Timuri“ Ибнъ Арабшаха, ed. Manger, I, 522, я нахожу Илюкъ или Эйлюкъ; у Hammeг'a, Geschichte des osmanischen Reiches I, 293, стоитъ Кара Юлюкъ, что онъ переводитъ какъ „черная пивка“, между тѣмъ какъ пивка по-турецки значить не юлюкъ, а сюлюкъ. Я не въ состояніи установить точно форму и значеніе этого имени.

зидомъ большинства маленькихъ турецкихъ эмиратовъ къ османскому государству *), возвысившемуся послѣ битвы при Амзельфельдѣ (791=1389) до значенія державы и на европейской почвѣ; а когда Баязидъ, по просьбѣ жителей Сиваса, которые не могли быть слишкомъ довольны обращеніемъ грубыхъ туркменовъ, около 801 (1399 г.) овладѣлъ также страной до Евфрата между Эрзинганомъ и Малатіей, онъ сдѣлался непосредственнымъ пограничнымъ сосѣдомъ провинцій Арменіи и Месопотаміи, на которыя заявлялъ притязанія Тимуръ. Это было прямымъ вызовомъ Тимуру, который раньше взялъ подъ свою защиту Эрзинганъ, принадлежавшій уже собственно къ Арменіи. Къ этому прибавилось еще то, что при приближеніи Тимура, который въ 802 (1400 г.) вступилъ съ большими толпами въ Азербейджанъ и послѣ одного изъ своихъ обычныхъ хищническихъ набѣговъ на Грузію собрался идти на Багдадъ, Ахмедъ Ибнъ Увейсъ и его союзникъ Кара Юсуфъ бѣжали оттуда къ Баязиду и нашли у него доброжелательный пріемъ, между тѣмъ, какъ наоборотъ, многіе изъ разбѣгавшихся послѣднимъ малоазіатскихъ эмировъ появились въ лагерь Тимура и прожужжали ему уши громкими жалобами на произведенное надъ ними насиліе. Тонъ дипломатическихъ переговоровъ, которые послѣдовали по поводу этихъ вопросовъ между обоими, почти одинаково могущественными и, во всякомъ случаѣ, одинаково надменными государями, былъ болѣе чѣмъ ясенъ; несмотря на это, въ поведеніи Тимура можно было замѣтить несвойственную ему въ другихъ случаяхъ медлительность. Онъ не скрывалъ отъ себя, что здѣсь ему предстояла самая серьезная борьба въ его жизни. Баязидъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи силы всей Малой Азіи и большей части Балканскаго полуострова, сербы котораго составляли одну изъ самыхъ превосходныхъ частей османской арміи; самъ Баязидъ едва-ли уступалъ Тимуру въ смѣлости и энергіи, а этотъ послѣдній находился на самой крайней западной границѣ своего огромнаго царства, посреди поработанныхъ и притѣсненныхъ народовъ, которые легко могли-бы превратить въ окончательную гибель первое-же пораженіе, нанесенное ему Османами. Зато Баязиду недоставало одного качества, особенно драгоцѣннаго для полководца, и которымъ Тимуръ обладалъ въ высшей степени: предусмотрительности, которая допускаетъ все на свѣтѣ скорѣе, чѣмъ презрѣніе къ противнику. Увѣренный въ своемъ всегда побѣдоносномъ, какъ онъ полагалъ, войскѣ, онъ не считалъ нужнымъ дѣлать особенныя приготовленія въ Малой Азіи для встрѣчи могучаго врага, и остался спокойно въ Европѣ, чтобы, если возможно, довести еще до конца осаду Константинополя, которую онъ былъ занятъ съ нѣкотораго времени **). Тамъ застало

*) См. Hertzberg, Geschichte der Byzantiner und des osmanischen Reiches.

**) Ibid., стр. 524.

его извѣстіе, что Тимуръ въ началѣ 803 (1400 г.) перешелъ черезъ Евфратъ и взялъ приступомъ Сивасъ. Даже одинъ изъ сыновей Баязида былъ будто-бы взятъ въ плѣнъ при этомъ и вскорѣ послѣ того умерщвленъ *); но и безъ этого онъ имѣлъ достаточно поводовъ чтобы собрать теперь всѣ силы противъ опаснаго соперника. Въ то время, какъ полки Баязида набирались въ Европѣ и Азій, Тимуръ рѣшился, прежде чѣмъ двинуться дальше вглубь Малой Азій, обезопасить сначала свой лѣвый флангъ, которому легко могли угрожать ма м л ю к и изъ Сиріи; также и Багдадъ находился еще въ рукахъ одного оставленнаго Ахмедомъ Ибнъ Увейсомъ намѣстника, а на мелкихъ месопотамскихъ князей, какъ мы уже видѣли, нельзя было положиться. Для того, чтобы держать послѣднихъ въ страхѣ, онъ воспользовался пока туркменами Бѣлаго Ягненка подъ предводительствомъ Кара Еелека, который, конечно, былъ чрезвычайно возстановленъ противъ Баязида и охотно взялся оберегать крѣпость на Евфратѣ, Малатію, безъ труда завоеванную татарами; самъ же Тимуръ поставилъ себѣ задачей осенью 803 (1400 г.) начать войну съ Сиріей. Она оказалась легче для него, чѣмъ онъ могъ предполагать. Сыну Баркука, Ф а р а д ж у, было только пятнадцать лѣтъ, и его эмиры только что перессорились до такой степени, что все государство грозило расшататься черезъ это, и Сирія едва не освободилась отъ египетскаго господства. Хотя въ данную минуту внутреннее согласіе было кое-какъ возстановлено, но между предводителями войскъ все еще существовали разныя смуты и взаимное недоброжелательство; нечего было и думать объ общемъ, руководимомъ одной сильной волей, сопротивленіи татарскому нападенію. Только одни сирійскіе эмиры рѣшились выступить на встрѣчу врагу при Халебѣ, однако и они не приняли сообща твердаго намѣренія рисковать послѣднимъ; такимъ образомъ, Тимуръ одержалъ побѣду; Халебъ былъ страшно разоренъ, остальные города сѣверной Сиріи заняты безъ сколько-нибудь значительныхъ затрудненій, и уже во второй половинѣ 1400 (конецъ 803) г. завоеватель стоялъ передъ самымъ Д а м а с к о м ъ, куда, наконецъ, нашли дорогу и вялые египтяне, въ сопровожденіи своего слишкомъ юнаго султана. Они могли бы также хорошо остаться дома: въ то время, какъ то тамъ то здѣсь происходили стычки, раздоры между эмирами снова взяли верхъ; многіе затѣяли планъ — понятный при данныхъ обстоятельствахъ—замѣнить царственнаго отрока челоуѣкомъ способнымъ къ дѣйствию, а когда провѣдали объ этомъ приближенные Фа-

*) Hertzberg указ. соч. стр. 526; восточные источники во всякомъ случаѣ не даютъ объ этомъ никакихъ свѣдѣній. Фактъ этотъ сомнителенъ, ср. съ Hammer, Geschichte des osmanischen Reiches I, 618, Weill's Geschichte des Abbasidenchalfats in Egypten II, 81, пр. 4. Имя Эртогруль, во всякомъ случаѣ, есть только предположеніе v. Hammer'a.

раджа и онъ самъ, все было кончено. Имъ удалось въ безопасности вернуться въ Каиръ, предоставивъ сирійцамъ справляться какъ съумѣютъ съ врагомъ. Оказалось, что дѣло плохо. Хотя нечего было думать о дѣятельной оборонѣ, и городъ Дамаскъ вскорѣ добровольно сдался, причемъ лишь замокъ продолжалъ еще нѣкоторое время сопротивляться, однако едва-ли даже самъ Тимуръ свирѣпствовалъ гдѣ-нибудь хуже, чѣмъ здѣсь и потомъ опять въ сѣверной Сиріи. Цѣль этого ясна: онъ хотѣлъ дать такой убѣдительный примѣръ Мамлюкамъ и ихъ подданнымъ, чтобы они не отваживались еще какъ-нибудь мѣшать его дальнѣйшему наступленію въ Малую Азію.

Въ самомъ Дамаскѣ не оказалось недостатка въ предложенияхъ религіознаго характера для того, чтобы оправдать самое ужасное обращеніе съ жителями. Тимуру, который и здѣсь разыгрывалъ роль шіита, возмущеннаго несовершенствами правовѣрныхъ, доставляло особенное удовольствіе пугать несчастныхъ заступниковъ суннитскаго духовенства коварными вопросами объ отношеніи между Аліемъ и предшествовавшими ему законными халифами; потомъ, въ лицемѣрномъ негодованіи на порочность дамаскинцевъ—которые были, во всякомъ случаѣ, не хуже, чѣмъ остальные турки или даже персы этого времени—и на безбожіе Омайядовъ, которые почти всегда жительствовавши тутъ-же, онъ велѣлъ своимъ татарамъ расправляться здѣсь такъ же, какъ между христіанами въ Грузіи и Арменіи. Въ концѣ концовъ городъ былъ «по ошибкѣ» подоженъ, и болѣею частью выгорѣлъ; во всякомъ случаѣ, трудно повѣрить, чтобы не было умысла при разрушеніи мечети Омайядовъ. Древняя почтенная церковь Св. Іоанна, которую арабы только приспособили къ своему богослуженію, а позже турки тоже пощадили, была все еще однимъ изъ первыхъ храмовъ ислама несмотря на поврежденія, причиненныя ранѣ однимъ пожаромъ; теперь она была умышленно разорена и вновь предана пламени, отъ котораго на этотъ разъ пострадала гораздо хуже—позднѣйшее возстановленіе могло только отчасти вернуть ей ея прежнюю красоту. Несмотря на заключенныя условія капитуляціи, жителей города истребляли массами, оставшіеся въ живыхъ были ограблены самымъ безстыднымъ образомъ, и подобнымъ же образомъ была опустошена вся страна до границы Малой Азіи. Такими рѣшительными мѣрами Тимуръ, конечно, достигъ своей цѣли вполне: сирійскіе и египетскіе эмиры, которые и безъ того находили подходящимъ воспользоваться слабостью правительства, лишь увеличившейся вслѣдствіе постыднаго бѣгства султана Фараджа, для новыхъ взаимныхъ ссоръ, конечно, остереглись становиться впредь поперекъ дороги завоевателю міра, и самъ безпомощный призрачный государь, который вскорѣ послѣ того (808—1405) долженъ былъ уступить на годъ власть одному изъ своихъ

братевъ, оставался до смерти Тимура совершенно покорнымъ; можно предположить *) — это, конечно, не вполне доказано — что онъ даже безпрекословно подчинился обращенному къ нему въ 805 (1402) г. требованію, чеканить монеты съ именемъ Тимура, чтобы только не вызвать нашествія на самый Египетъ.

Послѣ того, какъ татары возстановили по своему спокойствію въ Сириі, ихъ толпы потянулись обратно черезъ Евфратъ, чтобы тоже осилить снова Месопотамію и Багдадъ. Это не стоило имъ большого труда, такъ какъ Бѣлые Ягнята представляли надежную опору при Малатіи, а Черные были значительно ослаблены долгимъ отсутствіемъ своего предводителя Кара Юсуфа въ Малой Азіи. Все же показалось нужнымъ еще разъ привести къ порядку ихъ толпы, находившіяся въ Арменіи, пославъ туда отдѣльный отрядъ, въ то время, какъ Ортокидъ былъ наказанъ за свою измѣну разрушеніемъ Маридина. Хотя самъ онъ удержался въ своемъ укрѣпленномъ замкѣ, не было найдено необходимымъ тратить много времени на взятіе его: Ортокидъ не былъ достаточно опасенъ для этого. Съ Багдадомъ было другое дѣло; хотя глава его, Джелаиридъ Ахмедъ, тоже не хотѣлъ отказаться отъ безопасности пребыванія подъ защитой Баязида, но намѣстникъ Фараджъ**), управлявшій тамъ вмѣсто него, имѣлъ общаго съ египетскимъ султаномъ только одно имя; это былъ храбрый человекъ, и во главѣ арабскихъ и туркменскихъ бедуиновъ, которыми онъ командовалъ, онъ не боялся самого дьявола въ человѣческомъ образѣ. Отрядъ, посланный Тимуромъ противъ древняго города халифовъ, не былъ впущенъ, онъ долженъ былъ отправиться туда лично съ главными силами, и сопротивленіе, оказанное также и ему, оказалось такъ сильно, что онъ тщетно осаждалъ городъ въ теченіе сорока дней, пока старой лисѣ не удалось застать защитниковъ врасплохъ въ минуту недосмотра. Какъ говорятъ ***) онъ вторгнулся въ городъ въ самый священный день мусульманскаго церковнаго года, въ большой праздникъ жертвоприношенія (Зуль-

*) Хотя по Wei'ю (*Geschichte des Abbasidenchalfats in Egypten II, 97*) объ этомъ требованіи и послушаніи султана повѣствуютъ только персидскіе исторіографы, и то и другое вполне правдоподобно по общему положенію вещей. Тимуръ, который въ тотъ моментъ уже взялъ Смирну, едва-ли воротился бы на востокъ, не достигнувъ формальнаго покоренія мамлюковъ.

**) По Wei'ю (указ. сочин. II, 92) эта форма имени кажется сомнительной. Въ единственномъ имѣющемъ у меня подлинникъ въ жизнеописаніи Тимура Арабшаха, оно звучитъ какъ приведено выше.

***) Именно арабскіе источники, которымъ, можетъ быть, не слѣдуетъ довѣрять въ этомъ случаѣ, такъ какъ возможно, что сообщенное въ текствѣ обѣщаніе Тимура было выдуманно для болѣе сильнаго заклеянія его гнусности. У перса приведено 27 Зуль-Ка'да=9 іюля.

Хиджа 803=22 іюля 1491 г.) и тутъ лишь слишкомъ точно исполнилъ ужасный обѣтъ, будто бы данный имъ, зарѣзать людей вмѣсто обычныхъ жертвенныхъ овецъ. Въ этотъ день каждый воинъ долженъ былъ представить не по одной головѣ, какъ при Испаханѣ, а по двѣ, чтобы съ соотвѣтствующей празднику роскошью соорудить излюбленныя пирамиды изъ череповъ *), а такъ какъ оказалось затруднительнымъ собрать наскоро все число головъ, простиравшееся до 90.000, то убивали не только нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ съ собой изъ Сиріи плѣнныхъ, но еще множество женщинъ. Храбрый Фараджъ погибъ со многими изъ своихъ людей при попыткѣ пробиться на лодкахъ внизъ по Тигру. Но мы вѣдь отказались даватъ болѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ ужасахъ этой войны; поэтому обратимся скорѣе къ послѣднему великому успѣху, положившему самый блестящій вѣнецъ дѣяніямъ страшнаго воина уже на закатѣ его слишкомъ долгой жизни. Теперь онъ уже не оставилъ ни одного достойнаго вниманія противника ни въ тылу, ни съ обоихъ фланговъ; хотя послѣ отступленія Тимура на зимнюю квартиру въ Карабахъ (Азербейджанъ), Ахмедъ Ибнъ Увейсъ, вѣроятно, въ надеждѣ на подвигавшіяся приготовленія Баязида и стараясь отвлечь отъ него врага на востокъ, внезапно появился снова на развалинахъ Багдада и началъ собирать вокругъ себя разсѣянные остатки своего прежняго войска, однако пока нечего было опасаться серьезныхъ затрудненій отъ этихъ слабыхъ набѣговъ, и приготовленія къ рѣшительному удару противъ Баязида могли идти въ полномъ спокойствіи. Безъ сомнѣнія, намъ сообщаютъ, что Тимуръ сдѣлалъ еще одну послѣднюю попытку придти къ мирному соглашенію съ турками. Несмотря на то, что, приближаясь теперь уже къ семидесяти годамъ, онъ обладалъ все въ той-же степени прежней самоувѣренной энергіей, едва-ли онъ все-таки могъ съ совѣмъ легкимъ сердцемъ вступить въ борьбу съ османскимъ султаномъ, который не даромъ носилъ прозвище Ильдирима («молніи»), и силы котораго, если въ общемъ и менѣе значительныя чѣмъ у Тимура, могли быть вполне собраны и готовы въ короткій срокъ, между тѣмъ какъ его собственныя войска были разсѣяны по всей передней Азіи отъ Евфрата до Инда и Яксарта. Послѣднія войны въ Сиріи и Месопотаміи тоже стоили многихъ людей; къ тому-же можно было замѣтить признаки меньшей готовности въ эмирахъ, которые предпочли-бы утопать въ пріятномъ покоѣ на награбленныхъ сокровищахъ, чѣмъ безпрестанно сзизнова подвергаться тягостямъ войны. Однимъ словомъ, Тимуръ могъ желать пополнить сначала свое войско на родной почвѣ Трансоксаніи и освѣжить его новыми

*) На этотъ разъ ихъ было выстроено всего на всего 120.

силами *), какъ онъ многократно дѣлалъ это уже въ прежніе годы; поэтому онъ, въ первый разъ въ своей жизни, хладнокровно перенесъ тотъ вызовъ, что Баязидъ снова овладѣлъ издавна спорной пограничной крѣпостью Эрзингамомъ, пока татарское войско было занято Багдадомъ. Хотя онъ снова назначилъ тамъ своимъ намѣстникомъ Тахерта, того-же князька, которому собственно принадлежалъ городъ, и который съ большой пріятностью справлялся со своей задачей лавировать между обѣими державами, но Тимуру какъ-бы то ни было необходимо было блестящее удовлетвореніе, если онъ не хотѣлъ въ глазахъ всего свѣта склониться передъ Османомъ. Что онъ и теперь еще сталъ искать его путемъ дипломатическихъ переговоровъ, мало похоже на его прежнюю манеру; но во всякомъ случаѣ изъ этого ничего не вышло. Баязидъ оставилъ въ продолженіе цѣлыхъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ безъ отвѣта его посольство, въ которомъ онъ между прочимъ настоятельно требовалъ выдачи предводителя Черныхъ Ягнятъ, Кара Юсуфа; когда наконецъ пришло отвѣтное извѣстіе, отрицательное и при томъ довольно невѣжливо, оно застало завоевателя міра уже къ западу отъ Евфрата, на пути отъ Сиваса къ Цезареѣ, послѣ взятія приступомъ одного турецкаго пограничнаго городка. Армія Баязида правда стояла справа отъ Тимура возлѣ Токата; но онъ зналъ, что она вынуждена будетъ за нимъ послѣдовать, если онъ пойдетъ на главный городъ, Бруссу. Арміи обѣихъ сторонъ сошлись при Ангорѣ; но въ то время какъ султанъ, не обращая вниманія **) на нѣкоторое недовольство, подымавшееся въ его войскахъ, съ нѣкоторымъ хвастовствомъ отправился на охоту въ виду врага и слишкомъ долго промѣшквалъ тамъ, чтобы успѣть позаботиться о тактическихъ подробностяхъ, Тимуръ обезпечилъ за собой выгоды положенія и посѣялъ по возможности недовольство въ рядахъ турокъ, чего онъ никогда не упускалъ дѣлать относительно могущественныхъ враговъ. Кромѣ собственно османскихъ войскъ, янычаръ, и надежныхъ сербовъ, армія Баязида заключала въ себѣ солдатъ изъ мелкихъ государствъ, упраздненныхъ имъ лѣтъ за десять до того, и нѣкоторые отряды татарскихъ наѣздниковъ, находившихся въ Малой Азіи еще съ первыхъ монгольскихъ временъ. Послѣдніе охотно поддавались наущеніямъ, приглашавшимъ ихъ перейти на сторону ихъ соплеменниковъ; первые были все еще преданы своимъ прежнимъ го-

*) Я не думаю, чтобы при переговорахъ имѣлся въ виду продолжительный миръ съ Баязидомъ (ср. Weil указ. соч. стр. 94). Мы видимъ, что Тимуръ еще позже предпринимаетъ завоеваніе Китая, и по прежнему опыту онъ не могъ рассчитывать удержать даже только западную Персію въ ненарушимомъ владѣніи, пока Ахмедъ Ибнъ Увейсъ и Черные Ягнята находили поддержку въ Османахъ.

**) Подробности у Hertzberg, Gesch. der Byz. u. des osman, Reiches, стр. 529.

сударямъ, которые также находились въ станѣ враговъ, и кромѣ того были раздражены противъ Баязида изъ за всего его поведенія: такъ и у нихъ посланные хитраго Тимура находили благопріятный пріемъ для своихъ предложеній. Когда около конца 804 (середина 1402 *) г. началась рѣшающая битва, въ критическую минуту большая часть малоазіатовъ и все татары перешли къ Тимуру: весь правый флангъ Баязида былъ разстроенымъ, и пораженіе его рѣшено. Но въ то время какъ все кругомъ обратилось въ бѣгство, султанъ непоколебимо стоялъ въ центрѣ арміи со своими янычарами. Онъ не имѣлъ намѣренія признать себя побѣжденнымъ; такъ выдержалъ онъ, пока его вѣрные тѣлохранители не были совершенно истреблены. Когда при наступленіи ночи онъ, наконецъ, согласился покинуть поле битвы, было ужъ слишкомъ поздно: паденіе его лошади предало его въ руки преслѣдовавшихъ враговъ, и какъ нѣкогда греческій императоръ передъ сельджукомъ Альпъ Арсланомъ, такъ теперь султанъ османовъ, при одномъ имени котораго еще незадолго дрожала Византія, явился плѣнникомъ передъ татарскимъ бегомъ. Основанъ-ли на истинѣ распространенный рассказъ о томъ, что Тимуръ возилъ его съ собой въ желѣзной клѣткѣ во время своего дальнѣйшаго шествія по Малой Азіи, была-ли затѣмъ эта клѣтка клѣткой, или скорѣе носилками окруженными рѣшетками **), въ концѣ концовъ, такъ же безразлично, какъ достовѣрность множества анекдотовъ, передаваемыхъ о личной встрѣчѣ и дальнѣйшихъ сношеніяхъ между побѣдителемъ и побѣжденнымъ: достаточно, что Баязидъ не долго терпѣлъ раздирающую муку глубоко пораженной гордости. Въ то время какъ войска его тюремника опустошали огнемъ и мечемъ Малую Азію по всѣмъ направленіямъ, наполовину разрушили Б р у с с у, колыбель османскаго величія, наконецъ отняли даже С м и р н у у родосскихъ рыцарей Іоаннитовъ и жестоко расправились съ ней, въ то время, какъ его собственная дочь принуждена была отдать свою руку внуку Тимура, сокрушенный султанъ видимо угасалъ, и прежде еще, чѣмъ укротитель его буйной головы выступилъ въ обратный путь на востокъ, Баязидъ умеръ въ своемъ заточеніи (14 Ша'бана 804=9 ***) марта 1403).

Тимуръ разумѣется не могъ думать о томъ, чтобы распростра-

*) Точная дата не установлена; см. Weil, Geschichte des Abbasidenchalfats in Egypten II, стр. 95.

**) См. подробности у v. Hammer, Geschichte des osmanischen Reiches I, 317 и слѣд. Weil указ. сочин. II, 96.

***) 14-му Ша'бана соответствуетъ 9-е, а не 8-ое, какъ приводитъ v. Hammer, указ. соч. стр. 335. При этомъ надо замѣтить, что днемъ недѣли приведенъ четвергъ, который приходится напротивъ 13-ое Ша'бана, соответствующее во всякомъ случаѣ 8-му марта, такъ что последнее можетъ быть надо все-таки считать вѣрнымъ числомъ.

нить свои завоеванія на османское государство и по ту сторону Босфора; отъ такой мысли его заранѣе должно было удержать сознание самой слабой стороны его большого царства: что собственно коренная часть его лежала на восточной границѣ. Къ тому-же, еще до войны съ Баязидомъ, византійскіе государи Трапезунда и Константинополя вошли съ татарами въ переговоры, для того чтобы избавиться съ ихъ помощью отъ опаснаго османскаго противника и обязались платить имъ дань *); этимъ они, по восточнымъ понятіямъ, сдѣлались вассалами Тимура, за которымъ такимъ образомъ безъ дальнѣйшихъ стараній была обезпечена слава подчиненія своему скипетру этихъ непримиримыхъ враговъ ислама. Поэтому, раздавъ снова Малую Азію выгнаннымъ Османами эмирамъ, какъ своимъ вассаламъ, онъ предоставилъ остальное османское государство, находившееся исключительно на европейской почвѣ, самому себѣ, что онъ могъ сдѣлать съ тѣмъ бѣльшимъ достоинствомъ, что сынъ Баязида, Сулейманъ, которому удалось спастись изъ Ангоры въ Румелію, очень смиренно просилъ отсюда о мирѣ. Кромѣ того, татарину оставалось, какъ мы помнимъ, устранить еще одного стараго и безпокойнаго врага, находившагося въ тылу у него, въ Багдадѣ. Ахмедъ Ибнъ Увейсъ не безъ труда—его собственный сынъ возсталъ противъ него—удержалъ Багдадъ во время малоазіатскихъ событій, преимущественно съ помощью своего стараго друга Кара Юсуфа, который при приближеніи Тимура снова явился съ запада къ своимъ Чернымъ Ягнямъ. Позже между самими союзниками возникли несогласія; Ахмедъ долженъ былъ бѣжать въ Сирію отъ туркменскаго вожда, и этотъ послѣдній игралъ роль государя въ Багдадѣ, пока Тимуръ находилъ удобнымъ разрѣшить ему это удовольствіе. Это было недолго. Послѣ того какъ вся Малая Азія была покорена и побѣдитель Баязида снова водворилъ выгнанныхъ имъ эмировъ въ ихъ княжествахъ, какъ своихъ вассаловъ, онъ направился въ Арменію и далъ почувствовать тяжесть своей руки тѣмъ, которые показали себя строптивыми въ послѣднее опасное время. Ортокидъ изъ Маридина, который дрожа явился лично со многими подарками, былъ еще милостиво принятъ, но грузины, тоже оказавшіеся опять непокорными, были чувствительно наказаны, а Кара Юсуфъ былъ разбитъ при Хилдѣ (806—1403) посланнымъ на югъ войскомъ. Теперь онъ тоже бѣжалъ въ Сирію, но былъ заключенъ въ замокъ въ Каирѣ вмѣстѣ со своимъ прежнимъ союзникомъ Ахмедомъ, по приказанію султана Фараджа, боявшагося гнѣва своего повелителя. Теперь уже ничто не мѣшало Тимуру возвратиться на родину, послѣ четырехъ лѣтъ, проведенныхъ въ вой-

*) См. Hertzberg, указ. соч. стр. 527

нахъ въ Персіи и западныхъ странахъ: по дорогѣ были еще уничтожены нѣкоторые мятежники въ прикаспійскихъ земляхъ, и въ Мухарремѣ 807 (юль 1404) г. побѣдоносный полководецъ снова вступилъ въ свою столицу Самаркандъ во главѣ своего войска.

Но неутомимый завоеватель намѣревался дать себѣ только немного мѣсяцевъ, не для отдыха, но для приготовленія къ новому, гигантскому предпріятію. Отъ Москвы до Дели, отъ Иртыша до Средиземнаго моря не осталось больше ни одной провинціи, землѣ которой не пришлось-бы стонать подъ копытами его коней; теперь взоры его обратились на востокъ. Кашгарское ханство, которое со времени похода 792 (1390) г. лежало безпрекословно у его ногъ, примыкало уже непосредственно къ границѣ Китаю. Предлогъ къ тому, чтобы вторгнуться теперь и въ Срединную Имперію, было легко найти. Уже въ 1368 (769 — 70) г. Чингизъ-Ханиды изъ рода Хублая, царствовавшіе тамъ до этого года, должны были уступить мѣсто основателю національной Минской династіи, это было достаточнымъ основаніемъ для Тимура, державшаго себя до самой своей смерти, какъ мажордомъ потомковъ монгольскаго владыки міра, чтобы представить своимъ эмирамъ какъ неоспоримую необходимость присоединеніе вновь этого потеряннаго члена къ царству.

Созванный имъ немедленно курилтай одобрилъ эту достохвальную мысль съ воодушевленіемъ, которое могло бы нѣсколько сравниться съ чувствами французскаго сената къ великому Наполеону. Немедленно приступлено было къ выполненію ея: семидесятилѣтній старикъ въ сущности не могъ терять много времени. Уже на пятый мѣсяцъ послѣ вѣзда въ Самаркандъ, армія, съ невѣроятной быстротой снова доподненная до 200.000 человекъ, выступила черезъ Яксартъ. Но слишкомъ скоро ей пришлось остановиться. Въ Отрарѣ, еще на правомъ берегу рѣки, Тимуръ заболѣлъ горячкою, настолько сильной, что почти съ перваго момента можно было предвидѣть смертельный исходъ.

17 Ша'бана 807 (18 февраля 1405) стрѣлка упала, часы остановились, и время восторжествовало и надъ самымъ могущественнымъ и прославленнымъ изъ всѣхъ когда-либо жившихъ мусульманскихъ государей. Все было кончено, и здѣсь дѣйствительно примѣнимы слова: «Все прошло, будто и не бывало».

Примѣнимы еще здѣсь по крайней мѣрѣ относительно всего, что достойно составить содержаніе жизни правителя. Конечно, при историческихъ размышленіяхъ нельзя ставиться на слишкомъ возвышенную точку зрѣнія отвлеченнаго идеализма, или на слишкомъ низкую стремящагося быть человѣчнымъ филистерства: уже раньше мы при одномъ случаѣ выяснили себѣ, что бесполезно плакать о бѣдствіяхъ войны,

если роль человѣческой до сихъ поръ пока таковъ, что безъ сильныхъ потрясеній остается вялымъ и несостоятельнымъ по отношенію къ своимъ истиннымъ задачамъ. Поэтому мы оцѣнимъ какъ носителей исторической необходимости даже страшныхъ притѣснителей такого рода какъ Цезарь, Омаръ или Наполеонъ, задачей которыхъ было разрушить на куски одряхлѣвшій міръ, чтобы очистить мѣсто новымъ, жизнеспособнымъ образованіямъ. Очень замѣчательно во всякомъ случаѣ сходство, которое представляетъ именно съ образомъ Наполеона не менѣе рѣзко очерченная фигура Тимура. Тотъ-же самый военный гений, настолько-же организаторскій, насколько и тактико-стратегическій; то же соединеніе упорства въ преслѣдованіи разъ принятой мысли съ молніеобразнымъ натискомъ въ минуту выполненія; та же непоколебимость внутренняго равновѣсія при опаснѣйшихъ и труднѣйшихъ предпріятіяхъ; та же неутомимая энергія, предоставлявшая возможно меньше самостоятельности второстепеннымъ начальникамъ, лично находившая каждую важную мѣру; то же умѣнье провицательно познавать слабости противника, не впадая при этомъ въ ошибку, слишкомъ низко цѣнить или презирать его; то же хладнокровное невниманіе къ человѣческому матеріалу, необходимому для выполненія великихъ плановъ, то же безмѣрное честолюбіе и величіе завоевательныхъ замысловъ рядомъ съ искусствомъ пользоваться самыми мельчайшими побужденіями человѣческой природы и съ прямо виртуознымъ лицемеріемъ; наконецъ, то же соединеніе безавѣтной храбрости съ хитрымъ коварствомъ у татарина, какъ и у его корсиканскаго послѣдователя. Конечно, нѣтъ недостатка въ маловажныхъ различіяхъ: нужно отдать справедливость императору-солдату, что почти всѣ свои битвы онъ выигралъ своимъ гениемъ полководца, между тѣмъ какъ главнѣйшіе успѣхи Тимура, побѣда надъ Тохтамышомъ, надъ Музаффаридомъ Мансуромъ, надъ Делійскимъ царствомъ, надъ Баязидомъ, были всегда рѣшены искусно внесенными въ рядъ враговъ раздорами или подкупомъ презрѣнныхъ измѣнниковъ—но такія отступленія все таки не нарушаютъ общаго впечатлѣнія поразительнаго сходства. И все-же было-бы несправедливостью къ Наполеону поставить его на одну ступень съ Тимуромъ. Сводъ законовъ и управленіе, данные имъ Франціи, еще теперь, послѣ восьмидесяти лѣтъ, остаются единственными связующими звеньями, которыя сдерживаютъ этотъ столько-же безпокойный, сколько и одаренный народъ въ государственномъ строѣ, необходимомъ, несмотря ни на что, для современной цивилизаціи; и какъ ни сурово распоряжался онъ отъ Испаніи до Россіи, однако желѣзная метла, которою онъ выметалъ почву Европы, нигдѣ не уносила вмѣстѣ съ соромъ и мякиной также хорошихъ сѣмянъ. А въ дѣйствіяхъ Тимура самымъ роковымъ было именно то, что онъ нигдѣ не думалъ

о созиданіи сколько нибудь прочныхъ порядковъ, но вездѣ стремился лишь разрушать. Если рѣшиться оставить въ сторонѣ его бесплодную и хладнокровную безчеловѣчность, онъ лично является самымъ величаво очерченнымъ изъ всѣхъ мухаммеданскихъ государей, жизнь его — настоящимъ эпосомъ, прямо романтическая привлекательность котораго въ обстоятельномъ описаніи историка-художника должна была бы дѣйствовать съ неотразимой силой. Всѣ другіе великіе исламскіе халифы и султаны — Чингизъ-Ханъ былъ язычникомъ — какъ ни значительны были ихъ собственныя дѣянія, большей частью своихъ успѣховъ были обязаны постороннимъ силамъ. У Му'ави былъ его Зиядъ, у Абдъ-аль-Мелика и Валида — ихъ Хаджжаджъ, у Мансура — Бармекиды, у Альпъ-Арслана — Низамъ аль-мулькъ: единственное орудіе Тимура, его готовое къ битвамъ войско, было его собственнымъ созданиемъ, и ни въ одномъ дѣйствительно важномъ походѣ ими не командовалъ никто, кромѣ него самого. Былъ одинъ человекъ, который равнялся съ Тимуромъ по внутренней силѣ, именно Омаръ; онъ, правда, только издали посылалъ распоряженія своимъ войскамъ, но силой своей личности господствовалъ вполнѣ надъ каждымъ изъ своихъ полководцевъ и показалъ все свое величіе въ другой области, создавая изъ едва организованныхъ шаекъ бедуиновъ и разстроенныхъ иноземныхъ провинцій государство, основанія котораго въ продолженіе восьми вѣковъ служили рамками для народнаго развитія, при всѣхъ перемѣнахъ все-же до извѣстной степени равномернаго и непрерывнаго. Разрушеніе этихъ основаній было уже издавна подготовлено турками, потомъ ускорено монголами и татарами, за исключеніемъ лишь недоконченной попытки доблестнаго Газанъ-Хана создать новый организмъ: — навсегда завершить это разрушеніе стало печальной заслугой Тимура, когда онъ изъ всей передней Азіи произвелъ хаосъ, въ которомъ больше уже не таились силы, нужныя для возстановленія новаго исламскаго единства. Если въ чисто политическомъ отношеніи появленіе его настолько эфемерно, что послѣ исчезновенія его мы видимъ, какъ тѣ же элементы, которые были въ дѣйствіи до него, снова принимаются почти безъ измѣненія за свою дѣятельность тамъ, гдѣ онъ прервалъ ее, то все-же послѣ произведеннаго имъ всеобщаго разрушенія послѣднихъ остатковъ матеріальной и умственной цивилизаціи, еще оставленныхъ его предшественниками, уже не могли могущественно развиваться никакіе изъ тѣхъ элементовъ, которые могли-бы привести къ возрожденію исламскаго духа и государства. Такимъ образомъ, изъ двухъ самыхъ великихъ государей ислама Омаръ стоитъ въ началѣ собственно мухаммеданской государственной жизни, какъ ея творецъ, а въ концѣ, какъ ея разрушитель, стоитъ Тимуръ, прозванный Тамерланомъ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

КОНЕЦЪ СРЕДНЕВѢКОВАГО ВОСТОКА И НОВОЕ ВРЕМЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Наслѣдіе Тимура и османское царство.

До сихъ поръ мы въ нашемъ изложеніи исторіи ислама старались представить картину возникновенія этой религіи, которая въ то же время была свѣтскою силою, этой церкви, которая въ то же время была государствомъ; затѣмъ внутренняго и внѣшняго ея развитія, которое привело народы западной Азіи къ своеобразному и продолжительному расцвѣту ихъ духовной жизни и къ цивилизаціи, несмотря на быструю смѣну политическихъ формъ довольно долго стоявшей на значительной высотѣ; наконецъ той катастрофы, которая подготовлялась вѣками борьбою между арабами, персами и турками и постоянно усиливающимся натискомъ восточныхъ народовъ, разразилась въ видѣ монгольскаго переселенія народовъ и закончилась при Тимурѣ окончательнымъ паденіемъ мелкихъ исламскихъ государствъ. Насталъ моментъ, когда уже нельзя было перекинуть мостъ черезъ ту все возрастающую пропасть, которая, со времени ослабленія политическихъ и духовныхъ узъ, образовалась между различными странами, въ особенности между Персіей и арабско-турецкими провинціями запада; исторія ислама, какъ неразрывнаго цѣлаго, обусловленнаго взаимодействіемъ внутреннихъ и внѣшнихъ движеній, въ главномъ заканчивается Тимуромъ. Передней Азіи потребовалось еще цѣлое столѣтіе, чтобы привести въ ясность наслѣдіе завоевателя міра, т. е. непровержимо выяснить фактическую невозможность дѣйствительно расчистить всѣ груды развалинъ. Во время все возрастающаго смятенія, въ теченіе котораго на это направлены безсильныя попытки, удается наконецъ возвести скудныя жилища въ четырехъ раз-

личныхъ мѣстахъ и доставить въ нихъ убѣжище и отчасти и до сего времени нѣкоторую защиту остаткамъ исламскихъ народовъ. Этого достигли турки-османы въ Европѣ и Малой Азій, персы, турецко-татарскія племена Востока и, по странной игрѣ судьбы, мусульмане Индіи; арабійскій Иракъ, нѣкогда бывший средоточіемъ всей замѣчательной государственной системы прошедшаго, подвергся полному опустошенію; Сирія, Египеть и Аравія поглощаются Турціей, Кипчакъ—Россіей; и даже временные энергичные натиски османовъ на Европу, собственно говоря, имѣютъ значеніе сраженій, данныхъ для прикрытія отступленія въ дѣлѣ безнадежной защиты отдѣльных частей ислама противъ новаго внѣшняго врага—христіанскаго Запада. Теперь намъ остается присутствовать только при послѣдней сцѣнѣ эпилога, хотя и нѣсколько растянутого; она кончится въ тотъ самый моментъ, въ который европейскія государства соединятся для раздѣленія между собою мухаммеданскихъ государствъ съ колонизаторскими цѣлями, что едва ли будетъ сопровождаться значительными матеріальными затрудненіями. Каждый знаетъ, что, къ сожалѣнію, это соединеніе состоится еще не такъ скоро; и такимъ образомъ мертвенное оконченіе мусульманскаго Востока, только при случаѣ нарушаемое судорожными подергиваніями, продолжится еще нѣкоторое время, пока какойнибудь болгарскій или афганскій камешекъ не сдвинетъ съ мѣста нависшую лавину. Но въ нашу программу не можетъ входить подробное изложеніе хода развитія этихъ отдѣльных государствъ, либо исторія постепенно быстрѣе распространяющихся христіанскихъ завоеваній на Средиземномъ морѣ, въ южной Россіи, Туркестанѣ и въ Индіи. Исторія эта написана менѣе, чѣмъ на половину, а большая часть того, что достаточно изслѣдовано, уже нашло себѣ мѣсто въ другихъ отдѣлахъ Всеобщей исторіи; для изложенія эпилога ислама, какъ такового, надо и смотрѣть на него какъ на эпилогъ. Только тамъ, гдѣ того потребуетъ связь съ предшествующимъ или гдѣ какойнибудь мимолетный подъемъ, не выходящій изъ рамокъ моей работы, достоинъ того, чтобы приковать къ себѣ на минуту вниманіе читателя, я нѣсколько углублюсь при предполагаемомъ дальнѣйшемъ общемъ обзорѣ послѣднихъ вѣковъ отдѣльных мусульманскихъ государствъ.

Царство Тимура, которое даже при немъ не безъ труда сдерживалось невѣроятной энергіей этого государя, конечно, должно было распасться въ моментъ его смерти; это было неизбѣжно, развѣ что онъ оказался бы почти въ небываломъ въ исторіи положеніи—имѣть возможность завѣщать свое царство столь же выдающемуся наслѣднику, какъ онъ самъ, ибо вѣдь его честолюбію чуждо было предпринятіе государственныхъ дѣлъ, которыя дали бы извѣстную внутреннюю опору награбленной

имъ кучѣ земель. Но судьба была теперь настолько справедлива, что между многочисленными сыновьями и внуками, оставшимися послѣ его смерти, тотчасъ начались всевозможныя распри, которыя естественно повлекли за собою немедленное распаденіе плохо или, скорѣе, совсѣмъ несогласованнаго цѣлаго. Тимуръ, кажется, помышлялъ о престолонаслѣдіи по прямой линіи, когда, будучи уже на смертномъ одрѣ, обошелъ двухъ еще живыхъ дѣтей, давно уже, правда, непригоднаго Мираншаха и Шахъ-Роха *) и назначилъ себѣ въ преемники своего внука (сына своего покойнаго старшаго сына Джаханъ-гиря), Пиръ Мухаммеда. Но такъ какъ только что названныя дяди, Мираншахъ—въ качествѣ правителя Тебриза, Шахъ-Рохъ—въ качествѣ государя Хорасана, получили въ управленіе отъ самого Тимура большіе участки государства, то Пиръ Мухаммедъ мало могъ надѣяться на возможность управлять такъ же неограниченно, какъ его дѣдъ, даже если-бы всѣ эмиры Трансоксаніи вмѣстѣ со своими войсками подчинились-бы ему; но и тутъ случилось какъ разъ противоположное. Большая часть войска подняла на щитъ Халиль Султана, сына Омаръ Шейха, также умершаго до Тимура **); дѣло дошло до многочисленныхъ схватокъ между нимъ, Пиръ Мухаммедомъ и другими членами этого рода, и въ то время, какъ въ самой Трансоксаніи, въ концѣ 808 (1406) г. Халиль окончательно одержалъ верхъ, и Пиръ Мухаммедъ долженъ былъ довольствоваться господствомъ надъ Афганистаномъ, въ Мидіи между находящимися тамъ Тимуридами произошли всевозможныя столкновенія, которыя заставляли опасаться полнѣйшаго распаденія этихъ владѣній. Но такъ какъ уже тотчасъ послѣ заключенія мира между Халилемъ и Пиръ Мухаммедомъ послѣдній былъ убитъ въ Кандахарѣ своимъ визиремъ, то Шахъ-Роху было не трудно, изъ своей резиденціи въ Хератѣ, завладѣть Афганистаномъ, такъ что уже въ 810 (1407) г. всѣ земли между Оксусомъ, индійской границей и западной Персіей повиновались ему.

Счастье и впоследствии благопріятствовало сыну Тимура. Какъ это ни

*) Имя этого царевича Тимуръ заимствовалъ изъ шахматной игры, которой онъ, повидному, какъ разъ былъ занятъ, когда ему объявили о рожденіи этого его сына. Рохъ, первоначально названіе баснословной птицы (на Западѣ ее называютъ „Птица Рокъ“), обозначаетъ и ту фигуру шахматной игры, которую мы называемъ „ладьей“ (отсюда выраженіе рокировать), а шахъ-рохъ называется такое положеніе фигуръ, при которомъ ладья нападаетъ на короля (шахъ, отсюда названіе шахматная игра).

**)

Тимуръ	{	Джиханъ-гиръ — Пиръ-Мухаммедъ.
		Омаръ-Шейхъ — Халиль-Султанъ.
		Мираншахъ.
		Шахъ-Рохъ.

покажется невозможнымъ для внука завоевателя міра, Халі́ль, вопреки времени и обстоятельствамъ, среди которыхъ жилъ, былъ сентиментальный пастушокъ, всецѣло поглощенный своею любовью къ Ш á д и - и - м у л ь к ь *), красивой, хотя и низкой по рожденію, женщины, въ честь которой онъ писалъ стихи. Такъ какъ онъ не могъ подарить ей солнце, луну и всѣ звѣзды, то онъ, по крайней мѣрѣ, растратилъ для ея прихотей всѣ государственные доходы; конечно, это было совсѣмъ не по вкусу эмирамъ, и скоро произошло возстаніе, въ которомъ Халі́ль былъ схваченъ однимъ изъ мятежниковъ (812—1409). Подъ конецъ ему удалось спастись у Джетовъ, гдѣ онъ сокращалъ время сочиненіемъ поэтическихъ элегій къ своей возлюбленной, которую поневолѣ долженъ былъ покинуть **). Ш á х ь - Р о х ь между тѣмъ благоразумно вмѣшался въ начинавшійся беспорядокъ: безъ особаго труда — ибо даже недовольные эмиры въ большинствѣ случаевъ признавали необходимость быстрого единенія — овладѣлъ онъ всей Трансоксаніей и уже въ концѣ 811 (нач. 1409) г. торжественно въѣхалъ въ Самаркандъ. Хотя позднѣе онъ снова перенесъ свою столицу въ Хератъ, который благодаря его заботамъ снова сталъ процвѣтать, все же его власть, если не считать немногіе эпизоды въ теченіе его долгаго царствованія (807—850—1405—1446), признавалась всѣми и по ту сторону Оксуса, такъ что, по крайней мѣрѣ для востока, ужасныя бури послѣднихъ десятилѣтій смѣнились благодѣтельнымъ спокойствіемъ. Ш á х ь - Р о х ь, вѣроятно, былъ столь же прекрасный государь, сколь ужасный тиранъ былъ его отецъ. Онъ всюду старался залѣчить тѣ раны, которыя были слѣдствіемъ войны, и особенно въ Хорасанѣ далеко еще не зажили. Сокровища, добытыя предыдущимъ поколѣніемъ изъ всѣхъ странъ свѣта, теперь пошли не только исключительно на пользу Кеша и Самарканда, но и городовъ восточной Персіи. Среди построекъ, воздвигнутыхъ по приказанію шаха, одна въ особенности должна была доставить ему расположеніе его персидскихъ подданныхъ, — сооруженіе великолѣпной надгробной мечети И м á м а - Р и з ы (Али-Риды) въ г. Мешхедѣ (выше, стр. 14, и II, 195) — хотя, вообще говоря, онъ не представлялся такимъ шіитомъ, какъ его отецъ, и счелъ болѣе благоразумнымъ относиться одинаково терпимо къ обоимъ направленіямъ, какъ персовъ Хорасана, такъ и турокъ

*) Это имя означаетъ: „Радость государетва“

**) Впослѣдствіи онъ добровольно подчинился Шахъ-Роху, который снисходительно принялъ его, вернулъ ему его куклу и заботился о существованіи этой влюбленной пары. Последняя продолжала однако трагически смотрѣть на свою судьбу: когда въ 814 (1411) г. умеръ Халі́ль, то Ш á д и - и - м у л ь к ь заколола себя кинжаломъ около его погребальныхъ носилокъ.

Трансоксаніи. Хотя его нельзя назвать невоинственнымъ—во время походовъ Тимура онъ не разъ отличался въ серьезныхъ случаяхъ—но все же основной чертой его характера была разсудительность; онъ былъ чуждъ всякаго честолюбія, направленнаго исключительно на завоеванія; его живой интересъ былъ обращенъ на дѣла мира и заботы о внутреннемъ управленіи. При его дворѣ въ первый разъ послѣ большого промежутка времени даровитые поэты и выдающіеся ученые находили любезный пріемъ и заслуженное вознагражденіе; и когда сынъ его, Улугъ бегъ, бывшій долгое время губернаторомъ Трансоксаніи и прилежащихъ къ ней земель, велѣлъ построить въ Самаркандѣ большую обсерваторію и предписалъ лучшимъ астрономамъ того времени составить еще доннынѣ знаменитое собраніе звѣздныхъ таблицъ, то это было вполнѣ въ его духѣ. Но при этомъ Шахъ былъ человѣкъ, вовсе не склонный выказывать уступчивость слабого человѣка въ отношеніи къ внѣшнимъ и внутреннимъ врагамъ. Словивъ въ первые годы своего царствованія всякое противодѣйствіе, на какое отваживались въ восточныхъ провинціяхъ, онъ принялся за водвореніе порядка въ Фарсѣ, Мидіи и Азербейджанѣ. Со смерти Тимура различные мирзы *), сыновья Омаръ Шейха, враждовали изъ-за первыхъ двухъ названныхъ провинцій, между тѣмъ, какъ въ послѣдней Мираншахъ, которому еще отецъ передалъ управленіе странами къ западу отъ Каспійскаго моря, сдѣлался игрушкой въ рукахъ двухъ своихъ сыновей, и, наконецъ, и между ними и персидскими владѣтелями дѣло дошло до войны. Все это были бы мелочи, если бы подобныя распри не надломили силъ Тимуридовъ въ этихъ мѣстностяхъ и этимъ не облегчили бы неутомимымъ противникамъ ихъ въ кавказскихъ земляхъ и аравійскомъ Иракѣ, а именно начальнику племени Черныхъ Ягнятъ, Кара Юсуфу, и Дже-лаириду, Ахмедъ Ибнъ Увейсу, снова появиться въ этихъ округахъ, изъ за которыхъ было столько споровъ. Въ то время, какъ первый имѣлъ успѣхъ въ Діарь Бекрѣ и Арменіи, Ахмедъ въ концѣ 808 (1406) г. завладѣлъ Багдадомъ и, исходя отсюда, въ 809 (1406) г. на короткое время и Тебризомъ, столицей Азербейд-

*) Хорошо извѣстное слово мирза, — сокращенное эмиръ-зâде „отъ эмира рожденный“ — „Сынъ эмира“, т. е. Тимура, котораго просто называли эмиромъ. Позднѣ всѣхъ его внуковъ и наконецъ каждаго принца княжеской крови называли мирза. Но это слово, по крайней мѣрѣ согласно нынѣшнимъ правиламъ языка, въ этомъ смыслѣ употребляемое, должно стоять послѣ имени собственнаго; если же оно ему предшествуетъ, то оно обозначаетъ лишь нѣчто въ родъ нашего „Благородіе“ и служить титуломъ для людей научно образованныхъ. Значитъ Мухамедъ мирза „Его высочество принцъ М.“, а мирза Шафи „Его благородіе Шафи“.

жана. Правда, онъ уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого долженъ былъ снова отступить къ Багдаду въ виду возвращенія сына Мираншаха, Абу Бекра Мирзы; но тотъ въ свою очередь немедленно испыталъ нападеніе Кара Юсуфа, надвигавшагося изъ Арменіи. У рѣки Аракса произошла битва, въ которой палъ Мираншахъ, а Абу Бекръ потерялъ поражение, заставившее его очистить свои владѣнія для племени Черныхъ Ягнятъ. Эти послѣдніе заняли весь Азербейджанъ и Арранъ, конечно къ немалому неудовольствію Ахмеда, которому еще болѣе неприятно было видѣть, что потерянная для него добыча очутилась въ рукахъ его стараго пріятеля. Ихъ взаимныя отношенія, ставшія во время общаго изгнанія болѣе близкими, постепенно все ухудшались и, когда въ 813 (1410) г. Кара Юсуфъ долженъ былъ бороться съ Бѣлыми Ягнятами, предводимыми Кара Телекомъ, изъ-за Эрзингана, Ахмедъ вторгся въ Азербейджанъ и пошелъ на Тебризъ. Но прежде чѣмъ его армія достигла города, быстро подоспѣвшій противникъ былъ уже на лицо: несмотря на всѣ усилія и проявленіе рѣдкой личной храбрости, Джелаиридъ былъ побитъ, а когда, пытаясь спастись бѣгствомъ, онъ былъ измѣннически пойманъ, то его казнили вмѣстѣ съ сыновьями. Багдадъ, хотя и послѣ довольно продолжительной осады, теперь также достался Чернымъ Ягнятамъ; послѣдніе князья изъ династіи Илькановъ — два внучатые племянника и одинъ внукъ Ахмеда — продержались еще нѣкоторое время въ южномъ Иракѣ и части Хузистана, пока въ 835 (1431) г. и этотъ остатокъ династіи, которая съ самаго начала испытала почти безпримѣрныя превратности судьбы, но несмотря на это просуществовала почти цѣлое столѣтіе, былъ окончательно устраненъ однимъ изъ сыновей Кара Юсуфа. — Но еще задолго до того, какъ за паденіемъ Ахмеда послѣдовала и гибель его династіи, въ Арменіи, Азербейджанѣ и сосѣднихъ владѣніяхъ, простиравшихся даже дальше Багдада, всякое другое вліяніе отступало передъ возраставшею силою туркменовъ племени Черныхъ Ягнятъ. Уже въ 811 (1408-9) г. Кара Юсуфъ уговорилъ Ортокида Ахмеда изъ Маридина уступить ему этотъ городъ, которымъ онъ желалъ обладать благодаря его стратегической важности, въ обмѣнъ за Мосуль. Однако вскорѣ послѣ этого тотъ умеръ, а въ 814 г. (1411—12) его примѣру послѣдовали двое его сыновей, которые держались еще въ месопотамскомъ городѣ Синджарѣ: въ лицѣ ихъ прекратилась и эта царствующая династія, одна изъ самыхъ безсильныхъ династій всего Востока, но именно поэтому и вмѣстѣ съ тѣмъ влѣдствіе гибкости спины, наслѣдственной у ея членовъ, одна изъ наиболѣе прочныхъ: она болѣе 300 лѣтъ сидѣла въ Маридинѣ и только она (если не считать нѣсколькихъ ничтожныхъ Эйюбидовъ) пережила крестовые походы и нашествія монголовъ.

Присоединивъ къ своимъ владѣніямъ и ихъ маленькое государство, Кара Юсуфъ, какъ въ Месопотаміи, такъ и у армяно-малоазійской границы, сдѣлался непосредственнымъ сосѣдомъ своихъ соплеменниковъ племени Бѣлаго Ягненка, поэтому неудивительно, что столкновѣнія между обоими племенами все увеличивались. Несмотря на близкое сродство Акъ-Кююндлу и Кара-Кююндлу (Бѣлый и Черный) между ними, съ самаго перваго момента ихъ исторической жизни, сказывается рѣзкая противоположность, столь-же непобѣдимая, сколько постоянная. Съ самаго появленія Тимура, Бѣлые Ягнята примкнули къ нему и его преемникамъ, а Черные—къ османамъ и мамлюкамъ; такимъ образомъ послѣ битвы при Ангорѣ господствовали первые, пока смерть Тимура и раздоры между его преемниками въ Персіи не дали повода Кара Юсуфу вновь утвердить свою власть, которой онъ такъ хорошо сумѣлъ пользоваться. Изъ другихъ его войнъ, судя по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, непрерывная война съ Бѣлыми Ягнятами, состоявшими подъ начальствомъ Кара Елека, велась съ переменнымъ счастьемъ; въ ней принимали участіе и мамлюкскіе эмиры Сиріи, но на первыхъ порахъ успѣхъ оставался на сторонѣ Черныхъ Ягнятъ. Положеніе Кара Юсуфа было во всѣхъ отношеніяхъ вполне обезпечено, пока раздоры Тимуридовъ прикрывали флангъ его на востокъ: поэтому Шáхъ-Рохъ, который едва ли могъ не мстить за постыдное изгнаніе своихъ ближайшихъ родственниковъ изъ Азербейджана и за смерть своего брата Мираншаха, имѣлъ двойную причину прежде всего подчинить своей непосредственной власти Фарсъ и Мидію. Племянники его, боровшіеся тамъ другъ съ другомъ, не приминули прекрасно завѣрить въ своей преданности могущественнаго и признаннаго главу всего государства, но дѣйствія ихъ мало согласовались со словами; а въ 816 (1413) г. Искендеръ Мирза, который, наконецъ, побѣдилъ и устранилъ своихъ двухъ соперниковъ за обладаніе обѣими провинціями, отважился даже объявить себя независимымъ. Но теперь терпѣніе Шахъ-Роха истощилось; онъ самъ немедленно двинулся на непокорнаго, побилъ его подъ самымъ Испаханомъ и послѣ осады, продолжавшейся нѣсколько мѣсяцевъ, завладѣлъ городомъ (817=1414). Искендеръ Мирза былъ пойманъ во время бѣгства и посаженъ въ темницу; а владѣнія, которыми онъ до тѣхъ поръ управлялъ, были безъ труда отобраны: теперь Кара Юсуфъ вмѣсто борющагося за свое существованіе князка имѣлъ у своей границы самого великаго хана. Шáхъ-Рохъ на основаніи прежняго опыта зналъ, какія затрудненія представляетъ покореніе въ армянскихъ возвышенностяхъ столь же дикихъ, сколько храбрыхъ туркменовъ: поэтому онъ предпринялъ основательныя приготовленія, чтобы затѣянное нападеніе на Азербейджанъ было необходимо по своей силѣ. Кара Юсуфъ

воспользовался этимъ предоставленнымъ ему срокомъ для нанесенія довольно крупнаго пораженія (811—1418) Кара Еелеку при Кал'атъ аръ-Румъ (на среднемъ Евфратѣ); онъ преслѣдовалъ побитаго въ области сѣверной Сиріи, куда тотъ бѣжалъ, вплоть до Халеба; но долженъ былъ отступить передъ эмиромъ этого города, которому вовсе не пришлось имѣть въ своихъ владѣніяхъ орды, внушавшія страхъ своею дикостью. Это столкновеніе испортило отношенія съ мамлюками, которыя пока, согласно прошедшему, были довольно сносны, но оно не имѣло другихъ серьезныхъ послѣдствій, такъ что Кара Юсуфъ могъ всецѣло обратить свое вниманіе на предстоящее нападеніе Шахъ-Роха. Осенью 823 (1420 г.) онъ двинулся навстрѣчу приближавшемуся сыну Тимура; но еще прежде, чѣмъ сошлись войска, онъ неожиданно умеръ въ пути. По смерти своего предводителя туркмены разсыпались въ разныя стороны; пока сынъ его Искендеръ, который тотчасъ поспѣшилъ отправиться изъ Багдада на сѣверъ, снова набралъ достаточное войско, татарскія войска проникли въ самую глубь Арменіи. Дѣло дошло до битвы только въ долинѣ Пакраванта, сѣвернѣе верхняго Евфрата. Искендеръ, не уступавшій въ дикой отвагѣ никому изъ своихъ соплеменниковъ, пробился далеко въ лагерь враговъ, но, наконецъ, долженъ былъ уступить превосходившимъ его силамъ. Однако кажется и Шахъ-Роху этотъ походъ стоилъ большихъ потерь; по крайней мѣрѣ, онъ не завладѣлъ снова Адербейджаномъ, чего въ сущности можно было ожидать, какъ результата побѣды. Напротивъ того, войска завоевателя позднѣе снова покидаютъ эту провинцію, и она опять переходитъ во власть Черныхъ Ягнятъ, которыхъ могущество, правда, на нѣкоторое время было ограничено междоусобною войною между братьями Искендеромъ и Испаханомъ, другимъ сыномъ Кара Юсуфа. Въ концѣ концовъ Испаханъ оказывается оттѣсненнымъ на югъ, Арменія и Адербейджанъ остаются во власти Искендера, и уже въ 828 (1425) г. послѣдній чувствуетъ себя достаточно сильнымъ, чтобы напасть врасплохъ на Султанію. Правда, это былъ вызовъ, немедленно повлекшій за собою (829—1426) чувствительное наказаніе: Шахъ-Рохъ снова поторопился явиться самъ, побилъ туркменовъ при первомъ столкновеніи и въ слѣдующую весну (830—1427) послалъ изъ Карабага, гдѣ онъ стоялъ на зимнихъ квартирахъ, сильный отрядъ войска въ армянскую горную страну, которая между тѣмъ подвергалась опустошенію Бѣлыхъ Ягнятъ со стороны Амида. Искендеръ еще разъ потерялъ пораженіе у сѣвернаго берега озера Вана; но и на этотъ разъ его противникъ ограничился этою острасткою, и только позднѣе, когда, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого этотъ вѣчно неукротимый предводитель вторгся въ земли Ширванскія, владѣтель которыхъ находился въ зависимости отъ сына Тимура, терпѣливый Шахъ-Рохъ рѣ-

шился покончить съ нимъ. Между тѣмъ и среди самыхъ близкихъ къ храброму, но грубому и своевольному, Искендеру людей не было недостатка во всевозможномъ неудовольствіи; такъ, собственная жена его и одинъ изъ его сыновей согласились заключить за его спиной союзъ съ татарами, а самого его устранить при первой возможности. Благодаря своей недобѣрчивости, онъ на минуту избѣгъ гибели; но ему пришлось бѣжать съ небольшимъ отрядомъ на западъ, и только въ Эрзерумѣ ему удалось найти новыя толпы, съ которыми онъ могъ что нибудь предпринять. Съ быстротою молніи накинудся онъ теперь на Кара Іелека и его Бѣлыхъ Ягнятъ, которые, согласно условію, должны были изъ стороны Эрзингана напасть на его флангъ вмѣстѣ съ преслѣдовавшими его татарами: съ 3000 человекъ онъ уничтожилъ 20000 своего ненавистнаго противника, который самъ съ однимъ изъ своихъ сыновей погибъ на полѣ битвы (839—1435). Когда, черезъ день послѣ этого, отряды Шáхъ-Роха достигли мѣста сраженія, они къ стыду своему не нашли ничего, кромѣ труповъ своихъ союзниковъ. Тѣмъ не менѣе они продолжали еще нѣкоторое время гонять Искендера между Евфратомъ и Халисомъ; когда же имъ не удалось поймать его, они пустились въ обратный путь, очистили опять Азербейджанъ, но благоразумно лишь послѣ того, какъ господство надъ провинціей утвердилось за однимъ изъ братьевъ Искендера, Д ж е х а н ь Ш á х о м ь, и такимъ образомъ первый былъ сдѣланъ безвреднымъ. Правда, вѣчно беспокойный воинъ попробовалъ еще разъ похитить власть у своего соперника, но большинство его войскъ покинуло его, а, въ концѣ концовъ, онъ былъ убитъ своимъ собственнымъ сыномъ (841—1437-8).

Такимъ образомъ, если Шáхъ-Роху и не удалось соединить опять подъ своимъ скипетромъ все царство своего отца, то онъ достигъ по крайней мѣрѣ того, что съ нѣкоторымъ правомъ можно было утверждать, что кавказскія земли, Арменія и Месопотамія, снова присоединены къ его царству, между тѣмъ какъ западная Персія и Мидія въ дѣйствительности были ему подвластны. Когда же этотъ мужественный государь умеръ въ 850 (1446) г., то опять прекратились и лучшія времена. У л у г ь б е г ь, наслѣдовавшій ему (850—853—1446—1449), унаслѣдовалъ отъ отца только его миролюбивыя наклонности, но ни его энергіи ни умѣнья въ дѣлѣ управленія, ни его счастливой звѣзды, что было-бы необходимо для того, чтобы держать въ повиновеніи мирзъ, которые въ третьемъ и четвертомъ поколѣніи становились теперь все болѣе многочисленны и продолжали быть одинаково беспокойны. Не только въ каждой провинціи,—даже въ каждомъ округѣ сидѣло по Тимуриду, изъ которыхъ каждый, стоя во главѣ подчиненныхъ ему войскъ, считалъ себя ни-

чуть не хуже остальных внуковъ и правнуковъ завоевателя міра и мнилъ, что имѣетъ не менѣе основательныя притязанія на верховную власть. Такимъ образомъ все это сложное государство сейчасъ же послѣ смерти Шáхъ-Роха распалось на части, и даже тѣ изъ наслѣдниковъ Тимура, которые на короткое время повелѣвали значительными его частями, все же никогда въ дѣйствительности не имѣли въ своей власти всего цѣлаго. Самъ Улугъ-бегъ былъ признанъ государемъ въ Трансоксаніи, которой онъ управлялъ при Шáхъ-Рохѣ въ качествѣ намѣстника; но въ Хорасанѣ появились два брата, Ала адъ-даула и Бáбурь*), племянники Улугъ-бега, и такъ подѣлили между собою земли, что первый получилъ собственно Хорасанъ со столицей Хератомъ, а второй Джурджанъ со столицей Астербадомъ. Когда теперь Улугъ-бегъ отправился черезъ Оксусъ, чтобы усмирить обоихъ мятежниковъ, ему удалось, правда, въ данный моментъ снова утвердить свою власть надъ этими провинціями (852=1448); но едва успѣлъ онъ вернуться въ Самаркандъ, какъ Бáбурь I въ сопровожденіи Ала адъ-даулы снова появился въ Хератѣ, гдѣ его приняли съ распростертыми объятіями. Въ то же время и Абдъ аль-Латифъ, собственный сынъ Улугъ-бега, отказался повиноваться и завладѣлъ Балхомъ, а въ то время, какъ Улугъ-бегъ находился на пути къ Хорасану, второй сынъ его, Абдъ аль-Азизъ, оставленный въ Самаркандѣ, былъ изгнанъ Абу Са'идомъ, однимъ изъ потомковъ сына Тимура, Мираншаха, который при Шáхъ-Рохѣ былъ намѣстникомъ Фарса, позднѣе же былъ свергнутъ Мухаммедомъ Мирзой, однимъ изъ братьевъ Бábура I, и бѣжалъ въ Трансоксанію. Улугъ-бегъ принялъ его любезно, даже выдалъ за него одну изъ своихъ дочерей; теперь противъ тѣснимаго князя поднялись, какъ племянникъ и сынъ, такъ и зять, такъ что онъ затруднялся, противъ котораго изъ этихъ почтительныхъ родственниковъ ему направиться. Главное дѣло, въ концѣ концовъ, заключалось въ томъ, чтобы снова завоевать Самаркандъ, это старое гнѣздо могущества Тимура и самого Улугъ-бега; поэтому онъ повернулъ назадъ, какъ вдругъ Абдъ аль-Латифъ (853=1449), который, быстро рѣшившись, перешелъ черезъ Оксусъ, заградилъ ему путь. Въ противоестественной борьбѣ отца съ сыномъ, послѣдній одержалъ верхъ и не погнушался запятнать свои руки кровью своего родителя—должно быть для того, чтобы туркмены ни въ чемъ не стояли выше татарской династіи.

Правда, преступнику недолго пришлось ждать возмездія за свое преступленіе: онъ могъ еще изгнать изъ Самарканда Абу Са'ида, но

*) Чтобы не смѣшивать его съ позднѣйшимъ знаменитымъ княземъ того-же имени, я буду называть его Бабуръ I. Самое распространенное, хотя и менѣе точное произношеніе этого имени Бáб е ръ; оно означаетъ „левъ“.

уже черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ этого онъ былъ убитъ своими собственными войсками, и государемъ провозгласили другого внука Шахъ-Роха, Абдуллау. Абу Са'идъ, утвердившійся въ Бухарѣ послѣ потери Самарканда, направился теперь противъ Абдуллы, но потерпѣлъ поражение и долженъ былъ бѣжать черезъ Яксартъ къ Абу-ль-Хейру, начальнику узбековъ, стоявшему лагеремъ около нынѣшняго города Туркестана.

Узбеки представляютъ изъ себя союзъ восточно-турецкихъ племенъ, которыя при Чингизъ-Ханѣ и его кипчакскихъ преемникахъ, потомкахъ сына его Джучи, принадлежали къ числу народностей, входившихъ въ составъ Золотой Орды. Послѣ того, какъ Тимуръ погубилъ Тохтамыша, сила всего Кипчака была надломлена; онъ постепенно распадается на рядъ отдѣльных ханствъ—Казанское, Астраханское, Крымское и т. д., борьба которыхъ съ Россіей и, въ концѣ концовъ, поглощеніе ихъ ею представляютъ различныя ступени развитія, лишь въ наши дни закончившіяся подчиненіемъ Бухары *): эти ступени могутъ интересовать насъ здѣсь лишь постольку, поскольку онѣ соприкасаются съ исторіей Тимуридовъ. Около середины IX-го (XV-го) вѣка, который мы теперь изучаемъ, узбеки **), одна изъ ордъ, которыя составлялись изъ часто смѣняющихся отдѣльныхъ турецко-татарскихъ племенъ прежнихъ владѣній Джучи, владѣли степью къ сѣверу отъ нижняго Яксарта, изъ которой они уже въ послѣдніе годы Шахъ-Роха предпринимали хищническіе набѣги на владѣнія Самарканда и Хорезма—походы, вначалѣ не имѣвшіе большого значенія, но которые могли представить серьезную опасность могуществу Тимуридовъ, какъ только внутренніе раздоры послѣднихъ уменьшили ихъ способность противодействовать внѣшнимъ нападеніямъ. Но такія соображенія никогда не приходили въ голову восточному государю, когда дѣло касалось удовлетворенія собственнаго честолюбія. Подобно тому, какъ сдѣлалъ это Хорезмшахъ Атсизъ относительно Гуръ-Хана и халифъ Насиръ относительно Чингизъ-Хана, Абу Са'идъ указалъ Абу-ль-Хейру дорогу въ страну, которая даже слишкомъ скоро должна была пасть отъ сильнаго

*) См. начало его у Schieman n'a, *Russland, Polen und Livland* (Allg. Gesch. in Einzeldarstellungen, № 91) стр. 290 и слѣд. и 294 и слѣд.

**) Это названіе объясняютъ различно. По-турецки оно значить самъ-го-сподинъ и можетъ обозначать племя побѣдителей въ противоположность побѣжденнымъ. Но въ то-же время—это часто встрѣчающееся имя собственное, между прочимъ это имя одного изъ наиболѣе выдающихся хановъ Золотой Орды, отца Джани-бека. Этотъ Узбекъ царствовалъ 712—741 (1312—1340), и восточные народы даже производятъ отъ него названіе узбековъ, подобно тому, какъ османы называются такъ по сыну Эртогрула, Осману. См. подробности у Howorth, *History of the Mongols*, II, 1, London. 1880, стр. 9 и слѣд.

натиска узбековъ, этого эпилога великаго переселенія народовъ. Вся серьезность такого образа дѣйствія могла, правда, выясниться Тимуриду уже тогда, когда Абу-ль-Хейръ, слѣдя приглашенію бѣглеца, вторгся въ 855 (1451) г. въ Трансоксанію, побилъ и убилъ Абдуллу и подчинилъ себѣ самый Самаркандъ. Правда, онъ назначилъ здѣсь правителемъ Абу Са'ида; но послѣднему только съ трудомъ, путемъ врученія большихъ подарковъ, удалось побудить неудобныхъ союзниковъ къ отступленію на родину. Позднѣе *) узбеки воспользовались возстаніемъ другого мирзы противъ Абу Са'ида для новой попытки къ вмѣшательству; но они стали дѣйствовать болѣе серьезно только черезъ сорокъ лѣтъ послѣ этого, такъ какъ послѣ смерти Абу-ль-Хейра (874=1469) **) основанное имъ могущество узбековъ снова распалось на нѣкоторое время при его незначительныхъ сыновьяхъ.

Зато у Тимуридовъ явилось достаточно другихъ заботъ. Пока былъ живъ Шáхъ-Рохъ, Д ж е х á н ь-Ш à х ь, посаженный имъ въ Азербейджанѣ, вель себя какъ слѣдуетъ, т. е. онъ позволялъ своимъ Чернымъ Ягнятамъ грабить и убивать въ Арменіи и Грузіи, но ничего не предпринималъ противъ своего сюзерена. Но съ тѣхъ поръ, какъ тотъ сомкнулъ свои вѣжды, начальникъ туркменовъ поджидалъ только удобнаго случая, чтобы распространить свою власть на востокъ. Мидія, всего ближе граничащая съ Азербейджаномъ, досталась вмѣстѣ съ Фарсомъ въ руки Мухаммеда Мирзы. Къ этому брату и бѣжалъ Алá адъ-даула, когда Бá буръ I сильно заподозрилъ его послѣ вторичнаго взятія Херáта: между тремя братьями теперь установились приблизительно такія же пріятныя отношенія, какими наслаждалась династія Улугъ-бега. Мухаммедъ Мирза и Алá адъ-даула оба двинулись противъ Бабурá I, которому многія внутреннія затрудненія отвращали обладаніе Хорасаномъ и Джурджаномъ и который охотно мирно разошелся бы съ ними на сколько-нибудь выгодныхъ условіяхъ. Но такъ какъ они выказали себя слишкомъ нескромными, то дѣло дошло до битвы; Бá буръ I побѣдилъ и даже захватилъ въ плѣнъ обоихъ братьевъ, послѣ чего онъ велѣлъ убить Мухаммеда и ослѣпить Алá адъ-даулу (855=1451). Но въ то время, какъ онъ послѣ

*) «About the year 1455» Howorth, указ. сочин. II, стр. 689; „en huit cent soixante» (1456) Aboul-Ghâzi, „Histoire des Mongols et des Tatares p. le Baron Desmaisons, t. II, St. Pétersbourg 1874, стр. 201; j. 867 der Hegira (1462—3 Deguignes, Allg. Gesch. der Hunnen und Türken übers. v. Dähnert, B. IV, Greifswald 1771, стр. 97. Я привожу это только какъ примѣръ для того, чтобы показать, какъ и тутъ невозможно утверждать что-нибудь определенно, не имѣя новыхъ источниковъ, изъ которыхъ можно было бы черпать матеріалъ.

**) Или скорѣе въ 1468=872—3, если это дѣйствительно было въ годъ Крысы (Aboul-Ghâzi, указ. сочин., стр. 192).

этого направился на Ширазъ, туркмены вторглись въ Мидію подъ предводительствомъ Джаханъ-Шаха, а такъ какъ новыя волненія снова отозвали его въ Хорасанъ, то Черные Ягнята въ 856 г. (1452) завладѣли даже землею Фарса. Бабуръ I не могъ пока помышлять о томъ, чтобы снова отнять его, тѣмъ болѣе, что съ другой стороны теперь его тѣснилъ Абу Са'идъ, который, послѣ предварительнаго утвержденія своего господства надъ Трансоксаніей, началъ нападать и на Хорасанъ. Въ концѣ концовъ, все таки успокоились на признаніи предѣловъ владѣній тѣхъ и другихъ; несмотря на это, Бабуръ I и впослѣдствіи не предпринялъ ничего противъ Черныхъ Ягнятъ. Онъ всегда былъ развратникъ, а въ послѣдніе годы онъ столько пьянствовалъ, что, наконецъ, сталъ самому себѣ противенъ: хотя несчастный и пытался избавиться отъ своего порока путемъ клятвы у гроба Имама Ризы, это удавалось ему такъ же мало, какъ большинству другихъ людей, находящихся въ такомъ же положеніи, и уже въ 861 (1457) онъ, подобно многимъ другимъ монгольско-татарскимъ князьямъ, палъ жертвою алкоголя. На ряду съ своеобразнымъ пониманіемъ братскихъ обязанностей, онъ, говорятъ, имѣлъ и хорошія качества: во всякомъ случаѣ его дворъ много выигрывалъ отъ присутствія прекраснаго визиря, Миръ *) Алі Шира, знаменитаго покровителя литературы, съ которымъ впоследствии мы еще встрѣтимся. Смерть Бабура I рѣшила судьбу Хорасана: Абу Са'идъ немедленно вторгся сюда, завладѣлъ Хератомъ и изгналъ сына своего предшественника. Правда, Черные Ягнята приготовились оспаривать у него добычу. Джаханъ-Шахъ двинулся на Хератъ; но онъ потерялъ чувствительный уронъ, а такъ какъ кромѣ того другія заботы призывали его обратно въ Азербейджанъ, то онъ согласился на миръ, по которому Тимуриду предоставлялась, по крайней мѣрѣ, страна къ востоку отъ Семвана (863—1459). Тѣмъ не менѣе Абу Са'идъ до конца своей жизни не могъ успокоиться. То на крайнемъ востокѣ Трансоксаніи, то въ Джурджанѣ или Седжестанѣ поднимались родственники слишкомъ ужъ плодovитой династіи, и когда ему удавалось покончить съ однимъ, то, навѣрно, уже другой являлся узурпаторомъ въ противоположномъ концѣ его царства. Одинъ изъ самыхъ упорныхъ изъ этихъ мирзъ былъ Султанъ Хусейнъ, сынъ Бейкары **), правнукъ Тимура по сыну его Омаръ Шейху; этотъ сумѣлъ найти въ болотахъ и горахъ Мазандерана всевозможныя лазейки, изъ которыхъ онъ постоянно выползалъ послѣ того, какъ его изгоняли изъ

*) Сокращенное эмиръ.

**) Поэтому обыкновенно, согласно персидскому обычаю, его называютъ Хусейнъ Бейкара (точнѣе Хусейнъ-и-Бейкара), вмѣсто арабскаго Ибнъ „сынъ такого то“, ставя эти имена прямо рядомъ другъ съ другомъ, причемъ второе надо представлять себѣ въ родительномъ падежѣ, чтобы обозначить происхожденіе.

Хорасана. Между тѣмъ Абу Са'идъ храбро держался противъ него, равно какъ противъ другихъ, и въ концѣ концовъ ему, быть можетъ, все-таки удалось-бы добиться признанія себя государемъ всей мѣстности между персидскою пустыней и Яксартомъ, если-бы ему не въ время не пришла въ голову мысль разыграть Шахъ-Роха и пожелать сдѣлать туркменовъ снова вассалами своего царства. Онъ считалъ обстоятельства для этого тѣмъ болѣе благоприятными, что какъ разъ пришло извѣстіе о неожиданной смерти Джаханъ-Шаха, этого до сего времени столь могущественнаго государя Черныхъ Ягнятъ, владѣнія котораго простирались отъ Кирмана вплоть до Грузіи. Послѣ пораженія и смерти Кара Елека (839—1435), сыновья его подѣлили между собою земли, заселенныя Бѣлыми Ягнятами на обоихъ берегахъ Евфрата, лежація, съ одной стороны, между Амидомъ, Эрзинганомъ и Эдессой, а съ другой—между Сивасомъ и Абулустейномъ. Владѣнія эти были непрочны, въ особенности на западѣ, гдѣ имъ отвращали существованіе сирійскіе мамлюки и полузависящіе отъ нихъ эмиры изъ рода Зулъ-Гадира, турецкаго племени, засѣвшаго еще до Тимура въ горахъ между сѣверной Сиріей и владѣніемъ Сивасъ. Собственно говоря тамъ дрались изъ году въ годъ, но безъ существенной выгоды для Акъ-Коюнду: вѣдь несмотря на всю свою храбрость, туркмены, какъ черные, такъ и бѣлые, никогда не были въ состояніи создать порядочнаго государственнаго строя, безъ котораго послѣдовательная военная политика противъ мамлюковъ была невозможна; но уже и то, что такія организованныя разбойничьи шайки, безпугному поведенію которыхъ нужно приписать окончательную гибель Ирака, Месопотаміи, а также западной части Малой Азіи, опустошеніе которыхъ начали татары, могли вообще играть серьезную роль въ исторіи Востока, ясно свидѣтельствуетъ о полномъ истощеніи какъ персидскихъ, такъ и египетско-сирійскихъ земель, которыя должны были терпѣть эти двѣ орды «Ягнятъ» между своими владѣніями. Мы до сихъ поръ въ точности ничего не знаемъ о взаимныхъ отношеніяхъ ихъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ; повидимому, Джаханъ-Шахъ, поглощенный своими завоеваніями въ Персіи, предоставилъ Акъ-Коюнду между Тигромъ и Евфратомъ болѣшую свободу, чѣмъ какая была въ интересахъ его западной границы, хотя при случаѣ и давалъ имъ маленькаго щелчка *).

*) Эти обстоятельства еще очень мало выяснены; нѣкоторыя указанія можно найти у Weill, *Geschichte des Abbasidenchalfats in Egypten*, t. II, Stuttgart 1862, въ указателѣ подъ названіемъ Hamza Ibn Kara Ielek und Usun Nasan. Нѣкоторыя изъ хронологическихъ данныхъ у Deguignes, *Allgem. Geschichte der Hunnen und Türken*, übers. v. Dähnert, B. III, Greifswald 1769, стр. 328, прямо невозможны, но показываютъ, какъ можетъ здѣсь ошибиться даже такой справедливо пользующійся извѣстностью писатель.

Во всякомъ случаѣ, размѣръ занятыхъ ими земель далеко уступалъ владѣніямъ Кара-Коюнлу; но если-бы между обоими дѣло дошло до столкновенія, то оно зависѣло бы не отъ этого, а отъ случайнаго исхода сраженія между наѣздниками, и такимъ образомъ все большое царство Джаханъ-Шаха на самомъ дѣлѣ походило на извѣстный колоссъ съ глиняными ногами. Теперь, послѣ различнаго рода войнъ, между потомками Кара Телека, приблизительно съ 853 (1149) г., возвысился внукъ послѣдняго, извѣстный подъ именемъ Узунъ-Хасана («длиннаго Х.»), который постепенно вытѣснилъ своихъ родственниковъ изъ ихъ владѣній и соединилъ подъ своимъ начальствомъ разрозненныя толпы Акъ-Коюнлу. Уже въ 855, 891 (1451, 1457) онъ могъ отважиться напасть между прочимъ на владѣнія Черныхъ Ягнятъ, и именно новое нападеніе его заставило Джаханъ-Шаха въ 863 (1459 г.) прекратить свой походъ на Хорасанъ. Хотя Черные направили теперь всѣ свои силы противъ Узунъ-Хасана, этотъ уже въ 867 (1462—3 г.) взялъ Хиснъ Кѣфу, а такъ какъ, въ довершеніе несчастья, вскорѣ послѣ этого одинъ изъ сыновей Джаханъ-Шаха возмутился въ Багдадѣ, то грозившая катастрофа могла-бы наступить тотчасъ-же, если бы Длинный не былъ между тѣмъ отвлеченъ мамлюками сѣверной Сиріи. Развязка и безъ того наступила достаточно быстро. Помирившись съ своимъ непокорнымъ сыномъ, Джаханъ-Шахъ хотѣлъ предупредить все возрастающую опасность и направился въ 872 (1467 г.) черезъ Арменію въ Діаръ Бекръ, главный городъ котораго, Амидъ, былъ собственно мѣстопробываніемъ Акъ-Коюнлу; но въ дорогѣ онъ заболѣлъ, и когда онъ поэтому рѣшился на этотъ годъ отступить, на него неожиданно напалъ Узунъ-Хасанъ, разсѣялъ его войско и убилъ его вмѣстѣ съ однимъ изъ его сыновей; другого, также попавшагося ему въ руки, онъ велѣлъ ослѣпить, а когда на слѣдующій годъ третій, Хасанъ Алій, поставилъ противъ него на ноги цѣлое войско, Бѣлые Ягнята разбили и его. Какъ кажется*), Тимуридъ Абу Са'идъ еще до этой второй побѣды Узунъ-Хасана рѣшился воспользоваться паденіемъ Кара-Коюнлу для восстановленія татарскаго вліянія въ Азербейджанѣ; если-бы это предпріятіе удалось, оно неизбѣжно повлекло-бы за собою обратное присоединеніе остальныхъ персидскихъ западныхъ провинцій. Въ 873 (1468 г.) онъ во главѣ своихъ войскъ перешелъ границу Азербейджана, предваритель-но отнустивъ часть ихъ для занятія Фарса и Мидіи. Длинный Хасанъ,

*) Сравнивъ дошедшія до насъ извѣстія Deguignes, указ. сочин. III, 327 съ IV, 98, мы увидимъ, что въ нихъ масса противорѣчій, которыя невозможно распутать; арабскія данныя, приведенныя у Weil'a, указ. сочин. стр. 338, помогаютъ также лишь постольку, поскольку это указано въ сказанномъ въ текстѣ. Чтѣ собственно стало съ Хасаномъ и остальными членами царствующей династіи Кара-Коюнлу—изъ этого недостаточнаго матеріала выяснитъ нельзя.

которому должно быть было всего важнѣе утвердить за собою только что добытыя владѣнія, прежде чѣмъ имъ будетъ угрожать опасность со стороны новыхъ войнъ, былъ согласенъ на мирныя переговоры; но Абу Са'идъ, который, какъ кажется, отличался маніей величія, свойственной столькимъ восточнымъ (и нѣсколькимъ западнымъ) государямъ, мало заботился о переговорахъ, а напротивъ того продолжалъ свой походъ во внутрь страны. Согласно дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, предводительскія способности Хасана состояли въ умѣннѣ отступать при численномъ превосходствѣ или превосходствѣ вооруженія, но зато неотступно утомлять враговъ отрядами своихъ наѣзтниковъ, отрѣзывать имъ подвозъ, словомъ, вести настоящую войну кочевниковъ, какъ то дѣлали паряеяне и бедуины. Въ этомъ случаѣ ему это удалось вполне: усталые и голодные солдаты Абу Са'ида падали, какъ мухи, войско его, благодаря дезертирству, таяло съ страшною быстротою, и когда, наконецъ, онъ рѣшился отступить, Бѣлые Ягнята напали на павшіе духомъ остатки его боевыхъ силъ и вблизи Ардебіля окончательно истребили ихъ. Самъ Абу Са'идъ былъ взятъ въ плѣнъ; какъ говорятъ, Узунъ Хасанъ хотѣлъ сначала пощадить его, но потомъ, уступая требованіямъ своей свиты, велѣлъ казнить его. Въ лицѣ его умеръ послѣдній Тимуриды, который еще могъ помышлять о возстановленіи царства Тимура въ его цѣломъ. Понятно, что послѣ рѣшительнаго пораженія Абу Са'ида при Ардебілѣ Акъ-Коюнлу не только окончательно завладѣли провинціями Мидіей и Фарсомъ, завоеванными ихъ черными соотечественниками, но старались распространить сдѣланныя завоеванія еще далѣе на востокъ. Тимуриды могли-бы еще продержаться между ними и узбеками, пока дѣйствительно ослабленными своими внутренними раздорами, по ту сторону Яксарта; но это удалось бы Тимуридамъ только если бы они достигли общаго единенія все еще значительныхъ силъ, находившихся въ ихъ распоряженіи въ округахъ Трансоксавія и Хорасана вмѣстѣ съ Джурджаномъ, Балхомъ и Афганистаномъ. Но ничто не было имъ такъ несвойственно, какъ единство, а еще болѣе дѣло усложнялось тѣмъ, что Абу Са'идъ оставилъ одиннадцать сыновей; кромѣ того, смерть его снова развязала руки султану Хусейну Бейкару для возобновленія своихъ прежнихъ походовъ противъ Хорасана. Послѣ различнаго рода столкновеній между нимъ (это былъ одинъ изъ наиболѣе выдающихся потомковъ Тимура въ Персіи) и сыновьями Абу Са'ида, дѣло кончилось тѣмъ, что четверо изъ нихъ сохранили за собою собственные княжества. Старшій, султанъ Ахмедъ Мирза, властвовалъ надъ Самаркандомъ и Бухарой; третій, султанъ Махмудъ Мирза, долженъ былъ удовлетвориться Бадахшаномъ *) и при-

*) Полоса земли къ югу отъ верхняго Оксуса, отчасти совпадающая съ прежнимъ Тохаристаномъ,

лежащими къ нему мелкими округами; четвертый, султанъ Омаръ Шейхъ Мирза владѣлъ Ферганой, т. е. позднѣйшимъ Коканомъ (Хокандъ) съ окрестностями; наконецъ, одинъ изъ младшихъ братьевъ, Улугъ-бегъ Мирза, получилъ область Кабула и Газны. Все остальное изъ западной части царства Тимура, что еще не досталось въ руки туркменовъ, т. е. Хорасанъ съ Седжестаномъ, Балхомъ и главнымъ городомъ Хератомъ, Мазандеранъ и Джурджанъ, Хорезмъ (но не Кирманъ, который длинный Хасанъ занялъ, велѣвъ напасть на него изъ Фарса), составили царство султана Хусейна Бейкары, умнаго и способнаго правителя, который опять вызвалъ къ дѣятельности, въ качествѣ визиря, Миръ Али-Шира и еще разъ сдѣлалъ свой дворъ средоточіемъ научныхъ изысканій и стремленій въ области искусства, плоды которыхъ были послѣдними свѣтлыми точками въ исторіи персидской литературы. Во время его долгаго правленія (873—911=1469—1506) ему удалось возвысить свой авторитетъ, какъ внутри государства, такъ и извнѣ, тогда какъ остальные Тимуриды частыми войнами все болѣе ослабляли другъ друга. Правда, Хусейнъ съ самаго начала долженъ былъ еще разъ на короткое время отступить передъ соперникомъ, Ядгаромъ Мирзой, правнукомъ Шахъ-Роха, который съ помощью Длиннаго Хасана завладѣлъ въ 874 г. (1469—70) Хорасаномъ. Туркмень однако могъ лишь короткое время носиться съ мыслью, что въ лицѣ этого ленника онъ косвенно будетъ господствовать почти что до Оксуса *). Ядгаръ былъ совсѣмъ непригодный человѣкъ, на котораго Хусейнъ могъ напасть, а потомъ убить его, уже въ слѣдующемъ году (875=1470—71), а Узунъ Хасанъ благоразумно воздержался лично слишкомъ выдвигаться на востокъ, такъ какъ у него были кое-какія дѣла съ мамлюками и малоазіатскими турками, которыя въ достаточной мѣрѣ поглощали его на западѣ. Такимъ образомъ съ этой стороны Хусейнъ на будущее время не терпѣлъ нападеній, но и отношенія его къ государствамъ остальныхъ Тимуридовъ до 901 (1496) были крайне миролюбивы; однако предпринятая попытка вмѣшаться въ распри родственниковъ и въ этомъ году не имѣла дальнѣйшихъ послѣдствій. Только въ послѣдніе годы его жизни его постигли несчастья. Спокойная и удобная жизнь при довольно роскошномъ дворѣ и общеніе съ поэтами и литераторами постепенно ослабили энергію, столь значительно проявленную въ началѣ. Двое изъ его сыновей возстали противъ него, и старѣющій властитель сумѣлъ смирить только одного изъ нихъ; другой, Беді азъ-земанъ **), съ помощью намѣстника Гұра, которому онъ

*) Изложеніе Weil'я (Geschichte des Abbasidenchlifats in Egypten, II, 339) не совсѣмъ соответствуетъ дѣйствительности.

**) По-арабски: „Чудо времени“.

кинулся въ объятія, противостоялъ войскамъ отца (902=1497), который въ концѣ концовъ долженъ былъ предоставить ему и его помощнику округа Балха, Кандахара и Седжестана и почти всецѣло подчиниться ихъ руководству. Между тѣмъ по ту сторону Оксуса все давно перевернулось вверхъ дномъ. Съ самаго начала отношенія между султанами Ахмедомъ Самаркандскимъ и Омаромъ Шейхомъ Ферганскимъ были нехороши; въ распри ихъ—узбеки все еще были разрознены—вмѣшались монгольскіе ханы изъ дома Чингизъ-хана, которые со времени заключенія мира съ Тимуромъ продолжали царствовать къ востоку отъ верхняго Яксарта,—хотя и нельзя сказать, чтобы они вполнѣ обладали достойной вниманія властью, такъ какъ Кашгаръ достигъ при одномъ мирѣ самостоятельности, а остальные племена также разбились на двѣ группы. Такимъ образомъ здѣсь находились одинъ около другого семь мелкихъ или средней величины государствъ, между которыми распри едва-ли прекращались; безпорядокъ сдѣлался полнымъ, когда въ 899 г. (1494) умерли султаны Ахмедъ и Омаръ Шейхъ, а въ 900 (1495) г. и Махмудъ. Четвертый изъ братьевъ, Улугъ Бегъ, жилъ до 907 (1502) г., но держалъ себя въ сторонѣ отъ безконечныхъ войнъ, которыя вели между собою потомки его братьевъ, пользуясь при случаѣ и помощью монгольскихъ хановъ. Мы не можемъ здѣсь слѣдить за ходомъ этихъ войнъ; я ограничусь лишь указаніемъ, что въ это время, благодаря испытаніямъ и походамъ, ими обусловленными, подрасталъ юный воинъ, которому суждено было переселить свое племя, все быстрѣе погибавшее въ старой отчизнѣ, на новую землю для новыхъ успѣховъ: Б á б у р ь II, одинъ изъ сыновей Омара Шейха Ферганскаго.

Такъ обстояли дѣла, когда въ 905 г. (1500) сталъ послѣвать тотъ плодъ, который за пятьдесятъ лѣтъ до этого былъ посѣянъ Абу Са'идомъ. Среди узбековъ выступилъ внукъ Абу-ль-Хейра, котораго дурныя и хорошія качества, храбрость, равно какъ вѣроломство и коварство, въ равной степени дѣлали его способнымъ къ воссоединенію разрозненныхъ частей своего народа и къ основанію новаго царства на развалинахъ наслѣдія Тимура. Этотъ честный турокъ принадлежалъ къ разряду такихъ людей, которые достигаютъ многого, если ихъ по ошибкѣ не вѣшаютъ слишкомъ рано; его звали М у х а м м е д ъ Ш е й б а н и *) «Шейбанидъ», т. е. потомокъ сына Джучи, Ш е й б а н а, отъ котораго Абу-ль Хейръ и его родъ вели свою родословную; соответственно этому начинающуюся съ него новую династію обозначаютъ Ш е й б а н и д а м и, хотя его власть перешла по наслѣдству не къ его

*) Часто его называютъ также Ш а х и Б е к ъ (вмѣсто этого въ нѣкоторыхъ мѣстахъ попадается правописаніе Шейбекъ).

огромному потомству, а къ другой вѣтви потомковъ Абу-ль-Хейра, и слѣдовательно вѣрнѣе было-бы называть ее Абу-ль-Хейридами. Когда Шейбани выросъ, то, вслѣдствіе новыхъ несчастій, постигшихъ его семью, онъ очутился во главѣ всего не болѣе 300 всадниковъ, съ которыми не могъ предпринять ничего серьезнаго. Такимъ образомъ онъ бѣжалъ съ этою маленькою толпою въ Бухару къ намѣстнику султана Ахмеда Самаркандскаго; здѣсь онъ встрѣтилъ ласковый пріемъ, дарованная ему поддержка дала ему не только возможность поселиться между владѣніями Тимуридовъ, монгольскихъ хановъ и узбековъ, прежде при Абу-ль-Хейрѣ соединенныхъ, а теперь распавшихся на отдѣльныя племена, но на собственный рискъ объявить войну враждующимъ съ нимъ членамъ его рода. Ему удалось напасть ночью на одного изъ двоюродныхъ братьевъ, стоявшаго во главѣ одного многочисленнаго племени, и убить его; эта удача, какъ это бываетъ обыкновенно среди этихъ кочевниковъ (да и у другихъ), увеличила число его приверженцевъ, и скоро онъ почувствовалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы держаться самостоятельной политики. До этого времени онъ, на ряду съ своею смѣлостью, былъ обязанъ своимъ успѣхамъ главнымъ образомъ Тимуридамъ, которыхъ границы онъ помогалъ защищать въ качествѣ ихъ ленника; но вслѣдствіе пораженія, которое войско султана Ахмеда потерпѣло въ борьбѣ противъ отрядовъ обоихъ хановъ, Шейбани, недолго задумываясь, перешелъ на сторону послѣднихъ. Они имѣли неосторожность предоставлять смѣлому предводителю войскъ, военныя способности котораго сказывались при каждомъ случаѣ, все болѣе и болѣе большую власть въ дѣлѣ веденія войны противъ Трансоксаніи; къ тому же съ возрастающей славой о подвигахъ Шейбани къ нему постепенно примкнули не только всѣ тѣ, которые прежде шли за знаменами его дѣда, Абу-ль-Хейра, но и множество другихъ странствующихъ большихъ и малыхъ племенъ, которыя, вслѣдствіе все продолжающагося распаденія бывшаго Кипчакаго царства, слонялись то здѣсь, то тамъ; такимъ образомъ въ теченіе немногихъ лѣтъ онъ очутился во главѣ тридцатитысячнаго войска. Когда же наконецъ около 907 (1502) г. ханы поняли, что они позволили водить себя за носъ, было уже слишкомъ поздно: Шейбани въ 908 (1503) г. напалъ также и на нихъ и, послѣ нанесенія имъ основательнаго пораженія, взялъ ихъ въ плѣнъ. Но уже до этого онъ овладѣлъ болѣею частью Трансоксаніи. Въ 905 (1500) г., ровно черезъ 50 лѣтъ послѣ перваго хищническаго похода Абу-ль-Хейра, онъ занялъ Бухару и Самаркандъ, и хотя нѣкоторые Тимуриды, прежде всего Бабуръ II, съ большимъ упорствомъ отстаивали каждую пядь земли, онъ все таки къ 910 (1505) г., послѣ нѣсколькихъ нерѣшительныхъ битвъ, окончательно изгналъ ихъ изъ Трансоксаніи, Ферганы и

Бадахшана. Бабуръ II укрѣпился между тѣмъ (910=1504) въ Кабулѣ, гдѣ послѣ смерти Улугъ-бега возникли различнаго рода безпорядки; мужественный молодой князь былъ принятъ съ готовностью и высматривалъ, гдѣ-бы онъ могъ набрать новыхъ союзниковъ для продолженія борьбы противъ узбековъ. Слѣдующій изъ тѣхъ, государству которыхъ грозила опасность, былъ султанъ Хусейнъ-и-Бейкара, старый властитель Херата. И дѣйствительно, уже въ 911 (1505) г. Шейбани, несмотря на храбрую защиту гарнизона, завоевалъ городъ и округъ Хорезмъ, и непосредственно послѣ этого принялся за осаду Балха. Несмотря на свою старческую слабость и на уменьшеніе власти, обусловленное событіями послѣднихъ лѣтъ, Хусейнъ имѣлъ еще возможность противостоять и сильному врагу; онъ собралъ свои войска и въ то же время вступилъ въ переговоры съ Бабуromъ насчетъ взаимнаго дѣйствія противъ общаго врага. Государь Кабула не заставилъ повторять себѣ это дважды, но на пути къ Хорасану онъ получилъ извѣстіе, что будущій его союзникъ только что умеръ (въ концѣ 911=весною 1506). Желая узнать, какъ обстоятъ дѣла, онъ тѣмъ не менѣе пошелъ дальше, пока не достигъ военнаго лагеря союзныхъ войскъ. Если султанъ Хусейнъ въ послѣдніе годы своей жизни не былъ такимъ энергичнымъ государемъ, какъ прежде, то отъ его двухъ сыновей, наслѣдовавшихъ ему, и подавно ничего нельзя было ожидать. Конечно, ни Бедиазъ-земанъ, ни братъ его Музаффаръ Хусейнъ не хотѣли уступить другъ другу престоль; но даже эти двое мирзъ понимали, что начинать междоусобную войну, имѣя предъ собою узбековъ въ самой странѣ, было бы вопіющею глупостью. Правда, средство, къ которому они прибѣгли для предотвращенія опасности, было почти столь же опасно, какъ и сама опасность: такъ какъ никто не хотѣлъ допустить, чтобы другой за него властвовалъ, то было условлено, что оба будутъ управлять вмѣстѣ. Конечно, дѣло пошло такъ, какъ обыкновенно бываетъ, когда запрягутъ одну лошадь впереди, а другую позади кареты: въ то время, какъ Шейбани въ теченіе всего лѣта 912 (1506) г. осаждалъ Балхъ, оба государя даже не придумали плана похода, и когда наконецъ все такъ-же мужественно защищаемая крѣпость должна была сдаться, и Бабуръ, покачивая головой, отправился обратно въ Кабулъ, они распустили войско до слѣдующей весны, должно быть въ надеждѣ, что тѣмъ временемъ имъ придетъ въ голову что-нибудь разумное. Это и случилось въ томъ смыслѣ, что въ слѣдующемъ году, когда войска опять благополучно сошлись между Хератомъ и Балхомъ, каждый мирза имѣлъ свой собственный планъ. Въ то время, какъ спорили, который изъ двухъ можетъ оказаться лучшимъ, неожиданно узнали, что Шейбани выступилъ съ 50.000 человекъ изъ Балха, обошелъ съ сѣвера хорасанскія войска и напра-

вился на Серахсъ. Въ настоящее время всякій, читающій газеты, знаетъ, что оттуда, вверхъ по долинь, идетъ прекрасная дорога въ Херать; конечно, она лежала далеко за тыломъ умныхъ султановъ и осталась совсѣмъ незанятою. Теперь все стремительно и безъ всякаго порядка бросилось въ столицу; правда, ее достигли еще до прихода непріятели, но каждое мгновеніе можно было опасаться его неожиданнаго появленія; всюду господствовали страхъ и смятеніе, нигдѣ—твердая воля; старый Тимуръ перевернулся-бы въ своемъ гробу, если-бы тамъ, внизу, узналъ что-нибудь о томъ, насколько жалки стали эти единые съ нимъ по плоти и крови. Каждый мирза или другой какой-нибудь начальникъ устраивалъ такъ, чтобы уйти оттуда вмѣстѣ со своими войсками и вернуться на родину—какъ будто можно было надѣяться на безопасность каждаго изъ нихъ въ отдѣльности въ Мервѣ или Астерабадѣ, когда всѣ они вмѣстѣ не могли защититься около столицы. Во всякомъ случаѣ Шейбани основательно обманулъ такія ожиданія: послѣ того, какъ его узбеки безъ труда взяли Херать и разграбили эту богатую резиденцію, какъ послѣ монголовъ умѣютъ дѣлать это только турки (913=1507), они прошли по всей странѣ, всюду уничтожили разбѣжавшіеся остатки хорасанскаго войска и схватили различныхъ мирзъ, которыхъ находили то тутъ, то тамъ. Всѣ они, за исключеніемъ тѣхъ, которые предпочли умереть защищаясь, были схвачены и впоследствии убиты, такъ что вся династія Хусейна погибла. Только самый виновный, подстрекательства котораго впервые произвели безпорядокъ и разореніе въ цвѣтущемъ государствѣ его отца, а именно мирза Беди азъ-земанъ бѣжалъ на западъ и, въ концѣ концовъ, черезъ десять лѣтъ послѣ этого умеръ бездомнымъ бѣглецомъ въ Константинополѣ; но изъ всего царства Тимура въ рукахъ его потомковъ не осталось ничего, кромѣ горныхъ крѣпостей Кабула и Газны, гдѣ стоялъ на чеку Бабуръ II, которому было едва двадцать пять лѣтъ, но который уже теперь вполне созрѣлъ и какъ полководецъ, и какъ государственннй человекъ, и, смотря по обстоятельствамъ, думалъ или двинуться на Шейбани или, въ случаѣ если-бы превосходящія силы узбековъ стали слишкомъ тѣснить и его маленькое царство, наброситься на Индію, гдѣ уже не одинъ мусульманскій удалецъ находилъ свое счастье. Подобно тому, какъ Тимуръ нѣкогда вмѣстѣ съ своими турками и татарами сдѣлалъ набѣгъ на Персію, такъ, казалось, новое царство его внуковъ дѣлалось добычей новыхъ ордъ той-же расы: тогда то вскорѣ послѣ его блестящей побѣды новому завоевателю сталъ поперекъ дороги противникъ, о которомъ незадолго передъ тѣмъ не помышляли ни онъ, ни кто-либо другой. Чтобы познакомиться съ нимъ мы на нѣкоторое время предоставимъ узбековъ самимъ себѣ.

Уже прежде мы упоминали, что со времени упроченія власти Ху-

сейна, Длинный Хасанъ обратилъ свое вниманіе исключительно на западъ: теперь и мы съ своей стороны должны посмотрѣть, какова тамъ была между тѣмъ судьба наслѣдниковъ Тимура. Всѣхъ мало-азіатскихъ эмировъ, которые послѣ битвы при Ангорѣ были снова водворены въ своихъ владѣніяхъ, было восемь. Здѣсь однако все пошло, какъ вездѣ: какъ только Тимуръ повернулся спиной къ тому міру, который онъ составилъ изъ отдѣльныхъ частей, все опять распаталось, такъ какъ онъ забылъ спаять эти отдѣльныя части. Извѣстно *), какъ быстро османьы, особенно благодаря энергіи сильнаго султана Мухаммеда I, отдохнули послѣ пораженія Баязида. Такимъ образомъ ихъ соперникамъ въ Малой Азіи предстояло лишь кратковременное существованіе. Уже преемникъ Мухаммеда, Мурадъ II, могъ въ 829—832 (1426—1429) гг. окончательно снова присоединить къ своему царству всѣ эмираты западной половины этого полуострова **), а тѣ два, которые одни уцѣлѣли, а именно эмиратъ Караманіи и лежащее въ Пафлагоніи государство Кастамунія обязаны были продленіемъ своего существованія на нѣсколько десятковъ лѣтъ тому обстоятельству, что европейскія завоеванія пока отнимали у османскихъ султановъ слишкомъ много времени, для того чтобы они могли иначе, какъ случайно, вмѣшиваться въ дѣла Малой Азіи. Несмотря на это, самое положеніе этихъ странъ, въ особенности Караманіи, между владѣніями османовъ, мамлюковъ и туркменовъ Акъ-Коюнлу, причемъ каждому ихъ этихъ государствъ было выгодно ослабить другое, побуждало къ постояннымъ нападеніямъ на эмиратъ и сдѣлало его, наконецъ, яблокомъ раздора между ними. Если такимъ образомъ уже съ самаго начала своего существованія онъ подвергался большой опасности, то все же именно центральное положеніе этой страны, все еще располагавшей почтенными силами, могло-бы доставить значительныя выгоды, если-бы только она вела искусную политику. Но на самомъ дѣлѣ было какъ разъ обратное. Государи ея, Насиръ адъ-динъ Мухаммедъ (805—829 ***)=1403—1426) и Ибрахимъ (829—868=1426--1464), не сумѣли ни сдѣлать себя необходимыми тому или другому изъ своихъ крупныхъ сосѣдей, ни натравливать одного на другого для собственной выгоды. Нападеніе, предпринятое первымъ на Брусу (онъ слишкомъ понадѣялся на свои силы), стоило ему большей части его владѣній; союзъ съ египтянами, который онъ заключилъ послѣ этого несчастья, помогъ не на долгое время, такъ какъ сынъ его, Ибрахимъ, былъ настолько глупъ,

*) См. Hertzberg, Gesch. der Byz. und des osman. Reiches (Allg. Gesch. in Einzeldarstellungen, № 79), стр. 533.

**) Ibid., стр. 547.

***) По нѣкоторымъ извѣстіямъ онъ умеръ уже въ 826 г. (1423).

что испортилъ отношенія и съ ними. Такимъ образомъ это маленькое государство должно было неизбѣжно погибнуть; но въ тотъ моментъ, какъ одинъ изъ пограничныхъ сосѣдей почти вполнѣ собирался завладѣть имъ, дѣло дошло до столкновенія между ними самими. Такимъ образомъ, съ самаго начала установились натянутыя отношенія между османами, съ одной стороны, и мамлюками и Бѣлыми Ягнятами — съ другой; и если въ то время, какъ государь Караманій одинаково враждовалъ со всѣми своими противниками, эти послѣдніе на время были дружны другъ съ другомъ, то это никогда не могло быть на сколько нибудь продолжительное время. Въ теченіе всего IX (XV) вѣка вся исторія передней Азіи зависитъ главнымъ образомъ отъ этихъ обстоятельствъ; окончательная развязка произошла не ранѣе начала X (XVI) вѣка; причина этого была уже указана нами: европейскія войны до и послѣ завоеванія Константинополя приковывали къ себѣ османскую военную политику, но помимо того тутъ играло роль и почти полное обезсиленіе государства мамлюковъ, которое началось со времени отступленія Тимура изъ Сиріи.

Съ тѣхъ поръ какъ существуетъ міръ, Египетъ не очень то былъ избалованъ хорошимъ управленіемъ. Но, безъ сомнѣнія, самой гадкой изъ всѣхъ гадкихъ династій была вторая мамлюкская династія, такъ называемая черкесская или бурджитская. Первая, бахритская, имѣла несомнѣнно свои слабыя стороны, но почти до самаго ея паденія все еще чувствовались благодѣтельныя вліянія энергіи Бейбарса и дипломатической и торгово-политической мудрости Килавѣна и Насира: страна достигла благосостоянія, даже богатства: народъ, если не былъ счастливъ, то, по крайней мѣрѣ, былъ менѣе несчастенъ, чѣмъ подданные большинства исламскихъ государствъ. Слабость послѣднихъ бахритскихъ султановъ и возрастающая непокорность мамлюковъ, правда, принесли здѣсь много несчастья еще до прибытія Тимура; и если Баркѣкъ и ввелъ нѣкоторый порядокъ, а уступчивости его сына, Фараджа, Египетъ былъ обязанъ тою завидною выгодой, что снова избѣгъ татарскаго разоренія, то все-таки бѣдствія, которыя причинили ему мамлюки со времени смерти перваго черкесскаго султана, почти превышали всякія вѣроятія. Разницу между обѣими династіями можно кратко обозначить такъ: во времена бахритовъ эмиры и войска выказывали свою необузданность и дикость по отношенію другъ къ другу, при черкесской же династіи—преимущественно по отношенію къ мирнымъ жителямъ; кромѣ того, хорошія учрежденія и вѣрные политическіе принципы первыхъ попирались ихъ преемниками столь же неразумно, сколько умышленно. Непрочность положенія султана среди своихъ непокорныхъ военныхъ слугъ въ оба періода дѣйствительно почти одинаково неизмѣнна. Число

бурджитовъ, которые существовали одно столѣтіе съ четвертью, также равнялось 24-мъ *). Обыкновенно поступали здѣсь такъ: царствующій султанъ, чувствуя приближеніе смерти, назначалъ себѣ въ преемники своего сына. Но тотъ неизмѣнно свергался, если онъ былъ несовершеннолѣтенъ, то своимъ опекуномъ, а если онъ былъ уже взрослый, то какимъ-нибудь эмиромъ, который послѣ этого съ своей стороны напрасно снова пытался утвердить наследственное престолонаслѣдіе за своимъ родомъ. Конечно, благодаря этому, непокорность войска только увеличивалась, и даже тѣ изъ немногихъ султановъ, которые среди этой военной олигархіи играли нѣсколько болѣе самостоятельную роль, чѣмъ роль соломенныхъ куколъ, никогда не были вполне свободны въ своихъ дѣйствіяхъ, а всегда должны были помышлять о томъ, чтобы сообразовать свою жизнь съ желаніями мамлюковъ, хотя бы имъ и удавалось силою или коварствомъ свинать десятки головъ, особенно у мятежныхъ начальниковъ. Въ сущности только пятеро изъ этихъ государей могли изъявлять претензіи хоть на такую относительную власть. О Баркукѣ мы знаемъ уже достаточно; какъ ни были недостаточны результаты его усилій, его правленіе все-таки было благодѣтельнымъ противодѣйствіемъ полному беспорядку при послѣднихъ Бахритахъ. Послѣ его смерти все пошло вверхъ дномъ, и не только во время присутствія Тимура; сынъ Баркука, Фараджъ, два раза свергался съ престола и, въ концѣ концовъ, былъ убитъ; занявшій его мѣсто нуль, исправлявшій какъ разъ должность Аббасидскаго халифа, также былъ удаленъ черезъ полгода. Шейхъ Махмудій (815—824=1412—1421) былъ человекъ храбрый, который во внѣшнихъ дѣлахъ выступилъ нѣсколько болѣе энергично и возстановилъ сильно павшій авторитетъ мамлюковъ въ сѣверной Сириі, но, какъ и другіе, не умѣлъ

*) Вотъ ихъ имена и годы правленія (замѣтимъ, что * обозначаетъ, что указываемое лицо—сынъ своего предшественника, а †, что это опекунъ, вытѣснившій своего питомца): 1. Баркукъ 792—801 (1390—1399); *2а. Фараджъ 801—808 (1399—1405), временно вытѣсненный своимъ братомъ 3. Изъ адъ-диномъ (Меликъ Мансуръ) 808=1405, потомъ же 2а. снова былъ водворенъ и продолжалъ царствовать 808—815 (1405—1412); 4. Мустаинъ (одинъ изъ аббасидскихъ халифовъ), 815=1412 май—ноября; 5 Шейхъ Махмудій 815—824 (1412—1421); *6. Ахмедъ Галь-Музаффаръ 824=1421; † 7. Татаръ 824=1421; *8. Мухаммедъ 824—825 (1421—1422); †9. Бурсъ-Бей 825—841 (1422—1438); *10. Юсуфъ 841—842 (1438); †11. Джакмакъ 842—857 (1438—1453); *12. Османъ 857 (1453); 13. Янналь 857—865 (1453—1461); *14. Ахмедъ Паль-Му'айядъ 865 (1461); †15 Хошкадамъ 865—872 (1461—1467); 16. Гель-Бей 872 (1467); 17. Тимуръ-Бога 872 (1467—1468); 18. Каптъ-Бей 872—901 (1468—1496); *19. Мухаммедъ Насиръ 901—904 (1496—1498); †20. Кансува I 904—905 (1498—1500); 21. Джанъ-Белатъ 905—906 (1500—1501); 22. Туманъ-Бей I 906 (1501); 23. Кансува Паль-Гурій 906—922 (1501—1516); 24. Туманъ-Бей II. 922—923 (1516—1517).

излѣчить внутреннихъ недуговъ страны. Наслѣдовавшій ему послѣ нѣсколькихъ дворцовыхъ революцій Бурсъ-Бей *) (825—841=1422—1438) былъ самый могущественный, но и самый отвратительный изъ этихъ султановъ, одинъ изъ разряда тѣхъ противныхъ благочестивыхъ деспотовъ, которые подъ маской ханжества скрываютъ жестокой произволъ и эксплуатируютъ и притѣсняютъ несчастный народъ самымъ утонченнымъ образомъ: объ этомъ свидѣлствуетъ то, что правленіе его, отличавшееся блескомъ внѣшнихъ успѣховъ, въ то же время, благодаря хищническому управленію, приводитъ страну къ обѣднѣнію. Государемъ, достойнымъ похвалы, былъ Джакмакъ (842—857=1438—1453), которому удалось, не роняя своего достоинства, водворить порядокъ у себя дома и установить миръ съ сосѣдями, однако ему все же не удалось основательно сдвинуть мамлюкское государство съ тѣхъ ложныхъ путей, по которымъ оно шло. Позднѣе дикость солдатъ свирѣпствовала еще съ бѣльшею силою, пока Ка и тъ-Бей (872—901=1468—1496) временно не поднялъ свою страну. Правда, и онъ не былъ хорошимъ братомъ. Но дѣйствительно честный и добрый человекъ вообще не могъ удержаться на такого рода тронѣ: если же онъ и былъ достаточно жестокъ, то, по крайней мѣрѣ, умѣлъ при этомъ хоть до нѣкоторой степени держать войска въ своихъ рукахъ и нѣсколько болѣе, чѣмъ его предшественники, позаботиться о спокойствіи внутри и энергичной политикѣ извнѣ. Въѣстѣ съ нимъ однако дѣйствительно рушилось все; послѣ его смерти одна дворцовая революція смѣнялась другою, и государство почти всецѣло распалось на множество эмиратствъ, государи которыхъ непрестанно дрались и которыхъ даже приближеніе османовъ могло побудить только къ мгновенному и то неполному единенію.

Основная ошибка этой военной аристократіи—отсутствіе всякаго закона о престолонаслѣдіи при полномъ беззаконіи вообще — до окончательной гибели усугублялась зломъ, тѣсно связаннымъ съ этимъ и имѣвшимъ еще худшее дѣйствіе: мы разумѣемъ неправильное управленіе финансами. Тѣ, кто въ настоящее время любитъся одной изъ величайшихъ достопримѣчательностей Каира, такъ называемыми гробницами халифовъ, расположенными къ востоку отъ города, у подошвы горы Мукаттамъ и представляющими изъ себя цѣлый городъ великолѣпныхъ зданій, увѣнчанныхъ куполами, и изящныхъ минаретовъ, вѣроятно, рѣдко даетъ себѣ отчетъ въ томъ, что эти надгробныя зданія черкесскихъ султановъ (большею частью

*) Болѣе точное правописаніе—Берисъ-Бей, но указанный въ текстѣ разговоръ соответствовалъ языку египтянъ. Бей, разумѣется, то же, что бекъ или бегъ и есть лишь болѣе мягкое произношеніе позднѣйшаго времени; теперь, какъ известно, говорятъ прямо Бэ.

они являются таковыми, несмотря на могущее вводить въ заблужденіе названіе «гробницы халифовъ»), хотя и служатъ памятниками ихъ могущества, но въ то же время представляютъ собою одну изъ главныхъ причинъ его печальнаго прекращенія. Турки *), по крайней мѣрѣ турки предшествующихъ вѣковъ, какъ это было много разъ замѣчено, любили возводить постройки; у нихъ не было общепольныхъ зданій, но какъ въ Константинополь, въ Дихли (Дели) и Агрѣ, такъ и въ Каирѣ было воздвигнуто множество большихъ дворцовъ и мечетей. Подобно древнимъ фараонамъ, каждый мамлюкскій государь желалъ имѣть свой надгробный памятникъ, и всѣ они, начиная съ Баркѹка и до Каитъ-Бей и Кансувы, осуществляли свою волю, насколько имъ это позволяло время ихъ царствованія. Но эти постройки стоили денегъ, много денегъ, а такъ какъ въ то же время притязанія эмировъ и солдатъ естественно все только возрастали, то доходы государства, какъ ни быстро увеличивалось богатство страны, благодаря тому, что Килавѹнъ и его преемники поощряли и защищали индоевропейскую сухопутную торговлю, все же были недостаточны для покрытія расходовъ. Вслѣдствіе этого уже при Шейхъ Махмудіи этой курицѣ, несущей золотыя яйца, приставили ножъ къ горлу, а Бурсъ-Бей, столь же своевольный, сколько неумѣлый, прямо зарѣзалъ ее. Были пущены въ ходъ всѣ уловки и увертки находящейся въ затруднительномъ положеніи или безчестной финансовой политики, начиная съ нарушенія естественнаго отношенія между благородными металлами путемъ произвольныхъ постановленій и введенія менѣ цѣнныхъ, и притомъ въ безсовѣстныхъ размѣрахъ, низкопробныхъ монетъ и т. д., и до прямо безумной формы монополіи на колоніальные товары; этими мѣрами торговое значеніе Египта въ короткое время было совсѣмъ уничтожено. Дѣло обстояло такъ плохо, что между 830 и 840 (1427, 1437) европейскія торговыя государства, въ особенности Венеція и испанцы, энергично протестовали противъ злоупотребленія этими мѣрами, а послѣдніе подтвердили даже свое заявленіе хищническими нападеніями своего флота. Бурсъ-Бей былъ наконецъ принужденъ прекратить свои главнѣйшія злоупотребленія, по крайней мѣрѣ поскольку они прямо касались чужестранныхъ купцовъ; но, конечно, никто не избавилъ его собственныхъ подданныхъ отъ грабительской системы этого прекраснаго образчика отца государства. Послѣ него все же никто не велъ дѣла столь безсовѣстнымъ образомъ; но и лучшіе изъ его преемниковъ не сумѣли остановиться на томъ скользкомъ пути, на который вступилъ Бурсъ-Бей. Пока индій-

*) Какъ мы уже раньше замѣтили, бурджитскіе мамлюки дѣйствительно отчасти были черкесы, однако окончательно воспринявшіе турецкія привычки и воззрѣнія.

ская торговля почти не могла избѣгнуть дороги черезъ Египетъ или Сирію, источникъ благосостоянія, несмотря на самыя нелѣпныя финансовыя операціи, все же не совсѣмъ изсякъ; но какъ только открытіе морского пути въ Остъ-Индію создало для произведеній этой страны новые пути на западъ, экономическое паденіе мамлюкского государства должно было завершиться въ теченіе немногихъ лѣтъ. Это случилось тѣмъ болѣе скоро, что португальцы съ самаго перваго появленія своего на востокѣ естественно имѣли враждебныя столкновенія съ мусульманскими купцами, до тѣхъ поръ единственными господами на индійско-персидскомъ морѣ. Кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что именно мухаммедане различнаго рода насиліями первые испортили отношенія, которыя христіане завязали съ индійскими князьями. Понятно, что скоро оба флота прямо старались уничтожить другъ друга: христіане перехватили всѣ египетскіе корабли, какіе только могли взять; въ 914 и 915 г. (1508, 1509) у береговъ Индіи произошло нѣсколько морскихъ сраженій, а въ 919, 922 (1513, 1516) португальцы пытались уже напасть со стороны моря на Адень и даже на Джедду. Борьба эта, за которой мы здѣсь дальше не будемъ слѣдить, продолжалась до самаго владычества османовъ; но легко понять, насколько чувствительныя препятствія въ торговлѣ способствовали возрастанію египетскихъ финансовыхъ затрудненій и тѣмъ самымъ паденію самаго могущества мамлюковъ. Послѣдствія все возрастающихъ денежныхъ затрудненій султановъ обнаружались съ ужа-сающей ясностью еще до наступленія окончательной гибели. При каждой возможности эмиры и простые солдаты начинали ссоры съ мирными гражданами, чтобы имѣть предлогъ къ грабежу и похищеніямъ; должности и почести продавались тѣмъ, кто больше предлагалъ; бывали даже такіе ужасающіе факты, что правительство за большую сумму денегъ по всѣмъ правиламъ продавало людямъ, желавшимъ кому-нибудь отомстить, личныхъ враговъ этихъ послѣднихъ, такъ что тѣ могли утолять свой гнѣвъ пытками и, въ концѣ концовъ, убійствомъ. Такія чудесныя государственныя мѣры должны были при первомъ удобномъ случаѣ принести свои плоды; и дѣйствительно, еще задолго до своего паденія мамлюкское царство внутренне сгнило и расшаталось, и какъ въ концѣ концовъ достаточно было одной проигранной битвы, чтобы оно разрушилось, такъ даже у наиболѣе величественно выступавшихъ султановъ совсѣмъ не хватало силы настойчиво сопротивляться внѣшнимъ врагамъ. Состоявшія изъ рабовъ войска, которымъ и теперь нельзя было отказать въ храбрости во время битвы, еще годились для какого нибудь хищническаго набѣга въ глубь Малой Азіи или Месопотаміи; но съ такимъ матеріаломъ нельзя было вести крупной политики.

Поэтому неудивительно, что в то время, как османы медленно, но постоянно подвигали свои малоазіатскія границы на востокъ, мамлюки не могли сдѣлать крѣпкимъ оплотомъ своего могущества хотябы даже только пограничный Тавръ. Мы помнимъ, что здѣсь, въ Абулустейнѣ и окрестностяхъ, сидѣли эмиры изъ династіи Зуль-гадиръ*) которые номинально были вассалами мамлюковъ, но были туркменскаго происхожденія и сильно стремились къ самостоятельности; по сосѣдству съ ними жили Бену Рамаданъ**), также туркменскаго происхожденія, поселившіеся въ восточной Киликіи на мѣстѣ малоармянскаго королевства, уничтоженнаго съ 776 (1375) г. Оба эти маленькія государства были окружены владѣніями своихъ египетскихъ ленныхъ государей, Караманіями и Акъ-Кююнлу, и само собой разумѣется, что непрерывныя попытки послѣднихъ распространить свои владѣнія, въ особенности на юго-западъ, приводили здѣсь къ постояннымъ мелкимъ войнамъ. Но какъ только Бѣлые Ягнята оставляли ихъ въ покоѣ, Зуль-гадиры, равно какъ Бену-Рамаданы сейчасъ же начинали важничать, держали себя дерзко по отношенію къ мамлюкамъ или же приставали къ Караманіямъ. Эти обстоятельства важны лишь въ томъ отношеніи, что, благодаря имъ, на границѣ между мамлюками и Караманіями поддерживалась постоянно зіяющая рана, и въ высшей степени характерно, что ни одна изъ этихъ двухъ общинъ не обладала достаточною силою для возстановленія порядка въ этихъ хищническихъ государствахъ. Въ попыткахъ не было недостатка; причина ихъ неудачи въ значительной степени зависѣла и отъ Акъ-Кююнлу, которые вели такую же игру, только въ большемъ масштабѣ, какъ и ихъ гадиридскіе соотечественники. Каралелекъ, какъ и его сыновья, и позднѣе Узунъ Хасанъ, а также случалось, Черные Ягнята при Караяюсуфѣ и Джеханъ-Шахѣ, которые довольно таки часто бывали вовлечены въ эти дѣла, принципиально при каждомъ удобномъ случаѣ слѣдовали политикѣ нападенія на владѣнія Абулустейнѣ и сѣверной Сиріи и разоренія ихъ; но если мамлюки сколько-нибудь энергичнѣе нападали, то они гнули свои спины, объявляли свою неизмѣнную преданность египетскому правительству и клялись, что въ будущемъ все будетъ хорошо; конечно, все это только для того, чтобы немедленно, какъ только сирійско-египетское войско пустится въ обратный путь, вернуться къ прежнему образу дѣйствій. Одно время казалось возможнымъ воспользоваться враждою между Черными и Бѣлыми для ихъ обоюдной

*) Встрѣчается и правописаніе Зуль-кадръ; Сулкадръ (Hertzberg, Gesch. der Byz. und des osman. Reiches, № 80 Allg. Gesch. in Einzeldarstellungen, стр. 668)—османо-турецкое произношеніе этого слова.

**) Согласно турецкому произношенію Рамазанъ.

нейтрализаціи, и смерть Кара Гелека въ борьбѣ противъ Искендера дѣйствительно была неожиданнымъ счастьемъ для египтянъ; но радость продолжалась недолго, такъ какъ Джеханъ-Шахъ снова сталъ относиться враждебно, а когда онъ погибъ въ борьбѣ съ Узунъ Хасаномъ, Длинный правда послалъ голову убитаго врага съ своими наилучшими пожеланіями въ Каиръ къ Каитъ-Бейю, но какъ и въ прежніе годы, такъ и немного спустя вель себя такъ-же строптиво, какъ любой изъ его предшественниковъ. Словомъ, въ Месопотаміи, сѣверной Сирии и въ восточной части Малой Азіи со всѣхъ сторонъ силы растрчивали въ вѣчныхъ раздорахъ и племена взаимно ослабляли себя для предстоящаго поглощенія османами. Мы не будемъ останавливаться на запутанныхъ подробностяхъ этихъ событій и замѣтимъ только, что какъ Шейхъ Махмудій (820—822=1417—1419), такъ и Бурсъ-Бей (838—841=1435—1438) путемъ нѣсколькихъ походовъ добились временнаго подчиненія мелкихъ государствъ и случайной присяги Карамана, но что уже Каитъ-Бей (872—877=1468—1472), благодаря храбрости способнаго гадирида Сивара, очутился въ очень затруднительномъ положеніи и только путемъ измѣны могъ, въ концѣ концовъ, завладѣть этимъ непокорнымъ вассаломъ, между тѣмъ какъ въ отношеніи къ бѣлымъ и чернымъ туркменамъ вообще не получилось ничего, кромѣ мнимыхъ успѣховъ, которыми очень хвастались въ Каирѣ, но которые не имѣли въ дѣйствительности никакого значенія. Напротивъ того, дѣйствительный перевѣсъ и на востокѣ Малой Азіи все болѣе переходилъ на сторону Акъ-Кююндю, особенно послѣ того, какъ они приобрѣли въ лицѣ Узунъ Хасана предводителя, имѣвшаго необыкновенное значеніе. Изъ всѣхъ владѣтелей тогдашней передней Азіи только одинъ этотъ туркмень имѣлъ вѣрное представленіе, какъ объ опасности, угрожавшей имъ всѣмъ отъ османовъ, такъ и о той политикѣ, которой во всякомъ случаѣ еще можно было сдерживать ихъ. Еще до распространенія своей власти надъ прежними владѣніями Черныхъ Ягнятъ, онъ завязалъ сношенія съ византійцами Трапезунта, женился на племянницѣ тамошняго царя, Давида, и въ 863 (1459) г., хотя и понапрасну, попытался путемъ грознаго посланія остановить предстоящее нападеніе на городъ османа Мухаммеда II Завоевателя. Когда, несмотря на это, тотъ въ 865 (1461) г. все таки напалъ на городъ, и слабый Давидъ не могъ найти въ себѣ достаточно мужества для энергичнаго противодѣйствія, Хасада дѣйствительно предоставилъ его своей участи, равно какъ послѣдняго государя области Кастамуніи, которая въ 864 (1460) г. была окончательно занята османами. Неудобство непосредственнаго сосѣдства послѣднихъ сказалось, правда, тотчасъ же, такъ какъ въ томъ же 864 году, самое позднее въ 865 (1460. 1461) г., османы уже напали на самыя владѣнія Хасана. Несмотря на это,

дѣло еще не дошло до настоящей войны, такъ какъ въ это время борьба съ Кара-Коюнлу поглощала всѣ силы Акъ Коюнлу. Но со времени паденія Джебханъ Шаха и съ тѣхъ поръ, какъ вся западная Персія находилась во власти Хасана, онъ оставилъ въ сторонѣ мамлюковъ, непригодныхъ для общихъ предпріятій и къ тому же только что запутавшихся въ войну съ Сиваромъ, и вошелъ въ сношенія съ венеціянцами, повсюду вербовавшими себѣ союзниковъ противъ османовъ, въ сношенія, имѣвшія цѣлью единодушный образъ дѣйствій *). Однако Мухаммедъ имѣлъ сравнительно съ этими, отдѣленными другъ отъ друга слишкомъ большими пространствами, противниками всѣ выгоды центрального положенія; онъ могъ наносить свои удары когда и гдѣ хотѣлъ прежде, чѣмъ одинъ изъ нихъ могъ даже извѣстить другого, и такимъ образомъ могущество Хасана было сломлено, и приготовленная венеціанскимъ флотомъ диверсія не принесла на самомъ дѣлѣ никакой выгоды.

Первое открытое столкновеніе между Хасаномъ и Мухаммедомъ II произошло на почвѣ Карамани. Здѣсь въ 868 (1464) **) въ ссорѣ съ собственными сыновьями умеръ Ибрахимъ, государь этой страны. Онъ назначилъ себѣ преемникомъ Исхака; но сводные братья послѣдняго, сыновья одной тетки ***) Мухаммеда II, отказались признать это распоряженіе и подняли открытое возстаніе. Послѣ вскорѣ затѣмъ послѣдовавшей смерти Ибрахима можно было навѣрное ожидать вмѣшательства султана, такъ какъ Исхакъ и братъ его Ахмедъ, завладѣвшіе отдѣльными частями страны, конечно, не могли существовать рядомъ другъ съ другомъ. Чтобы какъ можно скорѣе получить въ свои руки все наслѣдіе, Исхакъ обратился за помощью къ Хасану; послѣдній, занятый различнаго рода дѣлами съ мамлюками сѣверной Сиріи, послалъ всего одинъ довольно многочисленный отрядъ наѣзтниковъ, который хотя и натворилъ много бѣдъ, но не достигъ окончательнаго изгнанія Ахмеда (869=1464) ****). По приказанію

*) См. подробности послѣдующихъ событій у Hertzberg'a, указ. сочин., стр. 624 и слѣд. 628 и слѣд.

**) Такъ говорятъ арабскіе источники у Weil'я, указ. сочин. II, 311, прим. 1-е 1463 (Hertzberg стр. 624).

***) Не сестры; см. Weil, указ. сочин. II, 311, прим. 1-е.

****) Сравни Hertzberg, стр. 625, съ Weil, указ. сочин. II, 311 и слѣд. и 334 прим. 3-е. Здѣсь есть много неясностей, ответственность за которыя повидимому падаетъ на в. Hammers Geschichte des osmanischen Reiches (II, 86). Слѣдую указаніямъ Weil'я нужно читать у Hertzberg'a въ указ. сочин. на 20-й строкъ 625-й стр. Ахмедъ вмѣсто Исхака; Исхакъ будто бы уже послѣ своего пораженія намѣстникомъ Атталиі бѣжалъ къ Хасану Длинному, у котораго умеръ въ 870 (1456,66) г. и слѣдовательно война Мухаммеда II 1466 г. была направлена противъ Ахмеда. Безъ дальнѣйшихъ данныхъ, очерпнутыхъ изъ подлинныхъ источниковъ, нельзя

Мухаммеда, послѣ ухода Бѣлыхъ Ягнятъ, въ дѣло вмѣшался на-мѣстникъ Аттали; но едва успѣлъ онъ окончательно обезпечить власть за Ахмедомъ, какъ тотъ, неспособный предаваться иллюзіямъ насчетъ конечныхъ цѣлей Завоевателя относительно Караманіи, приготовился храбро защищать страну отъ всякихъ дальнѣйшихъ нападѣній. И дѣйствительно, хотя въ 871 (1466) г. онъ былъ основательно побитъ самимъ Мухаммедомъ, онъ мужественно защищался по крайней мѣрѣ до 873 (1468) г. и напрягалъ всѣ усилія, чтобы получить помощь отъ Узунъ Хасана, мамлюковъ, венеціанцевъ. Но Хасанъ Длинный былъ какъ разъ занятъ отраженіемъ нападѣнія Абу-Са'йда; египетскіе султаны вплоть до вступленія на престолъ Каитъ-Бей (872=1468) были просто нулями, которые даже не умѣли усмирить анархіи въ своей собственной столицѣ, и самъ Каитъ-Бей до 877 (1472) г. держался на сторожѣ, благодаря возстанію Сивара изъ Абудустейна, которое было, вѣроятно, обусловлено осмавами и которому, по всей вѣроятности, послѣдніе тайно помогали. Кажется, въ концѣ концовъ, чтобы завладѣть Абудустейномъ, Каитъ Бей допустилъ паденіе Караманіи, требуя за это той уступки, чтобы Мухаммедъ отказалъ въ помощи Сивару; во всякомъ случаѣ въ 876 (1471) г. османы владѣли всѣмъ Караманомъ, послѣдній эмиръ котораго, Ахмедъ, укрывался у Узунъ-Хасана. Послѣдній, послѣ двадцатилѣтней борьбы достигъ теперь верха своей власти; владѣя Кирманомъ, Фарсомъ, обоими Ираками, Азербейджаномъ, Арменией и Месопотаміей, онъ былъ въ правѣ считать себя не менѣе могущественнымъ, чѣмъ завоеватель Мухаммедъ. Благодаря венеціанскимъ посламъ, посѣщавшимъ его около этого времени, мы имѣемъ указаніе насчетъ его личности и состоянія его царства. Судя по описаніямъ *), это былъ высокій, худой человѣкъ съ очень открытымъ и симпатичнымъ лицомъ; о его войскахъ рядомъ съ этимъ говорится, что устройство ихъ было не особенно хорошее. И дѣйствительно, иррегулярная кавалерія туркменовъ не могла казаться европейскому глазу очень надежной, и если Узунъ Хасанъ и могъ справедливо гордиться ихъ заслугами въ борьбѣ противъ татаръ и мамлюковъ, то все же онъ дѣлалъ невѣрный выводъ, когда поэтому ставилъ ее выше османовъ. По всей вѣроятности, онъ, какъ и большинство азіатскихъ противниковъ послѣднихъ, недостаточно зналъ преимущества ихъ вооруженія. Съ самаго начала, съ тѣхъ поръ, какъ они впервые познакомились въ Европѣ съ новымъ изобрѣтеніемъ пороха, османы обратили особенное вниманіе на усовершенствованіе своей

установить ничего болѣе точно, такъ какъ Weil какъ разъ не даетъ болѣе подробныхъ свѣдѣній о главномъ, о войнѣ 1466. Поэтому, сопоставляя его данныя (стр. 312, 334), я слѣдую ему съ полною оговоркою.

*) Malcolm, History of Persia, I. London, 1815, стр. 493.

артиллеріи. Пушки всегда пользовались въ ихъ войскѣ большимъ почетомъ, и еще въ настоящее время топджіи, пушкаріи, говорятъ, считаются лучшими элементами турецкаго военнаго сословія: нечего объяснять, какой перевѣсъ для того времени это столь превосходное орудіе давало имъ надъ ихъ азіатскими врагами, у которыхъ его вовсе не было или которые далеко уступали османамъ въ качествахъ самаго вооруженія или искусствѣ пользованія имъ. Поэтому попытка Хасана Длиннаго, нанести пораженіе Мухаммеду, окончилась довольно скверно, какъ нѣкогда попытка Тимура противъ Баязида. Чтобы вновь водворить на своихъ мѣстахъ укрывшихся у него караманскихъ государей, А х м е д а и его брата К а с и м ъ-Б е я, Хасанъ съ большимъ войскомъ нанесъ въ 876 г. (1471) сильный ударъ османскимъ войскамъ въ Малой Азіи, ударъ, на время заставившій ихъ отступитъ и предоставившій большую часть Караманіи въ его руки. Успѣхъ однако былъ непроченъ. Мы не знаемъ, что побудило Хасана оставить на западѣ только 10.000 человекъ, а самому съ остальнымъ войскомъ вернуться на родину. Тамъ онъ засѣлъ на весь 876-7 годъ (1472), между тѣмъ какъ венеціанскій флотъ только что приближался къ южному берегу Малой Азіи, и этимъ указывалось, что слѣдовало-бы энергично направить всѣ свои силы на это мѣсто. Пока наше знаніе не будетъ увеличено дальнѣйшими разоблаченіями, вся эта исторія остается для насъ совершенно непонятной. Во всякомъ случаѣ, оставшіеся въ Караманіи и совершенно потерявшіе почву подъ ногами отряды туркменовъ въ 877 (1472) г. потерпѣли пораженіе у озера Керелю *) еще прежде, чѣмъ самъ Мухаммедъ успѣлъ прибыть въ Малую Азію; а когда въ концѣ того же года (весною 1473) главное османское войско перешло черезъ Босфоръ подъ предводительствомъ своего султана, то онъ долженъ былъ искать своего врага въ мѣстности около верхняго Евфрата. Сначала счастье благопріятствовало Узунъ Хасану; но въ рѣшительной битвѣ при Терджанѣ **) его крайне мужественно сражавшіеся отряды, наконецъ, должны были пастъ подъ выстрѣлами ужасной османской артиллеріи. Участъ Малой Азіи была рѣшена на цѣлыя столѣтія: если Хасанъ, слѣдовать за которымъ въ его азербейджанское уѣзжище, Мухаммедъ, по совѣту своего знаменитаго визиря Махмуда, благоразумно не позволилъ себѣ и послѣ уничтожившаго его удара и до самой своей смерти, послѣдовавшей между 880 и 883 г. (1475, 1478),

*) Теперь обыкновенно называемое Бейшехр-Гёль; оно находится въ Пизиди и у древнихъ называлось Коралисъ.

**) Терджанъ и донинѣ названіе одной изъ боковыхъ долинъ сѣва Кара-Су (Черной воды, т. е. западнаго Евфрата), почти въ самой серединѣ между Эрзерумомъ и Эрзинганомъ; по всей вѣроятности на маленькой рѣчкѣ Терджанъ-Су, по ней протекающей, находилось и мѣстечко того-же имени.

думаль о мести, то все же дѣло не дошло до новой войны съ османами. Въ то время, какъ послѣ его смерти созданное имъ царство распалось, благодаря междоусобнымъ войнамъ между его преемниками, въ 886 г. (1481) умеръ и Мухаммедъ завоеватель, преемникъ котораго, Баязидъ II, не походилъ на одноименнаго предка и на отца, а былъ болѣе миролюбивъ. Такимъ образомъ дѣло кончилось не только прекращеніемъ военныхъ дѣйствій между Акъ-Коюнлу и османами, а и на долю мамлюковъ выпала короткая отсрочка, на которую едва ли можно было рассчитывать, и которая продолжалась свыше 30 лѣтъ.

Кайтъ-Бей взиралъ на войну между Хасаномъ Длиннымъ и Стамбульскимъ султаномъ съ такимъ спокойствіемъ, какъ-будто бы это дѣло вовсе его не касалось. Правда, что Мухаммедъ II, знавшій съ кѣмъ имѣлъ дѣло, успокоилъ его и его эмировъ на то время, пока былъ занятъ Узунъ-Хасаномъ, давъ ему лакомый кусочекъ въ видѣ Абулустейна, но уже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого (884 или 885—1479. 1480) османъ позволилъ себѣ замѣстить эмира, посаженнаго сюда Кайтъ-Беемъ, своимъ родственникомъ. Мамлюкамъ не могло, правда, прийти въ голову соединиться противъ все болѣе своевольно выступающаго завоевателя съ Акъ-Коюнлу, все еще могущественными несмотря на свое поражение; ибо хотя это и было-бы разумно, ненависть ихъ къ нимъ пустила слишкомъ глубокіе корни: но во всякомъ случаѣ, надо отдать справедливость египетскому султану, что, вѣрно сознавая невозможность мирныхъ отношеній къ османамъ, онъ теперь сдѣлалъ все, чтобы помѣшать дальнѣйшимъ успѣхамъ этихъ опасныхъ соперниковъ, стремившихся пріобрѣсть руководящее вліяніе въ передней Азіи. Безъ сопротивленія стерпѣлъ онъ обиду, когда Кипръ, который со времени нѣсколькихъ походовъ Бурсъ-Бея (827—829—1424—1426) платилъ дань мамлюкамъ и которому мамлюки и позднѣе напоминали при случаѣ о его зависимости отъ нихъ *), въ 894 (1489) г., благодаря увольненію Катерины Корнаросъ, сдѣлался венеціанскимъ; но тѣмъ энергичнѣе выступилъ онъ противъ Малой Азіи, когда Баязидъ II, раздраженный ласковымъ пріемомъ, оказаннымъ въ Египтѣ **) враждующему съ нимъ брату Джемю, и нѣкоторыми другими дипломатическими столкновениями ***), объявилъ войну мамлюкамъ. Несмотря на всѣ затрудненія, обусловленныя непокорностью эмировъ, генералы Кайтъ-Бея въ нѣсколькихъ походахъ 890—896 (1485—1491) нанесли османскимъ войскамъ чувствитель-

*) Ср. Hertzberg, *Gesch. d. Byz. und des osman. Reiches* (Allg. Gesch. in Einzeldarstellungen, № 80), стр. 662.

**) Hertzberg, указ. сочин. стр. 658.

***) Подробности у Weil'a, *Geschichte des Abbasidenchalifats in Egypten*, II, 346.

ныя пораженія, и въ концѣ концовъ Баязидъ, удовлетворившись нѣсколькими формальными уступками, долженъ былъ все-таки заключить миръ, по которому какъ Зу-ль-гадиры Абулустейна, такъ и Бену-Рамаданы Киликіи оставались подъ верховною властью Египта. Это могло бы быть хорошимъ началомъ энергичной оборонительной политики, если-бы положеніе мамлюкского государства хоть до нѣкоторой степени допустило-бы послѣдовательное ея продолженіе. Но еще до смерти Кайтъ-Бея (901=1496) всеобщая расшатанность, алчность и непокорность войскъ, нужда населенія, усиленная чумою и голодомъ, безсиліе и отсутствіе средствъ у правительства настолько увеличились, что во внѣшнихъ дѣлахъ нельзя было ничего предпринять; а что было въ послѣдствіи, мы видѣли уже выше. Только внутренніе раздоры въ османскомъ царствѣ, начавшіеся въ концѣ жизни Баязида II *), и другого рода дѣла, не дававшія Селиму I передохнуть до 920 (1514) г., отодвинули паденіе могущества мамлюковъ еще на два столѣтія; но какъ только самый свирѣпый изъ османскихъ султановъ получилъ нѣкоторую свободу движеній, онъ обратился противъ Сиріи или, вѣрнѣе, противъ Абулустейна. Въ 921 (1515) г. этотъ округъ былъ завоеванъ, династія Зу-ль-гадировъ была совершенно уничтожена, затѣмъ въ 922 (1516) г. была окончательно покорена и близъ лежащая Месопотамія, на которую османы нападали еще раньше. Даже сирійскіе и египетскіе эмиры не могли болѣе скрывать отъ себя, что дѣло дойдетъ до ихъ шкуры; послѣ долгихъ десятилѣтій по крайней мѣрѣ большинство изъ нихъ доказали свою готовность помочь другъ другу. Но, къ сожалѣнію, и теперь нашлось нѣсколько безчестныхъ, которые путемъ измѣны товарищамъ постарались пріобрѣсти милость предполагаемаго побѣдителя: не только превосходство османской артиллеріи, но и преднамѣренное слишкомъ поспѣшное бѣгство Хейръ-Бея — и этого не слѣдуетъ забывать — были причиной пораженія мамлюковъ при Халебѣ 25-го Раджаба 922 (24 авг. 1516), благодаря которому вся Сирія перешла въ руки Селима. Большинство изъ остальныхъ эмировъ и солдатъ дрались такъ хорошо, что показали себя достойными прежней славы этого войска, а самъ султанъ Кансува аль-Гурій, почти восьмидесятилѣтній старецъ, палъ на полѣ битвы: впрочемъ эти люди, вообще говоря, довольно неотвѣтственные, никогда не были трусами. Теперь, впрочемъ, нерѣзительность и отчаянье ихъ все увеличивались. Правда, что Туманъ-Бей, второй государь, носившій это имя, и послѣдній султанъ Египта, избранный главою всѣми мамлюками, которымъ удалось достигнуть Каира послѣ побѣды османовъ, былъ человѣкъ храбрый. Но, какъ часто бываетъ послѣ неудачъ, теперь

*) См. Hertzberg, указ. сочин. стр. 666.

среди знати не хватало въ высшей степени нужнаго единодушія и самоотреченія; только полу нехотя и колеблясь, отправились они на войну, которая предстояла имъ съ надвигающимся Селимомъ. Опираясь на гору Мукаттамъ, возвышающуюся надъ Каиромъ на востокъ, Туманъ-Бей 29 Зу-ль-Хидджи 922 (22*) янв. 1517) далъ бесполезную рѣшительную битву: планъ его дѣйствій былъ выданъ, его геройство и геройство его единомышленниковъ не могли болѣе спасти мамлюкского дѣла, погибшаго прежде всего по ихъ собственной винѣ. Правда, онъ, равно какъ и другіе эмиры, не унизились до перехода на сторону османовъ, еще отбывались нѣкоторое время въ столицѣ или въ полѣ; организованное сопротивленіе было однако уже невозможно: мамлюковъ побивали всюду; самъ храбрый государь, опять таки благодаря измѣнѣ, былъ преданъ въ руки Селима, и тотъ, по совѣту низкаго Хейръ-Бея, велѣлъ повѣсить его. Такимъ образомъ прекратила свое независимое существованіе своеобразная военная аристократія, которая господствовала надъ Египтомъ и Сиріей свыше 250 лѣтъ. Правда, мамлюкскія войска, поскольку они не погибли въ предшествующихъ войнахъ, были реорганизованы, согласно старымъ принципамъ, для служенія въ странѣ, и впоследствии, какъ только турецкое центральное управленіе въ Константинополѣ стало слабѣть, мамлюкскіе эмиры начали снова играть болѣе самостоятельную роль, пока наконецъ во времена Наполеона I они снова не проявили себя собственно настоящими господами Египта. Но предварительно имъ нужно было гнуться передъ побѣдителемъ; Египетъ и зависящіе отъ него округа, особенно Мекка и Медина, равно какъ въ 927 г. (1521) также занятая османами южная Аравія, вошли въ составъ султаната Стамбульскаго, владѣтель котораго, благодаря Селиму I, незаконно захватившему Халифатъ, высшій духовный санъ, достигъ и степени главы суннитскаго ислама. Но разъ вслѣдствіе этого вся передняя Азія къ западу отъ Тигра **) вошла въ составъ турецкой имперіи, эти страны, отнынѣ находясь въ зависимости отъ Турціи, имѣютъ связь съ новой исторіей Запада: а такъ какъ послѣдняя, естественно, выходитъ изъ рамокъ нашего изложенія, то отнынѣ намъ вообще слѣдуетъ распроститься съ арабами и турками Востока.

Мы уже знаемъ, что въ этомъ случаѣ прощаніе не будетъ тягостно. Изъ всѣхъ крупныхъ областей, захваченныхъ Мухаммедомъ Завоевателемъ и Селимомъ, — Малой Азіи, Западной Арменіи, Месопотаміи,

*) Судя по расчету 28; но см. Weil, Geschichte des Abbasidenchalfats in Egypten, II, 423,

**) Правда Багдадъ, который впервые достался въ руки Сулеймана I въ 941 (1534) г., еще цѣлое столѣтіе былъ яблокомъ раздора между турками и персами, пока первые въ 1048 г. (1638) не упрочили за собою этого завоеванія.

Сирия, Аравия и Египта—ни одна не могла опять достигнуть хоть какого-нибудь благосостояния под турецкимъ управленіемъ, задававшимъ лишь цѣлью поддерживать вѣншній порядокъ и высасывать всѣ соки изъ провинціи. Напротивъ того, тамъ, гдѣ жалкіе остатки прежней культуры пережили ужасныя опустошенія послѣднихъ столѣтій, и они исчезаютъ, такъ какъ не дѣлается ничего для ихъ поддержанія. Малая Азія, страна при прежнихъ сельджукахъ все еще населенная и богатая, а позднѣе—колыбель самого османскаго царства, теперь почти опустѣла; Месопотамія, нѣкогда почти неслыхано богатый Иракъ и восточный берегъ Сирия погребены подъ песками пустыни, на которой шатаются почти исключительно толпы кочующихъ курдскихъ и арабскихъ бедуиновъ. Сирия и Палестина живутъ жалкими и все убывающими остатками своей прежней промышленности, и остается болѣе, чѣмъ когда-либо, подъ сомнѣніемъ, будетъ ли долговѣчное плодородіе Нильской долины еще разъ дѣйствительно полезно ея жителямъ. А неуѣшительному вѣншнему положенію какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало уничтоженіе умственной жизни. Составляютъ ли большинство населенія одной мѣстности—арабы, а въ другой—турки, все же съ тѣхъ поръ, какъ производительная сила ислама, какъ такового, изсякла вмѣстѣ съ прекращеніемъ господства арабовъ и принятіемъ персами шиитизма, всѣ помысленія и мысли всего народа неразрывно скованы неподвижными узамъ схоластики, которые едва-ли кому-либо пришло бы въ голову расшатать, хотя они и не имѣли за собою всей тяжести деспотической государственной власти и вліятельной іерархической корпораціи: до такой степени уже подъ гнетомъ столѣтнихъ бѣдствій и столѣтней привычки ограниченное фаталистически-апатическое міросозерцаніе вошло въ плоть и кровь всѣхъ слоевъ общества. Со времени владычества монголовъ подъ умственной работой на мухаммеданскомъ Востокѣ разумѣютъ ничего болѣе, какъ вѣчное пережевыванье однихъ и тѣхъ же грамматическихъ, логическихъ, юридическихъ и теологическихъ положеній, причемъ единственная цѣль для вызова остроумія это—украшеніе ихъ съ вѣншной стороны съ помощью все новыхъ тонкостей. Извлечь изъ тысячи книгъ тысячу первую и не для того, чтобы подвинуться въ познаніи—это невозможно, такъ какъ истина давно уже твердо установлена—а чтобы доказать свою ученость и остроуміе или составить удобныя руководства для пріобрѣтенія знаній и практики—вотъ чѣмъ ограничивается научная дѣятельность Востока уже въ теченіе столѣтій: еще во времена мамлюковъ жилъ а съ-Суютіи, классическій представитель этого направленія, который, точно въ бутылки умѣлъ извлекать изъ книгъ квинтъ-эссенціи всевозможныхъ отраслей наукъ. Его честолюбіе было направлено на то, чтобы написать больше,

чѣмъ писалъ кто-либо до него, чего онъ, вѣроятно, и достигъ, а такъ какъ онъ дѣйствительно былъ очень ученъ, то его руководствами во многихъ случаяхъ можно хорошо пользоваться; и тѣмъ не менѣе муравьиная работа его и его предшественниковъ была бесполезна и бесплодна для самой сущности дѣла. А тамъ, гдѣ при такой дѣятельности умъ нѣсколько возбуждался (совсѣмъ обойтись безъ этого чело-вѣчества всетаки никогда не можетъ), тамъ дѣло касалось теологическихкихъ преципирательствъ, еще болѣе строгаго правовѣрія въ ученіи и образѣ жизни—напримѣръ вопроса: позволительно ли, придерживаясь Корана, пить кофе, или позволительно ли говорить: «я, съ божьей помощью, правовѣрный» *)—въ лучшемъ случаѣ полемики противъ христіанъ, іудеевъ или шіитовъ или между различными школами юристовъ, между мистиками и схоластиками и т. под. Даже самое сильное и наиболѣе народное движеніе, обнаружившееся въ позднѣйшія времена суннитскаго ислама, появленіе среди арабскихъ племенъ В а х х а б и т о в ъ, вызванное во второй половинѣ прошедшаго столѣтія М у х а м м е д о м ъ И б н ѣ А б д ѣ а л ь-В а х х а б о м ъ, правда, доставило турецкимъ египетскимъ пашамъ, которые, въ концѣ концовъ, должны были сюда вмѣшаться, достаточно безпокойствъ, но это былъ не болѣе, какъ чисто формальный пуританизмъ безъ всякаго новаго духовнаго содержанія. Въ другихъотрасляхъ умственной жизни дѣло обстояло не лучше, чѣмъ въ «наукѣ» т. е. схоластикѣ. Исторіографія дѣлается все болѣе проявленіемъ усердія въ собираніи прошедшихъ фактовъ, хотя такой ученый чело-вѣкъ, какъ М а к р и з і й, писавшій въ Каирѣ во время господства мамлюковъ, писатель, достойный уваженія и труженикъ, все же не пренебрегъ сообщить и о лично пережитомъ и видѣнномъ, а у османскихъ турокъ, въ ихъ лучшія времена, ученый и государственный чело-вѣкъ, подобный Кемаль-Паша-задѣ, также охотно описываетъ походъ въ Мохачъ, въ которомъ онъ самъ принималъ участіе. Вообще европейскіе турки заслуживаютъ похвалы за то, что они много разъ обращали разумное вниманіе на исторію своей страны и тщательно занимались ея изученіемъ. Напротивъ о м а т е м а т и к ѣ и е с т е с т в е н н ы х ъ н а у к а х ъ, исключая жалкихъ элементарныхъ книгъ, больше нѣтъ и помину; только сонники, каббалистическая, астрологическая и геомантская литература существуютъ и процвѣтаютъ. Поэзія представляетъ изъ себя лишь подражаніе болѣе древнимъ арабскимъ и персидскимъ образцамъ, болшею частью подражанія дубоватыя и лишеныя граціи. Въ общемъ это было бы болѣе, чѣмъ неутѣшительно, если бы подъ этимъ свѣгомъ и льдомъ духовной смерти не ютились кое гдѣ фіялки народной

*) А именно: не вслѣдствіе сомнѣнія въ своей вѣрѣ въ настоящемъ, но изъ безпокойства о неизвѣстномъ говорящему (будущемъ) состояніи его вѣры при концѣ жизни.

литературы — пословицы и полу-трогательныя, полу-нелѣпыя пѣсенки, а прежде всего то, что съ незапамятныхъ временъ возбуждало восторгъ каждаго жителя Востока—сказки и романтическія исторіи о герояхъ, которыя и до сихъ поръ въ Передней Азіи можно услышать въ каждомъ кафе отъ записныхъ рассказчиковъ. Наряду съ сказками Тысячи и одной ночи (II, 155), которыя въ своемъ теперешнемъ видѣ были закончены въ Египтѣ, по всей вѣроятности, какъ разъ во время второй мамлюкской династіи, мы находимъ здѣсь безконечные рассказы о приключеніяхъ до мусульманскихъ героевъ, напр. Антары (I, 45), или знаменитыхъ мухаммеданскихъ владѣтелей, какъ напримѣръ сурдитаго султана Бейбарса; конечно, все это были фантастическіе образы, въ которыхъ прежде всего обращалось вниманіе на нечеловѣческую храбрость и невѣроятныя чудеса. Ученые смотрятъ съ неизмѣримымъ презрѣніемъ на эту народную литературу—глушцы, не знающіе, насколько половина больше цѣлаго.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Новая Персія и ханства.

Въ первой половинѣ *) VШ-го (XIV-го) вѣка въ Ардебилѣ, одномъ изъ городовъ восточнаго Азербейджана, жилъ шейхъ, считавшійся замѣчательной личностью. Его звали Исхакъ и прибавляли прозвище Сефи адъ-динъ **) «Правовѣрный». Онъ велъ свой родъ отъ Мусы аль-Казима, седьмого имама секты «Дюжиниковъ» (стр. 12): онъ былъ значить Алидъ, и даже прямой потомокъ одного изъ тѣхъ членовъ этого августѣйшаго рода, которымъ большинство шиитовъ воздавало почти божеское почитаніе (ср. стр. 12). Такой человекъ, если жизнь его соответствовала столь знатному происхожденію, могъ быть окруженъ лишь всеобщимъ уваженіемъ шиитскаго народа; къ тому же онъ былъ сѣфій, т. е. принадлежалъ къ общинѣ тѣхъ дервишей (а, быть можетъ, былъ и ихъ главою), возрастающее вліяніе которыхъ, особенно усилившееся со времени упадка, намъ уже извѣстно. Когда же, приблизительно въ серединѣ этого (VШ=XIV) столѣтія, онъ умеръ, окруженный благоуханіемъ святости, онъ передалъ свое званіе и уваженіе къ себѣ своему не менѣе святому сыну, шейху Садръ адъ-дину («Грудь Вѣры»). Послѣдній, какъ разсказываютъ, жилъ до временъ Тимура, и почтеніе, которымъ онъ вездѣ пользовался, было такъ велико, что даже этотъ ужасный завоеватель искалъ его дружбы и при личномъ свиданіи позволялъ ему обратиться къ нему съ просьбою. Этотъ не эгоистичный человекъ божій сечелъ

---

*) Это время очень сомнительно. Разсчитали, что годъ смерти этого человека приходится на 735 г. (1334—5), но это плохо согласуется съ извѣстіемъ о столкновеніи его сына съ Тимуромъ, которое самое раннее (ср. слѣд. стр. прим. 1-е) могло бы произойти въ 788 (1386) г. Правда, сообщенный объ этомъ въ текстѣ разсказъ, быть можетъ, только выдуманъ, чтобы ярче отънѣнить значеніе этого святого и въ то же время объяснить любовь турецкихъ племенъ къ его потомкамъ. Во всякомъ случаѣ два поколѣнія въ восьмомъ вѣкѣ и пять въ девятомъ представляютъ достаточную хронологическую путаницу.

**) Это прозвище попадаетъ въ позднѣйшее время довольно часто (приблизительно со времени крестовыхъ походовъ).

для себя самым лучшим пожелать освобожденія множества плѣнныхъ турокъ, которыхъ Тимуръ только что вывелъ изъ Рума *). Его желаніе было исполнено: турки поселились около Ардебіля, и семь племень, на которыя постепенно распалось ихъ потомство, отблагодарили своего спасителя неизмѣнной, вѣрной преданностью его роду, который, опираясь на столь опытные въ военномъ дѣлѣ отряды, скоро могъ пріобрѣсти и политическое значеніе (конечно, безъ ущерба для традиціоннаго благочестія). Напротивъ того, это благочестіе побудило сына Садръ-адъ-дина, Ходжу Алія, совершить паломничество въ Мекку, чтобы не отнять у этой Богомъ благословенной семьи ни одного атрибута ея святости; возвращаясь оттуда, онъ умеръ въ Иерусалимѣ. О его сынѣ, Ибрахимѣ, извѣстно немного, но тѣмъ больше знаемъ мы о внукѣ его Джунейдѣ, который игралъ такую роль въ Ардебилѣ и его окрестностяхъ, что Джахъанъ-Шахъ, государь Черныхъ Ягнятъ (стр. 350) началъ бояться его. Онъ заставилъ его покинуть страну; изгнанный, конечно, отправился къ самому крупному противнику своего врага, къ Длинному Хасану; тотъ принялъ его съ распростертыми объятіями и выдалъ за него одну изъ своихъ сестеръ. Джунейдъ погибъ (863—1458—9) среди напрасныхъ стараній снова стать твердою ногою между Джахъанъ-Шахомъ и владѣтелемъ Ширвана (ср. стр. 144, 309), граничившимъ съ нимъ съ другой стороны Ардебіля; сынъ его, шейхъ Хайдеръ **), снова вернулся къ своему дядѣ Узунъ Хасану и получилъ руку его дочери. Та подарила ему трехъ сыновей: Алія, Ибрахима и Измаила, изъ которыхъ послѣдній должно быть родился въ 885 (1480) г. ***), слѣдовательно уже послѣ смерти своего дѣда со стороны матери. Смерть Узунъ Хасана была въ то же время началомъ гибели его царства. Дошедшія до насъ отдѣльныя извѣстія о подробностяхъ борьбы между его сыновьями и внуками слишкомъ скудны и противорѣчивы ****), чтобы мы могли составить по нимъ ясное представленіе о

*) Т. е. согласно общепринятому способу выраженія, изъ Малой Азіи. Соответственно этому, 804 г. (1401)—первый возможный срокъ для приведеннаго событія. Если же допустить возможность, что Румъ обозначаетъ здѣсь вообще „западъ“, то тутъ дѣло могло идти и о туркменахъ, захваченныхъ въ плѣнъ во время прежнихъ армянскихъ походовъ.

**) Хайдеръ—арабское слово, означающее: „левъ“; какъ извѣстно, и теперь левъ изображается на персидскомъ гербѣ, а „хайдеръ“—„львиный“ во времена господства его потомковъ довольно часто употребляется прямо вмѣсто „королевскій, персидскій“.

***) Ср. въ Encyclopaedia Britannica, 9 Ed., Vol. XVIII, Sp. 634 b.

****) Арабскія можно найти у Weil'я, „Geschichte des Abbasidenchalfats in Egypten“ II, 343, 403, персидско-турецкія—у v. Hammer'a „Geschichte des osmanischen Reiches“, II, 335.

послѣднихъ временахъ Бѣлыхъ Ягнятъ. Кажется достовѣрно, что сынъ Хасана, Я'к'убъ Бекъ, послѣ нѣсколькихъ столкновений, взялъ верхъ и, несмотря на то, что не былъ выдающимся правителемъ, до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 896 (1490—91) г., хоть до нѣкоторой степени не давалъ странѣ распасться; но послѣ его смерти между его братьями и сыновьями начались раздоры изъ-за наслѣдства, которые повели къ войнамъ, быстрымъ и насильственнымъ перемѣнамъ на тронѣ, а такъ какъ члены семьи имѣли своихъ главныхъ приверженцевъ каждый въ особой провинціи, то естественно это привело къ дѣйствительному распаденію всего государства на отдѣльныя части. Изъ числа родственниковъ Узунъ Хасана то тутъ, то тамъ появлялся претендентъ, который, перешагнувъ черезъ трупъ брата или племянника, завладѣвалъ на короткое время верховною властью; честолюбивые и безсовѣстные намѣстники раздували эти раздоры, которые быстро привели династію на край гибели. Шейхъ Хайдеръ не дожидаясь до этого безпорядка, который побудилъ-бы смѣлаго челоука къ энергическому вмѣшательству. Послѣ побѣды своего тестя, Длиннаго Хасана, надъ Черными Ягнятами, онъ вернулся въ Ардебиль; позднѣе онъ пытался увеличить свою власть (несмотря на всѣ усвоенныя потомками Сефи благочестивыя ужимки, мы должны представить себѣ эту власть, какъ чисто политическое господство надъ Ардебилемъ и его окрестностями съ помощью вышеупомянутыхъ турецкихъ племенъ) снова на счетъ Ширванъ-Шаховъ. Шурина его Я'к'убъ сталъ завидовать ему въ этомъ, соединился съ владѣтелемъ Ширвана, и Хайдеръ палъ въ борьбѣ съ обоими войсками (893=1488). Его трехъ сыновей перехватили и заперли въ одной персидской крѣпости, но послѣ смерти Я'куба имъ позволили вернуться въ Ардебиль. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого, старшій изъ нихъ, А л і й, во главѣ своихъ приверженцевъ, принялъ отсюда участіе въ уже разгорѣвшейся междоусобной войнѣ, въ которой и погибъ (приблизительно въ 900=1495); другіе двое, Ибрахѣмъ и Изма'иль, бѣжали въ Гил'анъ, въ ту мѣстность въ юго-западномъ углу Каспійскаго моря, въ которой съ древнѣйшихъ временъ гнѣздились алидскія традиціи (выше, стр. 111). Государь этой страны, которая, какъ кажется, всегда была обезпечена отъ нападеній туркменовъ пограничными высокими горами, принялъ ихъ охотно; когда, послѣ вскорѣ затѣмъ послѣдовавшей смерти Ибрахѣма*), званіе шейха суфіевъ перешло къ Изма'илу, онъ началъ вербовать себѣ приверженцевъ среди турецкихъ племенъ, окружавшихъ Ардебиль, равно какъ и въ другихъ мѣстностяхъ, съ которыми имѣлъ сно-

*) Такъ говорить *Malcolm, History of Persia, vol. I, London, 1815, стр. 499.* По *v. Hammer, „Geschichte des osmanischen Reiches“ II, 346.* Ибрахѣмъ въ 913 (1507) г. еще живъ, но всецѣло подчиненъ своему брату.

шенія его дервишскій орденъ. Когда онъ собралъ ихъ 7000, онъ отправился отомстить Ширванъ-Шаху за смерть отца и дѣда; онъ побѣдилъ и убилъ его (905=1499), завладѣлъ его столицей Шемахой, и получилъ такимъ образомъ крѣпкую опору для своихъ дальнѣйшихъ предпріятій. Въ послѣднихъ ему везло необыкновенно. Въ теченіе десятилѣтнихъ распрій между государями и знатію Бѣлыхъ Ягнятъ могущество ихъ, а прежде всего дисциплина ихъ войскъ все болѣе и болѣе падали. Напротивъ того Измаиль пользовался безусловнымъ повиновеніемъ среди своихъ войскъ. Ихъ называли въ насмѣшку Кизиль-башы «Красноголовые», такъ какъ чалмы ихъ, состоявшія изъ бѣлой матеріи, заложеной по числу двѣнадцати имамовъ въ двѣнадцать складокъ, имѣли красныя серединки; уже этотъ внѣшній знакъ, введенный еще Хайдеромъ, обличалъ въ нихъ шиитовъ, хотя и турецкаго происхожденія, и они слѣдовали за своимъ верховнымъ главою, справедливо-ли, нѣтъ-ли называвшимъ себя Алидомъ, съ тою слѣпою преданностію, какою всегда отличались тайные члены шиитскаго толка и дервиши въ отношеніи къ своимъ духовнымъ начальникамъ. Въ общемъ это былъ дикій народъ, напоминавшій также имѣвшихъ связь съ дервишами сербедаровъ (стр. 285), которые еще за полтора столѣтія до этого пытались выдвинуться въ качествѣ новаго государства. Хотя и не вѣрится тому, что говорятъ о нихъ ихъ суннитскіе противники, а именно, чтобы они послѣ побѣды поѣдали своихъ наиболѣе ненавистныхъ враговъ въ жареномъ или вареномъ видѣ, но все-же Кизиль-башей никакъ нельзя назвать пріятными малыми. За то они были прекрасные солдаты; такимъ образомъ вмѣстѣ съ ними и нѣсколькими отрядами Бѣлыхъ Ягнятъ, привлеченныхъ первыми побѣдами на его сторону, Измаиль побѣдилъ одного за другимъ обоихъ послѣднихъ внуковъ Узунъ Хасана (значитъ своихъ троюродныхъ братьевъ), Элвенда, у Нахичевани на Араксѣ (907=1501)—и Мурада, въ Мидіи у Хамадана (908=1502), завладѣлъ названными провинціями и устроилъ свою резиденцію въ Тебризѣ; онъ называлъ себя шахомъ (царемъ), а не просто шейхомъ суфіевъ Ардебиля, какъ дѣлали это его предки. Такимъ образомъ онъ положилъ основаніе новой династіи, династіи Сефевидовъ, какъ ее называютъ по прозвищу, или Суфіевъ по званію ея родоначальника, Сефиадъдина*).

*) Внѣшнее звуковое сходство этихъ именъ часто подавало поводъ смѣшивать ихъ или считать за одно и то-же. Но арабско-персидская форма для Сефевидовъ, сѣфеви, т. е. человекъ, принадлежатій къ этому роду и проеходящій отъ человека этого имени, не имѣетъ ничего общаго съ извѣстнымъ суфій (мистикъ, дервишъ; см. II, 82, здѣсь стр. 211), или Софи, часто встрѣчающимся въ рукописяхъ Запада.

Этой-то династїи, въ первый разъ со времени Сассанидовъ, т. е. почти что послѣ девятистоль лѣтъ, суждено было снова дать персидскому народу дѣйствительно прочное національное существованіе. На персидской землѣ правили: до 1135 (1722) г. сами Сефевиды, потомъ, послѣ злосчастнаго эпизода чужеземнаго владычества афгановъ, могущественный Надиръ Шáhъ, послѣ него—Зендиды и наконецъ еще теперь существующіе Каджары; хотя во времена сельджуковъ и монголовъ персидская народность не сохранилась въ своей чистотѣ, хотя особенно въ настоящее время въ Персіи живетъ масса турокъ, все же новое государственное цѣлое, въ противоположность государствамъ, основаннымъ до этого времени, отличается національнымъ персидскимъ характеромъ; если послѣдній не сказывается во всемъ своемъ объемѣ съ самаго начала, то во всякомъ случаѣ онъ замѣтенъ со времени Аббáса Великаго (995—1037—1586—1628), который гениальнымъ образомъ упрочилъ то, что было почти случайно и безъ всякаго плана начато его предкомъ Изма'иломъ. Въ своей учредительной и организаторской дѣятельности и тотъ и другой прибѣгали къ тому главному средству, безъ котораго, на Востокѣ по крайней мѣрѣ, невозможны никакія прочныя политическія формы, а именно: пользовались религіознымъ, а въ данномъ случаѣ вѣрнѣе конфессіональнымъ (вѣроисповѣднымъ) отличіемъ. Мы давно уже знаемъ, что персы (ср. стр. 4) лишены всякаго чувства политическаго единодушїя; вѣдь благодаря ихъ неспособности къ самостоятельному образованію государствъ и не могло образоваться одно цѣльное національное государство во времена Буидовъ и Саманидовъ. Сефевиды, а именно уже первый шáhъ Изма'иль, восполнили этотъ недостатокъ тѣмъ, что дали внутреннее единство и крѣпкую подпору всѣмъ, повинующимся ихъ власти, въ общемъ для всѣхъ, строго выдержанномъ вѣроисповѣданіи. Вѣдь персидскій духъ всегда былъ сродни шіитизму и былъ преданъ ему, но при арабскомъ и турецкомъ владычествѣ чиновничій кругъ долженъ былъ, по крайней мѣрѣ внѣшнимъ образомъ, исповѣдывать сунну, и хотя равнодушїе монголовъ къ религіознымъ вѣрованіямъ своихъ подданныхъ не мало способствовало распространенію шіитскаго ученія, все таки въ различныхъ провинціяхъ было слишкомъ много суннитовъ, чтобы могла идти рѣчь о сознаніи народа, какъ одного цѣлага, хотя-бы только въ религіозномъ отношеніи. Поэтому привязанность къ шіитизму не могла быть, вслѣдствіе указанной выше особенности персидскаго характера, единственной опорой для достиженія объединенія Сефевидами всѣхъ силъ, находившихся въ ихъ распоряженіи: ибо вначалѣ ихъ власти они не могли рассчитывать на персовъ, давно отвыкшихъ отъ войны, а предварительно должны были рассчитывать на красноголовыхъ турокъ.

Послѣдніе были шіиты, большинство персовъ—также: этимъ объясняется, что изъ царства Сефевидовъ образовалось національное государство, котораго языкъ и управление были персидскіе, а государственная религія—шіитизмъ.

Не слѣдуетъ однако думать, чтобы шахъ Измаиль, будучи государемъ Азербейджана и Мидіи и начавшій расширять свое новое царство, имѣлъ хотя-бы малѣйшее понятіе о чемъ-нибудь въ родѣ персидскаго національнаго государства. Это было понятіе, тогда еще не существовавшее, и что первый шахъ Сефевидовъ не руководился имъ, видно уже изъ того простаго обстоятельства, что послѣ побѣды надъ двоюродными братьями онъ направилъ свое оружіе сначала не на востокъ, въ чисто персидскій Хорасанъ, а противъ Зуль-гáди ровъ, владѣтелей Абудустейна, къ западу отъ Евфрата, которые правда оказали поддержку и помощь Мураду, спасавшемуся отъ Измаила, когда тотъ нѣсколько разъ пытался утвердиться въ Багдадѣ. Видно, что на первыхъ порахъ шахъ только и мечталъ о захватѣ царства и веденіи прежней политики Бѣлыхъ Ягнятъ; только то обстоятельство, что на западѣ они не могли бороться съ османами, побудило его потомковъ перенести центръ тяжести своего государства далѣе на востокъ и соответственно этому свою резиденцію на чисто-персидскую почву, свачала въ Казвинѣ, потомъ въ Испаханѣ. Самъ Измаиль воспользовался слѣдующими годами послѣ побѣдъ 907 и 908 (1501, 1502) года для завершения своего успѣха, а къ 914 (1508) г. ему дѣйствительно удалось распространить свою власть надъ владѣніями Узунъ Хасана отъ Кирмана до Эрзингана и Амида (Діаръ Бекръ), равно какъ надъ Багдадомъ. Скоро однако неожиданныя событія натолкнули его на новые пути, о характерѣ которыхъ мы уже упомянули: у Каспійскаго моря и въ Кирманѣ онъ сдѣлался сосѣдомъ узбековъ, а начальникъ ихъ, Мухаммедъ Шейбани (стр. 356) былъ вовсе не таковъ, чтобы оставлять его въ покоѣ. Хищническіе набѣги узбековъ многократно затрогивали въ особенности кирманскія владѣнія, а послы, черезъ которыхъ Измаиль требовалъ удовлетворенія, принесли рѣзкій, даже оскорбительный отвѣтъ. Къ тому же узнали, что Шейбани, который, какъ и всѣ узбеки, придерживался крайняго суннитизма, отправилъ пословъ въ Константинополь, къ турецкому султану Баязиду, съ которымъ Измаиль былъ уже довольно въ натянутыхъ отношеніяхъ изъ-за трудныхъ пограничныхъ вопросовъ: необходимо было торопиться, чтобы молодое царство не подверглось серьезной опасности быть защемленнымъ между этими двумя могущественными противниками. Между тѣмъ мы уже не разъ имѣли случай замѣтить, что рѣдко что-нибудь выходило изъ такихъ неудобныхъ сношеній слишкомъ далеко отстоя-

щихъ другъ отъ друга государствъ. Шахъ Изма'иль зато, напротивъ, выказывалъ много энергiи и проницательности: продолжая успокаивать узбекскаго хана на счетъ его безопасности путемъ дипломатическихъ переговоровъ, онъ уже осенью 916 (1510) г. успѣшно двигался къ Хорасану во главѣ своихъ Красноголовыхъ. Шейбани, никакъ не предвидѣвшій столь близкой войны, только что распустилъ бѣольшую часть своего войска на родину, а немногочисленные гарнизоны, которые имѣлись въ городахъ, не могли оказать большой помощи; такимъ образомъ онъ изъ Херата вернулся обратно въ Мервъ, чтобы собрать вокругъ себя остатки войскъ, находившіяся еще по близости, и въ то же время быстро призвать въ высшей степени необходимыя подкрѣпленія изъ Трансоксаніи. Однако если Сефевидъ не превосходилъ его въ талантѣ полководца, то, несмотря на все его татарское коварство, онъ былъ умнѣе его: онъ сумѣлъ такъ долго завлекать и раздражать Шейбани, что тотъ, увѣренный въ успѣхѣ и безъ ожидаемыхъ подкрѣпленій, пустился въ погоню за Кизиль-башемъ, который, повидимому, думалъ о бѣгствѣ. Когда Изма'иль завлекъ его далеко отъ города и на удобное мѣсто, то напалъ на него съ двухъ сторонъ: узбеки, хотя захваченные врасплохъ, бились съ бѣшеннымъ мужествомъ, но все же болѣе многочисленные, и въ то же время не менѣе храбрые солдаты, Красноголовые не только одержали побѣду, но что было гораздо важнѣе, окружили самого Шейбани, который попытался пробиться со своими, но былъ убитъ (29-го Ша'бана 916=1-го декабря 1510). Для Изма'ила это былъ большой успѣхъ, обезпечившій за нимъ и за его династіей прочное обладаніе Хорасаномъ; только благодаря этому, ихъ царство стало носить персидскій характеръ. Правда, страна постоянно была открыта для нападений и хищническихъ походовъ Узбековъ съ той стороны Оксуса, и, какъ извѣстно, въ послѣднія столѣтія одинъ округъ за другимъ медленно сдѣлались ихъ жертвами, а позднѣе жертвами ихъ соотечественниковъ, туркменовъ, жившихъ между Каспійскимъ и Аральскимъ морями; въ то же время съ другой стороны афганы завладѣли Хератомъ и его окрестностями. Такимъ образомъ теперь лишь, самая незначительная часть этой давно прославившейся провинціи Хорасана осталась въ рукахъ персовъ, и въ теченіе всѣхъ 370 лѣтъ, во время которыхъ они старались о ея защитѣ, главною заботою каждаго персидскаго правительства было отраженіе турецкаго наводненія, волны котораго постоянно набѣгали на пограничные холмы, подобно тому, какъ это дѣлаютъ теперь первыя волны русскаго моря. Но это владѣніе, безъ котораго царство не могло бы имѣть никакихъ сношеній между сѣверными и южными провинціями, раздѣленными большою пустынею (исключая дальняго окольнаго пути черезъ Мидію), имѣло такое значеніе, что дѣйствительно вознаграждало всякое напряженіе

силъ, равно какъ съ другой стороны прямо можно сказать, что побѣда Изма'ила надъ Шейбани собственно говоря рѣшила вопросъ о вступленіи въ жизнь ново-персидскаго государства.

Ближайшей работой шаха было всѣми возможными путями извлечь выгоды изъ этой побѣды. Если нельзя достаточно измѣрить, насколько выгодна была смерть такого энергичнаго и безпощаднаго врага, то все же вновь основанное имъ могущество Узбековъ на этотъ разъ пережило смерть его основателя: вѣдь въ моментъ пораженія при ханѣ было не все войско, а только малая часть его, огромное же большинство его воиновъ оставалось невредимымъ въ Трансоксаніи и Туркестанѣ и находилось подъ властью предводителей, подобныхъ сыну Шейбани, Мухаммеду Тимуру и его племяннику Убейдулла, изъ которыхъ послѣдній едва ли уступалъ въ энергіи своему умершему дядѣ. Къ тому же Изма'иль, у котораго было достаточно заботъ на западѣ, вовсе и не думалъ о томъ, чтобы дѣлать захваты у противоположной границы; у него было простое средство держать въ страхѣ этихъ противниковъ. Въ Кабулѣ сидѣлъ еще Тимуридъ Бабуръ II и внимательно высматривалъ удобный случай для того, чтобы перейти черезъ Хиндукушъ, наброситься на долину Оксуса и снова отбить у разбойниковъ-узбековъ свое отцовское наслѣдіе. Поэтому, тотчасъ по полученіи извѣстія о битвѣ при Мервѣ, онъ снаряжился въ путь, двинулся среди зимы черезъ горные проходы, занесенные снѣгомъ, на сѣверъ и расположился въ Кундузѣ, къ востоку отъ Балха (въ концѣ 916=въ началѣ 1511). Шахъ Изма'иль не преминулъ обезпечить за собою столь полезнаго союзника: съ обѣихъ сторонъ обмѣнялись дружественными посольствами, и хотя весной Сефевидъ и согласился на миръ съ Узбеками, которые, опасаясь нападенія съ обѣихъ сторонъ, держали себя довольно смирно, но это однако все-таки не помѣшало ему, послѣ блестящихъ успѣховъ Бабура въ Бадахшанѣ и Ферганѣ, подъ предлогомъ нарушенія узбекскими войсками договора, признать его недѣйствительнымъ и заключить формальный союзъ съ побѣдителемъ. Бабуръ получилъ въ свое распоряженіе вспомогательное персидское войско, и ему было обезпечено спокойное владѣніе всѣми захваченными у узбековъ провинціями; и въ то время, какъ Изма'иль возвращался съ остальнымъ войскомъ въ Азербейджанъ, гдѣ его присутствія требовалъ все увеличивающійся беспорядокъ сосѣдняго османскаго царства, Тимуриду дѣйствительно удалось совѣмъ изгнать общаго врага изъ Трансоксаніи и завладѣть Самаркандомъ и Бухарой, равно какъ по ту сторону Яксарта—Ташкентомъ (917=1511). Однако, какъ для него, такъ и для шаха радость продолжалась недолго.

Всякая вещь имѣетъ свою оборотную сторону, одну, если не нѣ-

сколько; такъ и возвышеніе шіитизма на степень государственной религіи на ряду со многими выгодами повлекло за собою и условія неблагоприятныя. Поднятое вездѣ Измаиломъ, чтобы придать большій вѣсъ своему дѣлу, преслѣдованіе суннитовъ, при которомъ какъ онъ, такъ и его кизиль-баши вели себя въ только что завоеванномъ Хорасанѣ крайне жестоко, должно было вызвать сильное озлобленіе вездѣ, гдѣ только симпатіи народа не были, какъ вообще говоря въ Персіи, на сторонѣ шіитскаго ученія. И такимъ образомъ любовь, которою пользовался Бабуръ среди осѣдлаго населенія Трансоксаніи въ качествѣ члена прежней царствующей династіи, равно какъ вслѣдствіе своихъ личныхъ качествъ, сразу перешла въ чувство, ей противоположное, когда онъ въ угоду своимъ союзникамъ сталъ одѣваться по персидски и такъ же одѣвалъ свою свиту, а въ особенности когда онъ перенялъ у шіитовъ ихъ чалму о двѣнадцать складкахъ; вѣдь трансоксанцы всегда были ревностными суннитами (ср. стр. 207) и съ явнымъ неудовольствіемъ смотрѣли на дѣйствія, которыя не могли не предвѣщать имъ начала религіознаго гоненія и у нихъ. Такимъ образомъ положеніе Бабура послѣ того, какъ онъ кромѣ того слишкомъ рано отозвалъ персидскія войска, было уже поколеблено прежде, чѣмъ узбеки, которые тѣмъ временемъ приводили въ Туркестанѣ въ порядокъ свои боевыя силы, начали противъ него враждебныя дѣйствія; когда же слѣдующею весною (918=1512) это случилось, достаточно было одного чувствительнаго удара, который нанесъ ему Убейдулла, чтобы тотчасъ же принудить Бабура къ отдачѣ Бухары и Самарканда. Правда, теперь сюда подоспѣлъ персидскій правитель Хорасана съ значительными военными силами: но онъ былъ столько же высококомфренъ и притомъ грубъ, сколько плохой полководецъ, поведеніе котораго повредило Бабуру больше, чѣмъ помогли ему вспомогательныя войска. Такимъ образомъ и рѣшительная битва противъ Убейдуллы была проиграна; перезъ погибъ съ большею частью своихъ спутниковъ, Бабуръ же, послѣ напрасной попытки оставить за собою, по крайней мѣрѣ, Кундузь, очутился въ 920 г. (1514) какъ разъ въ такомъ же положеніи, въ какомъ онъ былъ три года тому назадъ.

Такъ окончилась послѣдняя попытка изгнать узбековъ изъ Трансоксаніи и Ферганы. Съ этихъ поръ эти восточныя турки окончательно завладѣваютъ областями Бухары и Самарканда, равно какъ лежащими на правомъ берегу Яксарта (Сыр-Дарьи) Ташкентомъ и Ферганой, а съ 932 (1526) г. и къ югу отъ Оксуса Балхомъ и близъ лежащими округами, которые Бабуръ вынужденъ былъ оставить послѣ начала его индійскихъ походовъ. Перечисленіе ихъ владѣній на этомъ не заканчивается. Въ то время, какъ Бабуръ боролся еще за Трансоксанію, узбекскія толпища подъ предводительствомъ Илбаар-

са, внука родственнаго Абу-ль-Хейридамъ Ядгара, съ согласія сунитски-настроеннаго населенія Хорезма изгнали чиновниковъ, посаженныхъ туда персами послѣ битвы при Мервѣ (приблизительно 918=1512), и начали властвовать надъ страной, сначала имѣя резиденцію въ Ургенджѣ (стр. 233, прим. 2), и только гораздо позднѣе въ Хивѣ, отъ которой, какъ извѣстно, это государство получило свое названіе, подобно тому какъ другое государство, куда Убейдулла перенесъ свою резиденцію послѣ формальнаго принятія высочайшаго сана (939=1533), привыкли называть Бухарой. Верховные правители этихъ двухъ новыхъ земель также назывались ханами, какъ съ давнихъ поръ монгольско-татарскіе государи: поэтому-то оба эти государства называютъ просто «ханствами». Они были устроены по древнему образцу Чингизъ-Хана, къ потомкамъ котораго принадлежали какъ Абу-ль-Хейриды, такъ и Ядгариды: беки узбековъ выбирали хана изъ семьи основателя династїи, но не отдавая предпочтенія наслѣдникамъ по прямой линїи; власть его надъ своими подданными никогда не была безусловна, такъ какъ основывалась на добровольномъ признанїи. Устройство курилтая, т. е. собранія бековъ для рѣшенія наиболѣе важныхъ вопросовъ, даже Тимуръ сохранилъ въ цѣлости; но всецѣло подчинить вліяніе бековъ на свои племена волю хана удавалось только совсѣмъ особенно выдающимся личностямъ. Такою личностью былъ Шейбани, а позднѣе Убейдулла (939—946=1533—1539) и Абдулла II (991—1006=1533—1598), но подобныхъ правителей мы находимъ такъ же мало въ изобилии здѣсь, какъ вездѣ. Такимъ образомъ военныя способности узбековъ, которыя, повидимому, не ослабѣвали въ теченіе цѣлаго столѣтія, къ сожалѣнію даже слишкомъ часто тратятся на внутренніе раздоры; между обоими ханствами въ отношенїи другъ къ другу также не всегда господствуетъ доброе настроеніе. Поэтому, несмотря на всѣ военныя дарованія узбековъ, они въ концѣ концовъ никогда не могли играть значительной роли въ исторїи исламскихъ государствъ; представляя источникъ постоянныхъ мученій и вѣчныхъ опасеній для пограничныхъ персидскихъ провинцій, при случаѣ и для временныхъ владѣтелей Кабула и окрестностей, они то завоевываютъ, то теряютъ ту или другую полосу Хорасана и Джурджана, никогда не достигая полнаго обладанія обѣими областями. Позднѣе, къ концу 11 (17) вѣка, уменьшается и ихъ воинственность. Слѣдствіемъ этого было то, что въ 1165 (1751-2) г. афганы завладѣли округами Балха и Кундуза (къ югу отъ Оксеуса), которые и донныѣ находятся въ ихъ рукахъ; что еще раньше, приблизительно въ началѣ прошлаго вѣка, отъ ханства Бухары отдѣляется новое ханство Хокандъ (Коканъ или Фергана); что позднѣе этотъ процессъ раздроб-

ленія выразился образованіемъ другихъ мелкихъ государствъ, которыя, правда, отчасти находились подъ формальною верховною властью Бухары, напр. Уратюбе, Шехри-себзъ, Хисаръ — этотъ процессъ продолжается еще въ нынѣшнемъ столѣтіи. Династіи обоихъ государствъ также не остаются однѣ и тѣ-же. Шейбаниды или Абу-ль-Хейриды правятъ въ Бухарѣ до 1006 (1598) г., когда ихъ отстраняють Астраханцы, т. е. потомки астраханскихъ хановъ, также происходившихъ отъ Чингизъ-Хана (стр. 349), которые въ 961 (1554) г. были лишены русскими своей власти, позднѣе, около 975 (1567) г. поселились въ Бухарѣ подъ защитой Абу-ль-Хейридовъ, породнились съ государями страны и наконецъ заняли ихъ мѣсто. Астраханцы, могущество которыхъ уже по прошествіи одного столѣтія было окончательно поколеблено возрастающею непокорностью эмировъ и уменьшившеюся воинственностью войскъ, сохраняють свою номинальную власть, уступивъ дѣйствительную своимъ домоправителямъ, до 1214 (1799) г., когда ихъ замѣщаетъ Хайдеръ Ханъ, принадлежащій къ узбекскому племени мангутовъ, но по матери однако родственникъ древней царствующей династіи. Къ династіи послѣдняго принадлежатъ и нынѣшній представитель его, прозябающій въ Бухарѣ, также носящій названіе хана, но съ тѣхъ поръ, какъ сюда уже въ 1285 (1868) г. проникли русскіе, этотъ титулъ имѣетъ столь-же малое значеніе, какъ и титулъ его сосѣда въ Хивѣ и существуетъ только въ угоду англичанамъ для поддержанія дипломатической фикціи. Хивинскіе ханы также уже не потомки Ядгаридовъ: а именно, уже съ 1126 (1714) г. хивинскіе узбеки, которые находили, что государи ихъ забрали слишкомъ большую власть надъ ними, приняли слѣдующую оригинальную мѣру: въ названномъ году они устранили царствующую династію и на ея мѣсто сажали какого-нибудь Чингизида какой-нибудь другой вѣтви изъ Бухары или какого-либо другого мѣста; по своему усмотрѣнію они то назначали, то свергали его; такой ханъ получалъ жалованье и могъ свободно избрать себѣ мѣсто жительства, пользовался торжественнымъ почетомъ, между тѣмъ какъ управленіемъ занимался представитель знати, который по деликатности назывался и какъ «младшимъ братомъ» и долженъ былъ принадлежать къ числу родственниковъ опредѣленной знатной семьи. Однако въ концѣ концовъ одинъ изъ инаковъ, стоявшихъ у кормила правленія, пришелъ однажды къ заключенію (1219=1804), что кто несетъ тягость, тому должна принадлежать и честь; выгналъ хана, давъ ему большія деньги, и самъ принялъ ханскій титулъ. Не прошло и семидесяти лѣтъ послѣ этого (1287=1870), какъ восьмой преемникъ этого самодѣльнаго хана въ свою очередь получилъ «младшаго брата» въ образѣ извѣстнаго русскаго генерала, который такъ охотно готовъ былъ избавить среднеазиатскихъ

государей отъ всякихъ тягостныхъ обязанностей, и въ то же время снова присоединилъ, скажемъ, къ ханству Бухары—туркменовъ, живущихъ между Оксусомъ и Каспійскимъ моремъ, уже давно ускользнувшихъ изъ подъ верховной власти Бухары и отчасти Хивы. Не желая особенно входить въ разсмотрѣніе политическихъ вопросовъ, я все-таки считаю своимъ долгомъ положительно заявить, что поглощеніе ханствъ Россіей было истиннымъ счастьемъ для населенія всѣхъ этихъ странъ. Никогда и нигдѣ въ мірѣ не существовало болѣе негоднаго управленія, какъ въ этихъ ханствахъ. Произволъ государей и непокорность бековъ (или эмировъ, если называть ихъ болѣе почтительно), всегда склонныхъ къ самому разнообразному произволу, принесли едва ли не больше зла, нежели единственное средство, которое персидско-турецкое*) населеніе этихъ странъ нашло противъ такихъ недуговъ, а именно: всемогущая сила столь же фанатическаго, сколько необразованнаго духовенства,—у л е м о в ъ (стр. 230, прим.) и дервишей. Если суннитское духовенство въ Константинополѣ и Каирѣ, вообще говоря, не отличается особымъ свободомысліемъ и терпимостью, то сравнительно съ духовенствомъ Бухары и Хивы оно кажется состоящимъ изъ однихъ Спинозъ и Лессинговъ. Правовѣріе турецкихъ элементовъ, господствующихъ въ ханствахъ, благодаря недостатку собственно истиннаго ума, равно какъ ради противовѣса шиитизму ненавистныхъ персовъ, усилилось до безумнаго фанатизма, породило суевѣрное уваженіе къ духовенству, отъ котораго не могли уклониться и правящіе, и которое поэтому полагало извѣстныя, хотя и недостаточныя границы злоупотребленіямъ свѣтской власти. Зато повсюду господствующее внѣшнее благочестіе и неразумное исполненіе суннитскихъ религіозныхъ предписаній до такой степени проникаютъ въ гражданское общество и даже въ самыя нѣдра частной жизни отдѣльныхъ лицъ, что такое положеніе было-бы невыносимо, если-бы несчастнымъ не пришло на помощь лицемѣріе, заимствованное у персовъ и доведенное до истинной виртуозности. Со времени узбекскаго завоеванія едва-ли можетъ быть рѣчь о духовной жизни той самой Трансоксаніи, гдѣ нѣкогда поэзія и наука при Саманидахъ достигли своего высшаго расцвѣта; даже изученіе законовъ и традицій, какъ ни много кричатъ теперь, какъ и прежде, о «свѣтѣ Ислама», ученой Бухарѣ, уже въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ не удовлетворяетъ болѣе тѣмъ требованіямъ, которыя предъявляются обыкновенно на Западѣ; такимъ образомъ наиболѣе характерными чертами этого народа стали наружное благочестіе, соединенное съ глубокою нравственною порчею. Во

*) Ремесленники и торговцы еще и теперь въ Туркестанѣ персидскаго происхожденія, такъ называемые таджики.

всѣхъ своихъ турецкихъ разновидностяхъ исламъ нигдѣ еще не потерпѣлъ такого жалкаго банкротства, какъ здѣсь; нѣсколько десятковъ параграфовъ русскаго законодательства въ настоящее время принесли бы этимъ людямъ больше пользы, чѣмъ весь коранъ.

Если, оставивъ главныхъ восточныхъ противниковъ Новой Персїи, мы обратимъ свои взоры на ихъ западныхъ сосѣдей, то и тутъ мы найдемъ неблагопрїятныя условїя, обусловленныя традиціями прошедшаго и еще болѣе обостренныя самымъ способомъ Изма'ила основывать государства. Красноголовые шаха въ концѣ концовъ были изъ тѣхъ самыхъ турецкихъ племенъ, которыя подъ знаменемъ Бѣлыхъ Ягнятъ сражались при Узунъ Хасанѣ противъ османа Мухаммеда, а многократные походы противъ Зуль-Гадири товъ показали, что въ Тебризѣ никоимъ образомъ не желали окончательно отказаться отъ прежнихъ туркменскихъ владѣній. Съ другой стороны, сынъ султана Баязида, Селимъ, съ нѣкотораго времени намѣстникъ Трапезунта, въ 914 (1508) г. считъ время благопрїятнымъ для наладенїя на округъ Эрзинганъ, который принадлежалъ къ прежнимъ владѣніямъ Акъ-Коюнлу; очевидно, отношенїя были натянуты и легко могли привести къ разрыву, какъ только миролюбіе и добрая воля прекратились бы на одной сторонѣ. Сначала миролюбіе преобладало, такъ какъ шахъ, помня несчаствїе своего дѣда Узунъ Хасана, вовсе не жаждалъ войны съ обладателемъ столькихъ пушекъ, а Баязиду, челоувѣку старому и слабому, было довольно дѣла при плохомъ поведенїи своихъ сыновей и янычаръ. Во всякомъ случаѣ трудно было заблуждаться насчетъ продолжительности столь непрочныхъ отношенїй съ тѣхъ поръ, какъ шахъ Изма'иль, предпринявъ въ своей странѣ гоненїя противъ суннитовъ, присоединилъ къ различїю интересовъ той и другой стороны еще разногласїе принципиальнаго характера; и когда въ 918 (1512) г. Баязидъ былъ какъ разъ свергнутъ съ престола самымъ грубымъ, необузданнымъ и жестокимъ изъ своихъ сыновей, Селимомъ I*), Изма'иль нисколько не скрывалъ отъ себя, что въ скоромъ времени дѣло дойдетъ до войны съ новымъ султаномъ. Онъ не пренебрегъ ничѣмъ, чтобы заручиться могущественными союзниками: онъ вступилъ въ переговоры съ Венеціей и Египтомъ, но первая только что заключила довольно выгодный миръ съ Турціей, а мамлюки, какъ кажется, воспользовались предлогомъ религіозныхъ разногласїй, чтобы прикрыть имъ свое нежеланїе основательно и энергично нападать на османовъ. Хотя Изма'иль и остался такимъ образомъ одинъ, однако все же было совершенно въ порядкѣ вещей, что

*) См. Hertzberg, *Gesch. der Byz. und des osman. Reiches* (Allg. Gesch. in Einzeldarstellungen, № 80), стр. 666.

послѣ паденія Баязида онъ заключилъ союзъ съ братомъ и соперникомъ Селима, А х м е д о мъ, который до этого времени былъ намѣстникомъ Амазіи; но быстрота, съ которой тотъ потерпѣлъ поражение отъ янычаръ и былъ убитъ ими (919—1513), обманула надежду, возложенную и на него шахомъ. Съ тѣхъ поръ же, какъ Измаиль отказался признать Селима, война была неизбежна; такимъ образомъ сыновья Ахмеда и также спасавшійся бѣгствомъ братъ его, Мурадъ, были ласково приняты въ Тебризѣ, и кизиль-баши съ большимъ рвеніемъ принялись за приготовленія къ войнѣ, чтобы съ честью выйти изъ предстоящей борьбы. Въ это время въ Персію пришло извѣстіе, которое должно было увеличить нерасположеніе государя и его «Красноголовыхъ» къ суннитскимъ османамъ до самаго дикаго фанатизма: чтобы обезпечить предстоящій походъ противъ персовъ отъ возможныхъ возстаній (какое недавно было при Баязидѣ) ши'итовъ, которыхъ, особенно въ Малой Азіи, было довольно много, султанъ велѣлъ схватывать всѣхъ живущихъ въ его царствѣ—т. е. главнымъ образомъ именно въ Малой Азіи, такъ какъ въ Европѣ ихъ едва-ли нашлось бы много—ши'итовъ, личность которыхъ была предварительно установлена шпионами, большинству велѣлъ отсѣчь голову, а остальныхъ свергнуть на всю жизнь въ темницу. Жертвою этого кроваваго распоряженія пало сорокъ тысячъ человѣкъ отъ 7 до 70-лѣтняго возраста, по крайней мѣрѣ, столько стояло ихъ въ спискахъ; «если», замѣчаетъ одинъ льстецъ чудовищнаго Селима, «посланные для исполненія приговора изъ алчности (а именно, чтобы получить плату за большее число головъ) превзошли свои полномочія и казнили и невинныхъ, то да проститъ имъ это Богъ въ день судный»^{*)}). Этотъ звѣрскій поступокъ, которому не было подобнаго со временъ Тимура, навсегда уничтожилъ возможность мирныхъ отношеній между Турціей и Персіей: ожесточеніе, съ которымъ естественно велись войны, начавшіяся подобнымъ образомъ между обоими государствами, только еще болѣе обострило между суннитами и ши'итами ненависть, которая и безъ того, какъ всякая религіозная ненависть, достаточно склонна была къ ядовитости. Въ настоящее время ши'итъ также мало считаетъ суннита мусульманиномъ, какъ правовѣрно воспитанный католикъ протестанта христіаниномъ; но на Западѣ, исключая развѣ нѣкоторыхъ богословскихъ кружковъ и прекрасной Испаніи, въ общемъ это не исключаетъ извѣстной обоюдной терпимости, тогда какъ суннитъ на ши'итской почвѣ и ши'итъ на суннитской всегда становится предметомъ не только всеобщаго пренебреженія, но, гдѣ только это возможно, часто даже оскорбленія дѣломъ и жестокаго обращенія. Противоположность между

^{*)} v. H a m m e r, Geschichte des osmanischen Reiches, II, 639.

землями, лежащими къ востоку и къ западу отъ Тигра, уже со времени Хулагу назрѣла настолько, что онѣ готовы были совершенно раздѣлиться; но она увеличилась до непримиримой вражды, благодаря тому, что Изма'иль возвелъ догматъ Дюжинниковъ на степень государственной религіи и благодаря избіенію ш'итовъ Селимомъ.

Эта борьба между Персіей и Турціей, продолжающаяся теперь вотъ почти уже четыреста лѣтъ (я даю обѣимъ странамъ общепринятыя у насъ названія, хотя «Красноголовые» Изма'ила были такими же турками, какъ и османы)—эта борьба, теперь скрытая только благодаря безсилію обѣихъ партій, началась съ рѣшительной неудачи шаха. Правда, въ 919 (1513) г. онѣ двинулся на Малую Азію; но когда въ 920 (1514) г. Селимъ, походившій на Тимура не только по своей жестокости, но и по военнымъ талантамъ, подступилъ съ 140.000 челов., Изма'иль предпочелъ уклониться и завлечь врага по возможности какъ можно далѣе въ глубь Азіи, чтобы ослабить войско неудобствами перехода по пустыннымъ мѣстностямъ. Кизиль-баша приготовились къ бою лишь на равнинѣ «К а л д и р а н ѣ» *), чтобы защитить столицу царства: во даже фанатическая храбрость этого несравненнаго коннаго полка была побѣждена турецкой артиллеріей и огнестрѣльнымъ оружіемъ янычаръ (2-го Раджаба 920—23 авг. 1514). Селимъ получилъ удовлетвореніе: онѣ торжественно вѣхалъ въ главный городъ своего противника; но непокорность его янычаръ, которымъ вообще не нравилась война въ этой недоступной и вмѣстѣ съ тѣмъ не очень-то богатой странѣ, не позволила ему расположиться здѣсь по домашнему. Шахъ Изма'иль отдѣлался подбитымъ глазомъ и потерей Месопотаміи и западной Арменіи, которыя въ 921 (1515) г. были завоеваны и надолго заняты турками внизъ до Мосула. Въ слѣдующемъ году Селимъ, какъ мы знаемъ, направился противъ Сиріи и Египта; шахъ Изма'иль съ этой стороны могъ быть спокоенъ до самой своей смерти, которая положила предѣлъ его подвигамъ въ 930 (1524) г., когда ему было около сорока пяти лѣтъ.

Довольно трудно составить себѣ вѣрное понятіе о личности перваго Сефевіда. Персы боготворятъ его, не только какъ героя, но и какъ святого. Называть его святымъ по меньшей мѣрѣ странно, не столько вслѣдствіе его безпощадности въ отношеніи къ суннитамъ, сколько вслѣдствіе его странныхъ склонностей. Бросать живыхъ людей въ котлы съ кипящей водой, какъ онѣ это дѣлалъ, когда хотѣлъ примѣрно наказатъ разбойниковъ или мятежниковъ, кажется намъ недопустимымъ даже для святого, а четырнадцать членовъ царскихъ

*) Или, по другому выговору, Ч а л д и р а н ѣ, къ востоку отъ озера Урміи по направленію къ Тебризу.

сѣмѣйствъ, которые по вычисленію одного турецкаго историка*) заплатились головой, даютъ не малое понятіе о его насильственномъ образѣ дѣйствій. Однако дикость времени, въ которое онъ жилъ, извиняетъ многое, и ни въ какомъ случаѣ основателю персидскаго царства нельзя отказать въ умѣ и энергіи. Если хочешь вѣрно оцѣнить все его значеніе, то нужно вспомнить непрочность всѣхъ тѣхъ государственныхъ образованій, которыя до него создавались Черными и Бѣлыми Ягнятами изъ тѣхъ же туркменскихъ племенъ: только гениальный человѣкъ могъ создать изъ этихъ полукочевыхъ толпищъ наѣздниковъ и персидскихъ горожанъ и земледѣльцевъ дѣйствительное государство. Конечно, это было сдѣлано не сразу и не обошлось безъ того, чтобы какъ при немъ, такъ и послѣ него въ этомъ отношеніи не возникали вслѣдствіе характера его подданныхъ затрудненія, которыя отчасти заставляли призадуматься **). Прежде всего какъ ему, такъ еще больше его преемникамъ много тяжелыхъ заботъ доставляла необузданность турецкихъ племенъ. Классическое число семь, первоначальное число родовъ кизиль-башей впоследствии, когда сюда присоединились еще другіе изъ завоеванныхъ шахомъ провинцій, значительно увеличилось, и каждое изъ этихъ племенъ: Устаджлу, Афшаръ, Каджаръ и т. под. составляло одно замкнутое цѣлое и въ отношеніи къ другимъ чувствовало себя приблизительно такъ же, какъ арабскіе бедуины. Племенная зависть и кровавая месть между ними, составлявшими въ сущности главную опору новаго царства, и со времени Аббаса II, хотя и въ меньшей мѣрѣ, составляющими ее и до сихъ поръ, переполнили многія страны новѣйшей исторіи Персіи разказами о внутреннихъ неурядицахъ самаго серьезнаго характера; легко понять, насколько такіе зародыши раздора, довольно часто быстро разрастающіеся, увеличивали внѣшнюю опасность, грозившую отъ нападенія суннитскихъ турокъ съ востока и запада. Правда, общее шиитское вѣроисповѣданіе и ненависть къ суннитамъ, въ концѣ, концовъ, все объединили; но во времена, послѣдовавшія скоро послѣ смерти шаха Изма'ила, казалось, все готово было не разъ снова распасться на части. Сынъ умершаго, шахъ Тахмаспъ, согласно шиитскому престолонаслѣдію (см. I, 362, II, 312), вступившій на престоль, былъ еще несовершеннолѣтенъ, когда лишился отца***); но и будучи взрослымъ, онъ правда****) выказалъ себя человѣкомъ живого ума и образованнымъ, даже не лишеннымъ изобрѣ-

*) См. v. Hammer, *Gesch. des osmanischen Reiches*, II, 395.

***) См. Franz Teufel, *Schah Tahmasp I und seine Denkwürdigkeiten* (Ztschr. der Deutschen Morgenländ. Gesellschaft, Bd. 37), стр. 115.

****) По однимъ указаніямъ ему было 10, по другимъ 14 лѣтъ.

*****) Согласно характеристикѣ Teufel'я, указ. сочин. стр. 124 и слѣд.

тательности, иногда даже способнымъ сильно возвыситься, но онъ не проявлялъ той обдуманной, руководимой высшей точкой зрѣнія дѣятельности, какой требовало время. Не понимая, въ чемъ заключается главное несчастье страны и не отличаясь творчествомъ въ области мысли, онъ тратилъ свои силы на борьбу съ отдѣльными явленіями по мѣрѣ того, какъ они становились ему на пути. Такимъ образомъ во время его долгаго правленія (930—984=1524—1576) раздоры между Красноголовыми, которые отъ 931—933 (1524—1527) и въ 937 г. (1530—31) привели къ ожесточеннымъ междоусобнымъ войнамъ, а съ другой стороны опустошительныя пограничныя распри съ узбеками и жестокія пораженія отъ турокъ, которые въ 914 (1534) г. завоевали Багдадъ и Арменію до озера Вана и далѣе *), а въ 956 г. (1549) и 961 г. (1554) еще многократно опустошали Азербейджанъ и пробирались въ глубь этой страны—всѣ эти несчастія должны были подвергнуть царство серьезной опасности, такъ какъ едва ли оно могло встрѣтить ихъ надлежащимъ отпоромъ. Особенно чувствительна была потеря Багдада, не только потому, что это былъ старинный городъ халифовъ, а потому что вмѣстѣ съ нимъ въ руки турокъ достались въ то же время и главныя святыни шиитовъ — Неджефъ и Кербелá (стр. 14). Почти столь же священное мѣсто мученичества и мама Ризы (стр. 14) и гробница основателя династіи, шаха Сефїи въ Ардебилѣ, которая также дѣлалась все болѣе предметомъ всеобщаго поклоненія, все же не могли вполне замѣнить первыхъ, и конечно на завоеванной землѣ турки не позволяли никому изъ ненавистныхъ шиитовъ предаваться своему еретичеству. Несмотря на всѣ эти неудачи, Тахмаспъ до конца своей жизни (984=1576) не далъ еще царству распасться; но затѣмъ началась десятилѣтняя анархія, во время которой сыновья и внуки шаха спорили изъ-за престола, а настоящая власть перешла между тѣмъ къ начальникамъ племенъ кизиль-башей, которые въ отдѣльныхъ провинціяхъ отбывали гарнизонную службу. Сначала Устаджлу возвели на престолъ одного изъ сыновей Тахмаспа, Хайдера мирзу **) а Афшары—брата его, Измаила мирзу; первый былъ немедленно убитъ, а второй провозглашенъ въ Казвинѣ шахомъ подъ именемъ Измаила II (984—985=1576—1577). Онъ первымъ дѣломъ велѣлъ убить всѣхъ принцевъ царскаго дома, которые находились въ столицѣ, и разослалъ въ

*) Но не Тебризъ (Hertzberg, Gesch. der Byz. und des osmanischen Reiches, стр. 677); правда, во время всѣхъ трехъ войнъ османы заходили и дальше Тебриза, но, въ концѣ концовъ, занимались только земли вплоть до нынѣшней персидско-турецкой границы. Къ тому же столицею Сефевидовъ былъ уже болѣе не Тебризъ, а болѣе защищенный отъ нападенія враговъ Казвинъ.

**) О значеніи слова мирза см. стр. 343 прим.

области такія же приказанія. Но къ счастью ихъ не послушали, и этотъ во всѣхъ отношеніяхъ ужасный деспотъ умеръ уже на второй годъ своего царствованія; неизвѣстно, произошло ли это отъ злоупотребленія опиумомъ или отъ яда, даннаго ему какимъ-нибудь разумнымъ человѣкомъ. Теперь на престолъ возвели старшаго сына Тохмаспа, Мухаммеда мирзу съ прозвищемъ Худабенде *) (985—994=1577—1586); такъ какъ онъ былъ слѣпъ и неспособенъ править самостоятельно, то онъ передалъ управленіе сначала въ высшей степени способному визирю, мирзѣ Сулейману, потомъ, послѣ того, какъ онъ долженъ былъ принести его въ жертву дурному расположенію духа кизиль-башей, собственному сыну Хамзѣ мирзѣ. Но ни одному изъ нихъ не удалось водворить порядка: въ Хорасанѣ Устаджлу держали себя самостоятельно и въ 990 г. (1582) провозгласили шахомъ одного изъ младшихъ сыновей Мухаммеда, Аббаса мирзу, бывшаго до тѣхъ поръ ихъ правителемъ; въ Азербейджанѣ въ 992 (1584) г. возстали могущественные Таккалу; кромѣ того бывали набѣги узбековъ и турокъ, изъ которыхъ послѣдніе постепенно завладѣли всей Армেনіей и Азербейджаномъ; въ довершеніе несчастья, въ 994 г. (1586) былъ убитъ Хамза мирза, который только что воевалъ съ турками. Впрочемъ еще до этого Устаджлу вмѣстѣ съ своимъ претендентомъ сами направились на столицу; Мухаммедъ обратился въ бѣгство—до сихъ поръ еще достовѣрно не знаютъ, что было съ нимъ послѣ,—а въ первые дни слѣдующаго года Муршидъ Кули, начальникъ Устаджлу, вѣхалъ въ Казвинъ въ сопровожденіи назначеннаго имъ шаха Аббаса.

Аббасу I (995—1037=1586—1628) было въ то время лѣтъ 28**). Мы хорошо знаемъ его наружность: «Лицо его»—такъ описываютъ его—«было красиво и характерною его особенностью были рѣзко выступающій носъ и острый, пронизательный взглядъ. Онъ не имѣлъ бороды, а длинные усы. Ростомъ онъ былъ довольно малъ, но должно быть отличался замѣчательною силою и выносливостью, такъ какъ всю жизнь славился своей способностью переносить тягости войны и до послѣднихъ дней своей жизни предавался своему любимому удовольствію (это было любимымъ удовольствіемъ всѣхъ персидскихъ царей со временъ монголовъ) — охотѣ». Персидскій портретъ его, сохранившійся до сихъ поръ, соотвѣтствуетъ этому описанію; но было-бы очень ошибочно думать, что любезное выраженіе этого лица есть признакъ добродушнаго или даже добраго характера. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что правленіе Аббаса, продолжавшееся болѣе сорока

*) «Слуга Бога»; ср. стр. 277 прим. 1-ое.

***) По крайней мѣрѣ, если можно довѣрять указаніямъ Malcolm'a, History of Persia, I, 565).

лѣтъ, было не только самымъ блестящимъ, но и самымъ благотѣльнымъ изъ всѣхъ тѣхъ, какія существовали въ Персіи съ самаго начала монгольскаго времени: но для достиженія этого, главное для водворенія хоть какого-нибудь внутренняго порядка среди полной расшатанности, необходима была не только сильная, но прямо даже беспощадная воля. Ею то и обладалъ шахъ; и если мы будемъ слѣдить за ея проявленіями въ отдѣльныхъ случаяхъ, когда выказывалась столь противная намъ жестокость истиннаго перса *), то мы почувствуемъ желаніе дать болѣе чѣмъ неблагосклонный отзывъ о томъ, кто, повидимому столь несправедливо называется въ исторіи Великимъ. Но мы не должны забывать что въ данныхъ обстоятельствахъ, въ странѣ, одичавшей при монголахъ и туркахъ, среди непокорныхъ турецкихъ племенъ и персидскихъ горожанъ и земледѣльцевъ, отвыкшихъ отъ военнаго дѣла, только беспощадное и грозное правленіе могло возстановить нѣчто въ родѣ дѣйствительной государственности; кромѣ того одна вещь совершенно опредѣленно говоритъ въ пользу Аббаса: онъ прибѣгалъ къ жестокимъ мѣропріятіямъ и приговорамъ не изъ желанія избивать и мучить людей, а единственно изъ убѣжденія въ политической ихъ необходимости. Тѣ же ужасы, которые совершались его войсками во время войнъ съ турками и узбеками, иногда прямо по приказанію свыше, какъ нельзя болѣе ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что въ послѣднія столѣтія сдѣлалось на Востокѣ обыденнымъ явленіемъ; самый возмутительный изъ этихъ ужасовъ—избіеніе пойманныхъ въ Багдадѣ суннитовъ — было возмездіемъ за шіитскую рѣзню Селіма. Итакъ, если никому не придетъ въ голову отрицать, что Аббасъ Великій былъ истинный азіатскій деспотъ, то сейчасъ же надо прибавить, что онъ былъ одинъ изъ «просвѣщенныхъ» деспотовъ, которые обращались съ людьми, какъ съ ничего нестоющимъ матеріаломъ, не изъ пустого произвола, а ради великихъ цѣлей, и путемъ жертвы все-таки сравнительно небольшого числа дѣйствительно на долгое время обезпечили благо большинства. Онъ, безъ сомнѣнія, отличался политической пронизательностью и ясностью сужденія, которыя обуславливаютъ возможность пониманія государственныхъ нуждъ и средствъ къ ихъ удовлетворенію, и такимъ образомъ имѣлъ право насильственно требовать того, въ чемъ отказывали ему непокорность и мятежное себялюбіе правящихъ классовъ. Правда, счастье благопріятствовало ему; никогда не улыбалось оно ему въ большей степени, какъ въ самомъ началѣ его правленія, когда ему удалось опасное предпріятіе: устранить путемъ убійства того, кто думалъ сажать царей на престолъ, начальника Устаджлу Муршида Кули; этимъ поступкомъ онъ вы-

*) Ср. II, 171 и тамъ-же прим.

казалъ не столько свою благодарность, сколько пониманіе характера своей будущей власти. Выказавъ такимъ недвусмысленнымъ образомъ желаніе стоять на собственныхъ ногахъ, онъ тотчасъ же принялся разумно и энергично противождать тому главному злу, которое подтачивало силы Персіи. Съ турками онъ въ 998 г. (1590) заключилъ пока миръ, который оставлялъ за ними все сдѣланныя ими завоеванія; также противъ узбековъ, которые подъ предводительствомъ воинственнаго Абдуллы II (выше стр. 386) опустошили даже священный городъ Мешхедъ (стр. 14), онъ принялъ только самыя необходимыя мѣры для защиты—все это до тѣхъ поръ, пока необходимое переустройство его войска и государства заставляло его обращать вниманіе на задачи по внутреннему управленію. Онъ былъ всецѣло занятъ освобожденіемъ царства отъ тѣхъ оковъ, какія возложили на него турецкія племена и ихъ начальники. Малѣйшее, даже кажущееся предпочтеніе, оказанное одному изъ нихъ, тотчасъ возбуждало неудовольствіе другихъ, и раздоры и побоища, возникавшіе при малѣйшемъ поводѣ, никогда не позволяли вполнѣ рассчитывать на войска провинцій, которыя были ими заняты. Шахъ былъ настолько уменъ, что нашелъ самое дѣйствительное и простое средство, чтобы помочь горю: онъ объявилъ, что къ уже существующимъ товариществамъ кизиль-башей присоединится еще новое, во главѣ котораго будетъ стоять одинъ шахъ; примкнуть же къ нему позволяется безъ различія всѣмъ членамъ прежнихъ племенъ. Это новое товарищество, которое образовало теперь собственно ядро турецкаго элемента въ странѣ, было названо Ш а х ъ-С е в е н ъ «Товарищи шаха»; а такъ какъ привилегіи этихъ добровольцевъ естественно соотвѣтствовали этому лестному титулу, то понятно, что Красноголовые стекались со всѣхъ сторонъ. Число семействъ этого общества «товарищей шаха», какъ говорятъ, возросло подъ конецъ до ста тысячъ; съ этихъ поръ оно стало главной опорой сефевидской династіи и настолько увеличило власть шаха, что давало возможность обходиться отчасти безъ остальныхъ племенъ и увеличить ихъ покорность. На ряду съ товарищами шаха появилось еще учрежденіе другого рода, хотя и преслѣдовавшее тѣ-же цѣли. До сихъ поръ всѣ отряды, которые набирались изъ всѣхъ племенъ и простирались до 60.000 человекъ, управлялись и содержались своими начальниками, и шахъ не могъ назначить начальникомъ никого, кто не принадлежалъ къ соотвѣтствующему племени. Такимъ образомъ, военныя силы страны находились прежде всего въ рукахъ начальниковъ племенъ, и хотя новое товарищество «товарищей шаха» измѣняло это положеніе вещей въ пользу правительства, все-таки слѣдовало-бы еще инымъ образомъ создать войска, подчиненныя непосредственному управленію шаха. Для этого Аббасъ

уменьшилъ на половину количество людей, которое племена выставляли для военной службы; мѣсто остальныхъ заступили набранные солдаты, которые получали свое жалованье изъ государственной казны, а своихъ офицеровъ — отъ шаха. Теперь только онъ сдѣлался полнымъ господиномъ своей страны; и если опасность, угрожавшая повсюду на Востокѣ, да и нерѣдко и въ европейскихъ государствахъ, и заключающаяся въ томъ, что какой-нибудь намѣстникъ не находящейся подъ рукой у шаха провинціи выкажетъ въ своей резиденціи стремленіе къ самостоятельности, ни въ какомъ случаѣ не была совсѣмъ уничтожена, то все же и до теперешняго времени она не привела къ дѣйствительному распаденію персидскаго царства, и серьезныя послѣдствія дальнѣйшаго существованія отдѣльныхъ племенъ сказались лишь въ многократной смѣнѣ династій со временъ Сефевидовъ. Увѣренный въ своемъ войскѣ, котораго способность дѣйствовать была еще увеличена введеніемъ огнестрѣльнаго оружія, Аббасъ принялся за возстановленіе престижа своего государства извнѣ. Узбеки были основательно побиты при Хератѣ уже въ 1006 (1597) г., и ихъ держали въ такомъ страхѣ, что сѣверо-восточная граница пользовалась такою безопасностью, какой не привыкла видѣть уже десятки лѣтъ; а противъ турокъ шахъ, которому благоприятствовали внутреннія затрудненія и паденіе османскаго царства при Мухаммедѣ III и Ахмедѣ I, открылъ въ 1012 (1603) г. столь энергичныя поступательныя дѣйствія, что къ 1016 г. (1607) онъ вновь завоевалъ три области: Азербейджанъ, Ширванъ и Грузію. Но ликованіе народа не знало мѣры, когда въ 1032 г. (1623) достославные успѣхи великаго государя увѣнчались завоеваніемъ Багдада съ его святыми мѣстами, Неджефомъ и Кербелой; для насъ же блескъ этого военного подвига значительно затемняется рядомъ ужасающихъ жестокостей, совершенныхъ надъ несчастнымъ населеніемъ и достигшихъ своего верха въ избіеніи большинства суннитовъ въ самомъ Багдадѣ. Добрые персы и до сихъ поръ менѣе сентиментальны, чѣмъ мы, и во всякомъ случаѣ это строгое мѣропріятіе не повредило популярности, какой Аббасъ пользовался у своихъ подданныхъ тогда, какъ и поздѣе, и которая превышала даже популярность его предка Измаила. Его образъ, конечно окруженный и украшенный различнаго рода легендарными чертами, еще до сихъ поръ живетъ въ памяти персидскаго народа подобно тому, какъ среди народовъ, говорящихъ на арабскомъ языкѣ, живъ Харунъ аръ-Рашидъ (II, 171), и число анекдотовъ и остроумныхъ разсказовъ, въ которыхъ онъ, часто на ряду съ своимъ придворнымъ шутомъ, играетъ главную роль, безконечно велико. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ такая любовь случайна, нерѣдко, какъ напри- мѣръ относительно Іоанна Грознаго и мамлюкскаго султана Бейбарса,

это скорѣе выраженіе боязливаго почтенія, чѣмъ дѣйствительнаго расположенія; впрочемъ Аббасъ заслужилъ право на почетную память въ своемъ народѣ не только усмиреніемъ кизиль башей и своими военными успѣхами. Заботы даровитаго и умнаго государя были направлены не только на внѣшній порядокъ государственнаго управленія и на возстановленіе прежнихъ границъ, но въ равной степени и на оживленіе и поддержку болѣе глубоко лежащихъ стремленій къ духовному и матеріальному прогрессу и поднятію культурнаго состоянія мѣстами все-таки столь плодородной почвы Персія, которое со времени перваго нашествія монголовъ во многихъ мѣстахъ пало съ своей прежней высоты до полнаго запустѣнія. Постройкой дорогъ и мостовъ, базаровъ и каравансараявъ онъ особенно старался способствовать обмѣну продуктовъ между различными провинціями и развитію торговли съ другими странами; съ этою же цѣлью была проведена повидимому столь жестокая мѣра, согласно которой во время турецкой войны 1013 г. (1604) армянское населеніе лежащаго у Араса Дж у л ь ф ы заставили выселиться и поселиться около самаго И с п а х а н а, который между тѣмъ былъ сдѣланъ столицей, въ то время какъ жители Эривана, Нахичевани и другихъ мѣстъ персидско-турецкихъ пограничныхъ странъ были переведены въ сѣверную Мицію и Азербейджанъ. Ближайшею цѣлью этого было опустошить большую часть Арменіи и затруднить этимъ нападенія турокъ на персидскія владѣнія; но въ то же время, особенно для жителей Н о в о й - Дж у л ь ф ы, какъ называли тогда колонію около Испахана, было сдѣлано все возможное, чтобы ободрить промышленныхъ армянъ въ ихъ занятіяхъ ремеслами и торговлей и тѣмъ самымъ послужить на пользу обѣднѣвшей странѣ. Въ то время какъ Аббасъ старался такимъ образомъ увеличить собственныя хозяйственныя силы народа, онъ во внѣшней торговой политикѣ старался, по возможности, держаться вдали отъ превосходящихъ ихъ силою европейскихъ элементовъ, угрожающіе успѣхи которыхъ на почвѣ Индіи не укрылись отъ взгляда дальновиднаго повелителя. При входѣ въ Персидскій заливъ еще во времена паденія Акъ-Коюнлу и возникновенія могущества Сефевидовъ, когда еще не могло быть рѣчи о сильной государственной власти въ южной Персіи, португальцы въ 913 (1507) г. при великомъ А л ь ф о н с ѣ д е А л ь б у к е р к ѣ первые завладѣли островомъ О р м у з о м ъ*), уже въ теченіе многихъ столѣтій имѣвшимъ собственныхъ мелкихъ князей, но платившаго дань временнымъ государямъ Кирмана; позднѣе англичане, французы и голландцы заложили

*) Этотъ городъ, который прежде стоялъ на материкѣ, находился на островѣ только съ 700 (1301) г., когда парствующій въ то время шахъ Ормуза долженъ былъ бѣжать туда отъ войскъ ильхана Газана.

факторіи въ Гамрунѣ, лежащемъ противъ острова на самомъ материкѣ. Несмотря на начинавшееся паденіе португальскаго могущества, цвѣтущій Ормузь все еще былъ складочнымъ мѣстомъ перво-степенной важности, и Аббаса это безпокоило, какъ бѣльмо на глазу; поэтому онъ съ хитростью опытнаго дипломата, съ какой нелегко было бы тягаться европейцу, воспользовался завистливой конкуренціей англичанъ и португальцевъ, чтобы прогнать послѣднихъ изъ ихъ владѣній и разрушить этотъ богатый и важный для европейской торговли городъ (1031=1622). Однако, какъ одинъ прекрасный англійскій писатель *), не ослѣпленный національными предрасудками, съ справедливою горечью замѣтилъ, въ этомъ случаѣ близорукой эгоизмъ индійской компаніи только повредилъ ея собственнымъ интересамъ: Аббасъ, сумѣлъ такъ ловко сослаться на условія заключеннаго договора, что, въ концѣ концовъ, и англичанамъ ничего не оставалось, какъ смотрѣть на то, что собственная ихъ факторія въ Гамрунѣ, которую имъ не позволили укрѣпить, также постепенно погибала, такъ какъ мѣстныя судебныя мѣста относились къ нимъ недоброжелательно. Однако и Аббасъ въ этомъ случаѣ написалъ счетъ, не спросивъ хозяина. Персы не имѣютъ никакого понятія о морскомъ дѣлѣ и обо всемъ, что съ нимъ связано; шахъ, который торжественно переименовалъ Гамрунъ, долженствовавшій по его мнѣнію сдѣлаться средоточіемъ будущей заморской торговли, въ Бендерѣ Аббасъ, «Гавань Аббаса», долженъ былъ убѣдиться, что его подданные совершенно не обладаютъ силами заступити мѣсто европейцевъ. Изъ всѣхъ отраслей человѣческой дѣятельности, торговля всего чувствительнѣе ко всякому вмѣшательству власти внѣ ея стоящей, и не даромъ еще въ наше время все купечество охватываетъ смертельный страхъ, когда какое-нибудь доброжелательное правительство хочетъ помочь ему иначе, чѣмъ путемъ созданія новыхъ путей сообщенія, или же старается измѣнить условія его существованія изъ любви къ какому-нибудь прекрасному идеалу. Однако, несмотря на эту неудачу, дѣятельность Аббаса Великаго на пользу народнаго хозяйства все таки принесла его народу много добра; еще до сихъ поръ существуютъ нѣкоторые изъ построенныхъ имъ мостовъ и каравансараявъ, и способствуютъ тому, чтобы жалкіе пути сношенія теперешней Персіи не заглохли окончательно. Конечно, восточный государь, отличавшійся такимъ могуществомъ, не могъ ограничиться только такими общественными постройками: большая мечеть, зимній дворецъ «сорока колоннъ» (Чихель-Сутунъ), большой «четвертной садъ» (Чихаръ-Багъ, т. е. паркъ съ лѣтнимъ дворцомъ и т. д.) и множество

*) Malcolm, History of Persia, I, 547.

другихъ зданій, которыми онъ украсилъ свою резиденцію *Испаханъ*, хотя отчасти уже разрушились, и до сихъ поръ еще свидѣтельствуютъ объ эстетическомъ вкусѣ великаго шаха и любви его къ роскоши.

Воспользуемся послѣднимъ промежуткомъ спокойствія, который являетъ собою правленіе Аббаса I, для краткаго знакомства съ умственной жизнью, которая какъ разъ въ это время принимается въ Персіи направленіе, сохранившееся и до нашихъ дней. Мы уже замѣтили (выше, стр. 255), насколько монгольская эпоха съ ея уничтоженіемъ всякаго матеріальнаго благосостоянія повредила искусству и наукѣ, все еще не погибшимъ и при сельджукахъ. Конечно, персидскій умъ, пробужденный къ оживленной и творческой дѣятельности, не могъ погибнуть отъ перваго удара нахлынувшихъ волнъ вѣшнихъ бѣдствій. Среди бѣдствій анархіи, въ которую несчастная страна была снова повергнута ужаснымъ хозяйничаньемъ ильхановъ, величайшій персидскій лирикъ, *Шемъ адъ-динъ Мухаммедъ* изъ Шираза, извѣстный подъ именемъ *Хафиза*, сочинялъ въ своемъ тихомъ уединеніи безсмертныя пѣсни въ честь вина и любви, къ крайнему неудовольствію *Музафарида* шаха *Шуджи* (стр. 286), подъ властью котораго онъ жилъ и который изъ-за личныхъ недо-разумнѣй охотно привязался бы къ нему съ обвиненіемъ въ недостаточномъ правѣрїи. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что великій поэтъ умѣлъ сохранять извѣстное душевное равновѣсіе между мечтательностью суфизма и свѣтскими наклонностями, какъ и подобало сыну веселаго Шираза въ такое серьезное время. Съ тѣмъ прелестнымъ лицемѣриемъ, которое такъ не пристало теперешнимъ персамъ, *Ширазъ* объясняетъ своего *Хафиза* аллегорически и тамъ, гдѣ едва ли можетъ быть сомнѣніе на счетъ дѣйствительныхъ намѣреній поэта, который любитъ искать забвенія отъ горестей въ любви и винѣ *); мы же, среди которыхъ для примиренія поэтическихъ красотъ съ стро-

*) Какъ надо смотрѣть на стихи *Хафиза*—вопросъ спорный—*Barbier de Meynard* (*La poésie en Perse*, Paris, 1877, стр. 51) говоритъ: одаренный очень живымъ воображеніемъ и тонкимъ пониманіемъ природы и искусства, *Хафизъ*, если-бы родился въ Афинахъ или въ Римѣ, былъ бы соперникомъ *Анакреона* или *Тибулла*; но прекрасное ширазское небо благоприятствуетъ восторженной мечтательности, которою нашъ поэтъ пропитался съ дѣтства. Дѣйствительно—удивительная книга его сборникъ одъ безъ видимой связи, въ которыхъ поэтъ восхваляетъ то несказанные восторги *фенâ* (погруженіе въ экстазъ), то вино и любовь, въ выраженіяхъ всегда изящныхъ и приличныхъ, но лишенныхъ всякой символической окраски. Поверхностная критика думала объяснить эти противорѣчія, предполагая что экстазъ служилъ для него покровомъ, подъ которымъ онъ скрывалъ свою склонность къ разврату и свои чувственныя влеченія. Но такое обвиненіе въ лицемѣрїи кажется намъ столь же неосновательнымъ, какъ и теорія турецкихъ комментаторовъ, для которыхъ каждый стихъ *Хафиза* имѣетъ аллегорическое значеніе, понятное лишь для того, у кого ключъ къ ученію суфіевъ. *Ред.*

гой догматикой къ такимъ наивно-хитрымъ фокусамъ прибѣгаютъ развѣ только умные раввины всевозможныхъ вѣроисповѣданій въ защиту одной изъ наиболѣе удивительныхъ книгъ ветхаго завѣта, можемъ дать полный просторъ нашему восхищенію красотами очаровательныхъ стиховъ Хафиза. Но именно переливы неопредѣленной смѣси благочестія и жизнерадости, которые персъ находитъ у своего любимаго пѣвца, больше всего ему по нутру. Его соотечественники цѣнятъ въ немъ не только великаго поэта, но и неподдѣльнаго представителя національнаго характера; такимъ образомъ они наполняютъ свои рассказы и легенды множествомъ чертъ, въ которыхъ его индивидуальность совпадаетъ съ характеромъ его племени. Когда послѣ смерти Мансура, послѣдняго музаффариды, Ширазъ былъ взятъ Тимуромъ, по преданію *) послѣдній, который всегда любилъ заставлять людей жариться на своихъ собственныхъ угольяхъ, велѣлъ привести къ себѣ поэта и напалъ на него за одно стихотвореніе, въ которомъ поэтъ, понявшій въ буквальномъ смыслѣ свое дервишество, по крайней мѣрѣ, относительно бѣдности, даетъ своей возлюбленной нѣсколько невѣроятное увѣреніе: «За родимое пятнышко **) на твоей щекѣ я отдамъ Бухару и Самаркандъ». — «Я», сказалъ Завоеватель міра, остриемъ меча покорилъ и разрушилъ величайшія царства въ свѣтѣ для того чтобы умножить блескъ и количество народонаселенія царственныхъ городовъ моей родины, Бухары и Самарканда; ты же швыряешь ихъ обоихъ изъ-за родимаго пятна на щекѣ твоей возлюбленной!» — «Въ томъ и дѣло, о царь», возразилъ Хафизъ, «что, благодаря такой моей щедрости, я, какъ ты видишь, и впалъ въ мою тенерешнюю бѣдность!» Даже Тимуръ не могъ удержаться отъ улыбки и отпустилъ поэта съ богатыми подарками. Только на счастливой почвѣ Шираза не тяжеловѣсный и свѣжій умъ, такъ добродушно уживавшійся съ мечтательностью, могъ воплотиться въ перворазрядномъ поэтическомъ гени: и Хафизъ остался вѣренъ своему любимому Ширазу, когда Ахмедъ Ибнъ Увейсъ, кровожадный покровитель литературы въ Багдадѣ (стр. 309) хотѣлъ привлечь его къ своему двору блестящими предложеніями. Но все таки однажды, когда въ Ширазъ пришло приглашеніе даже изъ далекой Индіи отъ мухамме-

*) См. Sir Gore Ouseley „Biographical Notices of Persian Poets (London 1846), стр. 30. Сэръ Горъ (какъ и графъ Noer „Kaiser Akbar“, Leiden 1880, стр. 196) кажется, не замѣтилъ, что этотъ анекдотъ невѣрооятенъ; Хафизъ умеръ въ 791 или 792 (1389—1390) г., между тѣмъ, какъ Тимуръ убилъ Мансура и поселился въ Ширазѣ только въ 795 (1393) г. Каждый выдающійся человекъ, жившій въ исходѣ 8-го (14-го) вѣка, конечно, долженъ былъ имѣть личные сношенія съ великимъ „Завоевателемъ міра“; ср. 377, прим.

**) Его цѣнили у восточныхъ народовъ не менѣе, чѣмъ у насъ во времена рококо.

данскаго Деканскаго султана, Махмуда *Шаха Бахмани (780—799=1378—1397), сопровождаемое большими деньгами на путевыя издержки, то и Хафиза охватило желаніе повидать свѣтъ, и онъ отправился въ далекій путь. Но въ окрестностяхъ Лахора, которыхъ онъ уже достигъ, его ограбили разбойники; ему оставалось только радоваться, что два купца-соотечественника, нечаянно на него натолкнувшіеся, охотно согласились взять съ собою знаменитаго поэта обратно въ Персію. Когда они достигли Ормуза, то благодаря особенному счастью нашли въ тамошней гавани корабль, который принадлежалъ Махмуду и готовился къ отъѣзду въ Индію. Хафизъ отправился на корабль, но не успѣли еще снять якорей, какъ разразилась такая страшная буря, что поэтъ испугался. Какъ истый персь, и безъ того понимая все значеніе того факта, что вода — почва ненадежная, онъ снова сошелъ на берегъ и ограничился тѣмъ, что отправилъ съ кораблемъ прекрасное стихотвореніе своему индійскому покровителю, въ которомъ извинился за свое неоявленіе; въ немъ былъ между прочимъ слѣдующій стихъ:

«Весь міръ не можетъ вознаградить за одинъ часъ безпокойствъ и страданія; поэтому, продавая наше платье за вино, мы все таки еще въ выгодѣ». Написавъ это, онъ вернулся въ Ширазъ и поступалъ соотвѣтственно, пока не настало время серьезно совершить «таубэ» (стр. 15); тогда воспѣватель наслажденій сталъ принимать все болѣе и болѣе образъ суфійскаго мудреца. Онъ и умеръ таковымъ въ 791 году (1389) въ Ширазѣ, гдѣ и до сихъ поръ его гробница, на ряду съ могилой его предшественника Са'ади, служитъ предметомъ всеобщаго поклоненія. вмѣстѣ съ нимъ кончается собственно блестящій періодъ персидской поэзіи, хотя она доцвѣтаетъ еще долго и оставляетъ еще много хорошихъ памятниковъ. Но въ тяжелыя времена, когда монголы и татары разбили персидскій міръ на мелкіе кусочки, на первый планъ сравнительно съ нею все-таки выступаетъ забота о завтрашнемъ днѣ и потребность во время непрестанно смѣняющихся бѣдствій спасти все, что возможно спасти, хотя-бы только во внѣшней жизни. Умственное творчество, если оно не хотѣло только погибнуть отъ безпощадной дѣйствительности матеріальной нужды и всеобщаго равнодушія, также должно было примѣниться къ монгольству. Послѣднее же имѣло такое же малое отношеніе къ романтическому эпосу, какъ къ чувствительной и задушевной лирикѣ или мечтательному идеализму; факты — вотъ единственное, что признавали такіе люди, какъ Чингизъ-Ханъ, политика и военное искусство — вотъ науки, которыми стоитъ заниматься; описаніе великихъ событій, благодаря которымъ новые господа достигли верха своей славы и могущества, описанія, перемѣ-

шавныя съ различнаго рода лестью, которую въ отношеніи къ этимъ варварамъ трудно было сдѣлать слишкомъ грубою,—вотъ та литература, которая приходилась имъ по вкусу. Поэтому всѣ тѣ, кто подъ гнетомъ нужды или прирожденнаго низкопоклонства старались угодить вкусу завоевателей, набросились на исторіографію, классическій періодъ которой начинается какъ разъ тогда, когда поэзія умолкаетъ при звукѣ оружія. Среди тѣхъ картинъ, которыя она начинаетъ передъ нами развертывать, главное мѣсто принадлежитъ, конечно, выше всѣхъ стоящимъ образамъ Чингизъ-Хана и Тимура, жизнь и подвиги которыхъ нашли подробныхъ описателей - панегиристовъ въ лицѣ Ала адъ-дина Джувейніа и Шерефъ адъ-дина Аліа изъ Гезда, между тѣмъ какъ исторія Ильхановъ, отчасти начатая уже Джувейніемъ, поскольку она касается Тимуридовъ и монголовъ, въ общемъ изложена Абдуллою, по прозвищу Вассáfомъ, Рашидъ адъ-диномъ изъ Хамадана, Абдъ аръ-Раззакъомъ изъ Самарканда и другими. Всѣ эти люди получаютъ отъ монголовъ плату за свои писанія и поэтому часто самымъ безсовѣстнымъ образомъ стараются прикрывать ужасы татарскаго хозяйничанья или же даже говорятъ объ ихъ удивительныхъ преимуществахъ; но высокія должности, которыя многіе изъ нихъ занимали, ихъ близость по мѣсту и по времени къ происшествіямъ, которыя они должны были описывать, придаютъ необыкновенно большую цѣну матеріалу, содержащемуся въ ихъ историческихъ сочиненіяхъ. Ему же часто соотвѣтствуетъ и художественная форма разсказа, который течетъ плавно и отличается красотою оборотовъ; иногда, правда, они хватаютъ черезъ край, чтò для насъ невыносимо; какъ напримѣръ Вассáfъ, который прикрасами своей напыщенной риторики, имѣющей претензію на остроуміе, совершенно затемняетъ факты. Какъ разъ поэтому его книга считается на Востокѣ недосыгаемымъ образцомъ исторіографіи; къ счастью большинство лучшихъ историковъ не подражали его стилю, въ которомъ такъ много искусственнаго, что онъ почти непонятенъ. На ряду съ этими государственными историками нѣсколько позднѣе выступаютъ писатели всемірной исторіи, которые обыкновенно послѣдовательно повѣствуютъ о судьбахъ всѣхъ исламскихъ государствъ, причемъ предпосылается нѣсколько отдѣловъ о древнихъ пророкахъ, персидскихъ царяхъ и т. под.; классическіе представители ихъ—Миръ Хавендъ (болѣе извѣстенъ подъ сокращенной формой своего имени Мирхондъ) изъ Балха и его внукъ Хондемиръ, любимцы Тимурида Хусейнъ-и-Бейкары и его визиря Алі Шіра (стр. 355). Всемірная исторія дѣда до сихъ поръ самое распространенное и любимое историческое сочиненіе персовъ; однако и работа цѣнится очень высоко. Оба автора заслуживаютъ такого вос-

хищенія, особенно, какъ разсказчики: они разсказываютъ умѣло и любовно, умно, безъ напускной искусственности, и поэтому читать ихъ дѣйствительно въ высшей степени пріятно, хотя, правда, однообразіе основы и выполненіе оставляютъ желать не меньше, чѣмъ полнота и точность отдѣльныхъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ всевозможныхъ болѣе древнихъ историковъ. Несмотря на то, что они хорошіе стилисты и плохіе историки, все таки они необходимы намъ для научныхъ изслѣдованій, такъ какъ содержатъ въ себѣ многое, что иначе утеряно. Конечно, какъ разъ наоборотъ дѣло обстоитъ въ произведеніяхъ исторической литературы третьей категоріи—въ мемуарахъ, о важности которыхъ мы распространялись уже во время одного изъ предыдущихъ періодовъ (ср. стр. 210). Поскольку только что упомянутыя историческія сочиненія высшихъ сановниковъ касаются пережитаго ими лично, ихъ также можно отчасти отнести къ этой категоріи, и едва-ли можно точно разграничить ихъ; но на ряду съ изложеніями, подобными изложенію Джелаль адъ-дина Мингбурніа (стр. 221 прим. 2-е), секретаря Мухаммеда изъ Несеы, о паденіи Хорезмшаховъ и которыя можно поставить на ряду съ упомянутыми раньше дневниками Бейхакія (стр. 210) и другихъ, теперь выступаетъ совсѣмъ новый и въ высшей степени характерный родъ литературы — собственные разсказы татарскихъ и персидскихъ государей о ихъ дѣйствіяхъ и событіяхъ ихъ жизни, въ которыхъ попадаются иногда очень обширныя военно-политическія размышленія, постановленія и критика на самихъ себя. По своей формѣ не всѣ они написаны на персидскомъ языкѣ; Тимуриды, по крайней мѣрѣ, вначалѣ писали на своемъ родномъ восточно-турецкомъ діалектѣ, на джагатайскомъ, какъ обыкновенно называютъ этотъ языкъ по имени прежняго царства (выше, стр. 236, 295); однако джагатайская литература, и въ этомъ случаѣ и вообще по своему складу находится въ зависимости отъ персидской, между тѣмъ какъ самое содержаніе мемуаровъ, написаны ли они по-турецки или по-персидски, всегда касается ихъ татарскихъ авторовъ. Прежде всего это Тимуръ,—если только сохранившіеся подъ его именемъ памятники составлены не только въ его духѣ, но были занесены на бумагу подъ его диктовку (ср. стр. 292)—и его потомки, которые имѣли совершенно опредѣленную склонность къ подобнаго рода писательской дѣятельности. Какъ правнукъ сына Тимура Мираншаха, Бабуръ II, такъ и внукъ его Джаханъ-гиръ оставили записки; мемуары Бабура, на джагатайскомъ нарѣчій, написаны такъ умно и свидѣлствуютъ о такомъ знаніи людей, заключаютъ въ себѣ такую объективную самооцѣнку безъ всякой примѣси самохвальства, что ихъ можно считать однимъ изъ пре-

краснѣйшихъ произведеній всеобщей литературы вообще*). Однако не одна только эта семья находила удовольствіе въ томъ, чтобы самой описывать исторію своей дѣятельности; до насъ дошли персидскіе мемуары и отъ одного изъ потомковъ Чингизъ-хана, кашгарскаго принца и въ то-же время двоюроднаго брата Бабура, Хайдерамирзы Дуглата, который въ борьбѣ съ узбеками сражался не менѣе храбро, чѣмъ Бабуръ; точно также, благодаря сефевиду Тахмаспу I, у насъ есть личный отчетъ о бѣльшей части его правленія, по которому видно, что онъ стоялъ выше какъ писатель, чѣмъ какъ государь. Война и политика—вотъ тѣ явленія, которыя теперь и послѣ вплоть до паденія вновь основанныхъ монгольскихъ царствъ составляютъ предметъ литературы; только въ одномъ мѣстѣ еще одинъ разъ умѣвшій цѣнить болѣе тонкое образованіе Тимуридъ Хусейнъ-и-Бейкара изъ Херата, подобно Саманидамъ, Газневидамъ и Сельджукамъ, собралъ вокругъ себя придворныхъ поэтовъ, такъ что при дворѣ его раздавались прекрасныя отголоски древней персидской поэзіи. Хусейнъ былъ обязанъ славою послѣдняго великаго персидскаго Мецената прежде всего Миръ Али Ширю, умному и дѣятельному визирю султана. Миръ Али былъ татарскаго происхожденія, но проникнутъ персидскимъ духомъ: самъ онъ сочинялъ прославившіеся стихи и, согласно тогдашнимъ восточнымъ обычаямъ, писалъ подъ псевдонимомъ Миръ Неваи на джагатайскомъ языкѣ и Фенаи—на персидскомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ очень старался привлечь ко двору своего господина и другихъ поэтовъ, литераторовъ и ученыхъ, какіе тогда существовали. Успѣхъ былъ блестящій. Къ концу девятаго вѣка въ Хератѣ жилъ величайшій изъ позднѣйшихъ персидскихъ поэтовъ, Джами, который съ недостигаемой разносторонностью и творческимъ талантомъ умѣлъ соединить въ себѣ различныя направленія Низами, Хафиза, Са'ади и Джелалъ адъ-дина Руми (стр. 212); немногимъ уступалъ ему Хатифи, который кромѣ Дивана и романтическо-эпическихъ сочиненій, особенно прославился, какъ авторъ Тимуръ-намэ, эпическаго изложенія подвиговъ завоевателя міра

*) Такъ какъ эти мемуары сами по себѣ въ высшей степени интересны потому, что раскрываютъ передъ нами мысли и поступки необыкновенно выдающихся людей, то читателю, быть можетъ, будетъ пріятно познакомиться съ нѣкоторыми ихъ переводами. Я назову: *The Mulfuzat Timury, translated by Ch. Stewart, London, 1830, 4; Institutes Political and Military by Timour, transl. by Davy, ed. by White, Oxford, 1783, 4; Instituts politiques et militaires de Tamerlan, par L. Langlès, Paris, 1787, 8; Mémoires of Zehir-ed-din-Mohammed Baber, transl. by J. Leyden and W. Erskine, London, 1826, 6; Mémoires de Baber, trad. par A. Pavet de Courteille, 2 vol., Paris, 1871, 8; Memoirs of the Emperor Jahangueir, transl. by D. Price, London, 1829, 4.*

въ стилѣ Фирдуси. Къ этому же кружку принадлежалъ историкъ Хондеміръ, дѣдъ котораго Мирхондъ уже въ прежнія времена пользовался расположеніемъ Миръ Алі; наконецъ одинъ изъ наиболѣе разносторонне образованныхъ и ученыхъ писателей своего времени, Миръ Хусейнъ Вазъи Кашифи, перу котораго, помимо весьма цѣнной популярной этики, принадлежатъ переводъ и толкованіе корана на персидскомъ языкѣ (ср. стр. 19 прим.), равно какъ изящно-краснорѣчивая переработка индійскихъ сказокъ Калилы и Димны (II, 155). Литературно-историческая оцѣнка и обзоръ произведеній прежнихъ поэтовъ (при почти безконечномъ множествѣ ихъ уже тогда можно было опасаться невозможности обзрѣть ихъ) теперь интересовали знатоковъ въ большей степени, чѣмъ прежде, хотя начали интересоваться ими еще раньше: самый извѣстный изъ персидскихъ біографовъ-поэтовъ, Даулетшахъ, также пользовался благосклонностью султана. Но какъ ни велики были къ концу 9-го и 10-го вѣка плоды всѣхъ этихъ стремленій, въ скоромъ времени, вслѣдствіе принципиальнаго поворота персидскаго ума, они должны были отступить на задній планъ передъ новыми интересами.

И тутъ возвышеніе Сефевидовъ заканчиваетъ средневѣковое развитіе страны и кладетъ основаніе новой исторіи Персіи. Измаиль сдѣлалъ ши'итизмъ государственной религіей и началъ, а Аббасъ Великій послѣдовательно продолжалъ учреждать іерархію и настойчиво оказывать предпочтеніе обособленности ши'итскаго вѣроисповѣданія, выступавшаго, въ противовѣсъ туркамъ, все съ большимъ фанатизмомъ; благодаря этому прежнее легкое обращеніе съ догматами и нравственностью, неизбѣжное условіе существованія полу-жизнерадостной, полуиронически-скетической поэзіи лишается почвы подъ ногами въ такой же степени, какъ и благородная мечтательность суфійско-пантеистическихъ мыслителей, въ родѣ Джелалъ адъ-дина или Джамі. Суфизмъ, изъ котораго выросла новая династія, не имѣлъ ничего общаго съ этимъ мечтательно-глубокомысленнымъ фантазерствомъ; онъ интересовался практическими результатами, а слѣдовательно прежде всего твердыми опорами для устройства вновь основаннаго государства и церкви. Теперь въ первый разъ для богослововъ ши'итовъ стало доступно множество высшихъ и низшихъ священническихъ должностей и судейскихъ мѣстъ, и едва ли можно было получить столь большую внѣшнюю выгоду на какомъ нибудь другомъ научномъ поприщѣ, какъ въ собираніи и приведеніи въ порядокъ ши'итскихъ преданій: неудивительно поэтому, что въ особености послѣ Аббаса лучшія головы посвящали себя богословію и изученію права, а поэзіей и исторіографіей все болѣе пренебрегали. По нашему обзору ши'итскаго ученія (выше, стр. 10) мы уже знаемъ духъ и главные результаты этихъ

«научныхъ» работъ; онѣ не могли имѣть дѣйствительнаго значенія и претендовать на какую-либо оцѣнку внѣ узкихъ предѣловъ Персіи, такъ какъ все остроуміе и умъ цѣлыхъ поколѣній были направлены лишь на то, чтобы всевозможными способами до тонкости извратить простой смыслъ мухаммеданскаго ученія и текста корана или же незамѣтно уничтожить его путемъ искусственнаго аллегорическаго объясненія. Эта теологическо-юридическая литература дѣйствительно не можетъ замѣнить выдающихся произведеній поэтовъ и историковъ, какіе существовали даже во времена монголовъ; а жалкія подражанія имъ, которыя, сохраняя тѣ же внѣшнія формы, и до сихъ поръ существуютъ на ряду съ мнимой наукой мулль, и подавно не заслуживаютъ вниманія.

Это опять приводитъ насъ къ правленію Аббаса Великаго, съ которымъ мы разстались ужъ на слишкомъ продолжительное время, такъ какъ мы рассмотрѣли лишь одну сторону съ перваго взгляда, быть можетъ, загадочнаго явленія, заключающагося въ томъ, что какъ разъ вмѣстѣ съ основаніемъ національнаго государства—національнаго въ раньше (стр. 381) указанномъ смыслѣ—прекращается собственное, живое развитіе Персіи. Внѣшняя ея исторія отъ смерти Аббаса и до нашихъ дней почти исключительно исторія постояннаго паденія, а внутреннія движенія, которыя указывали бы на предстоящее перерожденіе, едва ли существуютъ. Опустошенія послѣднихъ столѣтій слишкомъ глубоко проникли и на эту почву, чтобы обусловить возможность поправить свое матеріальное положеніе въ короткое время, соответствующее одному поколѣнію; и въ то время, какъ послѣ смерти Аббаса отсутствовало всякое пониманіе необходимости продолжать его общепользныя предпріятія, сохраненіе внѣшняго спокойствія во время лучшихъ временъ Сефевидовъ позволило восточнымъ сосѣдямъ, поставленнымъ въ болѣе благопріятныя условія, воспользоваться превосходствомъ своего экономическаго положенія, сравнительно съ полуопустошенной, бѣдной капиталомъ страной, чтобы еще болѣе погубить ее. Уже въ 1677 г. одинъ опытный въ торговыхъ дѣлахъ европейскій путешественникъ *) отмѣчаетъ тотъ фактъ, что почти всѣ наличныя деньги были отобраны отъ Персіи, благодаря ростовщичеству индійскихъ купцовъ, которые въ это время вели свои дѣла повсюду, отъ Шираза и далеко вглубь узбекскихъ странъ; сношенія съ западомъ и сѣверо-востокомъ были отрѣзаны враждебными границами турокъ и узбековъ: такимъ образомъ не только ничто не способствовало новому экономическому поднятію страны, но прямо не было никакихъ условій

*) Voyages du chevalier Chardin, éd. Langlès Paris 1811, VI, 164.

для его существованія, иначе трудолюбіе и изобрѣтательность персовъ— это единогласное мнѣніе и новѣйшихъ знатоковъ страны и народа—сдѣлали бы его возможнымъ и теперь, несмотря на непрерывно продолжающійся упадокъ. То, что мы видимъ въ экономическомъ положеніи, то-же можно сказать и объ умственномъ. Такъ какъ Персія была до смерти утомлена всѣми тяжелыми испытаніями, то, конечно, никто не могъ и думать о какомъ нибудь смѣломъ отступленіи отъ ислама. Но если уже у суннитовъ изсякли жизненныя силы исламскихъ идей, то оффиціальнѣйшій ши'итизмъ съ своимъ голымъ отрицаніемъ (ср. стр. 8, и слѣд.) который былъ господствующею церковью, былъ прямо неспособенъ пробудить или хотя-бы воспринять въ себя новую духовную жизнь. Все носитъ отпечатокъ утомленія и непроизводительности; всякій радъ прислониться на время къ сухимъ палкамъ царской сефевидской государственной религіи, но зато не можетъ ожидать, что она снова пуститъ корни, дастъ почки, зазеленѣетъ и обратится въ дерево, подъ тѣнью котораго могли-бы укрыться на полѣ всѣ животныя, на вѣтвяхъ котораго птицы сидѣли бы подъ самымъ небомъ и которымъ питалось-бы все живущее. Поэтому, какъ ни цѣнны заслуги Аббаса для упроченія государственнаго строя, ни онъ, ни вообще кто-либо изъ азіатскихъ деспотовъ не могли достигнуть того, чтобы вызвать къ дѣйствительной жизни созданіе, уже съ момента рожденія старческое и неспособное ни къ какому развитію. При вышеописанныхъ условіяхъ это едва ли бы удалось даже въ томъ случаѣ, если-бы въ теченіе многихъ поколѣній онъ имѣлъ достойныхъ преемниковъ: но судьба Персіи была такова, что большинство позднѣйшихъ Сефевидовъ были одинаково негодны и какъ государи, и какъ люди.

Уже въ послѣдніе годы Аббаса Великаго не было недостатка въ дурныхъ предзнаменованіяхъ относительно будущности этой династіи. Недовѣріе, съ которымъ слишкомъ неограниченно правящій властелинъ долженъ взирать на свое окружающее, принимало все болѣе мрачныя очертанія въ душѣ старѣющаго государя: когда съ ужасомъ узнаешь, что онъ велѣлъ убить своего сына Сефи и Мирзу, старшаго изъ всѣхъ, и какъ по личнымъ качествамъ, такъ и по любви народной подававшаго большія надежды, а двухъ младшихъ велѣлъ ослѣпить, то почти хочется приписать это помраченію разсудка. Онъ до конца жизни не могъ избавиться отъ черныхъ мыслей по поводу того, въ чемъ онъ вѣроятно убѣдилъ себя, какъ въ политической необходимости; онъ привели его къ рѣшенію назначить себѣ преемникомъ сына убитаго, Самира Мирзу, имѣвшаго всего семнадцать лѣтъ отъ роду. Этотъ выборъ не принесъ счастья; Шахъ Сефи, какъ назывался юный принцъ со времени своего вступленія на престолъ (царств. 1037—1051=1628—1641), сталъ однимъ изъ самыхъ жесто-

кихъ тирановъ, какіе когда-либо существовали; и въ то время, какъ наиболѣе достойные люди пали жертвами его кровожадности и жестокости, онъ не могъ помѣшать турецкому султану Мурадѣ IV въ 1048 (1638) г. снова завоевать Багдадъ съ священными мѣстами и такимъ образомъ навсегда отнять ихъ у персидскаго царства. Въ теченіе болѣе двухсотъ лѣтъ шіиты совсѣмъ не могли совершать паломничествъ въ Мекку, а при посѣщеніи Кербелы и Неджефа подвергались многочисленнымъ притѣсненіямъ и обидамъ со стороны турокъ: только со времени правленія добродушнаго Абдъ-аль-Меджида (1839—1861) ихъ снова допускаютъ ѣздить въ Мекку. Въ этотъ промежутокъ времени они могли, правда, въ достаточной мѣрѣ назидаться и въ святилищахъ самой Персіи (стр. 13); а такъ какъ въ теченіе 11-го (17-го) вѣка сила и любовь турокъ къ дальнѣйшимъ захватамъ уменьшилась, то при сынѣ Сефи, Аббасѣ II, (1051—1077=1641—1666) и внукѣ его, Сефи II (или Сулейманѣ, какъ онъ назывался, сдѣлавшись шахомъ, 1077—1106=1666—1694), если не считать вѣчныхъ пограничныхъ войнъ съ узбеками, наступило довольно спокойное время, въ теченіе котораго государственныя учрежденія Аббаса Великаго достаточно поддерживали внутренній порядокъ, хотя оба названные шаха и жили исключительно гаремомъ и виномъ. Примѣру столь высокопоставленныхъ лицъ послѣдовали, конечно, придворные и народъ; упадокъ нравовъ сдѣлался всеобщимъ, и европейскіе путешественники этого времени рассказываютъ поистинѣ ужасающія исторіи, въ особенности о позорныхъ дѣяніяхъ дервишей, не знавшихъ болѣе никакого удержа. При преемникѣ Сулеймана (который между прочимъ велѣлъ казнить и одного изъ своихъ сыновей), при сынѣ его Хусейнѣ (1106—1135=1694—1722) упадокъ выказался и извнѣ. То сочувствіе, которое династія уже вслѣдствіе своего происхожденія питала къ суфизму, исчезло вмѣстѣ съ возрастающимъ тяготѣніемъ шаховъ къ официальной церкви—послѣдняя вѣдь всегда должна была встать въ разрѣзъ съ свободомыслящими стремленіями мистиковъ. Итакъ, шахъ Хусейнъ старался прежде всего быть благочестивымъ человѣкомъ: при его дворѣ вліятельную роль играли не визири или ханы (этотъ старый титулъ турецкихъ начальниковъ давали обыкновенно высшимъ офицерамъ), а господствовали муллы *), которые, благочестиво возводя очи къ небу, во множествѣ расхаживали по дворцу; и они-то, всей природѣ которыхъ противно было дервишество, подбивали неспособнаго властелина къ преслѣдованію всякаго суфійскаго духа, какъ ереси. Если принятыя къ тому мѣры вызывали неудоволь-

*) Мулла—народное прозвищеніе арабскаго маула „Господинъ“ и обыкновенный титулъ персидскаго и восточно-турецкаго духовенства (ср. выше, стр. 211).

ствіе въ собственно персидской части населенія, среди котораго дerviши имѣли наибольшее число приверженцевъ, то и турецкія войска были также недовольны уменьшеніемъ своего вліянія, вызваннымъ духовенствомъ: достаточно было одного сильнаго удара, чтобы уничтожить, повидимому, столь упроченную власть Сефевидовъ. Онъ былъ нанесенъ извнѣ, съ той стороны, которая съ этихъ поръ вообще стала всегда опасна персидскому царству. Со времени первыхъ войнъ между Узбекомъ Шейбани, Тимуридами и Сефевидомъ Изма'иломъ, область Кандахара, которая уже воспользовалась слабостью султана Хусейнъ-и-Бейкары для приобрѣтенія довольно большой самостоятельности (стр. 355), была не только предметомъ раздоровъ между персидскимъ шахомъ и вскорѣ затѣмъ возвысившимися Тимуридами Индіи, которые владѣли и Кабуломъ, но, благодаря любви къ раздорамъ живущаго по близости афганскаго населенія, источникомъ частыхъ затрудненій для того изъ обоихъ государствъ, къ числу провинцій котораго, исключая самой крѣпости, оно принадлежало большею частью только по имени. Во время правленія Хусейна городъ управлялся за шаха хорошимъ правителемъ, но въ 1121 (1709) г. Міръ Ва'изъ, лукавый начальникъ афганскаго племени гилзиэвъ*), тонко обманувъ неспособный испаханскій дворъ, достигъ вліятельнаго положенія, которое дало ему возможность, какъ-будто дружески, приблизиться къ персидскому правителю, а затѣмъ избить его вмѣстѣ со всѣми его окружающими на одномъ пиршествѣ. Прошло много времени, пока жалкій шахъ собрался съ силами отправить войска противъ дерзкаго мятежника; но до смерти Міра Ва'иза (1127=1715) персидскія войска потеряли нѣсколько пораженій, а въ 1129 г. (1717) его сынъ, человекъ невыдающійся, былъ изгнанъ своимъ двоюроднымъ братомъ Махмудомъ, который своей храбростью и беспощадностью, пожалуй, превосходилъ своего дядю. Соединивъ многочисленныя племена и принявъ начальство надъ ними, онъ напалъ на персидское царство, какъ разъ терпѣвшее нападенія отъ узбековъ, курдовъ турецкой пограничной полосы, даже арабскаго флотаимамата Маскатаго**), населеніе котораго въ 1058 (1648) г. изгнало португальцевъ и теперь стало самостоятельнымъ; кромѣ того, персидскому правительству именно теперь мѣшали безсовѣстныя интриги вліятельныхъ муллъ. Поэтому, когда въ 1135 (1722) г. персид-

*) Таково вѣрное произношеніе этого слова, которое пишутъ обыкновенно Ghilzi, но часто смѣшивается и съ названіемъ турецкихъ Халджъ (выше, стр. 202). Это—множественное число отъ единственнаго Гилзай.

**) Имамани называются владѣтели Омана, потому что они имѣютъ еще связь съ Карматами (II, 334; ср. 304 и сл.), владѣвшими восточнымъ арабійскимъ берегомъ въ 5 (11) вѣкѣ.

ское войско потерѣло пораженіе подъ Испаханомъ, то все было кончено. Хань, которыхъ не сдерживала крѣпкая воля, разсыпались вмѣстѣ со своими войсками по областямъ. Храбрые армяне Джульфы, несмотря на мужественное сопротивленіе, пали жертвою свирѣлости афгановъ. Послѣ этого шахъ не нашелъ ничего болѣе разумнаго и достойнаго, какъ позволить осадить себя въ Испаханѣ. Жители этой столицы издавна отличались бѣльшей словоохотливостью, нежели храбростью; теперь же шахъ не сумѣлъ воспользоваться даже ихъ отчаяньемъ для энергичнаго сопротивленія: городъ былъ заморенъ голодомъ, и 22 октября 1722 (11 Мухаррема 1135) послѣдній Сефевидъ долженъ былъ сдаться, причемъ онъ передалъ свою корону афганскому варвару.

Мы говоримъ послѣдній Сефевидъ, — такъ какъ если катастрофа, обусловленная больше слабостью и невѣроятною глупостью Хусейна и его муръ, чѣмъ могуществомъ афгановъ, еще не означала продолжительнаго паденія персидской самостоятельности, то для этой давно уже не управлявшей династїи дѣйствительно наступилъ конецъ. Капитуляція Хусейна, правда, спасла ему жизнь, но не избавила отъ смерти его дѣтей и другихъ родственниковъ: для того, чтобы обезопасить себя отъ грозныхъ соперниковъ, грубый афганъ велѣлъ убить всѣхъ ихъ уже въ 1137 (1725) г. Только одинъ изъ сыновей Хусейна, который еще раньше бѣжалъ изъ Испахана, могъ еще попытаться продолжить борьбу въ Мазандеранѣ: онъ внесенъ въ списокъ шаховъ рядомъ съ узурпаторомъ Махмудомъ, подъ именемъ Тахмасапа II, но никогда не могъ достигъ самостоятельнаго значенія. Государство было обязано своимъ спасеніемъ, какъ нѣкогда и своимъ основаніемъ, силѣ турецкихъ племенъ. Каджары, имѣвшіе свою стоянку на юго-востокѣ Каспійскаго моря, собрались вокругъ Тахмасапа, и съ такою же, повидимому, готовностью поступилъ на службу къ законному наслѣднику престола одинъ предводитель вольныхъ отрядовъ, который собственными силами началъ въ Хорасанѣ войну съ афганами и уже отнялъ у ненавистныхъ враговъ важную крѣпость Нишапуръ. Надиръ—такъ звали неожиданнаго помощника въ нуждѣ—еще до этого велъ жизнь далеко небезмятежную. Онъ родился въ Хорасанѣ въ 1100 (1688) г., происходилъ изъ племени афшаровъ (стр. 392) и, будучи еще мальчикомъ, былъ схваченъ рыскающими узбеками; позднѣе онъ бѣжалъ отъ нихъ, поступилъ на военную службу, но вскорѣ, благодаря своей необузданности, перешелъ за границы всего дозволеннаго. Выступая то въ качествѣ предводителя разбойниковъ, то въ качествѣ солдата, онъ снискалъ себѣ большую извѣстность своею громадною силою и военными способностями, когда полная перетасовка, вызванная афганской войной, дали ему настоя-

щее поле дѣятельности. Убивъ своего дядю, который стоялъ во главѣ части афшаровъ и управлялъ незначительной крѣпостью Хорасана, онъ самъ сдѣлался ихъ предводителемъ, и успѣхи его съ афганцами въ малыхъ войнахъ заставили Тахмаспа не пренебрегать помощью такого энергичнаго человѣка. Надиръ не заставилъ долго упрашивать себя. Онъ явился къ шаху съ 5000 человѣкъ (1139=1727); безпощадно вытѣснивъ начальника каджаровъ, онъ обезпечилъ единственно за собою благорасположеніе мнимаго государя, который надѣялся навсегда привязать его къ себѣ дарованіемъ ему титула Тахмаспа Кули Хана («Ханъ, слуга Тахмаспа»), между тѣмъ какъ слуга съ самаго начала только о томъ и помышлялъ, какъ бы какъ можно скорѣе сдѣлаться господиномъ. Теперь весь Хорасанъ былъ быстро завоеванъ: со всѣхъ сторонъ подъ знамена персидскихъ шиитовъ, теперь опять побѣдоносно поднятыя противъ афгановъ-суннитовъ, стекались новые военные отряды; въ 1141 (1729) г. Ашрафъ, сынъ умершаго въ 1137 (1725) отъ сумасшествія Махмуда, былъ разбитъ на голову у Дамегана, куда онъ придвинулся съ своимъ войскомъ на встрѣчу Надиру, и персидскія провинці одна за другою достались теперь на долю освободителя. Ашрафъ доставилъ своему ярому сопернику удовольствіе: на обратномъ пути онъ велѣлъ убить Хусейна, все еще жившаго въ плѣну; во время дальнѣйшаго бѣгства на родину отъ неугомимо преслѣдовавшаго его Надира, Ашрафъ погибъ въ столкновеніи съ одной разбойничьей шайкой Белуджей (1142=1730); народъ со всѣхъ концовъ набросился на разьединенныхъ афгановъ, грубость и жестокость которыхъ уже въ теченіе восьми лѣтъ приводила въ отчаянне всю Персію, и скоро и послѣдняя пядь отечественной земли была освобождена отъ иноземнаго владычества.

Блестящій успѣхъ былъ лишь началомъ военныхъ подвиговъ, которые скоро заставили говорить о Надирѣ не только на Востокѣ, но и на удивленномъ Западѣ, и которымъ не было равныхъ со времени Тимура. Сперва Надиръ или Тамасъ Кули, какъ его обыкновенно называютъ въ Европѣ, въ 1145 (1732) г. свергъ совершенно огорошеннаго Тахмаспа II, несовершеннолѣтній сынъ котораго, Аббасъ III, провозглашенный государемъ только для виду, умеръ уже въ 1149 (1736) г.; тогда Надиръ заставилъ знатныхъ страны—онъ всегда былъ комедіантомъ—упрашивать себя цѣлый мѣсяцъ, прежде чѣмъ согласился самъ надѣть на себя корону; и когда, наконецъ, онъ уступилъ настоятельнымъ мольбамъ своихъ, онъ сдѣлалъ это лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы всѣ они согласились отступить отъ шиитскаго вѣроисповѣданія и вмѣстѣ съ нимъ снова вернуться къ суннѣ. Это значило требовать многого; но освободитель отъ иноземнаго ига могъ рѣшиться на это. Онъ сдѣлалъ это, чтобы удалить пятно незаконности, которое

лежало на его власти, отторгнутой у сефевидскихъ Алидовъ (стр. 377), чтобы сломить могущество духовенства, слишкомъ усилившееся при шахѣ Хусейнѣ, и чтобы устранить главное препятствіе къ увеличенію своего царства путемъ присоединенія сосѣднихъ суннитскихъ афгановъ и узбековъ. Если бы это ему удалось, оно свидѣтельствовало бы о дальновидной политикѣ. Первое время, конечно, все преклонялось передъ могущественнымъ военачальникомъ; слабое сопротивление муллъ было подавлено самымъ безошаднымъ образомъ; войска, одушевленные недавними успѣхами, приняли новаго шаха съ восторгомъ, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ казалось, что не только уничтожится послѣдній слѣдъ сефевидскаго владычества, но впервые съ незапамятныхъ временъ Персія сдѣлается снова центромъ большого передне азіатскаго царства. Уже въ 1143 г. (1730) Надиръ прогналъ турокъ, которые воспользовались всеобщимъ смятеніемъ послѣ вторженія афгановъ для новыхъ завоеваній въ Азербейджанѣ и Мидіи; онъ ихъ прогналъ, по крайней мѣрѣ, изъ этой послѣдней области; въ 1146 (1733) г. онъ возобновилъ войну, которая хотя и велась съ попере-мѣннымъ счастьемъ, все таки имѣла послѣдствіемъ постепенное отодвиганіе границы на западъ, а послѣ нѣсколькихъ походовъ въ 1158 (1745) г. привела къ восстановленію прежнихъ границъ, причемъ Эриванъ осталась за персами, а Багдадъ за турками. Но тѣмъ временемъ еще гораздо большія предпріятія ведутся на востокъ. 1151-й (1738) годъ ознаменовался сдачей Кандахара и подчиненіемъ афгановъ. Они принуждены были поступать на службу въ войска своего побѣдителя, и скоро они стали принадлежать къ числу самыхъ надежныхъ войскъ великаго полководца, который лучше всѣхъ ихъ собственныхъ начальниковъ умѣлъ доставлять имъ побѣду и добычу. Еще въ томъ же году узбеки были встрѣчены и побиты на той сторонѣ Оксуса, а потомъ предпринятъ былъ большой походъ черезъ Кабуль въ Индію, государь которой, Тимуридъ Мухаммедъ, хотя и носилъ, послѣ окончательнаго распадѣнія царства, гордый титулъ падишаха (стр. 241 прим. 1-ое) Индостана только по имени, осмѣлился защищать афганскихъ бѣглецовъ отъ гнѣва персидскаго шаха. При Карналѣ на Джумнѣ, къ сѣверу отъ Дихли (Дели) Надиръ одержалъ большую побѣду (въ концѣ 1151 г.—1739 г.): слабый Мухаммедъ сдался ему самъ и сдалъ свою столицу. Несмотря на это, сдавшаяся столица въ наказаніе за мятежъ (вѣроятно, весьма обрадовавшій завоевателей) была отдана на избиеніе и разграбленіе. Заключивъ мирный договоръ, по которому Индъ былъ принятъ за границу его владѣній, шахъ съ неизмѣримыми сокровищами вернулся на родину, а уже черезъ годъ послѣ этого мы снова находимъ его у Оксуса, гдѣ онъ долженъ былъ отомстить за новыя нападенія узбековъ на Хорасанъ. Бухарскій

ханъ подчинился добровольно, а Хива не могла противостоять нападению: такимъ образомъ Надиръ властвовалъ надъ царствомъ, которое простиралось отъ Яксарта и Инда до Евфрата. Но моментъ наибольшаго успѣха обусловилъ и поворотъ къ худшему. Въ 1154 г. (1741), во время похода на Кавказъ для наказанія непокорныхъ лезгинъ, Надиръ былъ раненъ пулей одного заговорщика; правда, онъ отдѣлался легкой раной, но съ тѣхъ поръ онъ сталъ до такой степени подозрителенъ, что напоминанья Аббаса, который изъ-за подозрительности натворилъ ужасы. Надиръ сталъ подозрѣвать, что сынъ его Риза Кули, храбрости котораго онъ былъ обязанъ многими своими успѣхами, зналъ о заговорѣ: онъ былъ ослѣпленъ, и съ тѣхъ поръ всякій, кто имѣлъ несчастье такъ или иначе возбудить подозрѣнїе прежняго народнаго героя, обратившагося въ мрачнаго деспота, могъ быть увѣренъ въ своей гибели. Теперь онъ ненавидѣлъ все персидское, такъ какъ онъ подозрѣвалъ въ каждомъ привязанности къ отмѣненному шиитскому ученію, въ связи съ которымъ онъ объяснялъ себѣ и покушеніе на свою жизнь. Его кровавыя преслѣдованія всѣхъ тѣхъ, которыхъ образъ мыслей казался ему сомнительнымъ, доходили прямо до безумія. Скоро дошло до того, что онъ, который нѣкогда освободилъ свое отечество отъ афгановъ и узбековъ, могъ держать своихъ персовъ въ страхѣ только при помощи афганскихъ и узбекскихъ войскъ, и любовь и поклоненіе его подданныхъ обратились въ ненависть и страхъ. Наконецъ, и главные отряды персидскаго войска не могли болѣе выносить его: начальники его собственнаго племени, афшаровъ, составили противъ него заговоръ, и въ 1160 г. (1747) напали на него и убили его.

Такъ покончилъ свое существованіе послѣдній выдающійся государь, пытавшійся еще разъ вырвать Персію отъ гибели и поднять ее на извѣстную высоту. Хотя шáhъ Надиръ въ лучшее свое время и былъ безпощаденъ и ничѣмъ не стѣснялся, но онъ былъ не только героемъ въ битвѣ, но и человекомъ выдающагося и дальновиднаго ума, который отлично понималъ несовершенства религіи, управления и экономическаго положенія своего персидскаго царства. Говорятъ, онъ хотѣлъ основать новую религію; но достовѣрно то, что онъ усердно старался снова оживить персидскую торговлю, и хотя онъ это и сдѣлалъ страннымъ образомъ, все же его неудавшаяся, какъ Аббасу, попытка основать флотъ свидѣтельствуетъ о вѣрномъ пониманіи вещей. Можно удивляться его большому уму, который могъ въ нѣсколько лѣтъ все это измыслить и выполнить: несчастье Персіи повергло этого замѣчательнаго человека сначала въ духовный мракъ, потомъ довело до безславной смерти, а послѣ него не было больше никого, кто могъ бы внести свѣжій духъ въ жалкую рутину неумѣлаго и безчестнаго

правления, въ войско, становившееся все менѣе годнымъ, или же въ пустую церковность окостенѣвшаго ши'итизма. Все, что создалъ великій государь, немедленно распалось: предводитель его афгановъ, Ахмедъ Хъанъ, возвратился въ свои горы, чтобы основать тамъ самостоятельную династію, смѣняющіеся преемники которой и до сихъ поръ все такъ-же стараются урывать отъ восточной провинціи Персіи одинъ клочекъ за другимъ. Узбеки и туркмены на сѣверѣ, пока Россія не могла препятствовать этому, не переставали опустошать Хорасанъ своими хищническими набѣгами. На западѣ армянскія пограничныя области сейчасъ же снова переходятъ къ туркамъ, а позднѣе (1827 г.) сѣверный Азербейджанъ достается русскимъ. Въ то-же время и внутреннее состояніе государства находилось въ самомъ печальномъ положеніи. Конечно, въ противовѣсъ притѣсненіямъ ши'итскаго духовенства, равно какъ въ противовѣсъ безусловному деспотизму правительства немедленно послѣдовала реакція, которая привела все къ противоположной крайности. Вліяніе духовенства съ тѣхъ поръ только усилилось и еще до сихъ поръ во многихъ случаяхъ тормазитъ дѣятельность свѣтскаго суда; а разногласія между племенами сказываются съ новою силою. Послѣ тринадцатилѣтней анархіи, во время которой спорили между собою за власть сначала племянники и внуки Надиръ Шаха, а потомъ начальники различныхъ племенъ, какъ то: бахті-йріевъ, каджаровъ, зендовъ, афшаровъ, начальнику зендовъ, Керимъ-Хъану, удалось наконецъ въ 1174 (1760) г. устранивъ всѣхъ соперниковъ и до самой смерти (1193 = 1779) править такъ, что хотя его правленіе и не отличалось вѣдшимъ блескомъ, то все же представляло еще разъ новую эру въ смыслѣ справедливости и человѣчности властелина: но едва закрылъ онъ глаза, какъ между его родственниками начались раздоры, которые довольно скоро злополучно перепутались съ возстаніемъ племени каджаровъ, находившихся въ Астерабадѣ и его окрестностяхъ подъ предводительствомъ Ага Мухаммеда. Прошло еще тринадцать лѣтъ въ междуособной войнѣ, пока Ага Мухаммедъ не принудилъ къ сдачѣ послѣдняго зенда, Лутфа Али Хъана, юношу необыкновенно храбраго и отличавшагося самыми привлекательными личными качествами (1206 = 1792). Ага Мухаммеду помогла въ этомъ измѣна одного визиря города Ши-раза, который служилъ резиденціей семьѣ Лутфъ-Али; три года спустя (1209 = 1795) послѣ неутомимой и достойной удивленія защиты, Лутфъ Али, которому было всего двадцать пять лѣтъ, былъ взятъ въ плѣнъ, опять таки благодаря низкой измѣнѣ, и противникъ его, одинъ изъ самыхъ подлыхъ и кровожадныхъ негодяевъ *) въ всемірной исторіи,

*) Чтобы не быть несправедливымъ, я однако долженъ замѣтить, что Ага Мухаммедъ имѣлъ право ненавидѣть человѣчество: когда онъ еще былъ ребенкомъ

сначала несказанно мучилъ его, а потомъ убилъ. Такимъ образомъ для несчастнаго народа исчезъ послѣдній лучъ надежды. Правда, что преемники Ага Мухаммеда изъ кадjarской династїи, его племянникъ Ф а т х ъ А л и Ш а х ъ (1212—1249=1798—1833), внукъ его М у х а м м е д ъ Ш а х ъ (1249—1264=1834—1848) и сынъ этого послѣдняго, нынѣ царствующій Н а с и р ъ а д ѣ - д и н ъ, вели себя не слишкомъ непростительно для восточныхъ деспотовъ; но это — неспособная династїя, которая въ трудныхъ вопросахъ, касающихся общаго объединенія страны и расшатанности финансовъ и войска и угрожающаго вмѣшательства западнаго влїянїя, оказывается еще болѣе безпомощной, чѣмъ ея смертельные враги и все-таки товарищи по несчастью, суннитскіе султаны Константинополя.

Къ концу тридцатыхъ годовъ нашего столѣтїя заставилъ говорить о себѣ одинъ еще молодой человекъ изъ Шираза, по имени А л и М у х а м м е д ъ, который возбуждалъ всеобщее удивленіе, какъ своимъ необыкновеннымъ благочестїемъ, такъ и примѣрною жизнью. Скоро стало извѣстно, что онъ ищетъ и нашелъ новый смыслъ въ словахъ корана и преданїяхъ, что онъ именуется себѣ Б а б ъ, «Ворота», такъ какъ благодаря своему ученію онъ представляетъ собою ворота къ истинному богопознанію. Это ученіе, которое мы узнали позже изъ писанїй Баба, отличается характеромъ возобновленнаго пантеистическаго суфизма съ особой окраской, которую считали гностическою, но которая не чужда и коммунистическаго элемента: мы помнимъ, какъ въ прежніе вѣка на персидской почвѣ крайнія шиитскія движенія, которыя поднимались противъ сухой требовательности аравійскаго ислама, сопровождались совсѣмъ подобными явленїями (ср. II, 183, 195): тѣ же направленїя совсѣмъ такъ-же, еще нѣсколькими столѣтїями раньше во времена Сассанидовъ угрожали погибелью заплѣсневѣвшему магизму. Почти невозможно отрицать внутреннюю связь между всѣми этими направленїями. Но какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ Бабъ оффиціально лицемѣрию шиитской церкви, положенїямъ которой, какъ ни опасно явно высказывать сомнѣнїя въ нихъ, теперь никто болѣе не вѣрять, противопоставилъ столь же искреннее, сколько сумасбродное благочестїе, которое во всѣхъ частяхъ страны распространяли ревностные миссіонеры, но которое нашло особенно много приверженцевъ среди населенїя Табаристана и Мазандерана (ср: II, 185, 238). Духовенство вопило отъ негодованїя; послѣ довольно долгаго отлыниванья правительство съ обычнымъ ему неумѣнїемъ вмѣшалось; дѣло дошло до возстанїй, которыя еще усилились, благодаря восшествію на престолъ новаго государя въ 1264 (1848) г. и казни Баба

однѣмъ изъ родственниковъ Надира Шаха, спорившїмъ изъ-за его наслѣдства, сдѣлалъ его евнухомъ, чтобы подкосить влїянїе могущественныхъ кадjarовъ.

через разстрѣляніе въ 1265 (1849) г.; и только по пролитіи потоковъ крови въ 1268 г. (1852) удалось водворить внѣшнее спокойствіе. Но знатоки страны увѣряютъ, что возвышенное поведеніе Баба и многочисленныхъ другихъ мучениковъ, павшихъ жертвою его дѣла, только увеличили число его тайныхъ приверженцевъ, и что намъ придется въ будущемъ услышать что-нибудь неожиданное отъ персовъ, которые имѣютъ гораздо болѣе живой умъ, чѣмъ другіе восточные народы, и слишкомъ ужъ долго скованы мертвымъ формализмомъ. Было-бы слишкомъ хорошо, если-бы можно было надѣяться, что нація, давшая въ наукѣ и поэзіи больше, чѣмъ какая-нибудь другая изъ восточныхъ націй—и это несмотря на вѣковой насильственный гнетъ—какимъ-нибудь образомъ будетъ спасена для новѣйшей цивилизаціи: но Аллахъ вѣдаетъ это лучше.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Великій Моголь.

Въ настоящее время въ передней Индіи число исповѣдующихъ исламъ превышаетъ сорокъ милліоновъ; это число больше, чѣмъ все населеніе древнихъ мухаммеданскихъ странъ, области нынѣшней Турціи, Персіи и ханствъ, вмѣстѣ взятыхъ. Благодаря успѣшному поощренію со времени англійскаго господства, ихъ образованіе и научная дѣятельность стоятъ, по нашимъ понятіямъ, гораздо выше того, что было среднимъ числомъ достигнуто даже въ Константинополь и Каиръ; какъ извѣстно, они представляютъ одну изъ тѣхъ частей туземнаго населенія, съ которыми всего серьезнѣе приходится считаться индійскому правительству. И несмотря на все это, вліяніе, которое оказываетъ и оказало на судьбы собственно ислама это, по видимому, внушительное мусульманское населеніе, безконечно мало. Индійскія воззрѣнія и идеи, медленно подвигаясь на западъ, произвели сильное воздѣйствіе на развитіе важныхъ движеній преимущественно среди жителей Персіи (ср. I, 362 II, 82, 183; выше стр. 21); но чисто индійскія измѣненія самого мухаммеданскаго ученія до сихъ поръ заключены въ границахъ той области, гдѣ они возникли, и за предѣлами Инда собственныя произведенія индійскихъ мусульманъ оказали такъ-же мало вліянія въ области искусства, какъ и въ наукѣ; они не шли дальше подражанія иноземнымъ, преимущественно персидскимъ образцамъ, подражаніе хотя и искуснаго, но безъ всякой примѣси новыхъ идей. Вездѣ недостатокъ именно оригинальности, въ такой высокой степени присущей всѣмъ національно индійскимъ произведеніямъ: самый выдающійся поэтъ мусульманской Индіи, эмиръ Хосрау изъ Дихли (Дели), жившій въ началѣ 8 (14) столѣтія, по стилю и содержанію своихъ сочиненій едва-ли значительно отличается отъ какого-либо изъ своихъ современниковъ по ту сторону Инда. Персидскій языкъ, на которомъ писалъ и онъ, былъ тогда почти повсемѣстно литературнымъ и придворнымъ языкомъ мухаммеданской Индіи. Конечно, рядомъ съ этимъ образовался съ теченіемъ времени

собственный народный языкъ, такъ называемый у р д у, т. е. лаг е р н ы й, называемый также и н д у с т а н и, — смѣшанное индо-персoturецкое нарѣчіе, какое и должно было произойти въ военныхъ лагеряхъ при сношеніяхъ между различными національностями; но въ область литературы оно вошло довольно поздно и всегда занимало скромное мѣсто сравнительно съ чисто персидскимъ языкомъ, окрашеннымъ лишь немногими мѣстными выраженіями. Въ одномъ только проявляется дѣйствительно величественная творческая сила индійскаго ислама, едва-ли достигнутая гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, а не то что превзойденная: въ а р х и т е к т у р ѣ. Здѣсь побудительнымъ поводомъ послужилъ совсѣмъ особенный элементъ: страсть къ постройкамъ турецкихъ и татарскихъ завоевателей, по мановенію которыхъ высокоразвитая техника туземныхъ, позже также европейскихъ, художниковъ соединялась уже съ прочно установившимися формами мухаммеданской архитектуры въ почти неисчерпаемый источникъ вдохновенія созидателей не только оригинальныхъ и замѣчательныхъ, но часто художественно-прекрасныхъ памятниковъ. Намъ пришлось бы переступить далеко за рамки нашего повѣствованія, еслибъ мы захотѣли дать больше, чѣмъ намекъ о томъ развитіи, которому подверглось это наиболѣе замѣчательное проявленіе духа мухаммеданской Индіи. Въ началѣ произведенія архитектуры— мечети, дворцы, надгробныя часовни—естественно представляются не чѣмъ больше, какъ приспособленіями чисто индійскаго стиля къ потребностямъ или прихотямъ мусульманскихъ государей. Почти чисто индійскими, исключая, конечно, надписей и т. п., являются портики и гробницы первыхъ царей-рабовъ (выше, стр. 205), и только мало по малу, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (напр. въ Гуджератѣ), всегда лишь какъ второстепенный элементъ, между каменными и бревенчатыми потолками проникаютъ мусульманскіе остроконечные своды. Безъ сомнѣнія, въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, особенно въ Дели (Дихли), именно эта характерная черта отмѣчается рано и сильно; и вездѣ традиціонная форма мечети въ видѣ двора, окруженнаго рядами колоннъ, съ молельной съ одной стороны (II, 77), требуетъ глубокихъ соображеній, при которыхъ индійская манера особенно выгодно проявляется широкими размѣрами и богатой разработкой деталей. Само собою разумѣется, что большую роль при этомъ играютъ надписи, исполненныя арабесками (II, 76), что также и минареты много выигрываютъ вслѣдствіе болѣе своеобразнаго выполненія. Соединеніе мухаммеданскихъ и индійскихъ мотивовъ представлено всего оригинальнѣе, если не всего правильнѣе, въ постройкахъ А к б а р а, который здѣсь, какъ и во всѣхъ областяхъ, старался достигнуть полнаго поднятія національныхъ и религіозныхъ особенностей до болѣе высокаго уровня. При

этомъ, какъ выставляетъ самый выдающійся знатокъ этой архитектуры *), удалось разрѣшить, какъ врядъ-ли гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, одну изъ труднѣйшихъ задачъ: построение гигантскихъ, соотвѣтствующихъ остальнымъ размѣрамъ зданія, входныхъ воротъ, избѣгая при этомъ недопускаемаго эстетикой недостатка большого отверстія, прерывающаго органическую связь архитектурнаго произведенія; это удалось, благодаря мысли устроить входъ, въ видѣ замкнутаго сзади, въ видѣ впадины, не глубокаго портика, изъ котораго вели внутрь двери умѣренной величины. Особенную страсть индустанскіе владыки имѣли къ величественнымъ гробницамъ. Онѣ разрослись позже въ обширные дворцы большей частью очень граціозной архитектуры, прелесть которыхъ увеличивалась ихъ положеніемъ среди большихъ парковъ: здѣсь Акбаръ и его потомки справляли обыкновенно свои веселые пиры на томъ самомъ мѣстѣ, которое предназначено было для того, чтобы впослѣдствіи принять ихъ смертные останки.

Нельзя считать случайнымъ, что именно въ зодчествѣ мы находимъ единственное проявленіе истинной оригинальности на индо-мухаммеданской почвѣ. Вѣдь ея созданія зависѣли вполне отъ воли государя: но въ другихъ областяхъ духовнаго творчества онъ былъ безсиленъ. Онъ требовали, для того чтобы стать въ самомъ дѣлѣ плодотворными, дѣйствительнаго сліянія мусульманскихъ и національно-индійскихъ началъ, а до этого дѣла никогда не дошло. Подъ многовѣковымъ гнетомъ иностраннаго владычества, милліоны индусовъ могли болѣе или менѣе наружно приспособиться къ исламу; но его отвлеченное единобожіе никогда не могло быть истинно симпатичнымъ мечтательно-фантастической природѣ этого народа; а для того, чтобы просто передѣлать на свой ладъ новую религію, какъ то сдѣлали хитрые персы, индусы были во всякомъ случаѣ слишкомъ неловки — или слишкомъ честны. Конечно, было невозможно, чтобы неподвижность правовѣрно-суннитскаго ученія сохранилась здѣсь навсегда безъ послабленій: уже конкуренція ші'итизма, большая снисходительность котораго въ отношеніи догматовъ и морали была гораздо болѣе понятна толпѣ въ этомъ климатѣ, съ теченіемъ времени принудила даже самыхъ упрямыхъ улемовъ нѣсколько приспособиться къ народнымъ вѣрованіямъ и обычаямъ. Вѣдь прежде всего нельзя забывать слѣдующаго: сколько бы десятковъ тысячъ турецкихъ, афганскихъ, персидскихъ и джагатайскихъ пришельцевъ ни прибывало внутрь страны черезъ Пятирѣчіе, завоеватели всегда находились по отношенію къ туземцамъ въ почти смѣшномъ меньшинствѣ; при малѣйшемъ раздорѣ между ими самими—а въ этомъ почти никогда не было недостатка—

*) J. Fergusson, History of Indian and Eastern architecture, London, 1876, стр. 588 и слѣд.

каждая сторона должна была пытаться такъ или иначе привлечь къ себѣ туземный элементъ, то есть, дѣлать ему уступки, которыя, конечно, были необходимы для упроченія ислама въ Индіи, но въ то-же время значительно ослабили настоящую дѣятельную силу и характерную энергію этой воинственной религіи. Мы слышимъ, наиримѣръ, что теперь, какъ сунниты, такъ и шіиты, на которыхъ издавна дѣлились мухаммеданскіе жители страны, приняли въ число своихъ обычаевъ празднованіе древнихъ индійскихъ народныхъ праздниковъ, и подобныя заимствованія должны были вкорениться уже очень рано. Было бы въ высшей степени интересной задачей установить подробнѣйшія обстоятельства взаимнаго вліянія между побѣдителями и побѣжденными и развитія всѣхъ ихъ взаимныхъ отношеній: но это не относится къ разсказу, который долженъ представить исторію всего ислама въ цѣломъ. Это должно составить предметъ отдѣльной исторіи Индіи со времени мухаммеданскаго завоеванія, которая отчасти должно въ равной степени мусульманамъ, брахманамъ и буддистамъ *); здѣсь же мнѣ пришлось бы ограничиться краткимъ обзоромъ даже въ томъ случаѣ, если бы я чувствовалъ себя болѣе въ силахъ справиться съ трудной задачей, чѣмъ это есть на самомъ дѣлѣ.

Мы оставили мухаммеданскую Индію въ тотъ моментъ, когда самый сильный и могущественный изъ царей-рабовъ, турокъ Алытмышъ, снова соединилъ въ своихъ рукахъ всѣ владѣнія, когда-либо до тѣхъ поръ покоренныя Исламу. Конечно, мы не должны представлять себѣ слишкомъ неограниченной верховную власть, какъ его, такъ и его преемниковъ. Отдѣльныя области, которыя составляли царство Индустанское *) или, какъ его называютъ, Делийское — Пенджабъ съ Синдомъ, управлявшимся наследственными намѣстниками, и съ Гуджератомъ, во всякомъ случаѣ лишь въ малой части мухаммеданскимъ, область собственно Дели съ лежащими къ югу отъ нея Гваліоромъ и Мальвой, съ восточнымъ Биха-

*) Подобная исторія, если не докочена, то по крайней мѣрѣ намѣчена въ книгѣ J. Talboys Wheeler, The History of India from the Earliest Ages, Vol. IV, Musulman Rule, 2 parts, London, 1876—81. Въ ней содержится много достойныхъ вниманія точекъ зрѣнія, именно въ вышеуказанномъ духѣ; но, можетъ быть, авторъ, благодаря своему видимому пристрастію къ индусамъ, часто произноситъ слишкомъ рѣзкіе приговоры надъ мусульманами.

**) Название Индустанъ или Индостанъ («Земля Инда») обозначаетъ въ узкомъ смыслѣ мѣстности, ранѣе всѣхъ сдѣланныя мусульманскими, преимущественно всю долину Ганга и Джумны съ сосѣдними областями. Но такъ какъ въ то-же время онъ со своей древней столицей Дихли (Дели) составляетъ переднюю страну всей мухаммеданской Индіи, то въ болѣе широкомъ смыслѣ можно приравнять его къ этой послѣдней; во всякомъ случаѣ, подъ «государемъ (мухаммеданской Индіи)» мы всегда подразумѣваемъ падишаха индостанскаго.

ромъ и Бенгаліе й—всѣ эти провинціи находились подъ управленіемъ своихъ собственныхъ турецкихъ или афганскихъ князей, и эти послѣдніе вмѣстѣ съ остальными высшими военачальниками, находившимися при дворѣ, образовали родъ военной аристократіи, члены которой были часто несогласны между собой въ силу племенныхъ различій, но всегда были готовы устранить нелюбимаго или слабаго государя или сдѣлаться самостоятельными въ одной изъ отдаленныхъ провинцій. Положеніе совершенно такое-же, какъ было у иранскихъ сельджуковъ; здѣсь оно было немного менѣе опасно для прочности всего государства потому только, что мусульманское меньшинство, въ концѣ концовъ, всегда видѣло себя вынужденнымъ держаться вмѣстѣ противъ индусовъ, которые даже гораздо позже превышали ихъ численностью по меньшей мѣрѣ въ пять разъ. Такимъ образомъ, общую картину можно лучше всего опредѣлить, какъ кучку большихъ и меньшихъ государствъ, правители которыхъ номинально признавали одного общаго верховнаго главу въ лицѣ делійскаго султана, но въ дѣйствительности смотрѣли серьезно на свое зависимое положеніе только тогда, когда уваженіе къ нему внушалось имъ энергичными проявленіями силы. Если-же этого не было, то, въ концѣ концовъ, они при удобномъ случаѣ формально объявляли себя независимыми и пытались основывать новыя династіи; эти послѣднія, однако, при большой величинѣ отдѣльныхъ государствъ часто подвергались подобной-же участи, какъ и верховная власть. Мы, конечно, не станемъ описывать безчисленныя возстанія, дворцовыя революціи и образованія скоропреходящихъ государствъ, происходившихъ вслѣдствіе такихъ отношеній; общій ходъ событій былъ слѣдующій.

Алтымышъ въ общемъ до конца жизни сильно держалъ въ единеніи государство, усмирялъ случайные мятежи намѣстниковъ и при этомъ предпринималъ величественныя постройки въ память свою и своего предшественника и благодѣтеля Кутбъ-адъ-дина, хотя границы его государства или его вассаловъ и не остались безъ ущерба отъ набѣговъ монголовъ при Чингизъ-Ханѣ и безпрестанныхъ походовъ хорезмшаха Желалъ-адъ-дина; послѣ смерти Алтымыша (633=1236), тотчасъ наступила десятилѣтняя анархія, вызванная распрями изъ-за престола между его сыновьями и внуками, причемъ достойно замѣчана только то, что въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ (634—638=1236—1240) даже одной изъ его дочерей, Рази, удалось быть признанной султаншей. Наконецъ, при одномъ изъ его сыновей, Насиръ адъ-динъ Махмудъ (644—664=1246—1266), наступило большее спокойствіе, безъ сомнѣнія, не столько благодаря ему самому, какъ его энергичному визирю Улугъ Хану, или Балбану, какъ онъ собственно назывался. Частыя нападенія монголовъ,

всегда причинявшія большія опустошенія, конечно, продолжали быть тягостными и теперь и позже, но они всегда походили на мимолетныя грозы, которыя, по крайней мѣрѣ, не оставляли послѣ себя продолжительныхъ слѣдовъ. По смерти Махмуда, Балбанъ (664 — 686 = 1266 — 1287) самъ сдѣлался султаномъ; этотъ энергичный чело­вѣкъ старался обезпечить *) власть для своихъ потомковъ истребленіемъ могущественныхъ турецкихъ предводителей въ своей ближайшей свитѣ; между тѣмъ онъ этимъ только разрав­нялъ дорогу къ высшему сану одному изъ своихъ намѣстниковъ, Джелаль адъ-дину Фирѣзу, который устранилъ несовершенство­лѣтнаго правнука Балбана, восшедшаго на престолъ въ 689 (1290 г.) и этимъ сдѣлался господиномъ Дели. Онъ былъ главою турецкаго пле­мени Халджъ, по имени котораго основанная имъ династія назы­вается династіей Халджей. Она была довольно недолговѣчна; однако къ ней принадлежитъ одинъ побѣдоносный воинъ, племянникъ Дже­лаль адъ-дина, Алъ адъ динъ Мухаммедъ, который и въ дру­гихъ отношеніяхъ привлекаетъ наше вниманіе. Сначала, какъ полко­водець своего дяди, царствовавшаго съ 689—695 (1290—1296), потомъ послѣ смѣщенія сына этого послѣдняго, какъ султанъ (695—715 = 1296—1316); онъ первый опять отправился за новыми завоеваніями внутрь южной Индіи и далеко подвинулъ впередъ границы мухам­меданскаго государства за Нербудду въ Деканъ до рѣки Кришны. На короткое время ему удалось даже снова покорить раджпатовъ, которые давно ускользнули изъ-подъ мусульманскаго вліянія и очень стѣснительнымъ для мусульманъ образомъ держались тѣсно вмѣстѣ вокругъ своей столицы Читоръ (Chitor) въ Меварѣ, между Дели и Гуджератомъ; но уже въ 700 (1301 г.) они опять свергну­ли его, и до 933 (1527 г.) этотъ клинъ отдѣлялъ столицу отъ одной провинціи, которая слишкомъ скоро должна была воспользоваться выго­дой такого положенія для окончательнаго отдѣленія отъ государства. Алъ адъ-динъ сознавалъ, что своей узурпаціей и связаннымъ съ ней воз­вышеніемъ халджей надъ другими турками онъ возбудилъ сильное недовольство между послѣдними: поэтому онъ сдѣлалъ попытку упро­чить свой тронъ сближеніемъ съ индусами. Онъ взялъ въ свой га­ремъ индусскую дѣвушку, какъ законную жену, что было неслыханно до тѣхъ поръ, на своихъ монетахъ называлъ себя въ качествѣ перваго индійскаго князя Халифомъ, т. е. самостоятельнымъ духовнымъ главою своихъ подданныхъ, и какъ таковой намѣревался основать новую, т. е. смѣшанную съ индійскими основаніями, религію. Но ему не удалось ни это, ни обезпеченіе прочности своей династіи:

*) Такъ какъ одинъ изъ его внуковъ только короткое время еще номинально царствовалъ, то ихъ обоихъ обыкновенно не считаютъ за особую династію.

послѣ его смерти, при двухъ его несамостоятельныхъ сыновьяхъ, нѣкогда предпочтенные индусы совершенно забрали власть въ свои руки, а это не могло правиться турецкимъ военачальникамъ, хотя-бы индусы наружно и представлялись мухаммеданами. Когда же въ 720 (1320) одинъ изъ индійскихъ царедворцевъ, Хосрау Ханъ, захотѣлъ даже самъ занять мѣсто султана, терпѣніе намѣстниковъ истощилось: одинъ изъ нихъ, Тоглукъ, храбрый воинъ низкаго происхожденія, изъ смѣшаннаго рода турокъ съ индусскими женщинами, но испытанный въ пограничной службѣ противъ монголовъ и достигшій уже высшихъ почестей, выступилъ на Дели, свергнулъ узурпатора и захватилъ сильной рукой бразды правленія. Въ теченіе своего короткаго царствованія (720—725=1320—1325), онъ снова подчинилъ Бенгалію, которая по смерти Алá адъ-дина отказалась отъ всякаго повиновенія, и велѣлъ своему сыну, Мухаммеду, возстановить спокойствіе въ Деканѣ, полу-языческое, полу-шіитское население котораго совершенно не было согласно на водвореніе суроваго суннитско-турецкаго правительства въ Дели. Этотъ самый сынъ подозрѣвается въ томъ, что онъ способствовалъ несчастному случаю, стоившему преждевременно жизни его отцу; во всякомъ случаѣ, ранняя смерть этого послѣдняго была несчастіемъ для только-что основанной династіи Тоглука. Мухаммедъ Тоглукъ *) (725—752=1325—1351) былъ безъ сомнѣнія оригиналомъ, и именно саомыслящимъ оригиналомъ; но оригинальность была турецкая, смѣлость мыслей не смущалась никакимъ знаніемъ дѣла. Было, конечно, справедливо, что правительство выиграло-бы въ силѣ, если-бы оказалось возможнымъ устранить господствующую ленную систему, которая, опасная уже сама по себѣ, становилась еще болѣе опасной вслѣдствіе вражды царившей между различными турецкими и афганскими племенами: но попытка замѣнить ее чиновничествомъ, вполне зависимымъ отъ воли султана, должна была рушиться уже потому, что не было годныхъ для того элементовъ, и приходилось замѣщать должности любыми искателями приключеній, которые издавна привыкли стекаться въ страну чудесъ изъ всѣхъ мусульманскихъ государствъ. Далѣе, было вѣрно, что уже съ давняго времени финансы даже этихъ, повидимому, неистощимо богатыхъ, провинцій, пришли въ угрожающій упадокъ вслѣдствіе постоянныхъ войнъ и расточительности и алчности турокъ. Но когда въ одинъ прекрасный день султанъ повелѣлъ, чтобы золотыя монеты чеканились впредь изъ мѣди, которую каждый подданный долженъ былъ подѣ страхомъ смерти принимать за золото, то подобный порядокъ могъ продолжаться только, пока первая изъ этихъ воображаемыхъ золотыхъ монетъ не дошла до границы и не стало яснымъ, что по ту

*) Ср. съ замѣткой выше стр. 351 прим. 2-е.

сторону ея люди слишкомъ ограничены, чтобы постигнуть тождество золота и мѣди; тогда произошелъ, конечно, большой крахъ, оказавшійся чрезвычайно гибельнымъ для султана уже потому, что онъ и войскамъ платилъ деньгами этого гениальнаго изобрѣтенія. Наконецъ, было справедливо и то, что податная реформа могла-бы привести къ увеличенію доходовъ: между тѣмъ, если и гораздо болѣе разсудительныя правительства подъ такой реформой слишкомъ часто подразумѣваютъ просто повышеніе податей, то Мухаммедъ Тоглукъ сразу принялся за нее такъ основательно, что бѣднѣйшіе землевладѣльцы не были больше въ силахъ вносить подати. Они имѣли дерзость не обрабатывать своихъ полей и приготовились къ тому способу пассивнаго сопротивленія, который терпѣливый индусъ практиковалъ такъ часто, къ сожалѣнію, даже въ новѣйшія времена, именно къ голодной смерти. Султанъ, который, какъ истый турокъ, былъ не столько золъ, какъ упрямъ, въ самомъ дѣлѣ ужаснулся, увидѣвъ распространявшееся вокругъ него запустѣніе; такъ какъ положеніе дѣлъ все-же тяготило его, онъ рѣшилъ перенести свою резиденцію въ мѣсто истощенный Деканъ, и въ одинъ прекрасный день приказалъ всему населенію Дели переселиться вмѣстѣ съ нимъ въ Деогирь, мѣсто, лежавшее на 150 нѣмецкихъ миль дальше къ югу, по ту сторону горъ Виндыя и рѣки Нербудды, которое онъ избралъ своей столицей, для того чтобы оттуда вновь наполнить свою казну грабежемъ нетронутыхъ еще южно-индійскихъ областей. Половина этихъ несчастныхъ, разумѣется, погибла отъ напряженія и голода по дорогѣ или туда или обратно—такъ какъ вдобавокъ этотъ прекрасный планъ оказался невыполнимъ,—и изъ него ничего не вышло кромѣ того, что и самое Дели было разорено на долгое время; но не требуется дальнѣйшаго объясненія того, какъ подобнаго рода опыты должны были скоро привести къ гибели государства. Въ самомъ дѣлѣ, еще въ царствованіе Мухаммеда Тоглука произошло отдѣленіе двухъ большихъ странъ, которыя отчасти вернулись-было къ общему мухаммеданскому государству, по крайней мѣрѣ на короткое время: Бенгалия и Деканъ. Первая, благодаря значительной отдаленности отъ столицы, была всегда довольно самостоятельна подъ управленіемъ частью боковыхъ линій царствующихъ династій, частью другихъ намѣстниковъ: въ 739 (1338 г.) Мубаракъ Шахъ, въ рукахъ котораго находилась въ то время провинція, окончательно отказался признавать верховную власть делійскаго султана. Впредь до завоеванія ея Акбаромъ въ 984 (1576 г.) Бенгалия остается независимымъ государствомъ, часто раздираемымъ внутренней борьбою между вельможами и многочисленными, отчасти быстро смѣнявшимися одна другую династіями турокъ, индусовъ, афганцевъ, однажды даже абиссинскихъ рабовъ. Съ не меньшими превратностями развивалась судьба

Декана. Здѣсь національно-индійскій элементъ всегда оставался гораздо могущественнѣе, чѣмъ въ Индустанѣ, гораздо ранѣе подпавшемъ вліянію ислама; этому способствовало то обстоятельство, что и вторгнувшіеся мусульмане большей частью исповѣдывали ши'итизмъ. Ши'итомъ былъ и Хасанъ Ганго—второе имя указываетъ, если не на индійское происхожденіе, то все таки на близкую связь съ туземцами; оно указываетъ на такую связь также и потому, что его династія рядомъ съ обыкновеннымъ именемъ Бахманисъ, мало разъясненнымъ сомнительнымъ анекдотомъ, носитъ также названіе брахманскоѣ. Основатель ея въ 748 (1347 г.) освободилъ отъ индустанскаго владычества обширную область между горами Виндья и рѣкой Кришной, и приблизительно до 924 (1518 г.) она оставалась единымъ государствомъ. Во время царствованія неспособнаго Бахманида Махмуда II, окончившагося въ упомянутомъ году, оно начало распадаться на части, и тогда здѣсь образовались не совѣмъ одновременно пять новыхъ династій: Низамъ Шахи въ Ахмеднагарѣ, Имадъ-Шахи въ Берарѣ, Баридъ-Шахи въ Бейдерѣ, Адиль-Шахи въ Биджапурѣ и Кутбъ-Шахи въ Голкондѣ, рядомъ съ которыми нѣсколько меньшихъ княжествъ, какъ напр. Хандешское (къ югу отъ нижней Нербудды), образовавшееся уже въ 771 (1370) г., не играли важной роли. Хотя эти государства, само собой, довольно часто воевали другъ съ другомъ и при случаѣ даже лишали одно другое самостоятельности, однако они составляли сильную защиту исламу отъ чисто индійскихъ государствъ, какъ области ОриССы на востокъ и особенно могучее царство Виджаянагаръ на югѣ, въ перемѣнной борьбѣ съ которымъ они сами еще дальше расширили свои владѣнія. Между тѣмъ на сѣверѣ безостановочно подвигался процессъ разложенія султанства Дели. Сынъ и преемникъ Мухаммеда Тоглука, Фирузъ Шахъ (752—790=1351—1388), обладалъ безъ сомнѣнія, менѣе властнымъ характеромъ, чѣмъ его отецъ; онъ дѣлалъ, что могъ, чтобы залечить раны, нанесенныя его странѣ. Множество общепользныхъ работъ—возстановленіе каналовъ, плотинъ и мостовъ, починка пришедшихъ въ упадокъ построекъ его предшественниковъ и тому подобное—указывали, что онъ заботился о возможномъ сохраненіи того, что вообще еще можно было сохранить. Что миролюбивому и добродушному государю дѣйствительно удалось достигнуть многого въ этомъ направленіи, показываетъ уже то цвѣтущее состояніе, въ какомъ Тимуръ нашелъ Дели скоро послѣ конца его царствованія; но характеръ правленія Фирузъ-Шаха естественно исключалъ энергичное преобразование порядковъ арміи, и потому почти само собою разумѣется, что послѣ его смерти нельзя было воспрепятствовать дальнѣйшему отдѣленію большимъ провинцій, тѣмъ менѣе, что отъ

790—795 (1388—1393) пятеро его преемниковъ послѣдовали одинъ за другимъ при безпрестанныхъ революціяхъ, а внукъ умершаго, Махмудъ, послѣдній Тоглукидъ, носившій наконецъ титулъ султана въ продолженіе двадцати лѣтъ (795—815=1393—1412), былъ совершеннымъ ничтожествомъ. Приходилось допускать царствовавшаго въ Синдѣ Шаха не обращать больше никакого вниманія на делійскій дворъ; но еще хуже было то, что управлявшій съ 778 (1376) г. въ Гуджератѣ намѣстникъ Зафиръ Ханъ безнаказанно занялъ довольно самостоятельное положеніе, и послѣдовавшее въ 793 (1391) г. пожалованіе ему знаковъ царскаго достоинства, послѣ котораго онъ называлъ себя Музаффаромъ Шахомъ, было вѣроятно только застѣнчивой попыткой сохранить по крайней мѣрѣ внѣшнія формы: о томъ, чтобы вернуть обратно отдаленную область, вдобавокъ отрѣзанную отъ Дели раджпутанскимъ государствомъ Меваромъ и теперь предоставленную самой себѣ до 980 (1572) г., нечего было и думать, особенно съ тѣхъ поръ, какъ въ 796 (1394) г. сосѣдняя съ ней на востокъ обширная и плодородная провинція Джонпуръ съ принадлежащимъ къ ней Бихаромъ тоже объявила себя самостоятельнымъ государствомъ. Пенджабъ также не былъ больше надежнымъ владѣніемъ: въ 798 (1395—6) г. возсталъ мультанскій эмиръ Хизръ Ханъ, Сейидъ, т. е. человѣкъ шіитскаго образа мыслей, какъ утверждаютъ алидскаго происхожденія; однако мажордому слабого Махмуда, Меллу Икбаль Хану, удалось еще при помощи посланныхъ войскъ побѣдить и взять въ плѣнъ мятежника. Къ несчастью онъ спасся бѣгствомъ и жестоко отомстил за себя: когда въ 800 (1398) г. въ Индію ворвались татары подъ предводительствомъ Тимура, Хизръ Ханъ употребилъ все свое вліяніе, чтобы проложить дорогу хищникамъ. Мы знаемъ всѣ ужасы, которые причинилъ этотъ походъ во всей странѣ и столицѣ, и послѣ предыдущаго насъ не удивить, что онъ фактически положилъ конецъ династіи Тоглука, хотя враги и покинули разграбленный Индустанъ уже въ томъ же году. Не одинъ Музаффаръ Шахъ гуджератскій сбросилъ теперь послѣднюю тѣнь зависимости, но и провинція Мальва (между Гуджератомъ, Меваромъ и горами Виндья) въ 804 (1401) г. воспользовалась случаемъ отдѣлиться отъ Дели и основать отдѣльное государство, просуществовавшее до 937 (1531) г., когда оно было присоединено къ владѣніямъ Гуджерата. Даже области Инда и верхняго Ганга, древнія коренныя земли ислама, не остались соединенными: въ Пенджабѣ распорядился Хизръ Ханъ, который снова утвердился тамъ съ разрѣшенія Тимура; а намѣстники остальныхъ областей, которые послѣ ухода татаръ привели насколько можно было въ порядокъ подвѣдомственные имъ округа, гораздо меньше заботились о безпокойно скитавшемся султанѣ, чѣмъ

о томъ, кому изъ нихъ удастся отбить у другого клочекъ его земли. Наконецъ Махмудъ нашель защиту у Икбаль Хана, снова овладѣвшаго самимъ Дели; но и эта радость продолжалась недолго. Хизръ Ханъ намѣтилъ теперь болѣе высокую цѣль своему честолюбію: въ 808 (1405) г. онъ напалъ даже на древнюю столицу, и хотя онъ былъ отбить Икбаль Ханомъ, но этотъ послѣдній долженъ былъ заплатить жизнью за свою побѣду. Теперь Дели остался во власти еще находившихся тамъ войскъ, во главѣ которыхъ выступилъ одинъ афганскій предводитель, Даулетъ Ханъ Лодій *); Махмудъ былъ оставленъ для виду султаномъ до своей смерти, послѣдовавшей въ 815 (1412) г., тогда-же высшимъ вождемъ былъ избранъ афганецъ. Назвать себя самъ султаномъ онъ не могъ; царствованіе его, если вообще можно называть его такъ, тоже продолжалось недолго, такъ какъ въ 817 (1414) г. вторично подступилъ Хизръ Ханъ, и Даулетъ Лодій долженъ былъ сдать ему городъ. Затѣмъ слѣдуетъ сорокалѣтній промежутокъ времени, самый несчастный изъ всѣхъ несчастныхъ періодовъ въ исторіи этихъ династій. Хизръ Ханъ (817—824 = 1414—1421), его сынъ Мубаракъ Шахъ (824—837 = 1421—1433) и племянникъ послѣдняго, Мухаммедъ Ибнъ Феридъ (837—847 = 1433—1443), «Сейиды», какъ ихъ обыкновенно называютъ, были одинаково мало въ силахъ внушить уваженіе къ своей власти гдѣ-либо внѣ тѣсныхъ предѣловъ провинцій Дели и Пенджаба; даже Пятирѣчіе принадлежало имъ собственно только по имени, а область вокругъ столицы, раздѣленная между нѣсколькими мелкими царьками, все больше уменьшалась, благодаря безпрестаннымъ грабительскимъ набѣгамъ царей Джонпура и Мальвы, особенно при послѣднемъ изъ трехъ Сейидовъ. Наконецъ, не зная больше, что дѣлать, онъ призвалъ для защиты столицы своего намѣстника или, вѣрнѣе, не смотря на это названіе, самостоятельнаго государя Лахорскаго, афганца Бахлуля Лодія. Онъ спасъ городъ въ данный моментъ, но для того лишь, чтобы потомъ самому дѣлать неоднократныя попытки къ его завоеванію, какъ до смерти Мухаммеда, такъ и во время мнимаго царствованія его сына Алемъ Шаха (или Алá адъ-дина Мухаммеда, какъ его обыкновенно называли (847—855 = 1443—1451). Такъ какъ съ Алемъ Шахомъ, въ самомъ дѣлѣ, нельзя было ничего предпринять, а суннитскіе афганцы и турки вообще тяготились шіитами Сейидами, которые со своей стороны естественно благоволили къ индусамъ, то въ концѣ концовъ согласились устранить мнимаго владыку и возвести на престолъ Бахлуля Лодія. Турки

*) Лодій — афганскій родъ, къ которому принадлежали какъ этотъ, такъ и позднѣйшіе афганскіе цари Дели.

давно изнѣжились подь разслабляющимъ солнцемъ Индіи и уже съ нѣкотораго времени должны были терпѣть рядомъ съ собою другіе элементы; съ Бахлулемъ Лодіемъ ихъ мѣсто заняли собственные афганцы (патаны); и въ самомъ дѣлѣ, пришедши въ упадокъ, государство нуждалось прежде всего въ тѣхъ качествахъ дикой храбрости и несокрушимой энергіи, какими обладалъ этотъ сильный горный народъ. Дѣйствительно, Бахлулю (855—894=1451—1489), успѣхи котораго, вѣроятно, привлекали подь его знамена все новыя толпы его соплеменниковъ изъ прежней родины, удалось въ продолженіе почти сорокалѣтней борьбы опять создать сильное государство изъ одного только города съ округомъ въ нѣсколько квадратныхъ миль. Его мечъ покорилъ одного за другимъ всѣхъ мелкихъ окрестныхъ князей; а когда онъ покончилъ съ ними, наступилъ чередъ болѣе значительныхъ. У царей Джонпура снова было отнято шагъ за шагомъ все то, что они присвоили себѣ при Сейдахъ; не довольствуясь этимъ, до 879 (1474) г. Лодій завоевалъ и самый Джонпуръ, султанъ котораго, Хусейнъ Шахъ, вынужденъ былъ отступить въ Бихаръ. Сынъ Бахлуля Сикендеръ *) (894—924=1489—1518), перенесшій свою столицу изъ Дели въ Агру въ 909 (1503—4) г., тоже былъ сильнымъ государемъ, который ревностно продолжалъ работу, начатую его отцомъ: онъ прогналъ Хусейна и изъ остальныхъ его владѣній, укрѣпилъ восточную границу съ Бенгаліей, расширилъ свои владѣнія къ югу опять до Мальвы; короче, онъ снова соединилъ подь своимъ скипетромъ кромѣ уже принадлежавшаго ему сѣвернаго Пенджаба—южный съ Мултаномъ остался еще самостоятельнымъ, пока не сдался Бабуру въ 933 (1527) г.—также весь Индустанъ въ узкомъ смыслѣ, исключая Бенгаліи. Между тѣмъ, послѣ его смерти, при сынѣ его Ибрахимѣ (924—932=1518—1526), дали себя почувствовать тѣ-же затрудненія, которыя одинаково ощущаются вездѣ, гдѣ является побѣдительницей нація, составленная изъ отдѣльныхъ племенъ и нечувствующая себя обязанной къ безусловному повиновенію общему главѣ. Какъ извѣстно, афганцы и теперь еще не могутъ привыкнуть къ подчиненію тому, кого они называютъ своимъ эмиромъ; тогда же они, впервые съ тѣхъ поръ, какъ ихъ толпы вступили на индійскую почву въ свитѣ турецкихъ султановъ, почувствовали себя неограниченными господами прекрасной страны—неудивительно, что они скоро начали становиться слишкомъ заносчивыми. Случайное недоразумѣніе между султаномъ Ибрахимомъ и его братомъ Джелалъ Ханомъ, которому было передано намѣстничество Джонпура, было раздуть завидовавшими одинъ другому предводителями въ свитѣ обоихъ князей до открытаго разрыва. Война между братьями

*) Обычное въ Индіи произношеніе арабскаго Искандеръ (Александръ).

окончилась поражением Джелала, который позже попал в руки Ибрахима и был убит по его приказу; но заключение, выведенное последним из всех этих происшествий, а именно, что надо дать почувствовать силу властителя эмирамъ, всегда склоннымъ къ непокорности, совсѣмъ не пришлось имъ по вкусу. Выставляемое на показъ недовольство вельможъ вызвало подозрѣнія владыки; когда онъ заключилъ въ тюрьму нѣсколькихъ изъ заподозрѣнныхъ, вспыхнуло возстаніе; когда же оно было подавлено съ большимъ кровопролитіемъ, произошла революція. Пока Ибрахимъ предпринималъ походы въ Читоръ, противъ раджутовъ, во главѣ которыхъ стоялъ теперь одинъ изъ величайшихъ военныхъ героев того времени, Рана Санка, злое сѣмя созрѣло; въ 930 (1523) г. весь Бихаръ былъ охваченъ мятежомъ, въ Пенджабѣ возсталъ даже соплеменникъ султана, Даулетъ Ханъ Лахорскій, и въ то время, какъ военныя силы правителя, все еще располагавшаго значительными войсками, были такимъ образомъ заняты на противоположныхъ концахъ его владѣній, извнѣ внезапно ворвалась чужеземная сила, которая сильнымъ толчкомъ привела къ паденію все зданіе государства. Ударъ явился со стороны, откуда давно уже грозила бѣда—изъ Кабула.

Мы оставили (выше стр. 385) смѣлаго и неутомимаго Тимурида, Бабуръ II, въ тотъ моментъ, когда онъ снова прибылъ въ свою старую стоянку Кабуль, отступая передъ побѣдоноснымъ Узбекомъ Убейдуллою. Въ то время (920=1514) онъ имѣлъ за собою не менѣе двухъ десятковъ лѣтъ безпрестанныхъ войнъ, хотя ему было всего 32 года, и прошелъ черезъ всевозможныя состоянія полной приключеній жизни, начиная отъ положенія главы царства съ по меньшей мѣрѣ десяти-милліоннымъ населеніемъ, до опасной роли безпріютнаго предводителя вольныхъ отрядовъ. Вращающееся колесо счастья внезапнымъ поворотомъ только что сбросило его съ высоты блестящаго успѣха опять къ началу его поприща, къ сомнительному господству надъ ограниченной областью, полной безпокойныхъ жителей, и командованію надъ нѣсколькими тысячами человекъ немногимъ болѣе надежныхъ всадниковъ. Особенно много хлопотъ доставляли ему при всякомъ удобномъ случаѣ монгольскіе отряды, частью случайно попавшіе къ нему на службу во время превратностей войны между Узбеками, Тимуридами и монгольскими ханами (выше стр. 357 и слѣд.); на своихъ соотечественниковъ, изъ своего прежняго княжества Ферганы, онъ скорѣе могъ положиться, хотя если какой-нибудь строптивый родственникъ или эмиръ отказывалъ ему въ повиновеніи, и они готовы были стать на любую изъ двухъ сторонъ. Положительно достойно удивленія, съ какимъ знаніемъ людей, энергіей и, однако, если это казалось нужнымъ, съ какимъ спокойствіемъ и терпѣніемъ Бабуръ

умѣлъ непрестанно преодолевать такія затрудненія, и съ какимъ непреклоннымъ упорствомъ, съ какой отвагой, возобновлявшейся съ новой силой послѣ каждаго несчастія, онъ не переставалъ строить самыя гигантскіе планы, въ самыхъ повидимому угрожающихъ положеніяхъ. Онъ сознавалъ, что отъ Бухары и Самарканда ему приходится отказаться; поэтому онъ снова вернулся къ мысли, уже раньше часто занимавшей его, но до сихъ поръ отступавшей на задній планъ передъ привязанностью его къ отечеству: къ мысли о покореніи Индіи. Въ его тогдашнемъ положеніи подобное намѣреніе было приблизительно равносильно тому, если-бы прусскій король послѣ Іенской битвы захотѣлъ бы завоевать Россію, съ той разницей, конечно, что отдѣльныя государства въ тогдашней Азіи походили на большія или меньшія кучки изъ наноснаго песку, которыя сильный вѣтеръ могъ однимъ порывомъ или развѣять, или смѣшать вмѣстѣ— тотъ, кто думалъ о Тимурѣ, не могъ считать ничего невозможнымъ. Безъ сомнѣнія, для достиженія такой цѣли и требовалась вся неслыханная стойкость могучаго татарина. Но что на долю Бабура досталось ея больше, чѣмъ обычная наслѣдственная часть, онъ доказалъ уже истекшими двадцатью годами; не въ меньшей степени унаслѣдовалъ онъ отъ своего могучаго предка и то рѣдкое соединеніе смѣлости и осторожности, которое не оставляетъ ничего на произволъ случая, пока дѣло идетъ о постепенной подготовкѣ предпріятія, и однако устремляется съ быстрой рѣшимостью, когда наступаетъ моментъ дѣйствія. Итакъ, слѣдующіе четыре года (921—924=1515—1518) онъ посвятилъ неутомимымъ походамъ по всѣмъ направленіямъ, безъ которыхъ нельзя было внушить должнаго уваженія къ его власти горнымъ племенамъ около Кабула и Газны. Потомъ, въ 925 и 926 (1519, 1520) г. онъ сдѣлалъ набѣги на сѣверный Пенджабъ, пока только съ цѣлью порадовать свое войско добычей и осмотрѣться въ странѣ; когда же онъ достигъ этой цѣли, выяснилась необходимость для защиты его тыла присоединить также къ его владѣніямъ Кандахаръ съ окрестностью, бывший самостоятельнымъ со времени послѣднихъ лѣтъ султана Хусейнъ-и-Бейкары (стр. 355—6). Это совершилось не безъ разныхъ побочныхъ происшествій, до 928 (1522) г.; въ то-же время онъ справился съ задачей, по возможности, привести вездѣ въ порядокъ управленіе и установить всюду тотъ прочный строй, который избавилъ его отъ необходимости ежеминутно вмѣшиваться самому. Теперь были выполнены всѣ приготовленія, при которыхъ только и казалось возможнымъ отважиться на великое предпріятіе; счастье или судьба, милость которыхъ и теперь обуславливаетъ въ нашихъ глазахъ различіе между вдохновеніями генія и фантазіями мечтателя, устроили такъ, что участь дѣййскаго царства какъ

разъ въ это время пришла въ колебаніе, при которомъ вѣсь соломинки могъ оказать перевѣсъ.

Одновременныя возстанія въ Джонпурѣ и въ Пенджабѣ не были единственными трудностями, съ которыми пришлось бороться султану Ибрахиму Лодію. Одинъ изъ его дядей, Алимъ Ханъ, или Алá адъ-динъ, какъ онъ больше любилъ называть себя, по смерти Сикендера заявлялъ притязанія на тронъ Дели; такъ какъ поставить на своемъ онъ не могъ, то, по крайней мѣрѣ, старался, и не безъ успѣха, приобрести себѣ нѣсколько личныхъ приверженцевъ между предводителями афганцевъ, помощь которыхъ въ данный моментъ могла доставить ему владычество. Но ихъ не было достаточно, чтобы рискнуть уже въ этотъ моментъ (930=1524) самостоятельно вступить въ борьбу; поэтому Алá отправился къ Бабуру, надѣясь обезпечить себѣ его поддержку въ своихъ планахъ. Бабуръ разумѣется не медлил ни минуты воспользоваться такимъ прекраснымъ случаемъ: къ султану Ибрахиму и Даулету Лодію, войска которыхъ уже бились между собой въ Пенджабѣ, обѣщаль теперь явиться еще третій, Алá адъ-динъ, и Бабуръ могъ достаточно положиться на свою храбрость и дипломатическую ловкость, чтобы быть увѣреннымъ, что его вмѣшательство въ предстоявшія войны между приверженцами этихъ трехъ, должно оказаться рѣшающимъ. Повидимому, между нимъ и Алá адъ-диномъ дѣло предварительно дошло до уговора, который обѣщаль послѣднему достиженіе султанскаго достоинства, а Бабуру за его помощь—обладаніе Пенджаба; также болѣе чѣмъ вѣроятно, что Бабуръ въ число своихъ дипломатическихъ мѣръ включилъ тайное поощреніе къ новымъ нападеніямъ на Дели Рана Санки *) Читорскаго, того воинственнаго раджпутанскаго предводителя, который въ теченіе послѣднихъ лѣтъ сражался кромѣ Ибрахима еще съ княземъ Мальвы и почти удвоилъ свое могущество присоединеніемъ большей части этой провинціи къ своему родовому индійскому государству. Онъ и Бабуръ были единственными въ общей сумятицѣ, которые твердо знали, чего они хотятъ въ то время, какъ Ибрахимъ не былъ въ силахъ защищаться одновременно отъ враговъ, возставшихъ или грозившихъ ему со всѣхъ пунктовъ его границъ, Даулетъ Лодій колебался то туда, то сюда между Алá адъ-диномъ и Бабуромъ, а Алá адъ-динъ со своей стороны не могъ рѣшиться, отказаться-ли отъ помощи Бабура, или надолго подчиниться этому болѣе искусному политику. Случилось, какъ слѣдовало предполагать при такихъ обстоятельствахъ: Даулетъ Лодій, который, какъ непосредственный сосѣдь Бабура, раньше всѣхъ попалъ въ бѣду между нимъ и войсками султана Ибрахима, долженъ былъ послѣ нѣсколькихъ битвъ подчиниться

*) Рана есть титулъ наследственныхъ главъ раджпутанскаго союза.

пока первому, который еще въ 930 (1524) году двинулся на Лахоръ, а Алá адъ-динъ, выступившій въ 931 (1525) г. противъ своего племянника Ибрахима, во главѣ своихъ приверженцевъ и небольшого войска, ссуженнаго ему Бабуромъ, потерпѣлъ поражение, которое въ то же время отняло послѣднюю опору у недавно склонившагося на его сторону Даулета Лодія. Такимъ образомъ, всѣ три афганца достаточно ослабили другъ друга, когда Бабуръ, который въ это время былъ занятъ нападеніемъ узбековъ на Балхъ, снова вторгся въ Индію въ началѣ 932 (конецъ 1525) г., чтобы довести дѣло до конца.

При немъ было только 12.000 человекъ, и число людей, оставленныхъ имъ раньше въ Лахорѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ Пенджаба, конечно, не было больше этого, но сильная артиллерія, а главное единство и энергія управленія съ самаго начала давали этой арміи значительный перевѣсъ надъ гораздо большей силой афганцевъ, несогласныхъ между собой и уже черезъ это лишенныхъ своей прежней самоувѣренности. Тѣмъ не менѣе оставалось почти непримѣрной смѣлостью, отважиться внутрь большой страны съ населеніемъ по крайней мѣрѣ въ 15—20 милліоновъ, имѣя немного больше 20.000 человекъ. Ударъ могъ удасться только благодаря дипломатическому искусству и политическому самообладанію Бабура, которыя то здѣсь, то тамъ привлекали на его сторону какого-нибудь афганскаго предводителя, или умно рассчитаннымъ снисхожденіемъ къ побѣжденному противнику пріобрѣтали ему довѣріе послѣдняго; съ другой же стороны рѣшительность его наступленія и энергія поступковъ снискивали вездѣ почтеніе и уваженіе къ его имени. Въ началѣ 1526 (932) г. онъ принудилъ сдаться Даулета Лодія, который все еще не хотѣлъ безусловно присоединиться къ дѣлу завоевателя и былъ осажденъ въ своей главной крѣпости Милъватъ, которая занимала сильное положеніе къ сѣверу отъ Лахора, касаясь уже предгорій Гималаевъ. Теперь Пенджабъ былъ уже въ сущности покоренъ Бабуру, несмотря на то, что въ отдаленныхъ мѣстностяхъ и держались еще кое-гдѣ афганцы съ небольшими отрядами. Къ нему бѣжалъ теперь снова и Алá адъ-динъ, правда, не принося съ собой пока значительнаго подкрѣпленія, такъ какъ со времени поражения, нанесеннаго ему Ибрахимомъ, онъ лишился приверженности и помощи благоволившихъ къ нему прежде эмировъ: все-же нѣкоторые остатки его разсѣяннаго войска присоединились еще къ толпамъ Бабура. Они уже перешли Сетледжъ и непрерывно подвигались къ Дели. Большая равнина верхней Джумны, гдѣ до сихъ поръ рѣшались всѣ битвы за обладаніе Индустаномъ, отъ побѣды Махмуда при Танесварѣ до сраженія Надира Шаха при Карналѣ, также и на этотъ разъ была мѣстомъ рѣшительной битвы. Войска встрѣтились близъ Панипата, около десяти миль къ сѣверу

отъ Дели; армія афганца, какъ говорятъ *), состояла изъ 100.000 человекъ, тогда какъ въ войскахъ Бабура насчитывалось никакъ не больше 25.000—30.000 человекъ. Но Ибрахимъ, какъ судилъ о немъ самъ Бабуръ, былъ хотя лично храбрый, но опрометчивый молодой человекъ, военные таланты котораго совсѣмъ не были достаточны для того, чтобы дѣятельно руководить такими массами; между тѣмъ какъ на сторонѣ Бабура одинаково стояли и проницательность и военная опытность. Кромѣ того, большая часть афганскихъ войскъ немногимъ отличалась отъ тѣхъ, которыя раньше были побѣждены въ Пенджабѣ: климатъ и образъ жизни въ великой странѣ двухъ рѣкъ собственнаго Индостана искони въ короткое время разслабляли и изнѣживали самыя сильныя племена, разъ только они спускались внизъ со своихъ горъ. Нѣсколько стычекъ, въ которыхъ подъ конецъ афганцы какъ-бы одержали верхъ, придали Ибрахиму мужество отважиться 9-го Раджаба 932 (21 апрѣля 1526) г. на общее нападеніе. Бабуръ постарался сравнять численную разницу между сражающимися выборомъ позиціи, обдуманнымъ распредѣленіемъ своихъ силъ, устройствомъ окоповъ и укрѣпленій; поэтому, когда непріятельскія массы стремительно, но безъ должнаго порядка, бросились на приступъ, оказалось возможнымъ продлить битву, пока легкая монгольская кавалерія не напала на враговъ съ тылу и не принялась осыпать ихъ градомъ стрѣлъ, между тѣмъ какъ спереди дѣлали свое дѣло пушки Бабура. Сраженіе началось рано утромъ, къ полудню сила афганцевъ была сломана. Пятнадцать тысячъ остались на полѣ битвы, остальные бѣжали; но всего важнѣе было то, что самъ султанъ Ибрахимъ находился въ числѣ павшихъ. Тронъ Дели и Агры былъ свободенъ, и Бабуръ не имѣлъ намѣренія предоставить его другому. Уже 12 Раджаба 932 (24 апрѣля 1526) г. онъ вступилъ въ Дели, а въ слѣдующую пятницу, 15 (27), въ большой мечети въ первый разъ молились за новаго падишаха, за перваго могольского императора Индіи.

Въ представленіи Запада «Великій Моголь» стоитъ — или вѣрнѣе стоялъ, такъ какъ мало по малу онъ начинаетъ приходить въ забвеніе—вмѣстѣ съ «Великимъ Туркомъ» константинопольскимъ и ставшимъ уже отчасти мифическимъ «халифомъ Багдадскимъ», какъ третье лицо союза, являющагося воплощеніемъ сказочнаго восточнаго величія и пышности. Если добрый бюргеръ прошлаго столѣтія воображалъ себя съ внутренней дрожью Великаго Турка въ видѣ свирѣпо сверкавшаго глазами, очень гнѣвнаго и страшнаго изверга съ кривой

*) Самъ Бабуръ, повидимому, не хотѣлъ ручаться за эту цифру, такъ какъ онъ ясно замѣчаетъ, что такой высокой ее „полагали“ или „опредѣляли по слухамъ“. Я считаю ее очень преувеличенной: не надо забывать, что большая часть войска Ибрахима сражалась въ это-же время на востокъ съ мятежниками Джонпура.

саблей на боку, зеленым шелковым шнуркомъ въ карманѣ и тысячу прекрасныхъ и очень несчастныхъ христіанокъ-невольницъ въ гаремѣ, который стерегутъ негры съ оскаленными зубами, то Великій Моголь былъ ему симпатиченъ, какъ дородный пожилой господинъ, который сидитъ въ пріятномъ покоѣ на золотомъ тронѣ, ни въ чемъ себѣ не отказывая, и коротааетъ время, играя въ мячъ брилліантами, величиной съ куриное яйцо. «Ты сидишь точно Великій Моголь», приходилось слышать въ моей молодости, если за столомъ, или вообще расположишься болѣе величаво, чѣмъ это кажется подходящимъ къ важности такой маленькой особы; такъ образъ владыки Индіи представлялся, какъ выраженіе вѣнности съ большими претензіями при недостаточной внутренней силѣ и правѣ. Классическій примѣръ переходимости земного величія; потому что, хотя съ начала прошлаго столѣтія отъ Великаго Могола не осталось почти ничего, кромѣ пустого блеска, и скоро исчезла даже тѣнь прежняго могущества, то все-же въ продолженіе почти двухсотъ лѣтъ онъ былъ неограниченнымъ владыкой бѣльшей половины Индіи, то есть однимъ изъ могущественнѣйшихъ царей міра. Значить не было пустой хвастливостью, если Бабуръ и его потомки придавали цѣну тому, чтобы называться монголами, какъ потомки Тимура, а вслѣдствіе официальной генеалогіи послѣдняго, тоже и Чингизъ-Хана. Слово «моголь» есть, слѣдовательно, не что иное, какъ слегка измѣненное правописание имени извѣстнаго у насъ, какъ «монголь»; этимъ словомъ, соотвѣтственно обстоятельствамъ, скоро стали называть во всей Индіи всѣхъ тѣхъ, кто пришелъ изъ-за Инда съ «великимъ монголомъ», съ новымъ царемъ Бабуромъ и его родомъ, будь то монголы, или джагатайцы, или персы. Величіе вновь ожившаго рода грознаго завоевателя міра особенно выступило въ трехъ выдающихся личностяхъ: Бабуръ, который основалъ царство индійскихъ монголовъ, Акбаръ, которому оно обязано своимъ почти ровно столѣтнимъ процвѣтаніемъ, и Аурангъ-Зебъ, который подготовилъ его паденіе—смѣлый и счастливый полководецъ, великій правитель и коварный деспотъ, въ которомъ еще разъ проявились главныя черты характера его предка, Тимура.

Въ привычки Бабура не входило почитать на завоеванныхъ лаврахъ: къ тому-же и положеніе его совсѣмъ не позволяло этого. Онъ сумѣлъ воспользоваться междоусобными войнами афганцевъ, чтобы окончательно уничтожить безъ того уже распатанное ими султанство Лодія; но другой вопросъ былъ: окажется-ли онъ со своей горстью людей въ силахъ противостоятъ такимъ-же и сильнѣйшимъ бурямъ. Свойственное ему сдержанное благоразуміе, соединенное съ отважной рѣшимостью, и въ этомъ случаѣ обезпечило прочность его минутному успѣху. Вблизи дѣло казалось еще опаснѣе, хотя Агра, официальная столица афганистан-

скаго Индустана, скоро послѣ Дели увидѣла его въ своихъ стѣнахъ какъ побѣдителя. Остальные города, укрѣпленные и имѣвшіе въ своихъ стѣнахъ войска, приготовились къ сопротивленію; командовавшіе ими предводители сговорились между собой, выставили своимъ государемъ брата Ибрахима, Махмуда, и обмѣнялись посольствами съ раджпутомъ Рана Санкой, который со своей стороны, можетъ быть, вслѣдствіе ранѣ сдѣланнаго уговора съ Бабуromъ, потребовалъ для себя большую часть праваго берега Джумны. Но и теперь на счастье Бабура послужило то, что личная вражда, прихоти и зависть уже давно заглушили у афганцевъ всякое единодушіе. Войска, посланныя въ Джонпуръ еще Ибрахимомъ, одержали подъ начальствомъ шейха Баязида значительный перевѣсъ надъ тамошними мятежниками, но эти послѣдніе выбрали себѣ изъ племени Лохани новаго шаха, по имени Мухаммеда, который все еще повелѣвалъ всѣмъ Бихаромъ. Теперь между ними и Бабуromъ находился только Баязидъ; онъ счелъ невозможнымъ союзъ съ Мухаммедомъ—ему не оставалось значить ничего другого, какъ войти въ соглашеніе съ Бабуromъ. Императоръ принялъ съ распростертыми объятіями его и его приверженцевъ, пожаловалъ имъ большіе лены въ Джонпурѣ и Бихарѣ, которые имъ стоило только отнять у бунтовщиковъ, и теперь тылъ его былъ въ безопасности. Если не совсѣмъ такъ, то очень похоже на это обстояло дѣло у предводителей запада; и здѣсь также Бабуръ сумѣлъ привлечь на свою сторону не одного противника умной смѣсью благосклонной учтивости и твердости. Одну минуту положеніе дѣйствительно ухудшилось, когда войска Мухаммеда Бихарскаго снова подступили къ Джонпуру; но вспомогательное войско подъ начальствомъ сына Бабура, Хумаюна, помогло единомышленникамъ императора съ Баязидомъ во главѣ снова отбросить ихъ къ Бенгаліи, и скоро послѣ начала 933 (1527 г.) всѣ войска Бабура были собраны вмѣстѣ въ Агрѣ. Самъ онъ въ это время также не оставался празднымъ, а трудился надъ покореніемъ отдѣльныхъ мелкихъ княжествъ и вооружался къ предстоящей трудной борьбѣ съ раджпутомъ Рана Санкой. Пока въ концѣ 932 (1526 г.) удалось еще взять съ помощью хитрости важный Гваліоръ; оба поссорившіеся союзника пересылались разными посольствами съ обоюдными упреками, причемъ каждый изъ нихъ обвинялъ другого, и, можетъ быть, оба съ основаніемъ, въ ненадежности и вѣроломствѣ—но какъ только Хумаюнь съ подчиненными ему войсками опять прибылъ въ столицу, Бабуръ тронулся въ походъ противъ Раны. Это было безъ сравненія опаснѣйшее предпріятіе изъ всѣхъ индійскихъ войнъ вмѣстѣ взятыхъ. Не говоря уже о самомъ старомъ раджпутскомъ государѣ, который почти удвоилъ объемъ своего государства въ безпрестанныхъ распряхъ съ мухаммеданскими царями

Дели и Мальвы и при этомъ получилъ восемьдесятъ ранъ, потерялъ одинъ глазъ и одну руку и сталъ хромымъ на одну ногу, благодаря пушечному ядру—не говоря о такомъ предводителѣ, 80.000 раджпутовъ, во главѣ которыхъ онъ стоялъ, представляли силу иного рода, чѣмъ уже сильно пришедшіе въ упадокъ афганцы или смиренные индусы страны двухъ рѣкъ. Надежды Бабура основывались, какъ всегда, на превосходствѣ военнаго искусства его и его помощниковъ, особенно на цѣлесобразномъ употребленіи его артиллеріи, которой раджпуты не могли противопоставить ничего подобнаго; между тѣмъ на этотъ разъ враги не поддались съ самаго начала на его старую тактику: окопаться со своими пушками на сильной позиціи, вблизи непріятельской арміи, и дать противнику разбить себѣ голову объ укрѣпленную такимъ образомъ переднюю линію. Рана оставилъ стоять его на мѣстѣ, а самъ съ частью своихъ войскъ, доходившихъ вмѣстѣ съ союзниками, какъ говорятъ, до 120.000 человекъ, принялся осаждать крѣпости, охранявшіяся для императора его афганскими друзьями, а съ остальными, которые все еще превышали численностью монголовъ, наблюдалъ за движеніями послѣднихъ. Если-же Бабуръ высылалъ нѣсколько тысячъ человекъ на нѣкоторое разстояніе, чтобы со своей стороны побезпокоить враговъ, то болѣе сильныя массы храбрыхъ раджпутскихъ наѣздниковъ прогоняли ихъ домой съ окровавленными головами—положеніе было непріятное и удержать его продолжительное время было невозможно. Бабуръ понялъ, что онъ долженъ взять быка за рога; но какъ сильно дѣйствовало на его духъ, закаленный теперь уже тридцатилѣтними войнами, сознаніе, что въ этой борьбѣ дѣло идетъ о томъ, быть или не быть,—должно было обнаружиться замѣчательнымъ образомъ незадолго до рѣшительнаго боя. Хотя Бабуръ никогда въ своей жизни не былъ прямо невоздержнымъ или порочнымъ, однако по примѣру своего джагатайскаго племени онъ никогда не придерживался особенно точно предписаній мусульманской религіи—онъ любилъ выпить стаканъ вина или арака, и часто проводилъ время со своей свитой за пирами, которые имѣютъ двойную прелесть въ походѣ между напряженными переходами и битвами. Теперь онъ почувствовалъ потребность возвыситься нравственно надъ самимъ собой; онъ далъ обѣтъ впредь больше не грѣшить противъ заповѣди Аллаха, велѣлъ разломать всѣ золотые и серебряные сосуды, которые онъ везъ съ собой, и куски раздать бѣднымъ, запасы вина съ помощью соли сдѣлать негодными для питья и потомъ вылить, и побуждалъ всѣхъ послѣдовать его примѣру. Потомъ онъ собралъ вокругъ себя всѣхъ бековъ и офицеровъ, вдохновилъ ихъ пылкими словами къ битвѣ съ невѣрными раджпутами, пробудивъ въ нихъ тотъ духъ воинственнаго фанатизма, который Мухаммедъ нѣкогда вызвалъ въ своихъ арабахъ,

и заставилъ ихъ поклясться вмѣстѣ съ нимъ надъ кораномъ, что они побѣдятъ или погибнуть съ мечемъ въ рукахъ. Если подумаемъ, какъ мало значенія придавали до тѣхъ поръ и онъ самъ, и его окружающіе своимъ религіознымъ вѣрованіямъ, по обычаю старыхъ монголовъ и татаръ, то можно изумиться внезапному дѣйствию такого воззванія: между тѣмъ, кто припомнитъ то своеобразное очарованіе, которое должна имѣть для воинственныхъ душъ простыхъ людей мысль, что они сражаются за самого Бога, разъ эта мысль охватываетъ ихъ со всѣмъ огнемъ рвенія корана, тотъ пойметъ, какимъ образомъ здѣсь звукъ древней исламской военной трубы, почти затихшей и позабытой въ большинствѣ войнъ послѣднихъ вѣковъ, веденныхъ большей частью мусульманами противъ мусульманъ, могла здѣсь еще разъ неудержимо увлечь всѣхъ за собою. Этотъ звукъ и теперь еще при случаѣ производитъ свое дѣйствіе. Со своимъ маленькимъ, но отважнымъ войскомъ, Бабуръ двигался теперь прямо на Рану, который со своей стороны былъ слишкомъ храбрымъ воиномъ, чтобы уклониться отъ предлагаемой битвы. Въ виду готоваго къ сраженію врага, близъ Канвы, около семи миль къ западу отъ Агры, Бабуръ съ удивительной быстротой вторично импровизировалъ окопы и насыпи для орудій, которые должны были замѣнить ему десятки тысячъ: и несмотря на почти неистощимое геройство нападавшихъ раджпутовъ, его мастерская тактика, подѣржанная превосходствомъ артиллеріи, одержала побѣду въ десятичасовой горячей борьбѣ, 13 Джумады II 933 (16 марта 1527). Нападенія храбрецовъ отбрасывались одно за другимъ, потомъ сами орудія были выдвинуты впередъ, и центръ врага поколебленъ общимъ нападеніемъ. Раджпуты не уставали постоянно снова бросаться подъ смертельный огонь, но къ вечеру даже ихъ силы истощились. Побѣда была полная: первая военная сила Индіи была на время совершенно сокрушена, и этимъ царскій тронъ Бабура упроченъ до конца его жизни.

Онъ былъ уже довольно близокъ, этотъ конецъ человѣка, который между всѣми завоевателями былъ самымъ великимъ, потому что съ самыми маленькими средствами онъ достигъ наиболѣе невѣроятнаго, не забывая однако, при всей своей энергіи и, гдѣ было необходимо, непреклонности, какъ какой-нибудь Тимуръ или Наполеонъ, всякую чело-вѣчность, когда заходило дѣло о его честолюбіи, и не презирая средства, которыми не тѣла поработаются, а привлекаются сердца—великодушіе къ побѣжденнымъ и мудрую предупредительность, не рассчитанную исключительно на обманъ противника. Безъ сомнѣнія, онъ все таки былъ азіатскимъ завоевателемъ—и онъ тоже при случаѣ не задумывался ни минуты перерѣзать гарнизонъ завоеваннаго города или награждать храбрость своихъ солдатъ, разрѣшая имъ разбой и грабежъ.

Но нигдѣ въ немъ нѣтъ грубой страсти къ разрушенію или холоднаго пренебреженія ко всеѣмъ болѣе мягкимъ чувствамъ; всегда видна цѣль: основать прочное государство, подданные котораго не только боялись-бы завоевателя, но и уважали-бы правителя. При этомъ, самопознаніе и вѣрное сужденіе о самомъ себѣ чловѣка, который не хочетъ обманывать красивыми словами на счетъ своихъ ошибокъ и слабостей ни потомство, ни тѣмъ болѣе самого себя. Однимъ словомъ, взявъ все вмѣстѣ, это былъ чловѣкъ -- хотя-бы онъ скрывался въ чуждой одеждѣ джагатайца и Тимурида. Пусть не все еще затрудненія были устранены побѣдой при Канвѣ: Рана Санка, «неуничтожимый», могъ до смерти своей, послѣдовавшей въ 934 (1528) г., постоянно дѣлать новыя попытки къ сопротивленію; ненадежные афганцы въ Джонпурѣ могли въ томъ-же году неожиданно соединиться со своими бывшими противниками, чтобы поставить преграду слишкомъ опасно возросшей силѣ Бабура, а въ слѣдующемъ (935=1529), послѣ смерти Мухаммеда Лоханія, призвать на востокъ Махмуда Лодія для вступленія во власть; бенгальскій султанъ могъ вскорѣ послѣ того присоединиться къ врагу, когда война дошла до его границъ—все равно: сила Раны была сокрушена, всегда несогласные между собою афганцы не одержали больше никакихъ дѣйствительныхъ успѣховъ и даже бенгалець былъ радъ послѣ понесеннаго пораженія заключить сносный для обѣихъ сторонъ миръ съ Бабуромъ, побѣждавшимъ всякое сопротивленіе. Но было какъ разъ время, чтобы и этотъ успѣхъ могъ увѣнчать великія дѣла нашего героя. Въ срединѣ 937 (конецъ 1530) г. ему не было еще пятидесяти лѣтъ; но почти сорокъ изъ нихъ онъ провелъ въ безчисленныхъ походахъ между Яксартомъ, Индомъ и Гангомъ, и если тѣ, кто стоялъ близко къ нему, не имѣли въ это время много покоя,—самъ онъ ужъ совсѣмъ не зналъ отдыха. Здоровье его начало слабѣть; не упоминая о томъ, какой недугъ изнурялъ его, сообщается о быстромъ ухудшеніи болѣзни, которая и похитила его 5 Джумады I 937 (25 декабря 1530). Несмотря однако на то, что его ранній конецъ и неспособность преемника опять подвергли сомнѣнію владычество Тимуридовъ въ Индіи, даже на пятнадцать лѣтъ передали императорскій скипетръ еще разъ въ руки афганцевъ,—если въ концѣ концовъ, при возвращеніи прежнихъ безпорядковъ, Тимуриды могли во второй разъ овладѣть этимъ скипетромъ, и теперь уже на цѣлые вѣка, этимъ они прежде всего были обязаны все-таки воспоминанію народа о сильномъ правленіи и чловѣчности Бабура.

Сынъ императора, Хумаюнъ, (937—947=1530—1540), котораго онъ самъ на своемъ смертномъ одрѣ назначилъ преемникомъ, показалъ себя подъ начальствомъ своего отца способнымъ къ исполненію данныхъ ему военныхъ порученій; но ему совершенно не хватало

самостоятельнаго ума, который былъ необходимъ государю при такихъ трудныхъ обстоятельствахъ. Лично храбрый, не безъ дарованій, онъ не обладалъ ни знаніемъ людей, ни разумѣніемъ условій столь оспариваемаго владычества, ни достаточнымъ рвеніемъ, чтобы совершить чтонибудь какъ политикъ. Непостоянный и предавнный удовольствіямъ, онъ жилъ изо дня въ день, курилъ опиумъ и довольствовался полумѣрами, когда требовалось дѣйствовать основательно и рѣшительно. Если принять во вниманіе, что въ продолженіе слишкомъ 75 лѣтъ афганцы распоряжались какъ хотѣли во всемъ государствѣ, и что, за исключеніемъ мало по малу рѣдѣвшей толпы ветерановъ Бабура, прежніе вельможи царства и теперь занимали руководящія должности, то не удивительно, что съ начала царствованія такого вялаго государя среди афганской аристократіи начали думать о сверженіи монгольскаго ига. Въ первомъ ряду между этими вельможами стоялъ Феридъ, сынъ Хасана, владѣтель значительнаго лена въ Бихарѣ, которому лоханійскій султанъ Мухаммедъ пожаловалъ за храбрость почетное званіе Ширъ-Хана («левъ-ханъ»). Онъ хвастался своимъ происхожденіемъ отъ древняго царскаго рода афганскихъ Сури, который даровалъ его родинѣ грозный царственный домъ Гуридовъ; во всякомъ случаѣ это былъ необыкновенный человекъ, на котораго не имѣло никакого дѣйствія разслабляющее вліяніе индійскаго климата, вообще слишкомъ замѣтное на остальныхъ его соотечественникахъ. Онъ сумѣлъ ловко держать себя въ войнахъ между Лодіемъ и Бабуромъ, и даже расширить свое уже значительное вліяніе въ Бихарѣ; посѣщеніе двора великаго монгола открыло ему многое относительно силы и слабостей новаго владыки. Хумаюнъ былъ совершеннымъ ребенкомъ сравнительно съ человекомъ, который, какъ онъ, зналъ страну и людей, могъ рассчитывать на большую личную партію и умѣлъ обдуманно воспользоваться завистью афганцевъ къ новому завоевателю. Удовлетворенный знаками внѣшней покорности, онъ предоставлялъ Фериду совершенно свободно дѣйствовать до тѣхъ поръ, пока въ 945 (1538) г. не увидѣлъ его распоряжающимся всей восточной частью своего царства, устраняющимъ давно погибшее правительство Бенгаліи и, послѣ запоздалыхъ попытокъ принудить его къ повиновенію, появляющимся во главѣ сомкнутаго афганскаго войска въ округѣ столицы Агры. При Кандождѣ на Гангѣ, едва въ двадцати миляхъ отъ столицы, слабый сынъ Бабура проигралъ рѣшительное сраженіе и императорскій тронъ (947=1540) смѣлому мятежнику—или, если угодно, возстановителю власти на основаніи историческаго права. Хумаюнъ долженъ былъ бѣжать въ Кабуль, откуда нѣкогда вышелъ его великій отецъ; въ несчастіи онъ, конечно, еще меньше умѣлъ что-нибудь сдѣлать, чѣмъ въ счастіи: ссорился изъ за Кабула и Кандахара со своими ближайшими род-

ственниками, съ которыми не былъ въ силахъ справиться, долженъ былъ провести продолжительное время въ Персіи въ качествѣ гостя Шаха Тахмаса, гдѣ съ нимъ обходились, едва соблюдая приличія—короче у него было несчастій больше, чѣмъ сколько онъ могъ побороть. Тѣмъ временемъ Ширъ Шахъ (947—952=1540—1545), какъ онъ называлъ себя со времени битвы при Каноджѣ, сильной рукой водворилъ въ Индустанѣ и Пенджабѣ не только афганское владычество, но также порядокъ и управленіе; еслибы за двадцать лѣтъ до того тронъ Агры занималъ такой человѣкъ, какъ онъ, вмѣсто слишкомъ неблагоразумнаго Ибрахима Лодія, то и самъ Бабуръ никогда не овладѣлъ-бы Индостаномъ. Но судьба преслѣдовала афганцевъ; стараясь прочно обезпечить свое царство дальше къ югу, Шахъ былъ смертельно раненъ взрывомъ пороха при осадѣ крѣпости Калинджаръ (около 10 миль къ западу отъ Аллахабада), находившейся еще подъ начальствомъ своего собственного раджи, и скончался въ тотъ-же день. Можно сказать, что съ его смертью судьба его дома была рѣшена. Его сынъ Исламъ Шахъ (952—960=1545—1553) добился трона не безъ противодѣйствія одного изъ старшихъ братьевъ; это былъ энергичный воинъ и человѣкъ далеко не безъ способностей, но онъ впалъ въ ошибку Ибрахима Лодія, слишкомъ легко возмозную при необузданности афганскаго дворянства,—онъ раздражилъ эмировъ рѣзкимъ обращеніемъ—и это, конечно, имѣло послѣдствіемъ снова возстанія, которыя повергли въ новое смятеніе только что успокоенную Ширъ-Шахомъ страну. Ранняя смерть Исламъ Шаха довершила несчастіе. Его малолѣтній сынъ былъ убитъ самымъ жестокимъ образомъ своимъ дядей, и скоро между этимъ послѣднимъ и другими родственниками была опять въ полномъ разгарѣ междоусобная война. Не столько вялый Хумаюнъ, какъ его способный полководецъ Бейрамъ-Ханъ, сумѣлъ съ энергіей и искусствомъ воспользоваться раздробленіемъ афганскихъ силъ и всеобщимъ настроеніемъ народа, жаждавшаго возвращенія порядка, для возстановленія монгольскаго владычества: при Сирхиндѣ *) афганцы потерпѣли въ 962 (1555) г. пораженіе отъ монголо-имперскихъ войскъ, пришедшихъ черезъ Пенджабъ почти безъ сопротивленія, пораженіе, которое при тогдашнемъ положеніи дѣлъ было рѣшающимъ. Черезъ нѣсколько недѣль, Хумаюнъ опять вступилъ въ столицу, покинутую пятнадцать лѣтъ назадъ, населеніе которой, помня великаго Бабура, встрѣтило его съ ликованіемъ

Не было несчастіемъ, что нѣсколько мѣсяцевъ спустя этотъ добрый

---

*) Это мѣсто существуетъ до сихъ поръ: оно лежитъ въ нѣсколькихъ миляхъ къ югу отъ Сетледжа по желѣзной дорогѣ изъ Лахора въ Дели.

государь причинилъ себѣ смертельныя поврежденія паденіемъ съ мраморной лѣстницы своего дворца (963=1556). Чтобы изъ монгольскаго государства въ Индіи что-нибудь вышло, оно должно было попасть въ другія руки; и хотя наслѣднику и сыну Хумаюна, Акбару (963—1014=1556—1605), было всего тринадцать лѣтъ, счастье Индіи захотѣло, чтобы среди интригъ восточнаго двора, которыя не разъ даже угрожали опасностью молодому государю, здѣсь созрѣлъ характеръ, который въ исторіи человѣчества остается достопамятнымъ, а въ исторіи Ислама—единственнымъ. Конечно, трудно рѣшить, имѣемъ-ли мы право считать этого величайшаго изъ могольскихъ императоровъ мусульманиномъ. Но исторія Ислама не должна упустить его: такъ какъ онъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ рѣдкихъ людей какъ Абу-ль-Ала и Омаръ Хайямъ, единственный выросшій въ мухаммеданскихъ вѣрованіяхъ государь, стремленіемъ котораго было облагородить ограниченность этой чуть не самой исключительной изъ всѣхъ религій и возвести ее до истинной человѣчности. Конечно, здѣсь не могло быть удачи; но задача была велика, какъ великъ былъ и тотъ, кто взялся за нее.

Начиная говорить объ Акбарѣ, я оставляю внѣшнюю исторію мухаммеданской Индіи до своевременнаго указанія на ея дальнѣйшій ходъ, для котораго еще будетъ мѣсто позже. Что этотъ государь, царствованіе котораго еще теперь представляется сѣверному индусу золотымъ вѣкомъ его отечества, сильно установилъ свою власть на протяженіи всего Индустана, что онъ опять присоединилъ къ общему государству Бенгалію, остававшуюся еще нѣкоторое время въ рукахъ афганцевъ, потомъ Мальву, Хандешъ, Читоръ и Гуджератъ—обо всемъ этомъ можно упомянуть здѣсь вообще, не входя въ подробности; мы должны обратить наше вниманіе не на эти внѣшніе успѣхи, которые постепенно начинаютъ соприкасаться съ умножавшимися европейскими поселеніями въ Индіи. То, чтѣ было у его дѣда Бабуръ слѣдствіемъ военнаго и дипломатическаго искусства, у Акбара является слѣдствіемъ широкаго взгляда великаго политика и государственнаго человѣка, принимающаго свои мѣры не ради минутныхъ тактическихъ соображеній, а для дѣйствительно идеальныхъ цѣлей. Можно пожалѣть, что жизнеописаніе Акбара (если память меня не обманываетъ), не попало въ руки Лессингу. Это былъ бы какъ разъ подходящий человѣкъ для него: потомокъ такого чудовища, какъ Тимуръ, которому, навѣрно, никогда не приходило въ голову понятіе «человѣкъ», возмѣлъ мысль, невѣроятную для восточнаго человѣка и неясную даже для многихъ западно-европейцевъ, мысль править Индіей не для своей собственной особы, или для ислама, но для блага индусовъ.

Монголы и имъ подобные никогда не были хорошими мусульманами. Въ настоящее время они буддисты, и это очень хорошо, потому что мечтательная религія на время успокоила прежнихъ опустошителей міра. Раньше они придерживались официально той вѣры, которая обѣщала имъ больше пользы въ политическомъ отношеніи, а въ сущности оставались тѣми же практичными язычниками, какими были въ древности, если только не чувствовали, какъ Бабуръ, потребности въ чемъ-нибудь болѣе положительномъ, когда надлежало рѣшиться на что-либо необыкновенное. Это слѣдуетъ принять въ соображеніе, чтобы не возвести Акбара на слишкомъ искусственную высоту; но даже и въ такомъ случаѣ остается достаточно для нашего удивленія, если сравнить его со всѣми остальными правителями Востока. Этотъ падишахъ былъ первый и единственный, который захотѣлъ вмѣсто побѣдителей и побѣжденныхъ создать равноправныхъ гражданъ одного и того-же отечества; и насколько возможно было до 18 столѣтія, онъ предугадалъ также понятіе о религіозности, основанной единственно на личной отвѣтственности человѣка, которое мы привыкли обозначать словами «свобода совѣсти». Несмотря на все наше просвѣщеніе, мы, какъ извѣстно, до сихъ поръ еще не нашли вполне подходящаго опредѣленія этого понятія. Д-ръ Мартинъ Лютеръ, который трудился надъ этимъ уже нѣсколько раньше, чѣмъ монгольскій царь, тоже не справился съ задачей. Поэтому нужно извинить Акбара, если онъ, какъ коронованный диллетантъ, въ концѣ концовъ дошелъ только до того-же приблизительно, какъ императоръ Іосифъ II, именно до такого идеала всечеловѣчества, который долженъ былъ остаться невыполненнымъ, потому что для людей изъ плоти и крови, для которыхъ онъ предназначался, въ немъ не хватало наглядности и очевидности. Безъ нихъ-же нельзя дѣйствовать на массы. Можно ихъ заставить вѣрить въ самыя грубыя чудеса, какъ напр. знаменитое небесное путешествіе пророка, но только не въ отвлеченные идеалы. Таковъ врожденный характеръ человѣка; но если отвлеченные идеалы,—я, конечно, не говорю здѣсь объ индивидуальныхъ религіозныхъ убѣжденіяхъ—самое высшее, до чего можетъ вознестись человѣкъ, выросшій въ узахъ ограниченаго догматизма, то и царь Акбаръ заслуживаетъ быть поставленнымъ въ ряды государей, преслѣдовавшихъ самыя высокія стремленія. Конечно, сообразно всему своему положенію, онъ долженъ былъ при этомъ впасть въ одну большую ошибку. Въ наше столѣтіе конституціонализмъ и вѣѣ Англій достигъ большого процвѣтанія, ко благу-ли міра—еще неизвѣстно; Востокъ до сихъ поръ не постигъ его, и въ 16 вѣкѣ тамъ, конечно, нельзя искать такихъ тонкостей. Либерализмъ же абсолютныхъ правительствъ состоитъ не въ томъ, чтобы предоставлять людямъ вѣрить, во что они хотятъ, но чтобы навязы-

вать имъ либеральныя воззрѣнія, подобно тому, какъ окованныя догматами правительства, конечно, чаще встрѣчающіяся на практикѣ, стараются держать подданныхъ въ цѣпяхъ догматическихъ заблужденій. Такъ и усилія Акбара, послѣ того, какъ онъ покончилъ съ положительными религіями, направились къ тому, чтобы ввести въ своемъ государствѣ религію не положительную, не — Богооткровенную, т. е. такую, которая совсѣмъ не была религіей.

Не говоря о какихъ-либо личныхъ взглядахъ, не слѣдуетъ слишкомъ поспѣшно произносить приговора надъ религіозными выводами Акбара. Онъ былъ искренній искатель истины; отъ него далеко всякое подозрѣніе, чтобы онъ хотѣлъ пользоваться религіозными мотивами для политическихъ цѣлей. Когда его не удовлетворили мусульманскіе улемы, онъ обратился къ индійскимъ брахманамъ, наконецъ, выпросилъ себѣ у португальцевъ изъ Гоа іезуитскихъ патеровъ — и мы знаемъ, еслибъ даже это не разумѣлось само собою, что ему прислали не самыхъ неискреннихъ; все это онъ дѣлалъ для того, чтобы разрѣшить великую тайну. Тотъ изъ насъ, кто основательно изучилъ эти различныя вѣроученія, съ прибавленіемъ, пожалуй, еще ученій различныхъ протестантскихъ сектъ, тотъ, — если предположить, что никакая опредѣленная склонность души не влечетъ его ни къ одному изъ различныхъ вѣрованій, — вѣроятно, пришелъ-бы къ заключенію, что нужно позволить каждому глазу воспринимать дѣйствіе тѣхъ лучей вѣчной правды, которые онъ въ состояніи различать. Восточный государь 16-го столѣтія изъ несогласимости ученій, изъ которыхъ ни одно не сумѣло убѣдить его *), вывелъ то слѣдствіе, что всѣ они ничего не стоятъ, и что его обязанность — найти новое, которое удовлетворило-бы всѣмъ требованіямъ. Этимъ безъ сомнѣнія ошибочнымъ воззрѣніемъ онъ все же опередилъ тѣхъ изъ своихъ западныхъ коллегъ, которые представляли другимъ людямъ диктовать себѣ догматику, а потомъ поступали по принципу *cuius regio eius religio* *). Разумѣется, мы исключимъ Генриха VIII англійскаго, но и его догматика отстала отъ Акбаровой, такъ какъ этотъ послѣдній подъ конецъ сдѣлался настолько не-мухаммеданиномъ, что запретилъ послѣдователямъ своей новой вѣры многоженство: тѣмъ же, которые предпочли свою старую религію, онъ, кромѣ того, никогда не отравлялъ существованія, пока они молчали.

Акбаръ, конечно, не былъ по нашимъ понятіямъ ученымъ филосо-

*) Іезуитъ du Jarric „горько жалуется на его упрямство и сообщаетъ, что неутомимый разсудокъ этого человѣка никогда не удовлетворялся однимъ отвѣтомъ, но постоянно спрашивалъ дальше“. Плохо, очень плохо; — онъ пожалуй не удовлетворился бы даже семью мировыми загадками новѣйшаго естествознанія. См. Graf F. A. v. Noer, Kaiser Akbar, I, Leiden 1880, стр. 485.

***) Кого царство, того въ царствѣ и вѣра.

фомъ: его новая религія, «д и н-и-и л а х и» (божественная религія), была скорѣе отрицаніемъ мусульманскихъ догматовъ съ пантеистической окраской, чѣмъ самостоятельной, логически составленной системой. Формулой ея подъ вліяніемъ льстецовъ стало, въ концѣ концовъ, «А л л а х ъ а к б а р ъ», что представляло первоначально военный кликъ мухаммеданъ, прежній ясный смыслъ котораго «Аллахъ (есть) высочайшій» теперь допускалъ толкованіе для правовѣрныхъ, конечно, богохульственное: «Аллахъ (есть) Акбаръ»; это можно было понимать, смотря по надобности государя или слишкомъ ревностныхъ приближенныхъ, въ общепринятомъ или особомъ смыслѣ. Вѣдное мухаммеданское духовенство было въ отчаяніи; официально они должны были въ концѣ концовъ (987—1579) уступить свою власть царю послѣ высылки наиболѣе твердыхъ характеромъ улемовъ «на паломничество въ Мекку», путешествіе, для совершенія котораго изъ Индіи требовалось нѣсколько лѣтъ; какъ при этомъ чувствовали себя эти люди, легко можно себя представить. Между тѣмъ, несмотря на все то полусмѣшное, полупечальное впечатлѣніе, которое производитъ на насъ основаніе этой «божественной религіи», странной, а по своимъ первымъ побудительнымъ поводамъ однако столь достойной уваженія, Акбару принадлежитъ, во всякомъ случаѣ, одна великая заслуга: его религія прерываетъ исключительное господство мухаммеданства и, доставляя официальное значеніе едва прикрытымъ индійскимъ религіознымъ мыслямъ, даже индійскимъ религіознымъ обычаямъ, она имѣетъ въ виду расчистить дорогу равноправности мусульманъ и индусовъ, равноправности совершенно не мухаммеданской, но истинно человѣчной. Здѣсь религіозныя идеи императора совпадали съ политическими. Такой умный человѣкъ не былъ въ состояніи думать, чтобы столь небольшое меньшинство, какъ господствующіе мухаммедане, могли на продолжительное время удержать верхъ надъ подавляющимъ ихъ большинствомъ индусовъ. Такимъ образомъ онъ сдѣлалъ все, чтобы разрѣшить невозможную задачу примиренія между двумя классами людей, изъ которыхъ одинъ употреблялъ въ пищу свиней, но не коровъ, а другой коровъ, но не свиней. Самымъ искуснымъ образомъ довелъ онъ до того, что ему дана была въ супружество дочь одного изъ раджпутскихъ князей—которая бракомъ съ иновѣрцемъ исключалась изъ своей касты,—а cadaго раджпутскаго предводителя, который соглашался служить въ его войскѣ, онъ осыпалъ всевозможными почестями и наградами. Это удалось въ концѣ концовъ лучше, чѣмъ можно было ожидать: значеніе личности Акбара и хорошо понятая собственная выгода мало по малу сблизили между собой мусульманъ и индусовъ; какъ раджпутскіе всадники, такъ и турецкіе пушкари научились чувствовать себя прежде всего войсками великаго императора; со временемъ установилась между ними если

не соглашеніе, то взаимная терпимость. Къ этому присоединилось отличное управленіе, которое при Акбарѣ было учреждено и строго поддерживалось въ провинціяхъ, опять-таки съ устраненіемъ гнетущихъ привилегій мусульманъ. Мухаммеданскіе, а также новѣйшіе писатели хотяъ приписать эту заслугу еще Ширъ Шаху, особенно устройство хорошей полиціи, справедливаго распределенія податей, правильнаго почтоваго сообщенія, и т. д.; но противъ этого съ правомъ возражаютъ, что короткое время правленія храбраго афганца, особенно если принять въ соображеніе постоянныя войны, въ которыхъ онъ былъ замѣшанъ, могло, конечно, быть достаточнымъ для возстановленія извѣстнаго порядка, но едва ли для проведенія основательныхъ административныхъ преобразованій.

Какъ правитель, Акбаръ не удержался отъ обычныхъ насилій восточныхъ государей: въ частной же жизни, какъ и во всѣхъ вещахъ, сколько-нибудь касавшихся его личныхъ интересовъ, онъ отличался достойной высочайшаго уваженія добросовѣстностью. Трогательно прослѣдить, какъ съ каждымъ болѣе смѣлымъ шагомъ, который онъ дѣлаетъ за предѣлы мухаммеданскаго катехизиса, увеличивается его строгость къ самому себѣ, его потребность къ простому, даже монашескому образу жизни, какъ веселые часы въ кругу одушевленныхъ друзей должны все больше и больше уступать передъ днями поста и временами непрерывнаго серьезнаго созерцанія. Такимъ образомъ онъ, не будучи совершенно свободенъ отъ слабостей своего времени и своей родины, является все-таки достойнымъ удивленія, какъ человекъ, несравнимымъ, какъ правитель. Дальше его правила — не принуждать индусовъ и мухаммеданъ непосредственно къ отреченію отъ вѣры, но привлекать ихъ къ новой религіи, по его убѣжденію предпочтительной обимъ ихъ вѣрованіямъ, только дружески или посредствомъ невольнаго очарованія цѣлесообразнымъ добродушіемъ государственной церкви, — дальше этого правила не дошли до настоящаго времени и англичане въ Индіи; и въ ожиданіи того, что рѣшитъ высшая сила о будущемъ и этого народа, нужно, я думаю, сказать, что эта политика 16 столѣтія и теперь еще можетъ одна только быть благотворной. Во всякомъ случаѣ, ея послѣдствія еще долго потомъ дѣйствовали сильно смягчающимъ образомъ на разнь между мусульманами и необращенными индусами, хотя потомки Акбара не много дѣлали для того, чтобы продолжать царствовать въ духѣ великаго императора. Оба слѣдующіе императора, Д ж е х а н ъ Г и р ъ («Завоеватель міра», 1014—1037=1605—1627) и Ш а х ъ Д ж е х а н ъ («Царь міра», 1037—1068=1628—1658), были «великими моголами» въ обыкновенномъ смыслѣ слова, однако съ отвратительнымъ дополненіемъ восточной похотливости и жестокости; уже при перемѣнахъ царствованій, которыя

привели ихъ къ правленію, не было недостатка въ кровавыхъ сечахъ, и уже, когда умеръ Джаханъ Гиръ, ясно было видно, какъ снова ожила старая вражда между раджпутами и мусульманами. Нуръ-и-Махаллъ «Свѣтъ гарема», любимая жена Джахана-Гира, которая является въ такомъ привлекательномъ свѣтѣ, какъ героиня прелестной поэмы Мура «Лалла Рукъ», на самомъ дѣлѣ была чрезвычайно злая и притомъ необразованная интригантка—сообразно этому можно представить себѣ и всю обстановку приблизительно въ настоящемъ видѣ. Шахъ Джаханъ имѣетъ по крайней мѣрѣ одну заслугу: онъ возводилъ постройки такъ же усердно, какъ до него Акбаръ, и если въ менѣе выдержанномъ стилѣ, то однако съ несравненной граціей; гробница любимой жены, которая была воздвигнута по его приказанію въ Агрѣ, Таджъ-и-Махаллъ («Вѣнецъ гарема»), осталась хотя не самымъ прекраснымъ, но во всякомъ случаѣ самымъ граціознымъ зданіемъ во всей Индіи. Только съ Ауренгъ-Зебомъ («Краса трона») (1068—1118=1658—1707), вступилъ на тронъ снова человекъ съ характеромъ, но долгое царствованіе его, къ сожалѣнію, было очень злоподучно. Онъ началъ его сверженіемъ съ престола своего отца и убійствомъ двухъ братьевъ, тоже можетъ быть не лучшихъ, чѣмъ онъ самъ, которые стояли ему на дорогѣ: а продолжалъ его въ духѣ узкаго фанатизма, который устранялъ даже послѣдніе слѣды благотворной терпимости Акбара, какъ отвратительную ересь. Этотъ человекъ имѣлъ неприятное сходство съ Людовикомъ XI, только переланннымъ на мухаммеданскій ладъ, то есть онъ былъ не болѣе благочестивъ, гнусенъ или жестокъ, но благодаря своему благочестію болѣе ограниченъ въ пониманіи настоящихъ интересовъ своего дома. Возможно, что онъ вѣрилъ въ способность своихъ мусульманскихъ подданныхъ проявить всеокрушающій фанатизмъ противъ индусовъ южной Индіи и противъ европейцевъ, все болѣе и болѣе пытавшихся проникнуть въ Индію. Расчетъ былъ, во всякомъ случаѣ, невѣренъ. Одного дѣйствительно еще успѣлъ достигнуть страшный деспотъ: ополченіемъ всѣхъ силъ своего большого государства, съ помощью измѣны и хитрости, онъ на время покорилъ своему скипетру исламскія княжества Декана и распространилъ далеко въ глубь языческой южной Индіи ужасъ мусульманской войны за вѣру; но съ англійскимъ гарнизономъ Мадраса онъ заключилъ уговоръ, уже самая возможность существованія котораго была самой суровой критикой всѣхъ дѣйствій этого рыцаря вѣры. Съ другой стороны онъ, который преслѣдовалъ все индійское, не могъ справиться съ раджпутами и со становившимися все сильнѣе въ пограничныхъ горахъ Бомбея и Сурата махараатами, которые не разъ кроваво мстили ему за преслѣдованіе индійскихъ обычаевъ. Въ это время, какъ къ концу своего царствованія онъ

даже грубымъ обманомъ не могъ поддерживать вѣры въ успѣхъ распространенія ислама въ южно-индійскихъ областяхъ, или въ торжественно возвѣщенные побѣды надъ вновь пробудившимися волненіями на западѣ, его сыновья приготовлялись послѣдовать имъ самимъ поданному примѣру: уничтожить другъ друга и силы государства въ братской войнѣ. Послѣ смерти Ауренгъ-Зеба, хотя ограниченнаго, но все-таки энергичнаго и послѣдовательнаго тирана, не нашлось больше никого, кто придавалъ бы значеніе имени Великаго Могола. Сикхи, махараты, афганцы, персы при Надирѣ Шахѣ могли безнаказанно разрушать пришедшее въ упадокъ внутри и все болѣе распадавшееся извнѣ государство — на самомъ дѣлѣ потомки завоевателя міра, Тимура, больше не играли руководящей роли въ исторіи Индіи уже задолго до того, какъ въ 1857 (1274 г.) англичане стерли послѣднюю тѣнь прежней имперіи.

Въ то время, какъ въ Индіи готовилась попытка навязать исламу вопреки его основнымъ началамъ идеи, слишкомъ возвышенныя для пророка и его духовнаго потомства, на противоположномъ концѣ міра религія Мухаммеда уже давно оказалась несостоятельной. Мы считаемъ своимъ долгомъ бросить взглядъ и на эту, хотя грустную, но въ сравненіи съ Востокомъ менѣе безотрадную, картину. Каковъ-бы ни былъ ея конецъ, эта перемѣнчивая и между тѣмъ полная прелести Исторія Ислама въ Испаніи не осталась безъ пользы ни для собственной страны, ни для цивилизаціи Европы.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

- Нуторга М. С.** Незданныя сочиненія. Т. II.
Гиро. Историческія чтенія. Частная и общественная жизнь грековъ. Перев. съ франц.
Ньюэлъ и Фредерикъ. Основы физиологіи человѣка. Перев. съ франц. подъ ред. и съ дополненіями проф. *Н. Е. Введенскаго* и проф. *И. Р. Тарханова*.
Штраусъ, Ф. Ульрихъ ф. Гуттенъ. Перев. съ нѣм.
Вагнеръ В А Вопросы зоопсихологіи.
Вотье. Мѣстное самоуправленіе въ Англии. Перев. съ франц. *В. В. Водовозова*.
Кистяковский А. Изслѣдованіе о смертной казни.
Кирпичниковъ А. И. Очерки по новой русской литературѣ.
В. Т. Нарѣжный.
Прюдомъ. Крашеніе и печатаніе. Перев. съ франц.
Ф. Шаккъ, А. Ф. Исторія норманновъ въ Сициліи. Перев. съ нѣм. *Н. М. Соколова*.
Нидерле. Люди въ доисторическую эпоху. Пер. съ чешскаго, подъ ред. проф. *Д. Н. Анучина*.
Додю. Исторія монархическихъ учрежденій латинно-іерусалимскаго королевства. Перев. съ франц.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

- Де Мендоза.** Лазарилло де Тормесъ. Перев. съ испанск.
Безгинъ, И. Г. Библиографія русск. книгъ XVIII вѣка гражданской печати.
Паскаль, Б. Письма о морали и политикѣ іезуитовъ (*Les Provinciales*).
Успенскій, Ф. И. Исторія Византійской имперіи. Этотъ трудъ предпринятъ въ сотрудничествѣ съ проф. В. Г. Васильевскимъ и другими лицами.
Белохъ. Исторія Греціи. Перев. съ нѣм.